

Виктор Тороп

ЯРОСЛАВ

МУДРЫЙ

Виктор Тороп

ЯРОСЛАВ

МУДРЫЙ

Быково
2012

УДК 94(47).026+929Ярослав Мудрый
ББК 63.3(2)411+63.3(2)4-8Ярослав Мудрый
Т61

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Тороп, В.

Т61 Ярослав Мудрый. — Быково : МОО «Императорское Русское
историческое общество», 2012. — 784 с.: ил.
ISBN 978-5-905450-08-2

Книга содержит обзор основных сведений о жизни великого князя св. Ярослава Мудрого. Хронология истории Киевской Руси эпохи, последовавшей за кончиной Владимира Святого, приведена с отдельными уточнениями. Книга основана на комплексе как русских, так и зарубежных источников и освещает внутренние события Киевской Руси и ее международные связи. Предназначена для любителей русской истории и истории православия.

УДК 94(47).026+929Ярослав Мудрый
ББК 63.3(2)411+63.3(2)4-8Ярослав Мудрый

© В. Тороп, 2012

© МОО «Императорское Русское
историческое общество», 2012

ISBN 978-5-905450-08-2

Оглавление

Часть I БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ

Глава 1. ИЗБИЕНИЕ БРАТЬЕВ	8
Выбор наследника	8
Гибель Бориса.....	14
Охота на Бурицлава.....	28
Гибель Gleба	38
Святослав Древлянский	44
 Глава 2. НОВГОРОДСКИЙ ПОХОД.....	 47
Восстание	47
Новгородская рать	58
Битва под Любечем.....	62
Боярский заговор	70
Плата за победу	77
 Глава 3. НАШЕСТВИЕ	 86
Польская интрига.....	86
Битва на Буге	96
Марш на восток	109
Овладение столицей.....	113
Возвращение поляков	126
 Глава 4. ВТОРОЕ ПРАВЛЕНИЕ СВЯТОПОЛКА	 135
Штурм Киева.....	135
Собирание кун.....	145
Битва на Альте	159
Кончина изгоя	166
Бегство на чужбину	176

Глава 5. РАЗДЕЛЕНИЕ РУСИ.....	215
Женитьба на Ингигерд.....	215
Война с Брячиславом.....	222
Война с Мстиславом.....	239
Троевластие.....	265
Набеги на Византию.....	275

Часть II

ПРАВЛЕНИЕ ЯРОСЛАВА

Глава 1. БИТВЫ У ЖЕЛЕЗНЫХ ВОРОТ.....	282
Защитники Дербента.....	282
Плавание в неведомые дали.....	298
Преградненский крест.....	303
Глеб Володьевич.....	309
Маринка-отравительница.....	312

Глава 2. ПОЛЬСКАЯ СМУТА.....	332
Поход на Польшу.....	332
Изгнание Рикизы.....	340
Восстановление королевства.....	351
Восстание поляков.....	356
Война с Моиславом.....	369

Глава 3. ЕДИНОВЛАСТИЕ.....	383
Кончина Мстислава.....	383
Сын Адили.....	389
Заключение Судислава.....	393
Брячислав.....	400
Змиево знамение.....	411

Глава 4. КИЕВСКАЯ МИТРОПОЛИЯ.....	432
Митрополит Феопемпт.....	432
Иларион.....	443

Многоликий странник	469
Перенесение мощей	475
София Новгородская	504
 Глава 5. ПОХОД НА ЦАРЬГРАД	521
Летописные сказания	521
Причина похода	525
Требование дани.....	549
Буря.....	569
Морской поединок	586
 Глава 6. ШАПКА МОНОМАХА.....	610
Примирение с греками	610
Кончина Зои	623
Царевна Мария	631
Возведение на престол	650
Дары Мономаха	666
 Глава 7. РУССКИЙ СОЛОМОН.....	704
Кончина.....	704
Возраст	712
Мать	717
Воин	726
Мудрец.....	732
 ХРОНОЛОГИЯ ЭПОХИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО	745

Часть I

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ

Глава 1

ИЗБИЕНИЕ БРАТЬЕВ

Выбор наследника

Кончине Владимира Святого предшествовали драматические события. Его сын Ярослав проявил непокорство, отказавшись отправлять в Киев причитающиеся с его княжества выплаты:

«В лето 6522. Ярославу суиу в Новегороде, и уроком дающе к Киеву 2000 гривен от года до года, а 1000 гривен в Новегороде раздавахти людем, и тако давахуть вси посадници новгородстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцю своему. И рече Володимир: "Теребите пути и мосты мостите". Хотяше бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболевся.

В лето 6523. Хотяиу Володимиру ити на Ярослава. Ярослав же посла за море и приведе варягы, бояся отца своего. Но Бог не даст дьяволу радости. Володимиру бо разболевшиюся, и се же время бяше у него Борис, и печенегом идуцим на Русь, и посла противу им Бориса, сам боляше велми, и неуже болести и скончася месяца июля 15 день». (13, 58)

Приказ чинить дороги и мосты означал подготовку к летнему походу. Подати на Руси собирались во время зимнего полюдя, продолжавшегося с ноября по апрель. (7, 51) В статьях 6522 и 6523 годов известия о решении Владимира Святого выступить в поход и его болезни дублируются. Это говорит о заимствовании одних и тех же сведений из двух источников, в которых время исчисляется в разных эрах. Статья 6523 года восходит к летописному сообщению с осенней «эрой –5506 года». Но сводчик нашёл ещё одно известие с иным годом и, основываясь на содержании, поставил его перед статьей 6523 года.

Владимир Святой скончался в понедельник 15 июля 1017 года. (1, 368) Ярослав Мудрый отличался дальновидностью и осторожностью при принятии решений. Зимой по Руси было легче передвигаться,

и в эту пору собирали дань. Летом многие области становились труднодоступными. Новгородцам, путь к которым шёл по рекам с волоками, легче было держать оборону летом, нежели зимой. Скорее всего, отказ выплачивать Киеву подати прозвучал в самом конце полюдья, то есть в апреле 1017 года, когда наступающая распутица делала невозможной быструю присылку войска карателей. Новгородское княжество было одним из самых богатых и могущественных, и против него намечался на военный для русов июнь крупный поход.

Выступление войск задержалось из-за болезни великого князя. Нападение в этот момент печенегов вряд ли было случайным. Кто-то натравил кочевников в расчёте на то, что основные войска будут на севере. Приготовленная к новгородскому походу армия была брошена на степняков. Испугавшиеся печенеги вернулись в свои степи.

Непокорным сыном показан Ярослав Мудрый. Летописцы излагали далеко не все известные им сведения о крупных событиях из жизни русского государства. При последующем составлении летописных сводов шло сокращение и этой тщательно отобранной информации. Сохранение известия, выставявшего основателя победившей в междоусобной борьбе ветви Рюриковичей в неприглядном виде, имело какие-то весомые причины. Летописцы были явно на стороне новгородского князя, несмотря на его непослушание.

После летописного рассказа о крещении Руси сообщается о наделении уделами сыновей Владимира Святого:

«Бе у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Святполк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новеграде, а Изяслава в Полоцку, а Святполка в Турове, а Ярослава в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Деревех, Всеволода в Володимере, Мстислава Тмуторокани». (13, 55)

Списки княжичей редактировались. Если при перечислении сыновей Борис и Глеб стоят после Мстислава, то в перечне уделов Глебов удел упомянут после Ярославова, а Борисов — опущен. В первом случае Святослав идёт за Всеволодом, во втором — их имена поменялись местами. Уделы Станислава, Позвизда и Судислава не названы.

В более поздней редакции рассказа из Лаврентьевской летописи добавлено известие о перераспределении уделов после кончины Вышеслава.

*«Бе бо у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, **Ярослав**, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьюске, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Умершу же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мсти[сла]ва Тмуторокани». (9, 121)*

Какой-то доброхот Ярослава поместил его впереди Святополка, сделав таким образом знатнее. Но последующие летописцы это нововведение не поддержали. Татищев нашёл важное уточнение: «Глебу — Муром, Борисову часть». (16, 63) Перед вторым наделением уделов Борис владел Муромом.

В Типографской летописи список уделов продолжен: Станиславу отдан Смоленск, Судиславу — Псков. (17, 39) Сыновья Владимира Святого были разного возраста и получали уделы по мере своего взросления.

Согласно новгородскому летописанию, после кончины Ярослава Мудрого его сыновья получили такие уделы:

«И разделиша землю, и взя болии Изяслав Киев и Новгород и инии города многи киевския во пределах; а Святослав Чернигов и всю страну восточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье». (12, 160)

Важнейшие города Руси, полученные Ярославичами в порядке старшинства, образуют ряд: Киев, Новгород, Чернигов, Переяславль-Южный, Ростов. Причём Черниговское княжество включало в себя Муром. Под Муромским княжеством святых братьев скрывается Черниговское княжество. Редакторы преуменьшили это их владение, оставив вместо всего Черниговского княжества упоминание малозначительного Мурома.

Столицы уделов Владимировичей образуют ряд: Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Чернигов, Белгород-Древлянский, Владимир-Волынский, Тмутаракань. Полоцк держали потомки Рогнеды, поэтому в уделах Ярославичей он не обозначен. Среди старших городов Владимировичей вместо Переяславля-Южного назван Туров, а Чернигов занимает менее значительное положение, нежели в более позднюю эпоху.

Исчезновение Переяславля и Чернигова из перечня уделов было вызвано сходными причинами. Проигравший в междоусобной войне Святополк был позднее демонизирован, а роль его в истории того времени была преуменьшена. В действительности Святополк был князем переяславским и туровским и отвечал за оборону южной границы. Отсюда его тесные связи с печенегами, которые участвовали на его стороне в междоусобице.

Стольными городами сыновей Святослава Великого были Киев, в котором сидел старший Ярополк, Овруч Олега Древлянского и Новгород Владимира Святого. Здесь в ряду старших городов стоит столица Древлянской земли.

Перечень старших городов, которые стали центрами уделов старших Владимировичей, включает в себя Киев, Новгород, Переяславль, Ростов, Чернигов, Белгород-Древлянский. Их владельцы после кончины отца участвовали в междоусобице. Борис, Глеб, Святослав при этом погибли.

Переяславль был главной крепостью во всей юго-восточной оборонительной линии, созданной Владимиром Святым для защиты от печенегов. Для поддержания обороны южных границ требовались большие средства, шедшие на содержание войск, строительство и ремонт укреплений. Сборов с переяславской округи для этого было явно недостаточно, и в Переяславль передавались доходы с иных северных земель.

Всеволод Ярославич владел как Переяславлем, так и Ростовской и Суздальской землями. Это означает, что бремя поддержания южной оборонительной системы было возложено на северо-восток Руси.

Святополк владел Туровом и, видимо, Берестьем, куда он бежал после поражения в междоусобице. По Припяти, протекавшей через Туров-

ское княжество, шёл торговый путь на запад. (11, 17) Таможенные сборы с этой торговли тратились на поддержание южной оборонительной линии.

В конце жизни Владимира Святого основные воинские силы находились в распоряжении Святополка, а Новгородом, который многими летописцами считался вторым по старшинству городом после Киева, владел Ярослав. Ярослав в 1017 году находился в состоянии войны со своим отцом. Но и Святополк был в не менее сложном положении. Титмар Мерзебургский пишет:

*«Названный король (Владимир Святой. — В. Т.), услышав, что сын его (Святополк. — В. Т.), **подстрекаемый Болеславом** (польский князь, тесть Святополка. — В. Т.), тайно **готовится восстать** против него, схватил его вместе с женой и названным отцом (католическим епископом Рейнберном — В. Т.) и **заключил** их, отдельно друг от друга, под стражу...*

*После этого дни **короля** истекли, и он **умер**, оставив всё **наследство двум** своим **сыновьям**. **Третий** сын тогда находился **в тюрьме**, откуда позже, улизнув, бежал к тестю. В тюрьме, правда, осталась его жена».* (18, 163)

Святополк сидел в тюрьме за попытку свергнуть своего приёмного отца. Он бежал к тестю в Польшу после поражения от Ярослава под Любечем. В начале междоусобицы Святополк был на свободе. В противном случае книжники, рисовавшие его образ чёрными красками, запечатлели бы тюремное заключение. Владимир Святой успел помириться с опальным князем, и того выпустили на свободу.

Одновременное восстание против Владимира Святого двух возможных наследников его престола должно было иметь чрезвычайную причину. Эта причина становится понятной из рассказа преподобного Нестора, помещённого в «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе»:

*«Бе бо блаженный (св. Борис. — В. Т.) кроток и смирен. Таче же того не терпя враг, но, яко же преже рекох, вниде в сердце брату его, иже бы старей имя ему **Святополк**. **Нача мыслити на праведного**, хотяше бо оканьный всю страну погубити и владети един. Тем же мышляше, хотя блаженago погубити, но не пусти ему тогда Бог, но егда сам восхоте. Уведев убо то, благо-*

верный **отец их**, послав, **приведе** к себе блаженного **Бориса**, блудый, да некако пролиет кровь праведного. Он же большими **разгневался** на блаженного, мня оканьный, яко то **хочет по смерти отца** своего **стол прияти**». (4, 95)

Конфликт между Святополком и Борисом разгорелся еще при жизни Владимира Святого. Вышеслав и Изяслав к этому времени скончались, и Святополк претендовал на верховную власть.

В роду Рюриковичей господствовал лествичный принцип передачи власти, иначе называемый фратриархатом. В правящем роду власть передавалась не от отца к сыну, а от самого старшего в роду к более младшему. Сначала правили поочерёдно братья, а уже затем очередь доходила до их сыновей, причём более знатными считались сыновья более старших братьев.

Летописцы называли отцом Святополка Ярополка. (13, 39) Владимир Святой усыновил племянника, женившись на вдове погибшего брата. После смерти старших Владимировичей Святополк и по возрасту, и по рождению от старшего сына Святослава Великого в соответствии с традицией был наиболее законным претендентом на престол.

Заговор Святополка был вызван наметившейся передачей верховной власти Борису. Это же обстоятельство возмутило и Ярослава, который, судя по перечню уделов, по знатности следовал за Святополком.

Матерью Бориса и Глеба была болгарская царица Мария Борисовна, запечатлённая в летописях под именем Анны-болгарыни. Мария Борисовна была хорошо знакома с нравами византийского двора, с его изощрёнными политическими интригами. У неё были союзники в лице болгарских и греческих священников, занимавших ключевые посты в Русской церкви.

Болгарыня сумела убедить стареющего властелина объявить наследником её первенца Бориса. Святополк и Ярослав по обычаям того времени были обвинены в действительных или мнимых прегрешениях. Святополка схватили и посадили в тюрьму. Ярослав, кем-то предупреждённый, окружил себя наёмными варягами и стал готовиться к войне. Святополк пытался опереться на печенегов, которые подкочевали к русской границе и выжидали удобного момента для нападения.

Татищев нашёл уникальные подробности, истреблённые в других летописях. Он прямо пишет о том, что Борису был завещан великокняжеский стол:

*«По смерти и погребении Владимира Святополк обладал Киевом, но, ведая, что Борису много доброхотных было, стал оных приврасчать к себе многими дарами и обещаниями. Киевляне же, ведая, что **Бориса отец** по себе **наследником престола определил**, Киев со всею принадлежащею к нему областию и дом свой со всеми бывшими вельможи ему завесчал».* (16, 70)

О том, что Борис был назначен ради своей матери наследником киевского престола, писал Стрыйковский. (16, 237) Болгарская партия при великокняжеском дворе победила.

Гибель Бориса

Владимир Святой скончался в своем загородном имении в селе Берестовом:

*«Умре же на **Берестовом**, и потаиши и, бе бо **Святополк в Киеве**. **Нощью** межи двема клетьми проймавши помост, в ковре опрятавши, свесиши ужи на землю, и возложиши на сани, и везиши поставиши в святе Богородици, юже бе создал сам».* (13, 58)

Борис, официальный наследник великого князя, был в печенежском походе. Утаив смерть правителя, в Берестовом надеялись успеть призвать в Киев Бориса ранее, нежели об этом узнают его противники. Святополк имел в Киеве сторонников, которых опасались близкие к Борису люди.

Погребение по христианскому обычаю должно было состояться на третий день по кончине. 15 июля в 1017 году было понедельником. Похороны в Десятинной церкви состоялись в среду 17 июля, и смерть Крестителя Руси перестала быть секретом:

*«Еже **уведавши люди**, **бес числа снидошася** и плакася по нем: бояре аки заступника их земли и убозии кормителя. И возложиши в раку мраморяну, и опрятавшие тело его с плачем, блаженного князя».* (13, 58)

Летописец считал, что Святополк 15 июля был в Киеве. Нестор в «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» высказал иное мнение:

*«Таче **уведев** ока[я]нный сын **Святополк** и акы радуяся отне смерти, **всede на коня и скоро доиде Кыева** града, и седе на столе отца своего. Изволи **волею** желание сердца своего»*. (4, 96)

Святополк находился вне Киева, но имел возможность довольно быстро до него добраться. Слова о том, что он предпринял решительные действия для достижения желанной цели, свидетельствуют о насильственном захвате власти. Новый правитель принял энергичные меры по укреплению своего положения:

*«Святополк же седе в Киеве по отци своем, **созва киане**, нача **даяти** им **имение**. Они же приимаху, и не бе сердце их с ними, яко братия их беша со Борисом»*. (13, 58)

Об этом же пишет и Татищев, отмечая всеобщую внешнюю покорность киевлян:

«Паче же кротость и разум Бориса все любили, а к тому дети и братия их все были с Борисом в войске, желали его иметь на престоле; а от Святополка хотя дары брали и ему в очи льстили, но сердце их не было с ним». (16, 70–71)

Киевляне разделились на две партии. Одна поддержала Святополка, что позволило ему занять престол, члены другой подчинились новому правителю против своего желания, оставаясь тайными сторонниками Бориса.

На великокняжеский престол восходили по воскресеньям. Следовательно, Святополк официально стал великим князем в ближайшее по кончине Владимира Святого воскресенье — 21 июля 1017 года. Но положение его было непрочным, так как под командованием Бориса находилась большая армия.

Причиной похода Бориса на юг названа печенежская опасность. У Нестора есть важные уточнения:

*«По времени же некоем нача болети благоверный отец има болезнью, ею же умре. Болящу же ему, в страну его **придоша ратнии**. Слышав же князь, не могы изити противу им, пославый сына своего Бориса, давый ему множество вои...*

*Блаженный же Борис, яко же рекох, отишол бе с вои на ратныя и не ведяще того всего (кончины отца и вокняжения Святополка. — В. Т.). Ратныи же, яко же услышаша блаженнаго Бориса, идуща с вои, бежаша: не дерзнули стати блаженному. Таче дошед, блаженный, **умирих грады вся**, возвратися вспять».* (4, 96)

Печенеги здесь заменены на неких ратников. Кочевники бежали, но пришлось усмирять города. Возвратившись из похода, войско Бориса встало на Альте. На мысу, между рекой Альтой и рекой Трубежем, расположен Переяславль. Мятежные города находились в округе Переяславля.

Получается, что войско было собрано не только для покорения Новгорода. Несмотря на то что у Святополка удалось отобрать Переяславское княжество, в нём сохранялись его сторонники из числа пограничной стражи. Эти воины, опираясь на дружественных Святополку печенегов, представляли опасность. Дожидаясь ухода основных сил на север, призванные заговорщиками печенеги скапливались близ южной границы. Поход на юг был предпринят для подчинения полумятежной области. Борис справился с этой задачей, но на его беду в Киеве за время рейда по пограничным крепостям произошла смена власти.

Погубителями Бориса стали жители Вышгорода. На убийство они пошли по наущению Святополка:

*«**Святополк** же приде **нощью к Вышегороду отаи** и призва **Путию** и вышегородские боярце и рече им: "Прияите ми всем сердцем?" И Рече Путша и вышегородци: "Можем главы свои сложити за тя". Он же рече им: "Не поведаючи никомуже, шедше **убийте** брата моего **Бориса**". Они же вскоре обещахся ему створити». (13, 59)*

Почему именно к вышгородцам тайно обратился Святополк, разъясняет сохранившееся до новейшего времени изустное сказание:

«Великий Владимир князь владел он всюю Россиею. Имел себе он **трех сынов: старейшаго Света-Полка**, а меньших **Бориса-света и Глеба**. Великий Владимир князь **разделил Россию** всю сыновьям **на три части**: старейшему **Свету-Полку** великий славен **Чернигов-град**, благоверным **Борису-свету и Глебу** великий **Воспревышь-град** (Вышгород. — В. Т.).

Великий славен **Владимир** князь, разделяя Россию сыновьям своим, пожил в доме, **преставился...** На своих братьев прогневился (Святополк. — В. Т.), опалился, **яко Каин на Авеля**, как бы победити Бориса и Глеба. Злоумышление на них помышляет, на совет братьев **призывает**, во пир честной **пировати**, **отца** своего князя **помянути**. **Посланников** злой посылает, с посланниками **лист написует** в то же в посланную в палату. Благоверные **Борис и Глеб** со радостью лист принимают, пред **матерью** стоя прочитали». (8, 303)

Назовём это сказание вышгородской легендой. Резиденцией святых братьев и их матери здесь назван Вышгород. Братья правили в иных городах. Это значит, что в Вышгороде жила Мария Борисовна.

После разоблачения подлога Владимир Святой развёлся с Марией Борисовной, выдававшей себя за царевну Анну, сестру императоров Василия II и Константина VIII. Но отношения их не прервались, так как Глеб родился уже после развода. Мария Борисовна превратилась из супруги в наложницу.

Во время правления Святослава Великого Вышгород был уделом великой княгини Ольги. Летописец сообщает о размещении в нём 300 наложниц Владимира Святого. Вышгород был традиционным местом жительства женщин из великокняжеского семейства. Назначив преемником Бориса, Владимир Святой выделил его матери Ольгин город. Вышгород был причислен к городам, где проживали наложницы Владимира. Число же наложниц было преувеличено.

Бориса окружала армия, и для его устранения Святополку понадобились люди, не вызывавшие у полководца подозрений. Самым близким к Киеву городом, где он мог найти таких людей, был как раз Вышгород, поэтому он направился ночью к вышгородским боярам. Проживание Марии Борисовны в городе объясняет, почему братьев погребли именно здесь. Тело Бориса привезли к его матери, а затем рядом похоронили Глеба.

Имя Путши, предводителя убийц Бориса, созвучно имени руководителя ростовской дружины Путяты, умирившего в 993 году новгородское восстание. Путша и Путята, видимо, одно и то же лицо. Борис несколько лет правил Ростовским княжеством, и появление ростовского боярина в окружении его матери вполне возможно. Переезд Путяты-Путши в южные земли говорит о его близости к семейству Бориса. Как раз такие люди и нужны были Святополку, чтобы расправиться с противником.

В старших летописях убийство описано так:

*«Послании же приидоша **нощью на Олт** и подступиша ближи, и слышав блаженного **Бориса**, поющее **заутреню**... И се нападоша на не, яко зверие дивие около шатра, и насунуша **копы**, и **прободоша**, и **слугу** его, падша на нем, **прободоша** с ним».* (13, 59)

Убийцы подъехали к Переяславлю в ночь и напали на шатёр князя под утро. В житийном повествовании Нестора события переданы более подробно. На обратном пути из похода по мятежным городам Борис получил известие о кончине отца и вокняжении Святополка. Далее сообщается о желании Святополка расправиться с братом:

*«Он (Святополк. — В. Т.) же то **посла слугы** своя **погубити**, избрав мужа неистовыя, посла на блаженного Бориса, рек им: "Нападше на него **нощью**, погубите и, и аще кто противится вам, то и тыя погубите с ним"...*

*И се неции, пришедше к блаженному, возвестиша, яко **брат** твой **хочет** **тя погубити**. Блаженный же не ят веры...*

*Таче **по двою дню** пришедше возвестиша ему вся бывшая, и како брат его **отбеже** святой Глеб...*

*С ним **вои**, иже беша ходиле на ратныя, бе бо их акы до **8 тысяч** вси же во оружии, — глаголаша ему: "Мы, о владыко, предании ем благым отцем твоим в руце твои, идем или с **тобою** или **едини**, и тако **того** нужею **ижде** **нем из града**, а тебе же **ведем**, яко же преда нам тебе благы отец твой"...*

*И целова вся, ти (воинов. — В. Т.) **отпусти** я, а сам с отроky **пребыть** на месте том **день тей**, бе бо послал с мольбою к брату. Он же, ем **отрока**, **удержа** и, бе немилосердей те **послал на блаженного**, да и погубят. Видев же*

блаженный, яко не приде отрок его, встав сам и **иде к брату** своему. И се идущу ему, возвестиша ему пакы, глаголюще, яко **послал** есть **брат** твой **погубить тебе**, и се уже грядуще близ...

Таче повеле поставити шатор свой, влез вон, молися Богу, с слезами припадая, дондеже не бе силы в нем, и пакы пад на ложи своем, плакася горко, моля Бога. **Ноци** же суци, повеле слугам принести свецю, и взял **книгы**, нача **чисти**. И се послании беша идуще, рикающе акы зверие диви, поглотити хотяще праведнаго. Слышав же блаженный, яко уже приближишася на не, и повеле прозвитеру отпети заутреню и свято еуангелие чисти, бе бо **день неделный**. И сам же нача пети...

И они же, акы зверие диви, **нападоша** на не и внизоша во не сулицы (копья. — В. Т.) свои. И се един от престоющих ему **слуг паде на нем**, они же и **того пронизоша**, и мнев же блаженаго мертва суца, изыдоша вон. Блаженный же **вскочи**, в оторопе быв, **изиде из шатра**... **Един** от погубитель притек, **ударил в сердце** его, и тако блаженный Борис предаст душу в руце Божию, месяца **июля в 24 день**». (4, 97–99)

О получении Борисом известия о кончине отца, желании Святополка расправиться с ним и о посылке убийц рассказывается дважды. Нестор свёл два попавших к нему рассказа в один. Борис, находясь в походе, получил известие о смерти Владимира Святого и вернулся в Переяславль. Армия по каким-то причинам не вошла в город, а расположилась в поле около него. Сюда прибыли вышгородские бояре с тайным поручением расправиться с полководцем.

Кончину Бориса источники относят на утро 24 июля. Путь от Киева до Переяславля торговые караваны в то время преодолевали за два дня. Посланники Святополка действительно прибыли через два дня. В путь они отправились утром 22 июля и к вечеру следующего дня добрались до военного лагеря.

Двадцать первого июля Святополк стал великим князем. Его сговор с Путшей мог состояться только после этого. Убедившись, что Борис проиграл в соперничестве за власть, Путша принял сторону победителя. Новый великий князь тайно прибыл в Вышгород в ночь с 21 на 22 июля, а поутру вышгородские бояре отправились в путь.

Вышгородцы приехали вечером 23 июля. До своего нападения на князя они успели переговорить с ним, рассказав о бегстве его брата. Борис отказался последовать примеру Глеба, что говорит о предложении посланников бежать. Бегство Бориса могло спасти ему жизнь и одновременно решало поставленную перед посольством задачу — отстранить этого опасного конкурента Святополка от командования пограничной армией. Другие подробности переговоров сохранились в летописях:

«Святополк же исполнився безакония, Каинов смысл приим, посылая ко Борису, глаголаше, яко: "С тобою хочю любовь имети и ко отню ти придам". А лстя под ним, како бы его погубить». (13, 59)

Борису, как и киевлянам, были предложены награда и любовь нового правителя в обмен на покорность. Но летописец сравнивает Святополка с Каином, не веря в его искренность. С посольством следовали телеги, хотя для передачи одного лишь известия эти опытные воины быстрее бы добрались верхом. Их сопровождал обоз, в котором находились подарки. Святополк применил ту же тактику, что и в Киеве: щедрой раздачей даров попытался задобрить армию.

В «Сказании о Борисе и Глебе» дополнительно уточняется, что послание было направлено после официального вокняжения Святополка, так что привезли его вышгородцы:

«Святополк же, сѣдя Кыеве по отци, призвав кыяны, много дары им дав, отпусти. Посла же к Борису, глаголя: "Брате, хочю с тобою любовь имети и к отню ти придам". Аестно, а не истину глаголя». (4, 47)

Автор «Сказания», как и летописцы, с недоверием отнёсся к словам Святополка, что неудивительно в свете развернувшихся затем событий. Согласно вышгородской легенде, слова подкреплялись грамотой. В ней предлагалось подчиниться и было обещано увеличить владения. Если отбросить позднейшие домыслы книжников, то перед нами попытка договориться, скреплённая письменными обещаниями. Святополк предлагал мир и увеличение удела в случае признания его великим князем. В качестве посредников при этом были взяты близкие Борису люди. Они выступали в роли поручителей обещаний Святополка.

Вышгородцев изображают убийцами, рыкающими, как дикие звери, и чуть ли не сразу накинувшимися ночной порой на страдальца. Действительно, самое удобное время для убийства полководца в его военном лагере — ночь. Но нападение произошло не ночью, а утром, когда уже отслужили заутреню:

*«Рече (св. Борис. — В. Т.) к **прозвиту** своему: "Встав, **начни заутреню**". Сам же, обув нозе свои и умыв лице свое, начат молитися к Господу Богу.*

*Послании же **приидоша** от Святополка на Лято (Альта. — В. Т.) ночь и подступиша близ, и слыша глас блаженааго **страстотерпца** поюща Псалтырь заутреню... Таже посем канон. И **кончавишу ему утреню**, начат молитися зря к иконе Господни...*

*И узреста **попин** его и **отрок**, иже служааше ему, и видевши господина своего дряхла и печалию облияна суща...*

*И абие узре текущих к шатру, блистание оружия и мечное оцещение. И без милости **прободено** бысть честное и многомилостивое тело святаго и блаженааго Христова **страстотерпца** Бориса. Насунуша **копи**и ока[я]нии: Путиша, Талец, Елович, Ляшко. **Видев** же **отрок** его... Бяше се родом **угрин**, именем же **Георгий**». (4, 48–49)*

Согласно Татищеву, Святополк отправлял посольство для того, чтобы склонить князя на свою сторону или хотя бы отговорить от вооружённой борьбы за власть:

*«**Святополк** же исполнися беззакония, Каинов смысл прияв, послал с лестию к Борису, глаголя: "Я с тобою хочу любовь иметь и не токмо то, что тебе **отец определил**, но есче к тому **придам**". Исча сим его в безопасность привести, **доколе изысчет способа**, как бы его погубить, ведал бо он, что киевяне Бориса любят». (16, 71)*

Посланники должны были действовать по обстановке. Нападавшие вроде бы перебили многих отроков, бывших с князем, но по имени назван только Георгий Угрин. Армия разошлась, и около князя остались только его ближние люди. Эти оставшиеся верными слуги и должны были подвергнуться нападению. Большое количество убитых вызывает

сомнение, так как вышгородских бояр было четверо и все они названы по имени.

У Георгия Угрина было ещё двое братьев, и они также находились в этом походе. Моисей Угрин позднее был в числе приближённых Предславы Владимировны и попал в польский плен. Ефрем, конюший Бориса, взял с собой отрубленную голову брата Георгия и ушёл в новгородские пределы, где и скончался, завещав похоронить голову в своей могиле. Ефрем стал новгородским святым (6, примеч. II, 5). Стало быть, далеко не все бывшие при князе люди погибли.

На утренней службе с князем были только поп-пресвитер и отрок Георгий. После окончания службы упоминается один Георгий, который и погиб при нападении. Если бы в это время в шатре был поп, то он оказался бы или среди убитых, или в числе авторитетных свидетелей происшествия, что отметили бы составители сказаний. Но их показания о событиях, последовавших после окончания заутрени, становятся сбивчивыми и противоречивыми. Всё это означает, что поп ушёл и в палатке остался молиться Борис в присутствии Георгия. Оба погибли, и об их кончине можно было судить только по рассказам убийц да по догадкам позднейших писателей.

С Георгием связана одна странность. Убийцы отбросили его голову. Её нашли и отдали Ефрему. Но тела отыскать не удалось. В «Сказании о Борисе и Глебе» читаем:

«Избиша же и отроky многы. С Георгия же не могущее снятии гривны и отсекие главу, отвергоша и кроме (вовне. — В. Т.). Да тем и послед не могоша познати тела его». (4, 50)

Автор не знал, что голову нашли, и связал с обезглавливанием невозможность опознать тело верного слуги среди множества иных убиенных. Но убит был один Георгий, а в лагере находились двое его родных братьев, которые по одежде и иным приметам опознали бы тело и без головы.

Более точно события изложены в летописи:

«И се нападоша на не, яко звери дивие около шатра, и насунуша коньы и прободоша, и слугу его, падша на нем, прободоша с ним. Бе бо сеи любим

Борисом, бе бо отрок сеи родом угрин, а именем Георгии, его же любляше велими Борис, бе бо возложил на него **гривну велику злату**, в неуже предстояше ему. Избиша же отроки мнози Борисовы. Георгиеви же не могущу борзо сняти гривны с шии, **отсекоша главу** его, и тако сняша гривну, а **главу отвергоша прочь**. Тем же **не обретоша тела его в трупие**». (13, 59)

Здесь сохранился реликт первоначального рассказа о том, что тело найдено не было, хотя сам летописец причиной этого также считал расчленение. Первоначальное выражение «Там же не обрели тела его» было переосмыслено так: «Тем же (потому же) не обрели тела его». В Ипатьевской и Лаврентьевской летописях уточнено, что поиск пропавшего тела начался «послеже» — какое-то время спустя после трагедии. (5, 120; 9, 134)

Нестор считал, что раненый копьем князь в оторопи, то есть в полубессознательном от страха и боли состоянии, выбежал из шатра и был добит ударом меча в сердце. Летописец разводит во времени ранение от копья и кончину от меча:

«**Бориса же убивше** ока[я]ннии, ввертеша в шатер, и **возложиша на кола** (телега. — В. Т.), и **повезоша** и, еще дыщющю ему. **Увидев же се, ока[я]нны Святполк**, яко **еще ему дыщюще**, посла **два варяга** прикончати его. Онема же пришедшима и видеша, яко ему **живу** сущу, един ею извлек **меч и пронзе по сердцю**. И тако скончася блажены Борис...

И положиша **тело** его, привезше **отати к Вышегороду**, у церкви святаго Василья. Ока[я]нни же убийци приидоша ко Святполку, аки **хвалу имуще**, безаконици. Суть же имена сим законопреступником: **Путша**, Талец, Елович, Ляшко». (13, 59)

Дорога из Переяславля в Вышгород шла через Киев. Бориса доставили в столицу живым, и нападение преследовало цель не убийства, а похищения. Дождавшись удобного момента, вышгородцы выкрали князя. Дело не обошлось без схватки, о чём говорит ранение Бориса. На две телеги погрузили пленника и убитого слугу, чтобы сокрыть следы преступления. Заодно забрали и шатёр, запрятав в него пленника. Отрезанную голову слуги выбросили поблизости, и её нашли, туловище схоронили в более укромном месте. Ефрем, в надежде на обретение

тела брата, сохранил голову, чтобы когда-нибудь похоронить все части тела вместе.

Похитители достигли Киева и предстали перед Святополком. По приказу великого князя пленник был добит иноземцем-варягом, а затем тайно похоронен в Вышгороде. Но об этом продолжении трагедии мало кто знал, и сложилось убеждение о том, что Борис погиб 24 июля.

В «Сказании о Борисе и Глебе» события изложены сходно с летописью:

«Блаженааго же Бориса обертевшие в шатер взложивше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начат вскланяти святую главу свою. И се уведев Святополк, послав два варяга и прободоста и мечем в сердце. И тако скончася и весприят неувядаемыи венец. И положиша тело его принесше Вышегороду у церкви святааго Василия в земли погребоша». (4, 50)

Здесь слово «увидев» заменено на созвучное слово «уведав». По этой версии, похитители по дороге в каком-то лесу узнали о том, что пленник жив, и сообщили Святополку. Святополк не виделся с Борисом, а, получив известие, подослал к нему убийц. Тело отвезли в Вышгород и похоронили в земле у церкви святого Василия. Татищев считал, что всё произошло в Вышгороде:

«Бориса же, проколов беззаконнии и ввертевши в шатер, на телеге привезли в Вышгород, еще ему живу бывшу. Уведав же окаянный Святополк о том, послал два варяга, велел прикончить его, которые, пришед и видя его жива, един из них, вынев меч, заколол под сердце». (16, 71)

Татищев привёл сокращённый рассказ, из которого выпал лесной эпизод. Заключительный этап трагедии произошёл в лесном бору. Шахматов подметил наличие древней Борисоглебской церкви в урочище Дорогожичи, расположенном близ Киева, и так обосновал место гибели Бориса:

«Указание на место, где заметили, что Борис ещё жив, является единственною фактической прибавкой житийного сказания против летописного. Она основана, конечно, на подробности, известной составителю житийного

сказания из устного предания. Под "бором", всего вероятнее, **разумелся бор около Дорогожича**, где начинались также болота, в которых увяз Игорь Ольгович после битвы 13 августа 6654 (1146) года.

Думаю, что я имею основание привести в пользу того, что **Борис**, по одному из киевских преданий, **был убит на Дорогожиче, а не на Альте**, ещё следующее обстоятельство. Как увидим ниже, **преп. Ефрем** Новоторжский был современником Бориса и Глеба. Предание называет его **братом** Георгия и Моисея, **слуг Борисовых**. После убийства брата Георгия он удалился в Новгородскую область и устроил здесь, близ нынешнего г. Торжка, прежде всего странноприимный двор **на реке Дорогоще** (ныне на этом месте Семёновский погост на Дорогоще). Через несколько лет преп. Ефрем выбрал другое ближайшее к г. Торжку место, выстроил церковь в честь св. Бориса и Глеба и при ней устроил монастырь. Правдоподобно думать, что река названа Ефремом **Дорогощей в память** урочища **Дорогожича близ Киева**; а это ведёт к заключению, что с Киевским Дорогожичем была связана память о святых Борисе и Глебе.

Итак, имеем основание предполагать, что составитель летописного сказания, до нас дошедшего, должен был согласовать **два предания** об убийстве Бориса: одно из них говорило об убийстве **на Альте**, а другое — **на Дорогожиче**». (19, 61)

У Борисоглебской церкви на горе над Подолом позднее возник Кирилловский монастырь. Урочище Дорогожичи с бором примыкало к Подолу с севера, и через него шла дорога на Вышгород. Вышгородцы ждали решения Святополка о судьбе пленника на киевской околице. Они проехали столицу и укрылись в густом лесу.

Разнобой в определении места гибели Бориса связан с тем, что основные свидетели к тому времени либо погибли в боях, либо, как варяги, уехали за пределы страны. Нестор, считавший местом гибели лагерь на Альте, писал:

«Честное же тело его вземше, несоша в град, наричаемый Вышегород, ежесть от Кыева, града стольнаго, 15 стадий, и ту положиша тело блаженаго Бориса у церкви святого Василия». (4, 99)

За два дня дороги от Переяславля до Киева похитители должны были разобраться, жив их пленник или нет. Поэтому мнение о том, что всё обнаружилось уже в Вышгороде, после проезда через Киев, следует считать ложной догадкой, основанной на последующем вышгородском захоронении. Если бы посланные от великого князя варяги добились раненого на подъезде к Киеву, то смысла ввозить труп в густонаселённый город, где жило немало сторонников Бориса, не было бы. Его спрятали бы в каком-либо укромном месте, как тело Георгия Утрина, а позднее — Глеба. Захоронение в Вышгороде свидетельствует в пользу того, что убийство произошло по миновании Киева в Дорогожичах и получило огласку.

Выкрасть князя из его собственного военного лагеря было смелым предприятием, и вышгородцы им законно гордились. Из летописи известно, что они удостоились похвалы. Более подробно об этом пишет Татищев:

*«Окаяннии же убийцы, Путешины сообщники, пришед ко Святополку, аки великия хвалы достойны, победу над неприятелем получа, исполненным злодейством его поздравляли и **свою храбрость** **выставляли**, за что получили от Святополка **дары многие**».* (16, 71)

К Святополку за наградой пришли одни сообщники Путши. Самого же руководителя предприятия с ними не было. Это значит, что он остался в военном лагере, продолжая склонять воинов на сторону Святополка.

Автор «Сказания о Борисе и Глебе» связывал утреннюю службу с наступлением воскресенья. (4, 48) Но 24 июля в 1017 году было средой. Более того, в предшествующий день была вечерняя служба, не имевшая отношения к воскресным делам:

*«Таче бысть **вечер** и повеле пети **вечернюю**, а сам влез в шатер свои начат молитву творити **вечернюю**... По сих **леже спати**».* (4, 48)

В Вышегородской легенде Святополк, отправляя послание, призывает братьев на пир, на поминки по отцу. Поминки справлялись на третий, девятый и сороковой день по кончине. Девятый день по кончине

Владимира Святого был 23 июля — в день приезда вышгородцев. Поминальный мотив в легенде восходит к реально происходившим событиям. Борис вечером 23 июля в память об отце устроил пир и отслужил молебен. Заупокойный молебен был повторён на следующее утро.

На поминках, уже после прихода посланников Святополка, воины предложили идти походом на Киев и силой добыть престол Борису. Вряд ли пировавшие военные вожди были единодушны в желании померяться силами с великим князем в присутствии его посланников. У многих в столице были усадьбы и родственники, которые могли пострадать в случае мятежа. Окончательное решение было за князем, и он сделал свой выбор, отказавшись поднять оружие на старшего брата:

«И реша к нему дружина: "Поиди, сяди в Киеве на столе отни, се бо вси вои в руку твоею суть". Он же им отвечаахше: "Не буди ми взятии руки на брата своего и еще же и на старейша мене, его же бых имел, акы отца". Си слышавшее вои разидошася от него, а сам оста т[о]кмо с отроky своими».
(4, 48)

После поминального пира военачальники разошлись по своим палаткам. Решение о походе на Киев из-за отказа князя участвовать в междоусобице не было принято. Согласно Нестору, высказывалось и более решительное предложение — идти на Киев даже без Бориса. В войске шло брожение.

Между Борисом и его киевскими сторонниками по поводу захвата власти шли переговоры и раньше. Татищев:

*«Для того, как скоро Владимир умер, послали к **Борису** с ведомостью, чтоб **неумедля** с войском **шел к Киеву**.*

*Борис, искав печенег и не нашед, зане за Дон ушли, возврасчался и, получа весть о смерти отцовой, вельми опечалился и большую часть войск разпустил. Как он пришел на Ольту, тогда паки **киевляне прислали** его, просить, чтоб шел немедля к Киеву, и **войско не разпусчал**, и, koliko можно разпусченных собрал, и объявляя ему, что Святополк, преступя завет отцов, Киевом хочет владеть.*

*Борис, **не приав совета** верных отцу его и ему, отрекся и сказал: "Не буди мне поднять руку на старейшего брата моего, ибо хотя отец мой умре,*

то сей будет мне в отца место". Что, услышав, войско его и достальные многи разошлись, и остался на месте том токмо со служители своими». (16, 71)

Здесь вновь идет ссылка на завещание Владимира Святого. Конные гонцы передвигались значительно быстрее, чем торговые караваны. Первое известие о кончине отца Борис должен был получить 16-го, в крайнем случае — 17 июля. В ответ, согласно Нестору, был послан отрок князя, который был задержан Святополком. Это значит, что кончину правителя не удалось удержать в секрете и Святополк появился в Киеве уже через день-другой, организовав перехват поступавших в Киев посланий.

Гонцы из Киева приносили одну за другой отчаянные просьбы поторопиться, но Борис медлил. На поминальном пиру 23 июля он публично отказался бороться за своё право на престол. Фраза *«будет мне в отца место»* означала признание верховенства Святополка и была обычной формулой подчинения младшего князя старшему. Но это его не спасло.

Наиболее решительные сторонники борьбы со Святополком могли принудить Бориса переменить решение или избрать в качестве вождя иного Владимировича. Путша, заметив утренний уход Бориса в уединённо стоявшую походную церковь-палатку всего с одним слугой, решил не упускать столь счастливый случай. Исчезновение полководца должно было посеять среди его воинов страх и растерянность.

Охота на Бурицлава

Горстка отчаянных смельчаков решила исход борьбы между двумя могущественными соперниками. Отголоски этого примечательного события есть в исландских сагах.

В саге об Эймунде, или так называемой «Пряди об Эймунде Хрингссоне», сохранившейся в составе «Саги об Олаве Святом», рассказывается о пребывании на Руси отряда норвежских наёмников, возглавляемого Эймундом, сыном Хринга. Эймунд считался праправнуком объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого, к которому возводили своё происхождение наиболее знатные роды страны. (3, 104)

Норвежский конунг Харальд Прекрасноволосый установил, что все его потомки по мужской линии могут носить звание конунга, потомки по женской линии — менее почётное звание ярла. Эймунд в соответствии с этим установлением имел право на звание конунга, хотя сам правителем не был. Его отец был конунгом в одной из норвежских областей. (3, 104–105)

Вернувшись из викингского похода домой, Эймунд узнал, что его отец изгнан из страны королём Норвегии Олавом Святым, а братья — кто изгнан, кто попал в заточение. Олав искоренял дух своеволия среди размножившихся потомков Харальда Прекрасноволосого. В саге об Эймунде читаем:

*«И когда он (Олав Святой. — В. Т.) овладел Норегом (Норвегией. — В. Т.), он покорил себе всю страну и **истребил всех областных конунгов**, как говорится в саге о нём и о разных событиях, как писали мудрые люди. Всюду говорится, что он в одно утро **отнял власть** у пяти конунгов, а всего — у девяти внутри страны, как о том говорит Стюрмир Мудрый. Одних он велел убить или искалечить, а других изгнал из страны».* (3, 105)

Убедившись в безнадёжности борьбы со своим дальним родственником, Эймунд решил попытать счастья на Руси.

Сага об Эймунде была написана в конце XIII века на основе более ранних преданий, восходящих к воспоминаниям участников событий. В целом похождения Эймунда были только поводом для сочинителя, создавшего приключенческую повесть о выдающемся викинге и незадачливых русских правителях. Достойными во всех отношениях кроме главного героя оказываются только его норвежские соратники да их скандинавские земляки-шведы — княгиня Ингигерд и ладожский правитель Рагнвальд.

Русские князья, которым Эймунд служил, всегда жадно прислушивались к его мудрым советам, а своими успехами были обязаны исключительно его военным талантам. Сами князья выглядят довольно бесцветными личностями. Один Ярицлейв-Ярослав имеет яркую черту характера — скупость. Норманнам с большим трудом удавалось получать своё законное вознаграждение у этого скряги. Автор сказания явно

тенденциозен и к тому же приукрасил свой труд не имеющими никакого отношения к русским делам приключенческими мотивами, почерпнутыми из разных источников. Но несмотря на это в тексте под слоем вымыслов имеются ценные сведения о подлинных событиях.

Олав Святой вернулся в Норвегию осенью 1014 года и изгнал правившего страной короля Хакона Эйриксона. После этого зиму он провёл в пирах с местной знатью, объезжая свои владения. Весной 1015 года Олав разбил войско пытавшегося захватить престол ярла Свейна. Свейн бежал в Швецию, а затем в Аустрверг, то есть страны Восточного пути, лежавшие к востоку и юго-востоку от Норвегии, исключая Швецию. Осенью 1015 года Свейн умер на чужбине.

Осенью 1017 года Олав посватался к Ингигерд, дочери шведского короля Олава Эйриксона. Сватовство говорит о том, что норвежский правитель навёл порядок в своей стране и начал заниматься улаживанием отношений с соседями.

Ярослав стал набирать варягов для отражения наметившегося на июнь 1017 года похода своего отца. С этим набором и следует связать приезд на Русь отряда Эймунда. В момент кончины Владимира Святого норманны были в Новгороде и не могли принимать участия в событиях, связанных с гибелью Бориса Владимировича. Но в саге просматривается замутнённая позднейшими искажениями трагедия на Альте.

В саге описано выдуманное покушение на бежавшего за пределы Руси Святополка-Бурицлава. Коварным подстрекателем к убийству выведен Ярицлейв-Ярослав. Между Эймундом и владыкой русов произошёл такой разговор:

« — Но как же быть, господин, если мы доберёмся до **конунга**, — **убить его или нет?** Ведь никогда **не будет конца раздорам**, пока вы оба живы.

Конунг отвечает:

— **Не стану я ни побуждать** людей к бою с Бурицлавом конунгом, **ни винить**, если он будет убит». (3, 113)

Перед нами диалог, восходящий к разговору Святополка с Путшей. Борис здесь назван Бурицлавом. В такой форме в скандинавских сказаниях бытовало имя польского князя Болеслава Великого. Имя *Бурицлав*

созвучно древнерусскому имени *Борислав* — в XII веке в Киеве был известен боярин Пётр Бориславич. В вышгородской легенде Борис назван Борис-светом, что говорит о составном (из двух корней) характере его имени и подтверждает данные саги об именовании его Бориславом.

Святополк не стал собирать против Бориса рать, а послал хорошо известных ему вышгородских бояр с миролюбивым письмом и щедрыми подарками. В результате Борис всё-таки погиб. Соучастники его гибели пришли к Святополку за наградой и получили её. Значит, существовала предварительная договорённость и они были уверены в том, что плен и ранение великокняжеского родственника и убийство его слуги не будут вменены им в качестве караемого законами того времени преступления.

Сага подтверждает, что Святополк не давал прямого указания об убийстве своего сводного брата. Он поставил Путше задачу устранить опасность междоусобицы любой ценой — вплоть до убийства предводителя полумятежной армии. Путша с этой задачей справился. Брожение в южных войсках было подавлено, и вскоре они уже сражались под знамёнами Святополка. Борис был привезён в Киев живым. Между тем для вышгородских бояр безопаснее было прикончить князя на месте и скрыться верхом, а не везти его до Киева на телеге, опасаясь погони.

Выберем из саги попорченные временем сведения, восходящие к поездке Путши:

«Разошлись они все (после разговора со Святополком. — В. Т.) по своим домам, и не собирали войска, и не готовили снаряжения. И всем людям казалось странным, что меньше всего готовятся, когда надвигается такая опасность. А немного спустя узнают они о Бурицлаве, что он пришёл в Гардарики (на Русь. — В. Т.) с большой ратью и многими злыми народами. Эймунд делал вид, будто не знает, как обстоит дело, и не узнавал. Многие говорили, что он не решится бороться с Бурицлавом». (3, 113)

Перед нами тревожная обстановка, царившая в Киеве в первые дни княжения Святополка. На престол взошёл старший из рода Рюриковичей. Но главная русская армия стояла на юге и ею командовал объявленный наследником престола Борис. Власть была у одного, реальная

сила — у другого. Столкновение казалось неизбежным. Киевлян удивило спокойствие Святополка, не ставшего собирать рать против Бориса, поход которого на Киев ожидался.

Упоминание злых народов свидетельствует о том, что в южном войске были кочевники. Это, по всей видимости, союзные со времён Владимира Святого чёрные булгары и какие-то подразделения иных степных племён. В саге эти народы названы тюрками и блокуменами. Под блокуменами угадываются булгары. Турками византийцы называли венгров.

После разговора со Святополком отряд Путши поутру отправился в путь. В саге эта поездка описана так:

*«Однажды утром Эймунд позвал к себе Рагнара, родича своего, десять других мужей, велел оседлать коней, и **выехали они из города двенадцать вместе**, и больше никого с ними не было... Эймунд и его товарищи взяли с собой еще одного коня и на нём везли свое боевое снаряжение и припасы. Выехали они, **снарядившись, как купцы**, и не знали люди, что значит эта поездка и какую они задумали хитрость. Они въехали в лес и ехали весь день, пока не стала близка ночь. Тогда они выехали из лесу и подъехали к большому дубу. Кругом было прекрасное **поле и широкое открытое место**. Тогда сказал Эймунд конунг: "Здесь мы остановимся. Я узнал, что здесь будет ночлег у Бурицлава конунга и будут поставлены на ночь шатры"...*

*Видят они **большое войско** и прекрасную повозку. За нею идёт много людей, а впереди несут знамя. Они повернули к лесу и [пошли] по просеке туда, где было лучшее место для шатра, как догадался Эймунд конунг. Там они ставят шатёр, и вся рать также возле леса. Уже совсем стемнело. **Шатёр у конунга был роскошный** и хорошо устроен: было в нём четыре части и высокий шест сверху, а на нём — золотой шар с флагером. Они видели из лесу всё, что делалось в стане, и держались тихо. Когда стемнело, в шатрах зажглись огни, и они поняли, что там теперь **готовят пищу**. Тогда сказал Эймунд конунг: "У нас мало припасов — это не годится. Я добуду пищу и пойду в их стан". Эймунд оделся нищим, привязал себе козлиную бороду, и идёт с двумя посохами **к шатру конунга**, и просит пищи, и подходит к каждому человеку. Пошёл он и в соседний шатёр, и много получил там, и хорошо благодарил там*

за добрый приём. Пошёл он от шатров обратно, и припасов было довольно. Они пили и ели, сколько хотели. После этого было тихо». (3, 113–114)

В саге описан мирный характер посольства Святополка. Действительно, маленький отряд с телегами, гружёнными подарками для Бориса и его воинов, более походил на купеческий караван, чем на воинское подразделение. Сведения о телегах были утрачены, поэтому в саге всю поклажу пришлось везти одному вьючному коню.

По именам перечислены семь викингов вместе с Эймундом, в то время как его отряд исчислен в 12 человек. Это значит, что число 12 содержалось в исходной информации. Посольство Путши состояло из четырёх бояр. Вряд ли они сами правили телегами. Получается, что каждого боярина сопровождало по два воина, которые не удостоились внимания летописца.

Лагерь был устроен на возвышенности, с которой открывался вид на степные просторы. Отсюда просматривался подход возможных врагов, и здесь имелся лес, в котором можно было заготовить дрова для приготовления пищи. Из древнерусских источников мы знаем, что рядом протекала река Альта, так что вода тоже имелась.

Изменивший свой облик Эймунд якобы набрал в лагере пищи на весь отряд и поблагодарил дарителей. Подобными сказками можно было потчевать скандинавских слушателей. Но русы не были такими простаками, чтобы по их лагерю бродили плохо разговаривавшие порусски скандинавы, тем более что реальному Путше незачем было рядиться нищим и привязывать к лицу козлиную бороду. Он приехал в лагерь в качестве посланника великого князя и по праву принял участие в обильном застолье. Зато из саги мы узнаём, что поминальный пир состоялся в роскошном походном шатре Бориса.

После пира в лагере установилась тишина: всё войско погрузилось в сон. Далее описывается нападение на Бурицлава:

«А люди крепко спали во всех шатрах, потому что они устали от похода и были сильно пьяны...

Эймунд конунг разделил своих мужей. Шесть человек оставил в лесу, чтобы они стерегли коней и были готовы, если скоро понадобится высту-

пить. Пошел тогда Эймунд с товарищами, всего **шесть человек**, по просеке к **шатрам**, и казалось им, что трудностей нет...

Эймунд конунг хорошо заметил вечером, где лежит в шатре конунг, идёт он сразу туда и **сразу же убивает конунга** и многих других. Он взял с собой **голову Бурицлава** конунга. **Бежит он в лес и его мужи, и их не нашли. Стало страшно тем, кто остался** из мужей Бурицлава конунга при этом великом событии. А Эймунд конунг и его товарищи уехали, и **вернулись** они домой **рано утром**». (3, 114)

Литературный Эймунд опередил русское войско, запрятавшись в ближайшем лесу. Это ему понадобилось для устройства фантастической военной хитрости. В самом лучшем для установки шатра месте его подручные согнули дерево до земли и привязали верхушку к вбитым колышкам. Они не обманулись в своих ожиданиях. Шатёр Бурицлава поставили рядом с согнутым деревом, а его простоватые слуги не заметили столь приметного подвоха. Затем шестеро убийц подобрались к никем не охраняемому шатру, но не вошли в него, а стали совершать замысловатый трюк. Они накинули верёвочную петлю на флюгер наверху шатра, привязав другой конец веревки к согнутому дереву. Затем, взяв боевые топоры, принялись рубить дерево. Согнутый ствол резко распрямился, сорвал шатёр и забросил его далеко в лес.

Составитель саги слышал об исчезнувшем шатре, но в отличие от летописцев не знал, что шатёр увезли на телеге, завернув в него Бориса. Поэтому викинги и затеяли в ночной тишине шумную рубку дерева. Несмотря на сказочные мотивы, сага позволяет уточнить детали нападения.

Парадный шатёр Бориса, в котором проходил поминальный пир, стоял по обычаям того времени в центре военного лагеря. На его разборку требовалось немалое время, и на одной телеге такое сооружение было не увезти. В действительности нападение было совершено на более скромную шатровую церковь, стоявшую в укромном месте на краю лагеря. Ранним утром Борис удалился в неё со священником и слугой, для того чтобы помолиться за своего усопшего родителя. Утомлён-

ное походом войско после обильного вечернего угощения ещё крепко спало.

Путша решил воспользоваться подвернувшимся случаем и отправил двух вышгородских бояр с их подручными, которым удалось захватить князя. Замаскировав следы нападения, они благополучно добрались до Киева. Их прибытие утром означает, что похитители либо ехали без остановки день и ночь, преодолев за сутки расстояние, равное обычному двухдневному переходу, либо вернулись в столицу утром третьего дня. Так как везли раненого князя, которого требовалось доставить живым, предпочтительнее выглядит второй вариант. Вышгородцы предстали перед Святополком утром 26 июля.

Руководствуясь какими-то своими соображениями, Святополк приказал казнить пленника, но Путша и его товарищи к этому уже не были причастны. Казнь, кстати, состоялась 26 июля, в пятницу, то есть в судный день. Поэтому весьма вероятно, что был суд, на котором пленника обвинили в приготовлении мятежа против правителя и осудили на смерть. Летописцы сгустили краски, сведя всё, по существу мирное, решение военного конфликта на реке Альте к коварному убийству князя и избиению всех его спутников.

Проснувшиеся воины узнали от священника, что Борис отслужил заутреню, но ни его, ни слуги, ни даже походной церкви на месте не оказалось. Загадочное исчезновение предводителя привело их в испуг и растерянность. Это подтверждают слова из диалога Ярицлейва и Эймунда:

*«И идёт Эймунд к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурицлава. "Теперь **посмотрите на голову**, господин, узнаете ли её?" Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: "Это мы, **норманны, сделали это смелое дело**, господин; позаботьтесь теперь о том, чтобы **тело** вашего брата было хорошо с почётом **похоронено**".*

*Ярицлейв конунг отвечает: "Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам: вы должны **позаботиться о его погребении**. А что будут делать те, что шли с ним?" Эймунд отвечает: "Думаю, что они соберут тинг и будут подозревать друг друга в этом деле, потому что они не видели нас,*

и разойдутся они в несогласии, и ни один не станет верить другому, и не пойдут с ним вместе"...

И было так, как думал Эймунд конунг, — всё **войско Бурицлава** конунга ушло и **разошлось в несогласии**... Они обрядили его (Бурицлава. — В. Т.), и **приложили голову к телу**, и повезли его домой. О погребении его знали многие. Весь **народ** в стране **пошёл под руку Ярицлейва** конунга и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоём». (3, 115)

Борис не распускал войска. Летописец решил подчеркнуть его миролюбие за счёт поступка, который он совершить не успел. Войско разошлось после исчезновения предводителя.

Обезглавливание слуги Георгия вроде бы превратилось в обезглавливание Бурицлава. Но о том, что у Бориса была отделена голова, а у Глеба — рука, свидетельствуют обстоятельства перенесения их останков в воскресенье 20 мая 1072 года. Этими частями тел в качестве святых мощей митрополит благословлял князей. (4, 74) Становится понятным приведённое в Ипатьевской летописи сравнение Андреем Боголюбским своих убийц с Горясером — предводителем отряда, настигшего Глеба. (5, 587) Убийцы отрубили Андрею правую руку. Глеб, как и Андрей, боролся за свою жизнь и в бою потерял руку. Но эта деталь не соответствовала желанию книжников изобразить его безвинным и безропотным страдальцем, и описание схватки с Горясером было опущено.

Варяги, добившие раненого Бориса, принесли его голову Святополку, чтобы тот смог удостовериться в гибели своего главного соперника. Возможно, их соблазнила, как и в случае с Георгием Угрином, золотая гривна.

Согласно саге, Святополк повелел похоронить убитого князя норманнам. Нестор описывает, как ещё во время правления Ярослава могилы святых пришли в забвение и их обнаружили благодаря случившемуся чуду:

«Близ бо бе места того, идеже лежаше тело святу страстостерпцю, приходяще из иноя страны варязи стояху. И се един от них, не веды, возиде

*на святую: ишедый пламы **опали ему нозе**. Он же, не терпя, скочи с места того, и не можаше ходити, и возвести дружине своей. Они же, то слышавшие, таче и видевшие нозе его опалене, от того часа не смеяху приблизитися к месту тому. И того услышавшие граждане, приходяще, с страхом **поклоняхуся у гроба святою**». (4, 102)*

Борис был похоронен в земле близ вышгородской церкви св. Василия. В «Сказании о чудесах святых страстостерпцев Христовых Романа и Давида» приведён сходный рассказ о варяге и уточняется, что близ могил братьев стояла церковь святого Василия. (4, 72) Братья были похоронены на одном кладбище.

Останки Глеба были перенесены со Смядыни в Вышгород по приказу Ярослава. Место его вышгородского захоронения было известно. Обнаружение варягами неизвестной вышгородцам могилы следует связать с захоронением Бориса. Его расчленённое тело тайно закопали иноземные наёмники, позднее уехавшие из Киева. Кто-то из этих варягов спустя много лет вновь оказался в Вышгороде и, повинувшись божественной воле, указал место тайного погребения.

Включение переяславского сюжета в скандинавскую сагу подтверждает факт гибели Бориса от варяжского меча. Деяния русских удальцов посредством какой-то дружинной песни об этих событиях стали известны в среде скандинавских воинов и оказались в конечном счёте приписанными Эймунду. Поводом послужило участие варягов в убийстве и похоронах Бориса.

Первоначально в среде киевских иноземцев сложилась легенда, согласно которой всё, что было связано с устранением соперника Святополка, было приписано им. После разгрома Святополка киевские варяги перешли на службу к Ярославу и пополнили его поредевшую в боях варяжскую дружину. От них удивительную повесть о гибели брата правителя узнал скальд и включил её в сагу об Эймунде.

В первоначальном сказании сообщалось об убийстве Борислава-Бориса киевскими варягами, поэтому и в более позднем скандинавском произведении противника правителя Руси стали называть Бурицлавом.

Гибель Глеба

В летописи кончина Глеба описана так:

«Святополк же ока[я]ннии помыслив, рек: "Се убих Бориса. Како бы убити Глеба?" Приим помысл Каинов, с лестию посла к Глебу, глаголя сице: "Поиди вборзе, отец тя зовет, не здоровит велми". Глеб же вборзе всед **на кони с малою дружиною** поиде, бе бо послушлив отцю. И пришедши ему **на Волгу**, на поле подчеся конь в рве, и наломил ему ногу мало. И приде **к Смоленску**. И поиде от Смоленска, яко зрима, и ста **на Смядине в насаде** (ладье. — В. Т.). В се же время пришла весть ко Ярославу от Переславы о отни смерти. И посла Ярослав ко Глебу, глаголя: "Не ходи, отец ти умерл, а брат ти убьен от Святополка"...

Се внезапно приидоша посланни от Святополка на убьение Глеба, а ту абье посланни **яша корабль Глебов** и обнажиша оружиа. Отроци же Глебовы уньшиа. Ока[я]нни же посланни Горасер повеле вборзе зарезати Глеба. Повар же Глебов, именем Торчин, вынзе нож и зареза Глеба...

Глебу же убиену бывшую и **повержену на брезе межи двема колодами**, по сем же вземше, и везоша, и положиша у брата его, у Бориса, у церкви святого Василья». (13, 60)

В «Сказании» уточняется, что Глеб погиб 5 сентября, в понедельник. (4, 53) В 1017 году 5 сентября было четвергом. Понедельник был вычислен из расчёта, что князь погиб в 1015 году. Начало летописного рассказа также недостоверно. В конце августа, когда Глеб должен был отправиться в путь, известие о кончине его отца уже не было новостью.

Летописцы считали Глеба князем Муромским. Путь из Мурома через Волгу к Смоленску и далее в Киев слишком кружной, чтобы признать его реальность. После перевода Бориса на ростовское княжение его младший брат стал черниговским князем. Из Чернигова в Киев через Волгу не ездили.

Нестор, сообщив о вокняжении Святополка, пишет о желании Глеба бежать на север:

«На блаженнаго Бориса мышляше (Святополк. — В. Т.), како еликым образом погубити. Уведев же, святой Глеб восхоте отбежати в полунощные страны, сущу иному тамо брату святую, — рекый, не да како и мя погубит.

Хотя же отити, иде первее в церковь Святых Богородица... Иде к реце, иде же бе кораблець уготован, и влез вон, ти тако отбеже от законопреступнаго брата». (4, 96)

Судя по данным Нестора, Глеб бежал на ладье из Киева во время вокняжения Святополка — 21 июля. Послы Святополка сообщили о бегстве Глеба Борису. Даже если здесь вкралась неточность, бегство следует отнести на время не позднее получения известия о казни Бориса 25 июля. За Глебом по Днепру якобы в течение многих дней гнались преследователи, пока не настигли и не предали смерти. Это совсем другой маршрут, он не проходит через Волгу. Кроме того, до Смоленска, под которым князь погиб 5 сентября, погоня не могла продолжаться столь долго.

Путь по Волге к Смоленску характерен для Ростовского княжества. Бегство в «полунощные страны» также более соответствует Ростову, нежели Смоленску. Перед кончиной Владимира Святого Борису было передано отобранное у Святополка Переяславское княжество, поэтому он оказался в июле 1017 года во главе войска под Переяславлем.

В вышгородской легенде Святополк назван черниговским князем. Несмотря на опалу и понижение в статусе, без удела он не остался. Чернигов отстоит от Киева на 130 километров. Торговые караваны проходили этот путь за два с половиной дня, конный воин мог преодолеть его за сутки. Согласно Нестору, Святополк достиг Киева через короткое время после получения известия о кончине приёмного отца. Киевляне не зря опасались Святополка. Он опередил Бориса, несмотря на то что Переяславль был ближе к столице, чем Чернигов.

Чернигов одно время принадлежал Глебу. После перевода Бориса из Ростовского княжества в Переяславское Глеба переместили в Ростов. В одном из проложных сказаний о Борисе и Глебе сохранилось редкое упоминание о ростовском княжении Глеба: «...а брату его Глебови Ростов будущю». (19, 39) В житии Константина Муромского говорится о том, что жители Мурома не приняли Глеба на княжение. Он отъехал от города на реку Ишню и оставался здесь до получения известия о смерти отца. (19, 71) Река Ишня находится близ Ростова. Под воздействием

летописных известий, по которым Глеб был только муромским князем, Ростов был заменён на Муром, и рассказ включили в состав жития муромского святого.

В своё последнее путешествие Глеб отправился из Ростова во второй половине августа. Его конный отряд добрался до Волги. От Смоленска уже плыли по Днепру на ладьях. За городом Глеба ожидали враги. Ранее, убедившись, что пришедший к власти Святополк опасен, Глеб бежал по Днепру в своё княжество. Сходство днепровских маршрутов в Ростов и из Ростова породило фантастическую погоню из сочинения Нестора, объединившую две поездки.

Погоня настигла Глеба у впадения Смядыни в Днепр. Позднее на этом месте был основан монастырь, в котором в 1145 году была построена каменная Борисоглебская церковь. (12, 25–27) Глеб миновал Смоленск, где княжил его сводный брат Станислав, и проследовал далее.

Военный четверг и отрубленная в схватке рука говорят о том, что Глеб знал о заставе из воинов Святополка за Смоленском, но решил пробиться через этот заслон. В битве с отрядом Горясера военное счастье отвернулось от Глеба, и повар Торчин добил истекающего кровью князя.

Бежать из Ростова Глеба могли вынудить только чрезвычайные обстоятельства. Нестор пишет:

*«И о том уведев ока[я]нный той (Святополк. — В. Т.), яко на полунощныя страны бежал есть святой Глеб, посла и тамо, да и того погубят... Они же абие вследова **кораблечи** борзы, гнаша по святем Глебе **дни многы**. И уже им приближающимся к ним, и узреша иже беша с святым напрасно корабле исходящее на ня, **взяша оружия** своя, хотяща противитися бо им». (4, 99)*

Оружием в руках Глеба был его меч. После того как на Руси установилось почитание святых братьев, их вещи превратились в ценные реликвии. Меч Бориса носил Андрей Боголюбский. Меч Глеба не перешёл к новому хозяину, так как утонул в Днепре.

Святополк, казнив Бориса, решил расправиться с Глебом. Спасаясь от убийц, Глеб с малой дружиной добрался от Ростова к Смоленску через Волгу. В Тверской летописи находим уточнение маршрута беглецов:

«Он (Глеб. — В. Т.) же вборзе и вmale бояр *всед* на конь поиде. И пришедшу ему **на Волгу, на усть реки Тми**, на поли подчеса под ним конь во рве, и надломи ему ногу мало. И на том месте ныне **монастырь Бориса и Глеба**, зовомый Втомичий. Он же **всед на насад, поиде Волгою**. И яко прииде к Смоленску и поиде от Смоленска в кораблеци, яко зреимо едино, и ста на Смядыни. И в се время прислав к нему Ярослав, глаголя: "Не ходи, брате, отец наш умре, а брат твой убит от Святополка"». (14, 130)

Конь споткнулся на поле близ устья реки Тьмы, которая впадает в Волгу выше Твери. В Минее в статье «2 мая» говорится о достижении Глебом устья Волги, от которого он отправился водой до Смоленска. (6, примеч. II, 6) В искажённом известии угадывается достижение устья реки Тьмы, то есть района Твери, где князь пересел на ладью.

На Смядыни, за Смоленском, Глеб был 5 сентября. Дорога от Твери до Смоленска занимала около восьми дней. Из Твери он должен был отправиться в дальнейший путь не позднее конца августа. На путь от Ростова до Твери у него ушло ещё около шести дней. Посланники Святополка вынудили его бежать из Ростова во второй половине августа.

В Типографской летописи утверждается, что Глеб повредил ногу. (17, 46) Об этом же сообщается в Мазуринском летописце:

«Он же скоро поиде в мале дружине, и на пути **спаде с коня, и надломи ногу**, и того ради сяде в насад, и поиде от Смоленска, и ста на Смядыни, и приидоша к горе Сидом». (10, 50)

Падение со споткнувшегося из-за рытвины коня стало причиной того, что повредивший ногу князь был вынужден пересесть на ладью. Но в проложном сказании о святых братьях наряду с известием о ростовском княжении Глеба сообщается: «...и наломи конь ноги мало». (19, 39) Получается, что повреждение ноги князя — догадки поздних летописцев, сделанные в поисках причины пересаживания на ладью.

Подтверждением пути Глеба через Тверь служит судьба Ефрема Угрина. Он окончил свои дни в Новом Торге, современном Торжке, где основал монастырь, позднее названный Борисоглебским. В монас-

тыре покоятся как мощи его основателя, так и голова Георгия Утрина. А. А. Шахматов:

«Сравни в Летописце Новгородским церквям Божиим (XVII век) под 6523 годом: "Преподобный отец наш Ефрем Новоторжский бе в сия времена". Основание монастыря относится преданием к 1030 году». (19, 69)

Дата появления Ефрема в Торжке отнесена к 1017 году по «эре –5506 года» и совпадает с датой проезда Глеба через Тверь.

По реке Тверце, в устье которой стоит Тверь, путь идёт на Торжок и Новгород. Путь от Ростова к Твери — это путь в Новгород. Глеб ехал к новгородскому князю Ярославу, но в районе Твери что-то заставило его круто изменить маршрут и отправиться к Смоленску.

Известие от Ярослава скорее могло достичь Глеба у лежащей близ новгородских границ Твери, нежели у удалённого от Новгорода Смоленска. Если мы переместим эпизод с известием, то получим более правдоподобную картину. Достигнув Волги, Глеб получил известие и повернул к Смоленску. Глеб опоздал: Ярослав уже покинул Новгород. Узнав в районе Твери новости, Глеб изменил маршрут и отправился на юго-запад, надеясь догнать Ярослава и присоединиться к его войску. Водный путь по Волге ведёт от Твери к Днепру как раз в юго-западном направлении, из-за чего беглецы пересели на ладью.

Ладью можно было получить только в населённом месте. Заселённость Твери во Владимирову эпоху вытекает как из её названия, восходящего к племенному прозвищу тиверцев, которых Владимир Святой после захвата Нижнего Приднестровья в 994 году расселял в разных местах своей державы, так и из наличия Успенского собора в древнейшей части города — на стрелке у впадения Тверцы в Волгу. Успенский культ обычно укоренялся в поселениях, возникших не позднее 997 года, поэтому основание Твери следует отнести к 994 году.

Лаконичный эпизод с попаданием коня в рытвину — реликт рассказа о каком-то судьбоносном для Глеба событии. Ефрем, судя по всему, бежал с головой брата к Глебу в Ростов. Затем он в составе дружины со-

проводил князя в его поездке до Твери. Здесь их пути разошлись: Глеб отправился к Смоленску, Ефрем оказался в Торжке.

Обращает на себя внимание то, что нога была повреждена «мало». Для объяснения причины пересаживания князя на ладью такое пояснение не требовалось. Наоборот, чем серьёзнее была травма, тем логичнее выглядело бы пересаживание. Кроме того, для объяснения травмы князя достаточно было бы указания одной причины — падения с коня. Здесь же мы имеем более сложную последовательность событий: сначала конь натывается на рытвину, из-за чего князь падает и повреждает ногу.

Малое повреждение получила конская нога, что разъясняет причину отставания от отряда Ефрема. Малая травма была излечима, а Ефрем был конюшим Глеба. Слегка повредивший ногу княжеский конь — существенная причина для того, чтобы конюший остался его выхаживать. Пересевшие на ладью спутники Глеба также были вынуждены оставить своих коней. Так что на попечение Ефрема был оставлен целый конский табун. Тверские эпизоды восходят к сказаниям о Ефреме, которые позднее дополнили сказания о Глебе.

Споткнувшийся конь — дурное предзнаменование, которое воспринималось как вещий знак последующих событий. Под Тверью Глеб изменил маршрут и этим обрек себя на смерть. Для житийных повествований о Ефреме эпизод с конём разъяснял его появление в новгородских землях, а заодно и источник средств. Кони после получения известия о смерти Глеба были проданы, а средства пущены на богоугодное дело — основание странноприимного дома.

Получив известие о гибели Глеба, Ефрем перебрался в Торжок, так как Ростовское княжество перешло во власть наместников Святополка. Начало деятельности Ефрема в Новгородском княжестве следует отнести на сентябрь 1017 года.

Тверь находится от Ростова дальше, чем река Тьма. На противоположной от древней Твери стороне Волги находится устье реки Тьмаки — на пути, по которому Глеб следовал к Твери. Скорее всего, про-

изошла замена названия на сходное — «Тьмака» на «Тьма». Конь споткнулся в устье Тьмаки. Но позднее народная традиция связывала имя Глеба уже с устьем Тьмы. Шахматов:

«Сравни в описи XVI века: "...монастырь Вотминчина на берегу на Волге... а в нем церковь пресв. Богородицы да страстостерпцы Борис и Глеб". Ныне этот монастырь упразднен; на его месте село Отмичи Тверской губернии и уезда, в 13 верстах к северо-западу от Твери вверх по берегу р. Волги, на устье Тьмы». (19, 62)

Благочестивые обитатели тверской округи, основываясь на поздних преданиях, основали монастырь на месте предполагаемого ранения Глеба.

Святослав Древлянский

После рассказа об убийстве Глеба летописец сообщает о ещё одном злодеянии Святополка:

*«Святополк же окаянны и злыи **уби Святослава**, брата своего, послав ко горе Угорскои, бежащую ему в Угры, и нача помишляти, яко: "Избью всю братью свою и прииму власть рускую един"».* (13, 61)

Для расправы с Борисом и Глебом у Святополка причины были. Борис был объявлен Владимиром Святым наследником великокняжеского престола, Глеб оставался мстителем за смерть брата. Святослав также представлял угрозу для верховенства Святополка.

В перечне сыновей Владимира Святого Святослав следует за Вышеславом, Изяславом, Святополком, Ярославом, Всеволодом. В перечне уделов Владимировичей Святослав и его Древлянское княжество стоят впереди Всеволода, правившего во Владимире-Волынском. В эпоху Святослава Великого следующим по знатности за Киевским княжеством было Древлянское, затем шло Новгородское.

Во время правления Святополка Вышеслава и Изяслава уже не было в живых. Согласно данным исландских саг, к этому времени погиб и Всеволод. (15, 126; 2, 211) Так что по знатности Святослав следовал непосредственно за Святополком и Ярославом.

До 26 июля 1017 года Святополк пытался договориться со своими братьями, склоняя их признать за ним старшинство в стране. После казни Бориса наступило время более решительных действий. Святослав сидел в Белгороде, столице Древлянской земли. От Белгорода до Киева полдня пути, и о трагических событиях в Киеве Святослав мог узнать уже 27 июля. Он не стал дожидаться посланников Святополка и бежал на запад. Убийцы настигли его в районе Карпат. Это значит, что погиб он уже в августе.

Святополк истребил ближайших конкурентов за обладание верховной властью и не смог добраться только до осторожного Ярослава. Младших Владимировичей он трогать не стал. Станислав, например, был единоутробным братом погибшего Святослава и княжил в Смоленске. Под Смоленском погиб Глеб, так что подручные Святополка были рядом с этим городом и могли расправиться со Станиславом.

Титмар говорит о передаче власти двум братьям в то время, когда третий сидел в тюрьме. В тюрьме сидел Святополк. С Ярославом Владимир Святой был в состоянии войны и не мог включить его в список своих наследников. Следующими по знатности шли Борис и Святослав. В вышгородской легенде говорится о трёх братьях, разделивших страну после кончины отца: Святополке, Борисе и Глебе. Перед нами сходные рассказы о завещании Владимира Святого. Только в легенде под влиянием произошедших после кончины Крестителя Руси событий Святополк заменил Святослава.

После занятия великокняжеского стола Борисом следующее по значению Переяславское княжение было бы передано Святославу. Святослав присоединился к болгарской партии, с тем чтобы за счёт отстранения Святополка и Ярослава получить более престижное княжество. Этим можно объяснить его бегство за границу после того, как Святополк захватил престол: древлянский князь безуспешно пытался уйти от расправы.

Два члена наметившегося триумvirата бежали, третий — отказался вступить в борьбу. Но всех их постигла одинаковая участь.

Литература

1. Грицков В. В. Крещение Руси. М., 2009.
2. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993.
3. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
4. Древнерусские княжеские жития. М., 2001.
5. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. М., 1988.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
8. Коринфский А. А. Народная Русь. Смоленск, 1995.
9. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
10. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968.
11. Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 год. М., 1994.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
13. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
14. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
15. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995.
16. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
17. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 24. М., 2000.
18. Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005.
19. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.

Глава 2

НОВГОРОДСКИЙ ПОХОД

Восстание

До начала похода Ярослава на Святополка в Новгороде произошли волнения. В Радзивилловской летописи в статье 6523 года есть такой рассказ:

*«Святополк же оканныи нача княжити в Киеве, и созва люди, и нача дати озем корзна, озем кунами, и раздая множество. Ярославу же не ведуще отни смерти, и **варязи мнози** у Ярослава **насилье творяху новгородцем**. И вставши новгородци, и **избиша варязи в дворе Поромони**, и разгневался Ярослав, и шед на Роком, сед в дворе, посла к новгородцам, рече: "Уже мне сих не крести (не воскресить. — В. Т.)". И позвав к себе **нарочитыя мужи**, иже бяхуть иссекли варягы, и обольстив я, и **иссече**.*

В ту же ноц прииде ему весть ис Киева от сестры его Предславы: "А отци ти умерл, а Святополк сидит в Киеве, уби Бориса и на Глеба посла. Блюдися сего повелику". И се слышав, печален бысть по отци и по братьи и о дружине.

*Наутра же собрав **избыток** новгородцев, Ярослав рече: "О, любимая дружина, юже вчера избих, а ныне быша надобе". Утерл слез[ы] и рече им на вечии: "Отец мои умре, а Святополк сидит в Киеве, избивая братью свою". И реша новгородци: "Аще, княже, братия наша иссечена суть, **можем по тебе бороти**". И собрав Ярослав **варяг 1000, а прочих 40 000**, и поиде на Святополка». (16, 61–62)*

Призванные Ярославом на помощь варяги своим поведением вызвали возмущение новгородцев. В разгоревшемся мятеже пострадали иноземные наёмники, жившие на дворе Поромони. Ярослав казнил зачинщиков мятежа, но в ближайшую ночь получил известие о кончине

отца и убийстве Бориса. Он решил выступить в поход на Святополка и, примирившись с новгородцами, собрал большое войско. Известие он должен был получить не позднее августа 1017 года. Рассказ датирован по «эре –5506 года».

В Комиссионном списке Новгородской летописи события излагаются несколько иначе:

*«В лето 6524. Бысть сеца у Любца, и одоле Ярослав; а Святополк бежа в Ляхы. В Новегороде же тогда Ярослав кормяше варяг много, бояся рати. И начаши варяги насилie деяти на мужатых женах. Ркоша новгородци: "Сего мы насилья не можем смотрити". И собрашася в ноць, исекоша варягы в Поромоне дворе. А князю Ярославу тогда **в ту ноць** сущу на **Ракоме**. И се слышав, князь Ярослав разгневался на гражаны, и собра **вои** славны **тысящу**, и, обольстив их, **исече**, иже бяху варягы ти иссекли. А **друзии бежаше** из града. И в ту же ноць ис Киева сестра Ярославля Передслава присла к нему весть, рекиши: "Отец ти умерл, а братья ти избиена". И се слышав, Ярослав заутра собра новгородцов **избыток**, и створи **вече на поле**, и рече к ним: "Любимая моя и честная дружина, юже вы исекох вчера в безумии моем, не топерво ми их златом окупите". И тако рече им: "Братье, отец мой Володимир умерл есть, а Святополк княжить в Киеве. Хощу на него поити. Потягнете по мне". И реша ему новгордци: "А мы, княже, по тебе идем". И собра **вои 4000: варяг** башет **тысяща**, а новгородцов **3000**. И поиде на не». (13, 174–175)*

Описание событий начинается с битвы при Любече, затем приводятся более ранние новгородские усьобицы. Битва произошла зимней порой, что по осенней «эре –5506 года» ведёт в следующий год. Поэтому статья датирована 6524 годом.

В киевской летописи более достоверно освещено подавление новгородского восстания. Так, казни были подвергнуты «нарочитые мужи», зачинщики беспорядков, а не целая тысяча отборных воинов. Судя по бытованию должности тысяцкого, Новгород для походов обычно выставлял тысячу воинов, а не три. В противном случае тысяцкий был бы в каждом из концов. Большее количество воинов город выставлял в исключительных случаях. При этом воинов набирали как в самом городе, так

и во всех землях, которыми ведал каждый из концов. Перебив 1000 воинов, Ярослав вырезал бы значительную часть мужского населения города, и последующий поход стал бы невозможен. Новгородский летописец несколько сгустил краски.

Причиной восстания стало оскорбление варягами замужних женщин. Ярослав казнил нескольких знатных новгородцев, остальные зачинщики самоуправной мести бежали. Вольности варягов и смелость князя не соответствуют тревожной обстановке, царившей в Новгороде накануне кончины Владимира Святого.

В городе опасались прихода сильной киевской армии. Эта боязнь привела к призыванию большого для Новгорода числа северных наёмников. Новгородский летописец сокрушался: «Ярослав кормяше варяг много, бояся рати». Рассорившись с отцом, Ярослав отказался выплачивать подати и нанял варягов для борьбы с центральной властью. В Киеве готовились к большому походу на мятежное княжество, о чём в Новгороде знали.

Согласно летописям, известия о кончине Крестителя Руси и избииении Владимировичей благодаря Предславе, сестре Ярослава, достигли Новгорода одновременно. Между тем новгородцы должны были тщательно отслеживать происходившие в столице события и иметь осведомителей помимо княжны.

Святополк взошёл на престол 21 июля и сразу же послал мирное посольство к Борису. В условиях противостояния с этим официальным наследником скончавшегося великого князя Святополку был необходим мир, а еще лучше — военный союз с Ярославом. Ярослав должен был получить известие о смерти отца, а через несколько дней — предложение мира от Святополка.

О прибытии в Новгород посольства сообщается в саге об Эймунде:

*«После того как они (отряд Эймунда. — В. Т.) там (в Новгороде. — В. Т.) пробыли недолго в доброй чести, **пришли письма от Бурицлава** конунга (Святополка. — В. Т.) к Ярицлейву конунгу, и говорится в них, что он просит несколько волостей и торговых городов у конунга, которые ближе всего*

к его княжеству, и говорил он, что они ему пригодятся для поборов... Тогда сказал Эймунд: "Скажи **послам своего брата**, что ты будешь защищать свои владения. **Не давай** им только **долгого срока**, чтобы **собрать войско** против тебя, потому-то мудрые сказали, что **лучше воевать на своей земле, чем на чужой**". **Поехали послы обратно** и сказали своему конунгу, как всё было и что Ярицлейв конунг не хочет отдавать своему брату нисколько от своих владений и готов воевать, если он нападёт на них». (2, 109)

Странный совет дали анонимные мудрецы: воевать на своей, а не на чужой земле. Традиционная мудрость заключена в противоположном образе действий. Сказитель не понял свой источник и ошибочно переиначил слова мудрецов. Ярослав как раз не стал дожидаться прихода киевлян в Новгород и предпочёл вести войну во владениях Святополка.

Получение известий о кончине Владимира и мирные предложения нового правителя изменили обстановку в Новгороде. Здесь перестали опасаться киевской расправы. В саге говорится о том, что норманнам отвели для проживания палаты. Но в палаты могли поселить только часть наёмников. Простых воинов, по обычаям того времени, отправили на постой к новгородцам, и основные тяготы по содержанию пришельцев легли на горожан. Новгородцы терпели обременения под угрозой нашествия. Но когда эта угроза отпала, накопившееся раздражение от чрезвычайной повинности выплеснулось в бунт при первом же бытовом конфликте.

События тех дней развивались следующим образом. К новгородцам прибыло киевское посольство с известием о наметившемся замирении с Киевом. Ярослав удалился с послами для ведения переговоров в свою загородную резиденцию в селе Ракома, находившуюся на берегу озера Ильмень к югу от Новгорода. Норманны даже под воздействием радостной новости вряд ли осмелились бы на насилие над женщинами в чужом городе, а новгородцы — на самовольную расправу без попытки найти справедливость у князя.

Обратим внимание на то, что близко ко времени возможного прибытия посольского каравана с дарами для новгородцев были большой

церковный праздник Успения Богородицы и окончание успенского поста. В атмосфере массового гуляния и влияния хмельных напитков одни мужчины могли позволить себе неприличное поведение в отношении чужих женщин, а другие — скорую расправу.

Нападение на норманнов было ночным, а местом беспорядков назван Поромонь-двор. Название Поромонь-двора обычно сблизжают с именем *Парамон*. Основная часть норманнов размещалась на постой в усадьбах новгородцев, и проживание обидчиков у какого-нибудь новгородского Парамона вполне возможно. Но сходные названия имеются в иных, отличных от усадьбы предполагаемого Парамона, местах.

Более достоверно соотнесение Поромонь-двора со скандинавским словом *«фармадр»* — *«лицо, занимающееся мореплаванием и торговлей»*. (2, 165) В форме *«фарименн»* оно имело значение *«путешественник»*. (7, 451) В новгородском Софийском соборе обнаружено граффити конца XI века *«фарьман глебов»*. Со скандинавской лексикой связывают греческий термин X века *«парамонаи»* — *«телохранители»*. Так константинопольцы могли переосмыслить самоназвание скандинавов, служивших телохранителями византийских императоров. Поромонь-двор был предшественником Готского и Немецкого дворов, в которых в разное время останавливались прибывавшие в Новгород иноземные купцы. (7, 451) Крупные древнерусские города на торговой площади кроме лавок имели гостиные дворы, в которых приезжие гости-купцы жили и хранили товары.

В Новгороде Торг включал в себя торговую площадь с торговыми рядами и Гостиный двор. Со временем возникли специальные гостиные дворы для иноземцев. Так, под 1272 годом на Торговой стороне в Славенском конце упоминается Немецкий двор на Варяжской улице. Под 1275 годом этот двор известен как стоящий на Торгу близ Княжь-двора, то есть Ярославова двора. (13, 90 и 323)

Под 1403 годом появляются сведения о наличии Готского двора на Княжанском берегу, то есть в районе Ярославова двора. Под 1406 годом уточняется, что этот двор стоял рядом с Княжь-двором. Готский

двор возник там же, где в предшествующее время был известен Немецкий двор.

Понять причину перемены названия помогают летописные записи под 1391 годом. В этом году новгородцы вели в Изборске переговоры о мире с иноземцами. Посланников прислали: столица торгового ганзейского союза городов Любек, Готский берег, Рига, Юрьев, Колывань. Заключив мир, посланники переехали в Новгород со своими товарами, очевидно, для торговли. Здесь им пришлось «*двор свои ставити изнова*» — возобновлять сгоревшие в предшествующее время постройки. (13, 384) Во время этого возобновления и произошла смена названия двора. Купцы Готского берега приняли наибольшее участие в строительстве, и Немецкий двор превратился в Готский.

Немецкий двор стоял на Варяжской улице. В более раннее время северных иноземцев в Новгороде прозывали не немцами, а варягами, поэтому и Немецкий двор ранее назывался Варяжским. При Варяжском дворе имелась Варяжская церковь, одно из зданий которой сгорело в 1152 году. В церкви заморские купцы хранили товары. (13, 29 и 57) С переименованием Варяжского двора в Немецкий церковь при дворе называли то Варяжской, то Немецкой. (13, 323 и 334)

Под 1418 годом в псковском районе Завеличье, в начале Изборской улицы, упоминается название *Поромань*. В начале той же Изборской улицы стояла церковь Успения с Паромения (Парамо-Успенская церковь, Пароменская церковь). (2, 120 и 165) В начале Изборской улицы по соседству с церковью располагались Немецкий двор и Завелицкий Торжок. Отсюда мост вёл к Старому торгу, Довмонтову городу и Крому, то есть к центру Пскова. Немецкий двор был переведён в Завеличье в XV веке, а до этого располагался в районе Старого Торга — главного торгового центра города.

Сравнение новгородских и псковских известий говорит о том, что Варяжский двор имел второе название Поромонь-двор, восходящее к скандинавскому наименованию пристанища иноземцев. В Пскове оно сохранилось в названии церкви при дворе.

Реликты размещения варяжского Поромонь-двора близ княжеской резиденции находим в Старой Ладоге. Здесь на возвышенности, лежащей на южной окраине средневекового города, имеется топоним *Княщина*, а с юга Княщину ограничивает Парамонов ручей. (7, 451)

В эпоху Ярослава Мудрого Варяжский двор находился на новгородском Торге, в качестве одного из подразделений Гостиного двора. Во время наплыва военных наёмников все жилые помещения Торга использовались под казармы.

К Торгу примыкал Княжий двор — резиденция князя в городе. Русские князья раннего Средневековья были одновременно крупными торговцами. Их благополучие во многом зиждилось на трансконтинентальной торговле. Само древнерусское государство набрало могущество благодаря торговым путям с Балтики в Византию и в мусульманские страны. Новгород и Киев были крупными центрами на этом пути, обслуживавшими нужды купцов.

Основные выплаты с подвластного населения поступали князю в натуральном виде в качестве продуктов земледелия, скотоводства и охоты. Для получения предметов роскоши, оплаты наёмных воинов и труда ремесленников нужны были деньги, которые могла дать торговля. Соседство княжеской резиденции с главным торговым центром Новгорода говорит об особом потворстве торговле со стороны новгородских князей. Под таким же особым покровительством находились призванные на военную службу иноземцы. Конфликт с ними, кроме всего прочего, мог привести к долгосрочным осложнениям в международных отношениях и заморской торговле.

На Варяжском дворе разместились предводители варяжского отряда, а рядовые воины — в соседних зданиях Гостиного двора и в усадьбах новгородцев. Наёмный варяжский корпус в эти тревожные времена был, по существу, гвардией Ярослава, а поселённые рядом с княжеской усадьбой иноземные головорезы исполняли роль его телохранителей. Восставшие штурмовали княжеский район города. В случае успеха штурм верхушка остававшихся в городе слуг Ярослава и наёмников была бы вырезана, а власть князя над городом ликвидирована.

Во время крещения Новгорода в 993 году ростовский отряд Путяты в 500 человек успешно противостоял силам всего левобережья Новгорода. Отборные норманны по своим боевым качествам должны были быть близки к ростовским витязям. Для нападения на Гостиный двор требовались боеспособные мужчины, по крайней мере, со всего окружавшего Торг Славенского конца. Не случайно среди зачинщиков были «нарочитые мужи». Без местной знати таких больших сил собрать было нельзя. Штурм Гостиного двора мало походил на бытовую драку. Летописец на порядок преувеличил силы новгородцев в походе на Святотолка и преуменьшил размах мятежа.

Поромонь-двор на юге воспринимался как двор одного из новгородских Парамонов. Убийство иноземных постояльцев в усадьбе какого-то Парамона — это частное преступление её хозяина и его друзей. Нападение в отсутствие князя на общегородской Торг сотен воинов — государственная измена. Простой заменой общеизвестного названия *Варяжский двор* на малоизвестное местное его именование *Поромонь-двор* рассказчик менял ситуацию. Мятеж превращался в бытовое преступление отдельных рядовых новгородцев, из-за которого Ярослав пролил реки крови ни в чём не повинных лучших людей города.

Летописец сообщает об избиении варягов. Но далее выясняется, что 1000 иноземцев приняла участие в военном походе. Значит, были перебиты далеко не все наёмники. При этом новгородцы одержали победу над пришельцами, так как Поромонь-двор был захвачен. Выбитые из укрепленного жилища варяги должны были оказаться в сложном положении.

Сага хранит молчание о новгородском побоище. Если викингам удалось бы отразить ночное нападение, то этот их подвиг был бы достойно воспет. Они, безусловно, оказались бы единственными спасителями Ярицлейва от гнева его неблагодарных подданных. Можно сделать вывод о том, что норвежцы испугались штурмующей их казарму толпы и бежали под защиту укреплений соседнего Княжь-двора, напасть на который горожане не решились. Об этом говорят как смелый приход к Ярославу «нарочитых мужей», считавших свою вину за схватку с обид-

чиками-варягами вполне искупимой, так и молчание саги. Даже если бы варяги отсиделись за спинами княжеских дружинников, отражение штурма было бы приписано исключительно им. Это значит, что штурм Княжь-двора не было.

В XV веке Новгород состоял из пяти концов. На левом берегу в северной части Софийской стороны лежал Неревский конец, в южной — Людин, между ними — Загородный. На правом берегу в северной части Торговой стороны находился Плотницкий конец, в южной — Славенский. Количество городских районов возрастало постепенно, и первоначально Новгород состоял из трёх концов: Славенского, Людина и Неревского. Действительно, Загородный конец впервые упоминается в 1388 году, хотя район Загородье известен с 1372 года, а его жители — с 1218 года. Плотницкий конец известен с 1368 года, а Плотницкий ручей, названный по стоящему на его границе городскому району Плотники, — с 1134 года.

Концы были самоуправляемыми районами города. Позднее кончанские старосты ведали делами приехавших в Новгород жителей соответствующей пятины. Вся Новгородская земля была разделена на пять пятин по числу концов.

На территории концов были сосредоточены усадьбы бояр — землевладельцев, имевших владения в разных местах Новгородчины. Вокруг боярских концов были разбросаны посады с простым населением. Недостаток территории в концах приводил к тому, что зажиточные горожане и землевладельцы начинали селиться за их пределами среди посадского населения. Но несмотря на своё личное богатство, из-за проживания на посаде их социальный статус в городе был намного ниже, нежели у подобных им обитателей концов. Со временем два наиболее сильные посада — Плотники, а затем Загородье — сумели завоевать высокое кончанское звание, и количество концов увеличилось до пяти.

Наказаны были «нарочитые мужи» — знать. Знать жила не на посадах, а на концах. В мятеже была замешана верхушка Славенского конца, на котором располагался Торг. Часть заговорщиков погибла, часть — бежала. Но, учитывая многочисленные родственные связи, большая часть

знати Славенского конца и после поражения выступления должна была относиться к князю враждебно.

Ярослав после подавления мятежа обращался не к поверженному противнику, а к «избытку новгородцев» — иным новгородцам. К кому он обратился, помогает понять указание на место его встречи с горожанами. Вече было собрано на поле. Если бы вече собирали на правобережье, то оно проходило бы на Торгу.

Большое поле лежало между Людиным и Неревским концами за Детинцем — на месте будущего Загородья. На вече 17 августа были созваны жители двух левобережных концов. Ярослав не пытался примириться с пострадавшими семействами. Он обратился к не участвовавшим в столкновении горожанам с искренними сожалениями о случившемся.

Во время крещения новгородцев в 993 году Славенский конец не оказал существенного сопротивления центральной власти, тогда как жители левобережья встретили войско Добрыни и Путяты камнемётами. Прокиевские настроения славенцев можно отчасти объяснить зависимостью благосостояния славенских купцов от торгового пути из варяг в греки, ключи от которого были у киевлян. Святополку важно было заручиться поддержкой Новгорода, а при удобном случае и подчинить его. Приехавшие в город посланники великого князя в первую очередь должны были искать расположения у жителей Славенского конца.

Два конца в восстании участия не приняли. Это не было общегородское выступление. Выражение «*вои славны тысящу*», судя по всему, восходит к выражению «*вои славны тысяцкий*». Следует учесть, что двор новгородского тысяцкого в 993 году был на левобережье. При консервативности новгородских традиций тысяцкий и в 1017 году должен был проживать на левобережье, где располагалось общегородское крепостное убежище Детинец. Поэтому тысяцкий принял бы участие в боях только в случае созыва общегородского ополчения. Был убит какой-то иной тысяцкий.

Святополк для уговоров и нейтрализации Бориса направил Путяту, который имел звание тысяцкого ещё при Владимире Святом.

Путята блестяще справился с заданием. После устранения Бориса самым опасным из возможных противников для Святополка становился Ярослав. К нему должны были отправиться наиболее опытные и доверенные люди великого князя. Определение «славный воин, тысяцкий» как нельзя лучше походит к ростовскому тысяцкому Путяте, который в Новгороде должен был быть памятен по бурным событиям эпохи крещения города, а Ярославу — по пребыванию на ростовском княжении. Похоже на то, что посольство в Новгород возглавил Путята.

В Новгороде наблюдается ситуация, сходная с ситуацией на реке Альте. Приезд посольства совпал с пирами и возникновением раздоров в стане противника. Тактика Святополка в обоих случаях была одинаковой. С одной стороны, он пытался переманить соперника на свою сторону щедрыми дарами и посулами, с другой — изыскивал возможность его уничтожить. На Альте Борис в роковое для него утро оказался наедине с посланниками Святополка в укромном месте вдали от войска. Ярослав в ночь мятежа также оказался с посланниками Святополка за городом в укромном месте вдали от войска.

Сходство тактики позволяет сделать вывод о том, что на Альте Бориса ранним утром заманили в удалённую от войска походную церковь под предлогом доверительных переговоров. Под таким же предлогом Ярослава выманили из города накануне мятежа. Но какой-то доброхот князя передал ему записку Предславы, в которой раскрывались тайные замыслы Святополка по его устранению.

Мятеж подтвердил содержание записки, и Ярослав принял свои меры. Он задержал на Ракоме посольство и притворной мягкостью заманил к себе зачинщиков неудавшегося бунта. Здесь бояре Славенского конца были обвинены в измене и преступном сговоре с посланниками Святополка. Судебное разбирательство подтвердило подозрения Ярослава, и бояре вместе с их сообщниками из посольства были изрублены княжескими воинами. Так закончил свою жизнь славный богатырь Путята.

Мятеж произошёл после празднования Успения, в ночь с 15 на 16 августа. 16 августа, когда проходил скорый суд, было пятницей, суд-

ным днём. В саге говорится, что посольство вернулось в Киев. Какая-то его часть, не участвовавшая в совете в Ракоме, уцелела и бежала вместе с новгородскими мятежниками к Святополку. Но убийство главы посольства делало войну с Киевом необратимой. Ярослав, доказав на вече, что его действия были вынужденными из-за вероломства Святополка и славенских бояр, добился поддержки горожан, сплотившихся перед лицом неминуемой опасности.

Новгородская рать

После того как Святополк частично перебил, а частично разогнал официальных наследников Владимира Святого, он столкнулся с Ярославом Мудрым. Новгородский князь готовился к войне с отцом, но выступить пришлось против брата. Узнав о кончине Владимира Святого и избиении братьев, Ярослав спустился на юг и разбил киевское войско под Любечем.

В Радзивилловской летописи войско Ярослава определено в 41 000 воинов. (16, 62) В Типографской летописи — в 31 000. (22, 47) В составе войска была 1000 варягов. В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи число варягов исчислено в 6000 человек. (5, 128)

В новгородском летописании находим более скромную и более правдоподобную численность выступившего из Новгорода войска: 4000. Оно состояло из 1000 варягов и 3000 новгородцев.

Войско Ярослава под Любечем имело одну особенность, которую не преминули подметить его противники. Во время противостояния на Днепре киевский воевода Волчий Хвост бранился:

*«И воевода Святополч нача, езда возле берега, укарати новгородцев, глаголя: "Что приидосте со **хромцем** сим? А вы **плотници** суще, да приставим вас хо[ро]мов рубити наших"».* (16, 62)

Киевлянам противостояло ущербное воинство. Калека возглавлял плотников, пригодных не для войны, а только для обслуживания киевлян. Проще говоря, урод во главе всякого сброда.

Упоминание плотницкой части войска говорит о том, что убыль воинов Славенского конца возместили набором воинов из новгородского района Плотники. Плотники, расположенные на берегу Волхова рядом с Торгом, занимали выгодное географическое положение, и здесь возник ранний и обширный новгородский посад. Судя по названию, основу его населения составляли плотники, которые требовались как для строительства часто горевших боярских усадеб, так и для постройки торговых и боевых судов купеческого города.

Сага сообщает о наборе воинов со всего княжества:

«Ярицлейв конунг послал боевую стрелу по всему своему княжеству, и созывают конунги всю рать». (2, 109)

Судя по совету опередить Святополка в сборе войска, созыв воинов был поспешным.

Людин и Неревский концы вместе с подвластными им землями Новгородчины выставили по 1000 воинов, третью тысячу набрали из оставшихся жителей Славенского конца, дополнив их добровольцами из Плотников и иных посадов. Боярское ополчение Людина и Неревского концов по знатности и боевому опыту стояло вровень с боярским ополчением Святополка. Иное дело — простолюдины из Плотников. Необычность для того времени формирования войска за счёт народного ополчения привлекла внимание киевского боярина, который воспринял это деяние Ярослава как попрание традиций.

Главные военные ресурсы страны были сосредоточены в районе южной оборонительной линии. Так, под Переяславом численность армии Бориса насчитывала 8000 человек. В заграничный поход в Византию Владимир Святой водил 10 000 воинов. Святополк мог собрать под свои знамёна значительно большее войско, нежели то, что выступило из Новгорода.

Расположение войск под Любечем в Радзивиловской летописи определено так:

«Слышав Святополк идуща Ярослава, и пристрои бес числа вои, Русь и печенег, и изыде противу ему к Любичу обонпол Днепра, а Ярослав обсюду». (16, 62)

Это означает, что войска киевлян стояли на левом берегу Днепра, новгородцев — на правой, киевской, стороне реки. Но в статье следующего года находим противоположное утверждение:

«Приде Ярослав и ста противу обанол Днепра, и не смеяху ни ти на сих, ни си на них, и стояша за 3 месяца и противу собе». (16, 62)

Известия дублируются из-за соединения летописных статей с весенним и осенним счётом лет, из чего следует, что войско новгородцев достигло Любеча после 1 сентября 1017 года. У Татищева войска киевлян размещены на правом берегу, а новгородцев — на левом:

«Слышав Святополк идуца Ярослава и пристрои бес числа вои, русь и печенег, и изыде противу ему к Любичю по сю сторону Днепра, а Ярослав от онуду.

6524 (1016). Прииде Ярослав и ста об он пол Днепра, и не смеяху ити на сих, ни си на оных. И стояху за 3 месяца противу себе, не смеяху бо сосупиться». (21, 144)

Выражения «от онуду», «об он пол» обозначают противоположный берег. Последующие переписчики летописей стали воспринимать выражение «об он пол» как указание на противоположность берегов, занятых двумя враждебными армиями.

Инициатива в борьбе за великокняжескую власть была на стороне Ярослава. Святополк выступил в поход, только получив известие о приближении новгородцев. В районе боевых действий на левом берегу стоял укреплённый город Любеч. На правом берегу укреплённых поселений не было. Подошедший первым Ярослав занял Любеч и под прикрытием его стен противостоял Святополку. Святополк же выставил заслон на пути из Любеча в Киев, на правом берегу реки.

Мы получаем непротиворечивую картину. В ином случае имела бы довольно странная ситуация, при которой в борьбе за Киев Святополк ушёл бы за Днепр, а Ярослав, имея свободную дорогу к столице, зачем-то пытался атаковать стоящие в стороне войска, вместо того чтобы выставить заслон и двигаться к лишённому войск городу.

В первом летописном сообщении основным географическим ориентиром выступает Любеч, к которому подошёл Ярослав. Поэтому летописец расположение войск дал относительно этого города. Подошедшие киевляне стали на противоположном городу берегу, а новгородцы находились на стороне Любеча. Во втором случае Любеч не упоминается и расположение войск дано относительно Киева, главного географического ориентира всего региона. Информатор Татищева выправил географические указания, приведя их все относительно Киева.

Перед походом Ярослав располагал только возможностями Новгородского княжества. Он мог попытаться воспользоваться внезапностью и выбить Святополка из Киева, пока тот не успел собрать большое войско, но предпочёл поступить более осмотрительно. Захватом Любеча Ярослав отрезал от Киева Черниговское и Ростовское княжества. Сковав основные силы киевлян на правом берегу Днепра, новгородцы получили возможность в своём тылу, где уговорами, а где и силой, приводить к покорности восточные и северо-восточные земли.

Владимир Святой ущемил права двух старших сыновей в пользу сыновей от болгарыни Марии. Святополк стал исправлять эту несправедливость истреблением соперников. Ярослав отличался более миролюбивым характером. Во время противостояния под Любечем этот предусмотрительный и осторожный политик стал укреплять свои позиции за счёт присоединения возможно большего количества земель.

Первым захвату подверглось Черниговское княжество, на земле которого стоял Любеч. Ростовское княжество лежало между Новгородским и Черниговским княжествами и также должно было стать объектом притязаний Ярослава. За пять лет до этих событий Ярослав был ростовским князем, хорошо знал местную знать и мог рассчитывать на поддержку какой-то её части. Глеб был изгнан из Ростова Святополком, а затем город перешёл под власть Ярослава.

При описании войны Ярослава со Святополком летописцы ничего не сообщают о младших Владимировичах. Они, похоже, сохраняли нейтралитет во время схватки старших братьев, и под контролем Святополка и Ярослава оказались примерно равные территории.

Под Любечем для Ярослава ситуация кардинально поменялась в лучшую сторону. Теперь всё зависело от того, кто быстрее успеет собрать больше сил и средств. Медлительность в войне со Святополком следует объяснить как раз собиранием воинов и средств для их содержания. В саге силы противников оцениваются как примерно равные. (2, 109) Только сравнявшись по военной мощи с армией Святополка, осторожный Ярослав решился на битву.

Южные летописцы знали, что победу одержало войско северян численностью гораздо более 4000 человек, но точных данных не имели. Под пером одного летописца новгородское войско увеличилось на порядок, достигнув 40 000 воинов, другой увеличил на порядок численность одних лишь новгородцев, исчислив всю армию в 30 000 человек.

Военные предприятия были дорогостоящими. Святополк, зная о численности новгородцев, несмотря на спешку, должен был выставить против них равную по силам или несколько большую армию. Среди войск южной пограничной линии после гибели Бориса царил разброд. Собрать их воедино в короткий срок было непростой задачей. Имея решающий перевес в силах, любая из сторон атаковала бы противника. Но армии замерли в трёхмесячном ожидании. Дальнейшему росту численности войск Ярослава Святополк должен был противопоставить дополнительный набор. Но вряд ли численность каждой из противоборствующих армий к моменту решающей схватки превышала 10 000 воинов.

Битва под Любечем

В Радзивиловской летописи непосредственной причиной битвы под Любечем названа обида новгородцев на хулу Волчьего Хвоста:

*«И се слышавше новгородици, реша Ярославу, яко: "Заутра превезем-ся на ня, да еще кто не поидет с нами, да сами поткнем его". Бе бо взамороз и стояше межи двема озера, и всю ноц пив со дружиною своею. Ярослав же заутра, исполчив дружину, **противу свету** превезеса, и выседши на берег, и **отринуша лодиа** от берега, и **поидоша противу себе**, и **совокупившася***

на месте, и бысть сеча зла: не бе лзе озером печенегом помощи, и притиснуша Святополк с вои ко озеру, и вступиша на лед, и одаляти и нача Ярослав. Видев же Святополк и побеже, и одоле Ярослав». (16, 62)

Новгородцы выступают в качестве инициаторов сражения. Какая-то часть войска сомневалась в целесообразности битвы, и ей пригрозили репрессиями. Святополк ночной порой был занят пиром со своей дружиной. Выражение «*противу свету*» имеет хронологическое значение. Например, выражение «*против среды*» означает «*накануне среды*». (4, 518) Переправа через Днепр состоялась до рассвета. Войско переправлялось в разных местах, а соединилось только перед нападением. Положение Святополка было осложнено тем, что союзные печенеги были на противоположном берегу озера и не могли оказать ему помощь. Дружину Святополка оттеснили на озёрный лёд, который не выдержал тяжести воинов. Никифоровская летопись:

«И бысть сеча велика, и обломилися на леду дружина Святополча, а Святополк побеже в Ляхы». (12, 23)

В Воскресенской летописи события излагаются подробнее:

«И притиснуша Святополчи вои ко озеру, и выступиша на лед, и обломися под ними лед, и одолети нача Ярослав. Видев же Святополк и побеже, и одоле Ярослав». (10, 325)

Часть воинов провалилась под воду, что и стало началом поражения. Святополк бежал, его войско было разгромлено.

В Новгородской первой летописи по Синодальному списку канун и начало битвы изложены несколько иначе:

«... а вы плотници суще, а приставим вы хором рубити". И начя Днепр мерзнути. И бяше Ярославу муж в приязнь у Святополка. И посла к нему Ярослав ночью отрок свои, рек к нему. И рек к нему: "Онъси, что ты тому велиши творити; меду мало варено, а дружины много". И рече ему муж то: "Рчи тако Ярославу: даче меду мало, а дружины много, да к вечеру вдати". И разуме Ярослав, яко к ноци велит сецися. И том вечере перевозися Ярослав

с вои на другыи пол Днепра, и лодь оттринуша от берега. И тои ноци поидоша на сечю. И рече Ярослав дружине: "Знаменаитеся, повивайте собе убрусы голову". И бысть сечи зле, и до света победиша Святополка». (13, 15)

Автор рассказа из Радзивилловской летописи, неприязненно относясь к Ярославу, преуменьшил его роль в сражении под Любечем. Одновременно он выставил главными героями битвы жителей новгородского правобережья, преуменьшив масштаб злодеяний славенцев против князя. Оскорбиться сравнением с плотниками должны были славенские бояре, но никак не новгородские плотники. Тенденциозность свидетельствует о принадлежности рассказчика к богатому и образованному семейству со Славенского конца, пострадавшему во время мятежа 1017 года.

Во время ледостава Днепра Ярослав получил ценный совет от своего сторонника из противоборствующего лагеря. Сущность совета понятна. Вечером Святополк устроил дружине большой пир, который продолжался всю ночь, вплоть до получения известия о нападении. Доброхот предложил воспользоваться ожидавшимся застольем. Победа была одержана до наступления рассвета. Решение о начале битвы было принято князем, а не его воинами.

В Никоновской летописи говорится об ожесточённости ночной схватки:

«А абие того вечера перевозися Ярослав на ону страну Днепра и лодьи оттринуша от берега. И тои ноци поидоша на сечю. И рече Ярослав дружине: "Знаменаитеся, повивайте собе главы своя убрусом". И бысть сеча зла, оже за руку емлющеся сечаху и по удолием кровь течашие. Мнозе верни видяху аггелы Божии помогающа Ярославу. И до света победиша Святополка». (14, 175)

Обширное описание битвы есть у Татищева:

«6524 (1016). Ярослав, стоя на оной стране Днепра, воды ради великой некоторой не смел Днепр переити. Стояли противу друг друга до трех седмиц, биючеся помалу, переезжая чрез реку, доколе вода стала убывать.

Воевода же Святополков, имянем Волчей Хвост, ездя возле берега, укорял новгородцев, глаголя: "Почто пришли с хромцем сим, вы бо плотники суще, а не воины. Если хотите, мы определим вам работу хоромы рубить в Киеве, да не праздни будете". Слышав же новгородци сие поношение, вельми оскорбились и стали **просить Ярослава**, чтоб **заутро** шел через реку, объявляя: "Если кто с нами не поидет, мы сами тех, яко неприятелей, побьем".

Тогда было уже в замороз. Святополк стоял междо двема озера. Бысть же Ярославу приятель от вельмож Святополковых, к которому послал Ярослав отрока своего и велел спросить: "Войска имею много, а меда недостаточно, скажи, когда лучшие пить". И отвечал ему вельможа тот: "**Когда тебе в день меда мало. То готовь к ночи и меньше истраиши**". Ярослав уразумел, что **ночью** велит наступать, велел войскам **тихо готовиться**. **Святополк же веселился всю ту ночь, пил с вельможи своими**.

А Ярослав, вооружа войско, ночью велел всем головы перевезать белыми платками и **на зоре**, перевезишися, высадя войско на берег, велел лодки все назад отвести от берега, объявляя всем, что назад бежать пути не осталось, но или победить, или помереть с честью нужно. И, увесчав к храбрости все войско, пошел на Святополка.

Святополк же не успел всех войск устроить, вышел с частию, колико собраться вскоре могло. И был междо ими бой вельми жесток. Но понеже **печенеги** Святополковы **стояли за озерами**. Для того не могли помочи учинить, а у **Ярослава**, **хотя много пало, но из-за Днепра войска приспевали**. Для того принужден Святополк отступить на озера, где от множества войска **лед обломился**, и многое войско его потонуло. Что видя, **Святополк бежал в Польшу** с малыми людьми, а **печенеги ушли в степи**. И тех, догоняя, Ярославли воины многих побили. **Руских же не велел более побивать**, ниже пленить, но велел всем им идти к Киеву в дома своя». (20, 73–74)

Татищев или его информатор неправильно поняли выражение «*против света*», заменив его выражением «*на зоре*». Но некоторые дополнительные детали рассказа сомнений не вызывают. Ярослав готовился к выступлению тайно, чтобы не выдать раньше времени своего замысла. В решающую минуту около Святополка оказалась только малая часть

его армии. Оттеснённые на озерный лёд сторонники великого князя провалились в воду.

Любечская битва запечатлена в саге. Само собой разумеется, что главными героями битвы в ней выступают Эймунд и его воины:

*«Бурицлав выступил из своих владений против своего брата, и сошлись они там, где большой лес у реки, и поставили шатры, так что **река была посередине**. Разница по силам была между ними невелика.*

*У Эймунда и всех норманнов были свои шатры. **Четыре ночи** они сидели спокойно — ни те ни другие не готовились к бою. Тогда сказал Рагнар: "Чего мы ждём и что это значит, что мы сидим спокойно?" Эймунд конунг отвечает: "Нашему конунгу рать наших недругов кажется слишком мала; его замыслы мало чего стоят". После этого они идут к Ярицлейву конунгу и спрашивают, не собирается ли он начать бой. Конунг отвечает: "Мне кажется, войско у нас подобрано хорошее и большая сила и защита". Эймунд конунг отвечает: "А мне кажется иначе, господин. Когда мы пришли сюда, мне сначала казалось, что мало воинов в каждом шатре и стан только для виду устроен большой, а теперь уже не то — им приходится ставить ещё шатры или жить снаружи. А у вас **много войска разошлось** домой по волостям, и ненадёжно оно, господин". Конунг спросил: "Что же теперь делать?" Эймунд отвечает: "Теперь всё гораздо хуже, чем раньше было. Сидя здесь, мы упустили победу из рук, но мы, норманны, дело делали: мы **отвели вверх по реке** все наши **корабли** с боевым снаряжением. Мы пойдём отсюда с нашей дружиной и **зайдём им в тыл**, а шатры пусть стоят пустыми. Вы же с вашей дружиной как можно скорее **готовьтесь к бою**".*

*Так и было сделано. **Затрубили к бою**, подняли знамёна, и обе стороны стали готовиться к битве. **Полки сошлись**, и начался самый жестокий бой, и вскоре пало много людей. Эймунд и Рагнар предприняли сильный натиск на Бурицлава и напали на него **в открытый щит**. Был тогда **жесточайший бой, и много людей погибло**, и после этого был **прорван строй Бурицлава**, и люди его бежали. А Эймунд конунг прошёл сквозь его рать и убил так много людей, что было бы долго писать все их имена. И бросилось войско бежать, так что не было сопротивления и те, кто спаслись, бежали в леса и так остались в живых». (2, 109)*

Новгородцы применили ту же тактику, что и в битве 988 года с мятежниками Варды Фоки под Хрисополем. Нападение было ночным, причём часть сил, обойдя противника, ударила с тыла. Об этом говорит Эймунд, и это подтверждается выражением «*ударить в открытый щит*», то есть напасть с незащищённой щитами тыльной стороны войска противника. Русское соответствие этого выражения — «*ударить в спину*».

Становится понятным характер разделения сил Ярослава, о котором говорится в Радзивилловской летописи. Отборные части, среди которых были скандинавские наёмники, переправились выше по Днепру и вышли к лагерю Святополка, стоявшему в тылу основного войска киевлян. Остальная армия новгородцев переправилась напротив лагеря и связала силы противника, расположенные у берега. Внезапный натиск с двух противоположных сторон привёл к успеху.

В воспоминаниях участвовавших в ночном рейде левобережных новгородцев описаны переговоры с Блудом и вечерняя переправа. Славинцев как бывших мятежников отправили в менее ответственное нападение — вместе с остальным войском прямым путём через Днепр. В их воспоминаниях запечатлены более поздняя утренняя переправа и участие в битве печенегов.

Ярослав возглавил нападение на лагерь киевлян. Это была самая опасная и решающая часть битвы. В случае обнаружения отряда на дальних подступах к врагу участь его была бы печальной. Но даже внезапное нападение на укреплённый лагерь, в котором были собраны отборные киевские дружинники, ещё не сулило безоговорочного успеха.

Две боярские гвардии сошлись в жестокой сече. В это время остальные киевские войска оказались в сложном положении. Береговая охрана была лишена старших командиров, собравшихся на великокняжеский пир, слышала в тылу шум битвы, а со стороны Днепра на неё волна за волной обрушивался десант новгородцев и их союзников. Отряд, собравшийся в ночной сумятице боя вокруг Святополка, был выдавлен на тонкий лёд озера, который не выдержал тяжести людей. Святополку с немногими соратниками удалось бежать, остальные киевляне сдались на милость победителя.

Печенежская конница как наиболее подвижная часть армии киевлян должна была участвовать в охране берегов. Святополк не мог с точностью предугадать место высадки десанта. В задачу конницы как раз и входили обнаружение переплывающих Днепр новгородцев даже в удалении от лагеря киевлян и их задержание до прибытия главных сил. В связи с этим основную часть печенегов должны были разместить на флангах армии, преимущественно к югу по течению реки от основного лагеря. Ведь в случае успешной переправы южнее лагеря новгородцам открывался путь на Киев. Выставив заслоны, они могли двинуться на захват столицы. Именно поэтому Ярослав переправился выше по течению реки, где его меньше всего ждали.

Успешное преследование печенегов, при котором удалось истребить часть кочевников, свидетельствует о том, что в переправе через Днепр участвовала конница. Конница была нужнее для глубокого рейда в тыл противника, нежели для прямого нападения. Судя по всему, новгородская конница во главе с князем напала на войско Святополка с тыла, а пешая часть армии поддержала это нападение со стороны Днепра.

Замена у Татищева трёх месяцев на три седмицы недостоверна. Ледостав на Днепре в интересующую нас эпоху начинался в декабре. Так, на юге в 992 году Днепр замёрз в начале января. В районе Любеча ледостав должен был начаться на несколько дней раньше. Войско Ярослава спустилось к Любечу не позднее середины сентября, и трёхмесячное противостояние более соответствует реалиям того времени.

Мы имеем несколько определений продолжительности днепровского противостояния: три месяца, более трёх месяцев, три недели, четыре дня. Четыре дня появились в качестве переименования первоначального четырёхмесячного периода. Создатель саги счёл, что столь длительное бездействие не красит его славных викингов, и ускорил ход событий, заменив месяцы днями. Период в более чем три месяца мог превратиться округлением в четырёхмесячный только в случае, если четвёртый месяц переваливал бы за половину. Три месяца могло появиться из-за сокращения первоначального определения периода в три месяца и несколько дней. Остаётся татищевское исчисление противостояния в три недели.

Посольство Святополка отправилось в Новгород после казни Бориса, то есть не ранее 26 июля. К Ярославу они прибыли на Успение, то есть 15 августа были уже в городе. Продолжительность пути составила около 20 дней. Соответственно и новгородцы аналогичный путь на юг должны были совершить примерно за такое же время. От Киева до Новгорода около 1000 километров. На один день пути приходится около 50 километров, что соответствует скорости сухопутных торговых караванов раннего Средневековья.

Ярослав мог выступить в поход самое раннее на следующий день после вече, на котором он замирился с новгородцами, то есть в воскресенье 18 августа. Любеч отстоит от Киева на 150 километров, или на три дня пути. К Любечу новгородцы прибыли примерно через 17 дней, не ранее вечера 3 сентября. В этом случае три месяца противостояния закончились 4 декабря, а сама битва произошла позднее.

Накануне битвы в лагере киевлян отмечали какое-то крупное празднество. Самым большим праздником декабря является Рождество Христово. Между Рождеством и 4 декабря как раз и насчитывается три недели, то есть указанный Татищевым период. Следовательно, три недели появились из сокращения первоначального выражения *«три месяца и три недели»*. У одних летописцев уцелела первая часть выражения, у других — вторая.

Рождество в 1017 году приходилось на среду. Битва началась в ночь с 25 на 26 декабря и закончилась в «военный» для русов четверг — Перунов день — ранним утром 26 декабря. Противостояние войск началось в четверг 5 сентября, когда погиб Глеб. В то время когда Глеб приехал в Тверь, Ярослав был уже в районе Смоленска и им не удалось встретиться.

Киевляне решили отпраздновать окончание Рождественского поста и один из самых главных православных праздников. Новгородцы, чтобы усыпить бдительность противника, также готовились к празднованию. Именно так можно понять слова посланника Ярослава о приготовленных медовых напитках.

Реликты крупного религиозного праздника сохранились в рассказе из Никоновской летописи, где упоминаются Божьи ангелы, помогавшие воинам Ярослава. Скальд в повествовании о победе под Любечем и награждении викингов говорит:

«Господь Бог, Иисус **Христос**, был в этом **справедлив, как и во всём другом**». (2, 109)

Эта фраза свидетельствует о благодарности за помощь в битве, оказанную самим Христом, что может служить косвенным подтверждением того, что сражение происходило на Рождество.

Боярский заговор

Длительное противостояние в холодный осенне-зимний период было трудным для обеих сторон. Военные кампании того времени — это обычно краткосрочные летние походы. В саге говорится о дезертирстве в новгородской армии. Надо полагать, что воины бежали и у киевлян. В суровую зимнюю пору армии примерно одинаково таяли, теряя людей от болезней и дезертирства. Но основная опасность для Святополка таилась не в этом.

Противолежащий Любечу правый берег Днепра высокий. Киевляне к декабрю должны были укрепить края обрывистых берегов частоколом. Древнерусская практика обороны высоко стоящих крепостей зимой включала в себя обливание склонов водой, что превращало их в труднопреодолимые ледяные горы. Взять штурмом со стороны реки лагерь киевлян, усиленный ледяным накатом, было непросто. Но вторая половина армии новгородцев двинулась в этом направлении. У Ярослава были серьезные причины верить в успех атаки.

Ночью Святополк собрал малые силы, и тут же был атакован с двух сторон. Создается впечатление, что береговые укрепления были преодолены легко, а их защитники не оказали серьезного сопротивления. Характерно различие в интенсивности битвы в разных местах побоища. Ближняя дружина Святополка подверглась немилосердному избиению.

Выражение «за руки емлющиеся сечаху и по удолием кровь течаше» свидетельствует о крайнем ожесточении схватки. Об этом же говорится и в саге, согласно которой Эймунд прорубился через строй противника и убил множество людей. Союзные Святополку печенегι подверглись жестокому преследованию, хотя и не принимали участия в основной битве. Но зато остальную часть армии, размещённую как раз у берега, пощадили.

В тыл врага была отправлена наиболее надёжная часть войска Ярослава. В неё входили 2000 левобережных новгородцев, варяги и, возможно, отдельные отборные отряды из покорённых княжеств, таких как Ростовское и Черниговское. Основная же часть войска участвовала в утреннем штурме лагеря киевлян, оборонявшегося основными силами Святополка.

За время длительного противостояния с обеих сторон должно было накопиться ожесточение. Но Ярослав не только запретил истреблять и пленять основную часть киевского войска, но даже распустил его с миром по домам. Этим он лишил своих воинов значительной части военной добычи и позднее должен был вознаграждать их из собственных средств.

Различное отношение к разными частям войска киевлян свидетельствует об их разном поведении во время битвы. С оставшимися верными Святополку воинами шло жестокое единоборство, мягкость же по отношению к остальному войску свидетельствует о его измене.

Летописец подвёл злодеяния Святополка, убившего своих братьев, такой итог:

*«Люте бо граду тому, в немже **князь ун, любяи вино пити** с гусями и со **младыми советники**, сяковыа дает Бог за грехи, а **старыа и мудрыа** от[ъ] емлет, яко же Исаиа рече: "Отъа Бог от Иерусалима крепость, и крепка исполина, и человека храбра, и судью, и пророка, и **смирена старца, и дивна светника, и мудра хитреца**, и разумна послушника; и поставлю уношу **князя их, и ругателя обладателя ими**"». (16, 61)*

Летописец обвинил Святополка в греховной порочности, выразившейся в пристрастии к вину, из-за того что молодой правитель окружил

себя негодными молодыми советниками, а старыми и мудрыми советниками стал пренебрегать. Последующее описание любечских событий подтверждало эти сетования с использованием библейских мотивов. Пир во всю ночь стал одной из причин поражения армии Святополка и потери им власти.

В Библии приведённые в летописи высказывания звучат так:

*«Вот, Господь, Господь Саваоф, **отнимет у Иерусалима и у Иуды посох и трость**, всякое подкрепление хлебом и всякое подкрепление водою, Храброго **вождя и воина**, судью и **пророка, и прозорливца, и старца**, Пятидесятника, и **вельможу, и советника, и мудрого художника, и искусного в слове**.*

*И дам им **отроков в начальники**, и дети будут господствовать над ними.*

*И в народе один будет угнетаем другим, и каждый ближним своим; **юноша будет нагло превозноситься над старцем и простолюдин над вельможей**...*

*Горе тем, которые с раннего утра **ищут сикеры** (лёгкий хмельной напиток, включая пиво, медовуху. — В. Т.) и **до позднего вечера** разгорячают себя вином.*

*И **цитра, и гусли, тимпан и свирель, и вино** на пиршествах их; а на дела Господа они не взирают, и о деяниях рук Его не помышляют». (1, 682–683)*

Знатоки Библии могли усмотреть в Иуде, которого ассоциативно должны были сближать с Иудой Искаротом, предавшим Христа, Святополка. Потеря посоха и трости аналогична потере скипетра и державы, то есть верховной власти. Крушение сопровождается утратой полководцев и воинов, вельмож и судей, пророков и прозорливцев. Перед нами все три основные силы, подкрепляющие власть: военные руководители, гражданские чиновники, духовные отцы. Основная причина крушения — пренебрежение мудростью. Юный властитель ведёт себя нагло по отношению к старцам. Превознесение простолюдина над вельможей можно понять как намёк на низкое происхождение молодых фаворитов Святополка.

Далее в Библии идёт яркое описание победоносного нашествия дальних народов, ниспосланного в наказание за грехи:

«Горе тем, которые **мудры в своих глазах** и разумны пред самими собою!
Горе тем, которые храбры **пить вино** и сильны готовить крепкий напиток,

Которые **за подарки оправдывают** виновного и правых лишают законного!..

За то возгорится гнев Господа на народ Его...

И поднимет знамя **народам дальним**, и даст знак живущему **на краю земли**, — и вот, он **легко и скоро придет**.

Не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресл его, и не разорвётся ремень у обуви его.

Стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его как вихрь». (1, 684)

Приход с севера новгородцев, в рядах которых были воины из далёкой Скандинавии, соответствовал походу библейских конников. Здесь повторяются те же мотивы винолюбия и отрицания мудрости, которые присутствуют в летописном рассказе. Оправдание виновных за взятки следует соотнести с летописным рассказом о раздаче Святополком подарков киевлянам, чтобы привлечь их на свою сторону. Отбор летописцем материалов для формирования образа Святополка шёл под воздействием библейских текстов.

Сравнение известий показывает, что летописец иносказательно отразил конфликт Святополка и его молодых советников с гражданскими, военными и духовными старцами. Святополку в 1017 году было 36 лет. Отодвинутые от управления мужи были значительно старше его. Перед нами соратники Владимира Святого, которых новый великий князь пытался заменить на своих ставленников.

Летописец сетует на пренебрежение опытом полководцев Владимира Святого. Между тем во главе армии киевлян стоял воевода Волчий Хвост, который как раз был воеводой Владимира Святого и известен победой над радимичами:

«В лето 6493. Иде **Володимер** на радимичи; и бе у него **воевода Волчеи Хвост**; и посла Володимер пред собою Волчья Хвоста; и сrete на реце Песца-

не, и **победи радимичи** Волчий Хвост; тем и Русь корятся радимичем, глаголюше: "Пищанци волчья хвоста бегают"». (16, 41)

Этот рассказ предшествует летописной статье 6493 года, повествующей о болгарском походе 986 года. Летописная дата болгарского похода сбита на год вставкой рассказа об испытании вер. Предшествующие радимичской войне события начиная с вокняжения Владимира Святого датированы по «эре –5508 года». Судя по всему, статья о войне с радимичами также была датирована по «эре –5508 года» и произошла в 984 году. Рассказ о походе 985 года из-за смещения рассказа о болгарской войне не сохранился.

Редкое имя воеводы, несмотря на 33-летний разрыв между событиями, позволяет их отождествить. Такого мнения придерживался автор Тверской летописи:

*«Воевода же Святполк, именем Воличий Хвост, отца их Владимира, иже **победи радимичи** на Пищане, стар сый, несмыслено, нача ездити подле берега Днепра реки, и укаря новгородци».* (17, 135)

Хулителем новгородцев был воевода Владимира Святого. Летописец намекает на конфликт Святполка со старой знатью, и в то же время престарелый воевода хулит новгородцев, с которыми старцы как враги Святполка должны были быть заодно. Какой-то противник Святполка дал ценный совет Ярославу. По логике летописца, советчик должен был быть старцем. Княжеский приятель был знатным воином, осведомлённым о планах Святполка. Всё говорит о том, что ценный совет подал Волчий Хвост. В этом случае хула на новгородцев оказывается военной хитростью.

Волчий Хвост прилюдно ругает Ярослава, притворно демонстрируя этим свою верность Святполку, и в то же время тайно осведомляет противника о наиболее удобном моменте для нападения. Будучи воеводой Святполка, Волчий Хвост имел возможность содействовать успеху новгородцев не только советом. Становится понятной та легкость, с которой новгородцы преодолели береговые укрепления. Волчий Хвост

без боя пропустил их к лагерю Святополка, чем заслужил особую милость для своих воинов по окончании сражения.

Волчий Хвост мог рассчитывать на большую награду. Но далее мы его имени не находим. Зато в статье следующего года появляется ещё один старец. В битве 1018 года на Буге воевода Буды хулил Болеслава Великого. Воевода назван кормильцем, то есть бывшим воспитателем малолетнего Ярослава, что говорит о его почтенном возрасте. (16, 62) В Никоновской летописи кормилец назван Блудом. Блуд был воеводой Ярополка, но изменил ему, тайно перейдя на сторону Владимира и способствуя гибели старшего Святославича.

Блуд был киевлянином и должен был находиться в войске Святополка под Любечем. Святополк, будучи сыном Ярополка, придя к власти, мог неприязненно относиться к Блуду. Так что причины у старого воеводы благоволить своему воспитаннику Ярославу в ущерб интересам Святополка были. После победы Ярослава Блуд занял при нём высокое положение воеводы. Кроме того что Блуд был когда-то кормильцем, для такого назначения должны были иметься и более современные причины.

Мы имеем двух старцев со сходной судьбой. Волчий Хвост посредством библейских намёков обозначен как помощник Ярослава, но оставлен без награды. О помощи новгородцам Блуда ничего не говорится, но зато этот старец возвышается до звания воеводы нового великого князя, а в качестве воспитателя Ярослава становится наиболее вероятной кандидатурой на роль его приятеля. Ситуация упростится, если мы предположим, что *Блуд* и *Волчий Хвост* — разные имена одного человека.

Летописец благоволил Блуду — Волчьему Хвосту. Блуд совершил некрасивый поступок, предав своего князя. Владимир Святой в своё время уговорил вражеского воеводу перейти на свою сторону:

«Володимер же посла к Блуду, воеводе Ярополчу, с лестию глаголя: "Поприаи ми, аще убью брата своего, имети ты начну в отца место, и многу честь в[о]змещи от мене, не аз бо почал братью бити, но он. Аз бо того

убоахся, приидох на не". И рече **Блуд** к послом Володимирем: "Аз буду тебе в сердце и в приязн[е]ство". О **злая лесть** человеческая!» (16, 38)

Блуда должны были после победы Владимира Святого возвеличить. Но вместо погубителя Ярополка на посту киевского воеводы вдруг оказывается Волчий Хвост. Позднее Волчий Хвост предаёт Святополка, а место киевского воеводы занимает Блуд. Перед нами сходные приёмы маскировки событий.

Предатель далее по тексту выступает уже под другим именем, а у читателя складывается убеждение в том, что виновник неблагоприятного поступка не получил обещанной награды. Его исчезновение со страниц летописей при этом воспринималось как преждевременная кончина. Так что добродетельный читатель был уверен в том, что зло не восторжествовало, а было наказано.

Смысловая связь между разными именами воеводы неожиданно обнаруживается на почве древнеримской культуры. В Риме, на Палатинском холме, в гроте Луперкалий, был храм Фавна, который обслуживался коллегией жрецов-луперков. Фавн был лесным богом плодородия, и его культ восходил к греческому козлоногому Пану. Но грот и жрецы носили волчье наименование, так как «*lupus*» по-латински «волк». Перед нами синкретический культ, в котором слилось почитание местного волкообразного Луперка и пришлого Пана.

В праздник Луперкалий Фавну приносили в жертву собаку и козла. После этого обнажённые луперки с козьей шкурой на бёдрах обегали Палатинский холм и стегали козлиными ремнями женщин, чтобы сделать их плодовитыми. (11, 556)

Пан и Фавн были символами похотливости и соблазнительями женщин и лесных нимф. В этом отношении к их культу близко значение имени **Блуд**, происходящего от слова «*блудити*» — иметь внебрачные отношения с женщинами. (4, 47–48) У римлян бытовало поверье, что волчица сочетается с волком на глазах у всей стаи. Из-за этого слово «*lupa*» стало обозначением блудной, развратной женщины. (15, 372) Кнуты из козлиной кожи среди поклонников волчьего культа могли заменяться волчьими хвостами, которые также должны были считаться

талисманами детородия. Имя Волчий Хвост вписывается в традицию Луперкалий.

Посланник Ярослава начал разговор с приятелем князя со слова «*оньси*». Иное употребление этого слова в древнерусских текстах неизвестно. Близкое звучание имело церковнославянское слово «*онсица*» — «*такой-то*», «*некто*». В Евангелии оно употребляется для обозначения человека столь известного, что не требовалось упоминать его имя. Выражение «*Идите в город к онсице*» было понятно без дальнейших пояснений. (19, 110)

Посланник Ярослава в целях конспирации мог не называть своего собеседника по имени, а обращаться к нему посредством гипотетичного личного местоимения «*оньси*», более уважительного, нежели обычное «*ты*». Скорее всего, так и понимали это обращение читатели летописи. Но связь имён предателя с традицией Луперкалий открывает иную возможность расшифровки обращения. Луперкалии справлялись 15 февраля. В святцах под этим днём на первом месте стоит апостол от семидесяти Онисим. Оньси оказывается древнерусским вариантом христианского имени киевского воеводы.

Совет доброхота Ярославу — реликт рассказа о заговоре киевской знати во главе с воеводой против своего властелина. Доблесть новгородцев и помощь кормильца Ярослава позволили наголову разгромить Святополка.

Плата за победу

По прибытии в Новгород Эймунд вёл переговоры с Ярославом об условиях содержания своего отряда:

«"Прежде всего ты должен дать нам **дом** и всей нашей дружине и сделать так, чтобы у нас **не было недостатка в припасах**, какие нам нужны". "На это условие я согласен", — говорит конунг. Эймунд сказал: "Тогда ты будешь иметь право на эту дружину, чтобы быть вождём её и чтобы она была впереди в твоём войске и княжестве. С этим ты должен платить

каждому нашему **воину эйрир серебра**, а каждому рулевому на корабле — ещё, кроме того, половину эйрира". Конунг отвечает: "Этого мы не можем". Эймунд сказал: "Можете, господин, потому что мы **будем брать это бобрами, и соболями**, и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране, и будем мерить это мы, а не наши воины. И если будет какая-нибудь военная добыча, вы нам выплатите эти деньги, а если мы будем **сидеть спокойно**, то наша **доля станет меньше**". И тогда соглашается конунг на это, и такой договор должен стоять **двенадцать месяцев**». (2, 107–108)

Эйрир серебра для Скандинавии XI века исследователи определяют в $\frac{1}{8}$ марки, весившей 216 грамм, что составляет 27 грамм. (3, 505) Марка в разное время в разных странах имела различный вес. В основе западноевропейских денежных систем лежала система Карла I Великого, самой крупной единицей которой была либра в 407,93 грамма серебра. (18, 64) Скандинавский эйрир составлял $\frac{1}{16}$ каролингской либры, или 25,5 грамма серебра.

Расчёт платы в Новгороде должен был осуществляться в местных денежных единицах, которые норвежцы переводили в привычные им эйриры. Русская гривна кун составляла 51,19 грамма серебра, то есть чуть больше двух эйриров. Гривна серебра составляла годовичное жалование двух иноземных наёмников.

В статье 6360 года сообщается:

«Сеи же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, и кривичем, и мерям, и устави **варягом дань** даати **от Новагорода гривен 300** на лето, мира деля, еще и до смерти Ярославе дааша варягом». (16, 17)

В войске Олега Вещего, выступившем из Новгорода на завоевание Киева, первыми названы варяги. Далее сообщается, что варяги и прочие племена прозвались русью. Под варягами, следовательно, понимаются киевские русы, а 300 гривен составляла дань с Новгорода в Киев.

Триста гривен отправлялись ежегодно в столицу, по крайней мере, до кончины Ярослава Мудрого. Но в статье 6522 года находим для этого же периода существенно иное определение новгородской дани:

«В лето 6522. Ярославу суцу в Новегороде, и уроком дающе к Киеву 2000 гривен от года до года, а 1000 гривен в Новегороде раздавахти людем, и тако давахуть вси посадници новгородстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцю своему». (16, 58)

Здесь дань определена в 3000 гривен, из которых 2000 гривен отправлялись в Киев, а 1000 гривен шла на содержание новгородских помощников князя. В летописном рассказе новгородца, грешащем преувеличением численности новгородского войск на порядок, определение дани также завышено на порядок. Новгородская подать составляла 300 гривен кун. 200 гривен отправлялись в Киев, 100 гривен оставались у новгородского князя на оплату его дружины.

В полюдь 1016–1017 годов Ярослав отказался выплачивать Киеву дань и стал набирать наёмников. Оплату наёмных отрядов он мог производить из получаемых от Новгорода традиционных податей. Дополнительные поборы на войну производились в случае большой опасности самому городу.

Не ущемляя интересы своих новгородских подданных, Ярослав мог использовать на наём норвежцев киевскую дань. В случае её размера в 3000 гривен он мог набрать 6000 воинов, в случае её размера в 300 гривен — 600 воинов. В летописи говорится о 1000 варягах, что значительно меньше 6000 и больше 600.

В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи число варягов определено в 6000 человек. (5, 128) В саге сообщается о 600 норвежцах на службе у Ярослава — как раз о том количестве, какое могло получиться из расчёта суммарной выплаты воинам 300 гривен. Поэтому число нанятых варягов следует исчислить в 600 человек. В одних летописных известиях их число было округлено до 1000, в других — увеличено на порядок. Ярослав набрал наёмников исходя из своих финансовых возможностей — в объёме киевской дани.

В описании поездки для убийства Бурислава-Святополка скальд перечисляет поимённо шестерых соратников Эймунда. Эти лучшие из лучших воинов были сотниками в отряде наёмников, состоявшем из шести сотен.

Триста гривен серебра были для того времени большой суммой. Гривна кун была равна $\frac{1}{8}$ русского фунта, или большой гривны, а ежегодная киевская дань с Новгорода составляла 15,357 килограмма серебра.

В 1040 году император Генрих III потребовал от чехов выдать награбленное в Польше золото. Козьма Пражский ошибочно называет императора Генрихом II, а ответ чехов передаёт так:

*«Пипин, сын Карла Великого, установил закон, чтобы мы ежегодно давали преемникам императора **120 отборных волов** и платили **500 гривен**. Причём нашу гривну считают равной **200 деньгам**».* (6, 113)

Пипин II Короткий был отцом Карла I Великого. На самом деле дань была установлена Людовиком I Благочестивым, сыном и преемником Карла I, который был императором в 814–840 годах и воевал с западными славянами. Либра Карла Великого состояла из 20 солидов по 20,4 грамма, или 240 денариев по 1,7 грамма. (18, 64)

Исходя из каролингского денария чешская гривна, состоящая из 200 денариев, должна была равняться 340 граммам серебра. Такая денежная единица весьма необычна для того времени, так как западно-европейские денежные системы развивались на основе каролингской. Точный аналог находим на Руси, где большая гривна серебра весила 409,5 грамма и состояла из 200 кун по два грамма. Чешская большая гривна, состоящая из 200 единиц меньшего достоинства, равнялась либре, или фунту серебра.

Далее Козьма описывает, как Брячислав откупился от императора:

*«Вместе с тем [Брячислав] обещал императору **1500 марок денаров**, что составляло **дань за три прошедших года**... Сумма изрядная денег Генриха гнев притушила. Ибо он, который некогда неприязненно вступил в нашу страну, **приняв деньги, заключил мир** и милостиво повернул домой».* (6, 119)

Отборные волы уже не упоминаются. Марка составляла половину каролингской либры и равнялась 204 граммам, или полфунту. Распро-

странённые турская и кёльнская марки равнялись 233,6 грамма. Они больше каролингской марки, но почти вдвое меньше чешской большой гривны. Получается, что по сравнению с объявленной Козьмой традиционной данью чехи выплатили императору значительно меньше, но он, успешно дойдя до Праги, остался этими выплатами удовлетворён и повернул обратно. При исчислении дани под гривной понималась меньшая денежная единица.

Император предпринял поход, узнав о богатой добыче чехов, захваченной в Польше, и мог оставить их в покое только в случае получения дани значительно большей, нежели обычная. Поэтому вернёмся к запропастившимся волам.

В Русской Правде Ярославичей возмещение за вола определено в одну гривну кун. (13, 178) Исходя из этого аналога денежным эквивалентом 120 волов будут 15 русских фунтов серебра, что близко к 15 каролингским либрам. Первоначально речь шла о дани в размере 300 каролингских солидов серебра, или 120 волов. Эта дань равнялась 15 большим славянским серебряным гривнам по фунту весом, или 120 гривнам кун. Подобно Новгороду, где имелась гривна кун, в восемь раз меньшая большой гривны, в Чехии существовала малая гривна. В ходе многократного подчинения Чехии немцы увеличили с неё дань со 120 малых гривен эпохи Людовика Благочестивого до 500 малых гривен.

Под 1054 годом Козьма сообщает о возвращении Брячиславом Польше Вроцлава и ещё двух областей в обмен на уплату дани в 500 гривен серебра и 300 гривен золота. (6, 120) Вряд ли чехи выдвигали большие претензии, нежели по отношению к ним немцы. Здесь под гривной также понимается малая гривна. Чехи размер дани немцам включили в польскую контрибуцию. Козьма, сбивчиво повествующий о событиях той эпохи, смешал реалии двух гривен — большой и малой.

В ответ на притязания Генриха III чехи припомнили свои традиционные подати в размере 500 чешских малых гривен, или 25,594 килограмма серебра в год. Императора стародавние договорённости не удовлетворили, и он, распалённый слухами о доставшихся Брячиславу богатствах, вторгся в Чехию. Князю пришлось поделиться награблен-

ным, выплатив во много раз больше обычного. Откупаться пришлось не стародавними марками, а современными — аналогичными турецкой марке. Триста пятьдесят килограммов серебра успокоили императора.

Новгородские подати были только в полтора раза меньше дани такого среднего европейского государства, как Чехия.

Титмар Мерзебургский пишет о передаче в 1000 году Болеславом Великим Оттону III «в подарок» 300 рыцарей в латах. Щедрые дары императору были вызваны желанием Болеслава вырвать из-под немецкого влияния польскую церковь. (23, 63) В начале XIII века чешские короли должны были высылать отряд в 300 человек для сопровождения германских императоров на коронацию в Рим или взамен выплачивать 300 малых гривен серебра. Предоставление от зависимых земель 300 воинов или выплата вместо этого серебряного эквивалента входили в число славянских обычаев. Такая повинность была возложена и на Новгород.

В Летописи Авраамки сообщается:

«В лето 6524. Прииде из Новагорода князь Ярослав с 3000, а варяг 1000, на Святополка, и бысть сеча у Любца, и одоле Ярослав, и пакы седе в Киеве, утер поту с мужи новгородци». (9, 40)

Из других летописей узнаём, что утирание пота обозначало вознаграждение новгородцев за победу. Новгородская первая летопись по Синодальному списку:

«Ярослав иде к Киеву, и седе на столе отца своего Володимира. И нача вое свое делити: старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородчем по 10 всем. И отпусти домой вся». (13, 15)

Простые новгородские воины получили по гривне, то есть вдвое больше, чем варяжские наёмники. Кроме денежного вознаграждения наёмники получали кров, пищу и иные необходимые для жизни припасы. Эти дополнительные расходы не покрывались киевской данью и легли дополнительным бременем на новгородцев, что стало одной из

причин их возмущения. Эймунд во время одной из встреч с Ярославом произнёс такие слова:

«Нам денег надо, и не хотят мои люди трудиться за одну только пищу». (2, 112)

Из слов норманна следует, что наёмники могли служить только за одно пищевое и иное довольствие без денежных выплат. Такая форма оплаты применялась в случае, если наёмники не принимали участия в военных действиях. Выплаты денег предполагали участие в сражениях и получение военной добычи. Эймунд:

«И если будет какая-нибудь военная добыча, вы нам выплатите эти деньги, а если мы будем сидеть спокойно, то наша доля станет меньше». (2, 108)

В мирное время наёмники получали только довольствие. Надо полагать, что при этом побочными источниками их доходов были занятия ремеслом и торговлей. Эймунд и его товарищи были не чужды торговым занятиям. Ярицлейв был в затруднении выплачивать жалованье серебром, и Эймунд предложил заменить дефицитный металл на обычные купеческие товары:

«Мы будем брать это бобрами, и соболями, и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране». (2, 108)

Меха в качестве оплаты вполне устраивали норманнов.

Пришельцы не имели собственного хозяйства. Их нужды обеспечивались за счёт местного населения, но получаемое довольствие шло в зачёт военного жалованья. Новгородцы в походе содержали себя за счёт собственных припасов, а по окончании войны имели право на компенсацию походных расходов. С этим связано исчисление награды не в половину гривны, а в гривну.

Годичное содержание воина, как местного, так и иноземного, обходилось в гривну. В половину гривны оценивалось довольствие и в половину гривны — ратный труд. Ярослав достойно вознаграждал смердов.

Старосты трёх новгородских концов получили в 10 раз больше, нежели рядовые воины. Но далее в летописном рассказе вновь появляются новгородцы, каждый из которых получил по 10 гривен.

В эпоху Константина Багрянородного русский наёмник в Византии получал ежегодную плату в 30 номисм. (8, 183) Одна номисма равнялась 4,21 грамма серебра. Русский наёмник в богатой Византии получал 126,3 грамма серебра, или почти две с половиной гривны кун в год. В эту плату входили издержки по проживанию, которые были значительно выше, чем на Руси. За вычетом издержек у русского наёмника должно было оставаться менее двух гривен. Но и эта сумма значительно превышала денежные выплаты за военную службу на его родине.

На фоне годовых воинских выплат на Руси и в Византии 10 гривен вознаграждения рядовым новгородцам выглядят недостоверно, а само их упоминание является повтором. В первоначальном рассказе сообщалось о вознаграждении рядовых новгородцев и старост. Но затем кто-то счёл награду в гривну недостаточной и увеличил её на порядок, продолжив сообщение собственной припиской.

Шестьсот иноземных наёмников получили по полгривны серебра, да ещё каждый рулевой на корабле получил дополнительно по четверти гривны. Викинские корабли, как правило, вмещали по 30 воинов. Отрядом Эймунда можно было укомплектовать флотилию в 20 кораблей. Под рулевым понимается низшее командное звено, под началом которого были отряды в 30 человек. Этому командному составу дополнительно выплачивалось пять гривен.

Ярослав выплатил 3000 гривен простым новгородцам, 30 гривен новгородским старостам, 305 гривен норвежским наёмникам. Общие выплаты составили 3335 гривен, или 170,72 килограмма серебра.

Литература

1. Библия. М., 1968.
2. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.
4. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.

5. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
6. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
7. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
8. Лев Диакон. История. М., 1988.
9. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. 16. М., 2000.
10. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 7. М., 2001.
11. Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
12. Никифоровская летопись. Супрасльская летопись. Слуцкая летопись и др. // Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
14. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.
15. Петрученко О. Латинско-русский словарь. М., 1994.
16. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
17. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
18. Романовский Б. В. С метром по векам. Л., 1985.
19. Словарь церковно-славянского языка. К., 2001.
20. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
21. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1995.
22. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 24. М., 2000.
23. Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005.

Глава 3

НАШЕСТВИЕ

Польская интрига

В рассказе о пребывании императора Генриха II первого октября 1017 года в Мерзебурге Титмар Мерзебургский сообщает:

*«Цезарь благодаря усердному вмешательству его князей дал своё согласие на все эти предложения (посла Болеслава I Великого. — В. Т.) и тогда только узнал, что **Болеслав**, как и **обещал ему** через своего посла, **напал на русского короля**, но, **осаждая** [его] **город**, не добился успеха. Позже названный князь, вступив с войском в его королевство, **посадил на трон своего зятя и брата того короля**, долгое время находившегося в изгнании».* (12, 160)

Наш информированный автор знает о том, что до 1 октября 1017 года было совершено безуспешное нападение поляков на русские пределы, причём это нападение было согласовано с немцами. Титмар отождествляет русского короля, на город которого напали поляки, и короля, которого позже Болеслав согнал с престола, посадив своего зятя.

Согласно летописям, Болеслав вынудил Ярослава Мудрого бежать из Киева и посадил на киевский престол Святополка. Это означает, что Святополк был зятем польского князя. Согласно выпискам Татищева, в новгородской Степенной книге о Святополке сказано:

*«Иде **ко отцу** своему **Болеславу**».* (11, 239)

Татищев отмечал, что подобное выражение являлось традиционным обозначением тестя. Святополк был женат на дочери Болеслава. Титмар также называет супругу Святополка дочерью Болеслава и подробно рассказывает о трагической судьбе на Руси католического епископа Рейнберна:

«Имея **трёх сыновей**, он (Владимир Святой. — В. Т.) отдал в **жёны одному** из них (Святополку. — В. Т.) **дочь князя Болеслава**, нашего гонителя. Поляки отравили с ней **Рейнберна, епископа Кольберга**. Он родился в округе Гассегау. Будучи обучен мудрыми учителями свободным искусствам, он достиг сана епископа, которого, как я думаю, был достоин. Ни знания моего, ни красноречия не достаёт, чтобы сказать, сколько труда положил он во вверенной его попечению [епархии]. Святилища идолов он, разрушив, сжёг; море, обжитое демонами, он, бросив туда 4 помазанных святым елеем камня и оскватив водой, очистил; возрастил для всемогущего Господа новую ветвь на бесплодном древе, то есть **привил** чрезвычайно бестолковому **народу слово святой проповеди**. Утомляя своё тело постоянными бдениями, постом и молчанием, он готовил своё сердце к созерцанию образа Божия.

Названный король, услышав, что **сын его, подстрекаемый Болеславом, тайно готовится восстать** против него, **схватил его** вместе с женой и названным **отцом** и заключил их, отдельно друг от друга, под стражу. Будучи **под арестом**, достопочтенный отец старательно совершал втайне то, что открыто не мог совершить во славу Божию. В слезах, принеся жертву постоянной молитвой, он от чистого сердца примирился с высшим священником, после чего, освободившись от тесной темницы тела, радуясь, отправился к свободе вечной славы...

Пребывая в **небесном покое**, этот епископ смеётся над угрозами неправедного мужа (Владимира Святого. — В. Т.) и, обретя двойную чистоту, созерцает пламя, должное покарать того развратника. Ибо, согласно свидетельству нашего учителя Павла, Бог осудит прелюбодеев.

Болеслав же, узнав обо всём этом, не преминул за него **отомстить, как только мог**. После этого дни короля истекли, и **он умер**, оставив всё наследство **двум своим сыновьям, третий сын** (Святополк. — В. Т.) тогда находился в **тюрьме**, откуда позже, улизнув, **бежал к тестю**. В тюрьме, правда, осталась его жена». (12, 162–163)

Титмар дал Рейнберну высокую оценку. Этот учёный муж много сделал для просвещения поморских язычников. Епархия с центром в приморском Кольберге, современном Колобжеге, была устроена для

обращения поморян в христианство. Сам Рейнберн происходил из саксонской области, лежащей несколько западнее Мерзебурга.

До 1000 года вся Польша находилась в церковном подчинении у Магдебургского архиепископа. Область Гассегау также подчинялась этому архиепископу, что объясняет появление Рейнберна на севере. До выделения в самостоятельную епархию в Магдебургское архиепископство входил и Мерзебург. Мерзебург и Гассегау расположены неподалёку друг от друга на захваченных немцами славянских землях, включённых в состав Саксонии. Рейнберн и Титмар были земляками, имевшими опыт общения со славянами, поэтому Рейнберн стал миссионером у прибалтийских славян, а его кончина была столь сочувственно описана Титмаром.

Хронист считал, что поляки дважды нападали на державу Ярослава: первое нападение оказалось безуспешным, второе — победоносным. Но далее он сообщает о том, что Болеслав отомстил как мог русам ещё при жизни Владимира. Так что безуспешная осада города произошла не во время правления Ярослава, а при его отце.

Обещание Генриху II напасть на Русь Болеслав мог дать 6 января 1017 года, когда в Альшштедте было заключено польско-немецкое перемирие. Альшштедт находился близ Гассегау и Мерзебурга. Рассказы польских послов о гибели на Руси почтенного саксонца должны были вызвать сочувствие саксонской знати. Болеслав через своих посланников пытался уверить немцев в своём желании напасть на Русь, чтобы отомстить за гибель их соотечественника. Такое благочестивое рвение постоянно беспокоившего немецкие пределы соседа не могло не понравиться при императорском дворе и облегчило заключение мира.

Титмар подробно описывает события 1017 года. Из его сочинения мы узнаём, что Болеслав Великий лето и начало осени провёл в войне с немцами. Конфликт начался успешной битвой его моравских витязей с баварскими наёмниками чешского князя Ольдриха, которая произошла ранее 7 июля. Затем, позднее 21 июля, Мешко, сын Болеслава Великого, совершил набег на Чехию. Девятого августа немецкий император во главе своих войск, включавших в себя отряды чехов и лютичей,

прибыл к городу Глогау (современный Глогув) в Силезии. Здесь его уже поджидала польская армия во главе с Болеславом. Немцы проследовали далее и 12 августа осадили город Нимпч. Болеслав без боя отступил от Глогау под защиту более мощной крепости.

Нимпч, то есть «немецкий город», получил своё название, по мнению Титмара, из-за того, что он был основан немцами. Судя по пройденному армией Генриха II расстоянию, другим его названием было *Бреслав*, или по-немецки *Бреслау*, — современный Вроцлав. Бреслав был крупным городом и центром епархии. Он располагался в двух днях пути по дороге, ведущей на восток от Глогау. Пройдя Глогау, император должен был оказаться под стенами Бреслава. После безуспешной трёхнедельной осады города его армия была вынуждена уйти в Чехию. Болеслав же после 18 сентября отправил отряд в набег на чешские пределы как раз из Бреслава.

«Немецкое» название *Нимпч* позволяет понять происхождение основного названия города. В источниках упоминания о нём появляются около 1000 года, то есть в эпоху Болеслава. В скандинавских сагах Болеслава называли Бурицлавом. Город был основан Болеславом и назван в честь него. Из-за размещения в городе немецких колонистов и наёмников название города приобрело германизированный вид — *Бреслав*. Надо полагать, что город построили в 1000 году для закрепления захваченной поляками в июне 990 года чешской Силезии (12, 50–51).

Местное население наряду с официальным названием пользовалось народным прозвищем *Нимеч* — *Немецкий город*, которое Титмар применил, чтобы подчеркнуть роль своих сородичей в истории города. Но далее ему стало неудобно описывать борьбу немцев, находившихся на польской службе, с немецким императором, и он использовал название *Бреслав* для обозначения места военной ставки польского правителя.

С июня по сентябрь 1017 года Болеслав враждовал с немцами и у него не было возможности воевать на востоке. В январе 1017 года поляки дают обещание напасть на Русь, а в октябре сообщают о его исполнении. Собственными силами они могли произвести нападение только

в первой половине 1017 года. Русские источники молчат о каких-либо русско-польских конфликтах. В Киеве в это время спокойно готовились к походу на Новгород.

Летом 1017 года, ещё при жизни Владимира Святого, на Русь неожиданно напали печенеги. Печенеги, несмотря на поддержку сторонников Святополка, не сумели прорвать южную оборонительную линию. Подвергшимся нападению городом следует признать Переяславль. Получается, что в натравливании степняков на русское порубежье наряду со Святополком участвовали поляки. Они попытались взять реванш за пресечение заговора против Владимира. Этим же нападением поляки отомстили за Рейнберна и отчитались перед немцами.

Судя по дате кончины Владимира Святого, печенеги осадили Переяславль не позднее конца июня или начала июля. К этому времени киевское войско уже должно было выступить во главе с Борисом Владимировичем в поход против Новгорода. Армию пришлось возвращать с полпути, для того чтобы отразить печенежскую опасность.

У Титмара заметны неточности. Святополк бежал в Польшу не из темницы. Он помирился с приёмным отцом до бегства. Святополк лишился высокого статуса переяславского князя, но без удела не остался. Ему выделили богатое Черниговское княжество. После кончины Владимира Святого он захватил и в течение пяти месяцев удерживал великокняжеский престол. За это время новый правитель Руси уничтожил трёх сводных братьев и сразился с Ярославом. Все эти сведения поляки не сочли нужным сообщать при немецком дворе. Ими была выдвинута жалостная версия о длительном изгнании Святополка, несправедливо обиженного отцом.

Семейство Святополка вместе с епископом было арестовано в 1016 году. Если бы арест произошёл на год или два раньше, то и польская месть последовала бы ранее.

В начале 1013 года Болеслав Великий заключил с Генрихом II мир. Но несмотря на просьбы, реальной помощи в военных предприятиях он императору не оказывал, а от объяснений уклонялся. Попытка поляков склонить к союзу против немцев чешского князя Ольдриха, во время его свадебной поездки на Русь, привела к аресту Мешко,

сына Болеслава. Мешко был передан императору и возвращён в Польшу, но отношения между странами от этого не улучшились. Летом 1015 года армия Генриха II прошла карательным рейдом по Польше.

Помощь со стороны Руси нужна была Болеславу летом 1015 года. Но судя по неудачным для него результатам польско-немецкой войны, он её не получил. Продумывая войну с немцами 1017 года, Болеслав решил в 1016 году принять меры по замене на Руси правителя.

Польша входила в состав Магдебургского архиепископства, образованного для крещения славян. В 1000 году Оттон III, уступив просьбам Болеслава, учредил архиепископство в самой Польше с центром в Гнезно. Только одну Познанскую епархию он оставил в подчинении архиепископа Магдебурга.

Во главе польской церкви император поставил Радима. Радим был братом знаменитого миссионера и мученика Войтеха-Адальберта. Войтех одно время был чешским епископом и был убит язычниками пруссами.

Титмар Мерзебургский:

*«Не медля, он (Оттон III. — В. Т.) основал там (в Польше. — В. Т.) архиепископство, как я надеюсь, законным образом, но всё же без согласия того епископа, чьей юрисдикции подлежала вся страна (Магдебургского архиепископа. — В. Т.). Архиепископство он вверил Радиму, брату названного мученика (Войтеха. — В. Т.), подчинив ему **Рейнберна**, епископа **Кольбергской церкви**, Поппо Краковского и Иоанна Бреславского. Исключение составил лишь Унгер Познанский».* (12, 63)

Страна была поделена на четыре епархии, так что в ведении Рейнберна были всё польское поморье и прилегающие к нему территории. Епископ, много лет заведовавший четвертью Польши, был опытным проповедником. На Руси и за её границами ещё были некрещеные народы.

Находясь в темнице, саксонец справлял католические обряды тайком. Это говорит о том, что в Киеве католическое богослужение было под запретом. На окраинах страны могла царить веротерпимость. В Новгороде, например, для иноземцев позднее была построена като-

лическая церковь святого Олава, которую посещали и новгородцы. Но в столице, где церковными делами заправляли выходцы из Византии, ревностно следили за тем, чтобы власть римского папы не распространилась на Русь.

Столь крупный иерарх в свите польской княжны не мог выполнять только скромную роль её личного духовника. Нужда в католическом епископе могла возникнуть у соседей — печенегов, попечение о которых возлагалось на Святополка как на переяславского князя. В 1007 году немецкий архиепископ Бруно-Бонифаций проповедовал у печенегов, а затем у пруссов, от руки которых и погиб. Он крестил часть печенежской знати и учредил в их землях епархию. В епископы миссионер рукоположил одного из своих спутников. Необходимость в приезде ещё одного католического архиерея на Русь для устройства церковных дел в печенежских землях была обусловлена кончиной этого печенежского епископа.

В описании событий 972 года Титмар отмечал, что поляки платили немцам дань со своих владений вплоть до реки Варты. (12, 28) Территория к северу от Варты, то есть позднейшая Померания, тогда не считалась польской территорией. При Болеславе на ней была основана подчинённая Польше епископская кафедра. Краков, центр одного из хорватских племён, и округа Бреслава были захвачены у Чехии в правление Мешко I.

Создание нового архиепископства произошло без согласия магдебургского архиепископа. Титмар, хотя и не без колебаний, признавал законность такого решения. Это означает, что Гнезненскому архиепископству были приданы вновь приобретённые Польшей земли, до этого не входившие в юрисдикцию магдебургского архиепископа. Кольбергская, Краковская и Бреславские епархии были образованы в 1000 году. Территория Польши эпохи крещения Мешко I польских земель и создания Познанской епархии осталась в прежнем церковном подчинении. Права магдебургского архиепископа не были нарушены, но немецкое духовенство, судя по сомнениям Титмара, не одобряло создание самостоятельной польской церкви.

Свадьба Святополка и польской княжны была в 1014 году, когда Владимировны вышли замуж за чешского и венгерского князей, а Болеслав энергично сколачивал союз против немцев. В свадебных торжествах принял участие Мешко, сын Болеслава. На обратном пути у него и возник конфликт с Ольдрихом. Болеславич, судя по всему, сопровождал на Русь польскую невесту.

В июле 980 года Владимир Святой забрал в свой гарем беременную Святополком супругу своего погибшего брата Ярополка. В 1014 году Святополк был немолод, так как ему перевалило за тридцать. Для него это мог быть уже не первый брак. Его невеста приехала на Русь с прибалтийским епископом. Она жила вдали от польской столицы.

В 1014 году Болеславу было 48 лет. У него могла быть дочь-невеста. Но польские источники ничего не говорят о свадьбе дочери польского князя и Святополка. Титмар пишет:

*«Но, начав править самостоятельно, он (Болеслав I Великий. — В. Т.) стал попирать божественные и человеческие законы. Так, женившись на дочери маркграфа Рикдага, он впоследствии отослал её назад. Затем, взяв в жёны венгерку, родившую ему сына по имени **Бесприм**, он точно так же прогнал и её. Третьей женой его стала **Эмнильда**, дочь почтенного господина Добромира...*

*Она родила ему двух сыновей — **Мешко** и другого (Оттона. — В. Т.), которого отец назвал именем любимого своего господина (императора Оттона III. — В. Т.); и трёх дочерей, из которых одна стала аббатисой, вторая вышла замуж за **графа Германа**, а третья стала женой сына короля **Владимира**».* (12, 68)

Мешко II родился в 990 году. (12, 218) Третий брак Болеслава состоялся не позднее 989 года. Итальянский хронист Цезарь Бароний крещение поляков датировал 965 годом. Польские хронисты связывали это крещение со свадьбой Мешко и чешской княжны Добравы. (1, 1049) Следовательно, Болеслав родился не ранее 966 года и брачного возраста достиг не ранее 984 года. Рикдаг был маркграфом Мейсенской марки в 979–985 годах. Болеслав породнился с немецким маркгра-

фом из политических соображений, а по смерти его отослал в том же году ставшую ненужной супругу. Первая свадьба состоялась в 984 году, что относит рождение Болеслава на 966 год.

Бесприм родился в 986 году. (12, 218) После этого произошёл конфликт поляков с венграми, из-за чего венгерская супруга была отослана на родину. Второй брак пришёлся на конец 985 года или на 986 год. Третья свадьба была около 988 года. Болеслав начал править в 992 году. Титмар ошибается, относя его свадьбы к эпохе самостоятельного правления.

Герман был мейсенским маркграфом в 1009–1032 годах. Экскурс же в польскую историю у Титмара размещён между событиями апреля и августа 1002 года. При этом дата венчания Стефана Святого в венгерские короли сбита на год. В 1002 году погиб мейсенский маркграф Экихард, отец Германа. Но Герману не удалось наследовать Мейсенскую марку, так как вмешался Болеслав, который выхлопотал её у императора для своего зятя Гунцелина. (12, 81)

Гунцелин оказывал полякам содействие, тогда как Герман был их упорным противником. Нигде далее Титмар не называет Германа родственником польского князя. В феврале 1018 года Болеслав зазвал Оду, сестру Германа, в польский город Цютцен и женился на ней. Обстоятельства свадьбы говорят о том, что её сыграли без согласия Германа. (12, 165) Настойчивое желание породниться с Германом даже против его воли овладело Болеславом потому, что в 1009 году Гунцелина за слишком тесные отношения с поляками посадили в тюрьму, а Мейсенскую марку передали Герману. Только в декабре 1017 года Болеславу с помощью подкупа удалось организовать побег зятя из тюрьмы. (12, 160)

После 1009 года, когда Герман заменил в Мейсене Гунцелина, второй дочери Эмнильды могло исполниться восемнадцать. Она родилась после Мешко, то есть не ранее 993 года, и в 1009 году ей было не более 16 лет. Вторая дочь не могла быть женой Гунцелина, который был женат на более старшей полячке.

У Мешко I был брат Цидебур, который нанёс поражение немцам в 972 году (12, 28) После кончины Мешко Польша была поделена на ряд уделов. Придя в 992 году к власти, Болеслав, для того чтобы ликвидировать удельное деление страны, изгнал сводных братьев и ослепил удельных князей Одило и Прибувоя. (12, 68) Судя по всему, Одило и Прибувой были сыновьями Цидебура и двоюродными братьями своего мучителя. Близкие родственники, чья дочь в 1002 году или ранее могла иметь брачный возраст, у Болеслава были.

Гунцелин и Герман в разное время были мейсенскими маркграфами и по жёнам приходились родственниками Болеславу. Вторая дочь Болеслава была женой Германа.

Поляки проявляли пристальный интерес к союзу с правителями Мейсенской марки. Болеслав вёл с немцами упорную борьбу за населённые славянским племенем лужичан земли к востоку от Эльбы. Мейсен находился на Эльбе близ этих спорных земель, и исход борьбы во многом зависел от позиции местного маркграфа.

Заговор Святополка против Владимира Святого представлял серьёзную угрозу. Переяславский князь командовал крупной армией на южной границе и в случае необходимости мог рассчитывать на польскую помощь и привлечение католиков-печенегов. Рейнберн был доверенным лицом Болеслава, пользовался авторитетом в прибалтийских землях, откуда обычно вербовали военных наёмников, мог вести переговоры с крещёными печенегами. Он вполне подходит на роль одного из основных исполнителей заговора, за которым просматривается фигура изошённого в политическом коварстве Болеслава. Так что заключение кольбергского епископа в темницу не было случайностью.

Польское нападение на Русь летом 1017 года на деле оказывается печенежским нашествием — запоздалым всплеском сорванного заговора. Рейнберн, судя по всему, получил право присоединить печенежскую церковь к своей епархии. Католики-печенеги не только отработывали полученные от Болеслава деньги, но и мстили за кончину своего архиерея.

Битва на Буге

После битвы под Любечем Святополк бежал в Польшу, а Ярослав вошёл в Киев:

«Святополк же побеже в Ляхи, а Ярослав седе в Кieve на столе отни. Бе же Ярослав тогда 28 лет». (8, 62)

Затем, воспользовавшись польской помощью, Святополк вернулся на Русь. Татищев:

«6526 (1018). Святополк, будучи в Польше, упросил Болеслава с войском идти на Ярослава. Болеслав, собрав все свои войска, також и Святополк собрал свои, волынян и туровцов, пошли на Ярослава. А Ярослав, услышав то, совокупил русь, варяги и словяны, пошел противу Болеслава и Святополка. И пришел на Воынь, стал на Буге на сей стране реки, а Болеслав стоял на оной стране реки». (11, 74)

Войско Святополка состояло из жителей Волынского и Туровского княжеств. В Радзивиловской летописи события изложены сходно, но более лаконично:

«В лето 6526. Поиде Болеслав со Святополком на Ярослава с ляхы. Яросла[в] же множество сов[о]купи руси, варягы, словены, поиде противу Болеславу и Святополку, и прииде к Воыню, и стаиша обапол реки Буга». (8, 62)

Битву между русскими и поляками современник событий Титмар Мерзебургский датировал 22 июля 1018 года. Летописные даты приведены по «эре –5508 года».

В старших летописях говорится о приходе к Воыню, то есть к городу. У Татищева речь идёт о Воыни как об области. Город Воынь, давший название Волынской земле, обычно отождествляется с городищем, расположенным близ села Грудек, то есть Городок, и устья реки Гучавы (Хучвы) — на 20 километров ниже по течению Западного Буга от Владимира-Волынского. Через Владимир-Волынский и Воынь шёл торговый путь из Киева через Краков в Чехию. Эту торную дорогу

и перекрыл Ярослав. Татищев допустил неточность; битва произошла у города Волыня.

Две армии встретились на реке Западный Буг. В войске Ярослава были новгородцы и варяги. Святополк поддерживали волыняне и туровцы. Святополк долгое время был туровским князем, но восстание Туровского княжества в тылу Ярослава сомнительно.

Через год после гибели Святополка полоцкий князь Брячислав предъявил претензии на Новгород. Это означает, что среди Рюриковичей он считался на тот момент самым старшим после Ярослава. Летописец называет Брячислава сыном Изяслава, внуком Владимира Святого. Это утверждение не соответствует действительности. Киевские летописцы отредактировали тексты, превратив Брячислава из сына Владимира Святого в его внука. Этим они внесли свой вклад в обоснование правомерности оттеснения Рогволодовичей от великокняжеской власти.

Судя по тому, что свадьба сестёр Брячислава состоялась в 1014 году во Владимире-Волынском, город принадлежал Брячиславу. В житийной литературе Брячислав назван князем луцким. Луцк также находился в Волынском княжестве. Это означает, что Волынским княжеством владел Брячислав. При нём Владимир-Волынский был резиденцией епископа, а Луцк — князя. Судя по летописным данным, Брячислав во главе волынян был союзником Святополка. Во время пребывания армии Ярослава в Волынском княжестве Брячислав не мог пойти против воли великого князя, так как сразу же был бы уничтожен или изгнан из страны. На сторону Святополка он перешёл не во время ожидания подхода польских войск к Волыню, а позже.

Польский хронист Галл Аноним так описал польское нападение:

«Прежде всего надо сказать, как славно и великолепно [Болеслав] отомстил за свою обиду русскому королю, который отказался ему отдать в жёны свою сестру. Король Болеслав, вознегодовав, вторгся с великой храбростью в королевство русских и тех, вначале пытавшихся сопротивляться, но не осмелившихся завязать сражение, разогнал перед своим строем, словно ветер, прах...

А Болеслав, не встречая никакого сопротивления, войдя в огромный и богатый город, обнажённым мечом ударил в Золотые ворота». (13, 50–51)

Не встречая никакого сопротивления, Болеслав прошёл русские земли и оказался у столичных ворот. Вот так легко поляки, по мнению Галла, овладели Киевом. Причина нападения выдумана. Иноземцев призвал на помощь Святополк. Кроме того, Болеслав 3 февраля 1018 года женился на Оде и острой нужды подыскивать себе жену не имел. Титмар Мерзебургский:

*«Вслед за тем, согласно приказу [императора], а также постоянным мольбам князя Болеслава, в городе **Бауцене 30 января** епископами Геро и Арнульфом, графами Германом (маркграфом Мейсена. — В. Т.) и Дитрихом, а также имперским камерарием Фридрихом был **клятвенно заключён мир**, не так, как следовало бы, но так, как тогда было возможно. Получив знатных заложников, названные господа вернулись по домам. По прошествии 4 дней **Ода, дочь маркграфа Экихарда, давно уже желанная Болеславом**, прибыла, вызванная его сыном в **Цютцен**. Она была встречена множеством людей обоего пола; горело множество огней, ибо была ночь. **Она вышла замуж** за названного князя во время 70-дневного поста, **без церковного венчания**, и до сих пор живёт без положенного приличной женщине достойного брачного договора». (12, 164)*

Свадьбу следует связать с кончиной Эмнильды. Бароний под 1017 годом пишет:

*«**Юдифь**, королева польская, **жена Болеслава**, святая жена, помощница ко расширению веры и благоговению, с великою всех печалию **преставися**». (1, 1085)*

Здесь Эмнильда названа Юдифью. Потеряв в 1017 году жену, Болеслав в начале следующего года взял другую — четвёртую по счёту.

Получив в январе сведения о поражении Святополка под Любечем, Болеслав вымолил мир у немцев, который был подписан в расположенном неподалёку от Цютцена и Мейсена Бауцене — славянском Будишине. Одновременно, пренебрегая церковными правилами, он спешно

женился на сестре маркграфа Германа. Торопливость его оправданна. Свадьба обеспечивала спокойствие западных рубежей Польши, что давало возможность готовиться к летнему походу на восток.

В эпоху борьбы с немцами Болеславу на востоке был нужен мирный сосед, а ещё лучше — военный союзник. Помогая Святополку, Болеслав решал эти стратегические для Польши задачи, попутно мороча голову немцам сказками о безвинно пострадавшем Святополке и необходимости отомстить за мучения епископа Рейнберна. По свидетельству Титмара, в войске Болеслава было 300 немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. (12, 177)

Закончив приготовления, польская армия двинулась на Русь. На границе её поджидало войско Ярослава. Воевода Будый, он же Блуд, он же Волчий Хвост, как и в любечской битве, показан зачинщиком сражения:

*«И бе у Ярослава кормилец и воевода Будый, и нача Буды укаряти Болеслава, глаголя: "Да чрево твое толстое **прободем** ти **трянью**". Бе бо велик и тяжек Болеслав, яко ни на кони могы седети, но бяше **смыслен**. И рече Болеслав: "Аще вы сего укора не жаль, аз един погину". И всед на конь и вбреле в реку, и по нем вои его. **Ярослав же не утягну исполчитися**, и победи Ярослав Болеслав». (8, 62)*

В рассказе заметно противоречие. О Болеславе говорится, что из-за своей тучности он не мог сидеть на коне, но в нападение он ринулся почему-то верхом. Успех полякам принесла неожиданность натиска. Ярослав был внезапно атакован и не успел выстроить своё войско.

Ярослава в походе на Буг сопровождали варяги. В саге об Эймунде сообщается об участии его отряда в войне Брячислава с Ярославом на стороне Брячислава. Эта война была позднее событий на Буге. Норманны побывали на Буге и уцелели, но стали враждебными Ярославу. В саге следующий за битвой под Любечем год, в который произошла кровопролитная битва на Буге, объявлен мирным:

*«После этого **летом и зимой было мирно**, и ничего не случилось, и правил Ярицлейв обоими княжествами **по советам и разуму Эймунда конунга**». (3, 110)*

Разумный Эймунд был с Ярославом на войне с поляками и непрерывно подавал ему советы один лучше другого. Но скальд решил не затруднять внимание слушателей описанием бегства с поля боя своих земляков.

Татищев причиной поражения считал доверчивость Ярослава, поверившего ложным известиям и ожидавшего мирного разрешения конфликта:

*«Был же у Ярослава дядька и воевода Будый. Оной, приехав ко берегу и видя Болеслава, начал укорять, глаголя: "Чрево твое толстое прободу копием". Бе бо **Болеслав** велик и тяжек вельми, что на кони не мог сидеть; обаче к **разпорятку войск был смыслен** и храбр и, хотя братию примирить, по совету вельмож **посылал к Ярославу о мире**. Обаче сим вельми оскорбился и рек вельможам своим: "Если вам сие поношение не тяжело и не хотите отмстить, то я един иду и мою честь обороню или живот погублю". На что все воеводы согласились, а паче **Святополк**, не хотя о мире слышать, **возбуждал всех к битве**. Тогда Болеслав со всем войском **пошел вдруг чрез реку в брод**, а **Ярослав, надеясь на пересылки**, не имел приготовления к бою и **войско устроить не успел**, чрез что побежден был от Болеслава».* (11, 74)

Главным побудителем к битве среди польского войска назван Святополк. Вся армия Болеслава неожиданно двинулась вброд и смела береговую охрану.

Русско-польская война описана у Титмара:

*«Нельзя также умолчать о **прискорбном случае**, случившемся на Руси. Ведь Болеслав, напав на неё согласно нашему совету с большим войском, причинил ей большой вред. Так, в июле месяце, 22-го числа, этот князь, придя к какой-то реке, стал там вместе со своим войском лагерем и **велел приготовить** необходимые [для переправы] **мосты**. Русский король, расположившись возле него со своими людьми, с тревогой ожидал исхода будущего **условленного** между ними **сражения**.*

*Между тем враг, **подстрекаемый поляками**, был **вызван на битву** и в результате **внезапного успеха** был **отброшен от реки**, которую оборонял. **Ободрённый этой суматохой** Болеслав, требуя, чтобы союзники пригото-*

вились и поторопились, тотчас же хоть и с большим трудом, но перешёл реку. Вражеское войско, выстроенное против него, напрасно старалось защитить своё отчество. Уже в первой схватке оно подалось и более уже не оказывало сильного сопротивления. Там тогда было перебито огромное количество бежавших [врагов] и очень мало победителей. Из наших погиб славный рыцарь Эрик, которого наш император долгое время держал в оковах». (12, 177)

Сожаление хрониста вызвали не русские беды, а гибель соплеменника. Рыцарь Эрик, спасаясь от наказания за убийство, бежал к полякам и поступил на службу к Болеславу. Во время немецкого нападения на Польшу он в июле 1015 года попал в плен в боях под городом Цютценом — крепостью на польском пограничье к юго-востоку от современного Берлина. (12, 139) После того как Болеслав добился согласия немцев на русский поход, ему разрешили набирать охотников среди немецких рыцарей. Эрика для участия во столь благом деле даже освободили из темницы.

Польские писатели составили об успешном походе на Русь много легенд. В них бугское побоище размножилось и превратилось в четыре победоносные для поляков битвы. Ярослава и его вельмож якобы взяли в плен и с собачьими ошейниками на шее подвели к Болеславу, который даже посочувствовал их несчастью. Но среди всех этих хвастливых рассказней попадаются крупинцы достоверной информации.

Блуд грозил проткнуть живот Болеслава тростью. Слово «тростие» использовано в аналогичном рассказе в Тверской летописи. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях оружие обозначено словом «треска». Поздние летописцы уже не понимали смысла угрозы и заменили непонятную трость-треску копьем.

Слово «тростие» обозначало тростник. (5, 735) Исходным словом, судя по всему, было похожее по звучанию и тождественное по значению церковно-славянское слово «трестие». (10, 705) Оно бытовало и в форме «треста», которое при переписывании рукописей превратилось в слово «треска».

Угроза проткнуть тростиной позволяет использовать ещё одно сообщение Галла Анонима. Дело в том, что одно из значений слова «тростие» — удилище. У польского хрониста есть рассказ о рыбалке, предшествовавшей победоносному маршу поляков по русским землям. Эпизод с рыбалкой приписан Ярославу, для того чтобы показать его фантастическое бегство от врага без боя. Галл Аноним:

*«А **король русских** по простоте, [свойственной] его народу, **ловил в это время удочкой рыбу с лодки**, когда ему неожиданно сообщили, что Болеслав приближается. Он с трудом этому поверил, но в конце концов, поскольку его извещали об этом всё новые вестники, **ужаснулся**. Затем, поднеся ко рту большой и указательный пальцы, **поплевав по обычаю рыболовов на наживку**, сказал, говорят, к стыду своего народа следующие слова: "Раз Болеслав занимается не этим искусством, а ему привычно забавляться военным оружием, значит, Господь [сам] в руки его передаёт и город этот, и королевство русских, и [богатства его]". Так сказал и, не долго медля, **бежал**».* (13, 50–51)

Титмар зачинщиками схватки считал поляков. Это больше соответствует предшествующим битве обстоятельствам. Русы надеялись на мирное разрешение конфликта, и задирать противника им было не резон. В польском же лагере мнения разделились. Одни приближённые Болеслава склонялись к мирным переговорам, другие — во главе со Святополком — настаивали на битве.

Иноземные источники, несмотря на тенденциозность польских авторов, единодушны в том, что битва происходила в два этапа: вначале была успешная для поляков схватка небольших сил, а после неё произошло основное побоище.

Соединение разных известий позволяет сделать вывод о том, что Блуд застал Болеслава и его приближённых мирно удыщими рыбу. В рыболове — русском короле угадывается сопровождавший Болеслава Святополк. Он должен был видеть в предавшем его под Любечем Блуде одного из главных виновников своих несчастий. Демонстративное нанизывание червяка на крючок с поплёвыванием для удачного клёва, надо полагать, сопровождалось угрозами сделать из киевского воеводы наживку для рыб.

В ответ на оскорбления Святополка Блуд пригрозил проткнуть ему и его тучному предводителю животы их собственными удочками. Обидевшиеся поляки закидали русов выловленными рыбинами, что позднее было переосмыслено как рассказ об отчаянных метателях-поварях. Затем отряд Болеслава переправился через реку и одолел в схватке русский дозор. Болеслав перебрался на противоположный берег на лодке, и летописец напрасно сделал его конником.

Нечаянная стычка положила конец колебаниям, и Болеслав призвал своих соратников к общему наступлению.

Галл собрал разные версии устных преданий, в результате чего получилось описание нескольких сражений и нескольких перебранок. В одной из перебранок Болеслав сравнивается с вепрем в луже. Тучный поляк в лодке посреди реки действительно был похож на свинью среди лужи. Еще один отголосок перебранки есть у польского хрониста Винcentия Кадлубека. В его рассказе король-рыболов говорит о ловле сомов (13, 98). Сомы с голыми лбами и огромными усами были похожи на русов, бривших голову и отпускавших длинные усы. Здесь слышен отголосок угрозы поляков переловить русов, как сомов.

Фраза Татищева о том, что Болеслав был смышлён в расстановке войск, и сообщение Титмара о заблаговременной подготовке к переправе говорят в пользу того, что первая схватка имела только отчасти случайный характер.

Вряд ли Болеслав демонстративно удил рыбу перед главным расположением русских войск. Под предлогом рыбалки он должен был высматривать наиболее удобное для переправы место, где с помощью заготовленных плотов было бы легче всего возвести плавучие мосты. Похоже, что русские перебежчики предложили полякам применить традиционную тактику русов: во время ночной переправы в стороне от основного лагеря врага перебросить часть войска, с тем чтобы неожиданно напасть с двух сторон.

Рыбалка предполагает раннее утро. Но несмотря на столь неурочное время, русские дозоры были начеку и получивший известие воевода Блуд отправился посмотреть на знатных рыбаков-разведчиков.

Переправившийся после перебранки через Буг отряд Болеслава оказался один на один с армией противника. Галл описывает как раз такую ситуацию:

*«Когда **королю русских** было сообщено, что король **Болеслав уже перешёл реку** и обосновался с войском в пределах его королевства, тот опрометчиво решил, что он уже [Болеслава] с помощью своих многочисленных [отрядов] **загнал в сети**, словно зверя. Говорят, передал ему слова, полные надменности, которые следовало обратить на голову его самого: "Пусть Болеслав знает, что он, подобно **вепрю**, в луже **окружён моими собаками** и охотниками"». (13, 52)*

Высадившихся на чужой берег поляков обступили русские отряды во главе с Ярославом. Но Болеслав не испугался и не стал возвращаться. Он решил использовать в свою пользу отвлечение русских сил и их командиров. Его оставшейся за рекой армии был отдан приказ начать общее наступление.

Внезапное нападение намечалось позднее. Вспыльчивость Болеслава внесла изменения в первоначальный замысел, но сделанные заранее приготовления позволили быстро развить случайный успех. В то время пока Ярослав с Болеславом в отдалении от основных своих сил вели перебранку, поляки переправлялись как через брод, так и посредством наспех собранных плавучих мостов и вступали в бой с не ожидавшим нападения противником.

Реликты сведений о мостовой переправе, позволившей полякам обрушиться на охрану берега всей своей массой, сохранились в следующих словах польской легенды:

*«Столь велико было множество переходящих реку, что она нижним казалась не водой, а **сухой дорогой**». (13, 53)*

У поражения Ярослава была ещё одна причина. В саге об Эймунде описаны конфликты норвежцев из-за задержек в выплате жалованья и коварство жены Ярослава, чуть было не погубившей славного Эймунда. Сказителю очень важно было свалить вину за переход норвежского

отряда к Брячиславу на Ярослава и его близких. Между тем расстались они совсем не так, как это показано в саге.

Ярослав ушёл на Буг с варягами Эймунда, а вернулся в Новгород без них и был вынужден набирать новых заморских наёмников. Эймунд же оказался под знамёнами Брячислава, участвовавшего в бугской битве на стороне поляков.

Несмотря на преувеличения, Галл оставил довольно правдоподобное описание исхода боя:

*«Тогда же король Болеслав ободрил каждого в отдельности, назвав по имени, [и] бросился в гущу врагов, словно лев, алчущий [крови]. И нет у нас возможности пересчитать, скольких сопротивляющихся он поверг, и никто не в состоянии точно сосчитать **тысячи погубленных** врагов, хотя известно, что их к сражению собралось бесчисленное [количество], но лишь **немногие** из уцелевших **спаслись бегством**. Многие из тех, кто через много дней приходил издалека на место сражения, чтобы отыскать своих друзей и близких, уверяли, что столько там было разлито крови, что по полю никто не мог пройти, иначе как [ступая] в [лужах] крови или по трупам, а вся река Буг приобрела вид скорее кровавого потока, чем реки».* (13, 52)

Ему вторит новгородский летописец:

*«И победи Болеслав Ярослава, и ту **убиша Блуда** воеводу, и **иных множество** победиша (первоначально «побиша». — В. Т.), а их (первоначально «иных». — В. Т.) же руками **изымаша**, то **расточи** Болеслав **по Ляхам**».* (9, 130)

Летописный образ убежавшего чуть ли не в одиночку в Новгород Ярослава хотя и не соответствует исторической действительности, но передаёт народное впечатление о гибели на Буге большого войска.

Желание Святополка вернуть себе престол при помощи врагов стоило рек русской крови. В жестокой схватке русская армия понесла тяжёлые потери. По условиям договора с Ярославом норманны должны были во время битвы стоять на самом ответственном участке — в середине войска. Волынь был пограничной крепостью на торговом пути.

Это означает, что город контролировал брод через Буг. Поэтому самым ответственным участком обороны для русов были укрепления перед бродом, по которому ожидался подход польских войск. Здесь должны были стоять варяги, и сюда пришёлся главный удар закованных в броню рыцарей Болеслава.

Армия Ярослава не выдержала натиска переправлявшихся поляков и бежала. Бежали, естественно, и норманны. Но если русские воины устали своими телами поле боя, то наёмники пострадали мало. Их вожди уцелели, а жестокое побоище никак не отразилось в саге, что было бы весьма странным, если бы норманны стойко бились, а большая их часть при этом погибла. В саге отряд Эймунда после «мирного» года по-прежнему выступает в качестве грозной силы.

Польская армия жестоко преследовала одних только русских, что говорит о сговоре норманнов с врагами. Болеслав был коварным политиком и с охотой шёл на подкуп противника.

Непосредственной причиной разрыва отношений Ярицлейва и норманнов стал отказ скупого князя выплачивать жалованье. Причём если мы уберём вставные эпизоды с убийством Бурицлава — Бориса Владимировича, к которому отряд Эймунда не был причастен, и легендарную войну с бьярмами, то увидим, что в предшествующей версии саги конфликт был вызван увеличившимися запросами наёмников. Эймунд заявил:

*«Теперь нам надо будет **платить эйрир золота каждому мужу и половину марки золота каждому рулевому на корабле**».* (3, 110)

Золото было дороже серебра. В 1252 году во Флоренции начали чеканить золотые монеты флорины, по названию города, а в 1284-м в Венеции — дукаты, по изображению городского правителя — дука. Обе монеты весили по 3,5 грамма и по своему достоинству равнялись весовому фунту серебра — итальянской лире серебра. Итальянская лира серебра того времени в разное время в различных городах имела неодинаковый вес, который колебался около 500 грамм. Так что в Италии золото было дороже серебра в 130–140 раз. Владимир Святой начал чеканку

золотой монеты — златника — весом 4,3 грамма, а русский фунт весил 409,5 грамма. Это значит, что на Руси золото было дороже серебра в 96 раз.

Просьба о повышении платы воинам в 96 раз, при консервативности обычаев той эпохи, звучит фантастически. Согласно прототипу саги, Ярослав отказался платить и норвежцы ушли к Вартилаву-Брячиславу. Новый хозяин, посоветовавшись со своими приближёнными, согласился на условия варягов.

Реальные норвежцы такой платы ни у Ярослава, ни у Брячислава не попросили бы. В обычное время её бы им никто и не дал. Иное дело — стояние на Буге. Колебания между мирными переговорами и военными действиями говорят о том, что Болеслав не был уверен в успехе сражения. В таких условиях поляки были готовы заплатить большие деньги за предательство. Вот откуда появился эйрир золота.

Рулевым первоначально доплачивали по пол-эйрира серебра, то есть им платили в полтора раза больше, чем рядовым воинам. Эймунд потребовал для них плату в половину марки золота. В половине марки содержалось четыре эйрира. Рост оплаты командиров превышал рост оплаты воинов в 3,6 раза. Полякам было важно подкупить верхушку скандинавского отряда, и они не скупились на обещания.

Титмар сообщает, что русское войско отступило уже в первой схватке, а затем не оказывало сильного сопротивления. Если за первую схватку считать бой Болеслава с Блудом, то следует признать, что береговыми укреплениями поляки овладели без затруднений. Такую же картину рисует и Кадлубек:

*«Между тем пока **слуги** и той и другой стороны обмениваются оскорблениями, раздражают друг друга взаимными обидами, польские солдаты врываются во вражеский лагерь и одних убивают, других вынуждают броситься врассыпную».* (13, 99)

В образе слуг сокрыты уже знакомые нам рыбаки и их противники. Никакого ожесточения при штурме хорошо укреплённого лагеря русов не наблюдается. Согласно Галлу, поляки даже опасались ловушки в начале побоища:

«Король Болеслав и всё войско, разбуженное криком и звоном оружия, спрашивает, в чём дело, а узнав причину и сомневаясь, не нарочно ли это подстроено, обрушиваются на бегущего отовсюду врага боевым строем».
(13, 53)

Приказ наступать пришёл неожиданно во время полуденного отдыха. Без труда ворвавшись в русский лагерь, поляки, тем не менее, опасались, что их специально заманивают в ловушку. Ведь рядовые польские воины о желании Эймунда получить кучу золота ничего не знали.

Во время битвы норманны предпочли перейти на сторону противника. Они открыли ворота берегового укрепления и поспешно отступили. Поляки ворвались в лагерь и устроили в нём резню. Эймунд и его соратники спрятались за крепостными стенами Волыня. Вышли же из крепости они уже по окончании сражения. Этим можно объяснить молчание польских источников о судьбе крепости.

Галл и Кадлубек знают только о лагере русов и ничего не говорят о стоящей рядом крепости. Польский историк конца XVIII века Нарушевич пишет о захвате обоза Ярослава и последующем покорении нескольких городов. (6, примеч. II, 10) Будь крепость захвачена поляками, это было бы воспето их хронистами как боевой подвиг. Если бы она осталась в руках русов, то беглецам с поля боя было бы куда спастись и жертв было бы меньше.

Эймунд пошёл на сговор с поляками, и его отряд не подвергся общей участи. Этот поступок и пытался скрыть скальд. Чтобы опровергнуть порочащую его подопечных молву о предательстве во время битвы, поэт превратил их не в соратников, а в убийц Святополка, а их переход от Ярослава к Брячиславу отнёс на время более позднее, нежели бугское побоище.

Болеслав выполнил своё обещание. Захватив в Киеве великокняжескую казну, он, по свидетельству Титмара, большую часть этих огромных богатств раздал своим сторонникам. Большую часть трофеев поляки забрали себе, но, чтобы не вызывать зависть немцев, убеждали их в ином. Тем не менее что-то из трофейного золота перепало отряду Эймунда.

Марш на восток

В Радзивиловской летописи вслед за сообщением о победе Болеслава говорится:

«И Ярославу же бежавишу со 4 мужи к Новугороду». (8, 62)

Бегство в Новгород великого князя с четырьмя сопровождающими вроде бы говорит о катастрофичности последствий поражения. Но образ бегства с четырьмя спутниками восходит к фольклорному выражению «сам-пят». Летописец опирался на устный рассказ о бегстве Ярослава сам-пят в Новгород, что позволяет усомниться в достоверности известия. Татищев излагает существенно иную версию событий:

«Тут убит Будый воевода со множеством других, многих же пленили. А Ярослав, пришед в Киев и собрав остальное войско, пошел из Киева к Новуграду». (11, 74)

Согласно Татищеву, Ярослав бежал не в Новгород, а в Киев. Здесь он собрал остатки войска и только после этого отправился на север. Достоверность этого сообщения также вызывает сомнение. В Киеве, согласно Титмару, Болеслав захватил жену и иных родственников Ярослава. Согласно летописям, в столице ему достались Ярославово имение, бояре и сёстры. Под именем следует понимать великокняжескую сокровищницу, откуда Болеслав позднее черпал средства для щедрых подарков. Всего этого не случилось бы, если бы Ярослав уходил в Новгород через Киев. Для жены и сокровищ место в его обозе наверняка нашлось бы.

Галл Аноним пишет о стремительном следовании поляков к Киеву после битвы:

«Он (Болеслав I Великий. — В. Т.) не задерживался, однако, по вражескому обычаю в пути, чтобы захватывать города и собирать деньги, а поспешил в столицу королевства Киев, чтобы захватить одновременно и королевский замок, и короля». (13, 50–51)

В сообщении слышится скрытая полемика с противоположным мнением, согласно которому города как раз захватывались и деньги с покорённых городов собирались. Информированный Нарушевич знал о том, что по пути следования польской армии шло завоевание русских городов. (6, примеч. II, 10) Титмар сообщает важные подробности:

*«С того дня Болеслав, развивая успех, преследовал разбежавшихся врагов. Он был принят всеми местными жителями и **почтён богатыми дарами**.*

*Между тем **Ярослав** силой **захватил** некий **город, послушный его брату**, и увёл его жителей. **Киев** же, весьма сильный город, подвергся, согласно приказу Болеслава, частым **атакам** со стороны своих врагов **печенегов** и был **сильно ослаблен** в результате большого **пожара**. **Защищали** его сами **горожане**, довольно быстро, впрочем, **открыв ворота** чужеземцам. Ведь оставленный своим обращённым в бегство королём, этот город **14 августа** принял Болеслава и Святополка, своего господина, от которого долго отказывался; и вся страна из страха перед нами обратилась к его милости». (12, 177)*

Деньги с местных жителей Болеслав по дороге также собирал. От Волыня до Киева около 10 дней пути. Согласно Титмару, битва на Буге произошла 22 июля и поляки должны были достичь столицы к вечеру 1 августа. Но что-то задержало их почти на две недели. На самом же деле продвигались поляки ещё медленнее.

Датировка битвы Титмаром не согласуется с данными польских легенд. Галл Аноним:

*«Пока тот и другой (Болеслав и Ярослав. — В. Т.) обменивались такими речами, на следующий день **приближался праздник**, [и] король Болеслав, собираясь отметить его, **отложил сражение на третий день**». (13, 52)*

В июле крупным праздником был день памяти Ильи-пророка. В 1018 году 20 июля было воскресеньем, что придавало празднику особую значимость. Титмар был уверен в июльской дате сражения, так как поместил свой рассказ о ней после описания июльских событий. Но день Ильи-пророка предшествует дню битвы.

Военным месяцем русов был июнь. В источниках довольно часто июнь из-за близкого звучания и написания смешивается с июлем. 22 июня было воскресеньем и предшествовало дню памяти Иоанна Крестителя, отмечаемому 24 июня. С христианским праздником слилась древняя языческая традиция чествования летнего солнцестояния, и он широко отмечался в разных славянских землях. Начинали праздновать Ивана Купалу в ночь с 23 на 24 июня. Откладывая три дня от 22 июня, получаем 25 июня — первый послепраздничный день. Ночь с 25 на 26 июня соответствует традиции русских ночных нападений накануне четверга. На эту ночь поляки намечали битву, но утренняя стычка Болеслава с русами ускорила её.

Битва накануне дня Ивана Купалы более соответствует описанной у Галла обстановке предпраздничных хлопот польских слуг. Воскресный отдых хорошо объясняет и рыбацкую прогулку отряда Болеслава по Бугу. В воскресенье 22 июня многонациональная армия захватчиков переправилась через Западный Буг и напала на русскую землю.

Информатор Титмара пытался преувеличить успехи польской армии, поэтому он заменил июнь на июль, чтобы преуменьшить длительность пути, свидетельствующую о трудностях похода. Поляки добирались до Киева более полутора месяцев.

Ярослав, отступая, разорил враждебный ему город, увея с собой его жителей. Это не похоже на паническое бегство сам-пят и свидетельствует о наличии у него крупных военных сил.

Только крайнее ожесточение могло подвигнуть великого князя во время отступления под натиском превосходящих сил противника потратить время на захват крепости и расправу с её защитниками. Его гнев должны были вызывать участвовавшие в битве на стороне врага туровцы и волыняне. Туров лежал далеко в стороне от дороги, по которой двигались Ярослав и информаторы Титмара. Иное дело — месть волынянам.

Город Луцк, княжеская резиденция Брячислава, стоял на дороге, по которой должен был проследовать спешащий в Киев Ярослав, и разорённым городом следует признать Луцк.

На Буге погиб воевода Блуд. Неподалёку от Луцка находим населённый пункт с редким названием Блудов. Похоже на то, что в названии сохранилась память о похороненном в окрестностях селения воеводе, скончавшемся от ран во время отступления. Блуда долгое время помнили как раз в западнорусских землях. В Московской Руси проживал происходивший с Волынской земли дворянский род Блудовых, считавший своим прародителем павшего в 1018 году Блуда.

Луцк находится всего в двух днях пути от Волыня. Решаясь на расправу с городом, осторожный Ярослав должен был быть уверен, что поляки его не настигнут. Такая уверенность могла появиться только в том случае, если мощный город-крепость Владимир-Волынский сохранял ему верность и был способен задержать врага.

Сообщение Татищева о сборе оставшегося войска восходит к сбору остатков разбитой на Буге армии. Они не могли собираться у Киева, находящегося на большом расстоянии от места побоища. Иное дело — Владимир-Волынский, стоящий всего в нескольких часах пути от Волыня. Известие о бегстве сам-пят и сборе воинов следует связать с Владимиром-Волынским.

Убедившись в поражении, Ярослав с немногочисленной свитой укрылся за стенами Владимира-Волынского. Сюда же стали стекаться остатки его армии. Укрепив город гарнизоном, достаточным для того, чтобы задержать польскую армию, Ярослав двинулся к Киеву. По дороге он похоронил своего воспитателя Блуда и наказал за измену лучан. Это наказание, кстати, свидетельствует о том, что Брячислав последовал примеру Эймунда и во время битвы перешёл на сторону поляков.

Князь Брячислав, на земле которого произошло сражение, находился в войске Ярослава. Пограничное с Волынским Туровское княжество также было обязано поставить свой отряд. Если бы переход к врагу состоялся до битвы, репрессии обрушились бы на Луцк раньше.

Волынян и туровцев как местных жителей и наименее надёжную силу Ярослав должен был поставить во вторую линию обороны — не в лагере, а в Волыне, стены которого не дали спасения беглецам с поля боя. Это значит, что изменники, включая волынян, туровцев и норманнов, укрылись в крепости и с её стен наблюдали за избиением киевлян.

Пример Владимира-Волынского говорит о том, что, несмотря на измену Брячислава, часть жителей Волынского княжества сохранила верность Ярославу. Епископ Владимира-Волынского сумел удержать паству от перехода на сторону иноземных завоевателей.

Болеславу при движении на восток пришлось штурмовать несколько городов, что замедлило его продвижение. Несмотря на это Ярослав в Киев попасть не сумел. Помешали печенеги, которых польский князь натравил на русскую столицу. У Ярослава не хватило сил прорваться через печенежский заслон перед Киевом, и он, повернув на север, отправился в Новгород.

Овладение столицей

По словам Нарушевича, поляки, подойдя к Киеву, приступили к его осаде и частично сожгли город. Титмар пишет об осаде Киева печенегами и о снижении обороноспособности города из-за большого пожара. Вхождение поляков было приурочено к военному четвергу, что также говорит о немирном характере взятия. Кадлубек, описывая сходные события более поздней эпохи, когда поляки Болеслава II помогли Изяславу вернуть престол, отмечал:

«Сам он (Болеслав II. — В. Т.), так же как и Болеслав Первый Великий, вошёл как враг в главный город Киев, столицу русского королевства». (13, 53)

Врагами пришли на русскую землю поляки. Во время въезда Болеслав Великий своим мечом сделал зарубки на Золотых воротах.

Кадлубек:

«А на востоке оставил другую мету на Золотых воротах Киева, когда, захватив город, частыми ударами меча высек на Золотых воротах знак зависимости». (13, 98)

Меч из-за щербин от ударов получил название *Щербец* и долгое время был одной из реликвий польских королей. (13, 61)

Упоминание Золотых ворот свидетельствует об их наличии в городских стенах, построенных Владимиром Святым. Первоначально они стояли у древнего моста через овраг, проходившего вдоль западной стороны киевского града Владимировой эпохи. Позднее Золотые ворота Владимирова града были известны под названием Софийских, так как дорога от них вела к Софийскому собору. Расширяя город, Ярослав Мудрый поставил к западу от старых новые, более величественные, Золотые ворота, остатки которых сохранились до наших дней.

Традиция пронзания оружием ворот завоёванных городов существовала в соседней Венгрии. Русы прибывали на воротах вражеских городов щиты. Так что зарубки Болеслава означали военное покорение Киева. В его армии присутствовали венгры, под влиянием которых польский король затупил свой меч о ворота.

В четверг 14 августа в канун Успения Богородицы польские захватчики и их союзники угрозой штурма вынудили киевлян сдаться и вошли в русскую столицу. Титмар так описал это событие:

*«Архиепископ того города почтил прибывших в храме св. Софии, который в прошлом году сгорел по причине несчастного случая, с мощами святых и прочими украшениями. Там же находилась **мачеха** указанного короля, его **жена и 9 сестёр**, из которых одну, уже давно желанную, старый развратник Болеслав, забыв о своей супруге, незаконно увёл с собой. Ему представили там **огромные богатства**, большую часть которых он **раздал** своим друзьям и сторонникам, а кое-что **отослал на родину**». (12, 177)*

Представление об огромных богатствах, захваченных Болеславом на Руси, дают более поздние события. Козьма Пращский под 1039 годом описывает, как чешский князь Брячислав захватил Польшу и вывез оттуда большое количество серебра и золота. Золото и серебро в Польше не добывалось. Какое-то количество серебра поляки могли накопить в результате торговли. Но Польша лежала в стороне от основных торговых маршрутов, а Болеслав вёл упорную борьбу с немцами, которая требовала больших средств.

Иная обстановка была на Руси. В ходе победоносных походов Олега Вещего и Святослава Великого покорялись целые страны и грабежу

подвергались многие области Хазарии, Болгарии и Византии. Обильный доход давали проходившие через Русь трансконтинентальные торговые пути «из варяг в греки» и «из варяг в восточные страны». Владимир Святой получал драгоценные металлы в качестве платы за свою многолетнюю помощь Византии в подавлении мятежей и покорении Болгарии. Попутно в ходе этой помощи русы захватывали и военную добычу. В Киеве его воинственные правители должны были скопить большие сокровища.

Послушаем рассказ Козьмы:

«Помимо этого (ограбления польских сёл и городов. — В. Т.) Бржетислав извлёк из казны старые сокровища, а именно громадное количество золота и серебра, спрятанное в ней прежними князьями». (7, 102)

Польские сокровища чехи торжественно ввезли в Прагу. В описании этого триумфального шествия упомянуты наиболее впечатляющие трофеи:

*«Затем следовали 12 избранных священников. Они с трудом выдерживали **тяжесть золотого распятия**, ибо Мешко дал на этот крест столько золота, что вес его был равен тройному весу самого Мешко. На пятом месте шли люди, нёщие **три золотые плиты**. Их положили вокруг алтаря, где покоилось тело святого (Войтеха. — В. Т.). Самая большая плита имела пять локтей в длину и десять ладоней в ширину, была богато украшена драгоценными камнями и прозрачными плитками.*

И с краю плиты драгоценной стихами написано было,

*Что **золота либров три сотни** являются весом её.*

*Наконец более ста телег везли громадные колокола и **все сокровища Польши**».* (7, 109)

Триста каролингских либр золота весили 122,4 килограмма. Плита была размером 190 на 80 сантиметров, а толщиной, судя по её весу, четыре миллиметра. Плиты, судя по размеру самой большой, украшали саркофаг Войтеха. Длинная боковая сторона, обращённая к зрителю, была украшена самой крупной плитой, два торца — малыми. Все вмес-

те они образовывали золотой фриз. Малые плиты должны были быть примерно вдвое меньше большой. Общий вес фриза мог равняться примерно двум с половиной центнерам. Но скорее всего, надпись с определением веса относилась ко всему фризу, а не к одной из плит, поэтому толщину плит следует определить в два миллиметра, или исходя из древнерусских мер в четверть ногтя. В противном случае фриз занял бы более почётное место в списке трофеев, нежели распятие.

Тройной вес Мешко должен был составлять около двух центнеров. Золотое распятие висело в алтаре над саркофагом. Чтобы составить приблизительное представление о кресте, мы можем условно принять его высоту в рост человека, а ширину — в ладонь. Человеческий рост примерно равен размаху его рук, или сажени. Средневековая сажень равнялась 152,7 сантиметра, ладонь — по древнерусскому счёту — пяти пальцам, или 7,95 сантиметра. Чтобы учесть боковую перекладину и фигуру Христа, объём центрального столба следует увеличить примерно в два с половиной раза. В этом случае толщина креста будет ориентировочно равняться 3,41 сантиметра, что примерно равно двум пальцам. Чтобы привести толщину в соответствие с мерами того времени, её следует уменьшить до 3,18 сантиметра, а вес Мешко — до 62 килограммов, или 152 фунтов. Тройной вес Мешко позволяет исчислить вес распятия в 186 килограммов.

Только золотые распятие и плиты весили более трёх центнеров. Сняв сливки, Брячислав не позабыл и об оставшихся в Польше крохах. Конtribusiция, наложенная им на поляков по поводу возвращения Вроцлава, включала в себя ежегодную дань в 25,594 килограмма серебра и 15,356 килограмма золота.

Большая часть всех этих сокровищ попала в бедную на драгоценности Польшу в качестве русских трофеев. Фриз с саркофага Войтеха первоначально украшал саркофаг Владимира Святого. Щедрым церковным дарителем был Болеслав, а не Мешко. У Козьмы смешение имён этих двух правителей наблюдается и в иных местах.

Болеслав отличался тучностью и весил значительно больше 62 килограммов. Первоначально речь шла о тройном весе обычного челове-

ка, равном весу Болеслава. Русские летописцы считали, что Болеслава не выдерживал ни один конь. Два человека могли ездить на коне. Это значит, что Болеслав был тяжелее. Так что тройной вес подходит этому польскому владельцу.

Церкви отдавали десятину от доходов, поэтому общую добычу Болеслава следует исчислить в три с лишком тонны золота, которое было дефицитнее серебра. Серебра он собрал значительно больше. Но грабёж Руси не пошёл поляком впрок, а только привлёк внимание алчных соседей.

Русскую церковь в 1018 году возглавлял митрополит Иоанн. Его резиденцией был Переяславль, и вряд ли бы он, получив известие о бугском побоище, спешно прибыл в осаждённый печенегам Киев, чтобы подгадать к подходу католиков-интервентов. Анонимный архиепископ далее показан Титмаром деятельным помощником Болеслава. Согласно летописям, вместе с возвращавшимися поляками в Польшу ушёл Анастас, ставший к тому времени доверенным человеком Болеслава. Нарушевич прямо называет архиепископа Анастасием, поэтому архиепископа традиционно отождествляют с Анастасом Корсунянином, чьей резиденцией была Десятинная церковь.

В Десятинной, где хранились мощи святых и ценности, произошла торжественная встреча завоевателей. Информаторы Титмара именовали Анастаса архиепископом и считали его главой Русской церкви. После смерти Владимира Святого статус епископа Анастасса повысился: он стал архиепископом.

Мачехой Ярослава была Мария Борисовна, которая одна только из всех жён Владимира Святого в 1017 году была в качестве обитательницы Вышгорода известна близ Киева. Она пережила 1018 год, так как Иоанн Скилица писал:

*«Анна, сестра императора, умерла в Росии, до неё же — её муж **Владимир**».* (4, 110)

Сообщение это не датировано точно, а помещено между описаниями событий 1022 и 1025 годов. Царевна Анна, сестра византийских

императоров, скончалась в Киеве в 1013 году и была похоронена в Десятиной церкви. Под именем *Анна* на Руси была известна Мария Борисовна, которую часть русских книжников продолжала ошибочно считать византийской царевной и сестрой императоров. Наряду с этим они были уверены, что остаток жизни она провела в монастыре. До Скилицы дошло известие о кончине около 1022 года монахини Марии Борисовны.

Девять сестёр были монашенками женского великокняжеского Софийского монастыря. Судя по их количеству, перед нами дочери Владимира Святого от разных браков. Вместе с Марией Борисовной монашенок насчитывалось десять. Количество обитателей раннесредневековых монастырей зачастую составляло 12 человек — по числу апостолов. До этого количества недостаёт двух женщин.

Мария Борисовна среди затворниц была старшей и по возрасту, и по статусу вдовы великого князя, из чего следует, что она была игуменьей. Сыновья Марии Борис и Глеб погибли. Старшему было 29 лет, младшему — двадцать шесть. Судя по возрасту, у них остались вдовы, попечение о которых должна была взять на себя Мария Борисовна. С вдовами Владимировичей набирается традиционное число монастырских обительниц.

Титмар сообщает о возведении Святополка на престол:

«Позже названный князь (Болеслав I Великий. — В. Т.), вступив с войском в его королевство, посадил на трон своего зятя и брата того короля, долгое время находившегося в изгнании, и радостный вернулся домой». (12, 160)

Далее он развивает эту тему:

«Этому князю помогали 300 мужей с нашей стороны, 500 — от венгров, печенегов же — 1000. Все они были отправлены по домам, как только пришли местные жители и, выразив свою верность, доставили названному господину (Святополку. — В. Т.) большую радость». (12, 177–178)

Господином хронист выше именуется Святополк. Местные жители признали Святополка своим князем, чем весьма его обрадовали. Зная

о возведении Святополка на великокняжеский престол, Титмар имену-ет его господином-сеньором, тогда как Ярослав у него везде назван ко-ролём. (4, 333) Польские хронисты также называют Ярослава королём уже после сообщения о возведении на киевский престол родственника Болеслава.

Возведение в королевское достоинство было связано с особыми це-ремониями. Быть во главе даже могущественного государства ещё не значило быть королём. Так, правителей Чехии и Польши Титмар коро-лями не считает. Короли у него — Владимир Святой и Ярослав Муд-рый, которые прошли установленные обряды, позволившие им носить столь высокое звание.

Владимир Святой своей военной помощью Византии заслужил ти-тул василевса русов, то есть русского царя. Это звание закреплялось особым церковным чином венчания на царство и равнялось западноев-ропейскому королевскому достоинству. На Руси такой правитель счи-тался царём. Так, на стенах киевского Софийского собора сохранилось граффити с записью о кончине «царя» Ярослава. (2, 39) Святополк на монетах изображён в такой же царской короне, как и Владимир Свя-той. Его более низкую титулатуру относительно Ярослава следует свя-зать с подчинённостью летом 1018 года Болеславу. Он был польским вассалом, а не самостоятельным правителем.

На Руси Болеслав вёл себя как полновластный хозяин. Он не только присвоил огромные богатства, накопленные в Киеве русскими князья-ми, но и развернул дипломатическую деятельность. Титмар:

*«Гордый этим успехом, Болеслав **отправил** к Ярославу **архиепископа** названного престола, чтобы тот просил его **вернуть** ему его **дочь** и обещал **отдать** (Ярославу) его жену вместе с мачехой и сёстрами. Вслед за тем он **от-правил** к нашему **императору с богатыми дарами** любимого своего аббата **Туни**, чтобы тот обеспечил на будущее его милость и помощь, и объявил, что он сделает всё, что тому угодно. В близкую ему **Грецию** от также **отправил** **послов**, которые должны были обещать её императору все блага, если тот захочет иметь его своим другом, и объявить, что в противном случае он об-ретёт в нём самого ожесточённого и непримиримого врага».* (12, 178)

Аббат Туни, или Антоний, был учеником Бруно Кверфуртского, а значит, в составе его миссии побывал в 1007 году на Руси и у печенегов. (12, 231) Опытный дипломат, Туни должен был подарками успокоить императора Генриха II. Покорение Руси Болеславом увеличивало его силы для борьбы на западе. Это не могло не встревожить немцев.

Посольство в Германию можно объяснить желанием польского князя обезопасить свои владения от нападения на то время, пока он находился в русском походе. Но посольство к византийскому императору свидетельствует о более существенных видах Болеслава на Русь.

Византия не имела с Польшей общих границ и оживлённых торговых связей. Польша находилась в вассальной зависимости от германского императора, и дипломатические переговоры с Византией был правомочен вести Генрих II, но никак не один из его многочисленных вассалов — Болеслав, носивший довольно скромный титул патриция немецкого двора.

В Константинополь Болеслав мог обращаться только в качестве нового повелителя Руси. Лишь в этом случае его угрозы в отношении удалённой Византии имели бы какую-либо силу. Русь была традиционным торговым партнёром империи и поставщиком воинов для её армии. От отношений с киевскими правителями во многом зависела безопасность византийских владений в Крыму.

О подчинённом положении Святополка свидетельствуют переговоры с Ярославом. Киевского епископа в Новгород для вызволения из плена жены Святополка отправил не её муж, а Болеслав. Предметом торга по поводу вызволения пленницы стали женщины, приходившиеся родственницами как Ярославу, так и Святополку. Мария Борисовна названа мачехой одного лишь Ярослава, хотя и Святополку, бывшему приёмным сыном Владимира Святого, она также приходилась мачехой. Захваченных в плен под Волынем воинов, оставшихся в Киеве родственниц и бояр Ярослава Болеслав считал своей добычей и не принимал в расчёт Святополка. Пленников он увёл в Польшу, откуда спустя много лет возвратилось на родину 800 человек.

Польские хронисты воспринимали поход 1018 года не как военную помощь Святополку, а как завоевание Руси. Так, Галл Аноним по окончании рассказа о битве на Буге восклицал:

«И с тех пор Русь надолго стала данницей Польши». (13, 52)

Имени Святополка польские хронисты даже не называют, говоря о том, что правитель Руси Болеслав, возвращаясь в Польшу, оставил вместо себя одного из своих родственников. Галл Аноним:

*«Король Болеслав **десять месяцев владел** богатейшим городом (Киевом. — В. Т.) и могущественным **королевством русских**, откуда не уставал **посылать беспрестанно в Польшу деньги**. На одиннадцатый же месяц, так как управлял столь многими королевствами, а мальчика Мешко считал для управления ещё не слишком пригодным, **оставив там на своём месте некоего русского** из своего рода, возвратился с остальным добром в Польшу».* (13, 51)

«Мальчику» Мешко было 28 лет, и он давно уже был деятельным помощником отца. Хронисту пришлось специально объяснять своим польских читателям причину того, почему захваченный русский трон был оставлен не родному сыну, а какому-то русскому. Для этого и пришлось женатого Мешко превратить в малолетку.

Летописцы разделяли мнение авторов иноземных хроник:

*«Болеслав же вниде в Киев со Святополком. И рече Болеслав: "Разведете дружину мою по городом **на покорм**". И бысть тако... Болеслав же бе **сидя в Киеве**».* (8, 62)

Болеслав вёл себя как полновластный хозяин, расставляя свои гарнизоны по русским городам. В летописях выражение *«сестъ в таком-то городе»* означало стать правителем этого города и его округи. Отправить на кормление в какой-либо город военачальника с отрядом значило сделать его правителем этого города. Ещё более определённо это записано в Софийской первой летописи:

«А сам (Болеслав. — В. Т.) вниде в Киев с Святополком и **сиде на столе Владимире**». (9, 130)

На Руси считали, что Болеслав занял великокняжеский престол. В Киеве Болеслав даже начал чеканку сребреников со своим именем, так называемых русских денариев. (13, 62)

Болеслав применил тактику, сходную с ранее использованной в Праге. В 1003 году он вмешался в чешскую смуту, возникшую после кончины князя Болеслава II Набожного между его сыновьями от разных жён. Титмар:

«**Болеслав**, правитель Польши, собрав отовсюду войско, вторгся и, вторично изгнав их (Яромира и Ольдриха, сыновей Болеслава II от немки Эммы. — В. Т.), **возвёл** своего **изгнанного тѣзку** (Болеслава III Рыжего. — В. Т.) в прежнее его достоинство. А сам вернулся домой, глубоко скрывая свои коварные замыслы. Ведь он, зная, что двоюродный брат его жестоко отомстит инициаторам своего изгнания, **надеялся при удобном случае сам занять этот пост**. Что и случилось.

Ведь когда **Болеслав Чешский** заметил преданность своего народа проклятому обычаю (язычеству. — В. Т.), он с большим спокойствием усилил свое нечестие ради разрыва мирного соглашения, клятвенно им утверждённого. Собрав в каком-то доме перед собой всех лучших людей, муж кровожадный и коварный, недостойный прожить остаток отпущенных ему дней, сначала собственной рукой **поразил мечом** в голову своего **зятя**, а затем, вместе с сообщниками своей злобы, **перебил и прочих безоружных**. И это в святой 40-дневный пост!

Оставшийся народ, сильно напуганный этим, тайком отправил к Болеславу Польскому послов, которые объявили ему о тяжести совершённого преступления и просили его избавить их от страха перед будущим. Он, охотно это выслушав, тотчас же потребовал, чтобы тот (Болеслав Чешский. — В. Т.) с немногими людьми **пришёл к нему** в некий замок **для переговоров** с глазу на глаз о делах, касающихся их общей выгоды.

Младший Болеслав, тотчас же дав согласие на это, **прибыл в условленное место** и сначала был им с любовью принят. Но на следующую ночь ему

выкололи глаза, чтобы он никогда больше не мог совершать такое над своими или не мог там более править. Он был задержан вассалами [Болеслава] и отправлен в долгое изгнание.

*На следующий же день [Болеслав Польский] тотчас же **поспешил в Прагу**, был введён [в неё] жителями, которые всегда радуются новой власти, и единодушно **объявлен государем**». (12, 86)*

Болеслав Великий по матери, чешской княжне Добраве, приходился племянником скончавшемуся Болеславу II и двоюродным братом Болеславу III. Болеслав Великий возвёл Болеслава III на чешский престол, но при первом же удобном случае расправился с ним и сам сделался чешским князем.

Проводниками польского влияния в Чехии были представители рода Вершовичей. Перед этим Вершовичи возвели на чешский престол вызванного с Руси Владивоя — Андриха Добрянковича, родного брата Болеслава Великого. После того как Андриха отравили, Вершовичи вступили в сношения с польским князем. Опасаясь этого сговора, Болеслав Рыжий перебил часть Вершовичей в Великий пост. Но оставшиеся в живых заговорщики попросили помощи у Болеслава Великого.

На Руси мы наблюдаем сходную картину. Болеслав вмешался в распрю сыновей Владимира Святого от разных жён. С помощью военной силы он возвёл на русский престол Святополка, но тут же начал вести деятельную подготовку к захвату власти на Руси.

Овладеть в 1003 году чешским престолом польскому князю помогли его родственные связи с чешским правящим домом. На Руси он в первую очередь стал домогаться руки дочери Владимира Святого. Польские хронисты даже считали княжну главной причиной русско-польской войны. Галл Аноним объяснял польский поход местью Болеслава за отказ Ярослава выдать за него свою сестру. Титмар называл русскую княжну давно желанной Болеславом, хотя и не уточнял, когда у него это желание появилось. Причину удара Болеслава мечом по Золотым воротам Галл объяснял так:

«Обнажённым мечом ударил в Золотые ворота, объяснив с шутливым смехом тем, кто с изумлением спросил, почему он так сделал: "Так же как в

этот час разрушаются мечом эти ворота, так же в нынешнюю ночь будет порушена [честь] сестры малодушнейшего [из королей], которую он отказался дать мне [в жёны]. Но соединится она с Болеславом не на брачном ложе, а только один раз как наложница, так будет отомщено за обиду нашего народа, а русские будут повергнуты в позор и бесчестье". Так сказал, и сказанное подтвердил». (13, 51)

Из летописей мы знаем, что княжной была Предслава. В Софийской первой летописи после описания захвата Болеславом Киева сказано:

«И тогда Болеслав положи себе на ложи Предславу, дочь Володимерю, сестру Ярославлю». (9, 130)

Согласно этой же летописи, позднее он забрал её с собой в Польшу.

Предслава возвратилась на родину после развода с чешским князем Ольдрихом и была среди встречавших польскую армию монашек. Болеслав забрал её из монастыря, что Титмар расценил как незаконный увод.

Ярослав княжил в Новгороде, Предслава по возвращении из Чехии жила в Киеве. После того как Ярослав стал великим князем, он был во враждебных отношениях со Святополком, который нашёл приют у Болеслава, готовившегося к войне с Русью.

Бароний датирует кончину жены Болеслава 1017 годом. У западноевропейских хронистов нередко расхождения дат с реальной хронологией событий. Имеются такие расхождения и у Барония. Но предшествующая дата крещения поляков в 965 году сомнений не вызывает. В феврале 1018 года Болеслав женился на немке Оде, что подтверждает факт кончины Эмнильды-Юдифи в предшествующем году. О скончавшейся супруге хронист пишет очень уважительно. Уважительно отзывается об Эмнильде и Титмар. Её имя Юдифь, в славянской форме Ядвига, стало в последующем популярным среди польских женщин, что также свидетельствует в пользу доброй памяти, которую оставила по себе княгиня. Всё это не позволяет делать предположения о сватовстве Болеслава ещё при жизни Эмнильды.

В противостоянии на Буге поляки колебались, принять ли бой или заключить мир. Прибытие к ним Святополка в январе 1018 года также должно было расколоть польское общество на сторонников и противников войны. Сватовство означает, что Болеслав попытался заключить в начале 1018 года с новым великим князем Ярославом союз, скреплённый браком с его сестрой, и только после отказа решился на военный поход. Причём сватался он к немцам и русам практически одновременно. Польский правитель не стал венчаться с Одой, сохранив за собой свободу действий в случае положительного решения русов.

Сватовство Болеслава состоялось в начале 1018 года. Ольдрих участвовал летом 1015 года в нападении на Польшу, в ходе которого он захватил пограничный город Бизнитц. (12, 140) Его брак с русской княжной был заключён по политическим мотивам, во многом благодаря стараниям Болеслава. После того как польско-чешские отношения окончательно разладились, распался и брак. Дождавшись рождения сына, Ольдрих отослал супругу на родину. Этим объясняется её быстрое забвение в чешских хрониках.

Все многочисленные браки Болеслава были продиктованы политическими нуждами. Его интерес к Владимировне после захвата Киева был вызван желанием закрепить власть над Русью.

Сетования Титмара о том, что Болеслав, позабыв о своей недавно приобретённой немецкой супруге, увёл с собой из монастыря Владимировну, противоречат мнению польских хронистов об однодневной забаве польского князя с русской пленницей. Предслава в глазах немецкого хрониста заменила Болеславу жену Оду, то есть стала супругой. В другом варианте перевода интересующего нас места прямо говорится о том, что Болеслав женился на одной из Владимировен. (4, 328)

О более прочной и длительной связи Болеслава с Предславой говорит и то, что она была увезена в Польшу. От Оды у Болеслава, кстати, детей не было, что может свидетельствовать о неудаче этого брака. Видимо, на Германа соблазнение его сестры подействовало мало и Болеслав потерял интерес к Оде.

Сведения летописи и Титмара свидетельствуют о том, что свадьбы Болеслава и Предславы с церковным венчанием не было. Но церковного венчания не было и в случае с Одой, что не помешало Титмару признать этот брак.

Возвращение поляков

Во время византийской смуты конца 980-х годов русские войска разбили мятежников и этим сохранили власть законных императоров Василия II и Константина VIII. Смута на Руси породила сходную ситуацию. Политикам византийского двора было чуждо чувство благодарности. Но захват Киева поляками грозил Византии потерей Руси и переходом её в католичество. Византийского вмешательства боялся Болеслав, отправляя посольство в Константинополь. Опасения его были напрасны. Воинственный Василий II предпочёл в 1018 году во главе своей грозной армии добивать истерзанную предшествующими войнами Болгарию. Русам самим пришлось решать возникшие проблемы.

Болеслав выжидал удобного случая для расправы с зятем. В предстоящем низвержении Святополка он мог опереться на Брячислава, которому был передан отряд перебежчиков-норманнов. Но Святополк опередил коварного тестя. Радзивилловская летопись:

«Безумный же Святополк рече: "Елико же по городом ляхов, избивайте я". И избиша ляхи. Болеслав же побежа ис Киева, в[о]зма имене и бояры Ярославли и сестры его, и Настаса пристави ко имению, бе бо ся ему вверил лестию, и люди множество веде с собою, и города червенскыя за себе зая, и поиде в свою землю. Святополк же нача княжити в Кыеве». (8, 62–63)

По приказу Святополка на Руси началось восстание против пришельцев, приведшее к их бегству из страны. Только после изгнания поляков, по мнению летописца, началось великое княжение Святополка.

Основной рассказ о русских событиях 1018 года у Титмара заканчивается отправкой Болеславом посольств, в том числе к германскому императору. Иноземные наёмники польского князя после присяги мес-

тных жителей Святополку были отправлены по домам. Три сотни служивших в польском войске немцев составили охрану посла Туни. Этот приехавший в Саксонию отряд и привёз известия о происходивших на Руси событиях, которые Титмар использовал для составления основного рассказа. Далее хронист переходит к немецким делам сентября — октября 1018 года. На этом его рукопись обрывается, так как 1 декабря Титмар скончался.

На великокняжеский стол Святополк должен был воссесть в воскресенье. Ближайшее воскресенье после занятия поляками Киева было 17 августа. Семнадцатого августа Святополк формально вступил в права великого князя. Посольство Туни выехало из Киева около 18 августа. Болеслав вместе с остальным войском оставался в Киеве.

Болеслав отправил немцев домой, чтобы было меньше свидетелей его деятельности на Руси. С венгерским королём он был в разладе, и венгерский отряд состоял из перебежчиков на польской службе, которым дома было делать нечего. Печенег участвовали в дальнейших событиях, так что также никуда не уходили.

Наряду с основным описанием у Титмара есть приписка к сообщению о приезде польского посла 1 октября 1017 года к императору в Мерзебург. Посол сообщил о совершённом нападении на Русь в соответствии с ранее данным обещанием. Здесь подразумевалось печенежское нападение на русское порубежье летом 1017 года. В приписке говорилось о том, что позже польский князь вернул русский престол своему зятю и возвратился домой.

Титмар получил из Руси какое-то дополнительное известие. Обычно он помещал такие дополнения в конце каждой из своих книг. Но восьмая книга была только начата, а ухудшающее здоровье внушало сомнение в возможности её окончания. Титмар дополнил свежими сведениями свой текст там, где это позволяло его содержание.

Двигаясь по тексту от конца к началу, ближайший польский сюжет находим в начальной части восьмой книги. Здесь рассказывается о январском Бауценском мире и последующей свадьбе Болеслава и Оды. Переговоры в Бауцене затрагивали и предстоящий польский поход на

Русь. Контекст позволяет приписать здесь известие об успешном окончании этого похода. Но Титмар углубился в текст далее.

Рассказ о кончине Владимира Святого и заключении в тюрьму Святополка и Рейнберна также не привлёк его внимания. Хотя здесь высказаться о постигшем русов наказании за мучения католического епископа и счастливом завершении мытарств Святополка также было бы уместно. Только в третьем, уже менее подходящем по контексту, сюжете хронист исполнил своё намерение. Получается, что кроме контекста были ещё какие-то необходимые условия для вставки, например наличие свободного места для письма.

О возвращении престола Святополку говорилось в основном описании. Повторение потребовалось для привязки вставки к более раннему тексту. Новой была только информация о возвращении Болеслава в Польшу.

Польские источники уверяют, что Болеслав пробыл на Руси 10 месяцев, а на одиннадцатый вернулся обратно. В Устюжском летописном своде сообщается о месячном пребывании поляков в Киеве. Судя по преувеличениям у польских хронистов, месяц был увеличен в 10 раз. Болеслав пробыл в Киеве больше месяца и покинул город позднее середины сентября.

В октябре 1018 года Титмар закончил работу над основным текстом своей Хроники. Далее его свалила болезнь, от которой он уже не оправился. В пользу октябрьского возвращения поляков в Польшу свидетельствует место размещения приписки — среди событий хотя и предшествующего года, но датируемых началом октября. На обратную дорогу им нужно было около 20 дней. Судя по всему, поляки вышли из Киева в конце сентября 1018 года.

Вставка была сделана в конце седьмой книги. Ранее этой вставки есть только три сообщения о русских делах. Первый раз о них говорится во второй книге в рассказе о рукоположении 18 октября 968 года Адальберта в магдебургские архиепископы, которое у Титмара ошибочно приурочено к 970 году. (12, 25) Вновь созданное Магдебургское архиепископство предназначалось для крещения славян-язычников. Об Адаль-

берте сообщается, что ранее он был рукоположён в епископы Руси, но изгнан оттуда язычниками. Адальберт побывал на Руси в 962 году. Русское путешествие, хотя и не очень успешное, припомнили для пояснения столь ответственного назначения монаха из Трира: он имел опыт общения со славянскими язычниками.

Следующий русский сюжет помещён в четвёртой книге, в рассказе о жёнах и детях Мешко I и Болеслава I. Рассказ начинается с упоминания свадьбы Мешко и Добравы, которая состоялась в 965 году. Далее перечисляются разновременные события, и в конце говорится о свадьбах второй дочери Болеслава с немцем и третьей дочери с сыном Владимира Святого, о котором обещано рассказать позднее. Места хватило только для дублирующего известия. Весь этот рассказ не что иное, как пояснение к родословию польской невесты, выданной за Германа. Приписка о Владимире и его сыне появилась в то время, когда замысел описать жизнь Крестителя Руси у Титмара возник или уже воплотился в жизнь, то есть не раньше 1017 года. Во время написания четвёртой книги Титмар ещё ничего не знал о существовании третьей польской княжны. Как видим, свои поздние приписки Титмар заносил довольно далеко от конца книги.

Последняя приписка содержится в шестой книге, после описания встречи в Мерзебурге Болеслава с Генрихом II на Троицу 1013 года. Троица в тот год справлялась 24 мая. Болеслав признал себя вассалом Генриха, заплатил ему дань и сопровождал его во время церемоний. 25 мая он щедро одарил императорскую чету и добился передачи ему на условиях вассальной службы спорных славянских земель. Далее идёт приписка:

«После этого он с нашей помощью напал на Русь. Опустошив большую часть этой страны, он приказал перебить всех печенегов, когда между ними и его людьми случилась размолвка, хоть те и были его союзниками». (12, 128)

Приписка дала историкам повод предполагать наличие русско-польской войны 1013 года. Но до получения известий о злоключениях епископа Рейнберна современные русские события не интересовали Титма-

ра. Пристальный интерес они вызвали после того, как в них вмешался Болеслав, деятельность которого имела важное значение для судебных спорных славянских территорий. Ведь Мерзебургская епархия располагалась как раз на такой территории. Основное описание деяний Болеслава на Руси Титмар закончил фразой:

«Над всеми ними стоял всемогущий Бог, милостиво показавший, что угодно ему и выгодно нам». (12, 178)

Во фразе чувствуются гадание о последствиях, которые принесут Германии действия Болеслава, и надежда, что всё это обернётся благом.

Построение приписки такое же, как и в предыдущих случаях. Сначала идёт привязка к основным событиям в виде дублирующего известия о польском нападении при немецкой помощи, затем — новая информация о конфликте с печенегами, после того как Болеслав опустошил большую часть Руси.

Большую часть Руси Болеслав опустошил после отъезда посла Туни, расставив по русским городам войска и начав с их помощью ограбление большой территории. Вымогательство по дороге на Киев летом 1018 года информаторы выдавали за подарки местных жителей.

Реликты конфликта с печенегами на заключительном этапе польского похода находим у Яна Длугоша. Начало похода он относит на 1008 год, так как в 1018 году, по его мнению, произошла ещё одна аналогичная война. Удревление даты похода на 10 лет было вызвано соединением разных вариантов польских сказаний. Согласно Длугошу, в 1009 году, то есть на следующий год после начала войны, Болеслав хотел спокойно удалиться на родину, но на границе его малочисленный отряд догнал Ярослав с войском русских, половцев, печенегов и варягов. Естественно, что Болеслав чуть ли не в одиночку сокрушил бесчисленную рать противника. (6, 18, примеч. II)

Половцы пришли в южнорусские степи значительно позже. Ярослав не участвовал в изгнании польских войск. Печенеги и до и после польского похода были союзниками Святополка. Отряд подчинённого Бря-

числаву Эймунда мог участвовать в изгнании поляков. Это значит, что рассказы Длугоша восходят к сведениям о нападении войск Святополка и дружественных ему печенегов на возвращавшихся домой поляков.

1008 и 1009 годы польских известий — испорченные даты похода Болеслава 1018 года и его возвращения домой в сентябрьском «1019 году». 1 сентября, после которого поляки выступили из Киева, на Руси начинался уже следующий год. Отсюда ошибочный дополнительный год пребывания Болеслава в Киеве.

Титмар в октябре получил свежие сведения от вернувшихся с Руси участников похода. Сначала он пристроил на пустующее место известие о его окончании, но всё, что хотелось записать, здесь не поместилось. Рукопись была пролиста назад и было найдено ещё одно место для любопытного сообщения о конфликте Болеслава с союзными ему до этого печенегами и о разорении большей части Руси.

В седьмой книге, ранее 1 октября 1017 года, Болеслав неоднократно упоминается, но только в качестве противника немцев. Нападение на Русь было одобрено Генрихом II и потому считалось благим делом. Присоединять вставку с хорошими известиями к рассказам о враждебных деяниях польского князя было неуместно. В конце шестой книги есть сюжет, в котором Болеслав показан благочестивым почитателем погибшего миссионера Бруно, чья гибель была датирована февралём. Контекст позволяет поместить здесь вставку о радостном для немцев разорении Руси, тем более что Бруно погиб близ её границ. Но Титмар передвинулся ещё ближе к началу своего труда.

Вставка размещена между событиями мая и июня и начинается с сообщения о начале польского нападения. Битву на Буге Титмар датировал июлем, но приписку разместил между событиями мая и июня. Это может быть косвенным подтверждением того, что бугская битва произошла в июне. Видимо, в новых известиях содержалась более точная дата сражения, но исправлять более раннюю запись Титмар не стал. В обоих случаях Титмар размещал приписки хотя и среди событий иных лет, но с правильной привязкой ко времени года.

Длугош писал о том, что в ответ на вероломство Святополка Болеслав отдал Киев на разграбление полякам. (6, 18, примеч. II) Это соответствует обстановке эпохи антипольского восстания. Истребление польских гарнизонов не могло не вызвать озлобления Болеслава и ответных репрессий. О гневе Болеслава писал Татищев:

*«Многих поляк по селам побили. Уведав о сем, **Болеслав разгневался** на Святополка и вскоре пошел из Киева, забрав многих доброхотных Ярославу и сестер его двух, которые помолвлены были князем боемскому (чеишскому. — В. Т.) и венгерскому». (11, 74)*

Возвращение поляков домой не было таким уж весёлым, как это они пытались представить немцам.

Святополк прибег к помощи не только соотечественников. Ему удалось переманить на свою сторону печенегов, с помощью которых он попытался отбить у бежавших поляков пленников и награбленную добычу. Полного успеха Святополк не добился: большую часть добычи и пленников Болеслав доставил в Польшу.

Софийская первая летопись в числе уведённых в Польшу сестёр называет Предславу:

«Болеслав же бе в Киеве сядя. Безумнии же Святополк рече: "Елико же ляхов по градом, избиваите". И избиша я. Болеслав же побеже ис Кыева, поволочив Предславу, возмя имение и боляре Ярославли, и сестры его». (9, 130)

Польские историки связывают проживание выведенных Болеславом русских пленников с дворцом, построенном на Ледницком острове. Дворец и найденные при раскопках предметы культа несут на себе черты византийской культуры. (13, 63) Надо полагать, что в этом дворце были поселены Предслава и архиепископ Анастас Корсунянин.

Предслава была нужна Болеславу, имевшему виды на русский престол и выжидавшему нового удобного случая, для того чтобы вмешаться в русские дела. Кроме того, она была матерью наследника чешского престола, позднее ставшего чешским князем, и её можно было использовать также и в отношениях с Чехией.

В летописных сетованиях по поводу обиженных Святополком старцев упоминаются разумные послушники, то есть лица духовного звания. В Киеве самым известным священником-старцем, много лет служившим Владимиру Святому, был Анастас. Летописные намёки говорят о том, что Анастас был в числе тайных противников Святополка ещё в начале его первого княжения. Переход на сторону Болеслава также не мог добавить киевскому архиепископу симпатий князя. Анастас не ожидал ничего хорошего от побеждающего в схватке с поляками Святополка и предпочёл уйти в Польшу.

В отличие от бояр и Владимировен Анастас ушёл добровольно. Польский князь соблазнил его обещанием своего скорого возвращения на Русь и будущим щедрым вознаграждением. В планах по овладению русским престолом Болеслав мог отводить послушному киевскому иерарху роль главы Русской церкви.

Посольство в Византию требовало много времени. Болеслав обосновывался в Киеве всерьёз и надолго. Уход его был вынужденным. Нарушевич считал, что причиной возвращения Болеслава в Польшу стало известие о приближении армии немцев к реке Одер. (6, примеч. II, 10) Но немцам в это время было не до Болеслава.

В сентябре Генрих II вернулся из неудачного похода в Бургундию и после этого пять недель пробыл в Цюрихе. Из Цюриха в октябре он двинулся на север, получив тревожные известия об очередном заговоре немецкой знати. К этому времени поляки, подгоняемые печенежской конницей, вернулись домой. Заговорщики состояли в тайном сговоре с неким чужеземцем, в котором без труда угадывается Болеслав, вербовавший на русское золото сторонников для продолжения борьбы с империей. Так что приближение императорской армии к границам Польши было не причиной ухода поляков из Киева, а следствием их возвращения домой.

Сведения о результатах восточного похода Болеслава и его новых кознях стали достоянием императорского двора, а затем попали к Титмару. Из этих донесений хронист и черпал информацию для своих приписок.

Литература

1. Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 1. М., 1913.
2. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. К., 1966.
3. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.
5. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. М., 1988.
7. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
8. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
9. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
10. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М., 1994.
11. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
12. Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005.
13. Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.

Глава 4

ВТОРОЕ ПРАВЛЕНИЕ СВЯТОПОЛКА

Штурм Киева

Титмар Мерезебургский оставил такое описание Киева:

*«В том большом городе (Киеве. — В. Т.), который является столицей этого королевства, имеется **400 церквей, 8 ярмарок**, а людей — неведомое количество. Они, как и вся та провинция, состоят из **сильных, беглых рабов**, отовсюду прибывших сюда, и особенно из **быстрых данов**. До сих пор они, успешно сопротивляясь сильно им досаждавшим печенегам, побеждали других».* (35, 178)

Немецкие информаторы хрониста с удивлением обнаружили в августе 1018 года в Киеве множество беглых рабов-датчан.

На Руси всех скандинавов, включая датчан, именовали варягами. Варяги были в распоряжении Святополка. В 1017 году они добились раненого Бориса Владимировича. У Ярослава была своя варяжская дружина во главе с Эймундом. После того как разбитый под Любечем Святополк ушёл в Польшу, остатки его отряда варягов должны были влиться в отряд Эймунда.

Данами во многих раннесредневековых западноевропейских источниках именовали не только собственно датчан, но и вообще всех скандинавов, включая шведов и норвежцев. (8, 330) Титмар в описании событий 934 года упоминает крещение норманнов и данов короля Дании Канута. Наряду с датчанами были крещены шведские викинги, которых Титмар именуется норманнами. (35, 12) Крещёные подданные датского короля Гаральда, младшего брата Канута, названы данами, датско-славянские пираты герцога Туркиля — норманнами. (35, 22 и 149–150)

В древнескандинавской литературе обычно норманнами называли собственно норвежцев. Так зачастую трактуют этот термин и современные исследователи. Но Титмар, считая данов жителями Дании, норманнами именовал все многонациональные отряды северных морских разбойников. Его саксонские информаторы, служившие в армии Болеслава, могли в соответствии с бытовавшей на материке традицией всех киевских скандинавов называть данами.

Крупный отряд скандинавов нам уже известен — это отряд Эймунда, который перебежал на сторону Болеслава и в составе его войска вернулся в Киев. В саге красочно описывается оборона русского города от неких бьярмов. Бьярмами скандинавы обычно называли северные финноугорские народы. Неславянские союзники Бурицлава-Святополка в саге именуются бьярмами, тюрками, блокуменами. В действительности неславянскими союзниками князя были печенеги, которые и скрываются под фантастическими бьярмами. Битва с печенегами происходила так:

*«Увидел он (Бурицлав-Святополк. — В. Т.) тогда, что все городские ворота заперты, кроме двух, но и в них войти нелегко, потому что они хорошо укреплены и там много людей. Сразу же раздался боевой клич, и городские люди были готовы к бою. Каждый из конунгов, **Ярицлейв и Эймунд, был у своих городских ворот.***

*Начался жестокий бой, и с обеих сторон пало много народу. Там, где стоял Ярицлейв конунг, был такой сильный натиск, что [враги] вошли в те ворота, которые он защищал, и **конунг был ранен в ногу.** Много там погибло людей, раньше чем были захвачены городские ворота. Тогда сказал Эймунд конунг: "Плохо наше дело, раз конунг наш ранен. Они убили у нас много людей и **вошли в город.** Делай теперь, как хочешь, Рагнар, — сказал он, — защищай эти ворота или иди вместе с нашим конунгом и помоги ему". Рагнар отвечает: "Я останусь здесь, а ты иди к конунгу, потому что там нужен совет".*

*Пошёл Эймунд тогда с большим отрядом и увидел, что **бьярмы уже вошли в город.** Он сразу же сильно ударил на них, и им пришлось плохо. Убили они тут много людей у **Бурицлава конунга.** Эймунд храбро бросается на них и ободряет своих людей, и **никогда ещё такой жестокий бой не длился***

так долго. И побежали из города все бьярмы, которые ещё уцелели, и бежит теперь Бурицлав конунг с большой потерей людей. А Эймунд и его люди гнались за беглецами до леса и убили знаменилика конунга». (5, 111)

Печенеги ворвались в город через открытые ворота. В жестокой битве Ярицлейв-Ярослав был ранен в ногу, а кочевников с большим трудом удалось выбить. При обследовании останков Ярослава Мудрого на его правой ноге обнаружили следы старого перелома. (28, 55) Если мы посмотрим на план Киева эпохи Владимира Святого, то увидим, что ворот было двое. (10) Сага в некоторых деталях точна.

Печенежский прорыв в город известен по летописям. Никоновская летопись в статье 6525 года сообщает:

«Того же лета приидоша печенези к Киеву, и всекошася в Киев, и едва к вечеру одоле Ярослав и победи печенеги, и отбегоша». (23, 75)

Другие летописцы сообщают о битве под Киевом без уточнения об их прорыве. Тверская летопись:

«В лето 6525. Приидоша печенези к Киеву, и высла противу их Ярослав, и секошася у Киева, и едва к вечеру одоле Ярослав печенегы, и отбегоша посрамлении». (26, 136)

Татищев приводит уникальные подробности боя:

«6525 (1017). Вскоре по вшествии Ярославли в Киев весною погорел град Киев, церкви многи и домов до 700. Он же заложил град новый около старого. По неких же летех паче разшири врата золотая и церковь святых Софии устрои каменные. Того же году нечаянно пришли ко Киеву печенеги, и, смешався с бегущими людьми, многие вошли уже в Киев. Ярослав же едва успел неколико войска собрав, не пустить их в старый град. К вечеру же, собрав более войска, едва мог их победить и гнал за ними в поле, неколиких пленил и побил». (32, 74)

Печенеги на плечах бегущих киевлян ворвались в город и только к вечеру были оттуда выбиты, поэтому в саге бой шёл у открытых городских ворот. Ярослав защищал главные Золотые ворота Владимирова града. Вторые ворота были в южной стене, и перед ними лежала сильно

пересечённая местность. Отсюда кочевникам было сложнее организовать прорыв в крепость. К западной же стене примыкало поле, с которого масса всадников легко могла обрушиться на защитников открытых настежь Золотых ворот.

Старый град — это квартал Владимирова града на месте более раннего и поэтому меньшего городища. Археологами около Десятинной церкви обнаружены остатки рва, некогда защищавшего эту крепость. Она располагалась в северной, наиболее защищённой, части Старокиевской горы. Археологи отмечают, что при строительстве Десятинной церкви примыкающий к ней ров был засыпан. Но судя по сведениям Татищева, Старый град сохранил внутри Владимировского града свою защитную стену, через которую печенеги прорваться не сумели.

В Киеве норманны рассказывали саксонцам об участии в защите города от печенегов. Естественно, что при этом они не скромничали в описании своих подвигов. Саксонцы ушли на родину убеждёнными в том, что основная тяжесть в борьбе с кочевниками лежала не на многотысячной русской армии, десятилетиями оборонявшей южное пограничье, а на скандинавском отряде, собранном из сильных и очень красноречивых рабов.

В Радзивиловской летописи под 6525 годом стоит лаконичная запись:

*«В Лето 6525. Ярослав вниде в Киев и **погореша церкви**».* (25, 62)

Согласно Никоновской летописи, сгорело не 700 домов, а 700 церквей:

*«В лето 6525. Иде Ярослав к Киеву, и **погоре град и церквей много**, яко **до седмисот**, и опечалися Ярослав. Того же лета **заложи град** Киев, боле **п[е]рваго**, и **Злата врата** постави, и церковь святыя **Софии** заложити, и много церквей постави, и без числа имениа раздаа нищим. Бе бо Ярослав, яко же и отец его, христолюбив, и нищелюбив, и всегда ум свой напоя божественными писаними».* (23, 75)

Татищев ловко перевёл сомнительное число храмов на более правдоподобное количество жилищ. Золотые ворота и Софийский собор

Ярослав начал строить значительно позднее. В старших летописях речь об их строительстве ведётся в статье 6545 года. Можно предположить, что удревнение строительства на 20 лет произошло из-за порчи буквы-цифры «20», принятой за букву-цифру «40». Путаница облегчалась и тем, что рассказ о строительстве церквей логично дополнял известие об их пожаре. Какого-то книжника смутило то обстоятельство, что христоробивый князь приступил к церковному строительству через много лет после киевского пожарища. Поэтому он сократил хронологический разрыв.

Семьсот церквей для Киева начала XI века — количество невероятное. Во время междоусобицы было не до церковного строительства. В эпоху же Владимира Святого известно несколько киевских храмов. В граде великий князь построил Васильевскую, Георгиевскую и Десятинную церкви. На Подоле с предшествующей эпохи действовала Ильинская церковь, а близ места крещения киевлян были возведены Турова божница и Петровская церковь. За пределами заселённой части Подола той эпохи стояла церковь Власия. Судя по её расположению и названию, церковь построили на месте капища Велеса, уничтоженного в эпоху крещения киевлян.

В великокняжеской резиденции Берестово имелась Петровская церковь. Судя по названию, её возвели в честь киевского крещения, происходившего накануне праздника апостолов Петра и Павла. На Аскольдовой могиле ещё со времён княгини Ольги стояла Никольская церковь. Близ Олеговой могилы находилась церковь Иоанна Богослова, чьё название свидетельствует о её строительстве старорусскими христианами ещё до Владимира. Княгиня Ольга построила Софийскую церковь.

Кроме княжеского града Киев имел несколько районов-концов и посады, в каждом из которых имелось по церкви. На двух воротах града могли стоять надвратные церкви. По древнерусской традиции в боярских усадьбах имелись домовые церкви. Таких усадеб в разных частях Киева и ближайшей округи должно было быть несколько сотен. Но частные домовые церкви, судя по новгородским описаниям городских пожаров, при исчислении сгоревших храмов не учитывались.

Мы можем говорить об 11 храмах, которые известны по названиям, и о предполагаемых кончанских, посадских, надвратных храмах, которых в общей сложности могло быть около десятка. В летописи число сгоревших церквей увеличено на два порядка. Всего сгорело семь общественных храмов, а это означает, что выгорело около трети города.

Исчислениям вроде бы противоречит сообщение Титмара о том, что в Киеве было более 400 церквей. Учёных это сообщение приводит в недоумение. (8, 329) Археологические данные не дают подтверждения существованию в Киеве в начале XI века восьми рынков и сотен церквей.

В Новгороде эпохи Ярослава было три конца, а город выплачивал 300 гривен подати, что являлось реликтом бывшего обязательства выставлять 300 воинов. Концы населяли бояре и зависимые от них люди. Позднее для обозначения новгородской знати применялся термин «триста золотых поясов». Следовательно, первоначально три конца заселяли три сотни княжеских дружинников, которые со временем превратились в бояр и крупных землевладельцев.

О существовании в Новгороде 300 боярских родов косвенно свидетельствует рассказ из статьи 6538 года Тверской летописи:

*«И прииде (Ярослав. — В. Т.) к Новогороду, собра от старосты и поповы детей 300 учити книгам. Того же лета преставися п[е]рвый архыепископ Иа-
кым Корсунянин в Новегороде, бяше же ученик его Ефрем, иже ны (нас. — В. Т.)
учаше».* (26, 146)

Иоаким Корсунянин скончался в 1032 году. Известие приведено по «эре –5506 года». Запись восходит к рассказу одного из учеников Ефрема. Ефрем обучал юных новгородцев по церковным книгам, подготавливая из них церковнослужителей. Учеников набирали из семей сельских старост и попов, принадлежавших к среднему между боярами и смердами слою. Триста церковнослужителей свидетельствуют о наличии 300 церквей. Школа была открыта для нужд новгородской епархии. Количество церковных приходов соответствовало количеству боярских владений.

В XI веке возросшие экономические возможности Новгородского княжества, содержавшего 300 боярских наделов, позволяли выстав-

лять уже не по одному воину с надела, а по десятку, поэтому Ярослав в 1017 году набрал для борьбы со Святополком 3000 новгородцев.

Судя по устойчивости традиции, перед нами элементы политического устройства. Боярские роды размножались либо угасали, но правящая группа по-прежнему состояла из 300 человек. Новгородское боярство делегировало 300 своих представителей в коллективный орган управления городом и землями княжества. В городском вече участвовали не все новгородцы, а только эта избранная старшина. Со временем количество новгородских концов увеличилось с трёх до пяти, а княжество было поделено уже не на три трети, а на пять пятин.

С развитием княжеской власти и увеличением числа Рюриковичей система коллективного управления землями сменялась прямым княжеским управлением. Но сотенная организация ещё долго сохранялась в среде купечества и ремесленников.

Киев был столицей Руси, и социальные преобразования в нём проходили быстрее, нежели в богатом, но провинциальном Новгороде. Речь о сотнях церквей может идти только в случае, если учитывались домовые церкви боярских усадеб.

Епископа Титмара и аббата Туни должно было живо интересоваться устройство Русской церкви, и в первую очередь система сбора церковных доходов. Их информатором был архиепископ Анастасий, перешедший на сторону поляков и хорошо знавший церковную организацию города, которую сам в течение многих лет создавал.

В католических странах доходы собирались посредством введения государством церковного налога, который платило всё население. Центрами сбора средств были приходские церкви, и от их количества зависело благосостояние епархии. Особенностью содержания русской церкви было получение десятины с государственных доходов.

Государственные доходы на территории Киевской епархии собирались как непосредственно великим князем, так и жившими здесь боярами. Сбор церковной десятины с бояр осуществляли их домовые священники, резиденциями которых были боярские домовые церкви. Обилие в позднейшую эпоху домовых церквей — наследие былой системы сбора церковных средств.

Исходя из старославянской традиции мы ожидали бы наличия в Киеве 300 бояр и 300 домовых церквей. Но церквей было более четырёхсот. Это значит, что к трём первоначальным киевским концам и трём сотням кончанских киевских бояр успел присоединиться ещё один конец со своей боярской сотней.

Ярослав во время бегства после поражения под Волынем имел четырёх телохранителей. Видимо, по статусу великого князя он имел свиту, в которую входило по представителю-богатырю с каждого киевского конца. Святополк бежал в сопровождении восьми телохранителей, так что у него было по два представителя от каждого конца.

Косвенным подтверждением четырехчленного деления Киева и его округа может служить численность войска Вориса Владимировича в 1017 году. Киевляне выставили для похода на Новгород и отражения печенежского нашествия 8000 человек, что кратно четырём. Экономические возможности у киевских бояр были вдвое выше, чем у новгородских, и каждое боярское владение выставило не по 10, а по 20 воинов.

Киевских церквей было более четырёхсот. Превышение над 400 боярскими церквями давали два десятка общегородских храмов, которые в поступлении доходов играли малую роль, и потому их число приведено не было.

Восемь рынков для четырёх киевских концов вдвое превышают их потребное количество. Видимо, речь идёт о ярмарках, проходивших в каждом из концов дважды в году. Торговых площадей возле каждой из общекончанских церквей было четыре.

Титмара поразило количество приходов у киевского архиепископа. Но он не знал о разнице между немецкой и русской системами государственного управления. В Германии явной столицы не было. Её правитель ездил по своим резиденциям и городам вассалов, подобно тому как русские князья объезжали страну во время зимнего полюдья. Немецкие феодалы жили в крепостях посреди своих владений, только иногда прибывая к королевскому двору для общегерманских походов. Каждому феодалу противостояло лишь слабовооружённое население его владений да угрожали происки какого-нибудь примерно равного ему по военным силам соседа.

На Руси ситуация была иной. Угроза со стороны воинственных степняков заставляла концентрировать крупные военные силы, чтобы отражать нашествия. Русы самостоятельно выработали эту тактику, которую Римская империя запоздало приняла на вооружение уже на краю своей гибели. Несколько веков римляне пытались сдерживать натиск северных варваров посредством системы сплошных укреплений. Но противник научился преодолевать эти аналоги Великой китайской стены и опустошать римские провинции. Тогда в разных частях империи было создано несколько мобильных армий, которые успешно отражали вторгавшихся врагов. Л. Мюссе:

«Оборона становилась ожесточённой и действенной только там, где размещались наступательные армии. Без сомнения, их служба дорого обходилась провинциям: чаще всего они не двигались с места до тех пор, пока враг не проникал далеко внутрь территории — то есть наносил уже серьёзный ущерб... Но военное и политическое значение подобных войск не оставляет никаких сомнений. Порой они добивались подлинного успеха, как, например, сражаясь с Атиллой в 451 году, и никогда не предавали Рим. Большая часть этих формирований пережила саму Империю...

Таким образом, до самого конца продержались четыре оплота Рима: зоны действия мобильных армий и "гражданский редут" на юго-востоке Галлии». (21, 32–37)

Немецкие рыцари-феодалы были равномерно расселены по стране. Русские же витязи были сосредоточены в нескольких крупных центрах, чтобы из них отражать нашествия подвижных кочевников. Отсюда в Киеве столь большое количество бояр и церковных приходов. Второе крупнейшее средоточение военных сил было в районе Переяславля-Южного.

Согласно Титмару, Софийский монастырь сгорел в предшествующем польскому нашествию году. Далее он сообщает об обороне киевлян от печенегов и при этом отмечает, что город был сильно ослаблен из-за большого пожара. Укрепления были повреждены ещё до начала печенежских атак лета 1018 года. Пожары храмов произошли во время более раннего печенежского нападения. Надо полагать, что и деревян-

ные укрепления Киева пострадали от большого пожара тогда же. По данным Титмара, киевский пожар был в 1017 году. Летописи дают тот же год по «эре –5508 года».

Нарушевич утверждал, что поляки частично сожгли город. Титмар ничего не знает о поджоге ими Киева. Осаду столицы вели печенег, а перед подошедшей армией вскоре были открыты городские ворота. Следовательно, Болеслав приказал жечь город перед уходом в отместку за антипольское восстание.

После победы в декабре 1017 года под Любечем Ярослав двинулся к Киеву. Мнения летописцев о дальнейшей судьбе Святополка разделились. Согласно Радзивилловской летописи, он ушёл после поражения в Польшу:

«Святополк же **побеже в Ляхи**». (25, 62)

Согласно Новгородской первой летописи по Синодальному списку, Святополк отправился к печенегам:

«И бежа Святополк **в Печенеги**, а Ярослав иде к Киеву». (22, 15)

Святополк должен был стремиться в Киев, за стенами которого можно было отсидеться и собрать новые силы для борьбы. Но в Киев, где находились великокняжеские сокровища и супруга, он не попал. В противном случае его жена не оказалась бы в плену у Ярослава. Это значит, что киевляне затворились и не пустили Святополка в город. Так как боярские вожди и приближённые Святополка находились под Любечем, приказ закрыть ворота следует приписать противнику Святополка, епископу Анастасу. Вот за эту услугу Ярославу он мог получить сан архиепископа.

Ранним утром 26 декабря новгородцы довершили разгром противника и двинулись к столице, до которой от Любеча насчитывалось три дня пути. Золотых ворот они достигли к вечеру субботы 28 декабря. На следующий день, в воскресенье 29 декабря, Ярослав стал великим князем.

Какое-то время ушло на сбор епископов и организацию избрания архиепископа. В 1018 году Великий пост начинался 17 февраля, поэтому поставление Анастаса в архиепископы следует приурочить к Пасхе,

справлявшейся 6 апреля. Рукоположение Анастаса в архиепископы косвенно свидетельствует об отсутствии на Руси митрополита Иоанна.

Согласно саге, Святополк лично принимал участие в печенежском налёте на Киев. Ожесточённость схватки за хорошо укреплённый град подтверждает мнение скальда. По своей воле печенеги, озлобленные потерей сородичей под Любечем, скорее бы удовлетворились разорением предместий Киева. Именно Святополку нужно было овладеть градом любой ценой, для того чтобы изгнать Ярослава из столицы.

Тридцатого января 1018 года Болеслав подписал в Бауцене мир с немцами. Это значит, что Святополк был уже у него и польский князь решил вместо запада попытать счастья на востоке. От Киева до Цютцена, где находился Болеслав, торговые караваны шли около 20 дней. Святополк, оставшийся без семьи и имущества, налегке мог преодолеть это расстояние быстрее. Несколько дней ушло на уговоры немцев. Святополк должен был двинуться на запад не позднее начала января.

Начало января примечательно праздником Крещения, отмечаемым 6 января. Во время празднования происходил массовый выход горожан на реки для водосвятия. Печенеги прорвались в город вслед за бегущими толпами киевлян. Это соответствует обстановке, царившей в городе 6 января. Крёстный ход на Крещение к Почайне — удобное время для нападения на Киев. Святополк попытался взять реванш за поражение под Любечем и воспользовался церковным праздником, подобно тому как ранее Ярослав использовал для нападения выгоды Рождественской ночи.

Битва под Любечем была только началом борьбы между Святополком и Ярославом за великокняжеский стол. Не добившись успеха на Крещение, Святополк отправился за иноземной помощью.

Собирание кун

После поражения на Буге армия Ярослава отступала, сдерживая противника обороной крепостей. Где-то под Житомиром пути Ярослава и Святополка на время разошлись. Один ушёл в Новгород, другой в сопровождении поляков отправился покорять Киев.

В Новгороде Ярослав стал готовиться к новой войне. Радзивилловская летопись:

*«Ярослав же прибегию к Новугороду, и хотяше бежати за море, и посадник **Снятин**, сын Добрынь, с новгородци **рассекоша лодиа** Ярославля, рекущи: "Можем ся еще бити с Болеслав и Святополком"». (25, 62)*

Снятин — форма имени *Константин*. Горожане во главе с посадником Константином изрубили ладьи трусливого Ярослава, чтобы тот не смог убежать за море. Как и в описании битвы под Любечем, новгородцы выступают в качестве главных положительных героев происходивших событий.

В отличие от польских и скандинавских писателей русские летописцы редко использовали длинные лживые рассказы. Но искусством через небольшие изменения, сокращения и другие тонкие приёмы переработки текста проводить нужную для себя тенденцию они владели и успешно пользовались.

В старших летописях успехи Ярослава по возможности преуменьшены, а неудачи — преувеличены. В самом факте иссечения ладей мы можем не сомневаться. В Тверской летописи имеются добавки, свидетельствующие о том, что первоначально рассказ был обширнее:

*«Ярослав же прибеже к Новогороду, и хотяше бежать за море, и не даст ему посадник **Костянтин**, сын Добрынь, и повеле в нощи той вся лодии Ярославли испросечи на Волхове, дабы нелзе в них бежати за море, глаголя Ярославу: "Хощем еще битися по тебе з Болеславом и Святополком". И начаши скоти збирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен, имже бы наняти варяг. И послаша за море, и приведоша варяг, и вдаша им скот, и совокупи Ярослав воя многы». (26, 137–138)*

В конфликте с Ярославом были не все новгородцы, а их посадник Константин. По его приказу в ночь перед отплытием княжеские ладьи были приведены в негодность.

Татищев в первую редакцию своего труда включил расхожий рассказ об иссечении ладей. Но в окончательную редакцию он не попал:

«И, пришед, просил посадника Снятина, сына Добрынина, чтоб приготовили войско, если Святополк на него придет. И обещались все новгородцы ему помогать, глаголя: "Мы есче можем против Болеслава и Святополка стать". И определили собирать подать по 4 куны от крестьян, а от старост по 5 гривен, а от бояр по 18 гривен. Пославше же, вскоре привели варяг и дали им деньги. Тако совокупил Ярослав войско немалое». (32, 74)

Татищев дорожил каждой деталью русской истории и тщательно собирал все сведения, её дополняющие. Но что-то при дальнейшем изучении летописей его смутило, и он исключил следы конфликта. В этом Татищев был не одинок. Рассказ о пылом желании новгородцев постоять за своего князя новгородские летописцы из чувства местного патриотизма должны были бы ярко запечатлеть. Но в старших новгородских летописях от описания всех последовавших за любечской битвой событий междоусобицы остались только малые осколки в виде упоминаний в статье 6525 года о походе к Берестью и заложении киевской Софии.

Слова о церковном строительстве свидетельствуют о том, что статья, повествующая о прибытии Ярослава после любечской битвы к Киеву, пожаре из-за печенежского налёта и даже ошибочно отнесённом к этому году строительстве Софии и Золотых ворот, в Новгородской летописи была. Соответственно были и широко представленные в русском летописании статьи, рассказывающие о перипетиях борьбы с поляками. Но все эти сведения, включая и льстящие новгородскому самолюбию эпизоды с патриотическим порывом при подготовке второго похода на Киев, были исключены. Не так всё просто было в северном городе, как пытаются нам показать стародавние рассказчики.

Рассмотрим обстановку, царившую в Новгороде в сентябре 1018 года, когда Ярослав вернулся в город. В 1017 году, утращённые расправой над вздумавшими бунтовать против Ярослава жителями Славенского конца, новгородцы приняли участие в походе на Святополка. Новгород был торговым городом, и интересы его жителей сильно страдали от немирья, прерывавшего торговые пути. Новгородцам по большому счёту было всё равно, кто из Рюриковичей будет править в Киеве, лишь бы был мир и процветала торговля. Этими мирными посулами Святополк и склонил

на свою сторону славенскую старшину. Только кровопускание заставило новгородцев вспомнить, кто в городе хозяин. После похода 1017 года новгородцы были отпущены по домам. Какая-то их часть осталась при Ярославе и приняла участие в бугском сражении.

Война с Болеславом отличалась от предшествующей внутренней междоусобицы. Поляки владели значительной частью балтийского побережья, мимо которого приходилось двигаться новгородским торговым караванам. Польский поход был одобрен германским императором, и война с Болеславом могла осложнить положение русских купцов в немецких землях.

Даже если бы армия Ярослава разгромила отряды врага и вынудила Болеслава вернуться на родину, положение новгородских купцов в северных морях от этого не улучшилось бы. Многоопытные новгородские старцы понимали, как опасно ссориться с западными державами, и не разделяли боевой пыл вернувшегося за подмогой князя.

Татищев нашёл и привёл в первой редакции своего труда редкий текст, в котором позднейшая переделка ещё не полностью исказила первоначальное известие:

«...разсекоша лодьи Ярославли, рекучи: "Можем еще бити з Болеслава и Святополка"». (33, 145)

Окончания имён противников новгородцев не согласованы с начальной частью текста, да и всё предложение составлено с нарушением древнерусской речевой традиции. В аналогичной ситуации перед первым новгородским походом новгородцы говорили обычным русским языком. Так, в Радзивиловской летописи читаем: *«Можем по тебе бороти»*. (25, 62) Несмотря на последующую редакторскую правку ряда мест текста Радзивиловской летописи, авторы Лаврентьевской и Ипатьевской летописей оставили эту фразу без изменений, так как она ничем редакторское ухо не коробила.

Иная судьба была у «татищевской» фразы. Посмотрим, как она трансформировалась от более старших летописей к более младшим. Радзивиловская летопись: *«Можем **ся** еще бити с Болеслав и Святополком»*. Здесь второе имя уже согласовано, первое — ещё нет. Добавлена

связующая частица «ся». Лаврентьевская летопись: «**Хочем** **ся** **и** **еще** **бити** **с** **Болеславом** **и** **Святополком**». (17, 143) Согласовано и первое имя, странно звучащее в данном контексте слово «**можем**» заменено на более приемлемое и решительное — «**хочем**». Ипатьевская летопись: «**Можем** **ся** **еще** **бити** **с** **Болеславом** **и** **Святополком**». (13, 130) Здесь редакция более древняя, нежели в Лаврентьевской летописи. Но зато показательны приписки. В слове «**бити**» под дугой приписана буква «с», что означает переделку в слово «**битися**». На среднем поле другой рукой добавлено «**по тебе**». В результате коллективного творчества получилось довольно благозвучное предложение: «**Можем** **ся** **еще** **битися** **по тебе** **с** **Болеславом** **и** **Святополком**». В Никоновской летописи находим итог работы по доведению фразы до древнерусских норм: «**Хощем** **еще** **битися** **по тебе** **с** **Болеславом** **и** **с** **Святополком**». (23, 76)

До редакторских правок перед именами стоял предлог «на». Исходя из обычных для таких словосочетаний конструкций вторая половина предложения звучала так: «...**идти** **на** **Болеслава** **и** **Святополка**». Всё же предложение в этом случае звучит очень странно: «**Можем** **еще** **идти** **на** **Болеслава** **и** **Святополка**». Для доведения до речевой нормы не хватает частицы «не».

Первоначально посадник, как и положено в той ситуации предводителю торговой старшины, говорил: «**Не можем** **еще** **идти** **на** **Болеслава** **и** **Святополка**». Ярослав готовился к походу на Киев. Константин принялся отговаривать князя, а, чтобы остудить его воинственный пыл и удержать от развязывания невыгодной для Новгорода войны, ночью его подручные продырявили суда формируемой княжеской флотилии. В Тверской летописи сообщается о заточении Константина в городе Муроме и его последующей казни по приказу Ярослава. (26, 142) Так пропуск какой-то пары букв превратил представителя славного новгородского рода из мятежника в героя, безвинно замученного трусливым и мстительным правителем.

В статье 6614 года Радзивиловской летописи записано:

«В се же лето преставися **Ян**, старец добрый, **жив лет 90**, в старости мастите. Жив по закону Божью, не хужеши первых праведник. У него же

и аз многа словеса слышах, еже и писах в летописании сем, от него еже слышав». (25, 102)

Ян перед этим упоминался неоднократно. Летописец активно использовал рассказы престарелого киевского тысяцкого. Ян был внуком Константина и правнуком Добрыни, хорошо знал деяния собственных предков и был патриотом своего рода. Он был одним из участников очернительства Ярослава, виновного в гибели его деда.

Татищев нашёл дополнительные известия о происходивших в Новгороде событиях, противоречащие летописному рассказу о намечавшемся бегстве Ярослава. Для новгородцев, кстати, уход Ярослава с Руси был на более приемлем, так как исчезал повод для раздоров с Киевом. Это бегство и предложил Константин князю, оставив из готовившейся для нового похода флотилии неповреждённой только часть ладей — для самого князя и его ближайшего окружения. Не сумев определиться, какая же из версий более правильная, Татищев выбросил эпизод с иссечением ладей из окончательной редакции своего сочинения.

В Тверской летописи сюжет с наказанием Константина имеет характер вставки. Сводчик где-то отыскал редкое известие и поместил его в текст, в результате чего произошло удвоение статьи 6528 года. Речь идёт о 1020 году. Расправа с противящимся продолжению войны Константином произошла через два года.

Встретив сопротивление горожан, Ярослав начал более тщательную подготовку к войне. Радзивиловская летопись:

«Начаша скот брати: а от мужа по 4 куны, а от старост по 5 гривен, а от бояр по 80 гривен. И приведоша варягы, и вдаша им скот, и совокупи Ярослав вои многы». (25, 62)

Куны и гривны — новгородские денежные единицы. Словом «скот» обозначены деньги. Обращает на себя внимание тот факт, что чрезвычайная подать на наём войска с бояр более чем в 10 раз превышала подать с иных категорий населения. Это бросалось в глаза и последующим летописцам. Лаврентьевская летопись:

«Начаша скот сбирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен». (17, 143)

Здесь сбор со старост увеличен вдвое, а с бояр уменьшен до 18 гривен. В Ипатьевской летописи находим более раннюю, промежуточную, версию:

*«Начаша скот брати от мужа по четыре куны, а от **старост** по **10 гривен**, а от **бояр** по **осмидесят гривен**».* (13, 130–131)

В результате редакторских правок вначале была вдвое увеличена подать со старост, подать с бояр была оставлена в размере 80 гривен, затем уменьшена подать с бояр. В Лаврентьевской летописи запечатлена наиболее поздняя версия первоначального летописного сказания. Она как раз и закрепилась у последующих летописцев. Никоновская летопись:

*«И начаша збирати **дань** от мужа по 4 куны, а с **старост** по **10 гривен**, а от **бояр** по **18 гривен**. И приведоша варяги, и даша им дань, и совокупи Ярослав воя многы».* (23, 76)

Малопонятное слово «скот» было заменено на слово «дань», распределение же податей было сохранено.

Можно предположить, что увеличение податей со старост было вызвано желанием летописца согласовать их размер с летописным же размером вознаграждения старост по результатам первого похода.

Сравнение известий показывает, что первоначально речь шла о четырёх кунах подати с простых новгородцев, пяти гривнах — со старост и восьми гривнах — с бояр. Затем какой-то доброхот новгородских бояр увеличил их денежный вклад в обеспечение похода на порядок. Последующие редакторы вначале увеличили подати со старост, а затем уменьшили подати с бояр до размера, показавшегося им разумным.

При консерватизме обычаев той эпохи размер вознаграждения за первый поход действительно должен был соответствовать размеру сборов на второй поход. Вознаграждение составляло одну гривну простому ратнику, по пять гривен старостам и по 10 гривен боярам. При последующем редактировании запись была сокращена, и упоминание о боярах исчезло. В результате старостам было приписано боярское вознаграждение. Эту несправедливость и хотел устранить летописец,

добавивший фразу о выдаче всем новгородцам по 10 гривен. Здесь под новгородцами понимались бояре.

Выплаты новгородцам были не столько наградой, сколько компенсацией за ратный труд и понесённые в результате похода убытки. Вначале их обязывали сформировать войско, а по завершении похода князь «утирал с них пот» выплатами из военной добычи.

Триста новгородских бояр обеспечили поставку для похода 1017 года несколько менее 3000 воинов. Недостающую из-за истребления и бегства части бояр Славенского конца численность добрали из смердов с Плотников. Эти смерды получили по гривне вознаграждения.

Каждый боярин выступил в поход в составе набранного из его владений отряда в 10 человек. На такой боярский отряд выделялось 10 гривен, то есть по гривне на каждого. Ратный труд самого боярина был приравнен к ратному труду каждого из его воинов. Деньги выдавались боярину, а, как он распоряжался ими в отношении набранных им людей, это уже другое дело. Скорее всего, часть он мог присвоить себе. Половину, в случае если содержание отряда в походе осуществлялось за его счёт, он забирал на законном основании.

В саге Ярицлейва смутило требование Эймунда выплачивать наёмникам вознаграждение серебром. Среди доводов норвежца, успокаивавшего князя, были такие:

*«**Можете, господин, потому что мы будем брать это бобрами, и соболями, и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране, и будем мерить это мы, а не наши воины**».* (5, 108)

Отстранение воинов от определения величины платы натурой сулило какие-то выгоды Ярицлейву. Эймунд, настаивавший на таком способе расплаты, также получал какие-то выгоды, иначе зачем ему было заботиться о князе-чужаке в ущерб интересам своих земляков. Перед нами сговор за счёт рядовых воинов.

Получение платы на отряд его предводителем снижало денежное вознаграждение простого воина. Соответственно снижалась заинтересованность как отдельного человека, так и отпускавшей его на военный промысел общины. В целом всё это вело к снижению качества набора наёмников.

Более древней формой найма было заключение договора между правителем и каждым из наёмников. Разъяснения Эймунда говорят в пользу того, что для Руси коллективный способ найма викингов целыми отрядами был довольно новым. Он стал возможным из-за того, что отряд Эймунда в значительной мере состоял из беглых рабов, под которыми следует понимать изгоев, по разным причинам оказавшихся вне родины.

Предыстория появления Эймунда на Руси в саге изложена так:

*«Хринг звался конунг, который правил в Упленте в Нореге (Норвегии. — В. Т.). Хрингарики называлась та область, над которой он был конунгом... У Хринга было три сына, и все они были конунгами. Старшего звали Хререк, второго — Эймунд, третьего — Даг. Все они были храбры, защищали владения отца, бывали в морских походах и так добывали себе почёт и уважение... И когда он (Олав Святой. — В. Т.) овладел Норегом, он покорил себе всю страну и **истребил** в ней **всех областных конунгов**... Одних он велел убить или искалечить, а других **изгнал из страны**. В эту беду попали Хринг, Хререк и Даг, а Эймунд и ярл Рагнар Агнарссон были в морских походах, когда всё это случилось...*

Прежде всего надо сказать, что Эймунд и Рагнар пришли в Норег немного времени спустя со многими кораблями. Олава конунга тогда поблизости не было. Тут они узнали о тех событиях, о которых уже было сказано. Эймунд конунг собирает тинг с местными людьми и говорит так: "С тех пор как мы уехали, в стране были великие события. Мы потеряли наших родичей, а некоторые из них изгнаны и претерпели много мучений. Нам жаль наших славных и знатных родичей и обидно за них. Теперь **один конунг в Нореге**, где раньше их было много... Для себя я от него (Олава Святого. — В. Т.) жду доброго почёта, но не имени конунга"...

Рагнар сказал: "Эймунд говорил много такого, что я и сам думаю. Не верю я в нашу удачу против счастья Олава конунга, но думаю, что если мы **покинем в бегстве наши земли**, то надо нам позаботиться о том, чтобы **в нас видели больших людей, чем другие купцы**"...

Собираются они в путь с Эймундом и Рагнаром и отплывают **с большой дружиной, избранной по храбрости и мужеству**, и стали держать путь в Аустрвег». (5, 105–106)

Мелкий конунг Хринг вместе со своими сыновьями был изгнан Олавом. Вернувшийся из похода Эймунд мог пойти на службу к королю только на унижительных условиях отказа от своего права на отчие земли и примирения с правителем, нанёсшим обиду его роду. Эймунд предпочёл отправиться в изгнание. Такова версия саги. Но Ярославу Эймунд говорит иное:

«Мы позорно изгнаны из (нашей) страны и пришли сюда на восток в Гардарики (на Русь. — В. Т.) к вам, трём братьям». (5, 107)

Позорное изгнание не похоже на добровольную эмиграцию, но более соответствует реалиям того времени. Старший брат Эймунда Хререк был Олавом Святым ослеплён и жил у короля в качестве заложника. Остальное семейство изгнали. До своего изгнания сыновья Хринга охраняли владения отца и ходили в викингские походы. Они не были конунгами, то есть самостоятельными правителями какой-либо области, хотя по рождению имели право претендовать на это звание. Такие обезземеленные выходцы из знатных семей становились морскими конунгами — вождями плавучих викингских отрядов, живших грабежом.

Эймунд был морским конунгом, но сказитель не стал заострять на этом внимание, ограничившись намёками, понятными компетентному слушателю. Морские конунги в отличие от более ранних предводителей викингских походов обладали большей властью над членами отряда.

На ранней стадии своего существования морские походы являлись частью языческой традиции. Молодёжь отправлялась в грабительский набег на соседей, представлявший собой один из обрядов инициации. Доказавшие своё право именоваться мужчинами юноши сдавали захваченную добычу в родовую сокровищницу, в роли которой обычно выступало одно из языческих святилищ. Такие походы относились к разряду священных войн во славу богов, санкционировались племенем, а их участники находились под общеплеменной защитой. В случае пленения юношей, например, заботой племени был их выкуп.

С началом распространения христианства и разложением языческих традиций походы стали превращаться в разбойные нападения, обогащавшие только их участников и непосредственных организаторов. Это

вело к расслоению общества и дальнейшему подрыву традиционных устоев. В лучшем случае такой поход санкционировало какое-либо знатное лицо. В худшем — шайка морских грабителей действовала на свой страх и риск.

Скандинавское общество в целом негативно относилось к подобным походам и их участникам, приравнивая их деятельность к обычному разбою. Правители страдавших от набегов стран безжалостно уничтожали такие отряды викингов, не боясь межгосударственных осложнений.

Статус участников викингских предприятий мог быть различным. Если это было узаконенное на родине предприятие, то отряд был товариществом свободных земледельцев-бондов. Его возглавлял предводитель-хёвдинг, который был первым среди равных. В случае найма такого отряда на военную службу каждый из его участников заключал договор с нанимающей стороной. Часть полученных доходов шла в распоряжение соответствующего племени или рода. Предводители и их воины не имели права соглашаться на оплату более низкую, нежели общепринятая, так как это нарушало родовые интересы.

В случаях, когда составлялась шайка изгоев или искателей наживы, отряд действовал по своему усмотрению и не был подотчётен племени. Под влиянием христианской традиции вербовка в отряды могла осуществляться предводителем на условиях беспрекословного подчинения, а предводитель становился морским конунгом — аналогом христианского короля с большой властью над своими подданными.

До своего изгнания Эймунд был хёвдингом. Он командовал одним из отрядов, которые охраняли область его отца и ходили за добычей, чтобы поправить благосостояние этого небольшого княжества. В отряды набирались местные бонды. Численность подобных отрядов обычно была около сотни воинов, что позволяло составлять команду из трёх — пяти кораблей. Рагнар был таким же мелким хёвдингом.

Вряд ли все служившие под началом Эймунда и Рагнара бонды захотели отправиться вместе со своими вождями в изгнание. Эймунд же набрал очень крупный для викингских предприятий отряд и привёл на Русь 600 человек, среди которых только малую часть составляли участники его предыдущего предприятия. Новобранцев Эймунд принимал

уже в звании морского конунга, и их статус был значительно ниже статуса ветеранов его предыдущих походов.

Единолично договариваясь с Ярославом об условиях содержания своего отряда, Эймунд выставил традиционные условия, но дал согласие на более низкое обеспечение заявленного эйрира серебра реальными выплатами мехами и прочими ходовыми товарами. Морские конунги вынуждены были соглашаться на снижение вознаграждения. Их воины довольствовались ещё более низким по сравнению с традиционными нормами содержанием вплоть до службы за один кров и хлеб. Надежды возлагались на поправку дел за счёт предстоящей военной добычи.

Новгородские бояре управляли своими волостями, в которых проживало население разного статуса. Наряду со свободными смердами здесь жили более зависимые от бояр люди, такие как поселившиеся на принадлежавших боярам землях переселенцы, добытые в походах пленники, купленные рабы. В зависимости от статуса набранных в боярские отряды ратников их предводитель по-разному оплачивал их ратный труд.

В 1018 году с бояр взимали по восемь гривен, что равнозначно найму восьми воинов. Но боярский отряд состоял из 10 человек. Освобождение от двух гривен означало, что в войско вступал сам боярин, на иждивении которого был один человек. Это шло в зачёт подати в размере двух гривен. Восемь гривен передавалось князю, который самостоятельно проводил дальнейший набор. Такая реформа набора армии предотвращала боярские злоупотребления и повышала личную преданность войска князю, у которого были причины не доверять новгородским боярам.

Боярину оставили право брать с собой одного воина. Исходя из западноевропейских аналогов можно сделать вывод о том, что этот воин был оруженосцем рыцаря-боярина. Четыре вышгородских боярина отправлялись к Борису каждый в сопровождении двух воинов. Киевские бояре были выше по статусу новгородских и имели по два оруженосца.

Бояре составляли бронированную конницу. Их отряды в походе и в бою группировались вокруг своего предводителя. Армия представляла

собой пехотный строй с вкраплениями конных воинов. Реформа Ярослава позволяла выделить конницу в отдельное подразделение и разбить войско на тактические единицы, включавшие в себя отряды боярской конницы, пехотинцев и варягов.

За счёт бояр Ярослав сформировал тяжеловооруженную конницу, состоявшую из 300 рыцарей и 300 оруженосцев, и набрал отряд пехоты в 2400 воинов.

Старосты населённых боярами концов Новгорода выбирались из боярской среды. Их статус, а скорее всего, и благосостояние были выше, нежели у среднего боярина. Подати для старост должны были быть не меньшими, чем для обычного боярина, а равными им или даже большими их. Двойное уменьшение подати говорит о том, что здесь под старостами понимаются не кончанские старосты Новгорода, а старосты территориальных единиц Новгородского княжества.

В Новгороде было всего три конца и 15 гривен, достаточные для найма 15 воинов, для успеха всего предприятия существенного значения не имели. Иное дело служивое сословие, которое управляло территориальными единицами княжества. Их количество должно было быть кратным числу боярских владений-волостей.

Набор 300 учеников в новгородскую церковную школу осуществлялся из семей сельских старост и приходских попов. Предпочтительнее для церковной школы были поповские дети, сызмальства приобщаемые к церковным делам. Но само заведение школы было вызвано недостатком церковнослужителей для обеспечения приходов. Основной набор делался из семей сельских старост, отвечавших, кроме всего прочего, и за церковное благополучие в своей волости. И только там, где уже жила поповская семья, в ученики брали поповича. Боярские волости стали совпадать с образованными церковными приходами.

Бояре подолгу проживали в Новгороде или участвовали в военных походах. На местах управление осуществляли старосты. Вознаграждение старост в 1017 году можно объяснить привлечением к набору войска старост волостей, бояре которых были казнены или разбежались. Этот успешный опыт обращения к посадским смердам и старо-

стам Славенской трети, минуя бояр, и был использован Ярославом в 1018 году.

Кроме бояр Ярослав обложил военным налогом смердов, потому что войска в 3000 воинов было недостаточно. Киевское боярское ополчение насчитывало 8000 человек. Кроме киевлян Святополк мог привлечь к войне силы иных княжеств. Ярославу нужно было не менее 8000 воинов. Для дополнительного набора 5000 воинов ему нужны были средства в размере 5000 гривен. Триста гривен у него были за счёт традиционных сборов. Недостающие 4700 гривен он решил получить за счёт рядовых жителей княжества.

С каждого смерда взимали по четыре куны, что значительно меньше одной гривны. Несколько семей смердов должны были обеспечить наём одного воина. Одна гривна кун равнялась 25 кунам, или 20 ногатам. Сбор по четыре куны не составляет целого числа гривен кун. Если бы подать собирали по четыре ногаты со смерда, то пять смердов обеспечивали бы содержание одного воина. (27, 109)

Целое число гривен составляется в случае, если смерды объединялись по 25 человек. С 25 семейств взималось 100 кун, или четыре гривны кун. Четыре гривны кун составляли половину большой гривны-фунта, или весовую гривну серебра в 204,75 грамма. На весовую гривну серебра можно было нанять четыре воина. На Руси существовало административное деление по сотням. Подать с сотни составляла две большие гривны, достаточные для снаряжения 16 воинов. Обязанности возлагались не на отдельные семьи, а на целые общины — сотни и четверти сотен.

Судя по размерам податей, староста возглавлял четверть территориальной сотни. Смерды четверти сдавали четыре гривны или выставляли четырех воинов. Староста вносил гривну за себя, если сам не выступал в поход.

Собрать 4700 гривен можно было с 29 375 смердов. Новгородское княжество включало в себя 300 боярских владений. Соотнесение числа владений с числом податных смердов говорит о том, что боярское владение было тождественно территориальной сотне. Податных смердов было около 30 000 человек, а старост — около 1200. За счёт чрезвычай-

ного подушного обложения всего населения княжества военным налогом Ярослав дополнительно получил около 6000 воинов, доведя свою армию примерно до 9000 воинов.

Битва на Альте

В Радзивиловской летописи о втором походе Ярослава на Киев говорится лаконично:

«И поиде Ярослав на Святополка, и бежа Святополк в печенеги».
(25, 62–63)

Сообщение включено в статью 6526 года, то есть отнесено к 1018 году. В Летописи Авраамки в статье этого же года уточняется, что войско Ярослава состояло из новгородцев:

«И паки иде Ярослав на Святополка с новгородци, и Святополк бежа в Печенигы, а Ярослав седе в Киеве». (19, 40–41)

Варяги в отличие от первого похода не упоминаются, хотя они в войске были. Это говорит в пользу меньшего удельного веса наёмников в составе возросшей новгородской армии.

Второй раз занять Киев удалось без кровопролития, отсюда краткость известий. Обстоятельства, приведшие ко второму изгнанию Святополка из Руси, уточняет Татищев в статье 6526 года:

«А Святополк, остався в Киеве, чаял себя безапасна. Но Ярослав, уведав об отшествии Болеслава, пошел паки на Святополка. Святополк же, уведав о том, не мог помощи уже от Болеслава просить, ни печенег призвать, а киевлян боялся; ведая, что Ярослава более любят, ушел к печенегам. Ярослав, пришед, овладел Киевом и всю страну, подлежащую Святополку».
(32, 74)

В бурную эпоху междоусобицы Киев сильно пострадал от печенежского и польского погромов. Значительная часть города выгорела. Цвет местного боярства полёг под Волынем или томился в польском плену. Часть киевских воинов ушла с Ярославом в Новгород. Приведённые Святополком поляки ограбили русские области и удержали за собой

ряд русских владений, включая червенские города. У киевлян были причины не любить Святополка, а у Святополка — не доверять киевлянам.

Мнение о том, что Святополк не мог прибегнуть к помощи поляков и печенегов, загадочно. Он бежал как раз к печенегам и позднее пришёл с ними на Русь. После поражения под Переяславлем Святополк бежал в Польшу. Болеслав имел виды на русские земли, в которых он в 1017 году так хорошо поживился, и вполне мог, забыв прошлые обиды, вновь вмешаться в междоусобицу.

В поход Ярослав двинулся только после получения известия об уходе поляков, которое достигло Новгорода не ранее октября. Первая его попытка выступить в поход вскоре по возвращении в Новгород была сорвана посадником Константином, по указанию которого были продырявлены приготовленные ладьи. Сбор денег и воинов, приглашение заморских наёмников затянули начало похода. Из-за порчи ладей следовало дожидаться холодного времени года либо строить новый флот.

Нападения на Киев следовало бы ожидать скорее в традиционное для русов время — в военном июне, нежели глубокой осенью или зимой. Но Святополк как раз и не ждал нападения, считая себя в безопасности. Внезапность прихода врага объясняет, почему он не смог воспользоваться помощью поляков и печенегов. Если бы Ярослав напал в июне, Святополк, собрав войска, встречал бы его у границы своих владений.

Второй раз Киев был захвачен новгородцами после 1 сентября 1018 года. По сентябрьской эре шёл уже следующий год. Но в летописи война с поляками, их изгнание и захват Ярославом Киева объединены в статью одного года. Это говорит о том, что использовалась мартовская эра и новгородцы вступили в Киев до 1 марта 1019 года.

Святополк вместе с союзными печенегами сразился с войском Ярослава под Переяславлем. Радзивилловская летопись:

*«В лето 6527. И прииде **Святополк с печенеги** в силе тяищей, и Ярослав собра множество воя, и изыде противу ему **на Олото**...*

*Поидоша (Ярослав и Святополк. — В. Т.) противу собе, и покрыша поле Л[е]мтеское обои от множества вои. Бе же **пятак тогда**, в[о]сходящую солнцю, ступишася обои, и бысть **сеча зла**, такова не бывала в Руси, за ру[ки] ем-*

*лючися сечахуся, и ступишася 3-жды, яко по удольем крови текущи, к вечеру же **одолеши Ярослав**, а Святополк побеже».* (25, 63)

Битва на реке Альте отнесена на пятницу. (25, 63) Обычное время для битв — четверг. Перед нами отклонение от традиции.

В позднем Пинежском летописце, составленном во второй половине XVII века, кончина Святополка датирована 22 марта 6526 года. (16, 70) Согласно старшим летописям, он умер во время бегства на запад через Брест уже за границами Руси. Так что в Пинежском летописце применена «эра –5507 года» и кончина Святополка отнесена к 22 марта 1019 года. От Переяславля до Бреста около двух недель пути. Какое-то время занял путь от Бреста. Битва произошла ранее 8 марта, но не позднее февраля.

Святополк бежал из Киева в период между октябрём 1018 года и началом марта 1019 года. Между бегством и битвой прошло какое-то время, необходимое для сбора печенежской помощи. Но это не могли быть многие месяцы. После поражения под Любечем Святополку хватило на сбор печенегов считанных дней. В старших летописях битва на Альте приурочена к следующему относительно захвата поляками Киева году. Летописная статья датирована по осенней «эре –5508 года».

В 1019 году почти весь март занимал Великий пост, так как Пасха справлялась 29 марта. В случае острой нужды военные предприятия совершались невзирая на церковные праздники. Но Ярослав загодя планировал свой поход. Киев должен был быть взят до начала Великого поста, который не способствовал ратным трудам. Пост начинался 9 февраля. Его приближение — уважительная причина для битвы в неурочный день. Битву следует приурочить к последней пятнице перед началом поста, выпадавшей на 6 февраля.

В ближайшее воскресенье, 8 февраля, чествуется св. Феодор Стратилат, который был военачальником и почитался в Византии покровителем воинов. Он прославился как чудесный заступник христиан в сражении против язычников-русов в 971 году под Доростолом. Воскресный характер праздника придавал ему особую торжественность. Под Доростолом жестокая битва продолжалась до ночи. Три раза сходились

полки на Альтском поле, сеча закончилась только к вечеру. В некоторых месяцесловах память св. Феодора Стратилата отнесена к 7 февраля, то есть к следующему после битвы дню. (29, 37)

Култ Феодора Стратилата существовал в Переяславле, где он вытеснил более ранний култ Феодора Киринейского, в честь которого Владимир Святой построил церковь в благодарность за победу над печенегами 4 июля 993 года. Церковь Феодора Стратилата размещалась на главных воротах Переяславля, и этот святой считался одним из основных покровителей города. Существование в Переяславле Феодоровского культа должно было после побоища привлечь внимание к святому по имени *Феодор*. Рост популярности культа Феодора Стратилата следует связать с победой на Альте, произошедшей под его покровительством.

В Никоновской летописи описание битвы на Альте почти дословно совпадает с более ранним описанием битвы под Любечем:

«И бысть сеча зла, яко такова на Руси не бывала, за руки емлющися сечахуся, и с[о]ступяхуся 3-жды, и по удолием крови текущи, мнози же верни видяху ангелы помагающа Ярославу». (23, 76)

Летописец перенёс описание одной битвы на описание другой. В старших летописях, за исключением упоминания ангелов, подобный текст включён в рассказ о битве на Альте. Первоначально видение ангелов, помогающих русскому воинству, было связано с событиями, происходившими под Переяславлем. Появление видений облегчалось наличием аналогичных видений во время сражения при Доростоле. Они должны были быть известны русским книжникам из сочинений митрополита Михаила. Другой извод этих рассказов сохранился в сочинении Льва Диякона:

*«Гибель Анемаса воодушевила россов, и они с дикими, пронзительными воплями **начали теснить ромеев**. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отступает, убоясь, чтобы они, уstraшённые небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду; он созвал приближённых к себе воинов, из всех сил сжал копье и сам помчался на врагов. Забили тимпаны, и заиграли военный призыв трубы. Стыдясь того, что сам государь идёт*

в бой, ромеи повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но **вдруг разразился ураган вперемежку с дождём**: устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же **поднялась пыль**, которая забила им глаза.

И говорят, что перед ромеями **появился всадник на белом коне**. Став во главе войска и побуждая его наступать на скифов, он **чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды**.

Никто не видал его, как рассказывают, в расположении войск ни до битвы, ни после неё, хотя император разыскивал его, чтобы достойно одарить и отблагодарить за то, что он свершил. Но поиски были безуспешны.

Впоследствии распространилось твёрдое убеждение, что это был **великомученик Феодор**, которого государь молил и за себя, и за всё войско быть соратником, **покровителем и спасителем в битвах**.

Говорят, что накануне сражения вечером произошло следующее. В Византии одной девице, посвятившей себя Богу, **явилась во сне Богородица**, которую сопровождали огненные воины. Она сказала им: "Позовите мне мученика Феодора", — сейчас же к ней подвели **храброго и смелого вооружённого мужа**. Богородица обратилась к нему со словами: "Твой Иоанн в Дористоле, о, досточтимый Феодор, **сражается со скифами и находится в крайнем затруднении**. Поторопись его выручить — если промедлишь, ему не избежать опасности". Тот ответил, что готов повиноваться матери своего Господа и Бога, и, сказав это, сразу же удалился. Тут и сон отлетел от глаз девицы. Вот каким образом **сбылось сновидение** этой девушки». (18, 80–81)

На Альте силы были примерно равными. Войска дважды сходились в сече, и только на третий раз чаша весов качнулась в сторону армии Ярослава. Ярослав, подобно Иоанну Цимисхию, находился в крайнем затруднении. Под Доростолом стороны попеременно теснили друг друга, а ромеев от поражения спасла чудесная буря. В поздних рассказах чудесная буря появляется и в описании Альтского побоища. Тверская летопись:

«И бысть сеча зла, якоже не бывало такова в Руси, и за руки емлюще сечахуся, и по удолием кровь ручием течаше **яко в время дождевное**, и соступишася трижды, и мнози верни видеша аггелы, помогающа Ярославу. Об[о]мрекше **биующеся**, бе бо **туча** велика, и **гром** из неа мног, и м[о]л-

ниа часто блистаючи, и еликоже мlenia освещавше, блисахуся оружиа в руках их. И едва в **глубок вечер** **одоле** Ярослав, а Святополк побеже». (26, 138–139)

Окутавший битву ночной сумрак в глубокий вечер соответствует характеру затяжной схватки в короткий февральский день. Образ же блистающего во всполохах молний оружия летописец взял из более позднего рассказа о сражении между Ярославом и Мстиславом под Лиственом, которое происходило ночью во время грозы. Это привлечение природных сил, почерпнутое из иного рассказа, было навеяно доростольскими событиями.

6 и 7 февраля чествуются не отличавшиеся воинственностью святые из священников и мирян. Из них на Руси наиболее чтимыми были епископ Вукол из Смирны и врач Юлиан из Емисы. Поэтому чудесное вмешательство связали с почтенным покровителем православных воинов Феодором Стратилатом, тем более что ранее святой Феодор Киринейский уже был прославлен как защитник русских войск в сражении с теми же печенегами.

Переждав Рождественский пост и справив праздники, новгородцы в январе 1019 года двинулись в поход на Киев. Изгнав Святополка, Ярослав со своей армией вышел к южной границе, так как знал, что противостояние ещё не закончилось. От Киева до Переяславля два дня пути. Это значит, что Киев был захвачен новгородцами 3 февраля.

Разгромив 6 февраля под Переяславлем армию противника, Ярослав вернулся в Киев. Радзивиловская летопись:

*«Ярослав же седе в Кieve, **утер пота** со дружиною своею, показав **победу и труд велик**»*. (25, 63)

С трудом давшаяся победа говорит о том, что новгородцам противостояло достойное по силе войско. Святополк покинул Киев без боя, но, уходя за подмогой к печенегам, увёл с собой воинов. Образ хватавшихся за руки в пылу сражения бойцов соответствует битве пехотинцев, а не всадников. Врукопашную бились русы против русов.

Утирал пот своей дружине Ярослав так же, как и в предыдущем году, — раздавая деньги за успешный поход. Тверская летопись:

*«Начат же Ярослав воя делити, **старостам** своим по **10 гривен**, а **смердом по гривне**, а **новгородцом 10 гривен**, и отпусти я вся по домам; и дав новгородцом правду и устав».* (26, 141)

Здесь использовано известие старших новгородских летописей о награждении воинов за поход 1017 года. В Никоновской летописи есть аналогичная запись, но награда смердам увеличена вдвое. Татищев приводит разные версии вознаграждений. В первой редакции своего труда он пишет:

*«И нача вои делити: предним **старостам по десяти**, а **смердом по гривне**. Новгородцев же, одарив, отпусти в дома и даде им грамоту судебную, почему им ходити».* (33, 146)

В окончательной же редакции сказано:

*«Начал войска жаловать, главным **старейшинам по 50**, другим умаяя, простым же **воином по гривне**; яко же и новгородцев, одарив, отпустил в дома и дал им грамоту судебную, по чему им судить».* (32, 75)

Вознаграждение старост увеличено на порядок по сравнению с возложенными перед этим на них податями. Под другими, получившими менее 50 гривен, скрываются новгородские бояре, каждый из которых должен был получить возмещение в восемь гривен за внесённую подать и в две гривны за свою службу и службу своего оруженосца. Ярослав расплатился с войском в размере затраченных на поход средств и трудов. Бояре получили по 10 гривен, старосты четвертей — по пять. Выплаты делались из расчёта одной гривны за каждого выставленного воина.

В старших летописях говорится о том, что Ярослав сел в Киеве после изгнания Святополка из Руси. (25, 63) Задержка с воцарением была вызвана не только погоней за Святополком, но и выжиданием окончания Великого поста, в который начинать большие дела, тем более правление, было плохой приметой. Вступление на престол следует отнести к Пасхе, бывшей в 1019 году 29 марта. К повторному вступлению было приурочено награждение воинов, что косвенно подтверждает особенную торжественность этого дня.

Кончина изгоя

В летописи есть несколько версий причины смерти Святополка Ярополчича. По одной из них, его жизнь оборвала смертельная рана:

*«Его же по правде, яко неправедну суду нашедшу на н[е], по отшествии сего света прияша муки, окаяннаго, показываше яве посланная **пагубная рана, в смерть** немилостивно в[о]гна».* (25, 63)

Святополк, получивший ранение в жестокой сече, был увезён на носилках. На миниатюре из Радзивилловской летописи в статье 6594 (1086) года показано, как на прикреплённых к двум коням носилках перевозили раненого князя Ярополка Изяславича. В «Слове о полку Игореве» говорится о перевозке павшего в битве на Нежатине ниве Изяслава Ярославича по повелению его сына Святополка на угорских, то есть венгерских, иноходцах. Кони-иноходцы использовались для уменьшения качки. (24, 476)

Святополк Ярополчич в речи Ярослава перед битвой на Альте сравнивается с библейским Каином, убившим брата Авеля:

*«Ярослав ста на месте, идеже убиша Бориса, воздев руце на небо и рече: "Кровь брата моего вопиет к тебе, владыко, мсти от крове праведнаго сего, якоже мстил еси **кровь Авелеву**, и положил еси на **Каине стонание и трясение**; тако положи и на сем". Помолився, рек: "Братъа моя, аще еста телом отошла отсюда, то молитвою помозита на противнаго сего убищю и на гордаго". И се ему рекша, поидоша противу собе».* (25, 63)

Составитель этого рассказа не принимал во внимание приведённые ранее по тексту летописи сведения о гибели Бориса не в военном лагере под Переяславлем, а уже после того, как пленник был увезён к Киеву, — от варяжского меча. В поздней традиции было принято мнение Нестора о гибели Бориса 24 июля во время нападения на его шатёр посланцев Святополка. Это мнение дало повод к романтическим предположениям историков о том, что битва на Альте состоялась 24 июля, которое в 1019 году приходилось на пятницу, и Святополк получил возмездие спустя годы после своего злодеяния, но в тот же день года.

Ярослав, в армии которого были киевляне и варяги, ранее служившие Святополку, был осведомлён о подлинных обстоятельствах кончины Бориса и не мог говорить о его гибели на алытском поле. Благочестивую речь сочинили позднее. Но призываемое на голову убийцы стенание и трясение соответствует мучениям раненого Святополка в тряских носилках.

Составитель речи Ярослава опирался на библейский рассказ об убийстве Каином Авеля:

«И сказал (Бог. — В. Т.):

— Что ты сделал? **Голос крови брата твоего вопиет ко Мне** от земли. И ныне **проклят ты** от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя. Ты **будешь изгнанником и скитальцем** на земле.

И сказал Каин Господу:

— Наказание мое больше, нежели снести можно. Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и **от лица Твоего я скроюсь**, и буду изгнанником и скитальцем на земле. И всякий, кто встретится со мною, убьёт меня.

И сказал ему Господь:

— За то всякому, **кто убьёт Каина, отмстится всемеро**. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня; и поселился в земле Нод, на восток от Эдема». (2, 4)

Каин скрылся от Господа в сумрачных странах на краю мира. Ему было даровано сохранение жизни на этом длинном и опасном пути. Первенец Адама стал предшественником обречённого на скитания Вечного жида, оскорбившего Христа и проклятого за это.

В Библии угроза семикратным мщением обращена ко всякому, кто покусится на жизнь Каина. Летописец считал, что семикратная кара обрушилась на голову Каина, наказанного стенанием и трясением. Он опирался на славянский текст Библии, в котором наказание было определено как «*стения и трясыйся будещи на земли*». (24, 476) Далее в летописи вновь использованы библейские мотивы:

«Се же Бог показа наказание княз(е)м русским, да аще сице же створят... слышавшии, ту же казнь примут, но и больши сее, понеже, ведая се створит такоже зло братоубиство. 7 бо мсти приа **Каин**, уби Авеля, а **Ламех 70**. Понеже Каин не веды мицения приати от Бога, а Ламех веды казне, бывшую на прародители его, створи убиство. Рече Ламех ко своим жонам: "Мужа убих во вред мне, и уношу в язву мне, тем же, — рече, — **70 мсти на мне**, понеже, — рече, — се ведая сотвори". **Ламех убих два брата Енохова, и поя себе жене ею**. Сеи же **Святополк, новый Ламех**, иже бе родися от прелюбодеяния, иже изби братью свою, сыны Едионовы, тако и сеи бысть». (25, 63)

Библейский Авимелех был сыном судьи-властителя Гедеона от наложницы. Заняв после смерти отца его место, он истребил 70 своих братьев, чтобы единолично править страной. Незаконнорождённый Авимелех сближен со Святополком. Добавление злодеяний Авимелеха к первоначальному рассказу произошло позднее, поэтому составитель Лаврентьевской летописи заменил имя **Аамех** на более правильное для расширенного рассказа имя **Авимелех**.

Каин принял семь казней, а Ламех — семьдесят. Но в Библии рассказ о Ламехе звучит иначе:

«И взял себе **Ламех две жены**; имя одной: Ада, и имя второй: Цилла...

И сказал Ламех женам своим:

— Ада и Цилла! Послушайте голоса моего, жены Ламеховы! Внимайте словам моим: я **убил мужа в язву мне и отрока в рану мне**. И если за Каина отмстится всемеро, то за **Ламеха в семьдесят раз всемеро**». (2, 4)

Ламех признаётся в убийстве мужа и юноши и терпит наказание в виде язвы и ранения. Но беды призываются на голову того, кто будет покушаться на Ламеха. Сведения летописца позволяют уточнить имя этого возможного мстителя. Через забранных в гарем женщин Аамех пытался запугать Еноха, от которого ожидал мести за убитых братьев. Из намёков летописца следует, что Святополк, подобно Ламеху, стал жить с вдовой одного из убитых братьев, которую забрал из Софийского монастыря.

В Библии приведены две разные версии происхождения Ламеха. По одной — он дальний потомок Каина, по другой — Сифа. Будучи потомком Каина, Ламех имел в числе предков Еноха, который за свою праведность был живым вознесён на небо и обрёл вечную жизнь. Енох считался хранителем мудрости, и с его именем был связан целый ряд апокрифов. По второй версии, Ламех был внуком Еноха и отцом Ноя, прародителя послепотопного человечества.

Еноха и Ламеха разделяли поколения. Летописец считал их современниками. Ламех, убивший братьев Еноха, сближен со Святополком. Праведный же Енох вызывал в памяти Ярослава, братьев которого убил Святополк.

Согласно Иосифу Флавию, Ламех подразумевал преступление Каина, за которое наказание падёт на него как на потомка преступника. (11, 12) Существовала апокрифическая Книга Ламеха, текст которой не сохранился. Но отголоски этой традиции находим в славянской Толковой Палее, где сообщается об убийстве Ламехом Каина. (14, 341) Ранние церковные писатели Ефрем Сирийский и Иероним считали, что Ламех убил мечом Каина, а затем собственного своего сына. (11, 44)

Летописец отбирал из различных сказаний версии, наиболее близкие к создаваемому им демоническому образу Святополка. Одним из авторов ранней летописной традиции был Нестор. Созданная им же житийная версия биографии Святополка близка к этой традиции, и Нестора следует признать одним из создателей летописных сказаний о Святополке.

Нестор в «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» сравнивал кончину Святополка с кончиной Уल्याния-законопреступника — римского императора Юлиана II Отступника. (7,100) Придя к власти в 361 году, Юлиан начал борьбу с христианством, пытаясь восстановить языческие культы, чем вызвал ненависть церковных писателей. Юлиан умер через два года после начала своего правления от ранения стрелой в восточном походе против персов на реке Тигр. На Руси бытовала иная версия его кончины, запечатлённая в славянском переводе «Временника» Георгия Монаха:

«Внезапу бо послано **копье нане** и прободен бысть в мышцу, вниде же ему **в ребра**. Тем прободением **живот сы испроверже**, не ведающему кто и уби. Праведно же убиство его...

Таче принесоша его скверное тело в Тарс и погребоша, взвре земля и **низвержен бысть**... Якоже аз слышах от етера: ни гробу прияти его, но отрясшиися земли его ради истрясену ему бывшую взревшю мню **предзнаменье** есть онои **муце**». (20, 557–558)

В «Сказании о Борисе и Глебе» Юлиан также получает рану от копья:

«Яко же **Иулиан** цесарь, иже многы крови святых мученик пролив, горькую и нечеловечную смерть прия: не ведомо от кого **прободен бысть копием в сердце** вдружен. Тако и се (Святополк. — В. Т.) бегая не ведыися от кого злострастну смерть прия». (7, 54–55)

Извержение тела нечестивого императора из земли было знаком его вечных мук на том свете. Сходные кары летописцы обрушили на голову Святополка:

«И по смерти **вечно мучим есть и связан**. И есть же могила его в пустыни и до сего дни, исходит же из нее **смрад зол**». (25, 63)

В «Паремийном чтении о Борисе и Глебе» уточняется место загробных мучений Святополка:

«И по смерти **вечно мучим есть связан в дно аду**». (24, 477)

Такое же уточнение есть в Никоновской и иных поздних летописях. На дне ада помещали самых закоренелых грешников. В Никоновской летописи мысль старших летописцев об исходящем от могилы зловоании продолжена описанием разверзшейся земли, в которую провалилось грешное тело:

«Есть же могила его в пустыни и до сего дни, исходит же из нея **смрад зол**, ибо разседишия **земля пожре его**». (23, 76)

Наказание постигло Ламеха в виде ранения. Это соответствует ранениям Святополка, полученным в ходе пятничного сражения. Привлечение образа Юлиана говорит о том, что рана была нанесена копьем.

Пятница была судным днём, поэтому битва воспринималась как вид судебного поединка. Поединок выиграл Ярослав, чем подтвердил свою правоту.

Летописец ранение Святополка в бою заменил на болезнь расслабления костей, более подходящую в качестве Божьего наказания. Образ расслабленного он позаимствовал от Каина, наказанного трясением — характерной чертой расслабленности. Радзивилловская летопись:

*«И бежашу ему, нападе на н(е) бес, и **раслабиша кости его** (Святополк. — В. Т.), и не можаше седети, и несяхут и в носилех».* (25, 63)

В летописном рассказе о Святополке использованы цитаты из «Хроники» Георгия Амартола. Они позаимствованы из описания Ирода Великого, так что Святополк сближен и с этим отрицательным персонажем христианской традиции:

*«Окаянный же Ирод за неколико дний **тляем и червми растачаем** зле житие си разори, яко же и нечестивый отец его, ибо то на Христа начат: **сверстники** его дерзнув **усекну** сведену, еще сы в житии нелепо и хулно, **житие** си **испроверже**, его же по правде яко неправеднаго суду пришедшу, по отшествии сего света прияша **муки окаяннаго**; показваше яве образ абье прият сего от Бога **послана рана пагубная в смерть немилостиво возна**».* (24, 477)

Главным злодеянием Ирода было новозаветное избиение младенцев, во время которого он надеялся уничтожить Христа. Георгий Амартол использовал сочинение Иосифа Флавия, подробно описавшего царствование Ирода. Болезнь Ирода, в конце концов сведшая его в могилу, приносила нечестивцу большие страдания. Иосиф Флавий:

*«Между тем болезнь Ирода всё ухудшалась, так как Господь Бог наказывал его за все его беззакония. То был **медленный огонь**, который был не столько замечен наружно, сколько **свирепствовал** у него **внутри тела**. К этому присоединялось страстное, непреодолимое желание оторвать у себя какой-нибудь член тела.*

*Его мучили также внутренние нарывы, особенно же **страшные боли в желудке**. Ноги его были наполнены водянистой прозрачной жидкостью. Та-*

кая же болезнь постигла и низ его живота. **На гниющих частях** появились **черви**. Когда он хотел подняться, **дыхание** причиняло ему страшные страдания как вследствие **зловония**, так и вследствие затруднительности своей. Всего его охватывали судороги, причём царь обнаруживал неестественную силу. Богобоязненные люди, которые по своим знаниям умели объяснять такие явления, говорили, что Предвечный **наказывает царя за его великие беззакония**». (12, 193)

Русские книжники могли черпать сведения об Ироде Великом из разных источников. Описание его мучений от болей в желудке близко к летописному определению кончины Святополка — «испровергнуть живот». Одновременно это выражение ведёт нас к образу Иуды Искарота. В Евангелии от Матфея сообщается о том, что после предательства Христа Иуда раскаялся в содеянном и повесился. В Деяниях апостолов приведена иная версия кончины предателя:

«И, когда низринулся, **расселось чрево** его, и **выпали все внутренности** его». (2, 130)

Извержение внутренностей Святополка аналогично кончине Иуды. В «Чтении» говорится, что Святополк «**живот свой сконца и разверже**». (7,100) Слово «разверже» в одних источниках превратилось в образ разверзнутого чрева, в других — разверзнувшейся земли.

В «Паремийном чтении о Борисе и Глебе» есть ещё одно имя:

«**Святополка** наведе грех ради наших, якоже **древле** наведе на **Иерусалим Антиоха**». (36, 116)

Перед нами Антиох IV Епифан, правивший Сирией в 175–164 годах до нашей эры. Антиох в ответ на восстание иудеев захватил Иерусалим, осквернил Иерусалимский храм и понуждал непокорных жителей отказаться от их религиозных обычаев. Иудеи ненавидели этого сирийского царя и чёрными красками описывали его деяния. Рассказ о жалкой кончине Антиоха из сочинения Георгия Монаха был использован летописцами для описания кончины Святополка:

«**Антиох** же нелепо побежен от Персескыя земля на опять заповажение створив и от многа уныния разболевся. И глагола ко вельможам своим: "От-

ступив есть сон от очию моею и низпадох печалью многою. И ныне убо помянух злая еже створи в Иерусалиме и разумею яко тех ради обретох злая си и се погыбаю в земли чюжеи".

И повели оружнику своему беспрестани поганяти. Мановением шествование разумевая яве яко с вышнего суда мука есть одержавши его беспрестани болезнь в утробе и люты муки внутрь. [При]ключи же ся ему низпасти с колесница зане скоро везом и в зле падеся. И вся телесная удеса его раслабишася и недуг толма провлече и яко червем вскипети. И болезнми велиими распадати плети его. Еще же от смрада окаянного и скверного оногo тела и всем воем тяжко бысть.

И по велику и много похвалився и много зла створиви тако нелепо уродствено житие в чюжеи стране испроверже. Сде же по правде неправедный мучен бысть умер же по худе. И тамо паче вечно мучим есть». (20, 339–340)

Гибель от болезни в чужой стране, приказ вознице беспрестанно погонять, расслабленность членов тела, вечные посмертные муки — всё это перешло в рассказ о Святополке. Выражение «*житие испроверже*», которое содержится и в рассказе об Ироде, заменено на схожее выражение «*испроверже живот*», которое находим в рассказе о Юлиане Отступнике.

Для характеристики побеждённого князя книжники щедро черпали сведения из рассказов о самых одиозных личностях — Каине, Ламехе, Авимелехе, Антиохе Елифане, Иуде Искарите, Юлиане Отступнике. Надо полагать, что и образ смрадной могилы был позаимствован из рассказа о каком-то древнем нечестивце.

Татищев писал о Святополке:

«Владев лета 4, всех лет поживе 39». (32, 75)

В июне — июле 980 года Ярополк вёл войну с Владимиром Святым, в ходе которой погиб. Летописец считал, что Святополк был зачат Ярополком. Зачатие произошло незадолго до начавшейся в июне уобицы, так как Святополк считался сыном двух отцов. Если бы беременность его матери носила явно выраженный характер, двойственности в определении отцовства не было бы. Родился Святополк в конце 980 или в начале 981 года.

Во время правления Святополка чеканились сребреники трёх типов — с именами *Святополк*, *Петрос*, *Петор*. Все типы монет имеют на одной из сторон одинаковый знак Рюриковичей в виде двузубца с крестом на левом зубце. Это позволило определить, что христианским именем Святополка было *Пётр*. На первом и третьем типах монет изображён сам князь, сидящий на престоле. Он безбород, имеет усы и нимб вокруг головы, как на изображениях императоров с византийских монет. На сребрениках с именем *Петрос* изображён бородатый святой, которого учёные отождествляют с апостолом Петром. (31, 96–109) М. П. Сотникова:

*«Эта округлая борода, а также широкие одеяния без украшений и стоящий наклонно крест с шариками на раздвоенных концах являются иконографическими признаками именно **апостола Петра**».* (31, 199)

Под 16 января в святцах есть праздник Поклонения честным веригам апостола Петра. Кроме этого праздника в январе — феврале отмечается память: Петра, архиепископа Севастийского (9 января), Петра Авессаломита (12 января и 13 января), Петра, епископа болгарского (22 января), Петра, темничного ключаря (26 января), Петра Галатского (1 февраля). (30, 614) При этом ни один из праздников не стоит на первом месте среди праздников дня. Только Пётр Авессаломит, который следует под 12 января, вслед за Татьяной, открывает перечень мужских святых дня. Все святые Петры, чествуемые в январе — начале февраля, по своему значению уступают апостолу Петру. К тому же 16 января в 981 году было воскресеньем, а празднование в честь вериг апостола Петра — особенно торжественным, поэтому следует признать, что Святополк нарекли именем в честь апостола Петра, а родился он около 16 января 981 года.

По времени выпуска самыми ранними монетами являются монеты с именем *Святополк*, самыми поздними — с именем *Петор*. Монеты с именем *Петрос* и изображением апостола Петра занимают среднее положение. Три периода чеканки разных монет соответствуют трём основным периодам правления Святополка.

В начале правления Святополк для привлечения на свою сторону раздавал киевлянам корзно — парадные плащи и куны — деньги. (25, 61) С этими денежными раздачами обычно и связывают чеканку сребреников первого типа. (31, 191) Чеканка производилась в период с июля по декабрь 1017 года.

Монеты с изображением апостола Петра следует связать с эпохой пребывания Святополка в Киеве под опекой Болеслава в августе — сентябре 1018 года. Апостол Пётр — один из самых почитаемых католических святых, и появление его на монетах вызвано желанием угодить полякам-католикам. Кроме того, отказ от изображения Святополка на монетах следует связать с его подчинённым положением при Болеславе, который к тому же стремился к полному подчинению Руси. После изгнания поляков изображение апостола с монет убрали. Так что третий тип сребреников изготавливали с октября 1018 года по январь 1019 года.

Большинство сребреников Святополка низкопробны и предназначались для обращения внутри страны. Монетные штампы изготавливали мастера Владимира Святого и их ученики. На сребрениках двух типов изображения Святополка сходны. Резчики стремились придать монетному лику портретное сходство. Святополк выглядел так:

«Князь изображён человеком с крупным лицом, характерным ширококрылым носом, большими вислыми усами и в одинаково низкой шапке». (31, 204)

На Руси считали, что Святополк скончался 22 марта 1019 года. Отнимая от марта 1019 года 39 лет, оказываемся в марте 980 года. Отнимая от марта 1019 года четыре года, оказываемся в марте 1015 года. Информатор Татищева делал вычисления от летописных дат, по которым рождение Святополка приходилось на 979 год, а начало княжения — на 1015-й. Даты, от которых делались вычисления, имели осеннюю «эру — 5506 года», поэтому первоначально речь шла о рождении Святополка после 1 сентября 980 года и начале его княжения в 1017 году.

Ближе к действительности указание Комиссионного списка Новгородской летописи, согласно которому Святополк княжил три лета, то есть с 1017 по 1019 год. (22, 466)

Первое княжение Святополка продолжалось пять месяцев, из которых почти четыре он провёл в военном лагере под Любечем. Пять месяцев князь пробыл в Польше, а затем после победоносного похода вновь оказался на киевском столе, который удерживал ещё пять месяцев. Таким образом, от его вокняжения до окончательного бегства из страны прошло год и семь месяцев, а фактически он правил десять месяцев.

Бегство на чужбину

В «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» написано:

«И на прочюю братью воздвизаше гонения, хотя и вся изгубити и сам един владети всеми странами. Но Бог, сведый тайны сердечныя и хотя всем человеком спастися и в разум истинный приити, не попусти окаянному тако створити, не потреби от земля сея. Крамоле бывшей от людий и изгнану ему суцю не токмо из града, но из области вся: избежавше же ему в страны чюжи и тамо живот свой сконча и разверже». (7, 100)

Святополк пытался вернуть к единой державной стране, поделённую на уделы между сыновьями Владимира Святого. В конце января 1019 года ему пришлось бежать из столицы, а затем — вообще покинуть родину. В летописи описаны странствия Святополка после поражения на Альте:

«И принесоша к Берестю, бегающе с ним. Он же глаголаше: "Побегните со мною, женут (гонятся. — В. Т.) по нас"». (25, 63)

Матвей Стрыйковский считал, что изгнанник намеревался попасть к Болеславу Великому и выпросить помощь:

«Ярослав победи Святополка на реке Ольте и возвратися к Киеву, а Святополк бежа в Брест к наместникам Болеслава. Оттуда же иде к королю в Гнездо, хотя помощи просить, но в пути, внезапною болезнью поражен, умре». (32, 239)

Здесь приведена поздняя версия о гибели Святополка не от раны, а от внезапной болезни. Брест показан занятым поляками.

Брест входил в Туровское княжество, выделенное в удел Святополку Владимиром Святым. Для того чтобы попасть в Польшу, Святополку из-под Переяславля проще было двинуться южными путями через степи, занятые дружественными ему печенегами. Он мог обойти перешедший на сторону Ярослава Киев и уйти прямой дорогой через Луцк, Владимир-Волынский и Волынь. Но потерпевший поражение правитель предпочёл вернуться в свои северные владения.

Став хозяином Киева, Ярослав начал приводить к покорности русские земли. Сил Туровского княжества было явно недостаточно для новой схватки за великокняжеский стол. Святополк мог рассчитывать только на сохранение звания удельного князя. Так, его союзник Брячислав оставался удельным князем до своей смерти, несмотря на то что летописец считал его враждебным Ярославу.

К Бресту проявлял интерес не один Святополк. В Новгородской первой летописи старшего извода читаем:

«В лето 6525. Ярослав иде к Берестию. И заложена бысть святая Софья Кыеве». (22, 15)

Этот текст заменил сообщение старших летописей о начале правления Ярослава в Киеве — его вхождении в город и пожаре церковью во время нападения печенегов. Из-за сокрытия следов новгородской смуты во время подготовки второго похода на Киев часть известий в новгородском летописании была истреблена, и поздние летописцы как могли заполняли образовавшуюся брешь по иным источникам.

Сообщение о походе на Брест в старших летописях имеет более позднюю дату. Радзивилловская летопись:

«В лето 6530. И поиде Ярослав к Берестию». (25, 63)

Затем следует рассказ о тмутараканских делах. Тмутараканский летописец извлёк это известие из какого-то источника для хронологической привязки похода Мстислава Владимировича на касогов.

Деяния Ярослава в первые годы, прошедшие после битвы на Альте, освещены крайне скупо. Кроме сообщений о рождении у него детей и брестском походе находим только описание его войн с Брячиславом

и Мстиславом. Значит, и поход на Брест — военный поход во время междоусобицы.

В новгородском летописании применялась как «эра –5508 года», так и «эра –5506 года». По второй эре брестский поход Ярослава выпадает на 1019 год, то есть на тот же год, когда Святополк прибыл в Брест и был вынужден бежать далее из-за приближавшейся погони. Становится понятным перемещение известия в старших летописях. Летописец создавал гротескный образ наказуемого Божьим гневом Святополка. К библейскому мотиву каиновой трясучки-расслабления он добавил одержимость безумием, благо что в описании событий 1018 года Святополк уже был назван безумным за вполне, впрочем, разумные деяния по изгнанию поляков. Беглец был озабочен навязчивой идеей, что за ним гонятся. Не потерявшие же разума спутники князя не видели никакой погони:

«Отроци же слаху за ся, егда кто женет по нем, и не бе никогоже вслед гонящаго, и бежаху с ним. Он же в немощи лежа, и в[о]схотився, глаголющее: "О се женут, о женут, побегните". И не можаше терпети на едином месте». (25, 63)

Образу гонимого потусторонними силами нечестивца реальная погоня противоречила, и сообщение о преследовании Святополка войсками Ярослава передвинули далее по тексту.

После поражения на Альте раненый Святополк покинул печенегов, с которыми ещё долго мог доставлять неприятности Ярославу. Он попытался отсидеться в своём уделе, намереваясь помириться с более удачливым соперником. Но Ярослав был непреклонен и после победы повёл свою армию в Туровское княжество. Святополку пришлось покинуть Отечество:

«И пробеге Лядцкую землю, и гони Божьим гневом, и прибеже в пустыню межи Ляхи и Чехи, испроверже живот свои в том месте зле». (25, 63)

Маршрут Святополка лежал через Брест и Польшу в Чехию. Польшу беглец миновал. Это противоречит мнению Стрыйковского о смерти князя на пути к Болеславу Великому в Гнездно. Странствовать по Поль-

ше изгнанник мог только с разрешения местных властей, которые столь знатного пришельца действительно сразу же отправили бы к Болеславу в сопровождении стражи. Святополк с помощью своих телохранителей отделался от конвоя и ушёл из Польши. Со своим родственником по жене он встречаться не захотел.

Старшие летописи теряют след беглеца в анонимной пустыне между Польшей и Чехией. Нестор, участвовавший в формировании этих известий, лукавил, так как имел дополнительные сведения. В «Чтении» он пишет:

«Бывает бо смерть грешнику люта: мнози бо глаголют в раче его видевше суца тако, яко же и Уल्याния законопреступнаго». (7, 100)

Тело Святополка покоилось в раке-саркофаге, которую видели многие русские путешественники. Путешествовали либо богомольцы, либо послы, либо купцы. Через Чехию лежал оживлённый торговый путь из Руси в немецкие земли. Раки устанавливались в храмах. Захоронение находилось в доступной для русских церкви. Святополк покоился в саркофаге, который был похож на саркофаг императора Юлиана Отступника.

Захоронение в храме, сходное по пышности с императорским, свидетельствует о большом уважении к покойнику. Это мало походит на летописную легенду о пустынном смрадном месте и разверзшейся под могилой земле. Но летописный рассказ содержит важный намёк. Дело в том, что слово «пустыня» имеет двойное значение — пустынное безлюдное место и местообитание монаха-отшельника.

Мы имеем храм в пустыни, то есть отшельнический монастырь. Святополк был похоронен близ торгового пути в монастыре, населённом отшельниками, в Чехии или где-то рядом.

У Козьмы Пражского есть легенда о Святополке Моравском:

*«В лето от Рождества Христова 894. Был крещён Борживой (чешский князь. — В. Т.), первый князь святой христианской веры. В том же году Святополк, как в просторечии его называют — **король Моравии**, исчез среди своего войска и больше нигде не показывался. Однако он поистине пришёл*

в себя, когда понял, что поступил несправедливо, **подняв оружие против своего господина и кума** — императора Арнульфа...

В раскаянии (Святополк Великий. — В. Т.) вскочил на коня и под покровом ночи, никем не узнанный, проехав через свой лагерь, **бежал** туда, где некогда **три еремиты** с его помощью построили церковь на горе Зобер, среди большого и неприступного для людей леса. Прибыв сюда, в укрытом месте, в лесу, убил коня, а свой **меч закопал в землю**. С наступлением рассвета он явился к отшельникам, и **те не узнали его**, потому что он был пострижен и одет подобно еремитам. И в течение всего времени, пока **Святополк** жил здесь, он оставался **неузнанным**. Лишь почувствовав приближение смерти, **открыл монахам своё имя** и вскоре умер». (15, 57)

В 894 году король Арнульф ходил походом в Италию. Императором он стал позже. На Моравию он нападал в 892 и 893 годах. Святополк в 894 году вместе с призванными им венграми опустошал населённую немцами и славянами Паннонию, пытаясь выбить оттуда союзников германского короля. (37, 51) В этом походе он и умер. В Фульдских анналах под 894 годом записано:

«**Святоплук**, князь мораван, это скопление всякого коварства, прошедший все пограничные с ним области, сея всюду беспорядок, обманом и хитростью, несчастливо **окончил свои дни, напоследок убеждая своих**, чтобы они не любили мир, а **оставались врагами их собственных земляков**». (37, 51)

Романтического бегства в монастырь из войска, собранного против Арнульфа, не было. Воинственный Святополк скончался, убеждая своих сыновей и приближённых продолжать борьбу с врагами. Описанные в легенде события не имеют отношения к Святополку Моравскому.

Святополку Моравскому наследовал его сын Моймир, который изгнал своего младшего брата Святополка, нашедшего в 899 году приют в Баварии. Арнульф первоначально правил Баварией и покровительствовал младшему Святополку, который был его крёстным сыном. Так что со Святополком Святополчищем легенду также связать нельзя.

Первоучитель славян св. Мефодий был выходцем из Византии и при Святополке Моравском возглавлял моравскую церковь. До Мефодия

моравскими священниками были преимущественно немцы и богослужение велось на латинском языке. При Мефодии место немцев заняли славяне, а церковные службы стали вестись на славянском языке по книгам, переведённым святыми братьями Кириллом и Мефодием.

После кончины Мефодия немецкое духовенство взяло реванш. На славянских священников обрушились репрессии. В Житии Наума, одного из учеников Мефодия, рассказывается о передаче двухсот наиболее видных славянских священников еврейским купцам для продажи их в рабство на рынке в Венеции.

Чешский князь Болеслав II Набожный основал при церкви св. Юрия женский бенедиктинский монастырь. Игуменьей монастыря стала его сестра Млада. Млада вернулась из Рима с грамотой римского папы, в которой давалось согласие на учреждение в Чехии епархии с центром в Праге. На роль же чешского епископа рекомендовалось выбрать правоверного католика:

«Однако ты выбери для этого дела не человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа или славянского языка, но, следуя апостольским установлениям и решениям, лучше наиболее удобного всей церкви священника, особенно сведущего в латинском языке». (15, 66)

Текст грамоты свидетельствует о сильных позициях сторонников славянского богослужения. Римский папа опасался, что епископом станет один из последователей Мефодия. Обзаведение собственной церковной организацией для Чехии было насущной проблемой. Болеславу хотелось сбросить церковную зависимость от немецких епископов, и ему пришлось исполнить рекомендации папского престола:

«Незадолго до этого в Прагу прибыл для проповеди некий человек по имени Детмар, родом сакс. Он отличался исключительным красноречием и образованием, священником он был по званию, монахом же по призванию. И только он князя Болеслава II узнал, как за короткое время и милость большую, и дружбу снискал. А так как [Детмар] в совершенстве знал славянский язык, то князь через своих послов призвал его к себе и, собрав духовенство, знатных людей страны и народ, с помощью просьб и увещаний добился того, что [Детмар] с общего согласия был избран епископом». (15, 66)

Большая часть Саксонии была образована на завоёванных немцами славянских землях, отсюда знание славянского языка у сакса Детмара. Болеславу удалось сделать своего ставленника епископом не без труда. Противниками избрания немца были славянские священники.

Еремиты — католическое обозначение монахов-отшельников. В Чехии монахами были преимущественно католики ордена бенедиктинцев. Использование Козьмой для обозначения отшельников не названия общеизвестных бенедиктинцев, а более общего может косвенно свидетельствовать о том, что перед нами загнанные в глухие места последователи Мефодия.

Приведённая ревностным католиком Козьмой легенда была искусственно связана со Святополком Моравским. Но зато её содержание соответствует реалиям жизни Святополка Ярополчича. Он бежал из расположения своих войск после поражения от родственника и «короля» Ярослава. Святополк отказался от дальнейшей борьбы, так как не воспользовался ни печенежской, ни польской помощью. В этом можно усмотреть его раскаяние. След беглеца затерялся близ границ Моравии и Чехии, но позднее могилу его видели русские путешественники в одном из монастырей. Легенда первоначально была сложена о русском князе. Чехи приспособили её к описанию гибели одноимённого моравского правителя.

Показательно обрамление легенды. Ранее по тексту Козьма рассказывает о злодеянии серба Дуринка, который, чтобы выслужиться перед чешским князем Некланом, убил доверенного его попечению малолетнего князя враждебных чехам лучан. Дуринк отрезал у мальчика голову и принёс её Неклану в надежде на награду. Хронист называет Дуринка вторым Иудой и в подтверждение этому приводит сходный с Иудиным конец предателя, которому пришлось повеситься на дереве. В обвинительной речи Неклана есть тот же библейский мотив о Каине, что и в русских летописях:

«Содянное тобой превышает то, что может быть названо проступком. Всякий, кто убил бы тебя или присудил бы к смерти, совершил бы двойное презрешение, так как он был бы грешен в том, что убил тебя, и

*в том, что ты убил господина, и из-за этого двойного прегрешения он **стал бы втройне грешен**».* (15, 56)

Создатель этого замысловатого запрета убивать Дуринка переложил по своему разумению библейскую заповедь о том, что, кто убьёт Каина, тому отомстится всемеро.

За легендой о Святополке следует рассказ о братоубийстве. Болеслав предательски убил своего брата чешского князя Вячеслава-Вацлава и стал правителем Чехии. Вячеслав был причтён к лику святых, а Болеславу I Грозному дана характеристика, сходная с летописной характеристикой Святополка:

*«Драгомира родила двоих сыновей: Вацлава, который был желанным Богу и людям, и Болеслава, **братоубийцу, достойного проклятия**».* (15, 58)

Драгомире хронист даёт положительную оценку, считая её твёрдой в вере католичкой. Эта княгиня была повинна в гибели своей свекрови Людмилы, которая в православной традиции причислена к лику святых. Книжники считали Драгомиру язычницей и этим объясняли столь жестокий ее поступок. Проклятия обрушились только на Болеслава за убийство Вячеслава, признанного святым как католической, так и православной церковью.

Славянский обряд в Чехию был принесён Мефодием. Его ученики проповедовали христианство по книгам, переведённым с византийских оригиналов, и в основе обряда лежало византийское вероучение. На землях, где господствовала духовная власть римского папы, славянским священникам приходилось идти на уступки католичеству. Но жестокость борьбы, в жертву которой была принесена даже бабушка правившего князя, говорит о силе противостояния между западным и восточным христианством.

Контекст легенды, имеющий аналогичные кругу сказаний о Святополке Ярополчиче мотивы, подтверждает первоначальную связь её с русским князем. Принесение иноземцем-сербом отрезанной головы потенциального врага правителю повторяет аналогичный сюжет из саги об Эймунде, в котором иноземец-норманн принёс отрезанную го-

лову Бурицлава Ярицлейву. Совпадение может служить косвенным подтверждением расчленения тела Бориса.

Далее по тексту в статье 929 года Козьма более подробно останавливается на гибели Вячеслава. Здесь идёт уже прямое сравнение убийцы с Каином:

*«После короткой жизни [Вячеслава] Болеслав, этот **второй Каин**, встав на путь преступления, добился княжения».* (15, 59)

Вячеслав погиб на пиру у брата 28 сентября. В разных святцах его гибель отнесена то на 929, то на 935 или 936 год. (3, 154 и 29, 63) У Титмара Мерзебургского кончина Венцислава-Вячеслава, князя Чехии, помещена между коронацией короля Оттона I, состоявшейся в воскресенье 7 августа 936 года, и венгерским набегом 937 года. (35, 18) Венгры обычно совершали свои набеги по весне: в марте — апреле. Согласно данным Титмара, Вячеслав погиб в сентябре 936 года.

В 936 году 28 сентября приходилось на ничем не примечательную среду. Между тем приглашение на пир должно было иметь серьезный повод. Ближайший крупный праздник отмечался в понедельник 26 сентября, когда поминалась кончина Иоанна Богослова. Обращает на себя внимание, что в 929 и 935 годах 28 сентября было понедельником. Эти сходжения свидетельствуют о том, что князя Чехии убили на праздничном пиру в честь Иоанна Богослова в понедельник 26 сентября 936 года.

В житиях славянских просветителей Кирилла и Мефодия встречаются даты, ошибочно удревлённые на восемь лет из-за неправильного перевода с католической эры Дионисия Малого, которую сейчас именуют нашей эрой, в православную сентябрьскую «эру –5508 года». (4, 7) Даты с нашей эрой добавлением 5500 лет переводились на привычное для сторонников византийской традиции летосчисление от сотворения мира. Но в византийской эре рождение Христа датируется восемью годами ранее, чем в нашей эре, и нужно прибавлять 5508 лет. В результате ошибочного перевода появлялись даты с искусственной «эрой 5500 года».

Поздние чешские книжники приняли встретившиеся им даты от сотворения мира за даты по сентябрьскому византийскому летосчислению и перевели их на привычный для католиков счёт от Рождества Христова вычитанием 5508 лет, а для дат после 31 августа — вычитанием 5507 лет. Получившиеся даты были на восемь или семь лет древнее подлинных и имели искусственную сентябрьскую «эру +8 года». Сентябрь 929 года по этой эре соответствует сентябрю 936 года нашей эры.

В 929 году 26 сентября было субботой, тогда как было известно, что Вячеслав погиб в понедельник. Поэтому кончину стали связывать с ближайшим понедельником 28 сентября 929 года. Затем под влиянием традиции, использовавшей правильный 936 год нашей эры, дату в виде компромисса переместили на понедельник 28 сентября 935 года.

Подобный разнотат наблюдается при определении кончины Людмилы, бабушки Вячеслава. В святцах встречается как 922, так и 927 год. 16 сентября в 922 году было понедельником, а в 927 году — воскресеньем. Книжники, обосновывая 927 год, ориентировались на 16 сентября 921 года, которое приходилось на воскресенье. Людмилу удавили, то есть она была казнена. (3, 147) Смещение на 922 год можно объяснить тем, что воскресенье весьма необычное время для казни.

Существование даты 16 сентября 921 года по «эре +8 года» позволяет вычислить правильное время кончины княгини, которое пришлось на среду 16 сентября 929 года. Немецкий король Генрих I Птицелов 929 год провёл в войнах со славянами. (35, 9) Его армия наряду с другими славянскими областями опустошила Чехию, захватив Прагу и принудив чехов к уплате дани. В этом году фанатичная католичка Драгомира, опираясь на немецкую помощь, имела возможность расправиться со своей соперницей, исповедовавшей христианство по славянскому обряду. Среда у немецких правителей — традиционный день недели для принятия важных государственных решений. Приказ о казни княгини отдал король по навету её невестки.

Наличие многочисленных реликтов византийского летосчисления в ранней чешской хронографии говорит о большом культурном влиянии восточного христианства. У Козьмы красноречив не только текст, но и его молчание. Под надуманным предлогом он отказался описывать

чешскую историю от принятия христианства при Борживое-Буриное до 928 года:

«Мы **предпочитаем умолчать** о том, каким образом, по милости Бога, всё определяющей и всюду поспевающей, князь **Борживой принял святое крещение**, как его **преемники** изо дня в день **распространяли** в этих странах **христианскую религию**, так же как и о том, какой из первых христианских князей сколько **основал церквей** во славу Бога. Мы **предпочли** лучше **опустить это**, чем вызвать недовольство читателя, ибо обо всём этом можно прочесть в трудах, написанных другими». (15, 58)

Между тем для читателя его эпохи как раз самым интересным было начало распространения христианства в этих землях. Козьма пишет о крещении в 894 году чешского князя Буриное. Но несмотря на широкое хождение в славянских землях жития св. Мефодия, он замалчивает его участие в крещении чешского правителя. Молчит хронист и о жизни св. Людмилы, жены Буриное, хотя знает о её почитании в более поздние времена. Отказ описывать успехи просвещения чешских земель был вызван нежеланием Козьмы признавать заслуги славянских миссионеров и предавать огласке приверженность Буриное и его преемников восточному христианству.

Козьма весьма нелестно отзывался о Болеславе I Грозном:

«В лето от Рождества Христова **932. 4 марта** тело мученика св. **Вацлава** вследствие ненависти завистливого брата было **перенесено** из града Болеслава в город **Прагу**. Брат Болеслав вёл себя со дня на день всё хуже и хуже. Он **не чувствовал раскаяния** в своём поступке. Полный гордой спеси, он не мог более сносить того, что Бог за заслуги своего мученика Вацлава совершал бесчисленные чудеса над его могилой, и тайно приказал своим верным слугам перенести (тело Вацлава) в город Прагу и похоронить в церкви св. Вита. Он сделал это для того, чтобы чудеса, которые совершал Бог во славу своего мученика, приписывались заслугам не Вацлава, а св. Вита...

Князь Болеслав, — если, конечно, можно назвать князем того, кто был таким **безбожником** и мучителем, — по своей жестокости превосходил **Ирода**, по кровожадности — **Нерона**, по бесчеловечности своих преступлений — **Деция**, а по беспощадности — **Диоклетиана**». (15, 60–61)

На самом деле Болеслав, по сведениям того же Козьмы, благочестиво пригласил регенсбургского епископа Михаила, который произвёл освящение построенной Вячеславом церкви св. Вита, датированное 22 сентября 929 года. Перенос тела погибшего брата из провинциального города Болеслава в столицу также нельзя отнести к порочающим князя поступкам. В ту эпоху знатные чехи, такие как Войтех, сын зличанского князя Славника, и Страхквас, сын Болеслава, воспитывались в немецких монастырских школах. Страна долгое время наслаждалась миром, прерывавшимся редкими немецкими нашествиями. Чешский князь старался жить в согласии с католической церковью.

Если мы опустим взятые из немецких хроник иноземные известия, то увидим такую реальную последовательность событий: среда 26 сентября 936 года — гибель Вячеслава; воскресенье 22 сентября 937 года — освящение церкви св. Вита; воскресенье 4 марта 938 года — перенесение мощей Вячеслава в Прагу.

В 932 и 938 годах 4 марта было воскресеньем. Зная причины искажений, получаем, что перенесение мощей датировалось 4 марта 930 года по «эре +8 года», что соответствует 4 марта 938 года нашей эры. Но так как перенесение было в воскресенье, а 4 марта 930 года по нашей эре приходилось на четверг, дату сдвинули на «воскресный» 932 год. В славянских святцах, кстати, 938 год присутствует в качестве одной из дат перенесения мощей Вячеслава. (29, 63)

Цезарь Бароний пишет о том, что Вячеслав был убит братом Болеславом в 938 году, из-за чего Оттон воевал с ним 14 лет. (1, 1037) Козьма подчинение Болеслава немцам датирует 950 годом. (15, 63) Бароний войну Оттона со славянами относит на 949 год. Отнимая от 949 года 14 лет, получаем при включительном счёте лет 936 год. У Барония из-за сокращения первоначального рассказа дата перенесения мощей заместила дату смерти.

Перенесение мощей в воскресенье в главный собор Чехии было не тайным, а публичным. Об этом же говорит включение 4 марта в славянские святцы в качестве церковного праздника. Чехи с согласия Болеслава и его преемников праздновали перенесение мощей своего наци-

онального святого, и от них эта традиция со временем перешла к иным славянским народам.

Демонизация Болеслава велась католиками из-за борьбы князя против немецкого порабощения. Сравнение с самыми зловещими историческими персонажами было навеяно кругом русских сказаний о Святополке Ярополчиче. Только Юлиана Отступника образованный Козьма заменил на ряд иных царственных гонителей христианства.

В рассказе о Страхвасе Козьма вдруг даёт князю иную характеристику:

*«Князь Болеслав, сознавая содеянное им преступление, боясь мучений в Тартаре и постоянно думая над тем, как ему умилоstitвить Бога, дал наконец **обет Богу**, сказав: "Если мой сын (Страхвас. — В. Т.) **останется в живых**, то я от всего сердца посвящу его Богу: пусть он будет священником и пусть все дни своей жизни **служит Христу** в искупление моего греха и ради блага народа этой страны"». (15, 59)*

Между тем о какой-либо опасной болезни Страхваса ничего не говорится. Опасную для жизни рану имел Святополк Ярополчич. Козьма щедро черпал сведения для своих нужд из русских сказаний о нём. Раскаяние и обет посвятить себя в случае выздоровления служению Христу соответствовали бы Святополку, только если бы он остался в живых.

Богатая могила Святополка, включение сказаний о нём в чешскую культуру мало соответствуют летописной версии о гибели беглеца сразу же по достижении им границы Чехии. В интересующую нас эпоху в Чехии появляется одна загадочная личность — отшельник Прокоп, которому приписывали русское происхождение.

Прокоп Сазавский был одним из самых почитаемых чешских святых. По чешским преданиям, он родился в конце X века в деревне Хотунь близ Чешского Брода и был монахом-бенедиктинцем, поселившимся возле реки Сазавы. Он стал известен чешскому князю Ольдриху, который сделал его своим духовником. В 1032 году Ольдрих на месте кельи отшельника начал строить монастырь. Закончил и окончательно украсил этот монастырь уже его сын Бржетислав-Брячислав, сменивший отца на чешском престоле.

По данным чешского историка В. В. Ганки, Прокоп был родом из Руси и скончался в 1039 году. (9, 8) Ганка пользовался сведениями каких-то чешских источников. В католических святцах его память помечена 4 июня, а датой кончины признаётся 1055 год. В русских же святцах память Прокопия Сазавского празднуется 16 сентября, а кончина отнесена на 1 апреля 1053 года. (29, 285)

В Реймсском кафедральном соборе хранилась древняя церковная рукопись, на которой до Великой французской революции присягали короли Франции во время своей коронации. Рукопись была приобретена в Константинополе кардиналом Карлом Лотарингским и подарена собору в 1574 году. Во Франции книга считалась греческим Евангелием. То, что язык рукописи славянский, выяснилось только в 1717 году, когда Пётр I посетил Реймский собор. Рукопись считалась утерянной во время революционного разгрома храмов и монастырей. Но в 1835 году А. И. Тургеневу удалось отыскать её. Тургенев:

*«Над сим Евангелием присягали в Реймсе французские короли во время коронации, думая, что оно древнее **греческое**. Пётр Великий, в проезд свой через Реймс, осматривая соборные редкости, признал её славянской. Добровский и другие считали эту рукопись затерянною. Часть её, писанная **глаголитскими буквами**, есть продолжение **кирилловской** и кажется новее, хотя обе в одном переплёте, с которого во время революции содраны драгоценные камни, золото и серебро».* (9, 7)

Две первые тетради Реймского евангелия, включающие в себя 16 листов, написаны кириллицей, остальные — глаголицей. Реймское евангелие попало в Константинополь из Чехии с эмигрантами-гуситами. Реформаторы-гуситы захватили его в разгромленном ими католическом Эмаусском монастыре, расположенном под Прагой, и хранили у себя 40 лет.

Русское происхождение Прокопа подтверждает чешская запись в глаголической части Реймского евангелия. В ней сказано, что та часть книги, которая следует русскому закону и записана русским письмом, — собственноручное творение св. Прокопа:

«Стато (святое. — В. Т.) Евангелие а Апостолие, есто су писании словенским языком... а друга страна (часть. — В. Т.) тиех то книжек. Тен жь е подле **русского закона**. Писал е **святи Прокоп** опат (игумен. — В. Т.) сву (своею. — В. Т.) руку. А то **письмо русске** дал небожтик **Карел** чтверти царь рзимски ко славени тому то кляштру а ке цти сватему **Ерониму** и сватему **Прокопу** господине рачь му дати покои виечни амнь». (9, 3–5)

Древнейшая кириллическая часть рукописи была подарена скончавшимся к тому времени и поэтому названным небожителем императором Карлом IV основанному им в пражском предместье в 1347 году Эмаусскому монастырю. В 1395 году хорватской глаголицей с более древних хорватских оригиналов была переписана ещё одна рукопись, которую переплели вместе с кириллическими листами. Тогда же и появилась запись о происхождении двух частей книги. Так что мнение о принадлежности кириллической рукописи руке св. Прокопа восходит самое позднее к концу XIV века.

В Эмаусском монастыре католические обряды служили по повелению Карла IV на славянском языке. Карл родился в Праге, был сыном короля Иоанна Чешского, в 1334–1347 годах правил Чехией и Моравией, а в год основания монастыря стал германским императором. Монастырь был им основан в честь славянских святых Кирилла и Мефодия, Войтеха и Прокопа. Позднее к небесным покровителям монастыря был присоединён св. Иероним. (9, 5–6)

Глаголическая часть Реймского евангелия включала в себя евангелия, апостольские послания, паремии на праздники по римско-католическому календарю на хорватском языке с вкраплениями чешских слов, привнесёнными переписчиком. В записи эта часть определена как написанная славянским языком.

Упоминаемый в записи св. Иероним (330–419) был одним из самых авторитетных католических писателей, который перевёл на латинский язык Библию и составил много богословских сочинений. Иероним считался славянином и создателем славянской глаголической письменности. Так что глаголическая часть книги, по мнению автора записи, была переводом святого писания на славянский язык, осуществлённым самим Иеронимом.

О возможности вести богослужение на славянском языке в Чехии шла вековая полемика. Немецкие священники яростно сопротивлялись такой практике, чешские патриоты её отстаивали. Чтобы противостоять критикам Эмаусского монастыря, в Реймское евангелие были включены сочинения двух авторитетных святых, практиковавших славянское богослужение.

Лидия Петровна Жуковская имела редкую для советского учёного возможность изучить текст Реймского евангелия в 1975 году во время его пребывания в Москве в качестве экспоната французской выставки. Её выводы положили конец многолетней дискуссии о времени и месте происхождения кириллической части текста. Дискуссия была бесплодна, так как до этого изучение велось по публикациям текста, изобилующим многочисленными ошибками. Из-за этого в определении места и времени их создания был большой разброс мнений. Жуковская:

*«Мы изучали только первую — кириллическую часть книги (далее называем её РЕ). Она оформлена скромнее глаголической. Но знакомство с ней в натуре, во всей её первозданной красе, изучение её **прекрасного устойчивого почерка**, начертаний отдельных букв, наконец, выверка текста имевшегося в нашем распоряжении недоброкачественного литографированного издания Сильвестра по подлинной рукописи РЕ, попутные лингвистические наблюдения над письмом и языком РЕ привели нас к заключению, что первая часть РЕ — очень древняя рукопись, **более древняя, чем четыре датированные рукописные книги второй половины XI в.** — Остромирово евангелие 1056–1057 гг., Изборник Святослава 1073 г., безымянный Изборник 1076 г. и Архангельское евангелие 1092 г. (они же древнейшие датированные и среди сохранившихся инославянских книг).*

*Знакомство с самой рукописью подтвердило и правоту А. И. Соболевского, который указал на **древнерусские черты языка**...*

*Диалектных особенностей языка в РЕ не прослеживается. Поэтому, скорее всего, оно **переписывалось в Киеве**». (9, 3–17)*

Кириллическая часть Реймского евангелия представляет собой древнерусскую рукопись и создана в первой половине XI века предположительно киевлянином. Для чеха было бы весьма странно да и непо-

сильно составить рукопись на древнерусском языке без привнесения элементов чешского. Иное дело, если Прокоп был русским эмигрантом. Рукопись могла быть привезена им с Руси или создана уже в Чехии.

В определении кончины Прокопа наблюдается расхождение дат. Только здесь разрыв значительно превышает восемь лет. В датировках иных событий ранней чешской истории искажения встречаются часто и обычно связаны с применением разных эр. Так, избрание чехами Войтеха в епископы хронист относит на 19 февраля 969 года — года смерти его предшественника епископа Детмара. Избрание было утверждено в Вероне немецким императором 3 июня. (15, 68) На самом же деле Оттон II пребывал в Вероне не в 969 году, а с середины мая по 18 июня 983 года. (35, 212) В воскресенье 3 июня 983 года Оттон II вручил Войтеху перстень и епископский посох, а в следующее воскресенье, 10 июня, майнцкий архиепископ Виллигис посвятил его в епископы. В понедельник 11 июня чешское посольство отправилось на родину.

В 983 году 19 февраля было понедельником, тогда как избрания епископов проходили по воскресеньям. Воскресным 19 февраля было в 982 году. После избрания в феврале 982 года нового епископа чехи более года добивались утверждения своего решения немцами. Хронисты замаскировали столь длительное неприятие немцами Войтеха в качестве епископа, соединив известия в статью одного года. Дата избрания Войтеха имеет погрешность в 13 лет.

Бароний под 980 годом пишет о поездке Войтеха, пробывшего три года пражским епископом, в Италию. (1, 1054) У него избрание ошибочно удревлено на шесть лет. Но здесь вкралась неточность иного рода: в действительности Войтех первый раз посетил Италию во время своей учёбы. Поездка состоялась в 980 году, за три года до посвящения в епископы. Причиной же поездки стал отъезд из Магдебурга Отрика, учителя Войтеха.

Отрик был учёным и педагогом магдебургской монастырской школы, дававшим своим воспитанникам прекрасное образование. Он поссорился с местным архиепископом Адальбертом, в честь которого был назван при пострижении в монахи Войтех, и уехал в свите Оттона II в Италию. Отрик был близок к Оттону, много лет до этого пробыв его

капелланом. Отсюда у Войтеха хорошие отношения с императорским двором. Войтех последовал за учителем.

Оттон II достиг Италии в ноябре 980 года. Приведённый Козьмой рассказ о дружественной встрече Войтеха с Оттоном II на Пасху в Аахене на самом деле относится к событию, произошедшему в итальянской Павии на Пасху 996 года, а встречался Войтех с Оттоном III, который относился к нему с большим почтением. (35, 57) Но связи при императорском дворе возникли у Войтеха ещё в годы его ученичества.

Отрик скончался 7 октября 981 года во время сопровождения императора, готовившегося к нападению на византийские владения в Южной Италии. (35, 41) Поэтому Войтех вернулся из Южной Италии в Чехию, которой должен был достичь в ноябре 981 года.

Кончина Детмара помечена 2 января 969 года, тогда как согласно времени избрания Войтеха он скончался 2 января 982 года. Вновь мы имеем разрыв в 13 лет, который существенно превышает восемь лет, чтобы можно было его устранить за счёт влияния «эры +8 года».

Начиная с 930 года идёт ряд сообщений из немецкой истории, среди которых есть вкрапления сведений о чешских событиях. Немецкие известия имеют даты моложе подлинных на один год, то есть даты представлены по «эре –1 года». Так, поражения венгров, датированные 934 и 938 годами, на самом деле были в 933 и 937 годах, Оттон I женился на Эдит не в 930 году, а в 929-м, Эдит скончалась не в 947 году, а в 946-м, комету наблюдали не в 942 году, а в 941-м, Оттон II умер не в 984 году, а в 983-м. Позднее в этот сбитый на год хронологический ряд вносили поправки по иным источникам. Так, кончина короля Генриха I Птицелова отнесена к правильному 936 году.

Исходя из «эры –1 года» войну Болеслава I с Оттоном I следует отнести на 949 год, что соответствует дате немецко-славянской войны у Барония. Войну можно связать с венгерским нашествием, случившимся несколько позднее. (1, 1041) Немцы потерпели поражение от венгров близ баварской границы в верховьях реки Траун в четверг 9 августа 949 года. (35, 207) Поход состоялся в неурочное для венгерских военных предприятий время года. Венгров натравили пострадавшие от немцев чехи. Кончина Добравы-Дубравки произошла в 976 году, Слав-

ника, отца Войтеха, — в 980 году, Стрежиславы, матери Войтеха, — в 986 году, принятие Войтехом монашества в римском монастыре — в 989 году.

Но уже кончина Войтеха датирована 996 годом, тогда как он погиб в 997 году. Перед нами смена «эры –1 года» на «эру +1 года», при которой к датам нужно прибавлять год, чтобы получить дату по нашей эре.

Избиение братьев Войтеха помещено в статье 995 года. Согласно Житию Адальберта, написанному Бруно, нападение на Славниковцев в их столице Любице началось накануне праздника св. Вячеслава в пятницу и продолжалось до вечера субботы. Память св. Вячеслава отмечается 28 сентября, которое было субботним в 995 году. Но в действительности святой погиб 26 сентября. Его чествование под 28 сентября в столь раннюю эпоху сомнительно.

Относить память св. Вячеслава на 28 сентября стали гораздо позднее, когда уже была утрачена живая память и события приходилось восстанавливать по противоречивым письменным источникам. Бруно же интересовался жизнью Войтеха, с судьбой которого у него были пересечения. В разное время они закончили лучшую в северо-западной Европе школу при монастыре св. Морица в Магдебурге, были монахами одного и того же римского монастыря св. Алексия, занимались миссионерством в Венгрии и Польше. Бруно погиб 9 марта 1008 года и был современником описываемых событий.

26 сентября приходилось на субботу в 996 году. Славниковцев убили 26 сентября 996 года во время праздничной службы в честь апостола Иоанна Богослова.

Согласно намёкам Козьмы, в гибели Славниковцев были повинны Вершовичи, близкие родственники князя Вячеслава. Совпадение дня года двух разделённых десятилетиями трагедий говорит о том, что Вершовичи специально выбрали праздник Иоанна Богослова для сведения счётов с враждебным им родом.

Славниковцы были, подобно старорусским христианам, поклонниками Иоанна Богослова, и их можно считать старочешскими христианами-иоаннитами. Вячеслав опирался на род Вершовичей, из которого происходила его мать, ревностная католичка, повинная в гибели почи-

таемой старочешскими христианами Людмилы. В 936 году рвавшийся к власти Болеслав нашёл опору в Славниковцах и справлял в Болеславле праздник, на который съехались поклонники апостола. Вячеслав погиб, попав во враждебное окружение разгорячённых пиром религиозных противников.

Открытое перенесение мощей Вячеслава в Прагу говорит о том, что Болеслав I не считал себя виновным в гибели брата. Один из родившихся ещё при жизни Болеслава I его внуков был назван Вячеславом в честь погибшего. (15, 77) Выбор Вершовичами дня для мести также говорит об этом. Вячеслав погиб от руки зличанских иоаннитов. Но чтобы не бросать тень на род, из которого происходил глубокочтимый Войтех, злодеяние его предков было предано забвению, а вина за гибель Вячеслава была возложена на Болеслава.

Страхквас, прошедший учёбу у немцев, внезапно умер при дворе майнцкого архиепископа, куда прибыло чешское посольство с ходатайством о назначении его пражским епископом. Он, видимо, был отравлен, так как появление во главе чешской церкви родного брата чешского правителя не отвечало немецким интересам. Преемником стал Тегдаг.

Козьма датирует посвящение Тегдага 7 июля 998 года. Но рассказ об этом наполнен только пражскими реалиями, тогда как посвящения пражских епископов происходили либо при императорском дворе, либо в Майнце у тамошних архиепископов, которым подчинялась чешская церковь. Так что перед нами не посвящение, а избрание нового епископа чешской знатью.

Рассказы о Тегдаге противоречивы, что обусловлено редакторскими правками. Согласно Козьме, его выбрал император Оттон III. Согласно более беспристрастному Титмару, Тегдаг излечил Болеслава от болезни и князь выпросил у императора для своего любимца звание епископа. Тегдаг был саксом, хорошо знавшим славянский язык.

Судя по сведениям Титмара, немецкие архиереи посвящались в сан по пятницам, субботам и воскресеньям. Для славянской традиции была характерна более жёсткая привязка таких событий к воскресеньям. В 998 году 7 июля было четвергом, в 997 году — средой, в 996 году —

вторником, что не соответствует ни той ни другой традиции. Воскресным 7 июля было в 995 году.

Тогдага избрали 7 июля 995 года, задолго до кончины Войтеха. До назначения Тогдага произошла неудачная попытка возведения в чешские епископы Страхкваса.

Титмар оставил такой рассказ:

*«В начале лета в Рим пришёл чешский епископ Адальберт, при крещении получивший имя **Войтех**, но иначе названный епископом Партенопольским (Магдебургский архиепископ. — В. Т.) при конфирмации. Он был обучен наукам в том же городе (Магдебурге. — В. Т.) вышеупомянутым Отриком (преподавателем магдебургской монастырской школы. — В. Т.). Не сумев увещеванием слова Божия отвлечь вверенных ему от старых гнусных заблуждений, он, **отлучив их всех**, прибыл в Рим для оправдания себя перед папой. С его разрешения он **долгое время жил** по строгим правилам аббата Бонифация, служа добрым примером. Позже, при одобрении того же отца, он пытался укротить сердца пруссов, далёких от Христа, уздой святой проповеди, но **23 апреля** был пронзён копьём и обезглавлен, единственный из своих обретя без всякого стона всегда желаемое им мученичество». (35, 57)*

Последовательно изложив немецкие события до 13 декабря, хронист переходит к итальянским делам первой половины года. Оттон III, справив Рождество в Кёльне, отправился в Италию. Рассказ о Войтехе помещён сразу же за известием о возведении Оттона в императорское достоинство на Вознесение 21 мая, то есть в 996 году. Вроде бы Войтех приехал в Рим в 996 году. Но Титмар пользовался источниками, имевшими разные эры.

За рассказом о Войтехе следует сообщение о кончине епископа Бернварда, который в действительности умер 20 сентября 995 года. (35, 216) Коронация Оттона помечена индиктом 8, тогда как в 996 году был индикт 9. Если к дате по нашей эре прибавлять 5508 и сумму делить на 15, то остаток даёт значение индикта. Индикт 8 означает, что для вычислений брали 997 год, то есть использовали «эру – 1 года».

Итальянские известия начинались с 25 декабря 996 года по «эре – 1 года», поэтому были ошибочно поставлены после событий 13 дека-

бря 996 года по нашей эре. Менее значительные по сравнению с коронацией сведения итальянского источника о Войтехе и Бернварде были переставлены и приведены после рассказа об Оттоне.

Войтех прибыл в Рим в начале лета 995 года, но известие об этом датировано 996 годом по «эре –1 года». Войтех отлучил от церкви свою чешскую паству, а значит, закрыл для богослужения все храмы. Для столь решительного шага следовало выбрать наиболее подходящее время. Поздние хронисты уже умалчивают об этом экстремистском поступке.

Чтобы оказаться в начале июня в Риме, нужно было покинуть Прагу не позднее начала мая. В 995 году Пасха была 21 апреля, что близко ко времени предполагаемого отъезда. Психологически отлучение во время Великого поста, когда все мысли верующих направлены на преодоление своей греховности, предпочтительнее отлучения вскоре после Пасхи, во время которой происходит радостное единение священников и мирян. Войтех затворил церкви до Пасхи, чем навлёк на себя ярость народа, от которой бежал в Рим — оправдываться перед папой.

Пасху 995 года чехам пришлось справлять под руководством спешно избранного в епископы Страхкваса. Это избрание и сведения Козьмы о попытке Войтеха передать епископский посох Страхквасу говорят о том, что Войтех отказался от руководства епархией. Но его отказ должно было утвердить церковное начальство.

В июне чешское посольство отправилось в Майнц для посвящения Страхкваса. Майнцкий архиепископ оказался в затруднении, так как до официального снятия с Войтеха звания не имел права назначать на пражскую епархию никого иного. Внезапная смерть Страхкваса решила все проблемы. Но чехи на место умершего избрали 7 июля нового епископа. События, занимающие у Козьмы несколько лет, на самом деле развивались гораздо стремительнее.

Козьма считал, что папа по просьбе Войтеха освободил его от высокого пастырского долга. Но его же рассказ о том, что император разрешил Войтеху вернуться на родину, этому противоречит. (15, 68–74) На Пасху 996 года Войтех заручился императорской поддержкой не для того, чтобы вернуться в Чехию простым монахом. Бароний пишет

о том, что папа Григорий в 996 году направил Войтеха в Чехию. Но несмотря на высокое покровительство, чехи отказались принять беглеца, и тому пришлось уехать в Польшу. Ненависть к епископу обратилась на его родню, что привело в сентябре этого года к любичской резне. В 997 году Войтех отправился просвещать язычников пруссов и 23 апреля был убит их жрецом.

Тогдага утвердили только после кончины Войтеха в июне 997 года. Рассказ о его избрании перемещён на место рассказа о посвящении, которое датировано годом по «эре – 1 года».

Причину превратностей Войтеха помогает понять приписка из «Жития св. Кирилла»:

*«Потом же многом лета минувшим, **пришед Войтех** в Мораву и в Чехы, и в Ляхы, **разрушил веру правую и русскую грамоту отверже**, а латинскую веру и грамоту постави». (15, 261)*

Несмотря на своё чешское происхождение, Войтех-Адальберт с ревностью неопита истреблял всё отличавшееся от католических канонов. Фанатизм епископа привёл к тому, что ему пришлось покинуть родину и закончить свою жизнь на чужбине.

Войтех бросал епископскую кафедру и до бегства 995 года. В более раннее время он нашёл прибежище в знакомой ему Италии, где стал монахом монастыря св. Алексия. Обычно считается, что в Рим он уехал в 989 году, а в Чехию вернулся по просьбе Болеслава II Набожного в 993 году. Он приехал в Рим, действительно, в 989 году, в котором, согласно сведениям Козьмы, принял монашество. Но нужда в Войтехе у Болеслава возникла раньше 993 года.

В 990 году поляки захватили принадлежавшую Чехии Силезию. В июле разразилась польско-чешская война. Это означает, что победоносный для поляков поход на Силезию состоялся в военном июне. Чехи призывали на помощь язычников лютичей, поляки — немцев. Болеславу I Грозному удалось заключить мир с возглавлявшими немецкое войско феодалами, но, несмотря на их посредство, Мешко I занятых земель не вернул. Во второй половине 990 года поляки и чехи, будучи вассалами немецкого императора, должны были усиленно хлопотать при немец-

ком дворе о решении конфликта в свою пользу. Войтех имел связи как при дворе императора, так и при римской курии, поэтому Болеслав I должен был озаботиться возвращением сбежавшего епископа с середины 990 года.

По данным Барония, Войтех первый раз побывал в Риме в 980 году, через три года после своего поставления в епископы, в 983 году второй раз приехал в Рим и пять лет провёл в монастыре, в 989 году был призван чехами обратно, но вскоре уехал в Венгрию, где крестил Стефана, в 990 году добрался до Рима, где прожил ещё пять лет, в 996 году по указанию папы Григория отправился в Чехию.

Реальная хронология всех событий, кроме последнего, сдвинута относительно помещённых при них дат, хотя все даты сами по себе подлинны и отмечают важные вехи в жизни Войтеха. Если мы устраним редакторские переделки, то получим для второй поездки 989 год в качестве начала пребывания в Риме и 990 год — в качестве даты отъезда на родину. Войтех дважды по пять лет провёл не в римском монастыре, а на чешской епископской кафедре. Какой-то его доброхот увеличил срок благочестивой монастырской жизни за счёт не очень удавшегося епископского служения.

В Венгрии Войтех крестил княжича Вайка, позднее ставшего венгерским королём Стефаном I Святým, во время первого бегства из Чехии, а не второго, как это обычно считается. Хотя и в 995 году он мог посетить эту страну по пути в Италию.

В Венгрии ещё с середины X века стало распространяться православие. Уход наследника престола в католичество облегчился тем, что Византия была объята мятежом Варды Фоки, исход борьбы с которым до апреля 989 года был неясным, и поэтому православие для венгерской знати стало гораздо менее привлекательным. Это косвенно свидетельствует в пользу того, что Войтех прибыл в Венгрию не позднее апреля.

Время обучения Войтеха Козьма определил в 10 или более лет. Войтех родился в 955 году и совершеннолетия достиг в 973 году. Возвращение Войтеха Козьма сближал с его посвящением в 983 году. О его более раннем возвращении уже в конце 981 года он не знал. Всё это говорит о том, что Славник отправил сына Войтеха учиться за границу к като-

ликам в 973 году. Реальное его обучение продолжалось восемь лет, но с начала обучения до посвящения в епископы прошло десять.

По времени начало учёбы совпадает с началом правления Оттона II, женатого на византийской царевне Феофано. Сближение Византии с Германией улучшило отношения чешских иоаннитов с немцами, и чешскую знатную молодёжь стали отпускать на учёбу в немецкие земли. При немецком дворе чешские иоанниты в первую очередь должны были завести дружеские связи с греческим окружением императрицы.

Монастырь св. Алексея был открыт как для католиков, так и для православных греков. Бароний под 990 годом пишет о том, что в одно время с Войтехом в нём находились бежавшие из Греции Григорий, Нил, Иоанн и Страт. Позднее Нил был в числе тех, кто добивался прославления пострадавшего за веру Войтеха. Сближение востока и запада в эпоху императрицы Феофано сказывалось в религиозной сфере.

В свою первую поездку в Италию в 980 году Войтех направился в составе императорской свиты. В 989 году фактической правительницей империи была Феофано, так как её сыну Оттону III было всего девять лет. В этом году, согласно Баронию, она посетила Италию. Войтех в своей второй поездке присоединился к императрице. Получив в Венгрии известие о намеченной поездке в Италию, он направился в составе свиты императрицы в Рим для отчёта перед папой за оставление своего поста, в надежде на заступничество знакомых ему придворных вельмож.

Бегство епископа ухудшило отношения Болеслава I с католической церковью и императорским двором. Этим и воспользовался Мешко I для решения территориального спора, напав на Силезию. После возвращения Войтеха Болеславу I пришлось задабривать епископа щедрыми пожертвованиями, на которые тот основал в 990 году под Прагой Бревновский монастырь.

Ожесточение, которое вызывали действия католического епископа по искоренению славянского богослужения в Чехии, говорят о силе этой традиции ещё в конце X века.

Козьма датировал кончину Болеслава II 7 февраля 999 года. К этому же году отнесено рукоположение в епископы Гнездно Гауденция-

Радима, брата Войтеха. В действительности Радим стал архиепископом Польши в марте 1000 года. (35, 63) Это значит, что Болеслав скончался 7 февраля 1000 года, а дата его смерти приведена по «эре +1 года».

Особое внимание к семье Войтеха говорит о том, что сообщения с «эрой –1 года» взяты из хроники, начало которой составил сам Войтех, отличавшийся учёностью и пристрастием к книгам. Смену эры следует связать с продолжением хроники сторонниками Тегдага, использовавшими «эру +1 года». Вкрапление этой эры наблюдаем уже в статье 972 года, в которой сообщается о кончине аугсбургского епископа Ольдриха, в действительности умершего в 973 году. (15, 260)

Наряду с хронологическими сбоями из-за применения разных эр шла и редакторская переработка записей. Так, порочащий Войтеха отказ от церковного престола был замаскирован переносом даты избрания его преемника на время после кончины Войтеха. Сильным искажениям подверглась часть хроники, посвящённая бурным событиям чешской междоусобицы, последовавшей после смерти Болеслава II. Но среди искажённых дат есть и правильная — дата избиения Вершовичей в 1003 году.

Кончина Тегдага отнесена Козьмой на 11 июня 1017 года, а назначение его преемником Эккарда — на 1018 год. Более точный Титмар датирует кончину Тегдага-Тиддега 10 июня 1017 года, а посвящение Эккарда-Эккихарда — октябрём 1017 года. Разница в один день говорит о том, что Тегдаг скончался в понедельник 10 июня 1017 года, но запись была сделана по «эре –1 года» и стало считаться, что он умер во вторник 10 июня 1018 года. После того как по другим источникам вернули правильный 1017 год, пришлось исправлять и день кончины, чтобы получить закрепившийся в традиции неправильный вторник.

Титмар пишет о многократном изгнании Тегдага после смерти Болеслава II одноимённым сыном усопшего. (35, 156) Болеслав III Рыжий правил недолго. Репрессии против Яромира и Ольдриха, его сводных братьев от немки Эммы, и их пронемецки настроенных сторонников шли летом 1002 года. Осенью этого же года Болеслав III был свергнут, и его место занял Владивой-Андрих. Владивой примирился с немцами, но вскоре был отравлен. С Вершовичами, сторон-

никами скончавшегося Владивоя, вернувшийся к власти Болеслав III расправился весной 1003 года. Затем Чехией правил польский князь Болеслав I Великий. В 1004 году чехи при помощи немцев изгнали поляков, и князем стал Яромир.

Сакс Тегдаг был изгнан дважды — летом 1002 года и весной 1003 года. Он возвращался в Чехию осенью 1002 года при Владивое и в 1004 году — вместе с немцами и Яромиром.

Козьма описывает мученическую кончину от руки разбойников 11 ноября 1004 года пятерых польских монахов, а под 1006 годом — кончину Эммы-Геммы, матери Яромира. В 1004 году 11 ноября было субботой, а в 1003 году — четвергом. Военный четверг более подходит для разбойного нападения польских язычников на монастырь. Рассказ датирован по «эре –1 года».

Согласно житию Ромуальда, среди польских монахов были два ученика этого почитаемого в Италии святого мужа. Болеслав I Великий решил воспользоваться их посредничеством, чтобы выхлопотать в Риме королевскую корону, и снабдил монахов золотом, от которого те отказались (1, 1069). Козьма вместо дефицитного для Польши золота ведёт речь о 100 гривнах серебра, выданных на монастырские нужды.

Весной 1003 года поляки захватили Чехию, но для её удержания им нужно было договориться с императором и папой, поэтому деньги предназначалось для приобретения не короны, а Чехии. Нападение разбойников могло помешать планам польского правителя, но денег в обители лихие люди не нашли. Козьма считал, что монах Барнабаш успел вернуть их князю. Дамиан сообщает о том, что один из монахов этого монастыря достиг Рима и там уже узнал о гибели пославших его собратьев. (1, 1070) Звонкую монету доставили по назначению, но Чехию полякам удержать не удалось. Разбойники прослышали о передаче крупной суммы денег монахам, но ко времени их нападения деньги были уже вывезены в Италию.

Во время изгнания Тегдага и после его кончины происходило возвращение в чешское летописание «эры –1 года». Кончину Эммы сле-

дует датировать по господствовавшей в эпоху Тегдага «эре +1 года», то есть 1007 годом.

Обе чешские эры, отличавшиеся на один год от обычной для католической традиции нашей эры, присутствовали в западноевропейских хрониках в качестве местных систем летосчисления. Чехи заимствовали их из каких-то центров католической учёности. Бытование подобных провинциальных эр свидетельствует об оппозиционности использовавших их писателей официальной культуре и политике папского Рима.

У Козьмы есть рассказ о романтической любви княжича Брячислава к немецкой красавице Юдифи. Брячислав выкрал в 1021 году понравившуюся ему девушку из баварского монастыря и женился на ней. Ольдрих женился на Предславе Владимировне весной 1014 года, и в 1021 году Брячиславу самое большее было шесть лет. В брачный возраст он вступил не ранее 1033 года. Разница с предложенной Козьмой датой насчитывает 12 или более лет. Далее под 1022 годом сообщается о преследовании в Польше христиан. Христианские погромы в Польше шли после кончины Мешко II, которую обычно относят к 1034 году. Разница здесь также в 12 или более лет.

Разницу в 12 лет даёт использование иконоборческой «эры –5496 года». При переводе с неё в нашу эру вычитанием 5508 лет даты ошибочно удревляются на 12 лет.

В основе датировки кончины епископа Детмара лежит «эра –5496 года». Но эта эра была осенней и исходя из её использования кончину следует отнести на 981 год. В этом случае мы получаем годичный разрыв между кончиной Детмара и избранием Войтеха. Годичную задержку утверждения немцами Войтеха можно связать с нежеланием видеть на чешском престоле славянина. Но для годичного разрыва между кончиной Детмара и избранием Войтеха логичного объяснения нет. Козьма прямо указывает на то, что оба события произошли в один год, и помещает их в общую годовую статью. Судя по всему, кончина Детмара была отнесена к 970 году, то есть к 982 году нашей эры, но затем по каким-то причинам дата была исправлена на 969 год. Это дало разницу в 13 лет.

Брячислав согласно «эре –5496 года» вроде бы женился на Юдифи в 1033 году. Но этот год нельзя признать удачным для свадьбы, так как Яромир в 1033 году захватил чешский престол и изгнал своего брата Ольдриха из Чехии. Правление Яромира продолжалось недолго. Уже в следующем году он был свергнут и ослеплён при помощи Вершовичей. Свадьбу Брячислава следует отнести к 1034 году.

Первоначальная дата свадьбы была исправлена на год. Из-за редакторских правок часть дат чешской истории, первоначально проставленных по «эре –5496 года», стала отличаться от подлинных на 13 лет. Так появилась искусственная «эра +13 года». Ею, в частности, датировано избрание Войтеха в епископы. Сокращение при редактировании временного разрыва между избранием и посвящением привело к тому, что для даты посвящения Войтеха расхождение с реальной хронологией увеличилось до 14 лет.

Детмар скончался «немного дней спустя», после того как освятил церкви и крестил многих язычников. Он пробыв епископом недолго и был посвящён в сан в предшествующем кончине 981 году. Его избрание было связано с приездом Млады из Рима в том же 981 году. Именование подписавшего грамоту папы Иоанном следует отнести на счёт правок редактора, пытавшегося привести попавший в его руки материал в соответствие с реальной хронологией. Иоанн XIII был римским папой в 965–972 годах. В 981 году римским папой был Бенедикт VII. Такому же исправлению подверглось имя немецкого императора: Оттон II был заменён на своего отца Оттона I, правившего до 973 года.

Козьма датирует смерть Болеслава I Грозного 15 июля 967 года. Но начало княжения его преемника и сына Болеслава II Набожного исследователи обычно относят к 972 году. Рассказ о кончине Болеслава I перетекает в рассказ об устройении чешской епархии при его сыне. Исходя из логики повествования кончину следует приблизить к 981 году и предположить влияние «эры –5496 года».

Титмар пишет:

«В 976 г. от воплощения Господня **Генрих, герцог Баварии**, лишённый удела и церковного причастия, бежал в Чехию. Против него, пребывающего

у князя Болеслава, с сильным войском **выступил император**; однако, действуя против них обоих, **успеха не имел**.

Напротив, благодаря **хитрости** одного из воинов Болеслава был **истреблён большой отряд баварцев**, пришедший сюда на помощь Оттону и разбивший лагерь возле города Пльзень. С наступлением вечера баварцы, моясь, не выставили для своей безопасности никакой охраны. И вот пришли вражеские латники и перебили их голых, бегущих им навстречу, в палатках и на зеленом лугу; после чего, весёлые и невредимые, с большой добычей, вернулись домой.

Император же, когда узнал о потере стольких мужей и о том, что все дороги для отступления закрыты, прямым путём устремился к своему городу под названием Хам, только в следующем году добившись подчинения **бежавшего в Пассау герцога**». (35, 38)

Баварский герцог Генрих бежал из Чехии в Пассау, потому что в следующем 977 году Оттон II повторил свой поход в Чехию, который был успешным. Болеславу пришлось признать себя вассалом императора. (35, 210) Упорное противостояние немцам более характерно для Болеслава I, чем для его миролюбивого сына. Оттон I добился подчинения Болеслава I после многолетней борьбы. После кончины императора в 973 году чешский князь стал свободным от принятых в 949 году обязательств, и мятежный Генрих бежал в независимую от императорской власти Чехию. Болеслав I в 977 году был ещё жив.

Подвиг полководца Болеслава, внезапным нападением разгромившего баварский отряд, разъясняет одно из известий Козьмы. Под 968 годом он сообщает о смерти дружинника Вока. Судя по лаконичности светских известий в его сочинении, Вок был незаурядным человеком. Католические писатели Чехии истребили неприятные для них сведения о войнах чехов с немцами. Но память о Воке, анонимном герое войны 976 года из рассказа Титмара, уцелела. Чтобы искусственно продлить срок церковного правления сакса Детмара, его избрание поместили в статью, предшествующую статье 968 года. На самом деле Вок умер в 980 году, предшествующем избранию Детмара.

Вок был воеводой Болеслава I, при котором возвысилось семейство зличанских князей, приведших его на престол. Воевода Чехии должен был принадлежать к этому семейству. В 980 году скончался Славник, глава зличанского княжеского рода. Мы можем отождествить Вока со Славником. Использование малоизвестного имени *Вок*, то есть *Волк*, было связано с нежеланием хронистов показывать отца Войтеха истребителем баварцев.

Согласно «эре –5496 года» Болеслав I скончался 15 июля 979 года. Если учесть поправку в год, увеличивавшую разрыв с подлинными датами до 13 лет, то кончину нужно отнести к 15 июля 980 года. 15 июля в 967 и 972 годах было понедельником. 972 год появился в результате компромисса между противоречивыми хронологическими указаниями о времени смены власти в Чехии.

Сообщение о Воке имеет характер поздней вставки. Убрав его, мы видим, что приезд Млады первоначально описывался в статье 968 года. Хронология событий, относимых к 968 и 969 годам, отличается от подлинной на 13 лет, а их содержание тесно связано с содержанием статьи 967 года. Исходя из этого смерть Болеслава I нужно датировать 980 годом. Смена власти уже в следующем году привела к примирению с немцами и водворению в Чехии епископа-сакса.

В 980 году 15 июля было военным для славян четвергом и недалеко отстояло от военного июня. Воинственный Болеслав I, несмотря на груз прожитых лет, погиб в каком-то сражении. В том же году скончался его воевода Славник. На западе в немецких землях царил мир, а вот на востоке было неспокойно.

Летом 980 года на Руси шла междоусобица между Владимиром Святým и Ярополком. Летом следующего года победивший в схватке с братом Владимир обрушился на Польшу, которая причинила Руси какой-то ущерб. В ходе войны русы захватили червенские города, населённые родственными чехам хорватами. Спор шёл за хорватские земли, до этого принадлежавшие Чехии. Летом 980 года поляки воспользовались русской смутой и захватили спорные земли восточных хорватов. Чехи вступились за своих подданных, но 15 июля потерпели поражение, в котором погибли их князь и воевода.

Отголоски трагических событий покорения поляками восточных хорват сохранились у Козьмы, который перенёс их в эпоху правления нелюбимого им Болеслава III:

«О том, насколько славный князь Болеслав II, поистине ещё и сегодня достойный оплакивания, — да будет благословенно имя его — с помощью меча расширил границы своего княжества, об этом свидетельствует апостольская власть в грамоте Пражского епископства. После смерти [Болеслава II] ему в княжестве наследовал сын его, как было сказано, Болеслав III. Но он не имел отцовской удачи и счастья в делах и не сохранил достигнутых границ. Ибо польский князь Мешко, коварнее которого не было другого человека, вскоре с помощью хитрости захватил город Краков и всех чехов, которых застал там, уничтожил мечом». (15, 79)

Упоминаемая грамота Пражского епископства приводится далее по тексту. На востоке границы Пражской епархии в ней определены так:

«Отсюда на восток имеет границей реки Буг и Стырь с городом Краковом и областью, которая называется Ваг, со всеми округами, относящимися к вышеназванному городу, каковым является Краков». (15, 151)

Буг и Стырь обозначают русскую Волынь. Грамоту римского папы привезла в Прагу в 981 году Млада. Зафиксированные в ней границы Чехии, в которых папа разрешал образовать епархию, сложились к концу правления Болеслава I Грозного. Этот князь в течение 44 лет расширял мечом пределы своей страны. Его деяния были приписаны любимому немцами Болеславу II. После гибели Болеслава I созданная им держава начала разваливаться. В июне 980 года Мешко I присоединил к Польше Краков, перебив местную чешскую знать, а в следующем месяце разбил подошедшую армию Болеслава I. В июне следующего года русы забрали Волынь и Червенские города, а в июне 990 года к полякам отошла чешская Силезия.

Рождение Спитигнева, первенца Брячислава, датировано 1031 годом. (15, 95) В статье этого же года сообщается о посвящении Севера в чешские епископы на праздник апостолов Петра и Павла, то есть 29 июня. В 1031 году 29 июня было вторником. Воскресеньем оно было в 1035 го-

ду. Рождение Спитигнева и посвящение Севера следует отнести к 1035 году и признать существование «эры –5504 года», из-за которой даты ошибочно удревляются на четыре года. Дата рождения первенца Спитигнева соответствует свадьбе его отца в предшествующем году.

В описании чешских событий первой половины XI века встречаются даты по нашей эре. Так, посвящение в епископы Иззо, сменившего скончавшегося 8 августа Экарда, отнесено к воскресенью 29 декабря 1023 года.

После пустой статьи 1030 года в недатированной статье, которую нужно отнести к 1031 году, говорится о разорении Брячиславом Венгрии. Напасть на Венгрию Брячислав мог не ранее 1034 года, в котором он стал моравским князем, незадолго до женитьбы на Юдифи. Здесь же приведено сообщение о кончине Иззо 30 января. Иззо скончался в 1035 году, в котором был назначен его преемник. В основе датировки статьи также лежит «эра –5504 года». Нападение на Венгрию произошло в 1035 году.

Кончина Болеслава, ослеплённого князем Мешко, отнесена к 1037 году, а Ольдриха — к 9 ноября этого же года. На погребение Ольдриха приехал его ослеплённый брат Яромир, который участвовал в обряде возведения на престол Брячислава. Яромир ругательно отозвался о роде Вершовичей, повинных в его ослеплении. Спустя несколько дней Вершовичи подослали убийцу, который прирезал слепца в отхожем месте. Кончина Яромира приурочена к 4 ноября 1038 года, что недостоверно. В определении дня кончины было утрачено обозначение десятка. Яромира убили 14 ноября.

1038 год появился из-за ошибочного согласования 9 ноября и 4 ноября. На самом деле оба брата скончались в ноябре одного года. Поздний книжник решил, что убийство произошло 4 ноября следующего года, и разделил статью 1037 года на две.

Яромир в момент кончины очищал желудок. Его ссора с Вершовичами, судя по всему, произошла на пиру в честь вокняжения Брячислава. Славянские князья торжественно восходили на престол по воскресеньям. 14 ноября было воскресным в 1036 году. Ольдрих и Яромир скон-

чались в ноябре 1036 года, а годичный сбой произошёл из-за влияния «эры –1 года».

Болеслава III ослепили в 1003 году по приказу Болеслава I Великого, которого Козьма зачастую именуется Мешко. Кончина в одном и том же году двух ослеплённых братьев-князей маловероятна. Скорее всего, сводчик нашёл два разных известия о гибели ослеплённого чешского князя, под которым скрывался Яромир, и одно из них ошибочно связал с Болеславом III, в действительности скончавшимся значительно раньше.

Под 19 мая 1046 года сообщается об освящении монастыря в городе Болеславле. 19 мая было воскресеньем в 1045 году. Дата приведена по «эре –1 года». Несколько далее по тексту под 1060 годом сообщается о решении князя Спитигнева расширить пражскую церковь св. Вита, из-за того что в праздник св. Вячеслава она не вмещала всех желающих в неё попасть. Особенный наплыв народа приходился на год, когда празднование святого приходилось на воскресенье. 26 сентября было воскресным в 1059 году, когда наблюдавшему толчею Спитигневу пришла благая мысль о новом строительстве. Как видим, в середине и второй половине XI века продолжала применяться «эра –1 года», введённая Войтехом.

Под 9 октября 1045 года говорится о кончине монаха Гюнтера. Бароний под этим же годом поясняет:

«Сего лета Гунтер, сродник Стефана, короля венгерского, монашеское житие в монастыре Бревновенском недалеко от Праги благополучно сконча». (1, 1108)

Запись о знатном обитателе Бревновского монастыря свидетельствует о ведении хроники. Записи с «эрой –1 года» следует связать с традицией этого монастыря. Гюнтер скончался 9 октября 1044 года, Божена, супруга Ольдриха, умерла в 1051 году, возвращение Польше Вроцлава и иных захваченных чехами земель состоялось в 1053 году, Брячислав скончался 10 января 1054 года.

В чешской летописной традиции существовал калейдоскоп западных и восточных эр, бытование которых отражало сложные процессы

противоборства между теми, кто искал опоры в немцах, и теми, кто отстаивал чешскую независимость.

В эпоху Болеслава I в Чехии процветала связанная с иоаннитами «эра –5496 года». В эпоху Брячислава мы встречаем бытовавшую в это время на Руси так называемую болгарскую «эру –5504 года». Ольдрых начал возведение Сазавского монастыря для своего духовника Прокопа в конце жизни, так как заканчивать строительство пришлось уже его сыну Брячиславу. Традиционный для начала строительства 1032 год не соответствует этой ситуации. Но зато в соответствии с «эрой –5504 года» начало строительства пришлось на 1036 год, в конце которого скончался Ольдрых.

Ранняя дата кончины Прокопа Сазавского отличается от поздних на 16 и 14 лет. Ошибочное удревление на 16 лет могла бы дать «эра –5492 года». Но ни на Руси, ни в Чехии той эпохи бытование такой эры неизвестно, поэтому остаётся «эра –5496 года».

1 апреля в 1039 году было воскресеньем, в 1053 году — четвергом, в 1055 году — субботой. В православных святцах память св. Прокопа Сазавского отмечается в один день с памятью св. Людмилы — 16 сентября. 16 сентября также было воскресеньем в 1039 году, четвергом — в 1053 году, субботой — в 1055 году. Перенос дня памяти Прокопа и его общее с Людмилой почитание следует связать с тем, что он скончался в тот же день недели, что и жившая на век раньше него святая. Людмила погибла в среду. Средой было 1 апреля 1052 года. С этой датой и следует связать кончину Прокопа. Расхождение с 1039 годом составляет уже известные нам 13 лет. 1053 год появился из-за влияния «эры –1 года».

Католический день памяти Прокопа 4 июня в 1055 году был воскресным и совпадал с Троицей. Прокоп скончался в Великий пост. Пасха в 1052 году отмечалась 19 апреля, в 1039 году — 15 апреля, в 1055 году — 16 апреля. Католический год, видимо, получился из-за былой привязки дня кончины к дате Пасхи, которая в 1055 году почти совпадала с Пасхой 1039 года.

Ганка почерпнул 1039 год из какого-то источника, в котором говорилось о русском происхождении Прокопа. Источник этот восходил

к записям монастыря чешских иоаннитов, так как в основе даты лежит «эра –5496 года». Эти записи попали к католическим последователям Войтеха, которые перевели дату на свою «эру –1 года». В результате получилась искусственная «эра +13 года».

В Чехии XI века Сазавский монастырь был опорой славянского богослужения, которого придерживались иоанниты. С Сазавским монастырём и следует связать происхождение записи о кончине его основателя. В 1080 году князь Вратислав, сын Брячислава, хлопотал в Риме о разрешении в Чехии славянской литургии. Но в 1097 году славянские монахи были из Сазавского монастыря изгнаны, а их место заняли бенедиктинцы из Бревновского монастыря. Естественно, что в преданиях новых насельников Сазавского монастыря его основатель значился уже как правоверный католик и бенедиктинский монах. Записи же прежних обитателей были отредактированы.

Сведения Ганки о русском происхождении Прокопа опираются на авторитетную традицию чешских иоаннитов, среди которых Прокоп провёл много лет. Прокоп, автор кириллической части Реймского евангелия, был русским. Этот русский эмигрант был незаурядной личностью. Его почитали чешские князья, а авторитет среди простых чехов был таков, что католики были вынуждены признать его святость, несмотря на то что он принадлежал к враждебным для них иоаннитам. Сведения легенд и преданий говорят о том, что Святополк остался жив, ушёл в монастырь и был в нём похоронен. Следует отождествить русского эмигранта Прокопа с русским эмигрантом Святополком.

На момент появления Святополка Ярополчича в придунайских странах здесь ещё существовала традиция славянского богослужения. В одном из монастырей с такой традицией он нашёл себе прибежище. В 1019 году 22 марта было воскресенье. Это значит, что чудесно исцелившийся от тяжёлого ранения Святополк Ярополчич в этот день ушёл из мирской жизни, постригшись в монахи и начав новую жизнь, полную духовных подвигов.

При пострижении принимали новое имя, обычно начинавшееся с той же буквы, что и прежнее. Крестильным именем Святополка было имя *Пётр*, поэтому он стал Прокопом. Но случилось это позднее 22 мар-

та 1019 года. Принятие монашества осуществлялось по воскресеньям, а имя принималось в честь одного из святых, прославляемых в этот день. 22 марта чествуется св. Василий Анкирский, и Святополк должен был принять имя *Василий*. Имя *Василий* носил креститель Руси Владимир Святой, и Святополк выбрал имя своего приёмного отца. Монахи меняли имя ещё раз — при принятии схимы. Судя по всему, *Прокоп* — имя, принятое в схиме в честь св. великомученика Прокопия Кесарийского. Небесным заступником Владимира Святого был св. Василий Кесарийский. Так что и здесь мы наблюдаем переключку имён.

Легендарный Святополк примкнул к трём местным отшельникам. Обычно монастырь насчитывал 12 монахов. Это говорит в пользу того, что Святополк Ярополчич странствовал в окружении восьми спутников, то есть сам-девять, которые стали его собратьями по монастырской жизни. Легендарное место рождения Прокопа в Чешском Броду обозначает место более раннего, нежели на Сазаве, пристанища беглецов. Чешский Брод лежит на торной дороге, по которой обычно подъезжали к Праге русские купцы, ехавшие на запад через Краков в Чехию и далее в немецкие земли. Позднее отшельник перебрался чуть южнее — в более уединённое место на реку Сазаву.

Судьба знатного переселенца с его удивительным превращением из правителя могущественной страны в скромного отшельника не могла не привлечь внимания чешских правителей, тем более что Брячиславу он приходился по матери дядей, так как считался сыном Владимира Святого, на дочери которого был женат Ольдрых.

От Святополка-Прокопа Брячислав узнал о тех огромных богатствах, которые вывез Болеслав Великий из Киева. Забирая русское золото из Польши, чешский князь в качестве внука Владимира Святого мог обосновывать правомерность своего обладания похищенными ранее у его предков сокровищами.

Появление в чешской письменной традиции эпохи Брячислава русской по происхождению «эры –5504 года» можно связать с русской колонией, сформировавшейся вокруг Прокопа в Сазавском монастыре. Бытование эры свидетельствует о влиянии русских эмигрантов на

чешскую культуру и пополнении монастыря выходцами из Руси, так как «эра –5504 года» стала использоваться в Киеве спустя много лет после бегства Святополка.

То, как был украшен Сазавский монастырь, говорит о большом почтении, с которым Брячислав относился к Прокопу. Брячислав пережил отшельника и должен был позаботиться о его могиле. Сравнение раки Святополка-Прокопа с императорским захоронением говорит о том, что чешский князь не пожалел захваченного в Польше русского золота для достойного погребения своего наставника.

Проклятый русскими летописцами, Святополк на новой родине благодаря своему ревностному служению Богу оказался причисленным к лику святых. В православной традиции это решение также было признано, и Прокоп Сазавский пополнил русские святцы. Часть мощей Бориса и Глеба была перенесена в Сазавский монастырь, где был похоронен Святополк-Прокоп. (36, 16) Останки некогда враждовавших братьев стали покоиться в одном месте. Так состоялось их посмертное примирение.

Список использованной литературы

1. Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 1. М., 1913.
2. Библия. М., 1968.
3. Вершинский Д. Месяцеслов православно-кафолической Восточной церкви. СПб., 1856.
4. Грицков В. В. Русские письма // Киммерийский центр. Вып. 10. М., 1993.
5. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
6. Донской Д. В. Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008.
7. Древнерусские княжеские жития. М., 2001.
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.
9. Жуковская Л. П. Реймское евангелие: история его изучения и текст // Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 114. М., 1978.
10. Закревский Н. Описание Киева. Т. 2. М., 1868.
11. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 1. М., 1994.

12. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 2. М., 1994.
13. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
14. Книга Еноха. Тайны Земли и Неба. М., 2003.
15. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
16. Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972.
17. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
18. Лев Диакон. История. М., 1988.
19. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. 16. М., 2000.
20. Матвеев В. А., Щеголева Л. И. Книги временные и образные Георгия Мниха. Т. 1. Ч. 2. М., 2006.
21. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2008.
22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
23. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.
24. Повесть временных лет. СПб., 1996.
25. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
26. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
27. Романовский Б. В. С метром по векам. Л., 1985.
28. Рохлин Д. Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. VII. М.; Л., 1940.
29. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997.
30. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. М., 1997.
31. Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М., 1995.
32. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
33. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1995.
34. Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005.
35. Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.
36. Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997.

Глава 5

РАЗДЕЛЕНИЕ РУСИ

Женитьба на Ингигерд

После поражение от поляков на Буге Ярослав Мудрый в сентябре 1018 года вернулся в Новгород и стал готовиться к новой войне. Он послал посольство за море и привёл варягов, которые пополнили его войско. Около этого времени Ярослав женился на шведской княжне. Брак Ярослава и Ингигерд, дочери шведского короля Олава, Скотконунга, известен хронистам. Адам Бременский:

*«Олав, христианнейший король шведов, взял в жёны славянку из ободритов по имени Эстрид. От неё родились сын **Иаков** и дочь **Инград**, вышедшая замуж за святого короля Руси **Ярослава**».* (12, 336)

Ему вторит Цезарь Бароний:

«Тот Олав был христианином и имел жену-славянку Эстреду именем, которая родила ему сына Иакова и дочь Ингреду, которую взял замуж король из России Герзлев». (1, 1055)

Несколько иной точки зрения придерживался Снорри Стурлусон:

*«У конунга шведов Олава, сына Эйрика, была раньше **наложница по имени Эдла**, дочь ярла из **Страны Вендов**. Она была взята **в плен на войне**, и поэтому её называли **рабыней конунга**. Их детьми были **Эмунд, Астрид, Хольмфрид**. У них был также сын, который родился в канун дня святого Якоба, и, когда мальчика крестили, епископ дал ему имя **Якоб**. Шведам это имя не нравилось, и они говорили, что никогда ещё у шведов не было конунга по имени Якоб.*

*Все дети Олава конунга были хороши собой и умны. **Жена** конунга была высокомерна и **не любила пасынков и падчериц**. Конунг отослал своего сына*

Эмунда в Страну Вендов (прибалтийских славян. — В. Т.), и тот воспитывался там у родичей матери и долгое время был незнаком с христианством. Астрид, конунгова дочь, воспитывалась в Западном Гаутланде у одного достойного мужа по имени Эгиль. Она была очень хороша собой, красноречива, весела, приветлива и щедра и, когда выросла, повсюду ездила с отцом, и все её очень любили». (31, 228)

Здесь мы не находим Ингигерд среди детей вендки, то есть славянки. Матерью же Якова названа не Астрид, а Эдла. Законной супругой Олава Скотконунга показана иная, безымянная, женщина.

Дети были от разных браков, и нелюбовью мачехи объяснялась отправка Эмунда в чужую страну на воспитание к родственникам матери. Королевскому сыну могли подыскать воспитателей и среди знатных шведских семей. Воспитание принца в дикой языческой стране более походило на его изгнание и вызывало удивление скальдов.

Олав Святой поначалу сватался к Ингигерд и, только потерпев неудачу, женился на её сестре Астрид. Это значит, что Ингигерд была для него желаннее сестры. В сагах Ингигерд уделяется большое внимание, что говорит о ней как о незаурядной личности.

Иной вариант предания сохранён в более ранней «Легендарной саге об Олаве Святом»:

*«Олав Свендский (Олав Шведский, отец Ингигерд. — В. Т.) тоже женился на женщине, которую звали **Астрид**, она была **вендкой**, их сыном был **Анунд**, чьё **второе имя** было **Якоб**. А их дочь была **Ингигерд**, которая была обещана конунгу Олаву (Олаву Святому. — В. Т.), но которую взял в жёны конунг **Ярицлейв** в Гардах на востоке».* (10, 43)

Яков имел второе имя Анунд. Анунд и Эмунд — разные варианты одного имени. Среди более ранних шведских королей в источниках упоминаются как Эмунд, так и Энунд. Многоимённость позволяет выявить ошибку Снорри Стурлусона. Эмунд, Астрид, Ингигерд и Яков-Анунд были детьми Астрид-Эдлы. Зная, что у Олава была жена Астрид, Снорри решил, что Эдла, мать детей Олава, была наложницей при бездетной законной супруге.

В списках детей Олава Скотконунга присутствуют разночтения. Согласно старшим известиям, у него были сын и дочь Ингигерд. В более позднем сочинении Снорри Стурлусона находим рассказ о судьбах уже двух дочерей: Ингигерд и Астрид. Но в списке детей после старшей Астрид названа младшая Хольмфрид. Отсюда следует, что Ингигерд имела второе имя Хольмфрид и была младше Астрид. Астрид же по каким-то причинам в старших известиях дочерью Олава не считалась. Это говорит в пользу того, что она была дочерью Эдлы от первого брака и приходилась Олаву приёмной дочерью. Из-за этого возникло мнение о том, что Астрид была дочерью от рабыни-наложницы, а Ингигерд — от законной жены. Более знатное в глазах скандинавов происхождение Ингигерд объясняет большее внимание, уделённое ей в сагах.

Ингигерд была дочерью шведского короля от славянской княжны. Полуславянское происхождение невесты было одной из причин внимания русских сватов. Более подробен Снорри:

*«Когда Сигват скальд приехал к Рёгнвальду ярлу, его хорошо приняли и он там долго гостил. Из письма Ингигерд конунговой дочери он узнал, что к конунгу шведов Олаву прибыли с востока из Хольмгарда (Новгорода. — В. Т.) послы Ярицлейва конунга, чтобы **сватать дочь** конунга шведов **Олава за Ярицлейва**, и что Олав конунг хорошо принял их сватовство...*

*Следующей весной в Швецию прибыли **послы Ярицлейва** конунга из Хольмгарда узнать, собирается ли Олав конунг сдержать обещание, данное предыдущим летом, и выдать свою дочь Ингигерд за Ярицлейва конунга...*

*Ингигерд вышла замуж за **Ярицлейва** конунга. Сыновьями их были Вальдамар, Виссивальд и Хольти Смелый». (31, 233–235)*

Воспользуемся хронологическими изысканиями Т. Н. Джаксон. (10, 18) Свадьбе Ингигерд предшествовали такие события. Осенью 1014 года Олав Святой после викингских походов возвратился в Норвегию и вступил в борьбу за престол. Ему удалось захватить в плен Хаккона, сына короля Эйрика Хаконарсона. Хаккона вынудили в обмен на жизнь отказаться от прав на Норвегию, которой много лет владел его отец, и уехать в Данию.

После изгнания Хакона Эйриксона норвежская знать избрала Олава Святого королём. Он всю зиму ездил по стране, укрепляя свою власть, а по весне 1015 года, с войском, отправился на юго-восток Норвегии в область Вик, расположенную вокруг Осло-фьорда. Здесь собрались сторонники ярла Свейна, брата погибшего короля Эйрика Хаконарсона, который также претендовал на власть над Норвегией.

В вербное воскресенье 1015 года, то есть 3 апреля, в битве у Несьяра Свейн потерпел поражение и ушёл к своему родственнику шведскому королю Олаву. Снорри ранее сообщает о характере их родственных связей: Свейн был женат на дочери Олава Скотконунга Хольмфрид, то есть Ингигерд.

Из Швеции Свейн отправился в Гардарики — на Русь. Здесь он в течение лета разорял селения и грабил, а, когда наступила осень, заболел и умер. (31, 195) Осенью 1015 года Ингигерд стала вдовой.

Осенью 1015 года Олав Святой избавился от последнего конкурента на престол и начал изгонять со спорных территорий представителей датской и шведской власти. Датский король Канут Великий в это время занимался покорением богатой Англии. (14, 100) Ему было не до скудных северных земель, и изгнание датских наместников из норвежских областей осталось безнаказанным.

Олав Скотконунг был недоволен политикой норвежского короля, который приказал повесить Асгаута Управителя, собиравшего в зиму 1015/1016 годов подати для шведского короля. Но до открытой войны дело не дошло. В следующий сезон сбора дани на спорных территориях последовал обмен ударами. Шведы истребили норвежский отряд Транда Белого, а норвежцы — шведский отряд Хрои Кривого.

Хрои Кривой погиб весной 1017 года в бою с Эйвиндом Турий Рог, которого перед этим Олав Святой призвал к себе и *«они долго беседовали наедине»*. (31, 202) Эйвинд отправился в викингский поход на восток по поручению конунга. Поручение ехать на восток получил не только он. Тем же летом на Русь отправился Гудлейк Гардский, судя по прозвищу занимавшийся торговлей с русскими землями. Снорри:

«Одного человека звали Гудлейк Гардский. Он был родом из Агдира. Он много ездил и был богатым купцом. Он ездил по торговым делам в разные

страны и **часто бывал** на востоке в **Гардарики** (на Руси. — В. Т.), поэтому его прозвали Гудлейк Гардарикский. Той **весной** Гудлейк снарядил свой корабль и собрался **летом** плыть на восток в **Гардарики**. **Олав** конунг (Олав Святой. — В. Т.) послал к нему сказать, что **хочет встретиться** с ним. Когда Гудлейк приехал к конунгу, тот сказал ему, что **хочет заключить** с ним соглашение. Он просил Гудлейка **купить дорогие вещи**, которые трудно достать здесь в Норвегии...

Летом Гудлейк отправился в Восточные страны, побывал в **Хольмгарде** (Новгороде. — В. Т.) и купил там драгоценных тканей для праздничных нарядов, дорогие меха и роскошную столовую утварь. **Осенью** Гудлейк отправился **обратно**». (31, 202)

Норвежцы остановились у острова Готланд, и местные жители прознали о поручении Гудлейка. Торгаут Заячья Губа, брат погибшего Асгута Управителя, получил известие от готландцев и у острова Эланд захватил корабль Гудлейка, погибшего в схватке. Драгоценности, купленные для Олава Святого, Торгаут решил передать своему королю в качестве части той дани, которая причиталась шведам с Норвегии. Но до Олава Скотконунга русские драгоценности не дошли:

«Об этих событиях скоро стало известно. Немного позже к Эйланду подплыл **Эйвинд**. Когда он узнал, что произошло, он **поплыл** на восток **вдогонку за Торгаутом** и его людьми. Они встретились в Шведских Шхерах, и завязался бой. Тут **погиб Торгаут** и большинство его людей, а многие попрыгали в воду. Эйвинд взял всё то добро, которое Торгаут захватил у Гудлейка, а также драгоценности Олава конунга и в ту же осень вернулся в Норвегию и **поднёс Олаву конунгу драгоценности**. Конунг его поблагодарил и обещал ему ещё раз свою дружбу. К тому времени **Олав** конунг уже **три зимы был конунгом Норвегии**». (31, 203)

Остров Эланд находится близ берегов Швеции. Торгаут с захваченной добычей плыл в сторону шведской столицы Сигтуны — на север. Углубиться в шхеры, ведущие к Сигтуне, где он оказался бы под защитой войск шведского короля, Торгаут не успел. Эйвинд, как и Гудлейк, возвращался из восточного похода и находился поблизости от Эланда,

иначе ему бы не удалось догнать Торгаута. Похоже на то, что викинг Эйвинд обеспечивал охрану купеческого корабля Гудлейка, и в начале лета они совершили совместную поездку на Русь.

Летом 1017 года в распоряжении Ярослава Мудрого оказался крупный отряд варяжских наёмников во главе с Эймундом. Ярослав готовился к июньской войне и наёмников должен был призвать не позднее весны 1017 года. Судя по данным Снорри, в зиму 1016/1017 годов пять норвежских конунгов составили заговор против Олава Святого. Последним в списке заговорщиков стоял Хринг, отец Эймунда. Это значит, что четвёрка областных конунгов была знатнее его. В саге об Эймунде Хринг стоит первым среди пострадавших участников заговора. Желая возвысить Эймунда, скальд искажил события. Так, Хрёрека, старшего брата Хринга, он поместил в число сыновей Хринга.

В начале лета 1017 года на Руси оказались Гудлейк Гардский, Эйвинд Турий Рог и Эймунд Хрингсон. Гудлейк и Эйвинд, выполнив поручение короля, в конце лета отправились обратно на родину, Эймунд остался на русской службе. Это означает, что весной 1017 года норвежского короля посетило русское посольство и в результате достигнутых договорённостей в Новгород была отправлена военная помощь, которую сопровождали послы Олава, Гудлейк и Эймунд. Норвежский отряд прибыл в мае, чтобы успеть принять участие в ожидаемых военных событиях июня.

Олав Святой поддержал Ярослава Мудрого в его противоборстве с отцом, за что получил предметы роскоши, которые чуть было не стали добычей шведов. В случае победы новгородского князя Олав мог рассчитывать на русскую помощь в предстоявшей схватке с датским и шведским королями. Создатель же саги об Эймунде умолчал об этом новгородско-норвежском союзе. Инициатором поездки на Русь он сделал Эймунда, а саму поездку отнёс на время более позднее, чтобы замаскировать факт его подчинения воле Олава. Так, в качестве причины поездки он указал кончину Владимира Святого и возникшую распрю между его сыновьями, а Ярослава сделал супругом Ингигерд. На самом же деле кончина и свадьба пришлись на время более позднее, нежели прибытие норвежцев в Новгород.

Родственники опальных норвежских конунгов хотя и не участвовали в смуте, но были для Олава потенциальными врагами, ждавшими удобного случая для того, чтобы отомстить за обиды, нанесённые их семействам. Олав, откликнувшись на призыв Ярослава, избавился от воинственной молодежи, обиженной за репрессии, которым подверглись её старшие родственники. Эймунду уход на службу к новгородскому князю позволял сохранить хорошие отношения с норвежским королём и в то же время избежать обвинений в предательстве семейных интересов. Так был достигнут компромисс, устраивавший обе стороны.

Подчинив Норвегию, Олав Святой попытался урегулировать свои отношения со Швецией. Он послал к шведам посольство с мирными предложениями, которые намеревался скрепить браком с Ингигерд. В Швеции норвежцы нашли сторонников такого способа примирения. На тинге в Упсале 1018 года шведская знать, несмотря на противодействие своего короля, высказалась в пользу брака Ингигерд и Олава Святого. По данным Снорри, упсальские тинги проводились на Сретенье, то есть второго февраля. (10, 19) Посольство норвежцев прибыло в Швецию по осени 1017 года и всю зиму вербовало сторонников для принятия выгодного для себя решения на тинге.

Свадьбу Олава и Ингигерд наметили на осень 1018 года. Но когда Олав приехал в условленное место, со шведской стороны никто не прибыл. Ранней зимой посланец Олава отправился в Швецию и узнал о том, что к Олаву Скотконунгу прибыли послы от Ярослава просить руки Ингигерд. Причиной расстройства свадьбы стал приезд русских сватов не позднее осени 1018 года. (10, 18–20) Осенью этого года Ярослав действительно направлял посланников за море для набора войска. Это посольство сватало Ингигерд и вербовало воинов.

Переход отряда Эймунда в июне 1018 года в битве под Волинем на сторону врагов Ярослава Мудрого вызвал необходимость нового набора скандинавских наёмников. На этот раз русское посольство отправилось не к норвежскому королю, а к его недругу — шведскому королю.

Русско-шведские переговоры оказались успешными. Ингигерд была просватана за Ярослава, а в Новгород был отправлен отряд шведских

наёмников, который принял участие в походе новгородцев на Киев в январе 1019 года.

Весной 1019 года Ярослав, став единовластным правителем Руси, отправил посольство в Швецию. Снорри:

*«Следующей весной в Швецию прибыли послы Ярицлейва конунга из Хольмгарда узнать, собирается ли Олав конунг **сдержать обещание**, данное предыдущим летом, и выдать свою дочь Ингигерд за Ярицлейва конунга».* (31, 234)

Из речи посланников видно, что отправка невесты затянулась. После приезда русского посольства «тем же летом» Ингигерд отправилась на Русь. (31, 235) Олав Скотконунг выжидал исхода борьбы за верховную власть на Руси и, только получив известие о победе Ярослава над Святополком, отправил Ингигерд к жениху. В исландских анналах об их свадьбе сообщается под 1019 годом. (10, 20) Так что свадьба Ярослава и Ингигерд состоялась летом 1019 года.

Война с Брячиславом

В Радзивилловской летописи лаконично описаны нападение Брячислава на Новгород и его последующее поражение от Ярослава Мудрого:

*«В лето 6529. И прииде **Бречислав**, сын Изяславль, внук Володимир, на Новгород, и зая **Новгород**, и пои[ма] новгородци и имение их, прииде к Полоцку опять. И пришедши ему ко **Судомири** реце, Ярослав же ис Киева **в 7 день постиже** и, и ту **победи Ярослав Брячислава**, и новгородци вороти к Новгороду, а Брячислав бежа к Полотцку».* (26, 63)

Рассказ противоречив. С одной стороны, Брячислав после захвата и ограбления Новгорода возвратился в Полоцк. С другой стороны, Ярослав настиг полоцкого князя, победил в битве и возвратил полон, после чего тот бежал в Полоцк. Похоже на то, что здесь соединены реалии двух разных рассказов. В одном говорилось об ограблении Брячиславом Новгорода и о его возвращении в Полоцк, в другом — о битве при реке Судомири и бегстве Брячислава.

Загадочно упоминание о прибытии Ярослава из Киева за семь дней. Наиболее короткий путь из Новгорода в Полоцк идет вдоль реки Ловати. Где бы ни пытался Ярослав перехватить врага, от Киева за семь дней до места возможной битвы было не добраться. Ещё более странным оказывается место сражения.

Карамзин не нашёл реки Судомири. Наиболее близким по звучанию оказалось название реки Судомы. (15, примеч. II, 21) В Никоновской летописи речь идёт о реке Судоме. Судома протекала в Псковской губернии. Она брала исток у границы Псковского и Порховского уездов и впадала в Шелонь близ села Княжьи горы.

Псков находится в стороне от пути из Новгорода в Полоцк. Но зато Судома расположена в районе дороги из Новгорода в Псков близ древней псковско-новгородской границы. Карамзин предположил, что семь дней относятся не к походу Ярослава, а к погоне за Брячиславом после его бегства из Новгорода.

Брячислав покинул Новгород и ушёл в сторону Пскова. Позднее его сын Всеслав также претендовал на Новгород и пытался штурмом захватить Псков. Владельцы населённого кривичами Полоцкого княжества предъявляли права на населённую кривичами Псковскую землю.

Согласно Татищеву, Брячислав получил известие из Новгорода об отсутствии Ярослава и занял город, намереваясь стать новгородским князем. Затем он покинул Новгород, из-за того что к городу подошли войска из Киева:

*«6529 (1021). Брячислав, полоцкий князь, сын Изяславль, внук Володимеров, **уведав из Новаграда**, что Ярослав с войски в Киеве, упражнялся, **хотя Новград обладать**, пришед с войском и вшед во град. Но, уведав, что новгородцы **от Киева близ пришли** и его **иметь не хотят**, многих знатных побрав и пограбя имение их, возвратился к Полоцку. И когда пришел ко **Судами реке**, а Ярослав ис Киева в 7-м дни постиг его и тут победил Брячислава. А новгородцов взятых возвратил к Новугороду и возвратися в Киев. Брячислав же ушед в Полоцк».* (36, 75)

Ситуация начинает проясняться. Новгородцы вступили в переговоры с Брячиславом, и он, рассчитывая на поддержку части горожан,

захватил Новгород. При подходе киевлян Брячислав убедился в том, что симпатии новгородцев склонились на сторону Ярослава. Забрав полон из знатных горожан, он ушёл в Псков, намереваясь отстоять своё право на Псковскую землю. Но остановить войско Ярослава на псковско-новгородской границе не удалось. Потерпев поражение на Судоме, он бежал в Псков, но, не надеясь удержаться в городе, забрав награбленное добро и полон, бежал к Полоцку.

Место битвы не соответствует указанному в летописи расстоянию до Новгорода. За семь дней Ярослав преодолел 350 километров, тогда как до места битвы от Новгорода было всего 125 километров, или два с половиной дня пути. Бегство Брячислава началось от Судомы, от которой и следует отсчитывать семь дней погони. Это расстояние соответствует пути до Полоцка через Псков. Брячислав достиг Полоцка, но под угрозой штурма города войсками Ярослава был вынужден вернуть награбленное добро и пленённых новгородцев. Сообщение старших летописей о возвращении Брячислава в Полоцк достоверно.

Старшие новгородские летописи ограничиваются только лаконичным сообщением:

«В лето 6529. Победи Ярослав Брячислава». (22, 15)

События оказались для новгородцев столь неприятными, что память о них, за исключением редких реликтов, была уничтожена. Истребление известий подтверждает измену части новгородцев, призвавших на новгородский стол Брячислава. В младших новгородских летописях появляется рассказ о войне с Брячиславом, сходный с рассказом старших киевских летописей, но лаконичная новгородская запись остаётся, сместившись в статью предыдущего года. Софийская первая летопись:

«В лето 6528. Родися у великаго князя Ярослава сын, наречен бысть Владимир. Того же лета победи великий князь Ярослав Брячислава». (33, 172)

Во вводной недатированной части Тверской летописи есть известие о княжиче Илье:

«О князех Новгородских, кои княжили по Великом Володимере. По крещении п[е]рвый князь в Новегороде Вышеслав Володимирович, по нем Ярослав

*Володимерович же. Ярослав же бився со Святополком, по смерти отца своего, и одоле ему, и седе в Киеве. Посади в Новгороде Константина Добрынича. И родися у Ярослава сын **Илиа**, и посади его в Новгороде, и умре. И разгневался Ярослав на Константина и заточи его в Ростов, а сына своего **Володимера посади** в Новгороде, и написа грамоту новгородцам, рек: "По сей грамоте ходите"». (27, 16)*

Подобные сведения находим и в иных летописях. Так, известие из Тверской летописи с небольшими переработками переключалось в одну из статей рукописи Археографической комиссии, помещённой перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи:

«А се князи Великого Новгорода.

*А се в Новгороде: первыи князь по крещении Вышеслав, сын Володимер. По нем брат его Ярослав, и володяше землю, и идя Киеву, и посади в Новгороде Коснятина Добрынича. И родися у Ярослава сын **Илиа**, и посади в Новгороде, и умре. И потом разгневался Ярослав на **Коснятина** и заточи и, а сына своего **Володимера посади** в Новгороде. И писа грамоту Ярослав, ркя: по сей грамоте ходите». (22, 470)*

После заточения Константина новым новгородским князем стал Владимир. В старших же летописях это назначение по каким-то причинам превратилось в сообщение о рождении Владимира. В Комиссионном списке рождение Владимира заменено на сообщение о рождении и смерти Ильи Ярославича, которое имеет характер вставки, разорвавшей рассказ о судьбе посадника Константина. При этом сообщение о смерти княжича наводило читателя на мысль, что в этом и была причина гнева Ярослава на Константина. Но в помещённом чуть ранее по тексту перечне детей Ярослава Мудрого Илья не значится. Редактор летописи, найдя редкое сообщение о неизвестном по другим источникам Илье, княжившем и скончавшемся в Новгороде после правления Константина, предположил, что кончина Ильи привела к его опале. Исходя из этого он и разместил известие. На самом же деле посадник пострадал из-за другого.

В основном тексте Тверской летописи параллельное известие звучит так:

*«В лето 6528. **Константин** Добрынич бяше тогда в Новгороде, и разгневался на не великий князь Ярослав, и поймав поточи его в Ростов. И на третье лето повелел убити его в Муроме, на реке Оце. Того же лета, 6528, **родися** великому князю Ярославу **сын**, наречен бысть **Владимир**. Того же лета победи князь великий Ярослав Брячислава Изяславича Полоцкого».* (27, 142)

Конфликт Ярослава с посадником Константином произошёл осенью 1018 года во время подготовки похода на Киев. Если бы заточение посадника произошло тогда же, то известие следовало бы датировать по весенней «эре –5510 года». Посадник был казнён на третье лето, что в зависимости от исключительного или включительного счёта даёт 6530 или 6531 год, а в переводе с «эры –5510 года» — 1020 или 1021 год нашей эры. «Эра –5510 года» использовалась в Переяславле, в котором вряд ли заинтересовались бы деталями новгородских событий.

Казнь Константина и призывание Брячислава связаны между собой. Сторонники Константина должны были с сочувствием отнестись к притязаниям полоцкого противника Ярослава. Последовательность событий приобретает такой вид. Пока Константин томился в заключении, сторонники опального посадника не теряли надежды на его возвращение в Новгород. Но в 1022 году Константина казнили, из-за того что Ярослав опасался заговора его новгородских сторонников. В ответ возмущённые новгородцы пригласили на княжение полоцкого князя. Заточение Константина следует отнести к 1020 году, а казнь — к 1022-му.

Осенью 1018 года Константин решительно выступил против поспешного похода на Киев. Дальнейшие события показали его правоту. Союз Святополка с Болеславом расстроился, поляки покинули Русь. Сбор большого войска, усиленного варяжским отрядом, позволил Ярославу вернуть Киев и изгнать Святополка из Руси. Ярослав, может быть, и затаил обиду на Константина, но после порчи ладейного флота расправиться с ним не решился.

В 1020 году Ярослав был в Новгороде, где была построена его новая каменная резиденция. Новгородским князем стал Владимир Ярославич, и потомки Добрыни лишились власти над городом. После свадьбы с Ингигерд Ярослав передал её родственнику власть над Ладогой. Перераспределение власти над новгородскими владениями, видимо, и породило конфликт с новгородской знатью, в результате чего Константин попал в заключение. Конфликт был датирован по «эре –5508 года», а война с Брячиславом — по «эре –5506 года».

Составитель Тверской летописи имел два известия. Согласно одному, после Константина новгородским князем стал сын Ярослава Илья, согласно другому — сын Ярослава Владимир. В качестве компромисса Илью могли показать умершим в тот же 1020 год. Применение христианского имени *Илья* говорит о том, что сведения были извлечены из бытовавшей в Новгороде поминальной церковной записи по умершему князю. В первой половине XI века в Новгороде умерли двое из Ярославичей — Вышеслав и Владимир, христианские имена которых неизвестны. Судя по всему, в записи была использована «эра –5516 года», из-за которой дата кончины Вышеслава «всплыла» на восемь лет.

Брячислав счёл передачу Новгорода молодому князю, приходившемуся ему племянником, ущемлением своих прав. Он попытался восстановить традиционный порядок наследования уделов в правящем роду, по которому наиболее старшие Рюриковичи становились князьями наиболее старших городов.

Длугош писал о том, что в войске Брячислава были варяги. (10, 171) В саге об Эймунде находим подтверждение этому свидетельству. После очередной перепалки со скупым Ярицлейвом по поводу выплаты жалованья, которое сильно заботило героев саги, Эймунд заявил:

«А я знаю наверное — менее всего тебе (Ярицлейву. — В. Т.) хочется, чтобы мы ушли к Вартилаву конунгу, брату твоему, но мы всё же поедем туда и сделаем для него всё, что сможем, а теперь будь здоров, господин...»

А они отплывают и не останавливаются, пока не прибыли в княжество Вартилава конунга, и идут к нему, а он принимает их хорошо». (10, 116)

Разгром войска Брячислава у Судомири, естественно, в саге не отразился. В ней сообщается только о намечавшейся битве. После трафаретных для саги притязаний Ярицлейва на часть владений Вартилава полоцкий князь по совету мудрого Эймунда объявил брату войну. Через какое-то время войска сошлись для боя:

«С обеих сторон войско стало готовиться к бою, и сошлись они в назначенном месте на границе, поставили стан и пробыли там несколько ночей». (10, 117)

Далее последовал фантастический подвиг Эймунда, зашедшего в тыл вражеской армии и похитившего ехавшую к мужу Ингигерд. Затем благодаря мудрой скандинавке, при которой Ярицлейв выполнял роль марионетки, всё закончилось миром. Вартилава без борьбы получил Кэ-нугард, то есть Киев, а Эймунд — Полоцкое княжество. Само собой разумеется, что после этого все важные дела на Руси решали только Эймунд и Ингигерд.

За бахвальством скальда скрываются драгоценные крупинки исторических сведений. В Никоновской летописи находим уточнение рассказа старших летописей:

«В лето 6529. Прииде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимеров, с вои ис Полотска на Новгород, и взя Новгород. И поим[а] новгородцев, и жены, и дети, и имения их, и скоты и весь полон, и поиде к Полотску опять». (23, 77)

Сообщение о захвате жён и детей новгородцев следует связать с отразившимся в саге пленением Ингигерд. Ингигерд вместе с другими знатными женщинами и детьми захватили в Новгороде. Зато согласно саге битва действительно произошла близ псковско-новгородской границы.

После битвы под Любечем в декабре 1017 года события в саге развивались так. Следующий 1018 год, в котором состоялась битва на Буге, был объявлен мирным. Скальд умолчал о позорном переходе отряда Эймунда в стан врага во время сражения.

Через год, то есть в 1019 году, в котором Святополк и его печенежские союзники были разбиты под Переяславлем, помещён рассказ о бит-

ве с кочевниками Бурислава, восходящий к реальным событиям обороны Киева от печенегов в январе 1018 года. Замену событий следует объяснить тем, что норвежцы сражались под Переяславлем против войск Ярослава на стороне Святополка. Этот факт скальд также предпочёл скрыть.

В июне 1018 года отряд Эймунда перешёл на сторону Болеслава и Святополка. Во время изгнания поляков норвежцы остались на Руси. Наёмники служили великому князю Святополку. Вместе с ним они должны были уйти в январе 1019 года из Киева от войск Ярослава под Переяславль. После поражения на Альте раненый Святополк бросил армию и бежал на север в Туровское княжество. После этого норвежцы оказались под командованием Брячислава.

Вряд ли Эймунд, оставшись без русских вождей, самостоятельно направился бы в далёкий Полоцк. Брячислав был единственным из Владимировичей, принявшим участие в междоусобице на стороне Святополка. В награду Святополк должен был выделить ему один из уделов погибших Владимировичей. Ярослав напал на Киев внезапно. Переход норвежцев к Брячиславу можно объяснить тем, что он участвовал в битве на Альте и после бегства Святополка принял командование остатками его разбитой армии. Оказаться же на поле боя он мог только в случае, если получил почётное переяславское княжение, свободное после смерти Бориса.

Летописцы молчат о взятии Переяславля войсками Ярослава. Это значит, что Брячислав с остатками войск укрылся в крепости.

Далее в саге следует очередное требование жалованья, которое можно связать с наступлением весенней поры, по которой происходил ежегодный расчёт с наёмниками за службу. Перед нами весна 1020 года. Ярицлейв настаивал на снижении жалованья, так как война с Бурицлавом-Святополком из-за гибели последнего была закончена. Эймунд же сообщил неприятную новость о том, что Бурицлав остался жив, провёл после поражения зиму в Тюркланде и готовится к войне, собрав тюрок, блокумен и иные злые народы.

Такое положение дел возможно для 1020 года. В это время на Русь действительно могли просочиться слухи о том, что Святополк остался

жив и скрывается в западных странах. Тюркланд, или страна тюрков, — Венгрия. Древнерусские книжники знали, что византийцы именуют венгров турками. (44, 132) Перед нами следы учёной книжной традиции, так как сами русы именовали венгров уграми. Под блокуменами большинство исследователей понимает вlahов, романоязычных предков современных румын, живших в Трансильвании к востоку от венгров и постепенно подпавших под венгерское владычество. (10, 168)

В Хронике аббата Регинона, писавшего в начале X века, сообщается о том, что пришедшие в конце IX века в Задунавье венгры прошли «*пустыни паннонцев и авар*». Пустыни лежали восточнее Дуная. (44, 29) Во время похода на задунайскую Паннонию скончался Святополк Моравский. В месте его кончины, согласно легендарным сведениям, укрывался в монастыре Святополк Ярополчич. Летописная пустыня между ляхами и чехами соответствует степным районам Среднего Подунавья и более древней паннонской пустыне, то есть Венгрии.

Святополк Ярополчич в Венгрии мог найти убежище у Владислава Плешивого, сына венгерского князя Гейзы и польской княжны Адельгейды. Сам Владислав был женат на Прямиславе Владимировне, двоюродной сестре Святополка. Свадьба Владислава и русской княжны состоялась в 1014 году. У них было трое сыновей: Василий, Андрей и Левента. Наличие трёх сыновей говорит о том, что в 1019 году Прямислава ещё была супругой венгерского князя, позднее женившегося на полячке, от которой имел сына Белу.

Местом, граничившим с Чехией, Польшей и Венгрией, могли быть Моравия или западная часть современной Словакии. Моравия в X веке была отвоёвана у венгров чехами. В конце этого же века её захватили поляки. В 1017 году, например, мы находим Моравию под властью Болеслава Великого. (38, 157) Но уже в 1034 году удельным моравским князем стал Брячислав Ольдрыхович, наследник чешского престола. Моравию чехи отбили у поляков после кончины в 1025 году Болеслава. Во время скитаний Святополка Моравия была польской территорией, которую Святополк миновал. Остаётся Западная Словакия, которая также была спорной территорией, почему летописец, затрудняясь в определении принадлежности этой земли, и объявил её ничьей.

В 1035 году Брячислав опустошил Венгрию до Остригома. Указание достигнутых рубежей говорит о походе на принадлежавшую Венгрии Западную Словакию. Около этого времени в Венгрии разразилась смута. После того как скончался единственный сын короля Стефана Святого Эмерик (Имре), наследником престола был назначен Василий (Вазул), старший сын Владислава Плешивого и племянник короля Стефана. (44, 296) Назначение говорит о том, что Владислава к этому времени не было в живых и Василий был после Стефана самым старшим в королевском роде.

Василий на момент назначения наследником престола находился в заключении. Немка Гизела, супруга Стефана, настаивала на том, чтобы наследником стал Пётр, сын сестры Стефана и венецианского дожа Отто Орсеоло. В результате немецкой интриги Василию в тюрьме выкололи глаза. (2, 22) Его братья бежали к родственникам своих матерей: Андрей и Левента — на Русь, Бела — в Польшу.

Согласно Баронию, Эмерик скончался в 1030 году. (1, 1095) Но смута разразилась позднее и дата кончины, видимо, искажена. Василий появился на свет не ранее 1015 года. В дворцовые интриги, которые привели его в тюремный застенок, Василий был втянут после достижения совершеннолетия, то есть не ранее 1033 года. Чешское нападение и венгерская смута по времени должны были быть близки друг к другу. Брячиславу Василий приходился по матери двоюродным братом. Опустошение Западной Словакии было мстью моравского князя за репрессии против его венгерских родственников.

Эмерик носил титул «русский герцог». (24, 348) Князь правил населённой русами областью, смежной с Русью, на северо-востоке Венгрии. Венгерские русины сохраняли свою этническую самостоятельность до новейшего времени, поэтому проникновение в княжеское окружение русских культурных традиций вполне вероятно. На дату кончины герцога могла повлиять бытовавшая на Руси «эра –5504 года», из-за которой датировки ошибочно удреваются на четыре года. Отнесение кончины Эмерика к 1034 году даёт более логичную и стремительную картину развития событий.

Смерть наследника и жестокая борьба за влияние на Стефана произошли в конце его жизни, когда доживающий свой век король был обеспокоен выбором преемника. Изгнание в конце 1034 года из страны проигравшей партии привело к конфликту с правителями Чехии, попытавшимися под предлогом мести за обиженных родственников завоевать населённые славянами территории.

Адельгейда, судя по её возрасту, была дочерью Мешко I и чешской княжны Добравы. Владислав состоял в родстве как с чешским, так и с польским правящими домами. Полуславянское происхождение делало его удобным правителем подчинённых Венгрии славянских областей. Косвенные данные свидетельствуют в пользу того, что Владислав в 1019 году был удельным правителем части западнословацких земель, в которых нашёл своё прибежище Святополк Ярополчич. Столичным городом Владислава должна была быть Братислава, близ которой и следует искать первый монастырь, приютивший Святополка на чужбине.

Выбор убежища у Святополка был небольшой. Чешский князь Ольдрих к этому времени разошёлся с Предславой Владимировной и отослал её на Русь. С приёмной дочерью Болеслава Великого Святополк разошёлся, женился на одной из вдов убитых им братьев и к польскому двору не поехал. Из иных зарубежных родственников у него оставались только двоюродная сестра Прямыслава и зять — венгерский князь Владислав Плешивый. Составитель саги в отличие от большинства русских книжников знал о венгерском месте жительства Святополка, что свидетельствует о его хорошей осведомлённости.

В 1046 году венгерским королём стал Андрей Владиславич. Его сводный брат Бела вернулся из польского изгнания около 1048 года и получил титул герцога и удел в размере трети страны. В 1051 году Бела уже принимал участие в отражении нападения немцев. (44, 300–301) Возвращение и получение удела говорят о достижении им совершеннолетия. Бела родился около 1030 года. Не позднее 1029 года Владислав Плешивый овдовел и вторично женился на польской княжне, ставшей матерью Белы.

Смерть владетельной сестры должна была отразиться на судьбе монаха Василия, бывшего Святополка. В Чехии его знали уже как Проко-

па. Схиму он принял ещё в Венгрии до войны 1035 года в одно из воскресений, когда чествовался св. Прокопий. В святцах самый знаменитый Прокопий — великомученик Прокопий Кесарийский, чья память отмечается 8 июля. Воскресным 8 июля было в 1022 и 1033 годах, что может служить указанием на кончину Прямиславы в 1022 году, после чего 8 июля этого же года монах Василий принял схиму.

Карл IV нашёл сочинение св. Прокопа, которое подарил Эмаусскому монастырю, где-то в Венгрии. Это также подтверждает пребывание Святополка на венгерской территории. В Чехии католики истребили его сочинения, а в словацком монастыре сумели сберечь рукопись в память о знатном насельнике обители.

В Чехию Святополк должен был попасть в результате нашествия 1035 года. Становится понятным столь позднее его знакомство с Ольдрихом, который приступил к строительству для Святополка-Прокопа Сазавского монастыря только в 1036 году, спустя много лет после пребывания монаха на чужбине.

Чешский Брод, с которым связывалось место рождения Прокопа, находится на дороге, ведущей из Праги в Венгрию. Обнаружив в одном из словацких монастырей своего русского родственника, Брячислав привёл его в Чехию. Но Прокоп отказался жить в столице, и его поселили в районе Чешского Брода. После того как для знатного монаха был выстроен монастырь на Сазаве, он сменил местожительство. Кириллическая часть Реймского евангелия была написана в период с 8 июля 1022 года по июнь 1035 года.

Огорошив Ярицлейва новыми военными приготовлениями его брата, Эймунд вызвался устранить возникшую опасность. Последовали поездка небольшого отряда скандинавов и убийство Бурицлава. Для рассказа об этом подвиге скальд использовал сказание об убийстве Бориса в июле 1017 года.

По хронологии саги гибель Бурицлава прилась на 1020 год. В этом году по приказу Ярослава был посажен в тюрьму, а в 1022 году убит его родственник — Константин. В 1022 году произошло вторичное «исчезновение» Святополка, превратившегося из Василия в Прокопа.

Рассказ об устранении Ярославом своего брата сложился на основе событий 1022 года, которые из-за влияния «эры –5506 года» были отнесены скальдом к 1020 году.

Ярослав мог использовать пришлых наёмников для расправы со своим родственником. Но иноземные палачи были не из отряда Эймунда, который находился на службе у враждебного Ярославу Брячислава. Это не единственная странность саги. Так, Эймунд, будучи в Норвегии, набирает в свой отряд охотников поучаствовать в междоусобице трёх осиротевших сыновей Владимира Святого, а по прибытии на Русь застаёт Ингигерд русской княгиней. Между тем отряд Эймунда появился на Руси в конце весны 1017 года, тогда как Владимир Святой скончался в июле этого года, а шведская княжна прибыла на два года позднее.

Ярослав набирал скандинавскую помощь для борьбы со Святополком осенью 1018 года. На этот раз на Русь прибыли не норвежцы, а шведы. Они были на стороне Ярослава в битвах весны 1019 года, а летом следующего года стали свидетелями приезда в Новгород Ингигерд. В саге хотя и в искажённой форме, но отразилось участие шведов в русских делах. Казнь Константина следует связать со шведами.

В саге причудливо соединились сведения, восходящие к трём разным волнам наёмников. От Святополковых варягов уцелел мотив убийства Бориса. От Эймундовых норвежцев сохранились воспоминания о битве под Любечем, обороне Киева от печенегов, набеге Брячислава на Новгород. Самый поздний скальд переработал предшествующие сказания, но не удержался и, используя материал рассказов о более ранних событиях, запечатлел деяния шведов, не имевших никакого отношения к главному герою саги Эймунду. Всё это выдаёт в составителе саги скандинава, прибывшего на Русь со шведским отрядом и позднее оказавшегося в отряде Эймунда.

Со шведским скальдом следует связать воспоминания о каменных палатах Ярицлейва. Так, для приехавших норвежцев якобы было построено роскошное жилище:

«Эймунд и его товарищи вытаскивают тогда свои корабли на сушу и хорошо устраивают их. А Ярицлейв конунг велел выстроить им камен-

ный дом и хорошо убраться драгоценной тканью. И было им дано всё что надо из самых лучших припасов. Были они тогда каждый день в великой радости и веселы с конунгом и княгиней». (10, 108)

Строительство каменных палат на Руси в то время было большой редкостью. Несмотря на всю информированность и правдивость скальда, предположение о том, что такие палаты предназначались для наёмников, невероятно. В иных скандинавских сочинениях выдвинута более правдоподобная версия — каменные палаты Ярослав построил для себя и своей шведской супруги. «Гнилая кожа»:

*«Мы начнём повесть с того, что **Ярицлейв** конунг правил в Гардарики и **Ингигерд** княгиня, дочь **Олава конунга шведского**. Она была мудрее всех женщин и хороша собой. Говорится о том, что конунг тот Ярицлейв велел построить себе прекрасную палату с великой красотой, украсить золотом и драгоценными камнями и поместил в ней добрых молодцов, испытанных в славных делах, утварь и боевую одежду выбрал для них такую, какой они уже раньше оказались достойными. И все находили, что и убранство палаты, и те, кто были в ней, подходят к тому, как она устроена. Она была обтянута парчой и ценными тканями. Сам конунг был там в княжеской одежде и сидел на своём высоком месте. Он пригласил к себе многих почётных друзей своих и устроил пышный пир».* (12, 510)

Пирь великокняжеской четы в окружении знати в роскошно убранных палатах выглядят более достоверно, нежели приход высокородных супругов на пирушку в обтянутую парчой казарму скандинавской солдатни.

Для каменного строительства нужны были не только большие средства, но и каменщики, которых не было на севере. Опыт каменного строительства имелся в Киеве, где была воздвигнута Десятинная церковь. Но скорее всего, умельцев для возведения редких в то время на Руси каменных построек набирали в византийском Крыму. Парадные палаты были построены после того, как Ярослав стал великим князем и получил возможность приглашать заморских мастеров.

Лето 1018 года Ярослав провёл в войне с поляками. Благоприятные условия для начала строительства сложились только после победы над Святополком и возвращения в Киев в марте 1019 года. Летом 1019 года ожидали приезда шведской княжны. Старые деревянные княжеские хоромы уже не удовлетворяли Ярослава, ставшего повелителем Руси и зятем шведского короля. По его повелению в 1019 году были навербованы греческие строители, а по весне 1020 года началось строительство каменного дворца.

Каменный дворец историки размещают на Торговой стороне Новгорода в Ярославовом дворище на бывшем холме в районе перекрёстка современных улиц Ленина и Суворовской. (19, 517) В самом названии «дворище» отразилось незаурядное впечатление, которое производило на новгородцев каменное сооружение. Ко времени захвата Новгорода Брячиславом дворец был построен.

Уходя из Новгорода, войска Брячислава ограбили город. Для викингов грабёж богатых городов был славным деянием, воспеваемым скальдами. Скандинавское происхождение сказителя объясняет, почему столь выдающийся подвиг Эймунда не нашёл отражения в саге.

Ярослав и Олав Скотконунг были родственниками и союзниками. Союзнические отношения сохранялись и при преемнике Олава — его сыне Якове. Ярослав и Олав Святой были женаты на сёстрах, что позволило Олаву в трудное время скрываться на Руси. Служба скандинавов у воевавшего с Ярославом Брячислава была враждебным по отношению к скандинавским королям поступком. Скальд из опасения будущих осложнений с властью на своей родине по возможности сокрыл наиболее острые моменты военного соперничества Брячислава с Ярославом.

После событий 1020 года в саге упоминается мирный год, по окончании которого отряд Эймунда ушёл к Брячиславу и принял участие в войне с Ярославом. В соответствии с этой хронологией поход на Новгород следует отнести на 1022 год. Подтверждением этому служит датировка похода 6528 годом в Тверской летописи, что по «эре –5506 года» даёт 1022 год. Дублирующее же это сообщение известие о войне с Брячиславом старших летописей под 6529 годом имеет «эру –5507 года».

В старших летописях после описания войны с Брячиславом следует текст:

*«В лето 6530. И поиде Ярослав к Берестию. **В си же времена** Мстиславу сущу Тмуторокани, и поиде на касогы». (26, 63)*

Сообщение о походе на Берестье является вставкой, переместившейся из статьи 1019 года. Сводчик имел разные описания войн Брячислава и Мстислава с разными датами. Мнение об одновременности событий следует отнести к войне с Брячиславом и признать реликтом существования датировки похода Брячислава 6530 годом, то есть по «эре –5508 года».

В Никоновской летописи под 6528 годом читаем:

*«Того же лета **приходиша печенеги**, и много зла с[о]твориша, и поидоша в своя». (23, 77)*

Сообщение вставлено после рассказа о кончине Константина, то есть речь идёт о 1022 годе. Предыдущие нападения печенегов на Русь происходили в результате призвания их к участию в войне либо Святополком, либо поляками.

После бегства Святополка из Руси дружеские отношения с печенегами среди правивших в то время русских князей были у Брячислава. Они сложились во времена совместной борьбы против Ярослава под знамёнами Болеслава и Святополка. В 1022 году Брячислав начал войну с Ярославом за обладание Новгородом. Ему было выгодно отвлечение в этот момент сил великого князя. Печенежский набег следует отнести на 1022 год, а подстрекателем степняков признать Брячислава. Запись о набеге была датирована по «эре –5506 года».

Окончание войны с Брячиславом приведено в Никоновской летописи:

*«И оттоле ис Киева **призва** его к собе, и **вда** ему два града, **Свячь** и **Видбеск**, и рече ему: "Буди же с мною един". И **воеваше Брячислав** с Ярославом **вся дни живота своего**». (23, 77)*

Ярослав, вернувшись в Киев, вызвал для переговоров побеждённого противника. При этом удел Брячислава был будто бы увеличен за счёт передачи ему городов Усвята и Витебска. Но и после такого замирения Брячислав остался противником Ярослава. Летописная версия событий вызывает сомнение. Брячислав побывать в Киеве и получить города мог, только заверив победителя в своей покорности. Проявление в последующем враждебности привело бы к отъёму дарованных городов и наказанию строптивца. Более правдоподобен текст Тверской летописи, столь щедрой на достоверные подробности:

*«В лето 6529. Поиде **Брячислав, сын** Изяславль, внук Володимерь, ис Полотска на Новгород с войском, и взя Новгород, и люди многы поплени. И поиме новгородци, имение их, и весь полон и скоты, и поиде к Полотску опять с множеством плена. И пришедшу ему к Судомире реце. Великий же князь Ярослав, **дядя его**, слышав ту весть, и совокупи воа многы, и поиде изгоном ис Киева, в седьмый день постыже его ту, и **победи Брячислава**, а новгородци отпусти к Новгороду, и полон у него отья, елико бяше Новгородскыа области. А **Брячислав бежа к Полотску**. И **оттоле призва** к себе **Ярослава**, и **даст ему два города** Всвячь и Видбеск, и рече ему: "Буди же со мною заодин". И оттоле Брячислав воеваше с великим князем Ярославом вся дни живота твоего; бе бо Ярославу **братанич**». (27, 142–143)*

Потерпевшему поражение Брячиславу пришлось пожертвовать двумя своими городами, уступленными великому князю, для того чтобы замирился с ним. Территориальные уступки не прибавили ему дружеских чувств к великому князю, о чём свидетельствуют последующие слова о его враждебности к Ярославу. О том, что инициатором мирных переговоров был Брячислав, сообщается в «Мазуринском летописце»:

*«Лета 6529-го Брячислав, сын Изаслава Владимеровича, пленив Новград. Ярослав же шед, пленив его, и победи и люди новгородстии отпусти к себе, а Брячислав **бежа ис Полтеску**, поможе **смирися с Ерославом**». (20, 52)*

Текст пострадал от времени. Слово «поможе» следует заменить на первоначальное «потом же». Брячислав бежал из Полоцка, и только позднее произошло примирение.

Война с Мстиславом

После Брячислава против Ярослава выступил другой его брат, Мстислав. Радзивилловская летопись:

*«В лето 6531. Поиде **Мстислав на Ярослава, с козары и касогы.***

*В лето 6532. Ярославу суцу в Новегороде. И прииде Мстислав ис Тмутороканя **к Киеву**, и не прияша его кияне. Он же седе на столе **в Чернигове**».*
(26, 64)

Как и в случае с походом Брячислава, наблюдается дублирование известий, помещённых в смежные летописные статьи. Походу предшествовала война Мстислава с касожским князем Редедей, датированная в старших летописях 6530 годом:

*«В си же времена **Мстиславу суцу Тмуторокани**, и **поиде на касогы**. Слышав же князь касожскыи, изыде противу. И ставшима обема полкома противу себе, и рече **Редедя** по Мстиславу: "Что ради губив дружину межы собя, но снидевася **сами бороти**. Да аще одолееши ты, то возмешь имение мое, и жену, и дети, и землю мою. Аще ли аз одолею, то возму твое все". И рече: "Тако буди". И рече Редедя ко Мстиславу: "Не оружьем ся бьеве, но борьбою". И ястася бороти крепко. И надолзе борющимася има, и нача изнемогати Мстислав: бе бо велик и силен Дередя, и рече Мстислав: "О пресвятая **Богородица, помози ми**. Аще бо одолею сего, сзижду церковь в имя твое". И се рек, удари им о землю, и выньзе нож, и зареза Редедю. И вшед в землю его, взя и все имение его, и жену его, и дети его, и дань взложи на касогы, и пришед Тмуторокань **заложил церковь** свята **Богородица**, и соверши ю, яже стоит и до сего дни Тмутороканю».* (26, 63–64)

Обращение князя к Богородице и строительство богородичной церкви говорит об особом её почитании, что было характерно для тех лет, когда праздники, связанные с Богородицей, приходились на воскресенье. Успение Богородицы (15 августа) было в воскресенье в 1025 году, Рождество Богородицы (8 сентября) — в 1023 году. Второе празднование ближе к летописной хронологии. Дата касожской войны приведена по «эре –5507 года».

По времени битва вроде бы близка к сентябрьскому празднику. Но военным месяцем русов был июнь и поединок с Редедей должен был состояться в июне 1023 года. В июне есть несколько дней, посвящённых богородичным иконам и храмам. Русы свои битвы приурочивали к четвергам. В четверг 28 июня 1023 года чествовалась икона Богородицы Троеручицы из афонского Хиландарского монастыря. (29, 194) Но исход войны решило не сражение войск, а поединок двух вождей, то есть Божий суд. Суды шли по пятницам. В пятницу 7 июня 1023 года был праздник Богородицы в Сосфении. (29, 172) В этот день Мстислав поверг Редедю, воздав благодарность своей Небесной заступнице. Храм был воздвигнут позднее в честь более известного праздника Рождества Богородицы, бывшего к тому же в год строительства воскресным.

Согласно поздним родословным книгам, Мстислав крестил захваченных детей Редеди, которых называли Юрием и Романом. (15, примеч. II, 25) Роман женился на дочери Мстислава. В Тмутараканском княжестве формировалась смешанная русско-касожская элита. К сыновьям Редеди возводили своё происхождение русские боярские роды Белеутовых, Сорокоумовых, Глебовых, Симских, Добрынских. В адыгских сказаниях Мстислав был запечатлён как Пренс Мстислау. (11, 189–190)

Описание войны с касогами восходит к местным тмутараканским преданиям. Их знатоком был участвовавший в создании летописной традиции Никон. Никон жил в Тмутаракани и, по предположению А. А. Шахматова, в 1073 году составил летописный свод. (43, 315) Специфический тмутараканский сюжет имеет «эру –5507 года», что свидетельствует о её использовании в местном летописании. Летопись могла вестись в построенном Мстиславом в честь победы 1023 года одноглавом каменном храме Богородицы, остатки которого были в 1955 году раскопаны Б. А. Рыбаковым. (25, 623)

В Ипатьевской летописи в статью 6532 года вставлен рассказ о подавлении языческого мятежа в Суздале, которого нет в более ранней Радзивиловской летописи:

«В се же лето в[о]сташа в[о]лсви в Суждалцих избиваху старую чадь по диаволу наученью и бесованию, глаголаще яко си **держат гобино** (урожай. — В. Т.) и **мятеж** велик, и **голод** в всей стране той. Идоша по Волзе вси людье в **Болгары** и привезоша жито и тако ожиша.

Слышав же **Ярослав** в[о]лхвы ты и приде к Суждалю, **изима волхвы**, расточи, а другиа показни, рек сице: "Бог наводит по грехом на кою землю голодом, или мором, или **ведром** или иною казнью, а человек не вестъ ничто же". И в[о]звратився Ярослав и поиде к Новугороду». (13, 135)

Языческие жрецы-волхвы во время голода убили суздальских жителей, прятавших урожай. Убитые названы «старой чадью», то есть старыми родственниками. (42, 311) Голод, судя по речи Ярослава, произошёл из-за того, что стояло вёдро, то есть засуха. Голод, наступивший из-за засухи, погубившей урожай, должны были почувствовать во второй половине лета, когда запасы зерна предыдущего урожая закончились. Восстание произошло до наступления несудоходной поры, так как в Волжскую Булгарию за продовольствием ездили речным путём. Перед нами события конца лета — начала осени.

В несколько укороченной форме рассказ повторён в Лаврентьевской летописи, более поздней по сравнению с Ипатьевской. В Тверской летописи в статье 6532 года сохранилась наиболее ранняя и наиболее полная версия:

«О в[о]лсвех лживых. По сем же лете в[о]ставше в[о]лсви **лживыи** в Суздали, и избиваху старую чадь **бабы**, по диаволу учению и бесованию, глаголюще, яко сии д[е]ржат губину и **жито** (зерно. — В. Т.) и **голод пушают**. И бе мятеж велик и глад по всей земли той, **яко мужу своа жена даати, да кормят себе, челядином**. Идоша вси людие в Болгары, и привезоша **пшеницу** и жито, и тако от того ожиша.

Слышав же **князь великий** Ярослав в[о]лхвы, прииде из Новогорода к Суждалю, и изымав **убийца** тыи расточи, **иже бяху бабы избии, и дома их разграбы**, а другыя казни. И **устави мятеж в той земле**, рек сице: "Бог наводит по грехом нашим на куюждо землю голодом, или мором, или ведром, или иною казнию, а человек не вестъ ничтоже, **Христос Бог един вестъ на**

небесех". Слышав же Ярослав Мстислава в Чернигове, и в[о]звратися ис Суздаля к Новгороду». (27, 144)

Здесь имеются некоторые уточнения. «Старой чадью» оказались женщины, чьи дома были разграблены. Выражение «голод пуцают» свидетельствует не об утайке припасов, а о вызвавшем голод колдовстве, в котором были обвинены жертвы восстания. Выявить виновниц волхвам помогло «диаволово учение и бесование», то есть чародейство. Голод был столь силён, что мужи продавали жён в рабство. Далее уточняется место работорговли. В Бугарии в обмен на женщин и иные ценности было приобретено зерно, позволившее справиться с бедствием.

Пришедший из Новгорода Ярослав Мудрый подавил мятеж, расправившись с его главарями. Слово «устави» свидетельствует о законоустановлениях, данных суздальцам во время наведения порядка. В Софийской первой и Никоновской летописях эта мысль изложена более кратко, но более ясно: «И устави ту землю». (23, 78)

В 982 году Владимир Святой покорил земли суздальских словен, у которых должен был иметься племенной центр. При подчинении славянских племён их племенные городки зачастую уничтожались, а вместо них создавались новые укреплённые поселения, становившиеся опорными пунктами великокняжеской власти. Суздаль возник не позднее 982 года.

Суздальцев, как и ростовцев, должны были крестить в 993 году, поэтому в Суздале следовало бы ожидать установления спасского и uspenskogo культа в качестве главных. Но главным храмом города стал собор Рождества Богородицы.

Успенская церковь была построена на окраине городского кремля, Спасской же в центральной части древнего города нет. Зато в девяти километрах от Суздаля есть поселение Спасское городище, а рядом с ним — Барское городище. (6, 446) Следы водворявшегося во время крещения Руси спасского культа сохранились близ Суздаля.

Почитание Рождества Богородицы распространялось по Руси со времён Владимира Святого. Так, на новгородском Перуновом холме им была построена церковь Рождества Богородицы. В ней на столбе запи-

сан как год основания — 995-й, так и строитель — Владимир Святой. (21, 233) Рождество Богородицы приходилось на воскресенье в 995 году, что и послужило причиной строительства храма. Этот праздник был почитаем и позднее. Так, в Десятинной церкви в эпоху Ярослава Мудрого культ Рождества Богородицы вытеснил успенский культ.

Согласно местным легендам, в строительстве суздальского Рождественского собора участвовал Владимир Святой, подаривший храму вывезенные из Херсонеса двери. Но археологи нашли в Суздале следы существования города только начиная с XI века, а двери считаются изготовленными значительно позднее Владимировой эпохи.

Перенос города состоялся при Ярославе, а единственным трагическим городским событием этого времени был погром во время подавления восстания волхвов. После того как Ярослав стал великим князем, Рождество Богородицы приходилось на воскресенье в 1023 и 1028 годах. 1023 год соответствует летописному 6532 году, при условии что перед нами события, случившиеся после 1 сентября 1023 года по сентябрьской «эре –5508 года». Восстание произошло летом 6531 года, но рассказ о суздальских событиях был датирован по времени победы над восставшими, состоявшейся в сентябре следующего календарного года.

Восстание повлекло репрессии, в ходе которых население Суздаля было частично выселено, частично истреблено. Город был возобновлён уже на новом месте. Спасское городище отмечает местоположение Суздаля 982–1023 годов, а Барское городище соответствует Суздалю до войны 982 года. Предания говорят о том, что Владимир Святой бывал в Суздале, но город тогда находился на месте Спасского городища.

Владимир Святой, распространяя православие на своих северо-восточных землях, центром наместничества сделал не Ростов и не Суздаль, а вновь построенный город Владимир-Залесский. Родоплеменная знать сопротивлялась усилению великокняжеской власти, и поэтому новые центры управления зачастую создавались в стороне от старых.

Во время крещения Руси шла борьба не только с язычеством, но и со старорусским христианством, наличие которого последующими писателями замалчивалось. Единственная известная нам представительница

старорусского христианства — княгиня Ольга. Обращает на себя внимание то, что зачинщики восстания жили в Суздале.

Наличие влиятельных волхвов в городе спустя много лет после его крещения сомнительно. О крещении княгини Ольги в одном из её житий говорится: «...иже оставивши елинскую злую прелесть отчю». (30, 6) Элинская прелесть включала в себя увлечение астрологией, видениями и прочими запрещёнными византийской церковью знаниями, сохранявшимися в неправославных христианских общинах. Но элинством называли и язычество.

Старорусское христианство выживало в языческой среде без поддержки центральных властей и потому шло на компромиссы с окружающей его культурой. Иностранцы отмечали явные пережитки язычества в русском православии позднего Средневековья. Старорусское христианство должно было иметь ещё большие заимствования из дохристианских культов. Всё это вызывало путаницу в источниках.

Под лживыми волхвами скрывается старая суздальская знать, сочетавшая внешнее принятие православия со старорусской и языческой верой своих предков. Во время голода из её среды вышли вожаки, которые, опираясь на авторитет апокрифических писаний и свои мистические прозрения, указали на виновниц несчастья. Эти неправославные духовные старцы и были названы волхвами.

В отличие от современного Суздаля Спасское и Барское городища были расположены в стратегически более благоприятном месте — на берегу реки Нерли. Когда Юрий Долгорукий сделал Суздаль столицей своего княжества, то собственную резиденцию отстроил неподалёку — в селе Кидекша, также на берегу Нерли. Нерль — самая крупная река этого региона, и расположение племенных центров словен на ней закономерно. Перенос города в сторону от главного водного пути сообщения был мерой против его усиления. Великокняжеской власти было удобнее опираться на населённый киевскими переселенцами Владимир-Залесский.

В рассказе есть странная фраза: «мужу своя жена даяти, да кормят себе, челядином». Её можно понять как продажу своих жён для прокормления себя и челяди-слуг. Но столь трогательная забота о слугах неве-

роятна. Фраза испорчена последующим редактированием. Женщин, названных чьими-то старыми родственницами, поубивали, их дома разграбили. После этого повстанцы отправились в Болгарию закупать продовольствие и продавать женщин. В описании продаж упоминалась челядь.

Пострадавшие женщины были явно не из бедной среды. В их усадьбах имелись слуги. Первоначально речь шла об убийствах и о грабеже. Добычу, включая уцелевших женщин, челядь и добро из разгромленных усадеб, отвезли на болгарские рынки для обеспечения прокорма победителей.

Жестокость расправы, сопровождавшейся переносом города, говорит о том, что погибшие женщины были дороги Ярославу. Около 1023 года известна кончина только одной престарелой родственницы великого князя — его мачехи болгарки Марии Борисовны, супруги Владимира Святого. Иоанн Скилица сообщает о её кончине в описании событий, случившихся между 1022 и 1025 годами. (12, 110)

Мария была игуменьей женского Софийского монастыря в Киеве. Монастырь сгорел во время печенежского нападения в январе 1018 года. Во время летнего пребывания поляков в столице монашки жили в усадьбе Десятинной церкви. Софийский собор Ярослав много лет спустя отстроил в ином месте, но монастыря при нём уже не было. После изгнания поляков монастырь восстанавливать не стали. Следующий по времени великокняжеский женский монастырь в столице появился только в 1086 году при церкви св. Андрея. Его первой игуменьей стала великокняжеская дочь Янка. (13, 197)

Борис и Глеб, сыновья Марии Борисовны, по очереди правили Ростовским княжеством, куда входил и Суздаль. После гибели Глеба Ростовское княжество оставалось без князя, и часть его могла быть передана на содержание Марии, ставшей наследницей своих сыновей. Озаботиться её судьбой Ярослав мог только после окончательного изгнания Святополка. Летом 1019 года на Руси появилась Ингигерд, и Ярославу пришлось выбирать место для великокняжеского женского монастыря подальше от столицы.

События лета 1018 года показали уязвимость Киева, ставшего добычей захватчиков. Болеслав и Святополк забрали при этом в свои гаремы по монахине. Большую безопасность давали контролируемые Ярославом северные территории Новгородского и Ростовского княжеств. Но в Новгородском княжестве хозяйничали родственники Ингигерд и наиболее подходящим для монастыря оказалось Ростовское княжество.

В Суздале имелись исстари почитаемые русской знатью женские монастыри. В Покровский монастырь, основанный в 1364 году, были пострижены две царицы: Соломония Сабурова, супруга Василия III, и Евдокия Лопухина, супруга Петра I, а также многие менее знаменитые представительницы знатных родов. (6, 448) В более раннее время роль духовного прибежища для знатных женщин выполнял иной суздальский монастырь — Ризоположенский. Ещё в домонгольскую эпоху его обительницей стала великокняжеская дочь св. Евфросиния Суздальская, чьими молитвами монастырь был спасён от разорения войсками Батыя. (4, 152) Третий суздальский женский монастырь — Введенский — также был посвящён Богородице. Находившаяся в нём Ризоположенская церковь выдаёт его былую связь с более древним Ризоположенским монастырём.

Суздальская монастырская традиция пошла от Ризоположенского монастыря. Праздник Положения риз Пресвятой Богородицы, отмечаемый 2 июля, приходился на воскресенье в 1021 году, то есть примерно на то время, когда мы предполагаем основание женского монастыря на севере Руси.

События принимают следующий вид. В 1021 году Ярослав основал в старом Суздале самый древний из северорусских великокняжеских женских монастырей — Ризоположенский. Он перевёл туда из Киева своих родственниц и наделил монастырь необходимыми для достойного существования его знатных обительниц данью и угодами. Через год недовольное таким соседством суздальское боярство, ранее распоряжавшееся переданными монастырю богатствами, обвинило монахинь в колдовстве, ставшем причиной летней засухи.

Время основания монастыря, строительство которого было связано с приездом Ингигерд в Киев, говорит о том, что первоначально шведская княжна была поселена в Новгороде. Для неё в 1020 году был построен каменный дворец. Под этим же годом в старших летописях сообщается о рождении у Ярослава первенца — Владимира. Владимир родился раньше. У Ингигерд родился какой-то иной ребёнок. Став матерью, Ингигерд укрепила своё положение при великокняжеском дворе, и Ярослав начал готовиться к её переезду в Киев. Но в 1022 году она находилась ещё в Новгороде, где была захвачена в плен Брячиславом. В Киев она могла попасть только осенью 1022 года после освобождения из плена.

Голод поразил не только Суздальскую землю. В Византии в 1023–1025 годах также был неурожай, из-за которого император Василий II отменил на два года налоги с земледельцев. (9, 200) Монастырь в Суздале в результате восстания озлобленной из-за голода черни был разгромлен, великокняжеские родственницы убиты. Его обитателей и ценности продали волжским булгарам. Так погибла Мария Борисовна.

Ярослав расправился с вожаками восстания, а город и монастырь перевёл подальше от беспокойных хозяев расположенных вокруг старого Суздаля боярских вотчин и торных дорог. Перенесённый город стал монастырско-церковным центром в великокняжеской системе управления северными территориями, поэтому он менее нуждался в водных путях сообщения, нежели города военно-административного типа.

Засуха отразилась в легенде, повествующей об основании города Ярославля:

*«... яко от **люта зноя** и травы и всяк злак сельный погоре, и бысть в тое время скорбь велия в людех, понеже и скотиин к смерти **от глада** доходиша».*
(18, 9)

Произошло это уже после основания города в 1004 году, когда селения старорусских христиан охватили волнения, вызванные ожиданием по «эре –5496 года» конца света. Подавив волнения, Ярослав основал город Ярославль в стратегически важном для ростовцев месте — у впадения Которосли в Волгу. Для ярославцев засуха 1023 года закончилась

благополучно. Молебен христианского священника из церкви св. Тихона вызвал 20 июля, в день Ильи-пророка, обильный дождь. Устрашённые язычники крестились, а капище Велеса было разрушено. В память о чуде при последующей перестройке церкви в ней был установлен второй придел — в честь Ильи-пророка.

В легенде основание Ярославля приурочено к 21 июля, а местные предания сообщают о переселении в него большого количества людей. (5, 17) Двадцать первое июля приходилось на воскресенье как раз в 1023 году. Переселение людей шло, судя по судьбе Суздаля, во время подавления волнений лета — осени 1023 года. Так как большая часть населения Ярославля была христианской, восстание его не затронуло. В Ярославль были переселены жители из менее благополучных местностей, чьи охваченные волнениями поселения властями разрушались. Наплыв населения привёл к крупному строительству. В зиму 1023/1024 годов заложили более обширный град и более вместительную церковь.

В Суздале повстанцы напали на великокняжескую монастырскую вотчину, а Ярославль принял переселенцев. В 1023 году по северу прокатилась волна возмущений против центральной власти, усиленная бедствиями засушливого года.

Летом 1022 года Брючислав натравил печенегов на Русь и, пользуясь отвлечением главных сил киевлян для отражения набега степняков, стал правителем Новгорода. Временный успех новгородцев, сбросивших при помощи приглашённого князя зависимость от Киева, привёл к брожению в соседнем Ростовском княжестве.

Возвышение Владимира-Залесского понизило статус бывшей столицы суздальских словен, а проживавшая в Суздале старая родоплеменная знать была недовольна тем, что ее отстранили от управления областью. Восставший Суздаль сумел продержаться довольно долго, так как одно плавание в Волжскую Булгарию и обратно должно было занять более месяца. Это говорит о поддержке восстания местным населением. В противном случае оно было бы быстро подавлено военными силами близлежащего Владимира-Залесского или более удалённого Ростова. Но справиться с восставшими удалось только Ярославу, прибывшему из Новгорода.

Испорченную временем фразу «*И устави мятеж в той земле*», учитывая дальнейшие примирительные рассуждения о божественном всемогуществе и человеческом ничтожестве, можно принять за сокращение первоначальной фразы «*И устави правду и утиши мятеж в той земле*».

Несмотря на подавление восстания, Ярославу в Ростовском княжестве пришлось в 1023 году заключить соглашение о полномочиях великокняжеской и местной власти, правах и обязанностях жителей.

Замирение Ярослава с северными подданными произошло своевременно. Подчинив в июне 1023 года касогов, Мстислав попытался овладеть киевским престолом. Получив отказ киевлян принять его своим князем, Мстислав не стал штурмовать столицу и удовлетворился занятием Чернигова.

Рассказ о суздальском восстании понадобился летописцу, чтобы пояснить причину отсутствия Ярослава в Киеве во время прихода к столице Мстислава. Осенью 1023 года Ярослав получил известие о захвате Мстиславом Чернигова и поспешил вернуться из Суздаля в Новгород, чтобы собрать силы для отражения новой опасности. Эта же опасность сделала великого князя более сговорчивым, и народные требования об упорядочивании налагаемых центральной властью тягот были удовлетворены.

Подробности конфликта с Мстиславом приводит Татищев:

*«6531 (1023). Мстислав посылал к Ярославу, **прося** у него части в **прибавок из уделов братних**, которые он завладел. И дал ему **Ярослав Муром**, чем Мстислав, не хотя быть доволен, начал войско готовить на Ярослава, собрав своих, а к тому козар и косог присовокупя, ожидал удобнаго времени».*
(36, 76)

В предшествующей редакции сочинения историка под этим годом стоит обычное для старших летописей сообщение о походе Мстислава с хазарами и касогами против Ярослава. (37, 146) Татищев нашёл известие о наделении Мстислава уделом и включил его в текст вместо сомнительного из-за повтора рассказа.

Выделение Мстиславу не какой-то пограничной и ближайшей к Тмутаракани области, а лежащего в глубине русских земель Муром вызывает удивление. Просьба о прибавке из уделов братних предполагает раздел выморочных земель. В междоусобице погибли древлянский князь Святослав и святые братья Борис и Глеб. Согласно летописям, Глеб был муромским князем.

Мстислав претендовал на наследство Глеба. На самом же деле Глеб несколько лет был черниговским князем и несколько месяцев — ростовским. Черниговское княжество включало в себя Муром, лежало на границе со степью, оно-то как раз и было захвачено Мстиславом.

Мстислав много лет спокойно правил Тмутараканью, но в 1023 году затеял войну с касогами, затем захватил Чернигов и даже пытался овладеть Киевом. Выиграв войну с Ярославом, он проявил редкое миролюбие, удовольствовавшись черниговско-тмутараканскими владениями. В дальнейшем Мстислав в качестве союзника Ярослава участвовал в походе на Польшу, но до самой своей кончины самостоятельных войн не предпринимал.

Вспышка агрессивности у Мстислава произошла после того, как Брячислав летом 1022 года потерпел поражение от Ярослава. Брячислав замирился с Ярославом, выдав ему Ингигерд и других пленников и уступив два города. Но позднее ему всё равно пришлось бежать из Полоцка. Летописец отметил последовавшее за этим вооружённое соперничество братьев. После 1022 года воевать с великим князем Брячислав мог только под знамёнами Мстислава.

Брячислав в разное время владел Волынью, Переяславлем и Полоцком. По старшинству он мог считать себя следующим после Ярослава и претендовать на один из самых старших городов — Новгород или Переяславль, а при удачном стечении обстоятельств — и на Киев. Новгород ему удалось занять, но Ярослав оказался могущественнее. Для продолжения борьбы Брячиславу был нужен сильный союзник, и он нашёл такого в лице Мстислава.

Судя по всему, Брячислав ушёл из своих родовых полоцких владений в Тмутаракань для того, чтобы уговорить младшего брата восстановить

попранную справедливость. Ведь по обычаям того времени все Владимировичи должны были получить достойные уделы, почти поровну разделив Русь. Ярослав же забрал под свою руку бóльшую часть страны.

В военном июне 1022 года Брячислав вошёл в Новгород. Ярослав после получения новгородских известий и отражения печенежской опасности смог прибыть к городу не раньше июля. Изгнанный из Новгорода, а затем и из Полоцка, Брячислав мог достигнуть Тмутаракани не ранее сентября 1022 года.

Братья не стали сразу вступать в схватку с могущественным киевским владыкой. Зато пополненное полоцкими воинами и варягами тмутараканское войско оказалось достаточно сильным для войны с соседями, нападать на которых ранее не решались. Подчинение хазар и касогов увеличило военную мощь Мстислава.

Собрав за лето 1023 года весьма внушительную, хотя и пёструю по составу армию, братья выступили в поход на север. Походу благоприятствовало то обстоятельство, что Ярослав был занят подавлением восстаний в Ростово-Суздальском княжестве. Брячислав мечтал о Киеве, Мстислав — о Чернигове, более соответствующем его статусу третьего по старшинству среди Рюриковичей. Киевляне отказались подчиниться подошедшим к городу Владимировичам и сохранили верность Ярославу. Но сам факт попытки овладеть столицей говорит о том, что в ней находились доброхоты братьев, на помощь которых те рассчитывали.

Сомнительно, чтобы Ярослав в ответ на одну только просьбу тмутараканского князя передал бы ему богатое Черниговское княжество, тем более что со Мстиславом был старый противник Ярослава Брячислав. Просьбу о выделении в удел Чернигова Мстислав должен был направить уже после занятия города и попытки подчинить Киев Брячиславу, с тем чтобы предотвратить войну с Ярославом.

Татищевское сообщение следует приурочить ко времени после захвата Чернигова осенью 1023 года. Редкое известие о тмутараканских делах имело тмутараканскую сентябрьскую «эру – 5507 года».

Заполучив Чернигов, братья попытались закрепить успех мирными переговорами. Но Ярослав отдавать свои владения не захотел. Узнав о

нападении, он пошёл на уступки жителям Новгородского и Ростово-Суздальского княжеств, даровав им законы и привилегии, чтобы иметь надёжный тыл. Затем великий князь обратился за помощью к заморским варягам. В Радзивиловской летописи в статье 6532 года после сообщения о захвате Чернигова читаем:

«Ярославу сущу в Новегороде. И посла Ярослав за море по варягы. И прииде Акун с варягы. Бе бо Акун слеп, и луда бе у него золотом исткана. И прии[де] ко Ярославу, и иде Ярослав со Акуном на Мстислава. Мстислав же слышав, и изыде противу има ко Листв[е]ну». (26, 64)

Татищев считал, что у Якуна были больные глаза и потому он носил что-то наподобие вуали или чадры:

«Оной был глазами слаб, для того имел завеску, золотом исткану, на глазах». (36, 76)

К его мнению присоединился Карамзин, хотя и подметил, что в поздних редакциях Киево-Печерского патерика слово «луда» заменено на слово «одежда». Он отверг предположение, что лудой могла быть носимая поверх доспехов мантия, на том основании, что древнерусские княжеские плащи назывались «корзно». В качестве примера слепого предводителя войска Карамзин со ссылкой на Снорри Стурлусона приводил скандинавского ярла Финна Слепого. (15, примеч. II, 27)

Татищев и Карамзин знали мнение Готлиба Байера (1694–1738), считавшего Якуна Иаковом, сыном шведского короля Олова и шурином Ярослава. (15, примеч. II, 27; 36, 240) Но этому мнению противоречило указание на слепоту вождя варягов. К тому же имена летописного варяга и шведского конунга имели различие, а большинство историков имя *Якун* возводило к созвучному скандинавскому языческому имени *Хакон*. Христианин же *Яков* имел языческое имя *Анунд*. Поэтому предположение Байера не нашло сторонников.

Последующих историков слепота варяжского вождя смутила. Среди скандинавских воинов того времени встречались одноглазые, но слепые в военных походах не участвовали. Если бы Якун был одноглазым, что делало повязку на лице обычным явлением, то его именовали бы кри-

вым. Что касается Финна Слепого, жившего во времена норвежского короля Харальда Сурового (1046–1066), то причиной его прозвища была не слепота. У Снорри этот ярл сражается наравне с иными воинами, и скальд ничем не отмечает его уродства. Насмешливая кличка появилась из-за иного. Снорри Стурлусон:

«После этого Финн сын Арни стал питать вражду к конунгу (Харальду Суровому. — В. Т.) из-за гибели Кальва, своего брата, и говорил, что конунг — виновник смерти Кальва и что Финн был обманут, когда он призвал Кальва, брата своего, возвратиться с запада из-за моря и убедил его отдаться во власть конунга и довериться ему. Когда весть об этих речах распространилась, то многие люди говорили, что Финн был близорук, думая, будто Кальв добьётся доверия конунга, и что конунг всегда мстит и за меньшие провинности, чем та, какую Кальв имел перед Харальдом конунгом». (31, 432)

Слепым его прозвали из-за того, что он по наивности, не разглядев мстительности и жестокости короля, стал невольной причиной гибели своего брата.

Исследователями было выяснено, что слово «луда» имело ряд значений: плащ, верхняя одежда, шлём, латы. Поэтому было выдвинуто предположение о том, что слово «слеп» произошло от первоначального выражения «сь леп», то есть варяг был лепым (красивым). В летописи речь шла о нарядном из-за вытканного золотом плаща иноземце. (25, 479)

Во время битвы под Лиственном варяг потерял свою луду на поле боя. Чтобы определиться с поразившим современников украшением заморского воина, следует вернуться к саге об Эймунде. В ней есть рассказ о коварной попытке Ингигерд. После того как Эймунд объявил о своём желании уйти к Вартилаву, Ярицлейв и Ингигерд задумали погубить его. Столь трудное предприятие попыталась осуществить во благо своего туповатого супруга умная скандинавка:

«После того отправилась она (Ингигерд. — В. Т.) к кораблям, и ярл Рёгнвальд Ульвссон с несколькими мужами, туда, где стояли у берега Эймунд и его

товарищи. И было им сказано, что она хочет повидать Эймунда конунга. Он сказал: "Не будем ей верить, потому что она умнее конунга, но не хочу я ей отказывать в разговоре". — "Тогда я пойду с тобой", — сказал Рагнар. "Нет, — сказал Эймунд, — это не военный поход и не пришла нам не равная сила".

На Эймунде был плащ с ремешком, а в руках — меч. Они сели на холме, а внизу была глина. **Княгиня и Рёгнвальд сели** близко к нему, **почти на его одежду.** Княгиня сказала: "Нехорошо, что вы с конунгом так расстаетесь. Я бы очень хотела сделать что-нибудь для того, чтобы между вами было лучше, а не хуже". Ни у того ни у другого из них руки не оставались в покое. Он **растегнул ремешок плаща**, а она сняла с себя перчатку и взмахнула ею над головой. Он видит тогда, что тут дело не без обмана и что она поставила людей, чтобы убить его по знаку, когда она взмахнёт перчаткой. И сразу же выбегают люди [из засады]. Эймунд увидал их раньше, чем они добежали до него, быстро вскакивает, и раньше, чем они опомнились, **остался** [только] **плащ**, а [сам] он им не достался». (10, 116)

Эймунд покинул Ярослава до приезда Ингигерд на Русь. Фантастичен и сам эпизод. Ингигерд садится рядом с держащим меч в руках опытным воином, и у неё хватает смелости дать знак скрывавшимся в засаде отряду. Соратникам Эймунда удалось захватить в плен нападавших на их предводителя воинов, но их тут же с миром отпустили без всяких условий и выкупа. Между тем у нападавшей стороны остался боевой плащ Эймунда. Он имел особое значение для его хозяина, так как удостоился описания в саге. При видимом успехе боя потеря части боевого одеяния, трусливо брошенного во время стремительного бегства, никак не красила Эймунда. Тем не менее эпизод с плащом был столь дорог скальду, что он использовал его в своём рассказе в ущерб чести главного героя сказания.

Скальд вплетал в сочинённые им сюжеты реалии происходивших событий. Так, в столь же фантастичном описании похищения Ингигерд упоминается о пребывании войск Ярицлейва и Вартилава у границы в течение семи ночей. На самом же деле семь дней, а не ночей продолжалось бегство войск Брючислава после поражения при Судомири. Семидневное легендарное противостояние закончилось возвращением

пленённой Ингигерд и мирными переговорами. Семидневная реальная погоня также закончилась выдачей пленённой великой княгини под стенами Полоцка и примирением Брячислава и Ярослава.

Легендарную потерю боевого плаща следует связать с реальной потерей вытканной золотом луды. Скальд бегство варяжского предводителя с поля боя приписал Эймунду. Данные саги подтверждают предположения современных историков о тождестве луды и плаща.

Вытканый золотом плащ — парча, которую скандинавы приобретали на Руси. На Русь же парча доставлялась из Византии и представляла собой шёлковую ткань с узорами из золотого или серебряного шитья. В псковских говорах и адыгском языке слово «лудан» означало шёлковую ткань, а в украинском языке — род материи. В более широком значении словом «луда» обозначали вещи, имеющие блестящую, сверкающую поверхность, что также соответствует облику парчовой ткани. (7, 271; 41, 528–529)

Корзно представляло собой плащ из меха или с меховой опушкой. Парадное княжеское корзно могло обшиваться и парчой. Бытование на Руси и в соседних землях созвучных с летописной лудой названий шёлковой ткани говорит о том, что Якун имел летний лёгкий шёлковый плащ, который отличался от утеплённого корзно. Потеря на месте сражения драгоценного парчового одеяния вошла в дружинный фольклор и привлекла внимание как летописца, так и скальда.

В Тверской летописи в статье 6532 года уточняется, что битва под Лиственом произошла осенью:

«Слышав же Ярослав Мстислава в Чернигове, и в[о]звратися ис Суздаля к Новогороду, и посла за море по Якуна, по варяжского князя, и по варягы. И прииде к нему Якун с варягы, бе же Якун слеп, а луда у него вся золотом окована. И поиде Ярослав с Якуном на Мстислава к Чернигову. Мстислав же слышав, изыде против их на сечю к Листвену, и бяше осень, и ту ся сретоша». (27, 144)

До битвы Ярослав успел привести наёмное войско и спуститься с ним к Листвену. Перед нами следующий по получению известий о мя-

теже год. В 1024 году Норвегией правил Олав Святой, Данией — Канут Великий, Швецией — Яков Олавсон. Все три конунга были молоды и взрослых сыновей не имели.

Имя *Хакон*, с которым обычно связывают имя *Якун*, распространено среди скандинавов. Так, в это время жил норвежский ярл Хакон Эйриксон, которого осенью 1014 года изгнал из страны Олав Святой. Хакон нашёл приют при дворе своего родственника Канута Великого и позднее с его помощью стал правителем Норвегии.

Приход на помощь Ярославу во главе сильного войска изгоя Хакона сомнителен. В 1024 году Хакон мог появиться при дворе Ярослава только в качестве военачальника Канута. Но такого военного предводителя на Руси не стали бы именовать князем. Князем называли правителя страны. Иных, ещё более знатных, Хаконов в это время не было.

В древнерусской традиции имя *Яков* имело форму *Якун*, что отмечается специалистами по русским именам. (35, 348; 39, 373) Так, новгородский посадник XII века Якун Мирославич был назван в честь св. Иакова Персиянина. (21, 330) Поэтому Тупиков, собиравший восходящие к языческой эпохе старорусские имена, из-за явно христианского характера не включил имя *Якун* в своё сочинение. (40)

В младших летописях Якун назван варяжским князем. (23, 78) Это означает, что он был правителем государства. О знатности варяга свидетельствует как парчовое одеяние, так и сохранение в летописи его имени. Между тем летописцы не сочли заслуживающими упоминания ни имя побывавшего на Руси норвежского конунга Олава Святого, ни имена иных знатных скандинавов, принимавших активное участие в событиях русской истории второй половины X — первой половины XI века. В нелетописных источниках из скандинавов по именам названы только родственники Якуна.

Правитель варягов Якун-Яков соответствует шведскому королю Якову Олавсону. Яков был братом Ингигерда и шурином Ярослава Мудрого. Оформившийся ещё при жизни Олава Скотконунга, отца Якова, новгородско-шведский союз окреп после свадьбы Ярослава и Ингигерда. Просить в северных странах помощь Ярослав должен был прежде

всего у своего родственника — шведского короля, поэтому мнение Байера следует признать верным.

Косвенным подтверждением участия Якова в русской междоусобице служит история с плащом. Яков получил своё второе имя в честь одного из предков — шведского короля Эмунда. В скандинавских сагах языческое имя Якова имеет разные варианты: *Анунд, Энунд, Эмунд*. Имена шведского короля и Эймунда Хрингсона — разные варианты одного имени. Это позволило скальду связать яркий сюжет с потерей парчового плаща с героем своего повествования — тёзкой шведского короля, тем более что оба участвовали в Лиственском сражении, хотя и по разные стороны.

Ярослав был осторожным и дальновидным политиком. Он имел собственные крупные военные силы. Во главе со шведским правителем к нему должен был подойти большой отряд скандинавов, основу которого составляли шведы. Отправляясь в поход на восставших братьев, великий князь наверняка имел существенное превосходство в силах. Несмотря на это опытный полководец потерпел поражение. Обстоятельства сражения в Радзивиловской летописи описаны так:

*«Мстисла[в] же исполчив дружину с вечера, и постави **северо в чело противу варягом**, а сам ста со дружиною своею **под крылом**. И бывшию **нощи**, и бысть **тьма, гром и молнии, и дождь**. И рече Мстислав дружине своей: "И поидем на н[е]". И поиде Мстислав и Ярослав противу ему, и **ступишася в чело варязи по севе[ро]**, и трудишася варязи секуще север. И по сем наступи Мстислав со дружиною своею и нача сечи варяги. И бысть **сеча силна и страшна**. Видев же Ярослав, яко побежаем есть, побеже со Акуном, князем варяжским, и Якун ту отбеже луды златое». (26, 64)*

Видна несообразность. Мстислав дал команду во время ночной грозы начать наступление на противника. Недостаток в войсках он решил восполнить внезапностью. Но при этом говорится об одновременном сближении войск Ярослава и Мстислава, а варяги показаны не обороняющимися, а нападающими на скрытно подобравшегося врага.

В Ипатьевской летописи расширено описание ночной битвы:

«И бысть сеча силна яко посветаша м[о]лныа и блисташася оружиа и бе гроза велика». (13, 136)

В Лаврентьевской летописи это дополнение оставлено, но в иных местах произведены сокращения. Противоречие рассмотренной фразы из Радзивилловской летописи в Ипатьевской снято уничтожением слова «ему», а в Лаврентьевской — заменой этого слова на слово «собе». В результате редакторских переработок получился вполне гладкий текст:

*«И поиде Мстислав и Ярослав **противу собе**. И сступиша чело **север с варягы**».* (17, 148)

Редактор внёс ещё одно уточнение: нападавшими он показал северян, а не варягов.

Согласно Тверской летописи, Мстислав ждал от внезапного нападения успеха в битве, говоря о выгоде своего решения:

*«Мстислав же **с вечера против нощи** исполчив дружину свою, и постави северу в чело противу варягом, а сам ста с дружиною своею по крылома. И бывши **нощи рябинной**, бысть тма и гром бываше, и молния и дождь. И рече Мстислав своим: "Поидем на них, **то ны есть користь**". И поиде Мстислав и великий князь Ярослав противу себе и **ступишася в чело севера с ворягы**, и трудишася варягы секуци северу, и посем наступи Мстислав с своими, и нача сечи варягы. И бысть сеча зла и страшна, **яко** посвятыаше моления, тако блещашеся оружие их, и **еликоже молния осветяше, толико мечи ведяху**. И тако друг друга секаше, и бе гроза велика и сеча сильна. Видев же ся великий князь Ярослав, яко побежаем есть, побеже с Якуном, князем варяжеским. Якун же ту отбежа луды своеа златыя. И тако **победи** Мстислав великого князя **Ярослава и Якуна**».* (27, 144–145)

Отмечено нападение северян на варягов, но применена поздняя версия движения войск «противу себе». Инициатива была на стороне Мстислава, который перед наступлением ночи выстроил войска и, не смотря на грозу, повёл их на приступ лагеря противника.

Сильная ночная гроза — событие необычное для осени, поэтому представляет интерес название ночи «рябинной». Рябиновой ночью у В. И. Даля названа душная ночь с зарницей во время цветения рябины. (8, 124) Рябиновые ночи выпадали на май и совпадали с первыми грозами. Автор описания рябиновой ночи был уверен в том, что сражение было в мае.

Битва под Лиственном произошла в 1024 году, и основной рассказ о ней датирован 6532 годом. В случае если сражение произошло осенью, в основе даты лежала бы тмутараканская «эра –5507 года». Но в сообщении отсутствуют специфические черты тмутараканского летописания в виде упоминания касогов и хазар. Если же битва была в мае, то она датируется по «эре –5508 года».

В старших летописях сообщения о войне Мстислава с Ярославом сдублированы в смежных статьях. Статья 6531 года, содержащая упоминание о хазарах и касогах, восходит к тмутараканскому летописанию с осенней «эрой –5507 года». Согласно этой статье, война произошла не ранее 1 сентября 1023 года и не позднее 31 августа 1024 года. Второе известие имеет осеннюю «эру –5508 года», и в нём собраны события от осеннего похода тмутараканских войск 1023 года до битвы под Лиственном.

Первое известие пострадало больше. Состав армии Мстислава мог быть одинаковым в обоих его предприятиях. Но внимание сведчика было сосредоточено на решающем сражении, второстепенные детали он отсекал. Поэтому перед нами реликт рассказа о выдвижении Мстислава с хазарами и касогами под Листвен.

За осень 1023 года Ярослав не успел бы собрать войска и подойти к Листвену. Зимняя же гроза с дождём — явление маловероятное. С осени 1023 года до мая 1024 года у Ярослава было достаточно времени, чтобы изготавиться к войне. Перенос сражения на осень 1024 года не соответствует характеру этого князя, который, несмотря на свою предусмотрительность и осторожность, был склонен к быстрым и решительным действиям. Совокупность имеющихся сведений говорит в пользу того, что битва под Лиственном произошла весной.

Осенними были поход тмутараканских войск на Киев и Чернигов и дипломатические переговоры в 1023 году. Из-за соединения разнородных известий и сокращений произошло смешение реалий двух походов. В первоначальном рассказе присутствовало частично сохранившееся Татищевым описание захвата Чернигова и переговоров, содержащее фразу *«и приспе осень»*. При сокращении рассказа ценное хронологическое указание сохранили и перенесли в описание главного события войны, не заметив создавшегося противоречия с иным хронологическим указанием о рябиновой ночи. Битву под Лиственном следует отнести на май 1024 года.

В битве под Лиственном варягам пришлось защищаться, отбиваясь от нападавших северян. В Тверской летописи описание ночного побоища со сверкающими в свете молнии мечами несколько пространнее, нежели в старших летописях. Ярослав и Якун выступают в качестве полноправных союзников, что соответствует высокому статусу короля Якова. Первоначальный рассказ о битве служил более поздним летописцам источником дополнений.

Северян Мстислав поставил в центре войска, разместив кавказцев и степняков по крыльям. Перед нами охват лагеря противника конницей. У Татищева приведена иная версия событий:

*«И тут, сошедшись, устроили войска к вечеру. Мстислав постави северян в чело противу варягов и **сам стал в середине, тмутараканян и черниговцев** поставил **по крылам**. Тогда ночь вельми мрачна, гром, молния и дождь, того ради **оба войска не хотели биться**. Мстислав же елико **храбр**, толико **хитр в войне был**. Усмотря себе сие время за полезное, **пошел вдруг со всем войском**, и Ярослав противу ему.*

Первое **варяги** Ярославли, в челе стоя, **напали** на чело Мстиславле и уже многих северян порубили. Крылья же оба, крепко бився, долго один другого ни мало смять не мог. Мстислав, уведав, что северяне уступают, взяв **часть войска с крыла, сам пошел** и напал на варяг с великою храбростию. И была сеча сильная, колико блистала молния и гром гремел велик, толико сечь сильна и страшна была.

И как Мстислав **смял варяг, напал на новгородцев** и оных немедленно разбил. Ярослав, видя, что войско его сбито, отступил прочь и возвратился

к Новуграду с Акуном, князем варяжским. На сем бою Якун погубил завеску золотую от очей». (36, 76)

Оба войска одновременно выстроились, приготовившись к вечернему сражению, что соответствует нападению варягов в начале битвы. В действительности же армия Мстислава напала первой. Но зато введена достоверная подробность о неожиданном выступлении всего войска Мстислава с реликтом ранней редакции рассказа в виде слова «ему». Правдоподобно выглядит нежелание воинов сражаться в грозовую ночь.

Только у Татищева говорится об участии в битве новгородцев. Они составляли значительную часть в пришедшем из Новгорода войске, тогда как в старших летописях единственными противниками Мстислава выведены варяги. Но зато противоречащее старшим летописям размещение Мстислава в центре его войска сомнительно, тем более что далее он командует силами одного из крыльев.

На двух крыльях Мстислав якобы поставил тмутараканцев и черниговцев. Но уже Карамзин подметил несообразность этого сообщения. Чернигов был стольным городом княжества, в котором проживали северяне.

В первоначальной редакции своего сочинения Татищев следовал старшим летописям. (37, 146) Есть только одно существенное отличие. Если в старших летописях говорится: «...и *трудишася* варяги, *секуще север*», то у Татищева: «...и *утрудишася* варяги, *секуще север*». Несмотря на добавление всего одной буквы, смысл текста меняется. Варяги не трудятся, избивая северян, а изнемогают в сече с ними. В церковно-славянском языке выражение «*трудити ся*» означало «устать, изнемочь». (34, 702) Это значение словосочетания было понятно информатору Татищева, который переиначил его на более современный лад. Такая же форма слова «*утрудишася*» присутствует в Никоновской летописи. (23, 78) Нападение Мстислава со свежими силами на уставших варягов принесло ему успех.

После написания первой редакции своего сочинения Татищев нашёл оригинальное известие, согласно которому битва имела традици-

онный вид: войска выстраиваются, Мстислав со своей дружиной становится в центре войска, по флангам размещает тмутараканцев и черниговцев. Первыми нападают варяги и поначалу теснят северян. Успех достигается за счёт того, что князь ушёл на один из флангов и воодушевил воинов на победный натиск. Сначала были разбиты варяги, за ними новгородцы.

Создатель этой версии плохо представлял черниговские дела, что и привело к разделению местной дружины на черниговцев и северян. Но зато он знал неизвестных иным летописцам тмутараканцев. Перед нами тмутараканская версия событий. В киевских описаниях битвы успех Мстислава был справедливо отнесён на счёт применения им военной хитрости. При этом новгородцы в битве не упоминались и позор поражения падал на головы одних варягов. Такой ход событий показался обидным тмутараканскому летописцу, и он изобразил более «честный» бой, в котором стороны одинаково изготавились и открыто сошлись в жестокой сече. Варягам было великодушно даровано преимущество: они первыми вступили в схватку и даже чуть было не победили.

Тмутараканец не был доброхотом новгородцев и включил их в число участников битвы, так как искусственное уменьшение сил Ярослава снижало значение победы Мстислава. Влияние этой тмутараканской легенды привело к тому, что зачинщиками битвы в Радзивилловской летописи стали выступать варяги.

Показательно, что ни в одном из описаний мы не находим киевлян. Между тем в войске великого князя в боевых действиях на территории соседнего Черниговского княжества киевляне должны были присутствовать. Воспоминания об участии в Лиственской битве оказались столь неприятными, что киевские создатели летописных сводов их истребили. Киевские воины в сражении не покрыли себя славой.

Ночное ненастье находим в описании фантастической засады Эймунда:

«И однажды ночью было ненастно и очень темно. Тогда Эймунд ушёл от своей дружины и Рагнар. Они пошли в лес и позади стана Ярицлейва сели у дороги». (10, 117)

Перед нами обходной манёвр, выведший наёмников в тыл войска Ярослава. Русские ночные битвы сопровождались направлением части сил в тыл врага и одновременным нападением с фронта и с тыла. Подобный манёвр должны были совершить отборные части Мстислава. Наиболее боеспособными у него были закалённые в боях предшествующих лет дружинники Брячислава и пришедшие с ним варяжские наёмники. Норвежцы должны были участвовать в излюбленном русами ночном окружении противника.

Скальд, оказавшийся в отряде Эймунда, не захотел показывать себя врагом шведского конунга. Но он не удержался и в зашифрованном виде всё же изобразил ход ночного побоища. Ещё один мотив сражения был вплетён в фантастический рассказ о коварной задумке Ингигерд:

*«Рагнар увидел это (нападение воинов на Эймунда. — В. Т.) и прибежал с корабля на берег, и так один за другим, и **хотели они убить людей княгини.** Но Эймунд сказал, что не должно этого быть. Они **столкнули их с глинистого холма и схватили.** Рагнар сказал: "Теперь мы не дадим тебе решать, Эймунд, и увезём их с собой". Эймунд отвечает: "Это нам не годится, пусть они вернутся **домой с миром**, потому что я не хочу так порвать дружбу с княгиней"». (10, 116)*

Люди шведской принцессы Ингигерд были шведами. Скальд показал Эймунда весьма лояльным шведскому королевскому дому и шведам вообще. Но за выдумками просматривается реальность. Шведами были участвовавшие в битве при Листвене воины короля Якова. Такая характеристика холма, как «глинистый», излишня для сюжета саги. Но зато участникам ночного побоища она говорила о многом.

Ярослав должен был выбрать для своей ставки позицию, защищённую естественными преградами от нападения врага. Холм с крутым откосом хорошо подходил для такой стоянки. Из чего был сложен холм, в сухое время существенного значения не имело. Но зато в дождь достаточно было столкнуть человека на мокрый глинистый склон, чтобы он кубарем скатился к самому его подножию.

События предстают в следующем виде. Ставку великого князя и его шурина Якова охраняла самая надёжная часть войска — личная дру-

жина Ярослава и шведы. Новгородцы должны были прикрывать центр, киевляне и воины иных княжеств — фланги.

Северяне прорвали ряды новгородцев и завязали битву с подоспевшими шведами. В это время разноплеменная кавказская и степная конница сковала силы флангов. Брячислав с полочанами и варягами двинулся в глубокий рейд, чтобы выйти к ставке Ярослава с тыла, куда подходил путь с запада, по которому великий князь мог бы бежать в случае опасности. Мстислав со своей дружиной остался позади северян, выжидая развития событий, что отметил информированный тмутараканец.

Судя по молчанию летописцев, новгородцы и киевляне особого рвения в битве не проявили, ограничившись обороной от вражеской конницы. У новгородцев ещё могли быть сильны обиды за расправы над зачинщиками смуты, приведшей за два года до этого к призыванию Брячислава. Для киевлян Ярослав был прежде всего новгородским князем, повинным в гибели киевских воинов под Любечем, Волынем и Переяславлем.

Как только шведы выдохлись в сече, на них напали свежие резервы Мстислава во главе с самим князем. Прорвавшись с тыла к великокняжеской ставке, отряд Брячислава оттеснил охранявших её шведов к скользкому глинистому обрыву, и те посыпались вниз, в объятия северян. Надо полагать, что именно так скальд попал в плен, а чтобы освободиться, перешёл в стан врага и поступил в отряд Эймунда.

Умолчание об участии киевлян и новгородцев в битве говорит об их измене Ярославу. Ярослав, сам умело применявший тактику ночных нападений, понял, что из-за измены части своих воинов противостоять ночному нападению с двух сторон невозможно. Битва была проиграна. Собрав оставшиеся верными отряды в кулак, великий князь и король прорвали заслон из воинов Брячислава и ушли в Новгород. Сверкающий в свете молний плащ Якова привлекал внимание. В него вцепились вражеские руки, и королю пришлось расстегнуть застёжку, чтобы не оказаться стянутым с коня.

Со вступлением на шведский престол Якова укрепился как шведско-русский, так и шведско-норвежский союз. Вторая сестра Якова была

замужем за Олавом Святым, и два короля-родственника впоследствии совместно выступали против притязаний Канута Великого на владичество над всеми скандинавскими странами. Из двух стран более сильной в военном отношении была Швеция. Показательно, что претензии на власть над Норвегией Канут стал выдвигать в 1025 году — на следующий год после неудачи шведов в русском походе. Канут, похоже, воспользовался возникшими у Якова проблемами: авторитет последнего после поражения под Лиственном пошатнулся.

Троевластие

Исход Лиственской битвы привёл к разделению Руси. Радзивилловская летопись:

«Ярослав же прииде к Новугороду, а Якун иде за море. Мстислав же, о света заутра, и виде лежащих сечены от своих север и варяги Ярославли, и рече: "Кто сему не рад. Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела".

И посла Мстислав по Ярослававе, глаголя: "Седи на своем столе в Киеве, понеже ты еси стареишии брат. Мне буди си сторона". И не смеяше Ярослав до Киева, дондеже смирился. И сядуще Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новегороде, и бяху сядуще в Киеве мужи Ярославли. В сем же лете родися 2 сын, и нарече имя ему Изяслав». (26, 64)

Циничное высказывание Мстислава относительно северян, своей кровью добывших ему победу, смущало историков. У Татищева находим дополнение, несколько смягчающее ситуацию:

«Мстислав же остався на месте побоища. И когда день настал, увидел лежащих посеченных от своих северу и от Ярославлих варяги, рек: "Кто сему не рад, видя храбрость мужей сих. Се лежат северяне, а се варяги, собственное же мое войско цело есть"». (36, 76)

Несмотря на похвалу павшим, найденную Татищевым в ныне утраченных источниках, Мстислав и здесь представлен в неприглядном свете. Первоначальный рассказ подвергся сокращениям автора, относившегося к Мстиславу недоброжелательно. Перед нами киевская версия

событий. На самом же деле Мстислав, скорее всего, произнёс обычную для такого случая речь, в которой выразил радость по поводу победы над более могущественным врагом, похвалил доблесть павших в битве и поблагодарил Бога за спасение жизни тех, кто уцелел в жестокой сече.

Ян Длугош пишет:

«Девятый сын князя Руси Владимира, тмутараканский князь Мстислав, намереваясь захватить киевский стол, собирает немалое войско из хазар и касогов и идёт против своего брата киевского князя Ярослава. И хотя киевский князь Ярослав позвал себе на помощь князя врагунов Якуя, но, дважды испытав судьбу в сражении, был побеждён и поражён, и киевляне подчинились власти победителя Мстислава». (45, 246)

Далее Длугош приводит летописную версию событий о добровольной уступке Мстиславом Киева Ярославу. Якун здесь назван князем варягов. У Длугоша была летопись, в которой сражение под Лиственом было описано в двух разных летописных статьях. В старших летописях это дублирование уже было устранено. Сведения о подчинении киевлян Мстиславу следует считать реликтом не дошедшего до нашего времени летописания. После победы под Лиственом победители заняли Киев.

Несмотря на поражение, Ярослав оставался грозным противником. Свидетельство его сохранившегося могущества запечатлено у Татищева:

«И разсудя Мстислав ово по справедливости, что Ярослав есть старейшии и един избавил братию от Святополка, частью зная его несравненную себе силу, послал к Ярославу, глаголя: "Буди ты на своем престоле в Киеве, зане ты старейший брат, а мне отдай сию сторону". Ярослав же, умирися с братом, уступил ему Чернигов со всею областью до Днепра. И пребысть Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, в Киеве же управляли вельможи Ярославли». (36, 76)

Победители, возвращая Ярослава на киевское княжение, сильно рисковали. Редкостная удача под Лиственом могла больше не повториться. Ярослав же под Любечем в 1017 году доказал, что может, опираясь на одних лишь новгородцев и варягов, справиться с войсками

южных княжеств. Добровольная передача ему киевских дружинников ставила Мстислава и Брячислава с их скромным войском в случае обострения отношений в сложное положение.

При сохранении за братьями одного захваченного Чернигова виновник смуты Брячислав оставался без достойного вознаграждения за победу. В последующей летописной статье говорится:

*«В лето 6534. И Ярослав совокупи **вои мнози**, и прииде к Киеву, и сотвори мир со братом своим Мстиславом у Городца. И разделиста по Днепр Рускую землю: и Ярослав прия сю сторону, а Мстислав ону. И начаста жити мирно и в братолюбстве, и преста усобица и мятеже, и бысть **тишина велика** в земли». (26, 64)*

В Радзивиловской летописи в целом была принята сплошная нумерация статей по годам. Но статья 6533 года отсутствует. В Ипатьевской летописи этот недостаток восполнен за счёт включения пустой статьи 6533 года.

Городец стоял напротив Киева на восточном берегу Днепра. (15, примеч. II, 28) Мстислав подошёл к Киеву, в который прибыл великий князь. Мир был заключён позже, и Ярослав добился его вооружённой силой. После Листвена братья враждовали, и причин для передачи Киева не было.

Мстислав не оставил после себя наследников. После смерти сведения о его победных деяниях представляли только исторический интерес. Иное дело Брячислав, сын которого Всеслав вёл упорную борьбу за великокняжеский престол с Ярославичами. Потомки Брячислава враждовали с киевскими владыками позднее, и всё, что было связано с Брячиславом, долгое время имело острое политическое значение для соперничавших между собой разных ветвей Рюриковичей. Поэтому основатель полоцкого правящего дома вызывал пристальное внимание летописцев и его биография сильно страдала от редакторских правок.

События тех лет отразились в саге об Эймунде. После похищения Ингигерд стороны стали договариваться о примирении. В разговоре Эймунда с Вартилавом прозвучали такие слова:

«Эймунд сказал: "Ты будешь доволен тем, что у тебя было до сих пор?" — "Да", — говорит конунг (Вартилава. — В. Т.). Эймунд сказал: "Не скажу, чтобы это было [правильное] решение — чтобы твоя доля не увеличилась, потому что **ты должен получить наследство** после брата твоего **наравне с ним** (Ярицлейвом. — В. Т.)"». (10, 118)

Здесь, как и в русских летописях, звучит озабоченность по поводу передела выморочного наследства. В летописях Мстислав претендует на наследство Глеба, в саге Вартилаву советуют бороться за наследство Бурислава-Святополка, то есть за Киев. Разговор состоялся после того, как люди Эймунда спустили с глиняного откоса подданных Ярицлейва, то есть по завершении Лиственской битвы. После битвы последовал летописный раздел Руси. В саге мудрая Ингигерд также делит Русь между конунгами:

«Она (Ингигерд. — В. Т.) сказала **Ярицлейву** конунгу, что он будет **держать** лучшую часть Гардарики — это **Хольмгард**, а **Вартилава Кэнугард** (Киев. — В. Т.), другое лучшее княжество с данями и поборами; это — **наполовину больше**, чем у него было до сих пор. А **Палтескью** (Полоцк. — В. Т.) и область, которая сюда принадлежит, получит **Эймунд** конунг, и будет над нею конунгом, и получит все земские поборы целиком, которые сюда принадлежат». (10, 118)

Согласно саге, Ярослав получил Новгород, Брячислав — Киев, Эймунд — Полоцк. Б. А. Рыбаков с доверием относился к сведениям саги и считал, что Брячислав во время междоусобицы 1019–1021 годов три года занимал великокняжеский престол в Киеве. (28, 453)

Участие Брячислава в битве под Лиственом летописцами было сокрыто. Но один реликт сохранился. В Московско-Академическом списке Радзивиловской летописи во фразе «*И поиде Мстислав и Ярослав противу ему*» слова «и Ярослав» написаны на поле со знаком вноски. Фраза вызвала у переписчика затруднение, и он исключил имя Ярослава. Поздний читатель это заметил и восстановил былой текст припиской.

Текст действительно странный. В нем говорится, что Мстислав и Ярослав пошли против какого-то третьего, анонимного, противника.

Первоначально сообщалось только о движении на лагерь Ярослава, что более соответствует обстановке начала битвы. Но против Ярослава, который, согласно предшествующему тексту, подошёл к Листвену и был обозначен местоимением, выступили два князя — Мстислав и Брячислав. При редактировании Брячислава заменили на Ярослава, и получилось порченное предложение, согласно которому Ярослав воюет сам с собой.

Ярослав оказался побеждённым, Мстислав и Брячислав — победителями. Мстислав в результате победы закрепил за собой Чернигов. Брячислав-Вартилава претендовал на Киев. В саге проигнорировано участие в междоусобице Мстислава. Его место в троице правителей занял милый скальду Эймунд. Но Эймунд мог стать наместником Полоцкого княжества только в случае ухода Брячислава на более престижное княжение. Сведения саги выглядят правдоподобно.

В Радзивилловской летописи имя Ярослава дано в испорченной форме: *«посла Мстислав по Ярослававе»*. В Московско-Академическом списке имени придана правильная форма: *«посла Мстислав по Ярослава»*. В Ипатьевской же летописи имя имеет иной вид: *«посла Мстислав по Ярослав»*. Из чего следует, что исходным для автора исправления было имя *Ярослававе*.

Окончание *«-ве»* — реликт предшествующей версии рассказа, в которой Мстислав обращался к князю в иной форме и соответственно окончание имени было иным. Такое окончание соответствует непосредственному обращению типа *«ркучи ко»*. Непосредственно обращаться Мстислав мог только к своему соратнику Брячиславу, и первоначально фраза звучала так: *«...ркучи Мстислав ко Брячиславе: "Седи в Киеве, понеже ты еси стареишии брат"»*.

После победы над Ярославом Мстислав добровольно уступил Киев более старшему Брячиславу. Но затем накопивший силы Ярослав изгнал Брячислава. По мирному договору граница между владениями Ярослава и Мстислава проходила по Днепру. Престижный Переяславль находился восточнее Днепра на территории, отошедшей к Мстиславу. Сюда должен был перейти изгнанный из Киева Брячислав.

После победы под Лиственном Русь была поделена между братьями на три части. На какое-то время установилось троевластие. В летописи возвращение Ярослава в Киев отнесено на третье лето по Лиственской битве при включительном счёте лет. В саге находим аналогичный срок, связанный с Брячиславом-Вартилавом:

*«Вартилав конунг прожил не дольше трех зим, заболел и умер. Это был конунг, которого любили как нельзя больше. После него **принял власть Ярицлейв** и правил с тех пор один обоими княжествами. А **Эймунд правил** своими и не дожил до старости. Он умер без наследников, и умер от болезни».* (10, 119)

Летописцы кончину Брячислава относят к 6552 году, то есть к более позднему периоду, поэтому хронологическое указание саги следует связать с киевским периодом его княжения. Уход из Киева не привёл к уходу Эймунда с поста полоцкого наместника, и это подкрепляет предположение о том, что Брячислав не вернулся в Полоцк, а стал переяславским князем.

На третье лето Ярослав возвращается в Киев, а легендарный Вартилав, не прожив трёх зим, умирает в этом же городе. Схождение данных в столь разных по происхождению известиях свидетельствует о том, что Брячислав был изгнан из Киева в 1026 году и летописное сообщение имеет «эру –5508 года». Но в Лаврентьевской летописи имеется одна особенность:

«И бяху в Кыеве мужи Ярославле. 7 лет бысть и родися другой сын и нарече имя ему Изяслав». (17, 149)

Предшествующее выражение «в сем же лете» здесь заменено на созвучное «семь лет бысть». Мы имеем либо описку переписчика, спутавшего слово «сем» с числительным «семь», либо восстановление былого указания о семилетнем периоде на основании более ранних летописных записей.

Если мы имеем дело с реликтом сведений, то получаем семилетний разрыв между поражением под Лиственном и возвращением Ярослава в Киев. Такому положению дел соответствует использование в статье

6534 года «эры –5504 года». Противостояние войск, закончившееся миром у Городца, в этом случае выпадает на 1030 год, или на седьмой год при включительном счёте лет.

Ярослав в междоусобице использовал военную помощь скандинавских государей. В 1027 году армия норвежского конунга Олава Святого и шведского конунга Якова напала на Данию. Канут Великий с огромным войском двинулся на них из Англии, настиг союзников у Сканий и разбил в битве на реке Хельге. В следующем году Канут завоевал Норвегию, а своим наместником поставил Хакона Эйриксона. После безуспешной попытки отвоевать Норвегию Олав Святой по весне 1029 года уплыл на Русь. Зимой этого года он узнал о гибели в кораблекрушении Хакона Эйриксона и весной 1030 года добрался до Швеции. Набрав здесь сторонников, он вступил в Норвегию, но 29 июля погиб в битве против войска норвежских бондов при Стиклас-тадире. (10, 21–23)

В 1027–1030 годах норвежцы были поглощены войной с датчанами и междоусобицей. Шведы после 1027 года активного участия в этих событиях не принимали, но, будучи союзниками норвежцев, были под угрозой датского вторжения. Оказание скандинавами крупной помощи Ярославу в 1030 году сомнительно. Иное дело 1026 год.

Канут, заявив весной 1025 года претензии на Норвегию, на вторжение не решился. В 1026 году он уехал в паломническую поездку в Рим. В 1027 году шведы и норвежцы выступили против могущественных датчан. Яков возглавлял флотилию из 100 кораблей, Олав — из шестидесяти. (31, 313–314) Шведы выставили большую по тем временам армию: не менее чем в 3000 человек. Это говорит о том, что поражение под Лиственгом не было для них катастрофическим и в 1026 году они могли предоставить Ярославу наёмников в достаточном для борьбы количестве.

Внешнеполитическая ситуация была такова, что как раз 1026 год был наиболее благоприятным для получения заморской помощи. Годичную задержку с отвоеванием Киева можно объяснить тревожной обстановкой весны 1025 года, когда из-за обострения датско-норвежских отношений северные страны были на грани войны.

Задержка в отвоевании Киева на два года выглядит более достоверной, нежели задержка в шесть лет. Многолетний отказ Ярослава от борьбы не вяжется с его характером, а длительное правление Брячислава Киевом было бы сложно скрыть. Фразу Лаврентьевской летописи о семилетнем периоде следует считать ошибочной.

Зимой 1025/1026 годов Олав Святой заключил соглашение с жителем северонорвежской области Халогаланд Карли о совместном торговом предприятии. Карли ранней весной отплыл на восток, торговал и ограбил языческое капище в Биармии, а на обратном пути был убит участвовавшим в плавании земляком Ториром Собакой, позарившимся на богатства компаньона. (10, 21)

Биармия находилась по соседству с Русью. Карли и Торир на двух кораблях добрались до биармов северным путём, обогнув Кольский полуостров. Торговлю они вели на реке Вине, под которой скрывается Северная Двина. Бассейн Двины с севера примыкал к району Галича Мерского и Чухломы, в которых ещё со второй половины X века проживало русское население. Поэтому бассейн Северной Двины к 1026 году входил в сферу торговых интересов русских купцов, а местное население было подвластно Руси. Олав, отправляя своего дружинника для торговли с биармами, был уверен в доброжелательности русских властей к торговцам. Такую уверенность как раз и могло дать соглашение о военной помощи Ярославу, который в качестве компенсации мог разрешить скупку мехов в своих владениях.

Карли собирался согласно договору половину приобретённых в поездке богатств отдать Олаву, но сомневался, что тот примет захваченное в языческом капище ожерелье. (31, 285) Столь необычная щепетильность короля в отношении полученных путём грабежа ценностей хорошо объясняется наличием договорённостей с Ярославом. Грабёж был самоуправным делом купцов, и король не мог принять захваченные в дружественной ему стране вещи из-за возможных осложнений в отношениях с Ярославом. Поездка Карли косвенно свидетельствует о том, что наёмников в 1026 году вербовали как в Швеции, так и в Норвегии.

В статье 6532 года были собраны события 1024–1026 годов. Мстислав добровольно уступил Брячиславу Киев, а Ярослав не смел возвращаться на юг до тех пор, пока не примирился с Мстиславом. Примирение же состоялось в 1026 году у Городца. Здесь запечатлена благоприятная для Мстислава версия событий в ущерб достоверности. На самом же деле мир был заключён не благодаря одному лишь миролюбию Мстислава, а из-за страха младших Рюриковичей перед мощью собранной Ярославом армии.

Сюжет был извлечён из тмутараканского летописания и дублировал киевский рассказ о примирении 1026 года. Первоначально этот тмутараканский сюжет относился к 1026 году и был самостоятельной летописной статьёй, датированной 6533 годом по «эре –5507 года». Сводчик поставил её между статьями 6532 и 6534 годов. Последующий редактор включил статью 6533 года в состав предшествовавшей, но не заметил, что в хронологическом ряду образовался пробел. Оплешность был исправлена в Ипатьевской летописи путём вставки пустой статьи 6533 года.

Мир 1026 года укрепил силы всей северной коалиции. Швеция и Норвегия теперь могли опираться на возросшую мощь Ярослава. После победоносного похода северные воины и короли получили вознаграждение, что облегчило подготовку к войне с Данией.

Необходимость расплаты со скандинавскими наёмниками послужила одной из причин чеканки Ярославом серебряной монеты. Выпускалось два типа монет: более ранними были большие сребреники весом более трёх грамм, более поздними — малые весом около полутора грамм. Большие по весу близки к серебряным восточным дирхемам, малые — к западноевропейским денариям. И те и другие чеканились в Новгороде. М. П. Сотникова:

*«Догадка о чеканке Ярослава серебра в Новгороде вынашивалась многими исследователями... происхождение почти всех известных экземпляров Ярослава серебра из Прибалтики при их полном **отсутствии в южных находках** как будто бы подтверждает чеканку Ярослава серебра именно в Новгороде. На то же указывают и находки **медных** литых **повторений** Ярослава серебра исключительно **на севере**».*

*Косвенным свидетельством выпуска Ярославовых сребреников в Новгороде может служить их постоянно высокая проба (960 град.): начавшийся в последней четверти X в. приток западноевропейского серебра на Русь проходил главным образом **через Новгород**». (32, 208–209)*

В отличие от монет Владимира Святого и Святополка на монетах Ярослава отсутствует упоминание о княжеском столе. Из этого делается вывод о том, что чеканка монет началась в Новгороде ещё до того, как Ярослав стал великим князем. (32, 208)

Монетное дело на Руси было заведено Владимиром Святым и было важным атрибутом верховной власти. К тому же это было технически сложное производство. Мастером по изготовлению монетных штемпелей Ярослав мог обзавестись в Киеве, поэтому начало изготовления монеты в Новгороде не могло произойти при жизни Владимира Святого.

После поражения на Буге Ярослав лишился Киева, но не признал старшинство Святополка. Святополк чеканил сребреники в Киеве, а Ярослав, заполучив во время пребывания на юге одного из мастеров монетного дела, чеканил сребреники в Новгороде, но не решился упоминать о столе, так как великокняжеский стол отождествлялся с Киевом. В отличие от отца и брата Ярослав изображал на монетах не себя, а своего небесного покровителя св. Георгия. Это позволяло уходить от щекотливого вопроса о короне на голове правителя, на которую в момент печатания монет Ярослав права не имел. Большие сребреники были чеканены осенью — зимой 1018 года в эпоху двоевластия со Святополком.

Малые сребреники известны в составе западноевропейских кладов, зарытых не ранее 1025 года. (32, 160) Штемпели для них были созданы мастером из Швеции. (32, 213) Присылка шведского гравёра была возможной после заключения брака Ярослава и Ингигерд летом 1019 года. Повторно Ярослав оказался в Новгороде и нуждался в укреплении своего пошатнувшегося авторитета после поражения под Лиственном и занятия Брячиславом великокняжеского стола. Ярослав не признал главенства младшего брата, но изобразить себя на монетах и на этот раз не решился.

Присланный шведским конунгом Яковом гравёр помог отчеканить партию монет, ориентированных на западноевропейскую денежную систему. Малые сребреники были созданы во второй половине 1024 года — первой половине 1026 года. Часть их вскоре оказалась в составе зарытых кладов. Обилие кладов с младшими монетами 1025 года следует объяснить войной 1027 года шведско-норвежского флота с датчанами. Канут Великий нанёс поражение северянам. Среди погибших были владельцы кладов, которые получили новгородские монеты за помощь Ярославу в возвращении власти над Киевом.

Набеги на Византию

В летописях период разделения страны между тремя старшими Владимировичами с лета 1024 года по лето 1026 года не освещён. Византийские авторы знают о появлении в империи в это время русского флота. Кедрин:

*«Когда умерла на Руси сестра императора, а ранее муж её Владимир, то **Хрисохир**, какой-то сородич умершего, привлёкши к себе **800 человек** и посадив их на суда, пришёл в Константинополь, как будто желая вступить в наёмную службу. Но когда император (Василий II. — В. Т.) потребовал, чтобы он сложил оружие и только в таком виде представился на свидание, то он не захотел этого и ушёл в Пропонтиду.*

*Прибыв в Абидос и столкнувшись со стратигом оной [Пропонтиды], наблюдавшим за морским берегом, он легко его поборол и спустился к Лемносу. Здесь [он и его спутники] **были обмануты** притворными обещаниями, данными начальником флота Киварриотов и Давидом из Охриды, стратигом Самоса, да Никофром Кавасилой, дукою Солунским, и все были перебиты».* (3, 130–131)

Рассказ стоит после описания событий 1025 года перед сообщением о кончине Василия II, которая пришлась на 15 декабря 1025 года. Русские ладьи с экипажем в 800 человек пробрались в Пропонтиду и одержали в Дарданеллах победу над охранявшей пролив византийской фло-

тилией. Русы добрались до острова Лемнос, но там с ними справились при помощи оружия и хитрости.

В 1025 году византийцы готовили экспедицию по отвоеванию у мусульман Сицилии. Экспедиция не состоялась из-за смерти Василия II, хотя войска уже грузились на корабли. (9, 202) В таких морских предприятиях обычно использовались русские наёмники. Отряд прибыл в Византию, прослышав о наборе войск для крупного похода. По каким-то причинам Хрисохиру не удалось договориться с византийскими властями, и русы прорвались в Средиземное море.

Русы должны были прибыть в Константинополь для поступления на военную службу в июне. Трагедия на острове Лемнос произошла в конце 1025 года. Византийцы справились с ними только спустя несколько месяцев после их ухода в Средиземное море, стянув с разных сторон крупные силы.

Днепровский путь в Византию в 1025 году был в руках Брячислава, и Ярослав не мог отправить отряд в Константинополь. Но и Брячислав с Мстиславом в ожидании решительной схватки со старшим братом не стали бы отпускать от себя воинов.

Взаимная насторожённость императора и русского вождя говорит о том, что прибытие отряда не было традиционной военной помощью, которую многие годы направляли правители Руси. Такая помощь сопровождалась посланниками, имевшими письменные подтверждения своих полномочий.

После поражения под Лиственном в плен к Мстиславу и Брячиславу попала часть армии Ярослава. Среди пленных были новгородцы, киевляне и шведы. Киевлян должны были отпустить в Киев при условии признания власти Брячислава. Часть шведов пополнила варяжскую дружину нового великого князя. В самом сложном положении оказались пленные новгородцы. Переход на сторону Брячислава ставил под удар их родственников в Новгороде. Возвращение пленников домой означало усиление войска Ярослава. К тому же за своё поведение в Лиственской битве часть пленников могла быть обвинена Ярославом в измене. Отправка Брячиславом в Византию отряда не пожелавших ему служить новгородцев устраивала обе стороны.

На беду Хрисохира Василий II с сомнением отнёсся к правомочности присвоения Брячиславом титула верховного правителя Руси. Русов должны были задержать до получения разъяснений от Ярослава, что в их планы не входило.

Хрисохир переводится с греческого как «золотая рука». На востоке известны люди с такими именами-прозвищами. Так, Хрисохиром был вождь павликиан из Тефрики, живший в IX веке. В русском летописании подобные имена не встречаются. Хрисохир был родственником Владимира Святого. О гибели в 1025 году кого-нибудь из потомков Владимира ничего не известно. В Новгороде родственниками Владимира были потомки Добрыни, его дяди по матери. Так что Хрисохир был из рода Добрыни.

Отряд Хрисохира по численности приближался к тысяче, выступавшейся каждым из новгородских концов. Судя по всему, отряд, возглавляемый обиженными на Ярослава боярами Славенского конца, почти в полном составе во главе с кончанским старостой сдался в битве при Листвене. Казнь Константина Добрынича не сломила новгородскую оппозицию, и её стараниями Ярослав потерпел крупное поражение. Из потомков Добрыни больше всего пострадало семейство Константина, глава которого был казнён. Так что Хрисохир, скорее всего, приходился ему сыном.

Завершение русского троевластия также отмечено набегом на Византию, но уже на этот раз печенежским. В 1027 году печенеги углубились внутрь Византийской империи, но были разбиты патрикием Константином Диогеном и были вынуждены вернуться за Дунай. (16, 37)

Набег 1027 года — первый самостоятельный поход печенегов на Византию. До этого они воевали с империей в качестве союзников болгарских царей или русских князей. За набегам последовали переход в 1048 году печенежского предводителя Кегена на службу империи и переселение двух улусов в количестве 20 000 человек за Дунай. В этом же году в Византию вторглась основная масса печенегов во главе с каганом Тирахом. Переселение всего народа связывают с нашествием торгов, вытеснивших печенегов с насиженных мест. (16, 38–40)

В первой половине XI века печенежское могущество в степях Северного Причерноморья клонилось к упадку. В середине предшествующего века, согласно данным Константина VII Багрянородного, печенеги занимали все степи от Волги до Дуная. При этом четыре их орды кочевали к востоку от Днепра, четыре — к западу. Применительно же к XI веку Иоанн Скилица знает 13 печенежских племён, кочевавших от Днепра до Венгрии. (16, 37)

Уход печенегов за Днепр следует связать с ростом могущества прикавказских кочевников, особенно алан. В последующем аланы были известны в Подонье, где ранее кочевали печенеги. Аланы, касоги и хазары при поддержке русских князей оттеснили печенегов на запад.

Увеличение количества печенежских племён говорит о дроблении первоначальных орд на более мелкие подразделения. Децентрализация ослабляла возможности по отражению внешней опасности и вынуждала слабейших искать спасение в бегстве на новые места. Нечто подобное произошло позднее, когда торки после поражения от русских князей в 1064 году переселились в Византию.

Печенежский набег на Византию повторился в 1036 году, то есть в год, когда, по русским летописям, скончался Мстислав, а на Киев после этого напали печенеги. Со смертью Мстислава на Руси кончилась эпоха двоевластия. Ярослав стал единодержавным правителем и получил большую возможность сводить счёты со своими противниками. Печенежское нападение на Киев следует приписать проискам Брячислава, оставшегося один на один со своим могущественным братом.

Печенеги нападали на Византию под воздействием внешних обстоятельств. Первоначально это были договорные обязательства с правителями стран, использовавших кочевников в своих интересах, затем — поражения, вынуждавшие искать новые места для поселения. Поражение печенегов под Киевом и последующие карательные меры против них Ярослава следует признать основной причиной ухода печенежской орды к границам Византии в 1036 году.

Несмотря на то что прямых свидетельств участия печенегов в русской междоусобице 1024–1026 годов не сохранилось, политическая ситуация 1027 года весьма сходна с ситуацией 1036 года. После мира

1026 года у Городца печенеги оказались по соседству с владениями враждебного им Ярослава, который должен был принять свои меры безопасности. Всё это позволяет усматривать в искавшей счастья в 1027 году в Византии печенежской орде кочевавших к западу от Днестра кочевников, пострадавших от Ярослава.

Литература

1. Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 1. М., 1913.
2. Борецкий-Бергфельд Н. История Венгрии в Средние века и Новое Время. СПб., 1908.
3. Васильевский В. Т. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI–XII веках // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 176. СПб., 1874.
4. Вершинский Д. Месяцеслов православно-кафолической Восточной церкви. СПб., 1856.
5. Головищев К. Д. История города Ярославля. Ярославль, 1889.
6. Города России: Энциклопедия. М., 1994.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1981.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1982.
9. Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.
10. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
11. Дзамихов К. Ф. Тмутаракань и ранние летописные сюжеты о касогах // Сборник Русского исторического общества. № 4. М., 2002.
12. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.
13. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
14. История Великобритании. М., 2008.
15. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. 1–4. М., 1988.
16. Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.
17. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
18. Лебедев А. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль, 1877.
19. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
20. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968.
21. Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. Ч. 2. М., 1990.

22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
23. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.
24. Паиуто В. Т. Древняя Русь и Венгрия // Славяне и Русь. М., 1968.
25. Повесть временных лет. СПб., 1996.
26. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
27. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
28. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
29. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997.
30. Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
31. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995.
32. Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М., 1995.
33. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
34. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М., 1994.
35. Суперанская А. В. Словарь русских личных имён. М., 2003.
36. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
37. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1995.
38. Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005.
39. Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имён. М., 1995.
40. Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М., 2004.
41. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1996.
42. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1996.
43. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
44. Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997.
45. Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Кн. I–VI). М., 2004.

Часть II

ПРАВЛЕНИЕ ЯРОСЛАВА

Глава 1

БИТВЫ У ЖЕЛЕЗНЫХ ВОРОТ

Защитники Дербента

В Тверской летописи и ряде иных летописей под 6540 годом сообщается о неудачном походе новгородцев во главе с Улебом к Железным воротам:

«И тогда же Улеп изыде из Новгорода на Железная врата, и опять мало их прииде». (24, 146)

В Никоновской летописи находим аналогичное сообщение:

*«Того же лета Улеб иде на Железная врата из Новгорода, и **вспять** мало их возвратишася, но **мнози тамо погибоша**».* (21, 79)

Непонятное в данном контексте слово «*опять*» было заменено на более соответствующее — «*вспять*». Дополнительные сведения есть у В. Н. Татищева:

*«Новгородцы со Улебом ходили на Железные врата, но бысть нещастие, **побеждены** были новгородцы **от югдор**».* (27, 77)

В своих комментариях Татищев размещал Железные ворота на Урале, а югдор отождествлял с югрой и считал, что они жили по рекам Югу и Северной Двине. (27, 241) Югрой русские называли зауральские близкородственные народы — ханты и манси. В раннем Средневековье манси жили в Приуралье, а позднее переселились в Зауралье на Обь. Югдоры соответствуют европейским манси. Согласно мнению Татищева, считается, что новгородцы ходили на восток — в земли северных финно-угорских инородцев.

Название *Железные ворота* распространено и встречается как на русском Севере, так и за пределами Руси. На Севере воротами называ-

ли морские проливы, такие как Карские ворота между островами Новая Земля и Вайгач. Железными воротами в Белом море называли как проливы, так и проходы между мелями.

На Дунае Железными воротами именовалось сужение реки между гор, ставшее географической границей между Средним и Нижним Дунаем. Если выше Железных ворот ширина реки достигала полутора километров, то в теснине она сжималась до 60 метров. Естественно, при этом резко увеличивалась скорость течения, что затрудняло судоходство. В Крыму Железные ворота (Демир-Хану) отмечали горные теснины, через которые проходили дороги.

В Ипатьевской летописи в статье 6709 (1201) года упоминаются победы Владимира Мономаха над половцами:

*«Погубившему поганя измалтяны, рекомыя половци, изгнавшию Отрока во Обезы за **Железная врата**».* (8, 716)

Обезы обычно отождествляются с Абхазией. Хан Отрок бежал далеко на восток за Кавказские горы. Железные ворота были на Кавказе и символизировали его крайние пределы.

Существовала ещё одна локализация Абхазии. Низами Гянджеви в написанной около 1203 года поэме «Искендер-наме» рассказывает о легендарном нападении русов в эпоху Александра Македонского. Повелитель Абхазии, курд по имени Дувал из племени Ада, так обращается к Искендеру-Александру:

*«Повелитель! В **Абхазии** толпища русов.
Помоги, государь! Набежали враги...
Из аланов и арков **полночным** отрядом
Вся страна сметена, словно яростным градом.
И враги всю **Дербентскую** заняли **высь**,
И до моря по рекам они добрались.
Мне прибывший сказал: "Этой смелостью ярой
Обновили они жар **вражды** нашей **старой**".
Опрокинута, смята, разбита **Берда**,
От богатого города нет и следа».* (20, 358)

Бердаа-Берда находилась в Арране, расположенном между Курой и Араксом. Арраном во второй половине X — второй половине XI века владела курдская династия Шаддадидов. (20, 405) Курдские правители были редкостью для кавказского региона, и появление Дувала в поэме следует связать с воспоминаниями о династии Шаддадидов.

Упоминание старой вражды у Низами не случайно. Он родился в Гяндже и знал предания о страшном нашествии русов 944 года, после которого столица страны была перенесена из Бердаа в Гянджу. Упоминание полночных отрядов — отражение обычая русов осуществлять нападения ночью. На русский погром он и намекает в своей поэме.

В нашествии приняли участие аланы, и оно затронуло окрестности Дербента, достигнув Бердаа. Столицей Шаддадидов была Гянджа, и русское нападение произошло ранее их водворения в Арране. Но несмотря на несоответствия, сведения Низами говорят о традиции именования Абхазией Аррана.

В описании событий 730 года Моисей Каганкатвацци упоминает Абхазию, через которую состоялся поход арабских войск во главе с Джаррахом. По словам историка, Джаррах *«во второй раз по Абхазии вступил в Хазарию»*. Перед этим сообщалось о хазарском походе арабского полководца Масламы, который *«разорил Дарбанд, вступил в Хазарию»*. (9, 260–261) Поход Джарраха был вторым арабским нападением. Перед вторжением в Хазарию Джаррах проследовал через Бердаа, Ширван, Маскат и Дербент. (12, 207) Соединение известий говорит о том, что Абхазия лежала южнее Дербента, который принадлежал хазарам. На юге с Дербентом граничил Маскат. Абхазией называли Маскат, населённый ираноязычными кочевниками, родственными аланам. (12, 207)

Арабский географ первой половины X века Ал-Истахри помещал город Абхаз на пути из Бердаа в Дербент, к югу от реки Самур. (10, 31) Историки отождествляют этот город с современным азербайджанским городом Куба, который был столицей Маската-Абхазии. (10, 63; 12, 207)

В житии св. Михаила Тверского, по мнению Карамзина, говорится о том, что царь татарский находился за рекой Терком, то есть Терком, близ Врат Железных. Михаил Ярославич Тверской прибыл в Орду к хану Кавгадыю, ставка которого располагалась *«у моря Сурожского*

на усть Дона реки», 6 сентября 6827 года. (22, 182) Сурожским морем, по крымскому городу Сурожу, позднешему Судаку, называли Чёрное море. Здесь устье Дона — Керченский пролив. Дон и Азовское море зачастую выступали в виде единой водной системы. Казнён тверской князь был в среду 22 ноября. Средой 22 ноября было в 1318 году. Перед нами сентябрьская «эра –5508 года».

Кавгадый на момент приезда Михаила был в Крыму или на Тамани. За время пребывания князя в Орде ставка сместилась к востоку, так как место гибели Михаила определено иначе. Никоновская летопись:

*«За рекою за Теркою, под великими горами под Яскими и Черкасскими, у града Титякова, на реке Сивинце, близ **Врат Железных**, у болвана медяного, у златыя главы у Темиревы, у **Богатыревы могилы**».* (22, 184)

Определение взято из какого-то поэтического сказания и охватывает довольно обширный регион Предкавказья, так как аланский город Дедаков, обозначенный в летописи как Титяков, лежал значительно западнее Терека. Тем не менее кавказская принадлежность Железных ворот не вызывает сомнений.

На Руси в XIV веке Железными воротами называли Дербент. С Дербентом летописные Железные ворота отождествлял Готлиб Байер, со ссылкой на такое наименование города турками и арабами. Татищев попытался примирить сведения своего источника и мнение Байера предположением о том, что северное летописное название возникло под влиянием южного. (27, 241)

Название *Дербент* переводится с персидского как «узел ворот». Монголы и османские турки называли город *Темир-Капи* — «железные ворота». О железных воротах, устроенных персами в дербентской системе укреплений, писал восточный географ Масуди. (18, 190) Мусульмане устроили железные ворота в двух местах крепости в 993 году. (18, 69) Несмотря на наличие реальных железных ворот, мнение Масуди можно рассматривать как свидетельство местного именования Дербента Железными воротами, для объяснения которого историку пришлось давать пояснения.

Захватившие город арабы называли Дербент: Ал-Баб — «ворота», Баб-ал-Абвab — «ворота ворот», Ал-Баб ва-л-Абвab — «ворота и ворота». (20, 419) Но чтобы не путать его с многочисленными в мусульманском мире ал-бабами, дополнительно использовали и старое сасанидское название Дербенд.

На Востоке название *Железные ворота* присваивалось горным перевалам и ущельям на оживлённых путях. У тюркоязычных народов оно бытовало в форме *Темир-Капиг*, у ираноязычных — *Дари Аханин* и *Дербенди Аханин*, у арабоязычных — *Баб ал-Хадид*. (20, 431)

Знаменитыми были среднеазиатские Железные ворота — ущелье шириной всего лишь 12–20 метров и длиной около трех километров в горах Байсун-тау. Через них шёл торговый путь из Бухары и Самарканда в Балх и далее в Индию. Ущелье имело важное стратегическое значение. Правители строили здесь крепости, устраивали таможни. Под персидским названием ущелье знал Ал-Якуби, умерший в 897 году. Самое раннее известие о проходе в Байсун-тау оставил китайский путешественник и буддийский монах Сюань-Цзан, странствовавший по восточным странам в 629–645 годах, то есть до мусульманских завоеваний. (20, 431) Вот его описание ущелья:

*«Находится меж гор, которые поднимаются справа и слева до изумительной высоты. Проход запирается **воротами, обитыми железом**, к которым привешено множество колоколов».* (20, 431)

Традиция именования горных проходов на караванных путях Железными воротами восходит к доарабской эпохе. Так как Средняя Азия перед арабским нашествием была заселена преимущественно ираноязычными племенами, бытование традиции следует связать с иранской культурой, из которой она была заимствована тюрками, а потом арабами.

Неизвестность именования Дербента Железными воротами ранним восточным географам и использование названия монголами и турками говорят о том, что Железными воротами город называло местное население, от которого это наименование перешло к завоевателям. Появление этого названия следует связать со временем обладания

Дербентом тюркоязычными хазарами, с которыми арабам пришлось вести многолетние войны. Поэтому арабы предпочли оставить за городом в качестве одного из названий сасанидское, а не хазарское. Монголы же и турки считали себя в большей мере наследниками хазар, нежели арабов, и вернулись к хазарскому названию *Железные Ворота*.

В 1030–1032 годах русы были известны в районе Дербента. В восточных источниках говорится при этом об их поражении в 1032 году, после которого *«спаслись немногие»*. В случае датировки летописного сообщения *«эрой –5508 года»* получаем совпадение времени, места и обстоятельств похода, а по времени к давней трагедии примыкает сообщение о кончине Евстафия, сына Мстислава Владимировича:

«В лето 6541. Мстиславич Еустафи умре». (23, 65)

Татищев приводит подробности:

«6541 (1033). Умре Евстафий, сын Мстиславль, во Тмуторакани, и бысть жалость велиа по нем». (27, 77)

Известие может восходить к тмутараканскому летописанию. В этом случае речь пойдёт о 1034 годе. Но в Густынской летописи читаем:

«В лето 6541. 1033. Евстафий Мстиславич умре. В се же лето бысть затмения Солнца страшное, июля 29, от часа шестого до часа осмого». (25, 95)

Часто встречается смешение июня с июлем из-за созвучности названий месяцев. В действительности солнечное затмение было 29 июня 1033 года. Это было частичное затмение, в отличие от полного затмения 31 августа 1030 года, которое на страницах летописей не отразилось. (25, 602) Почему именно затмение 1033 года поразило современников, помогают понять западноевропейские источники. Француз Родульф Глабер из Ключийского аббатства писал:

«В год 1000 от страстей нашего Господа, в третьи календы июля, в 6-й день 28-й Луны (в пятницу 29 июня 1033 года. — В. Т.) было затмение или исчезновение Солнца с 6-го по 8-й час дня, чрезвычайно страшное. И действительно, Солнце приняло сапфировый цвет, приняв в верхней части вид Луны на четвёртый день после обновления. Каждый, кто смотрел на ря-

дом стоящего человека, видел его бледным, будто при смерти, всё как будто в шафранном облаке». (25, 97)

Страху католикам прибавляло ожидание конца света в связи с 1000-летием со дня страданий Христа. В Ключийском монастыре одно время жил польский королевич Казимир, который уехал оттуда в 1041 году. На Руси затмение было видно в небольшой фазе и не было страшным. Совпадение деталей летописного и французского описаний говорит о том, что посредством польско-французских и польско-русских контактов рассказ Родульфа стал достоянием составителей Густынской летописи, использовавших русские, польские и венгерские хроники. (25, 96)

Трагические земные события привлекали внимание к небесным явлениям, в которых искали намёки на волю вышних сил. В западнорусских областях подыскивать астрономическое описание для объяснения причины смерти тмутараканского князя могли только в очень раннее время, когда ещё были живы его родственники. Об этом же говорит и отсутствие сведений о затмении 1033 года в польских хрониках. Как явление для польской истории весьма отдалённое, на польской почве затмение рано изгладилось из исторической памяти. Известие Густынской летописи составлено после 1041 года, и его происхождение связано с каким-то родственником Евстафия. Это повышает достоверность датировки смерти князя 1033 годом, причём её следует отнести к июню.

Кончину молодого Евстафия в военном июне можно связать с кавказскими войнами. В военные действия близ Дербента из всех русских земель в первую очередь должно было быть втянуто близлежащее Тмутараканское княжество. Новгородцы же были приглашены тмутараканцами в качестве союзников.

Несмотря на авторитет Байера, Татищев доверился своему источнику, повествующему о югдорах, и отверг южный вариант похода. Но в древнерусском языке есть слово «юг», которое обозначало как знойное время, так и южное направление, южные, полуденные страны. (6, 842–843) Первоначально в источнике Татищева говорилось о Железных воротах в южных странах.

Таинственное «югдор» — остаток географического указания «на юге в...». От самого географического термина осталось только «дор», представляющее собой реликт названия Дербента в форме Дори, производной от Дари Аханин, то есть Железных ворот. Под пером переписчика выражение «на юге в Дори» превратилось в выражение «на югдор». Врагов русов с каким-то малоизвестным северным народцем стал связывать уже создатель использованной Татищевым летописи. Отсюда и доверие историка.

Ираноязычная форма именования в летописной традиции Дербента Железными воротами говорит о том, что в русскую культуру хазарское название попало благодаря посредству ираноязычных алан. Алания граничила с Тмутараканским княжеством на востоке, и путь к Дербенту шёл через её земли.

В «Истории Дербента» («Тарих ал-Баб»), частично сохранившейся в составе сочинения «Главный астроном» турецкого историка начала XVIII века Ахмеда Ибн Лютфулаха Мюнеджим-баши, сообщается:

«Ему (ширванишаху Йазиду б. Ахмаду, умершему в 1027 году. — В. Т.) наследовал его сын Минучихр б. Йазид, который в 420/1029 году начал войну с жителями ал-Баба (Дербента. — В. Т.) из-за поместья Муджак-абад, принадлежащего к Маскату (области южнее Дербента. — В. Т.). Он понёс поражение, и в 421/1030 году **народ ал-Баба напал на** [владения] **ширванишаха** и разрушил много населённых мест на его территории.

Позже в том же году **русы вступили в Ширван** и ширванишах Минучихр встретил их около Бакуйя (Баку — В. Т.). Много ширванцев было убито, и в том числе потерял жизнь Ахмад б. Хаскин, один из их знатных лиц. Затем русы поднялись до реки Куры. Чтобы остановить их продвижение, Минучихр преградил Аракс, но они потопили многих из мусульман.

Позже правитель Джанзы (Ганджи — В. Т.) Муса б. Фадл [пригласил] их высадиться, дал им много денег и повёл на Байлакан, жители которого восстали против него. С помощью **русов** он овладел **Байлаканом** и схватил и убил своего брата Аскарийя.

Затем **русы ушли** из Аррана в Рум (Византию. — В. Т.), а оттуда вернулись **в свою страну**». (18, 53–54)

Ширваном правила династия Йазидов, происходившая из арабского племени шайбан. (18, 40) Минучихр, как и его старший брат Ануширван, казнённый за мятеж против отца, имел иранское имя. В дальнейшем среди ширваншахов династии Йазидов иранские имена преобладали. Минорский связывал столь резкую смену ориентации с арабских на иранские традиции с династическим браком Йазиды ибн-Ахмада с какой-то местной представительницей владетельного рода из Шабарана. Шабаран в ту эпоху был одной из областей Ширвана и находился к юго-востоку от Маската, принадлежавшего Дербенту. (18, 109) Но легенды о происхождении ширваншахов от иранских правящих родов возникли ранее.

Мас'уди, скончавшийся в 956 году, в части своего труда, датированной им 943 годом, писал о том, что ширваншахи, как и владельцы Сарира, происходят от Бахрама Гура. (18, 191) Бахрам V Гур правил Ираном в 421–438 годах и воевал с эфталитами. Владетели Сарира возводили свой род к Михранидам. Христианская династия Михранидов с конца VI века до 822 года правила Арраном. (18, 29–30) Она была в отдалённом родстве не с Сасанидом Бахрамом Гуром, а с его менее знатным тёзкой — иранским полководцем Бахрамом Чубином. Бахрам Чубин в 589 году разгромил вторгшиеся в Иран войска могущественного Тюркского каганата и лично застрелил из лука кагана Савэ. Но затем в конце VI века Бахрам погиб в междоусобной борьбе за престол с Хосровом II Парвизом. После этого его родственники бежали на окраины царства и в сопредельные страны. Так Михраниды появились в Арране. В разных генеалогических легендах упоминались оба Бахрама, чтобы подчеркнуть знатность кавказских правящих родов.

Брачные родственные связи Йазидов с Михранидами возникли не позднее первой половины X века. Ко времени Минучихра ориентация правящей династии на свои иранские корни окрепла. Этому способствовало включение в окружение ширваншаха ираноязычной знати. Поздние авторы также были уверены в древнеиранском благородном происхождении ширваншахов. (18, 90)

Минучихр мог претендовать на преемственность своей власти от предшествующих иранских династий, владевших более обширными

территориями, чем он сам. Здесь следует искать истоки затяжного конфликта Ширвана с Дербентом из-за Маската.

До нападения русов шли войны Ширвана с Дербентом. Байлакан был вторым по значению после Гянджи городом Аррана, граничившего на востоке с Ширваном. Русов на Байлакан навёл правитель Аррана Муса, для того чтобы расправиться с восставшим против него братом. Позднее Масуд ибн Намдар (XII век) связывал разгром Байлакана с одними лишь русами. (5, 237) Участие Мусы в байлаканской трагедии было сокрыто.

Русы были втянуты в закавказские распри и выступили на стороне дербентцев. Первоначально они должны были прибыть в Дербент, что совпадает с данными летописей.

Хроники рисуют такую картину. Дербентцы в 1029 году подверглись нападению ширванцев, а в 1030 году в отместку опустошили владения Ширвана. Затем в Ширван вторглись русы, прибывшие на кораблях. Высадившись на морском берегу у Баку, они разгромили войска ширваншаха и начали их преследование. На Араксе, притоке Куры, ширваншах потерпел ещё одно поражение. Русы изгнали Минучихра за пределы Ширвана. После этого в соседнем Арране они помогли Мусе справиться с братом и захватить Байлакан. Затем русы ушли в закавказские провинции Византии, а оттуда вернулись на родину.

Даты похода русов в древнерусских и восточных источниках различаются на два года. Под 1032 годом, в котором состоялся летописный поход, в «Истории Дербента» описана война против Ширвана, но уже без участия дербентцев и русов:

«В 423/1032 году сарирцы и аланы, заключив соглашение, совместно напали на Ширван и взяли силой Йазидийа. Там и в других местах Ширвана они убили свыше 10 тысяч человек и оставались в стране 10 дней, копая землю и извлекая деньги и имущество, которое жители там спрятали.

Когда их руки наполнились мусульманским добром, они направились в свою страну, но едва они дошли до Деревянных Ворот, как люди пограничных областей ал-Баба напали на них, преградили дороги и ущелья и убили многих из них: это была резня, подобной которой никогда не упоминалось. Они отня-

ли у них всё мусульманское имущество, живое и неодушевлённое, которое они увезли из Ширвана. **Спасся только маленький отряд, включая правителя аланов.**

В 424/1033 году **властитель аланов** вернулся снова, чтобы отомстить ал-Бабу, но и на этот раз с божьей помощью был **разбит**». (18, 54)

В 1032 году на Ширван напало войско из Сарира и Алании, но на обратном пути было уничтожено в кавказских теснинах. Среди спасшихся при этом упоминаются одни аланы. В 1033 году аланы попытались отомстить за поражение, но вновь были разбиты. Несколько иная версия приведена далее по тексту:

«В 416/1025 году эмир Мансур женился на Сарийе, дочери Бухт-Йиша, владельца Сарира. В 423/1032 году эмир Мансур с газиями исламских "центров" совершили большой поход. Дело в том, что **русы напали на владения Ширвана**, разрушили и ограбили их и убили, а также полонили множество людей. Когда **они возвращались** с награбленным добром и пленными, газии ал-Баба и пограничных областей с эмиром Мансуром во главе, заняв теснины и дороги, **предали их мечу**, так что **спаслись немногие**. Они отняли у них всю военную добычу, живую и неодушевлённую, которую те захватили в Ширване.

[После этого] **русы и аланы** вознамерились **отомстить**. Они собрались вместе и выступили по направлению ал-Баба и пограничных областей. Прежде всего в 424/1033 году они двинулись на ал-**Карах**, где была только маленькая кучка [воинов]... Господь даровал победу мусульманам, которые **перевалили множество аланов и русов**. Властитель аланов был силой отражён от ворот Караха, и навсегда были прекращены притязания неверных на эти исламские "центры"». (18, 70–71)

О войнах 1029–1030 годов ничего не говорится, а нападение 1032 года приписано одним русам, причём дата похода совпадает с летописной. На обратном пути русы, а не сарирцы и аланы подверглись нападению дербентцев. Датировку войны 1030 годом следует признать недостоверной. При возвращении из первого похода русы были якобы почти полностью истреблены, тогда как ранее сообщалось об их безнаказанном уходе. Сарирцы вообще не упоминаются, а врагами мусуль-

ман выставлены совместно действовавшие русы и аланы. Причём если в описании первого похода русы названы перед аланами, что говорит в пользу их главенства, то в описании второго похода первыми названы аланы и упоминается их правитель, что свидетельствует об аланском главенстве. Сведения хроники противоречивы.

Дербентцы нападали на Ширван в том же году, что и русы, то есть в 1032-м. Но автор поместил это событие под 1030 годом. Сравнение известий позволяет сделать вывод о том, что в 1032 году на Ширван нападали русы, аланы, сарирцы и дербентцы.

Трёх последовательных нападений на Ширван дербентцев, русов и сарирцев с аланами не было. Разгром армии Ширвана и бегство его правителя говорят о том, что Мансур собрал крупные силы. В 1032 году он совершил большой поход, но не против русов, а против Минучихра. В войне его поддержали владетель соседнего Сарира, войска из Алании и русы.

Русы к этому времени были обращены в православие. Большая часть Алании в раннем Средневековье также была христианской. Дербент до арабского завоевания был крупным центром распространения христианства. В нём долгое время находилась резиденция патриарха (католика) Кавказской Албании, которая в середине VI века была перенесена в Партав (Бердаа). Поэтому в XI веке большая часть простого населения Албании и многие дагестанские горцы, включая правителей Сарира, оставались христианами. (13, 263) Правитель Сарира Бухт-Йиш носил имя, которое переводится как «Спас-Иисус». Его дочь, выданная замуж за Мансура, имела библейское имя *Сара* (Саруйе).

Редакторы хроники как смогли сокрыли неприглядную роль эмира Мансура в бедствиях, обрушившихся на Ширван и Арран. Особую остроту событиям придавало то, что Мансур пригласил на помощь христиан, то есть неверных, которые перебили и пленили множество мусульман. Поэтому действия Мансура были показаны без всякой связи с походами пришельцев, а эмир был выдан за главного благодетеля местных жителей, покаравшего ворвавшихся в Закавказье жестоких иноземных захватчиков. Победы доблестных мусульман при этом были преувеличены.

Совсем сокрыть победу Мансура хронист не захотел, поэтому лаконично сообщил о ней под 1030 годом. Затем были подробно описаны жестокости неверных и блестящие победы над ними Мансура и дербентцев.

Война между Дербентом и Ширваном началась в 1029 году. Хронист приписывает неудачу Минучихру. Хроника «История Дербента» была написана на основе двух более древних хроник, составленных в Дербенте и Ширване, но окончательный свой вид приобрела под пером сторонника дербентцев, поэтому следует ожидать искажений в пользу дербентцев. В случае успешного отражения ширванцев Мансуру не потребовалось бы призывать на помощь христиан. Только отчаянное положение Дербента могло вынудить местных мусульман пойти на такой союз.

Война 1029 года упоминается в той части «Истории Дербента», которая основана на ширванской хронике. В дербентской же хронике это событие не упоминается. Хронисты по возможности умалчивали о неудачах своих правителей, более тщательно фиксируя победы. В случае успеха дербентцев следовало бы ожидать появления известий о войне в дербентской хронике и умолчания — в ширванской. Побеждёнными в войне 1029 года были дербентцы.

Крепкие стены Дербента позволяли его обитателям временно отсидеться во время натиска более могущественного врага, но загородные земельные владения оказывались беззащитными. Эмир принял энергичные меры по сбору военной помощи из северокавказских государств, для того чтобы выбить ширванцев из спорных земель.

В 1032 году Мансур во главе разнородной коалиции из сарирцев, алан и русов обрушился на Ширван. Ему удалось захватить столичный город Йазидия. Минучихр потерпел поражение и бежал в Баку, откуда на кораблях по Куре пытался уйти в окраинные земли своей страны для сбора подкреплений. Русская флотилия настигла беглецов на Араксе и довершила разгром ширванской армии. Беззащитная страна подверглась разграблению.

По завершении военных действий русы, отягощённые добычей и пленниками, бросили свои ладьи в верховьях Аракса. Через византий-

ские владения они добрались до одного из черноморских портов, откуда были перевезены в Тмутаракань. Дербентские газии в это время занимались более важным делом, нежели нападение на своих могущественных союзников. Они грабили ширванские города и селения, так что никакого истребления русов не было.

Поход 1033 года состоялся на Карах. В нём верховодили аланы. Обиженными были они, а обидчиками — карахцы. Карах соответствует современному селению Ур-Карах, расположенному на торной дороге от Дербента на запад — в Сарир и далее в Аланию. (18, 130)

Карах был одним из мусульманских опорных центров на границе земель, контролируемых Дербентом на северо-западе. Такие центры возникали в ходе завоевания дербентцами окрестностей.

В 886 году эмир Мухаммад б. Хашим напал на Шандан и покорил селения, названные в хронике Д.нк.с и Ш.л.шли. (18, 65) Эти селения отождествляются с современными селениями Дибгаша и Чишли, лежащими близ Ур-Караха. (18, 130) Перед нами известие о начале завоевания территории, на которой позднее возник мусульманский Карах. Под 995 годом находим сообщение о том, что эмир Маймун б. Ахмад обратил народ Караха в мусульманство. (18, 69) После того как власть дербентцев окрепла, карахцы подверглись насильственной исламизации.

Мас'уди под 943 годом пишет о том, что пограничным с Сариром Карахом правили цари-мусульмане по прозванию «брзбан». Именование царей является их титулом: марзубан — «хранитель границы». (18, 130) Правитель Караха был одним из вассалов эмира Дербента.

После разгрома ширванцев союзники разделились. Русы ушли через византийские владения к Чёрному морю. Горцы через перевалы прямыми дорогами отправились домой. Часть алан и, по всей видимости, сарирцев предпочла более длинный путь через Дербент, где можно было продать пленников и иную добычу. Соблазнившись богатством возвращавшихся, карахские мусульмане предательски напали на выручивших Дербент союзников. В следующем году наиболее пострадавшие от нападения аланы призвали на помощь русов и сарирцев и двинулись на Карах, но в горных теснинах потерпели поражение.

Женитьбе Мансура в 1025 году на сарирской княжне предшествовали бурные дербентские события. Начиная с 1019 года он был трижды изгоняем из города, который каждый раз передавался раисами под власть ширваншаха. (18, 79) Раисы, то есть главы-предводители, были местной знатью. Раисом был основатель дербентской династии эмиров Хашим б. Сурака, пришедший к власти в 869 году во время смуты, охватившей Арабский халифат. (18, 65) Поэтому раисы воспринимали своих эмиров первыми среди равных и не очень с ними церемонились, порой вручая одному из своих вожakov власть над Дербентом.

После 1025 года Мансур вернулся в Дербент, судя по всему, при военной помощи своего свёкра. Он находился в сложном положении. После обретения Дербентом самостоятельности и отделения от Ширвана поступление средств на содержание дербентского гарнизона с бакинских солепромыслов и нефтепромыслов прекратилось. Дербентские мусульмане поправляли своё материальное положение за счёт грабительских набегов на соседей, и в городе проповеди о священной войне с неверными всегда находили горячий отклик.

За счёт грабежей небогатых иноверных горцев содержать большой гарнизон было трудно. Собственных же земель вокруг Дербента было мало. Война с неверными была традиционным промыслом местных мусульман. Но с обретением самостоятельности захват соседних земель, позволявший увеличить количество феодальных наделов, приобрёл особенное значение. Вокруг Дербента на завоёванных территориях стало расти количество мусульманских центров.

Безземельные воины жаждали военной добычи и земель. Но походы осложняли отношения с соседями и ставили под ответный удар со стороны горцев расположенные за пределами крепостных стен имения тех, кто уже обзавёлся собственностью. Поэтому крупные феодалы во главе с эмиром были настроены более миролюбиво. Эти противоречивые устремления порождали городские смуты.

С юга Дербенту грозил ширваншах. Мансур опирался на помощь сарирцев и иных горцев, как для того, чтобы найти управу на своевольных раисов, так и для противостояния Ширвану. Он не сумел удержать мусульманскую военную вольницу от нападения на союзников, и раз-

гром аланского отряда карахцами в 1032 году произошёл помимо его воли.

Сарирцы исчезли из описания войны 1033 года, потому что хронист считал их союзниками Мансура из-за его родственных связей с правителем Сарира. Силы мусульман при этом хронист определил так:

*«Была только **маленькая кучка** [воинов] с Хусравом и ал-Хайсамом б. Маймуном ал-Баи [ал-Баби?], раисом дубильщиков. [Последний?] с помощью карахцев сразился с [ними]».* (18, 70)

Минорский обратил внимание на то, что текст испорчен, и предположил, что имя *Хусрав* возникло из переделки слова «*хашар*» — «*ополчение*». В одной из рукописей «Истории Дербента» имеется дополнение. Предводителем войска назван «*глава раисов Анак*». В событиях 1035 года предводителем дербентских раисов выступает Али б. Хасан б. Анак, очевидно тождественный Анаку 1033 года. (18, 70–71)

Под Карахом нападавших встретила не маленькая кучка местных мусульман, как представлено в поздней отредактированной версии событий, а общедербентское ополчение под командованием главы дербентских раисов. Хронисты пытались сокрыть действительный ход событий. Эмир Мансур отсутствовал в этом походе.

Кончина Мансура отнесена к 1034 году. Далее говорится о возведении на престол его сына Абд ал-Малика и об изгнании последнего из Дербента в канун пятницы 9 февраля 1034 года. (18, 71) 9 февраля было пятницей в 1033 году. Это означает, что в действительности Мансур умер не позднее начала 1033 года. В 1035 году Дербент добровольно подчинился ширваншаху. С февраля 1033 по 1035 год городом управляли раисы, и в 1033 году дербентское войско возглавлял правитель города, глава раисов Али б. Хасан б. Анак.

Перенос даты кончины Мансура понадобился для того, чтобы связать с эпохой его правления оба разгрома христианского воинства. На самом же деле Мансур погиб в результате вспыхнувшей в Дербенте междоусобицы после самоуправного нападения карахцев летом 1032 года на отряд аланского царя. Мансур попытался наказать карахцев. Дербентские раисы после разгрома ширванцев уже не нуждались

в союзе с христианами и не дали карахцев в обиду, расправившись с собственным эмиром.

Плавание в неведомые дали

Дополнительные сведения о походе русов 1032 года можно извлечь из скандинавских саг. В «Саге об Ингваре Путшественнике» есть рассказ о походе его отряда из Гардарики-Руси по самой её длинной реке в дальние страны, где викинги доблестно сражались. После кончины Ингвара одна часть отряда во главе с исландцем Гарда-Кетилем, который знал правильную дорогу, вернулась обратно в Гарды, другая часть во главе с Вальдемаром-Владимиром заплутала и на одном корабле достигла Миклагарда-Константинополя. (5, 530)

Гардарики и Гарды обозначали как собственно Новгород, так и всю Русь. Ингвар, до того как отправиться в поход, пробыл на Руси три года.

Около 30 рунических надписей в окрестностях шведского озера Меларен сообщают о кончине воинов и корабельщиков в походе Ингвара. Смерть Ингвара в исландских анналах датирована 1041 годом. Но тут же говорится о том, что викинг скончался спустя девять лет после гибели Олава Святого. (5, 531) Олав погиб в июле 1030 года, что даёт для кончины Ингвара 1039 год. Судя по этим данным, на Русь он прибыл в 1038 или 1036 году.

Есть и иные противоречия. Так, в исландских хрониках сообщается о том, что Олав Шведский выделил своему родственнику Ингвару флотилию в 30 кораблей, с которой тот начал свои морские предприятия. Олав Шведский умер около 1022 года, и около 1041 года Ингвару должно было быть не менее 40 лет. Но при этом считается, что на момент кончины викингу исполнилось 25 лет. Хронология жизни Ингвара в источниках пострадала.

Норманисты свято верят в то, что все русы были шведами. Поэтому, обнаружив в восточных источниках сведения о походе русов в начале 1030-х годов в Закавказье, они сразу же связали его с походом шведа

Ингвара, так как другие шведские отряды около этого времени на Руси неизвестны.

Саги пестрят сообщениями о том, как скандинавские знатные юноши с 12 лет возглавляют войска и одерживают победы над врагами. Надо полагать, что на самом деле всё было прозаичнее и полководцы были зрелыми мужчинами. Судя по возрасту, Ингвар не мог участвовать в походе 1032 года. Он прибыл на Русь и погиб позднее.

Историки сближают события саги об Ингваре с известным по летописям и византийским сочинениям походом русов на Византию в 1043 году, в котором принял участие варяжский отряд. Кроме хронологических соображений в пользу такой точки зрения свидетельствует наличие в саге имени *Вальдимар*. Владимир Ярославич возглавлял поход 1043 года. Константинополь указан в качестве цели одного из кораблей, приведено описание стрельбы по кораблям греческим огнём, бывшим на вооружении только у византийцев и арабов.

Событиям 1043 года несколько противоречит хронология скандинавских сказаний. Не соответствуют реалиям похода и мотив плаванья по самой длинной реке Руси, о нижнем течении которой местные жители ничего не знали, а также разделение флотилии на две части, одну из которых возглавил Гарда-Кетиль.

В 1043 году русы и варяги отправились на Константинополь обычным путём — по Днепру, протяжённость которого им была хорошо известна. На обратном пути часть ладей была разбита штормом, и их экипаж пошёл по берегу во главе с русским воеводой Вышатой, но был пленён византийцами. Оставшимися ладьями, благополучно добравшись обратно, командовал новгородский князь Владимир Ярославич, а не скандинав.

Рекой, устье которой не было известно скандинавам, могла быть Волга. По Волге плыла русская флотилия в 1032 году из Новгорода в Каспийское море.

Гарда-Кетиль упоминается в саге об Эймунде как один из его воинов. О неоднократном пребывании на Руси Кетиля красноречиво свидетельствует его прозвище *Гардский*, то есть *Русский*. Ингвар мог участвовать только в походе 1043 года. Но маршрут этого похода от Руси до

Константинополя не мог вызывать большого удивления. Несколько ранее из Руси в Константинополь и обратно плывал будущий норвежский король Харальд Сигурдсон, служивший наёмником в византийской армии. Поэтому прозвище Ингвара *Путешественник* загадочно. Иное дело Кетиль.

Кетиль был участником междоусобицы Владимировичей и похода 1043 года. Согласно саге, поход, в ходе которого была преодолена самая длинная река Руси до её устья, закончился благодаря знанию Кетилем пути благополучно. Владимир же попал в Константинополь, а другие корабли погибли. Благополучным был поход 1032 года, а несчастливым считался поход 1043 года. Всё говорит о том, что в сагу об Ингваре были включены сведения о более ранних приключениях Кетиля Путешественника.

Воспоминания незначительного Кетиля были использованы при написании саг о его более знатных руководителях. Начало пребывания Кетиля на Руси дало материал для саги об Эймунде, конец — для саги об Ингваре. От описаний похода 1032 года остались только реликты в виде плавания от Новгорода через Волгу до Каспия и упоминания о счастливом конце предприятия. На Ингвара перешло и почётное прозвище простого викинга, посетившего лежавшие где-то на краю обитаемой земли и неведомые иным скандинавам прикаспийские страны.

Появлению скандинавов в 1032 году на Руси предшествовали такие события. Олав Святой, потерпев поражение в войне с Канутом Великим, бежал из Норвегии и в 1029 году приехал на Русь. Весной следующего года он добрался до Швеции, но в июле погиб в бою, пытаясь отвоевать Норвегию.

Остатки разбитой армии Олава вернулись в дружественную ей Швецию. Норвегия же попала под владычество Дании, и русы для похода 1032 года вербовали наёмников в Швеции. В первую очередь откликнуться должны были уже знакомые с Русью и оказавшиеся не у дел уцелевшие воины Олава Святого. Основу варяжских наёмников в войске 1032 года составляли норвежцы. Об этом же говорит наличие в нём исландца Гарды-Кетиля.

В повествовании о Харальде Сигурдсоне прямо говорится об отъезде соратников Олава после его гибели на Русь:

«Он (Харальд Сигурдсон. — В. Т.) продвигался на восток по Ямталанду и Хельсингьяланде дальше в Швецию. Там он встретил ярла Рёгнвальда, сына Бруси, и многих других людей Олава конунга, которые спаслись из битвы.

На следующую весну они снарядили корабли и летом отплыли в Гардарики к Ярицлейву конунгу. Они пробыли там зиму...

Конунг Ярицлейв хорошо принял Харальда с его людьми. Харальд сделался предводителем над людьми конунга, которые охраняли страну, вместе с Эйливом, сыном ярла Рёгнвальда...

Харальд провёл в Гардарики несколько зим и ходил походами по Восточному пути». (26, 402)

В битве при Стикластадире, по сведениям саг, у Олава Святого было 1300 воинов. Двести человек он привёл с Руси, шведский конунг Яков дал ему в помощь 600 шведов, из Норвегии прибыл отряд в 400 человек. Самый большой отряд привёл проживавший в Швеции норвежец Даг Хрингсон. Воинов-язычников Олав отправил по домам.

Даг был родным братом Эймунда Хрингсона. Вместе с отцом Даг был изгнан из Норвегии Олавом Святым и, по данным саги об Эймунде, жил в шведской области Гаутланд. (4, 105) Отряд Дага насчитывал 1200 человек и состоял, скорее всего, преимущественно из норвежских эмигрантов. Время притупило обиды, и Даг пришёл на помощь своему бывшему врагу. Победа Олава дала бы ему возможность достойно вернуться на родину. (26, 345)

Из норвежцев кто-то погиб в битве, кто-то вернулся домой. Тем не менее русские вербовщики могли собрать несколько сотен человек.

Летом 1031 года норвежцы прибыли на Русь и пробыли там до весны 1032 года. В 1032 году Харальду было 17 лет и он не мог быть полководцем Ярослава. Скальд по традиции приукрасил биографию юного норвежца. Сведения саги говорят о том, что прибывший норвежский отряд служил под началом Эйлива, сына Регнвальда Ульвсона. Регнвальд, согласно сведениям саг, прибыл на Русь вместе с Ингигердом и правил переданной ей в качестве свадебного дара Старой Ладогой.

Эйлив в 1032 году был ладожским наместником вместо скончавшегося к этому времени отца. По русским источникам, новгородцы ходили в поход 1032 года под руководством Улеба. По скандинавским источникам, норвежцы служили в это же время под началом Эйлива и участвовали в этом же походе. В разных источниках имя сына Регнвальда Ульвсона звучало по-разному. *Улеб* и *Эйлив* — варианты имени одного исторического персонажа, который на Руси звался Улебом Рогволодовичем. Улеб Рогволодович возглавлял новгородский отряд в походе 1032 года на Карах.

Эйлив и Харальд упоминаются в сагах в числе участников более поздней войны с поляками. (26, 402) Следовательно, для Улеба Рогволодовича южный поход закончился благополучно. Был он благополучным и для норвежских наёмников.

События 1033 года при их записи по бытовавшей в Тмутаракани «эре –5507 года» выглядели как одновременные с событиями 1032 года в записях с «эрой –5508 года». Они стояли под одним, 6540-м, годом от сотворения мира. В этом причина ошибочного мнения летописца о гибели большей части войска Улеба.

Реликтом бывшего соединения двух летописных статей в одну является слово «*опять*». Первоначально говорилось о том, что в 1032 году войско Улеба отправилось к Железным воротам, но потом опять двинулось в поход. А вот уже из второго похода мало кто вернулся. Южное известие о тмутараканской трагедии оказалось в Новгороде и было дополнено местными сведениями о более раннем походе Улеба.

Отношения Дербента и Ширвана осложнились в 1027 году из-за прихода к власти воинственного ширваншаха Минучихра. Эмир Мансур должен был искать иноземную военную помощь после поражения 1029 года. В это время на Руси жил Олав Святой, которому предложили править одной из русских областей:

*«Ярицлейв конунг и его жена Ингигерд предлагали **Олаву** конунгу остаться у них и **стать правителем** страны, которая называется **Вулгария**. Она составляет часть Гардарики, и **народ** в ней **некрещёный**».* (26, 340)

Олав должен был подчинить языческий край, а после его крещения стать правителем. На самом же деле граничившая с Русью Волжская Булгария была не одной из русских областей, а независимым мусульманским государством. Через её владения лежал путь по Волге на Каспий.

Конфликт с волжскими булгарами был весьма вероятен в случае следования русской армии по Волге в мусульманские страны. Булгары должны были неодобрительно относиться к нападениям на единоверцев и опасаться прохода сильного войска через свои владения.

На Каспий войска могли пройти в обход Булгарии через Днепр, Чёрное и Азовское моря, Дон, волок, Волгу. Таким маршрутом русы ходили в прикаспийские страны в первой половине X века. Но Ярослав, получив просьбу дербентского эмира о помощи, попытался заодно военным путём решить накопившиеся проблемы с Булгарией.

В 1030 году поход на юг сорвался из-за скандинавских событий. Олав Святой двинулся на завоевание Норвегии. Междоусобица в северных странах не позволила оказать помощь Мансуру, и противостояние Дербента с Ширваном затянулось без перевеса в пользу какой-либо из сторон.

В 1032 году русская армия, по всей видимости, нанесла поражение булгарам, что открыло для русов удобный волжский путь до Каспия. Затем русы прибыли в Закавказье и разбили войска ширваншаха. Предлагавшийся Олаву Святому поход на волжских булгар был совершён при участии норвежцев уже после его смерти.

Преградненский крест

В 1033 году русы совершили пеший поход под Карах и потерпели поражение. В походе принял участие тмутараканский князь Евстафий, погибший примерно в это время. Следовательно, князь пал в походе.

Остатки русов вернулись из Дагестана в Тмутаракань с телом погибшего Евстафия и трагичной вестью о гибели большого количества воинов. Память об этих событиях сохранилась в Ставропольском крае.

Здесь у села Преградного, стоящего на реке Большой Егорлык, во второй половине XVIII века был обнаружен каменный крест с древнерусской надписью.

Впервые крест описал академик П. С. Паллас в изданном на немецком языке в 1799 году труде, посвящённом его путешествиям по югу России. Вытесанный из известняка крест был высотой четыре аршина, то есть 2,8 метра, с короткими поперечными выступами. На западной стороне этого монументального сооружения имелись изображение несторианского креста и плохо читаемая надпись, в которой различались слова «*иваниши*» и «*аороус*». (14, 11)

Служивший на Кавказе П. Г. Бутков неоднократно видел крест между 1792 и 1803 годами. В 1803 году он сделал зарисовки сохранившихся в его время букв надписи. Г. Ф. Турчанинов расшифровал основную часть текста, который оказался поминовением по усопшему. При этом были использованы сокращения слов и титулы:

«*Помяни, Господи, душу раба своего*». (14, 14)

Благопожелательные надписи по живым людям на стенах киевского Софийского собора имеют сходный вид: «*Господи, помоги рабу своему*». Далее обычно следует имя просителя. Паллас различал на кресте имя *Иван*, а, судя по наблюдениям В. А. Кузнецова и А. А. Медынцевой, надпись заканчивалась словами: «*Ивана русского*». На кресте была нанесена поминальная надпись в честь похороненного под ним русского Ивана.

По палеографическим данным, крест датируется первой половиной XI века. (14, 16) По местным преданиям, под ним была братская могила воинской дружины, а при пахоте на этом месте находили обломки мечей, шлемов, боевые топоры, наконечники стрел и другие предметы. (14, 12) Было погребено несколько воинов, но на крест попало только одно имя — погибшего военного предводителя.

По пропорциям и форме крест близок к древнейшим русским крестам XII–XIII веков. Подобные большие каменные кресты в домонголь-

ское время устанавливались на дорогах. В XVIII веке в этом районе проходил торговый маршрут, известный как Большой Черкасский шлях. (14, 17) Поминальная надпись нанесена на западной части креста, то есть повёрнута в сторону путников, двигавшихся в восточном направлении. Она служила предостережением, напоминавшим об опасности дальнейшего маршрута.

В первой половине XI века известно только одно поражение русов на Кавказе — в 1033 году. Бутков писал:

*«Один любопытный приятель мой уверял меня, что на сем памятнике около 1775 года, скоро по распространению Кавказской линии от Моздока до Азова, видно было означенное явственно **лето мира**, соответствующее **1041 году** от Рождества Христова».* (14, 11)

На кресте был проставлен 6549 год от сотворения мира. Но эта часть надписи была утрачена уже к приезду Палласа. Указанный год на восемь лет отличается от предполагаемого 1033 года. Обращают на себя внимание несторианский характер креста и имя погибшего, распространённое в среде старорусских христиан-иоаннитов — поклонников Иоанна Богослова.

Расхождение даты на кресте и даты неудачного русского предприятия устраняется в случае применения «эры –5516 года». По этой эре поминальная надпись датируется 1033 годом. «Эра –5516 года» была характерна для эпохи великой княгини Ольги.

Под крестом были похоронены старорусский христианин, погибший в 1033 году, и его боевые товарищи. Перед нами братская могила участников похода на Карах. Оставшиеся в живых русы увезли тела погибших в родные пределы. На пограничье Тмутараканского княжества было устроено захоронение. Чтение поминальной надписи должно было оберегать путников от опасностей на их дальнейшем пути в восточные страны. Павший русский богатырь превратился в чудесного заступника тмутараканской земли и людей, отправлявшихся за пределы княжества. Таким способом была закреплена граница русских владений.

Надпись была посвящена Ивану Русскому. Но за именем следовало какое-то слово, которое Паллас передал набором букв: «и», «у», «а» и «о». Буква «о» имела форму древнерусской буквы «от», то есть «о долгое». Бутков вместо этого ряда застал только две буквы: «а» и «от». От обозначения прозвища воеводы практически ничего не осталось.

В предшествующий период на Руси был известен воевода Иван. На реке Трубеж 4 июля 993 года русский богатырь Ян Усмошвец победил в единоборстве печенежского богатыря, что способствовало победе армии Владимира Святого над печенегами. Ян был одним из чёрных болгар. (2, 255–256)

К июлю 993 года были крещены жители Киева и великокняжеские дружинники. Массовое крещение русской провинции произошло в августе. Но уже к моменту единоборства Ян-Иван носил христианское имя и в борьбе с печенегом призывал на помощь Христа и Богородицу. Следовательно, он был старорусским христианином.

Христианские традиции, которых придерживалась княгиня Ольга, предполагали использование «эры –5516 года». Ольга была по происхождению болгарской царевной. На Руси эти традиции должны были более всего почитаться родственными ей чёрными булгарами.

Владимир Святой произвёл Яна за подвиг 993 года в свои вельможи. В 1002 году он в качестве одного из воевод города Белгорода участвовал в победоносном сражении с печенегами. Летописец отмечал молодость Яна во время его единоборства. Если в 993 году ему было около 20 лет, то в 1033 году — около шестидесяти. По косвенным данным, знаменитый победитель печенежского богатыря подходит на роль погибшего в 1033 году воеводы.

В разных источниках прозвище Яна звучит по-разному — Усмошвец, Усмович. Усмошвец — швец из кожи, усмы. Буква «от» («омега») обычно входила в краткое обозначение слов «отец», «отче». На прозвище остаются буквы «и», «у», «а». Слово имеет пропуски букв, некогда компенсированные ныне утраченным титулом, а часть букв стёрлась. Набор уцелевших букв говорит о том, что перво-

начально было написано слово «*швица*». Именование усопшего можно представить так: «*Ивана Швица отче русскаго*». Именование погибшего «*отче*» говорит о его пожилом возрасте. Всё сходится на том, что богатырь Ян Усмошвец пал в походе на Карах 1033 года и был похоронен у современного села Преградного.

Село Преградное стоит значительно севернее маршрута, по которому должны были возвращаться из Дагестана русские воины. Столица Тмутараканского княжества находилась в дельте Кубани. Путь к ней через дружественную Аланию шёл значительно южнее — по Кубани.

Ян командовал чёрными булгарами, известия о которых после эпохи Владимира Святого исчезают. Крест с христианской надписью был много веков на виду, несмотря на принятие кавказскими народами мусульманства. Его сохранность говорит о почтении к нему местных жителей. Этот крест под названием *Богатырёва могила* упоминается в описании Предкавказья в Никоновской летописи.

Южнее Большого Егорлыка в горных ущельях в настоящее время проживают тюркоязычные карачаевцы и родственные им балкарцы. В наименованиях этого разделившегося из-за горных преград народа сохранилось древнее наименование кара-булгар — чёрных булгар русских летописей. Первая половина названия стала достоянием карачаевцев, вторая — балкарцев.

В преданиях карачаевского рода урусбиевцев сохранилась память об их происхождении от русского переселенца Бедене. Его сына отважного героя Рачикау звали «*русским, рождённым русским*». Само название рода состоит из двух слов: «*бей*», то есть знатный человек, и «*урус*» — русский. (3, 6–7) Русские бей, судя по всему, восходят к роду служилых болгарских князей эпохи Тмутараканского княжества, родоначальником которых был Ян Усмошвец.

Чёрные булгары оказались в кавказских ущельях после катастрофического монгольского нашествия. Ранее они кочевали севернее, в более благоприятных для скотоводства степях Предкавказья. Монументальный памятник, аналоги которого в Предкавказье той эпохи неизвестны, был установлен в районе проживания родственников Яна и надолго

стал культовым местом для его потомков. Об установлении памятника одним из сыновей Яна говорит употребление слова «отец».

Чёрные булгары, как и более поздние кочевники на русской службе, использовались для охраны рубежей Руси. После раздела страны в 1026 году между Мстиславом и Ярославом по Днепру основная оборонительная линия с её главным центром Переяславлем оказалась в подчинении Мстислава. Но Ян командовал чёрными булгарами, поселёнными в районе Белгорода, прикрывавшего Киев от нападений с запада и юга. Белгород был в подчинении Ярослава.

Уход Яна на земли, подвластные Мстиславу, следует связать с предшествующей междоусобицей. До битвы 1019 года при Альте Белгород был под властью Святополка. После ухода Святополка в изгнание примирение Яна с Ярославом не состоялось, и болгарская конница перешла на сторону Мстислава. Мстислав использовал крещёных булгар для усиления охраны северо-восточных границ Тмутараканского княжества, переселив их в Предкавказье.

Судя по русской надписи на кресте, верхушка чёрных булгар была двуязычной. Со временем русская речь среди них была утрачена, а тюркоязычие сохранилось. Несмотря на использование русского языка и старорусское христианство у булгар, конец надписи несколько странный. Для правящего болгарского рода именование их усопшего главы русским маловероятно, поэтому следует вернуться к самоназванию урусбиевцев.

В переводе на современный язык название «урусби» обозначает «русские князья». Противоречие снимает допущение об утрате заключительного слова надписи — «князь». В конце говорилось о титуле усопшего: «*Ивана Швица, отче русскаго князя*». Именование русским князем предводителя булгар, охранявших границу Тмутараканского княжества, согласуется с болгарским происхождением Яна. Подобное именование было лестным для любого представителя многоязычной военной знати Руси.

Параллели в содержании надписи и в последующих преданиях караевцев говорят в пользу того, что крест из села Преградного был важ-

ным памятником для поддержания исторической памяти кавказских булгар, что обусловило его сохранность до наших дней.

Название *Презградное* появилось во время русского заселения края в XVIII веке и первоначально было присвоено почтовой станции. Название, унаследованное от предшествующих времён, соответствует былому расположению здесь ставки пограничной стражи, служившей преградой для непрошенных гостей. Русские переняли название от местных жителей, переводя его на русский язык.

Ещё одним свидетельством прошлого является название реки Егорлык. Поскольку раннесредневековые прикавказские булгары были христианами, можно говорить о том, что первоначально река носила название в честь св. Георгия — в древнерусском языке Егория. Св. Георгий был покровителем воинов, поэтому река, протекавшая по территории военных поселенцев, была названа в его честь.

Для похода 1033 года Евстафий собрал силы своего княжества, включая конницу из служилых чёрных булгар, князь которых погиб под Карахом.

Глеб Володьевич

Среди поморов сохранилась былина о новгородском князе Глебе Володьевиче. Согласно одному из её вариантов, три купеческих корабля князя были захвачены правительницей Корсуня Маринкой Колдаевой, которая названа еретичкой и безбожницей. Узнав о случившемся, Глеб собрал 30 000 воинов, из которых отобрал 300 лучших. Прибыв к Корсуню, Глеб оставил дружину отдыхать, а сам направился на переговоры с Маринкой. Маринка задала три хитроумные загадки, а когда они были отгаданы, попыталась отравить князя подсыпанным в вино зельем, притворно обещая выйти за него замуж. Богатырский конь помешал осуществить коварный замысел, и Глеб, перемахнув на нём через городскую стену, отрубил Маринке голову. (16, 429–433)

В былине описан поход на город, где на таможене с русских купцов брали многочисленные пошлины, что возмущало создателей былины. Былинный город соответствует Херсонесу, древнерусскому Корсуню,

бывшему для русов одним из крупнейших центров в их торговых предприятиях.

В заключительной части былины описана казнь одной лишь правительницы. Но в предшествующем тексте дан намёк на более тяжёлые последствия. Отправляясь на переговоры, Глеб даёт своей дружине такой наказ:

*«Уж вы слушайте — неровно-то **зазвени**т да моя **сабля**,
Заскрипят да мои плечи **богатырския**, —
Поезжайте-тко ко городу ко Корсыню,
А скачите вы через стену городовую,
Уж вы **бейте-ко по городу старого и малого**,
Не единого не оставляйте вы на семёна».* (16, 432)

Поэтому слушатели догадывались, что произошло после того, как зазвенела богатырская сабля над Маринкиной головой. Город был захвачен, многие из его жителей убиты.

Под новгородским князем Глебом Володьевичем угадывается Глеб Рогволодович, сын Рагнвальда Ульвсона. Глеб-Улеб был героем похода 1032 года. В 1032 году русско-византийские отношения были мирными, что позволило русам вернуться домой через византийские владения. В эпоху Глеба нашествие на Херсонес было возможно только во время русско-византийской войны, начавшейся с похода войск под главенством новгородского князя Владимира Ярославича на Константинополь летом 1043 года.

В другом изводе былины о Глебе Володьевиче приведены иные географические ориентиры. Путь к владениям Маринки Кайдаловки описан так:

*«Да пошли-то они всё за **синё морё**,
Солоно-то всё морё, **морё Арапскоё**...
Пали эти ветры, всё погда-ли.
Замётало-забросало эти корабли
Как во ту-ли-то во землю во татарскую,
Во тотарскую во землю, во Арапскую».* (16, 251)

Позднее название «татарские земли» сокрыло какое-то более раннее именование мусульманских стран. Синим морем обычно считалось Азовское море. Лежащее ещё далее и отличавшееся своей солёностью Арабское море — Каспий. На Каспий Глеб-Улеб во главе новгородского войска ходил в 1032 году. Так что перед нами народные воспоминания о походе в Закавказье.

Коварство царицы Маринки также соответствует Закавказью. В сказке А. С. Пушкина «О золотом петушке» сообщается о походах русов во владения коварной шемаханской царицы. В поэме Низами Гянджеви «Искендер-наме» правительницей столичного Бердаа показана Нушабе. С античных времён за Кавказом закрепились слава родины амазонок, к которым близки легендарные закавказские правительницы.

Образ Маринки во втором изводе былины менее пострадал от времени. Так, она после поражения в испытании загадками освобождает экипаж захваченных судов, тогда как в случае с правительницей Корсуны это событие отсутствует. Уцелели сведения о наказании наряду с Маринкой-отравительницей её подданных.

В былинном описании похода новгородцев говорится об истреблении жителей в городе Маринки и о его ограблении. (16, 255) Резня и грабежи вроде бы соответствуют данным мусульманских хроник о 10 000 ширванцах, убитых в течение десятидневной войны. Местные хронисты повествуют о том, что захватчики выкопали спрятанные местными жителями деньги и иные ценности, что можно принять за былинный сбор золота. Но маршрут движения русов был иной.

Прогнав ширваншаха из его страны, русы проследовали в Арран, затем поднялись по Араксу и ушли на черноморское побережье. Новгородцы не участвовали в разграблении столичной Йазидии.

Мажорная концовка былины говорит о благополучном возвращении участников похода 1032 года. Дальность похода и богатая восточная добыча произвели большое впечатление на современников. О походе были сложены летописная повесть и дружинная песня, реликты которых уцелели в летописях и народных преданиях.

Маринка-отравительница

Ширваншах Минучихр после понесённого у Баку поражения от русов бежал. Его жена могла попасть в руки захватившего столицу врага и последовать примеру жительниц Бердаа, которые пытались отравой извести русов, захвативших в 944 году их город. (9, 276) В этом случае казнь отравительницы одного из вождей похода стала бы основой для образа Маринки.

В «Истории Дербента» читаем:

«В 425/1034 году ширваншах **Минучихр** после семилетнего правления был **предательски убит в своём доме**. Убийцей был его **брат Абу Мансур б. Йазид**. Причиной убийства было то, что Абу Мансур опасался ширваншаха и **прятался от него**. Однажды ночью он проник в Йазидию, когда жители её были недостаточно бдительны, и послал (сообщение) об этом жене брата, **Ситт**, дочери Фадла. Она **питала к нему сердечную склонность**, и он сообщил ей о своём положении и о том, что он прибыл в дом одного из её гуламов (телохранителей. — В. Т.), как она указывала. Получив сообщение, эта женщина послала к нему одну из своих приближённых с кухонным ящиком. Та усадила его в ящик и [таким образом] помогла проникнуть внутрь крепости. Когда он достиг дома [Ситт], она послала за своим мужем Минучихром, приглашая его прийти к ней.

Когда он пришёл, она показала ему письмо от своего **брата Мусы**, сына Фадла, **правителя Аррана**. Минучихр погрузился в чтение. В то время как он смотрел на письмо, объясняя [жене] его содержание, внезапно из отдалённой части дома появился Абу Мансур с обнажённым мечом в [руке]. Минучихр спросил: "Кто впустил тебя в мой дом?" — но он не окончил своих слов, как Абу Мансур ударил его по затылку своим мечом. Абу Мансур собирался повторить удар, но меч выскользнул из его руки от страха, охватившего его сердце. Тогда проклятая **женщина приказала** одной (в одной из рукописей: одному. — В. Т.) из приближённых **довершить убийство**...

Абу Мансур Али б. Йазид б. Ахмад, вступив на трон в 425/1034 году, приказал похоронить брата и по истечении установленного срока **женился на его вдове**». (18, 54–55)

Минучихр погиб в результате тайного сговора своей жены и брата. Любовники расправились с ширваншахом и поженились. Коварство Ситт сравнимо с коварством Маринки, но сходство на этом заканчивается. Минучихр умер не от отравы, а от меча, и с русами проделка Ситт никак не связана.

После бегства из Ширвана в 1032 году Минучихр сумел вернуть себе власть и умер через год в столичной Йазидии. Муса, правитель Аррана, был в дружеских отношениях с русами, только что изгнавшими ширваншаха, и воспользовался их прибытием для расправы с мятежным братом.

В трудном 1032 году Муса не пришёл на выручку зятю. Более того, его сестра, которой он посылал письменные наставления, при помощи любовника погубила Минучихра. Из-за чего Абу Мансур скрывался от гнева старшего брата, не сказано. Этот гнев следует связать с предшествующими бурными событиями. Судя по всему, Абу Мансур в 1032 году был на стороне врагов Минучихра.

Воинственный ширваншах вступил в борьбу с дербентским эмиром и вызывал опасения у Мусы. В 1032 году из-за этого он занял выжидательную позицию, а после бегства Минучихра не сопротивлялся возведению дербентцами на ширванский престол Абу Мансура. Но Абу Мансур после ухода русов и горцев не удержал власти и ему пришлось скрываться. Появление его в Йазидии одновременно с посланием Мусы говорит о том, что убежищем для него был Арран, а в заговоре участвовал арранский правитель.

История Ширвана не даёт оснований для возникновения сюжета о Маринке. Их следует искать в ином месте. Обращает на себя внимание бродячий характер этого сюжета в былинах. Он помещён в сюжеты, которые основаны на разновременных событиях — разорении Ширвана в 1032 году и более позднем нападении на Херсонес. Это означает, что первоначально Маринке был посвящён отдельный рассказ, которым сказители дополняли свои сочинения о южных приключениях новгородцев.

В первой половине XI века русы появлялись в прикаспийских областях только в 1032 и 1033 годах. Потерпев неудачу отыскать ис-

токи рассказа о Маринке в событиях 1032 года, обратимся к походу 1033 года. В нём были задействованы северокавказские народы. В более приближённом к первоисточнику сюжете из былины о плавании в Арабское море отравительница названа Кайдаловкой. Среди названий северокавказских владений только одно имеет близкое звучание — Хайдак раннесредневековых известий, он же Кайтаг более позднего времени.

Ал-Масуди называет Кайтаг то Джиданом, то Хайдаком:

«Народ ал-Баба (Дербента. — В. Т.) терпит много ущерба от царства Джидан, народ которого входит в состав земель хазарских царей. Столицей последних был Самандар, город, лежащий на расстоянии восьми дней пути от ал-Баба. Он и сейчас населён народом из хазар, но так как в ранние дни ислама он был завоёван Сулайманом б. Раби ал-Бахили, то управление было перенесено оттуда в город Атил на расстояние семи дней от [Самандара]». (18, 192)

Джидан причислен к владениям хазар. Семендер был хазарской столицей, но под угрозой арабских нашествий она была перенесена в дельту Волги, где был построен город Атиль. Семендер оказался на территории хазарской области Джидан, и в нём жили хазары. Далее Ал-Масуди рисует иную картину:

«Мы сказали, что вреднейшим из таких соседних народов является княжество Джидан. Его царь мусульманин, который заявляет, будто он араб из племени кахтан. В настоящее время, а именно в 332/943 году, он известен как Салифан и в его государстве нет других мусульман, кроме него, его сына и семьи. Я думаю, что этим прозвищем зовутся все цари этой страны.

Между Хайдаком и ал-Бабом живут мусульмане арабы, которые не говорят хорошо ни на каком языке, кроме арабского. Они живут в лесах, зарослях, долинах вдоль больших рек, в селениях, в которых они поселились в то время, когда эти места были завоёваны теми, кто устремился сюда из арабских пустынь. Они живут на границе с царством Хайдак, но защищены от него зарослями и реками. От них до города ал-Баба около трёх миль (около шести километров. — В. Т.), и жители ал-Баб приходят им на помощь.

Со стороны Кабха (Кавказа. — В. Т.) и Сарира Хайдак граничит с [землём] царя, называемого Б.рзбан (Марзубан. — В. Т.), который мусульманин, и город его называется К.р.дж [Карах]. Они вооружены булавами. Каждый правитель этого царства зовётся Б.рзбан». (18, 202–203)

Реки, между которыми могли скрываться селения пограничной арабской стражи, начинаются в 25 километрах к северу от Дербента. В тексте переписчиками спутано обозначение миль и фарсахов. Центральное селение арабской области было в шести фарсах, или 36 километрах, от Дербента. Близ этого селения протекало четыре реки. Дербентско-хайдакская граница проходила где-то в районе современного города Избербаша.

Хайдак-Джидан граничил с Дербентом, Сариром и Карахом, в котором произошли события 1033 года. Хайдакский правитель назван мусульманином и арабом. Современные историки скептически относятся к его притязанию на арабское происхождение, поводом для которого было созвучие названий дагестанского владения и одного из арабских племён. (18, 127)

Титул «салифан», согласно китайским хроникам, восходит к древнетюркской культуре. Салифаном правителя Хайдака называл также Ал-Мукаддаси. (18, 127)

Моисей Каганкатвази, историк X века, описывает посольство зимой 62 года Хиджры во главе с агванским католикосом Илиазаром к гуннам. (9, 190–191) Послы отправились в путь на Рождество 25 декабря и прибыли в гуннскую столицу Варачан накануне Великого поста. Перед нами события конца 681 — начала 682 года.

Гуннами правил Алп-Илитвер, дочь которого была выдана замуж за хазарского кагана. Сам правитель и часть его подданных показана христианами. Другие подданные были язычниками, поклонниками конных скачек. (9, 192–199) Среди почитаемых язычниками богов назван Тангрихан — божество неба тюрко- и монголоязычных народов. (19, 500) Среди подданных Алп-Илитвера были всадники-тюрки.

Гуннами Моисей называл хазар. Варачан был одним из городов Хазарии. Его располагают на каспийском побережье к северу от Дербента

на месте Урцекского городища вблизи современного города Избербаша. (12, 211) Алп-Илитвер был правителем одной из южных хазарских областей, примыкавшей к владениям Дербента.

Позднее в качестве главного хазарского города к северу от Дербента выступает Семендер. Ибн-Хордабех, писавший в IX веке, сообщает:

*«Город **Самандар** расположен за ал-Бабом. Всё, что за этим (Дербентом. — В. Т.), в руках хазар...*

За пределами ал-Баба [идут земли] владык сувар, лакзов, аланов, Филана, ал-Маската, Сахиба ас-Сарир и город Самандар». (7, 109)

Семендер находился в районе современной Махачкалы. (1, 410) К востоку от хазарских владений лежал Сарир.

Ал-Истахри дал такое описание северных соседей дербентцев:

*«У **хазар** есть ещё город по имени **Семендер**. В пространстве между ним и Баб-ул-Абвабом (Дербентом. — В. Т.) находятся многочисленные сады, принадлежащие Семендеру. И говорят, что они содержат в себе приблизительно около 4000 виноградных лоз, доходя **до пределов Серира**, и главную часть плодов в этих садах составляет виноград. В Семендере множество мусульман, и у них в этом городе мечети. Постройки семендерцев деревянные, плетёные, кровли на домах выпуклые. **Царь Семендера иудейского вероисповедания** и находится в родстве с царём хазар. Между Семендером и пределами Серира два фарсаха (11,8 километра. — В. Т.) расстояния. Между семендерцами и Сахиб-ас-Сериром перемирие». (10, 47)*

На месте владения Алп-Илитвера в первой половине X века появилось вассальное по отношению к Хазарскому каганату царство со столицей в Семендере. К Семендеру с востока почти вплотную подходили владения Сарира, с которым семендерцы вели войны, но во время формирования известия Ал-Истахри наступило перемирие. Правитель Семендера был в родстве с хазарским каганом и исповедовал иудаизм, которого придерживалась правящая династия Хазарии.

В «Истории Дербента» в описании дербентской междоусобицы 916 года говорится:

«Абд ал-Малик повернул обратно и осадил город (Дербент. — В. Т.). Тогда подошёл к нему **Салифан с хазарским войском**. Они взяли в плен (Абу-Наджма, племянника Абд ал-Малика. — В. Т.) и всех его сторонников и ввели Абд ал-Малика в город». (18, 66)

Судя по титулу, союзником Абд ал-Малика б. Хашим был правитель Хайдака, воины которого названы хазарами.

Хайдакцы в 1040 году выступили на стороне дербентского главы раисов Али б. Хасан б. Анак. Али был женат на дочери хайдакского эмира, чем и объясняется эта военная помощь. Позднее мы находим хайдакцев в числе союзников дербентских эмиров.

Эмир Мансур в 1064 году женился на дочери Али б. Хасан б. Анак, внучке хайдакского эмира, что позволило ему воспользоваться воинами деда своей жены. В 1066 году у них нашёл убежище эмир Абд ал-Малик б. Лашкари. В 1068 году хайдакские стрелки из лука обороняли Дербент от ширванцев. Судя по всему, стрелков привёл Абд ал-Малик б. Лашкари, участвовавший в этой войне и после победы ширванцев вновь удалившийся в Хайдак. Его матерью была дочь хайдакского эмира, а сам он родился в Хайдаке, чем и объясняется активная роль хайдакцев в судьбе этого эмира. (18, 60–76)

Хайдак был северным соседом Дербента и восточным соседом Са-рира, то есть занимал ту же территорию, что ранее занимала хазарская область с городом Семендером. Будучи зависимой от Хазарского каганата, область называлась Джидан, а, попав в зависимость от Дербента, была переименована в Хайдак.

В местных хрониках отсутствует название Джидан, но есть созвучное ему название Шандан. «История Дербента»:

«Он (ширванишах Али б. Хайсам б. Мухаммад. — В. Т.) согласился с эмиром ал-Баба, чтобы совместно **напасть на** [неверных] **Шандана**. Большое число добровольцев и чтецов Корана из других мест примкнули к ним, и, когда они дошли до ворот Шандана, произошло сражение, окончившееся неблагоприятно для мусульман. Ади б. Хайсам и эмир ал-Баба были взяты **в плен вместе с 10 тысячами** мусульман.

*Неверные поделили мусульман между людьми **Шандана, Сарира и хазарами**. Те, кто попал в руки саририцев, через три месяца были отпущены без выкупа. Али б. Хайсам и эмир ал-Баба были также освобождены и отправлены в их страны. Но те, кто были пленниками хазар и шанданцев, были проданы и спаслись лишь очень немногие.*

*Среди племён неверных в пограничной области ал-Баба **злейшим [врагом] мусульман был народ Шандана**. Упомянутое сражение произошло в 300/912 году». (18, 48)*

Шандан выступает в качестве владения, равнозначного Сариру и Хазарии. Поход против него в 912 году объединённых сил Дербента и Ширвана оказался неудачным. В плен попало 10 000 человек вместе с двумя правителями. Судя по количеству пленных, мусульмане собрали огромное по тем временам войско.

Характеристика Шандана как злейшего врага мусульман совпадает с мнением Масуди, считавшего Джидан «*вреднейшим из таких соседних народов*». Масуди злейшими врагами мусульман среди северных народов, которых сдерживали укрепления Дербента, называл хазар, аланов, саририцев, тюрков. (18, 212) Хайдакцев можно отождествить с граничащими с Сариром тюрками. Шандан и Джидан — разные варианты названия одной области.

Семендер переводится с иранского как «*ворота Саманда*». Здесь сохранились остатки самых северных «длинных стен», которые запирали северный вход в проход между Каспийским морем и Кавказом. (13, 22) Лежавшая к югу область и была страной Саманда, которая позднее именовалась Джиданом и Шанданом. В конце VII века столицей этой области был Варачан. Позднее, под ударами арабов и натиском дербентских мусульман, столица Хазарского каганата сместилась на Волгу, а в Семендер была перенесена ставка местного правителя.

Завоевание хазарской области со столицей в Семендере шло постепенно. В 886 году у хазар был отбит район позднейшего Караха. Затем борьба велась уже с Шанданом. «История Дербента»:

«В том же году он (в 938 году дербентский эмир Абд ал-Малик. — В. Т.) послал своего помощника Абу-л-Фаварисас конным отрядом из дербентцев

и хайдакцев в селение Аран. Они внезапно напали на врага ночью, убили много знатных лиц Шандана». (18, 66)

На завоёванных мусульманами семендерских землях возникло мусульманское владение Хайдак, обитатели которого приняли участие в дальнейшем покорении Шандана. После того как вся область была подчинена, новое название Хайдак поглотило старое — Шандан.

Ибн-Русте, чьи сведения относятся ко времени ранее 902 года, сообщает о царе Адзар-Нарсе:

«Он придерживается трёх религий: по пятницам он молится с мусульманами, по субботам — с евреями, а по воскресеньям — с христианами». (18, 220)

У Ибн-Русте название столицы и области звучит как Хайдан. В «Худуд ал-алам» эта область также названа Хайданом, который был резиденцией сипах-саларов царя Сарира. Исследователи исправляют название Хайдан на Хайдак, отмечая сходство в арабской графике букв «к» и «н». (18, 220) Но искажение следует связать с взаимовлиянием названий Хайдак, Джидан и Шандан, которое давало гибридные формы.

Ибн-Русте исчислял расстояние от царской крепости Сарира до города Хайдана в 12 перегонов. Столицу Сарира помещают на месте современного селения Хунзах. (18, 219–220) Под перегоном следует понимать расстояние в один фарсах. 12 фарсахов составляют 71 километр, что равно расстоянию от Хунзаха до Семендера. Адзар-Нарсе жил в Семендере.

«Худуд ал-алам» было написано Ибн-Мискавейхом около 983 года. (2, 501) По сведениям этого информированного писателя, Шандан находился в зависимости от Сарира. Имя Нарсе ранее было известно среди местных христиан. Так, Масуди правителем христианской Шакки, лежавшей в современной Кахетии, называет Адзар-Нарса б. Хумам. (18, 211) Популярность этого имени следует связать с наличием в местных христианских святцах св. Нерсеса. (9, 23) Адзар-Нарсе имел христианское имя и, судя по этому, был в родственных отношениях с царём Сарира.

В 1065 году Хайдаком правил эмир Пируз б. ал-Сакбан. (18, 76) Эмир был тёзкой шахиншаха Пероза (457–484) из династии Сасанидов. Претендовать по примеру ширваншахов на преемственность от Сасанидов он мог, опираясь на родственные связи с сарирскими правителями, ведшими своё происхождение от иранских Михранидов.

Примечательна эволюция религиозных воззрений правителей области Саманда. При хазарском владычестве они были христианами, затем иудеями. Приобретя же самостоятельность, превратились в правоверных мусульман. Но перед этим, освободившись от власти хазарского кагана, жители области попали под власть сарирского правителя. Чтобы вновь обрести самостоятельность, правитель Хайдака пошёл на сближение с дербентцами и стал маскироваться под араба. Лавируя между могущественными соседями, местные правители в зависимости от политической обстановки провозглашали себя приверженцами той или иной религии, выдвигали разные версии своего происхождения.

Последние датированные события «Истории Дербента» относятся к 1075 году. В тексте Мюнеджим-баши сообщается, что использованная им хроника была составлена около 1106 года. (18, 79) Хроника была доведена до окончания правления дербентских Хашимидов. В её ширванской части скороговоркой упоминаются события, последовавшие после 1075 года, кончина ширваншаха Фарибурза и наследование ширванского престола его сыном Афридуном. (18, 63) В распоряжении автора были описания событий и за пределами 1075 года, но они его уже не интересовали, хотя составление сочинения велось через много лет после этого хронологического рубежа.

Несмотря на то что хроника описывала историю двух династий — ширванских Йазидов и дербентских Хашимидов, она называется «История Дербента», то есть главное внимание в ней уделено Хашимидам. Её составил какой-то проживавший в изгнании Хашимид в качестве документа, обосновывавшего право Хашимидов на дербентский престол.

Последними дербентскими эмирами были двоюродные братья Абд ал-Малик б. Лашкари и Маймун б. Мансур. Иных продолжателей рода Хашимидов хроника не знает.

Абд ал-Малик б. Лашкари родился в 1055 году в Хайдаке, по матери был внуком хайдакского эмира и опирался на военную помощь своих хайдакских родственников. Он стал дербентским эмиром в 1065 году, был несколько раз изгнан из города и вновь призван на правление, до тех пор пока в 1075 году его не взяли в плен и не поместили в заключение в табарсаранском городе ал-Хумайдийа.

Маймун б. Мансур родился в 1065 году. Его матерью была дочь райса Али б. Хасан б. Анак, а бабушкой по материнской линии — дочь хайдакского эмира. После изгнания своего двоюродного брата в августе 1075 года он взошёл на дербентский престол, но уже в декабре власть перешла к наместнику сельджукского султана Сау-Тегину, представитель которого прибыл в Дербент.

Включение в хронику подробных сведений о Йазидах говорит в пользу родственных связей её составителя с этим ширванским правящим домом. Дедом двух последних эмиров был эмир Абд ал-Малик б. Мансур, который в декабре 1035 года женился на сестре ширваншаха Шамкуйе. Эмир скончался в 1043 году, и между его сыновьями развернулась борьба за власть. Наследовавший власть четырёхлетний Мансур был изгнан стараниями Лашкари, который стал эмиром в сентябре 1054 года. Но уже в январе следующего года Лашкари погиб от руки посланных братом убийц, и Мансур вновь стал дербентским эмиром.

Если бы Лашкари был сыном Шамкуйе, то он родился бы не ранее 1041 года и не смог бы стать отцом появившегося в 1055 году Абд ал-Малик б. Лашкари. С Шамкуйе Абд ал-Малик б. Мансур не разводился. Из всего этого следует, что Лашкари был его старшим сыном от предыдущего брака. Престол передали более младшему, но более знатному Мансуру. Основания интересоваться родословной ширваншахов были только у Маймуна б. Мансур. Его следует признать составителем или заказчиком «Истории Дербента». В 1106 году ему был 41 год, и он мог вынашивать планы возвращения дербентского престола, для чего понадобилось историческое обоснование родовых прав.

Составление хроники было вызвано политическими мотивами, отсюда тенденциозность текста. Маймун б. Мансур, потомок Мансура б. Маймун, отредактировал местные хроники, в которых представил

своего предка в более выгодном свете. Так, эмир стал предводителем победоносных нападений на русов и алан. О поражении же владельца Сарира, приходившегося родственником Мансуру, писатель предпочёл не вспоминать. Хашимида неоднократно находили прибежище у сарирских царей. Хронист благожелательно относился к сарирцам и преуменьшил сарирско-дербентские конфликты. Так, он умолчал о поражениях сарирцев в 1032 и 1033 годах.

Лашкари опирался на хайдакцев и был женат на хайдакской княжне. Его брат Мансур в 1055 году вернул трон при помощи сарирцев. Видимо, первой его женой была сарирка, хотя от этого брака и не было потомства. Но зато в хронике потомком сарирского правящего дома представлен их отец Абд ал-Малик б. Мансур, чей отец был женат на сарирской княжне Сарийе. На самом же деле Абд ал-Малик был сыном от предыдущего брака, так как свадьба его отца и Сарийе состоялась в 1025 году, а уже в 1035 году сам Абд ал-Малик женился на ширванке.

Последний дербентский эмир Маймун б. Мансур был родственником правителей Хайдака и Ширвана и безосновательно претендовал на родство с правителями Сарира. В связи с этим обращает на себя внимание искажение роли хайдакцев в описываемых в хронике событиях.

В 1033 году под Карахом дербентским ополчением командовал раис дубильщиков ал-Хайсам б. Маймун, а объединённое мусульманское войско возглавлял правитель Дербента раис Али б. Хасан б. Анак, зять хайдакского эмира, постоянно использовавший хайдакскую военную помощь. Хайдак, граничивший с Карахом и тесно связанный религиозно-политическими узами с Дербентом, не мог остаться в стороне от этого конфликта. Хайдакцы участвовали в войне 1033 года, но, как и в отношении сарирцев, это участие в хронике было замолчано. Также не вызывает сомнения, несмотря на молчание хроники, участие хайдакцев в нашествии 1032 года на Ширван. Маскировка роли хайдакцев в бедствиях ширванцев, сарирцев и алан свидетельствует о том, что местом написания хроники был Хайдак.

Моисей Хоренский сообщает о том, что супруга хазарского правителя избиралась «из рода берсилиев». Берсилии же жили при 70 рукавах Волги, то есть в её дельте. (15, 156) Согласно византийскому истори-

ку начала IX века Феофану Исповеднику, в 547 году хазары вторглись в южные страны из Внутренней Берзии. (15, 157)

В письме хазарского кагана Иосифа, составленном около 961 года, есть такое описание Хазарии:

*«Я живу у этой реки (Волги. — В. Т.) с помощью всемогущего, и у меня есть в моём царстве три города. В одном [из них] **живёт царица** со своими прислужницами и евнухами. Длина и ширина его, с пригородами и примыкающими к нему деревнями, составляет 50 на 50 фарсахов, и живут в нём **иудеи, исмаильтяне** (мусульмане. — В. Т.) и **христиане**. Проживают в нём и другие народы из других племён. Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я со своими князьями, рабами и всеми приближёнными служителями. Он невелик и занимает 3 на 3 фарсаха. Между стенами его тянется [в ту и другую сторону] река (Волга. — В. Т.)...*

*А я, мои князья и слуги отправляемся и идём на протяжении **20 фарсахов** пути, пока не доходим до большой реки, называемой "**В-р-шан**", и оттуда **идём вокруг [нашей страны]**, пока не приходим к концу [нашего] города...*

*Я ещё сообщу пределы моей страны. В восточную сторону она простирается на **20 фарсахов** пути, до моря Г-р-ганского (Каспийского моря. — В. Т.), в южную сторону на **30 фарсахов** пути и в западную сторону на 40 фарсахов пути. Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова. В северную сторону она простирается на 40 фарсахов пути». (11, 86–87)*

Арабские географы столицей Хазарского каганата называли город Итиль, стоявший в дельте Волги. Резиденция кагана соответствует этим описаниям. От столицы до Каспия по течению Волги было 20 фарсахов, или 118 километров. Уровень Каспия в эпоху Иосифа неизвестен. Если вести отсчёт от современной кромки моря, то указанное расстояние приводит примерно в район истока из Волги рукава Бузана — в самую северную часть волжской дельты.

Город царицы со смешанным населением из иудеев, мусульман и христиан соответствует такому же составу населения Шандана, столи-

цей которого был Семендер. Наличие среди подданных царицы мусульман свидетельствует в пользу южного расположения её владений, подвергшихся воздействию мусульманских проповедников из Дербента. Достойными упоминания каган счёл только три города. Город царицы был в южной стороне. В этом направлении каган знает Семендер — единственный поименованный им город:

*«Оттуда (с Поволжья. — В. Т.) граница поворачивает по пути к Хуварезму [доходя] до Г-р-гана (Каспия. — В. Т.). Все живущие по берегу [этого моря] на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А ещё **на южной стороне** — **С-м-н-д-р** в конце [страны] **Т-д-лу**, пока [граница] не поворачивает к "Воротам", [то есть] Баб-ал-Абвабу, а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам (Северному Кавказу — В. Т.)». (11, 99–100)*

Дано описание побережья Каспийского моря к северу от дельты Волги, по которому путь вёл в Хорезм и иные города Средней Азии. От столицы путь шёл к Каспию, а затем разветвлялся. Восточное направление вело в Среднюю Азию, южное — к Семендеру и Дербенту. Большая река Варашан лежала на пути к Семендеру. Крупнейшая река между Семендером и дельтой Волги — Терек, который и должен был быть упомянут в качестве характерного ориентира.

Между верховьем Бузана и Волгой находилась столица кагана. Двигаясь из этого места вдоль Волги по самым южным её протокам в сторону моря, мы попадаем в место впадения в Каспий рукава Бахтемира. Спускаясь же далее к югу по побережью, через 30 фарсахов достигаем старицы Терека, впадавшей в Кизлярский залив. Устье Терека со временем смещалось к югу, о чём свидетельствует более северное положение рукава Старого Терека относительно рукава Нового Терека.

Согласно обоим описаниям, путь шёл к Каспию, затем на юг, а потом на запад вдоль Кавказа. Расстояние в 20 и 30 фарсахов составляет 50 фарсахов, которые указаны в качестве размера области царицы. До Варашана-Терека было 30 фарсахов, но в тексте указано 20 фарсахов. Письмо кагана пострадало при многочисленных переписках. Мы можем восстановить первоначальные географические данные письма.

Путь от столицы до области царицы, начинавшейся от низовьев Терекка, составлял 50 фарсахов, из которых 20 фарсахов приходилось на путь вдоль Волги и 30 фарсахов — на дорогу вдоль каспийского побережья.

Семендер находился в конце страны Теделу, которая и была областью царицы. Теделу — хазарское название Шандана. Это означает, что во время написания письма южная часть бывшей области Саманда, отнесённая каганом к владениям Дербента, была занята мусульманским Хайдаком.

Царица жила в Семендере, южнее которого известен город Варачан, столица Алп-Илутвера, на дочери которого был женат каган, а севернее — река Варашан. *Варачан, Варашан* — названия, восходящие к именованию Берсилии. Область Саманда-Шандана в раннюю эпоху хазарского владычества в Прикаспии называлась Берсилией.

Жена Иосифа жила в Семендере, а согласно данным пространной редакции его письма, и сам он родился в этом городе. (11, 102) Место рождения говорит о том, что резиденцией матери Иосифа был Семендер.

Из так называемого Кембриджского документа следует, что Иосиф во время правления византийского императора Романа Лакапина, свергнутого в 945 году, женился на дочери аланского царя. Причиной свадьбы стала неудачная для аланского царя алано-хазарская война. (11, 117) Это поражение алан следует связать с сообщением Ал-Масуди об отказе алан от христианства после 932 года. (18, 204) Иосиф женился около 932 года и к моменту написания письма был довольно пожилым человеком. Сомнительно, чтобы он называл царицей не свою жену, а мать, даже если бы та и дожила до весьма преклонного возраста.

Мы наблюдаем традицию, согласно которой Семендер был резиденцией жён каганов, которые зачастую являлись уроженками этих мест. Женщины знатного семендерского рода, поставлявшего каганам невест, должны были иметь особый статус по сравнению с женщинами иных знатных родов этого региона. Царица Маринка Кайдаловка, чьей резиденцией был богатый торговый город, стоявший при море, соответствует семендерской царице, жившей в подобном же городе, входившем в 1033 году в состав Хайдака.

Имя *Маринка* восходит к какой-то восточной форме христианского имени *Мария*, бытовавшего, например, в форме *Марьям*. В былине имеется мотив сватовства Маринки к русскому князю. Проиграв спор с загадками, она притворно покорилась князю, отпустила пленников-матросов и обратилась к нему с такой речью:

*«Добро пожаловать, ты Глеб да сын Володьёвич,
Ты ко мне-то в полаты белокамяны,
Шчо **попить**-то ты, **поись** со мной покушати!
Хоть ты нейдешь ко мне да во полатушки,
Ты возьми, возьми у мя хоть **золоту цярку**»*. (16, 255)

Глеба заманивали в город с каменными строениями, а, когда эта попытка не удалась, попытались отравить поданным в золотой чарке вином. В ином варианте былины Маринка предлагает отравленное питье, стоя на городских стенах.

Несмотря на христианское имя, Маринка именуется еретичкой и безбожницей. Подобная мимикрия была обычной для иудейской среды. Иудеи в разных странах принимали в зависимости от обстоятельств христианство или мусульманство, втайне оставаясь приверженцами иудаизма. Такая мимикрия характерна для семендерских правителей, со времён хазарского господства исповедовавших иудаизм, но при нужде выдававших себя за христиан или мусульман.

Образ Маринки угадывается в образе шемаханской царицы из «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина. Сюжет сказки таков. Одолеваемый вражескими набегами, царь Дадон призвал мудреца-звездочёта, который подарил ему чудесного золотого петушка, способного предупреждать об опасности. Дадон стал успешно отражать нашествия, и страна зажила мирной жизнью.

Однажды петушок, обратившись на восток, тревожно пропел. Дадон отправил в восточную сторону рать во главе со старшим сыном. Угроза не исчезла, и через восемь дней петушок повторил тревогу. Следом отправилась рать во главе с младшим сыном. Когда ещё через восемь дней петушок прокричал в третий раз, пришлось выступить самому Дадону. До места гибели сыновей Дадон двигался восемь дней.

Среди высоких гор в тесном ущелье он обнаружил шёлковый шатёр красавицы шемаханской царицы, сыновей, вонзивших друг в друга мечи, и их побитые рати.

Восемь дней пути составляют 400 километров. Откладывая это расстояние в западном направлении от Караха, попадаем на территорию современной Кабардино-Балкарии. В соседней Северной Осетии — Алании протекают многочисленные реки с названиями, созвучными имени Дадона, — Фиагдон, Гизельдон, Хайдон, Савердон, Скуммидон. (28, 50)

Сыновья Дадона были без шлемов и лат. Они пали не в битве, а во время ссоры. Причина ссоры не названа, но угадывается без труда — встреченная в горах красавица. Не устоял против её чар и престарелый Дадон:

*«Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шемаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадонем
Улыбнулась и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатёр свой увела.
Всяким **яством угощала,**
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом неделю ровно,
Покоряясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон».*

Дадону в отличие от бравого новгородца не удалось легко отделаться от козней восточной красавицы. Она погубила братьев, а затем стала причиной гибели их отца.

Подобно Маринке, шемаханская царица угощала напитками за городом в походном шатре. В сказке предложена романтическая версия гибели царевичей в поединке друг с другом из-за любви. Но предшествующие обстоятельства говорят об ином. Петушок издавал сигнал опасности при наступлении беды. Царица должна была устраивать царевичам такой же приём, как и их отцу. Пир в объятиях красавицы мало похож на трагическое событие. Братья гибли через восемь дней после начала похода, то есть достигнув шелкового шатра, где их угощали напитками. В предшествующих сказаниях речь шла об отравлении царевичей красавицей, на которой они собирались жениться.

В сказке царица названа не боящейся греха, то есть грешницей. Её домогался колдун-звездочёт, а после гибели Дадона она чудесным образом исчезла. Перед нами тесно связанная с миром колдовства чужеземка. Характеристика царицы близка к образу еретички и безбожницы Маринки.

Шемаха находилась в Ширване и лежала на равнине к югу от Дербента. У её обитательницы не было причин в 1033 году отправляться в северокавказские ущелья для участия в конфликте. Иное дело семендерская царица, чьи родственники в 1033 году находились под Карахом. Малоизвестный, а затем и совсем забытый Семендер в сказаниях был заменён на знаменитую в позднем Средневековье Шемаху, имевшую созвучное название.

В конфликте приняла участие девушка из семендерского царского рода, к которой сватался русский князь. Молодой тмутараканский князь Евстафий Мстиславич погиб во время похода на Карах, но летописец ничего не говорит об обстоятельствах похода. В случаях гибели князей в сражении обычно это сражение описывалось или хотя бы упоминалось. Династия Дадона пресеклась, причём не из-за гибели царя на поле битвы. Со смертью Евстафия пресеклась династия тмутарканских правителей. Он погиб не на поле брани. Тело князя привезли в Тмутаракань, и жители его оплакали.

В походе 1033 года погиб служилый болгарский князь Ян Усмошвец, чьё тело также было доставлено домой. Гибель предводителей русского войска не помешала доставке их тел.

У карачаевского нарта Рачикау было необычное происхождение. Его отец Бедене, чей эпический образ восходит к Яну Усмошвецу, встретил на берегах Итиля-Волги служанку княгини. Ребёнка от запретной связи положили в ящик и бросили в Волгу. (29, 27–30) В волжской княгине угадывается жена хазарского кагана. Бедене, имевший в отличие от русского князя более низкий статус, претендовал не на хазарскую царицу, а на девушку из её окружения. В биографии Яна Усмошвеца имелся мотив сватовства к хазарской девушке.

Немецкий историк Адам Бременский, умерший в 1076 году, жил всего на одно поколение позднее событий 1033 года. В своём сочинении он приводит легендарный рассказ о том, как Анунд, сын шведского короля Эдмунда Плохого, погиб со всем своим войском в царстве женщин вследствие отравления амазонками водных источников. (15, 78)

В Балтийском море раннесредневековые географы знали некую землю или остров амазонок. В скандинавских известиях упоминается Квенланд, то есть страна женщин. Современные учёные помещают Квенланд на севере Ботнического залива. (17, 209) Адам Бременский местом гибели конунга считал Квенланд — землю амазонок, которую в его время называли страной женщин. Наряду с прибалтийским Квенландом западноевропейские и скандинавские писатели знали южный Квенланд, чей образ восходил к античной стране амазонок, которую размещали то в Малой Азии, то на Кавказе. Мотив отравления шведов женщинами восходит к общему кругу сказаний о Маринке-отравительнице.

Соединение известий позволяет восстановить последовательность событий. Под Карахом встретились вчерашние союзники. Мусульманскому войску Дербента, Хайдака и Караха противостояло христианское войско Алании, Сарира и Тмутараканского княжества, усиленного скандинавским отрядом. Дербентцы, часто использовавшие в борьбе с Ширваном сарирскую военную помощь, сделали попытку примирения. Посредниками избрали хайдакцев, семендерский царский род которых имел родственные связи с аланским и сарирским правящими родами.

В сказке у шатра шемаханской царицы погибли два жениха. Образ Дадонова царства имеет смешанные алано-русские черты. Судя по имени царя и указанному расстоянию, это Алания. Но то, что события были запечатлены в русском фольклоре, свидетельствует об участии в них русов.

В ходе мирных переговоров христианам были предложены две семендерские царевны в качестве невест для аланского царевича и тмутараканского князя. Невесты по семендерской традиции были представлены как христианки. Евстафию предназначалась Мария.

Свадьбой предполагалось скрепить мир. На брачном пиру женихам и их спутникам подали отравленные напитки. Затем мусульмане напали на лишённое вождей войско христиан, которое понесло тяжёлые потери, но отбило натиск, увезя домой тела своих погибших предводителей.

Победа, добытая ценой чудовищной хитрости, не стала предметом гордости ни дербентцев, ни хайдакцев. Автор «Истории Дербента» умалчал о каком-либо участии хайдакцев в событиях 1033 года. Зато карахская свадьба легла в основу русских сказаний о коварстве семендерской царицы. Новгородцы сочинили былинный реванш за гибель своих соотечественников, в ходе которого Глеб Володьевич казнил отравительницу.

Литература

1. Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М., 2002.
2. Грицков В. В. Крещение Руси. М., 2009.
3. Грицков В. В. Русы. Ч. 2. Исчезнувший материк // Киммерийский центр. Вып. 3. М., 1992.
4. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.
6. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
7. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986.
8. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
9. Каганкатвацци М. История агван Моисея Каганкатвацци, писателя X века. СПб., 1861.

10. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. I. Ал-Истахрий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901.
11. Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
12. Котович В. Т. Из истории Дагестана (середина VII — первая половина VIII в.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
13. Кудрявцев А. А. Феодалный Дербент. М., 1993.
14. Кузнецов В. А. Медынцева А. А. Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // Краткие сообщения института археологии. № 144. М., 1975.
15. Куник А. А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. // Приложение к XXXII тому Записок Императорской Академии наук. № 2. СПб., 1878.
16. Марков А. Беломорские былины. М., 1901.
17. Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
18. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.
19. Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
20. Низами Гянджеви. Собрание сочинений. Т. 5. Искендер-наме. М., 1986.
21. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.
22. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 10. М., 2000.
23. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
24. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
25. Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. М., 2007.
26. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995.
27. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
28. Торон В. Рождение Руси // Киммерийский центр. Вып. 15. М., 1996.
29. Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 1. Тифлис, 1881.

Глава 2

ПОЛЬСКАЯ СМУТА

Поход на Польшу

В летописях описан победоносный поход русских войск на Польшу. Радзивилловская летопись:

«В лето 6538. Ярослав **Белзы** взял. И родися Ярославу 4 сын, и нарече имя ему Всеволод. В сем же лете иде Ярослав **на чюдъ**, и победи я, и постави **град Гюргев**. В се же время **умре Болеслав Великий в Лясах**, и **бысть мятеж** велик в земли Лядцкои. И в[о]ставше люде, избиша епископы, и попы, и бояре своя, и бысть в них мятеж.

В лето 6539. **Ярослав и Мстислав** идоста на Ляхы, и заяста **грады Червенския** опять и повоеваста Лядцкую землю, и многы **ляхи** приведоста и **разделивши** я. Ярослав посади я по Рси, и суть и до сего дни.

В лето 6540. Ярослав поча ставити **города по Рси**». (18, 64–65)

Ярослав и Мстислав, воспользовавшись польской смутой, вернули червенские города, захваченные в более раннюю русскую смуту. Они разорили польские земли и привели пленников, которыми заселили возводимые на степном пограничье города.

Войско возглавляли два князя, которые поделили добычу, но говорится только о судьбе пленников, доставшихся Ярославу. В Ипатьевской и Тверской летописях уточняется, что на реке Роси Ярослав поселил «своих» пленников. В Тверской летописи названы города, основанные на реке Роси, — Корсунь и Треполь. Заселили два новых города.

Текст Татищева позволяет прояснить судьбу поляков, доставшихся Мстиславу. Пленников поселили как по реке Роси, так и около Чернигова. (23, 77) Рось протекала на южных рубежах владений Ярослава,

Чернигов был стольным городом Мстислава. Мстислав поселил поляков в окрестностях своей столицы.

Мы имеем два сходных рассказа в двух разных летописных статьях. В первом говорится о походе русских князей на Польшу и расселении пленников по пограничной реке Роси, во втором — о строительстве городов на реке Роси, очевидно вызванном приводом пленных. Такое соединение известий возможно при влиянии разных эр.

В статье 6538 года описаны военные походы — на волынский город Белз и на чудь. Татищев причиной чудского похода называет мятеж местных жителей:

«Сего же лета Ярослав ходил в Ливонию на учинивших противность, и, наказав довольно, построил град в свое имя Юрьев, и велел во оной от вся земли дань приносить». (23, 77)

Основание чудского города Юрьева (современный эстонский Тарту) должно было последовать в год, когда были воскресными Георгиевские дни (23 апреля и 26 ноября). Воскресными они были в 1032 году. Поход на чудь датирован по «эре –5506 года» и состоялся в 1032 году. В Тверской летописи рассказ о походе дополнен новгородскими известиями:

«И прииде к Новогороду, с[о]бра от старосты и поповы детей 300 учти книгам. Того же лета преставися п[е]рвый архиепископ Иакым Корсунянин в Новегороде». (19, 146)

У Татищева это сообщение передано в редакции новгородца — современника событий:

«Того же году преставися Иоаким, епископ новгородский, и бе ученик его Ефрем, который нас учил греческаго языка». (23, 77)

Св. Иоаким Корсунянин скончался в 1032 году, что подкрепляет датировку чудского похода этим годом. Новгородец использовал «эру –5506 года».

В «Мазуринском летописце» поход на чудь отнесён к 6536 году, что даёт «эру –5504 года». (13, 52) В Рогожском летописце основание

Юрьева помещено под 6537 годом. (19, 17) По осенней эре 26 ноября выпадает на следующий календарный год. Дата «Рогожского летописца» имеет осеннюю «эру –5504 года» и свидетельствует в пользу зимнего строительства города между 1 сентября 1032 года и 1 марта 1033 года. Об этом же говорит и характер похода. Он преследовал цель восстановить взимаемую с чуди дань, что обычно достигалось во время полюдья, то есть в осенне-весенний период. Основывая город в честь своего небесного покровителя, Ярослав руководствовался весенним счётом лет.

Белз стоит на западном берегу реки Западный Буг. Он был одним из самых западных червенских городов, и его взятие означало возврат всех червенских городов, о котором сообщается в следующей статье. В первоначальном тексте, судя по всему, говорилось о выдворении поляков из Червоной Руси вплоть до Белз. В статье 6538 года русско-польская война датирована 1032 годом по «эре –5506 года».

В киевском летописании, использовавшем «эру –5508 года», недоброжелатель Ярослава выбросил описание его польского похода, оставив только упоминание о строительстве городов по реке Роси. Более позднему сводчику пришлось восстанавливать это событие по тмутараканскому летописанию с «эрой –5507 года». Дублирующее новгородское известие было сокращено, и от него осталось только упоминание города Белз, местонахождение которого сводчик, по всей видимости, не знал и принял его захват за самостоятельный поход. Поход на Польшу состоялся в 1032 году и запечатлён в летописях в разных статьях с разными эрами.

Реликты более обширного рассказа о походе на Белз сохранил Татищев:

*«6538 (1030). Ярослав ходил **на поляк** и, победя город **Белжу и другия**, что **прежде Болеслав побрал**, взял и, много полона польскаго приведши, по городам поселил». (23, 77)*

Это сообщение сходно с описанием польской войны 6539 года старших летописей. Поход, датированный по «эре –5506 года», был связан с возвращением городов, некогда захваченных Болеславом Великим.

Приведённые пленники были расселены по городам. Несмотря на явное сходство известий, составители использованной Татищевым летописи считали, что было две войны с поляками.

Випон, капеллан императора Конрада II, под 1032 годом сообщает о польской междоусобице:

*«Умирая... герцог поляков Болеслав оставил двоих сыновей — Мешка и Оттона. Мешко преследовал своего брата **Оттона** и изгнал его на Русь. Бедствуя, тот провёл там некоторое время, после чего начал искать милость императора Конрада, чтобы с его содействием и помощью вернуть себе власть на родине. Согласившись сделать это, **император** решил, что сам он с **войском** двинется с **одной стороны**, а с **другой** — брат Мешко **Оттон**».* (7, 343)

Мешко II прогнал брата Оттона. В 1032 году Конрад II выступил против Польши с запада, Оттон, сопровождаемый армией Ярослава и Мстислава, — с востока. Мешко был вынужден бежать к чешскому князю Ольдриху. (27, 385) В «Хильдесхаймских анналах» эти события датированы 1031 годом, в чём можно усмотреть влияние «эры +1 года». (7, 343) Влияние этой эры прослеживается в польской истории. Так, у Цезаря Барония, использовавшего польские хроники, кончина Мешко I отнесена к 991 году вместо правильного 992 года. (1, 1059)

Польские историки отмечают, что Мешко не сумел удержать престол и был изгнан старшим братом Беспримом из страны. Только после смерти Бесприма он вернул себе трон, заручившись поддержкой немцев. (4, 37)

Титмар Мерзебургский считал Бесприма сыном от венгерской княжны, второй жены Болеслава, а Мешко и Оттона — сыновьями Эмнильды, третьей жены. (24, 68) Но далее по тексту в отличие от Мешко и Оттона Бесприм не появляется. В одних и тех же событиях польской междоусобицы сыновей Болеслава Великого упоминается то Оттон, то Бесприм. Всё это дало повод историкам к отождествлению Бесприма и Оттона. (24, 218)

После того как Болеслав отослал свою венгерскую жену на родину, её сына стала воспитывать Эмнильда, поэтому у Титмара Оттон,

носивший второе имя *Бесприм*, показан в перечне сыновей двух жён Болеслава.

В «Великой хронике» соперник Мешко II имеет ещё одно имя:

*«Этот Мешко имел **двух сыновей** от сестры императора Оттона, а именно **Болеслава и Казимира**. После смерти Мешко в 1033 году от Р. Х. ему **наследовал** его первенец **Болеслав**. Он, до того как был коронован, принёс своей матери немало позора...*

***Болеслав** же вследствие своей свирепости и множества преступных деяний, хоть и был отмечен королевской диадемой, плохо кончил свою жизнь и **не числится в списках королей** и правителей Польши. После его смерти в Польском королевстве возникло **много смут и войн**, больше междоусобных, чем внешних». (2, 69)*

У Мешко от Рикизы, дочери пфальцграфа рейнского Эццо и Матильды, сестры императора Оттона II, был один сын Казимир. (27, 385) Хронисты опустили одно поколение, чтобы представить Казимира племянником императора, тогда как он приходился ему внучатым племянником.

В междоусобице участвовал первенец, но не Мешко II, а Болеслава — Бесприм. Бесприм захватил престол ещё при жизни Мешко II, супруга которого Рикиза бежала из Польши и получила от императора в лённое владение Брунsvик уже после кончины мужа, когда не было в живых и Бесприма.

В «Великой хронике» приведена искажённая версия событий, но имеется важное уточнение: Бесприма в Польше знали под именем **Болеслав**. Бесприм принял отцовское имя, возможно в качестве тронного имени. К Бесприму в Польше питали ненависть и истребляли известия о его правлении, несмотря на то что он был коронован.

После смерти Болеслава Великого власть перешла к Мешко II, несмотря на то что тот был младшим сыном скончавшегося правителя и скопцом. Старший сын Бесприм довольствовался уделом. Слабое правление Мешко II вызвало недовольство польской знати, поэтому надежды на перемены в образе правления связывались с Беспримом, что привело к его изгнанию подозрительным братом.

Поводом к русскому походу стали просьбы о помощи со стороны прибывшего к Ярославу польского изгнанника Бесприма. Собрав войска, Ярослав и Мстислав отправились в польский поход. Поспешность похода была связана с достигнутой договорённостью о совместных действиях с германским императором. В награду за помощь в возведении Бесприма на польский трон Ярослав вернул Червенскую Русь.

Бесприм стал польским князем в конце 1032 года. Считается, что Мешко II вернул польский престол в 1032 году, замирившись с немцами и пойдя на территориальные уступки. (7, 345) Помирился с немцами Мешко после смерти Бесприма, который в конце 1032 года был ещё жив. Поэтому следует признать здесь влияние «эры +1 года». Бесприм скончался в 1033 году, и в Польшу при немецкой помощи вернулся Мешко. В «Великой хронике» в рассказе о Болеславе-Бесприме 1033 год приводится в качестве даты смерти Мешко. Судя по всему, первоначально дата относилась к смерти Бесприма.

В Лаврентьевской летописи малоизвестный Белз ошибочно записан как *Бзы*. (12, 149) В Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского уцелела промежуточная форма — *Беазы*. (15, 52) Здесь буква «л» в результате описки заменена на сходную в написании букву «а». В некоторых летописных списках город Бзы превратился в Обезы. (9, примеч. II, 30) Обезы появляются на страницах летописей сравнительно поздно. Так, в Ипатьевской летописи под 1154 годом сообщается о прибытии из Обез невесты великого князя Изяслава Мстиславича, царской дочери. (8, 468) Со времён Карамзина обезы, жители Обез, отождествляются с абхазами-абазинцами. (9, примеч. II, 354) Невеста прибыла морем, так как встречали её у днепровских порогов.

В Ипатьевской летописи в рассказе из летописной статьи 1201 года вспоминаются давние славные победы над половцами Владимира Мономаха, изгнавшего их хана Отрока во Обезы за Железные ворота. Второй хан Серчан остался у Дона, и его подданные выжили промыслом рыбы. Тогда Владимир пил своим золотым шлёмом из Дона и овладел всей половецкой землёй. (8, 716)

Владимир Мономах участвовал в победоносном походе на половцев в 1111 году. Объединённое войско русских князей под командованием великого князя Святополка Изяславича достигло Дона и захватило го-

рода Шарукань и Сугров. На обратном пути их догнали половцы, но в жестокой битве были побеждены. (8, 264–268)

Рассказу 1201 года более соответствует поход на половцев 1116 года, в котором Владимир Мономах не участвовал, но был в это время великим князем. Его сын Ярополк и Всеволод Давидович разгромили половцев и взяли на Дону три половецких города — Сугров, Шарукань и Балин. Во время этого похода Ярополк получил невесту-красавицу, дочь ясского князя. Жители Белой Вежи пришли с мирными предложениями к Владимиру. Договорённости были скреплены свадьбой Андрея Владимировича, сына Владимира Мономаха, и внучки половецкого хана Туторкана.

Крепость Белая Вежа, или Саркел, была в своё время построена византийскими строителями для хазар в нижнем течении Дона. Ранее из русских князей её захватывал Святослав Великий. Разбив хазарское войско, он взял их город Белая Вежа, а затем покори́л ясов и касогов. (8, 53) Ясы жили далее Белой Вежи.

Ясами в древнерусских источниках называли алан-осетин. Другим их именованием было *овсы*. От названия их страны Овсети произошло современное названия Осетия. Аланы жили в низовьях Дона, и город Азов, золотоордынский Азак, получил прозвание по ясам-азам.

В походе 1116 года половцы были загнаны за Белую Вежу. Степи Предкавказья были населены кочевыми народами, преимущественно аланами. Автор рассказа 1201 года назвал обезами овсов-ясов. Союз русских князей с аланами, скреплённый браком Ярополка, не позволил побеждённому хану Отроку отсидеться в аланских землях. Из-за этого он вынужден был бежать далее на восток. Ещё одна Обезия-Абхазия лежала за Дербентом, который был назван Железными воротами.

Хан Отрок скрылся в землях, находившихся во власти родственных половцам турок-сельджуков. Столь дальняя откочёвка соответствует дальности откочёвки участвовавшего в войне 1116 года хана Аепы. Только Аепа бежал на запад и пытался закрепиться в одной из болгарских областей. В 1117 году после первых военных успехов половцев болгары отправили победителям отравленную пищу и напитки, что привело к массовой гибели пришельцев. Оставшиеся же в живых были истреблены. (23, 132–133)

Белз в ряде летописей ошибочно назван Обезией, то есть страной алан. В Никоновской летописи, в статье 6537 года, предваряющей рассказ о походе на Белз, написано:

*«В лето 6537. Ярослав ходил **на Ясы** и взял их. Сие же лето мирно бысть по всей земле Русстей отвсяду».* (17, 79)

В старших летописях под этим годом стоит лаконичное сообщение «мирно бысть». Соединение известий о мирном годе и о военном походе смущало уже Карамзина. (9, примеч. II, 29) Война с аланами сомнительна и по другим причинам. Путь к аланам на Дон и далее проходил через владения Мстислава. Ярослав не мог без союза с Мстиславом совершать поход в этом направлении, да и нужды в том не было, так как за охрану границ на юго-востоке Руси отвечал Мстислав.

Татищев доверял своим источникам и включил найденное им сообщение об аланском походе в своё сочинение:

*«6537 (1029). Ходи Ярослав **на ясы** и, взяв их, **поселил по Рси**».* (23, 77)

По реке Роси около этого времени поселили поляков после похода на Белз. Кто-то из поздних сводчиков обнаружил под 6538 годом оригинальное известие о походе Ярослава на Обезы и переводе пленников на Рось. Отождествив обезов с более известными ясами-аланами, он поместил рассказ в незаполненную событиями статью предшествующего года. Так появилась мифическая война с аланами.

Поход на Польшу 1032 года отразился в сагах. Норвежец Харальд Сигурдсон в бытность на русской службе бился с поляками:

«Так говорит Тьодольв:

*С **Эйливом** давно*

Был князь заодно.

Крепили строй

Они боевой.

Взяли в тиски

***Вендов** полки.*

*Изведал **лях***

Лихо и страх». (22, 402)

Эйлив-Улеб был участником похода 1032 года в Закавказье. Скандинавские сведения свидетельствуют о том, что Улеб возглавлял отряд скандинавских наёмников, который успел принять участие в польском походе. Получается, что свои корабли русы бросили на Араксе, получив указание возвращаться на родину. У них не было времени на круговой путь через Волгу. Византийские суда доставили русскую армию не в Тмутаракань, а к устью Днепра.

Появление русской флотилии на Каспии следует отнести к традиционному для военных предприятий русов июню. Известия из Руси были получены по окончании основных боевых действий против войск ширваншаха. Какое-то время ушло на обратный путь до Киева. В польский поход они отправились не ранее конца лета 1032 года.

Поход на чудь состоялся после польской войны, но в том же 1032 году. Новгородцы, усиленные скандинавским отрядом, по завершении польского похода вернулись на север. В полюдьё скандинавские наёмники были использованы для разрешения споров с западными данниками новгородцев.

Наплыв скандинавских наёмников привёл в 1032 году к вспышке военной активности русов.

Изгнание Рикизы

Польской смутой воспользовался чешский князь Брячислав. Бароний под 1036 годом пишет:

«Польское королевство во время одного интеррегnum, чехи и россы воевали, не только мирские, но и церковные имения расхищали. Чехи с князем своим Прецславом, который с ними в полках напал на церковь гнезненскую. Оттуда тело святого Гавдентия, вместо святого Войцеха, его же тело епископ утаил, а это подложил, и тела пяти братьев мучеников в Прагу перенесли, а потом в Оломунце оставив, распятие от чистого золота, весом триста литр, и три доски золотые с алтарей, дорогими камнями украшены, взяли. И много иных сосудов церковных в серебре и риз изрядных взяли».
(1, 1098–1099)

Польские историки, на которых опирался Бароний, считали, что чехов удалось обмануть и подсунуть им мощи святого Гауденция вместо мощей более почитаемого святого Войтеха. Триста литр золота определяли вес не распятия, а золотого фриза с саркофага Войтеха. Распятие весило больше. Поляки как могли преуменьшали свои беды.

Козьма Пражский так описал чешское нападение:

*«В это время благороднейший польский князь **Казимир покинул этот свет**, сыновья же его — Болеслав и Владислав были ещё младенцами и питались грудным молоком, и единственной надеждой на спасение осталось для поляков жалкое бегство в разные края. Понимая это, князь **Бржетислав, на четвёртом году своего княжения**, счёл за лучшее не упускать представившийся случай наказать своих недругов и как можно скорее отомстить за те обиды, которые в своё время Мешко нанёс чехам».* (11, 102)

Казимир скончался в 1058 году, а женился позднее чешского нападения. Обидчиком Чехии был Болеслав Великий, но его имя в чешских хрониках заменялось на имя *Мешко*.

Брячислав стал чешским князем после кончины 9 ноября 1036 года своего отца Ольдриха. Четвёртый год его княжения продолжался с ноября 1039 по ноябрь 1040 года. При включительном счёте лет четвёртый год княжения выпадал на 1039 год. В датировке Бароний ошибается как минимум на три года. В этом можно усмотреть влияние осенней «эры –5504 года».

Причиной нападения Козьма считал отсутствие в Польше законного государя:

*«Посоветовавшись со своими [приближёнными], Бржетислав решил **напасть на поляков** и немедленно оповестил всех о своём страшном решении, разослав по всей чешской стране в знак своего приказа петлю, сплетённую из лыка. Это означало, что кто прибудет в лагерь позднее назначенного срока, то пусть знает, что будет без промедления повешен в такой петле на виселице.*

Когда в мгновение ока воины собрались все до одного вместе, Бржетислав [вторгся] в польскую страну, лишённую своего князя. Он вошёл в неё как

враг и подобно тому, как буря, нарастая, свирепствует, повергая всё, так [и он] резнёй, грабежом и пожаром опустошал деревни и силой врывался в укрепления. Вступив в **главный город** поляков, **Краков**, он разорил [его] до основания и **завладел его богатствами**. Помимо этого Бржетислав извлёк из казны старые сокровища, а именно громадное количество золота и серебра, спрятанное в ней прежними князьями. Он предал огню также и остальные города, сравнив их с землёй...

Затем чехи пришли к **главному городу** поляков — **Гнезно**, [расположенному] неподалёку от вышеназванного города (Гедеча. — В. Т.). Природа местности и стены делали Гнезно хорошо укреплённым, однако он был легкодоступен для врагов, так как население его было немногочисленным». (11, 102–103)

Из предыдущего текста видно, что чехи торопились воспользоваться установившимся у соседей безвластием. Брячислав опустошил польские города Краков и Гнезно, которые именуются главными в стране. Из Гнезно чехи вывезли мощи святых — Войтеха и его брата Гауденция, а также пяти пострадавших от разбойников монахов. Святые мощи были торжественно внесены в Прагу. Козьма Пражский:

«**В канун** праздника святого епископа **Бартоломея** [чехи] счастливые и радостные вернулись со своей священной ношей в Чехию. Они расположились лагерем у главного города **Праги**, у реки Рокитницы. Сюда на рассвете стала стекаться процессия из духовенства и всего народа...

Это **перенесение** останков благословенного мученика Христова Адальберта произошло в лето от Рождества Христова **1039, 1 сентября**». (11, 109–110)

Накануне дня св. Варфоломея чехи доставили мощи под Прагу. На рассвете следующего дня сюда стало сходиться духовенство и простой народ для торжественного вноса мощей в столицу. Первого сентября состоялось перенесение мощей в столичный храм. Военный поход закончился в сентябре 1039 года, что при неправильном переводе с осенней «эры – 5504 года» даёт указанный Баронием 1036 год.

Память апостола Варфоломея отмечается 30 июня, в праздник 12 апостолов, и 11 июня вместе со св. Варнавой. 25 августа отмечается память перенесения мощей Варфоломея. Канун этого праздника был 24 августа. Внесение захваченных в Польше мощей в Прагу состоялось на праздник перенесения мощей апостола, а 1 сентября их торжественно внесли в собор.

В 1039 году 1 сентября приходилось на субботу. В текст вкралась ошибка, так как следовало бы ожидать перенесения мощей в воскресенье 2 сентября. Первое сентября было воскресным в 1023 году. На этот год чешские хронисты должны были перевести «русский» в своей основе 1036 год по искусственной «эре +13 года». В этом случае появилась бы искусственная сентябрьская «эра +17 года». Перенесение мощей в пражский храм состоялось 2 сентября 1039 года.

Приуроченность торжественной встречи мощей Войтеха к празднованию дня памяти апостола Варфоломея и сходство их имён говорит о том, что Варфоломей был небесным покровителем Войтеха, который носил славянскую форму имени апостола.

Брячислав начал польский поход летом 1039 года, завершив его торжествами в своей столице в начале сентября. Поляки подали жалобу на Брячислава римскому папе. Бароний в статье 1039 года пишет:

*«Гнезненский архиепископ Стефан, который после Брезенты заступил, совещался с Рахелином, архиепископом **краковским**, и с иными епископами, послал достойных **послов в Рим к папе, жалуясь на Прецислава, князя чешского**, и на пражского епископа Севира, который подбил князя на нанесение великих обид королевству своим нападением, церкви Божию ограбил, а наиболее гнезненскую, из неё мощи святых Божиих, гробы их силою открывая, и иные сокровища взял и в Прагу послал.*

*Позван был Прецислав, и через послов своих, отвечая папе, оправдывал грех свой войною, и законом воинским, и благоговением ко святым. Мощи их от любви к ним взял, желая ими государство своё украсить. Сказано в ответ ему, что нехорошо и **в праведной войне** грабить церкви, мощи святых брать и **без благословения папы** переносить их, так как с людьми, а не со святыми войны бывают. И дано Прециславу указание, чтобы возвратил всё, что взял».* (1, 1103)

Обещание вернуть награбленное чехи не исполнили. Брячислав считал свои действия справедливыми и ссылался на законы военного времени. Римский папа не осудил чешского князя за военное нападение на Польшу, признав войну праведной. Возмущение папы вызвали лишь перенесение мощей святых без его согласия и ограбление храмов. Обращает на себя внимание то, что поляки отправились жаловаться в далёкий Рим, но не стали обращаться к германскому императору. Между тем Польша и Чехия уже долгое время находились в вассальной зависимости от немцев и улаживать подобные военные конфликты должен был Генрих III.

Брячислав собрался в поход на Польшу стремительно. Это означает, что поводом к войне стали чрезвычайные обстоятельства, возникшие до лета 1039 года.

Мешко II получил польскую корону после признания вассальной зависимости от германского императора. Польша оставалась в этой зависимости после его смерти. Брячислав вторгся в Польшу для того, чтобы покарать бунтовщиков, прогнавших из страны законного правителя. Поэтому его военные действия не вызвали протеста ни со стороны императора, ни со стороны папы. Главный удар пришёлся на столицы двух руководителей провозглашённой республики — гнезненского и краковского архиепископов. После чешского нашествия осенью 1039 года эти же архиепископы направили посольство в Рим. Они олицетворяли в стране, лишённой короля, государственную власть.

Бароний под 1034 годом пишет:

*«Не соглашающимся же господам на избрание короля, чрез седьм лет пребывающе в **интеррегнум** (междущарствии. — В. Т.) и домашней вражде, великую тщету церквам и королевству нанесли. Королева, жена Мечиславова Рикса, с сыном Казимиром к немцем **бежала**. А Казимир той, сын ее, в Клуни-аке **постригся в монашество**, спасение души своей почитая более королевства».* (1, 1099)

Рикиза бежала вместе с сыном в немецкие земли. Казимир на чужбине постригся в монахи в знаменитом французском Клунийском монастыре, расположенном в Бургундии. Согласно «Великой хронике»,

прибывшее к Рикизе в поисках королевича польское посольство узнало, что Казимир обучается во Франции. Но перед этим, в рассказе о Бесприме, приводится иная версия места обучения Казимира:

*«В самом деле, мать его (мать Бесприма. — В. Т.), происходившая из знатнейшего рода, не имея сил переносить его беспутство, забрав своего младшенького сына **Казимира**, отправилась в родную землю в Саксонию, в Бруншвик, и там **отдала его в науку**, а сама, как говорят, ушла в какой-то монастырь».* (2, 69)

Бесприм не был сыном Рикизы, поляки позднее отыскивали Казимира не в Германии, а в Ключи. Автор «Великой хроники» не во всём достоверен.

Бароний относил бегство Рикизы ко времени после смерти Мешко, автор «Великой хроники» — к началу правления Бесприма. Началу правления Бесприма предшествовало бегство Мешко и его семейства из Польши. В это время польский король находился в состоянии войны с немцами, поэтому убежище нашёл во враждебной им Чехии. (7, 344) Появление Казимира во Франции соответствует обстоятельствам 1033 года.

Согласно Галлу Анониму, на момент смерти отца Казимир был маленьким мальчиком и благодаря матери получил хорошее образование. Иные хронисты также показывают Казимира малолетним.

Время рождения Казимира помогают уточнить обстоятельства жизни его отца. Галл Аноним:

*«После того как Болеслав Великий ушёл из мира, королевский престол занял сын его **Мешко II**. Ещё при жизни отца он **взял себе в жёны сестру императора Оттона III**, от которой породил **Казимира**, то есть **Карла**, восстановителя Польши.*

Этот Мешко был достойным воином и совершил много военных подвигов, о которых долго здесь рассказывать. Из-за зависти к его отцу и он был ненавистен всем соседям. И не был богат, как его отец, и не имел ни жизненного опыта, ни доброго нрава.

*Говорят также, что он во время переговоров, ввиду измены, был взят **чехами в плен**, связан ремнями и **кастрирован**, для того чтобы не дать по-*

томства, так как его отец король Болеслав причинил им подобную же обиду, ослепивши их князя, а своего дядю. Мешко, правда, освободился из плена, но с женой своей больше не жил». (3, 49)

У Казимира было второе имя Карл. Первое имя было славянским, второе — немецким. Мешко II был сыном Болеслава I Великого от его третьей жены Эмнильды. Свадьба Болеслава с Эмнильдой состоялась в 988 году, так что родился Мешко не ранее 989 года. Обычно годом его рождения считается 990 год.

Историки относят брак Мешко и Рикизы к 1013 году. В этом году между немцами и поляками на непродолжительное время установились самые тёплые отношения, и Мешко участвовал в дипломатических переговорах с императорским двором. Брак скрепил достигнутые договорённости.

Мешко с великими дарами посетил короля Генриха II и присягнул быть его вассалом в феврале 1013 года. На Пасху 5 апреля вассальную присягу королю принёс Болеслав Великий. В понедельник 6 апреля он преподнёс Генриху богатые подарки и добился предоставления в лен славянских территорий, населённых лужичанами и мильчанами. (24, 128)

Охлаждение между Генрихом и Болеславом стало заметно в феврале 1014 года, когда во время военного похода в Италию Генрих приехал в Рим, но вызванный туда заранее Болеслав так и не прибыл с военной помощью. Титмар язвительно описывает коварные происки Болеслава против короля. (24, 129)

В апреле 1013 года была достигнута договорённость с королём о браке Мешко и Рикизы. Войска двинулись в Италию в декабре 1013 года, и Рождество король справил в лангобардской Павии. Свадьба состоялась не ранее апреля и не позднее декабря 1013 года.

Болеслав I Великий в 1003 году ослепил двоюродного брата по матери чешского князя Болеслава III Рыжего, чтобы занять чешский престол. Дядей Болеслава Великого по матери был чешский князь Болеслав II Набожный, мирно скончавшийся в 1000 году. Хронист спутал одноимённых чешских Болеславов — отца и сына.

Мешко сопровождал чешского князя Ольдриха в его свадебной поездке на Русь весной 1014 года. На обратном пути вспыхнула ссора,

и Ольдрых захватил Мешко в плен. В следующем году под давлением немцев чехи неохотно передали пленника им, а те после долгих колебаний отпустили его домой. (5, 284–285) Сведения Галла Анонима говорят о том, что во время пленения чехи оскопили Мешко. Его дети не могли появиться позднее первой половины 1015 года.

На момент свадьбы Мешко было около 23 лет, и для него этот брак мог быть вторым. У Мешко и Рикизы было двое детей — Казимир и Гертруда. Во время изгнания Изяслава Гертруда со своим семейством ездила ко двору германского императора Генриха IV с просьбой о помощи. Это говорит о её немецких корнях. Гертруда была дочерью Рикизы, поэтому либо Казимир и Гертруда родились одновременно, то есть были двойняшками, либо Гертруда была дочерью Рикизы от предшествующего брака. Казимир родился в 1014 году.

На момент смерти отца Казимиру был 21 год и он не был малолетним мальчиком. Сведения хронистов не точны. Во время же бегства 1032 года Казимиру было 18 лет.

Ян Длугош под 1026 годом помещает фантастическое покорение Руси Мешко II в ответ на нападение русских князей Ярослава и Мстислава на крепость Червенско и иные польские крепости. (27, 249) Перед нами заимствованное из русских летописей описание войны 1032 года с добавлением придуманного реванша поляков над русскими. После того как Мешко якобы достойно наказал непокорных русов и вернулся в Польшу, он отправил семилетнего Казимира в учение.

Если мы опустим вымышленный русский поход, то начало обучения Казимира придётся на время после бегства его семейства от русских войск, то есть на 1032 год.

Семь лет Казимиру было в 1021 году. В случае влияния «эры +13 года» перед нами 1034 год, которым датировали смерть Мешко и бегство Рикизы с малолетним Казимиром. Даты польской истории неоднократно переводились из эры в эру, после чего на основании получившейся искажённой хронологии формировались рассказы польских хронистов. Так появилось бегство малолетнего Казимира.

Польские хронисты причиной изгнания Рикизы считали ущемление интересов польской знати в угоду её немецким ставленникам. Русский переводчик Барония приводит такую подборку известий:

*«Об этом лучше и пространнее летописи польские пишут. В них же так обретається. Так как господа польские не соглашались на короля, то **вручили Риксе правление** королевства. Она же многими и различными данями, заботясь о своем сребролюбии, **утесняла поляков** и, презирая их, принимала в совет **немцев своих** и чины им и начальства давала. Тех обогащая, кто ни разумом, ни добродетелью не прославлен. О том оную увещевали господа польские, говоря: "Будь милостива к тем, кто рукою своею королевство защищают, и расширяют его, и содержат".*

Поляки много своим государям попускают и иноземцев более нежели иные народы почитают, когда у них добродетель и разум достойный есть. Однако презренными быть в своем отечестве и недостойных пред собою вознесенными видеть им нестерпимо, и не подобает тому быть.

На это увещевание женищина не мудрая не обратила внимание. Тогда роптать и **возмущаться на нее жители начали**. Она же, взяв великие сокровища и **два венца** златые, мужской и женский, к кесарю Конраду убежала и много ему золота давала, Брунsvик у него себе исходатайствовала. Взяла и сына с собою **Казимира**, который потом житие монашеское избрал, и в Кляниаке постригся по чину Венедикта, и **диаконом был**». (1, 1099)

Знать хотела устранить немецкое засилье при дворе Рикизы. Прихватив часть накопленных Болеславом сокровищ и королевские венцы, Рикиза уехала к императорскому двору за помощью. Император выделил племяннице Оттона II владение в обмен на польское золото. Увоз из страны королевских венцов подтверждает отсутствие в Польше Казимира.

Галл Аноним так описал изгнание Рикизы:

*«Когда умер Мешко, проживший недолго после смерти короля Болеслава, **Казимир** остался **маленьким мальчиком** со своей матерью-королевой. Так как она дала ему широкое образование и правила королевством с достоинством, свойственным женищине, изменники из-за зависти **изгнали её** из ко-*

*ролевства, а сына её удержали с собой в королевстве, как бы для прикрытия своего обмана. Когда же он **вырос и начал править**, коварные изменники, опасаясь его мести за обиду, нанесённую матери, восстали против него и **принудили бежать** в Венгрию». (3, 49)*

Польские источники содержат несколько версий изгнания Рикизы. Бароний сообщает о междоусобице и антихристианском восстании, которые последовали после кончины Мешко. Рикиза бежала в тот же год вместе с сыном. Перед нами 1035 год. Получается четырёхлетняя лакуна между бегством королевского семейства и нападением на Польшу, лишённую правителя. Но перед рассказом о польских событиях Бароний, в той же статье 1034 года, сообщает о строительстве Ярославом в Киеве Софийского собора. В старших летописях это строительство датировано 6545 годом, что по «эре –5508 года» даёт 1037 год. В известиях Барония можно усмотреть влияние «эры –5504 года» и отнести бегство Рикизы на 1038 год. В этом случае получается непротиворечивая картина. В 1038 году Рикиза покинула Польшу, а в следующем году чехи напали на обезглавленную страну.

У русского переводчика Барония говорится об отказе поляков от избрания короля, о вручении власти Рикизе и её бегстве после незадавшегося правления к немцам вместе с сыном. Эти сведения позволяют ликвидировать лакуну и отнести бегство ко времени, предшествующему чешскому вторжению. Но наличие в Польше взрослого Казимира более чем сомнительно, тем более что на его учёбу, в случае бегства в 1038 году, остаётся мало времени.

Автор «Великой хроники» относил бегство Рикизы и начало учёбы Казимира на время правления Беспри́ма, то есть на 1032 год. В этом году семейство Мешко действительно бежало, а Казимир был отдан в обучение. Но убежище в Саксонии и упоминание Брунсвика относятся ко второму бегству Рикизы, уже после смерти Мешко. В этом рассказе соединены реалии двух изгнаний.

Галл Аноним приводит самую недостоверную версию. После смерти Мешко регентшей при взрослом 21-летнем Казими́ре стала его мать.

Через какое-то время после её изгнания бежать пришлось и Казимиру. Далее описаны приключения Казимира:

«В это время в Венгрии правил св. Стефан, и он тогда впервые обращал Венгрию ласками и угрозами в истинную веру. Он поддерживал дружественные отношения с чехами, врагами поляков, и, пока был жив, не отпускал Казимира на свободу из-за расположения [к чехам].

*Когда же он умер, венгерский престол занял **Пётр Венецианский**, положивший основание церкви св. Петра в Борсоде, которую ни один король до сегодняшнего дня не достроил по первоначальному замыслу. Когда чехи попросили Петра, чтобы он **не отпускал Казимира**, если хочет сохранить дружбу, установленную его предшественниками, он, как говорят, ответил, как подобает королю: "Если бы старое соглашение устанавливало то, что король венгров должен быть тюремщиком князя чехов, я бы сделал то, о чём вы просите". Дав такой полный негодования ответ чешскому посольству, не придавая значения ни дружбе, ни вражде с чехами, он **дал Казимиру сто коней** и столько же **всадников**, которые следовали за ним, и, снабдив его оружием и одеждой, **отпустил** его с честью и не препятствовал ему идти, куда он сам хочет.*

Казимир же, поблагодарив, отправился в путь и быстро прибыл в область германцев, провёл неизвестно сколько времени с матерью и императором и проявил себя там очень смелым в военном деле». (3, 49–50)

Стефан Святой скончался 15 августа 1038 года. Ему наследовал его племянник по сестре Пётр, сын венецианского дожа. Прибытие Казимира в Венгрию произошло ранее 15 августа 1038 года, а отъезд был уже после этой даты. Перед нами бегство 1038 года, но только вместо Рикизы беглецом выведен Казимир. В версии Галла поэтому опущено описание посольства поляков во Францию к Казимиру с призывом на престол.

Женой Стефана была немка Гизела, сестра императора Генриха II. В 1038 году Германией правил её племянник Конрад II, у которого Рикиза выпросила во владение Брунsvик. Конрад II умер в 1039 году, и Рикиза прибыла в Германию ранее. Рикиза могла рассчитывать в

Венгрии на военную помощь, Казимир же в это время находился во Франции.

В 1035 году чехи опустошили западные районы Венгрии, так что чехи в 1038 году не могли грозить Стефану разрывом дружеских отношений, которые расстроились ранее. Опасаться отъезда Рикизы в Германию должны были польские магнаты, изгнавшие королеву.

Освобождённые от поздних исправлений сведения польских хронистов складываются в такой ряд. Летом 1038 года польские магнаты, недовольные политикой Рикизы, изгнали её из страны в Венгрию и пытались уговорить венгров не вмешиваться в польские дела. Рикиза прихватила королевские регалии, потому что её сын находился вне Польши и она надеялась организовать его возвращение.

Стефан, на помощь которого рассчитывала Рикиза, скончался, а пришедший к власти Пётр Орсеоло не решился на войну с Польшей, переправив Рикизу в 1039 году под военной охраной в Германию. Конрад также отказал польской королеве в военной поддержке. Неудачами Рикизы воспользовался Брячислав, который, под предлогом восстановления погранных прав королевской семьи, опустошил Польшу и присоединил к Чехии Силезию.

Восстановление королевства

Междоусобица, по мнению Барония, продолжалась семь лет. В соответствии с этим периодом под 1041 годом находим сообщение:

«Лета сего поляки послов в Рим к Венедикту папе послали, прося им Казимира дедичного государя их на королевство дать, а из монастыря Клуниака во Франции освободил его, где монашество принял, обещание сотворив, уже в диаконы посвящен». (1, 1104)

Казимир вернул себе престол после того, как римский папа освободил его от монашества. Подробно призвание Казимира описано в «Великой хронике»:

«И в то время как Польское королевство из-за непрерывных войн почти что потеряло своё могущество, знатные люди Польского королевства отпра-

вились в Саксонию к своей госпоже королеве, разыскивая своего господина Казимира. От неё они узнали, что она определила его **в Париж для изучения свободных наук**, где он и находится и учится, и что он вступил в орден святого Бенедикта в монастыре **в Ключни**. Когда же они поспешили туда, то нашли его уже посвящённым в диаконы.

Посоветовавшись с аббатом, они не вернулись на родину, но отправились в Рим и обратились со смиренной просьбой к **папе Бенедикту IX**, чтобы он приказал вернуть им их правителя, а также милостиво уделит бы ему пособие, чтобы тот мог взять себе жену и, таким образом, Польское королевство не останется без наследника. [Они ссылались также] на несчастья Польши, на поношение христианской веры, на пролитие крови в результате нашествия татар и других нечестивых народов, находившихся вокруг Польши, которые постоянно совершали набеги и вторжения.

Папа же отнёсся к их просьбам с отцовским уважением, разрешил, дабы польский народ не остался без правителя, чтобы князь Казимир, который в Саксонии жил под именем Карла, а в монастыре — **Ламберта**, ушёл из монастыря ради управления королевством, и милостиво выдал ему диспенсию, чтобы он имел возможность взять себе жену. За эту диспенсию князь Казимир и польский народ обязались выплачивать постоянно с каждого человека динарий на святильник св. Петра и на построение церкви». (2, 69–70)

Казимир стал изучать свободные науки, под которыми в первую очередь понимали юриспруденцию и медицину, в Париже, видимо, в школе при соборной церкви Нотр-Дам. За границей он был известен как Карл, а постригаясь в монашество, принял христианское имя своего отца **Ламберт**. Так что постригся княжич после смерти отца. Вначале его готовили к правлению и обучали светским наукам. Но когда у Казимира рухнули надежды на польский трон, он ушёл в монастырь.

Татары появились позднее. Здесь подразумевается какой-то иной кочевой народ, название которого было заменено. Соседями поляков были венгры, которых византийцы, а следуя им, и некоторые русские книжники именовали турками. Непонятных турок позднейшие переписчики заменили на знаменитых татар. Венгры приняли участие в нападениях на Польшу во время смуты.

Выплата податей подразумевает подчинение. Поляки в обмен на признание власти римского папы заручились его поддержкой и были обложены поголовным налогом в пользу Рима, названного святильником-святилищем апостола Петра.

После чешского нападения поляки не ранее осени 1039 года ездили в Рим с жалобами на бесчинства Брячислава. В эту поездку просьб о Казимире ими не высказывалось. Какое-то время ушло на бесплодные переговоры папских представителей с Брячиславом. Убедившись, что без короля рассчитывать на поддержку католических правителей не приходится, поляки вспомнили о Казимире. Решение о его призвании они могли принять не ранее второй половины 1040 года, и отнесение Баронием поездки посольства к Казимиру на 1041 год вызывает доверие.

Русский переводчик Барония привёл из сочинения Яна Длугоша такой рассказ о событиях 1041 года:

*«Когда в этом интеррегнум поляки последнего **падения Речи Посполитой** ожидали, которой из-за отчаяния никто уже не помышлял помогать, в отчаянии от иностранных неприятелей нападений и домашних несогласий, всякая помощь отдалялась, а начальнейшие господа **в крепостях, в лесах и болотах скрывались**, когда с небес полезный совет на отражение последней пагубы открылся им.*

*Собрались **в Гнезно епископы и воеводы**, на которых у поляков весь совет о Речи Посполитой лежит. И там отвергли вражду и ссоры домашние, **решили искать** государя своего дедичного **Казимира**, единого наследника королей польских, и его на королевство посадить, внука великого Болеслава, благодетеля своего, не оставить, надеясь от него всякой утехы к миру и исправлению отчества. И когда **архиепископ Стефан** об этом мнение свое сказал, все согласились. И, послов избрав, послали их **искать и призвать на королевство Казимира**». (1, 1104)*

В крепостях, расположенных в труднодоступных для врага местах, прятались бежавшие от чехов архиепископы. Инициатором восстановления центральной власти выступил глава польского сейма гнезненский архиепископ Стефан.

Бароний считал, что посольство привезло Казимира в Польшу и тот мирно взошёл на трон:

*«Как из Клуниака послы эти взяли Казимира, и в Польшу привезли, и как Господь Бог через него **королевство** то на благополучие **возвратил**».* (1, 1105)

На самом деле картина была не столь благостной. «Великая хроника»:

*«Из монастыря в Ключи он (Казимир. — В. Т.) направился **в Саксонию** к своей любезной матери и к князьям Саксонии, своим **дядьям**, и был принят ими с большой радостью. Последние, присоединив к себе **не малое число рыцарства**, сопроводили его, **не без военных столкновений**, в Польское королевство. Этот Казимир, выказав огромное мужество, повсюду обратил врагов в бегство, мирно владел Польским королевством. Назван он был "Восстановителем" вследствие того, что возвратил многое, утерянное его отцом Мешко, и счастливо восстановил то, что было сравнено с землёй».* (2, 69–70)

Ознакомившись с решениями польского сейма, Казимир отправился в Германию, где сумел заручиться поддержкой. В формировании армии вторжения помогали его саксонские родственники. Галл Аноним подчёркивает военный характер возвращения Казимира:

*«**Казимир** же, **пробыв** недолго **у германцев** и заслужив там большую славу в своих военных подвигах, **решил вернуться в Польшу** и тайно поведал это матери. Когда же мать стала отговаривать его, чтобы он не возвращался к вероломному народу, ещё не ставшему вполне христианским, а чтобы мирно вступил во владение наследством матери, и даже император просил его остаться с ним, желая подарить ему богатые княжеские владения, он, как **учёный человек**, ответил как бы **юридической формулой**: "Справедливей и почётней владеть отцовским наследством, чем наследством матери или дяди с её стороны".*

*Взяв с собой **пятьсот рыцарей**, он вступил в пределы Польши и, продвигаясь дальше, взял крепость, возвращённую ему своими, откуда понемногу, действуя мужеством и хитростью, **освободил Польшу**, занятую поморянами, чехами и другими соседними народами, и подчинил её своей власти».* (3, 51)

Недолгое пребывание Казимира у немцев и военные подвиги на их стороне можно связать с немецким нападением на Чехию в 1041 году. Казимир принял участие в этом походе. Намёк на учёность Казимира и владение им юридическими познаниями связан с обучением в Париже, которое у Галла было опущено. В Польшу Казимир вернулся из Германии во главе рыцарского отряда и привёл страну к покорности, действуя где уговорами, где силой.

Генрих III заинтересовался деяниями Брячислава после того, как узнал о размерах военной добычи. Козьма Пражский:

«В лето от Рождества Христова 1040. Молва, которая хуже любого бедствия на свете, которая раздувается за счёт лжи и, прибавляя многое к малому и ложь к правде, растёт на лету, эта молва дошла до императора Генриха II (Генриха III. — В. Т.) и донесла в сто раз больше, чем было на самом деле, — что чехи увезли из Польши множество золота и серебра. Тогда император стал искать случая, чтобы каким-нибудь образом отнять у чехов золото, о котором ему говорили». (11, 113)

Император собрал войска и вошёл в Чехию, но потерпел жестокое поражение. Козьма датирует этот поход 1041 годом. В следующем году Генрих вновь пошёл на Чехию. Но на этот раз Брячислав решил не искушать судьбу, а откупиться. Изрядное количество переданного немцам серебра привело к заключению мира. Перевес сил оказался настолько внушительным, что воинственный Брячислав не решился на сопротивление.

Летописцы сообщают о том, что Ярослав обещал помощь полякам против чехов. При лаконичности летописных известий несбывшееся обещание не удостоилось бы записи. Помощь в войне с чехами была оказана. После 1042 года чехи уже не представляли для Казимира опасности, и поход русских войск на Чехию следует датировать летом 1042 года. Приход русов под знамёна Генриха III отбил у Брячислава охоту к боевым действиям, и он пошёл на мирные переговоры. Русско-немецкий союз позволил нейтрализовать Чехию и возвести Казимира на польский трон.

На эту эпоху пришлось русско-немецкое сближение. Анналист Саксон под 1040 годом пишет:

*«Король в день св. Андрея держал совет в Альштедте, где принял и **послов из Руси** с дарами». (7, 347)*

Апостол Андрей Первозванный чествуется 30 ноября. Заключённое в ходе ноябрьских переговоров соглашение в тюрингском Альштедте обусловило русскую помощь в войне 1042 года против Чехии. Германия стала готовиться к наведению порядка в Польше в 1040 году. Нападению на Чехию, имевшую свои виды на Польшу, предшествовала дипломатическая подготовка по созданию военного союза.

После чешского похода русы попытались закрепить отношения с императорским двором брачным союзом. Ламперт Херсфельдский сообщает под 1043 годом:

*«Король отпраздновал Воплощение Господне (Рождество — В. Т.) в Госларе... Там среди послов из многих стран [были] и **послы Руси**, отбывшие в печали, ибо получили ясный **отказ** по поводу **дочери своего короля**, которую надеялись **сосватать за** короля **Генриха**». (7, 349)*

Учитывая, что в западноевропейском летосчислении Новый год зачастую приходился на Рождество, посольство можно датировать концом 1042 — началом 1043 года. (7, 349) Наличие русского посольства при императорском дворе в декабре 1042 года подтверждают сведения «Альтайхских анналов» из статьи 1043 года:

*«Король провёл Рождество Господне в Госларе... **Послы Руси** также привезли большие дары, но в обратный путь двинулись с ещё большими». (7, 349)*

Русское сватовство не увенчалось успехом.

Восстание поляков

Средневековые историки относили польское антихристианское восстание к 1034 году. (23, 241) Но у них смерть Мешко, восстание и бегство Рикизы обычно объединялись в один рассказ. Восстание мог-

ло стать причиной бегства Рикизы, и в этом случае его следовало бы датировать 1038 годом.

Цезарь Бароний под 1034 годом писал:

«Польская церковь ослабевала, ибо при Мечиславе, паче же по смерти его, многие страны и земли, через Болеслава храброго завоеванные, от королевства польского отпали. Чехи, моравы, россы, лубчане, и магнополяне, и инии». (1, 1099)

Чехия была захвачена Болеславом I Великим в 1003 году, но уже в следующем году чехи при помощи немцев изгнали поляков. Польские хронисты, на которых опирался Бароний, искусственно продлили период польского господства над Чехией. При Мечиславе, то есть Мешко II, от Польши отпали Червонная Русь и область лужицких сербов. Червонную Русь отвоевали ещё в 1032 году русы, область лужицких сербов, полученная в своё время Болеславом Великим в лённое владение, вернулась под немецкое господство. Этот возврат следует связать с тем же 1032 годом, в котором немцы оказали военную помощь по возведению на престол Бесприма.

Отделились также Моравия, Великая Польша, населённая магнополянами, то есть великополяками. Моравию Титмар Мерзебургский на 1017 год признавал польским владением. (24, 157–158) В 1034 году Брячислав стал удельным моравским князем, и Моравия была в составе чешских владений. В 1032 году Мешко II бежал к чешскому князю Ольдриху, что свидетельствует о дружественных отношениях Чехии и Польши. Моравию чехи получили за помощь в возвращении Мешко на престол в 1033 году.

Ян Длугош в статье 1027 года пишет:

«Пока польский король Мечислав был занят русскими делами, чехи, считая позорным платить дань королям Польши, поднимают открытый мятеж и поляков, кого находят в Чехии, или хватают, или изгоняют». (27, 250)

Антипольское выступление чешский князь возглавить не решился, а поручил это дело своему сыну Брячиславу. (27, 250) В статье предыдущего года описано нападение на Польшу русской ар-

мии Ярослава и Мстислава, состоявшееся в действительности в 1032 году. В 1033 году, к которому следует отнести антипольское выступление чехов, Мешко II не был занят русскими делами, а находился в изгнании в Чехии у князя Ольдриха. Сведения Длугоша, несмотря на тенденциозность автора, подтверждают захват чехами Моравии в 1033 году. Мешко II для борьбы за трон в обмен на территориальные уступки получил в помощь чешскую армию во главе с наследником престола Брячиславом.

Среди иных обособившихся земель можно назвать Западное Поморье, которое стало удельным владением Дитриха. (7, 345) Дитрих был сыном немки Оды, второй жены польского князя Мешко I. После прихода к власти Болеслав Великий изгнал мачеху и её детей, так что Дитрих воспитывался в Германии и получил владение при помощи немцев, скорее всего, в 1032 году. В 1039 году Брячислав отвоевал у поляков Силезию.

Распад державы, созданной воинственным Болеславом Великим, начался уже при его сыновьях Мешко II и Бесприме и ускорился после смерти Мешко II. Сходную картину находим в «Великой хронике»:

*«По смерти Болеслава Великого на престол вступил его сын **Мешко** второй. Он только о себе и заботился, отнюдь не о государстве. В его время чужеземные **народы отказались ему повиноваться** и, наблюдая его беспечность, отказались выплачивать ему подати, которые обычно выплачивали его отцу. Мало того, **начальники крепостей отобрали себе и передали навечно своим потомкам крепости**, некогда построенные его отцом Болеславом, как было упомянуто выше, на крайних границах королевства, в особенности **по реке Лабе**». (2, 68–69)*

Здесь упомянуты только те крепости, которые расположены на землях лужицких сербов. Хронисты рисуют Мешко II слабым правителем. В польской истории за ним закрепилось прозвище Ленивый.

У Козьмы Пращского антихристианское выступление в Польше датировано более ранним временем:

*«В лето от Рождества Христова **1022**. В Польше происходило **преследование христиан**». (11, 93)*

Под предыдущим годом сообщается о свадьбе Брячислава, состоявшейся в 1034 году и датированной по «эре +13 года». Если опираться на эту эру, то христианские погромы в Польше следует отнести к 1035 году.

Чешская летописная традиция посредством польских хронистов оказала влияние на Барония, который под 1022 годом записал:

*«В Польше **шляхтичи** некие, **тяжестью подаяния десятин** подвигнуты, гнушаться верою христианскою как несносною начали и **возвратиться к поганству** хотели. И уже не ходили в церкви, и десятин не давали, и священников изгнать совещались, чему предваряя, благоговейный король Болеслав одних взял, иных начальнейших вождей смертью казнил, других иными прещеннями укротил и всех усмирил».* (1, 1089)

За реставрацию язычества выступила часть польской знати. За счёт разграбления в 1018 году Руси польская знать обогатилась, и антихристианские заговоры в 1022 году сомнительны. Болеслав был на вершине своего могущества, и вряд ли кто-либо в Польше осмелился бы выступить против него. К тому же даже важнейшие политические события польской истории того времени освещены крайне скупо, и не успевшее вылиться в серьёзное восстание недовольство церковными порядками не могло сохраниться в источниках. У Барония описаны события 1035 года, но, так как их датировка 1022 годом соответствовала времени правления Болеслава, рассказ был переработан и польский князь превратился в усмирителя народных волнений.

Сведения Барония также позволяют приурочить антихристианское восстание к 1035 году, поэтому его рассказ под 1034 годом об ослаблении польской церкви после смерти Мешко следует датировать по «эре +1 года» 1035 годом. Традиционную же дату кончины Мешко нужно сместить с 1034 на 1035 год, в котором в Польше вспыхнуло антихристианское восстание. Слова Барония о том, что ослабление польской церкви усилилось после смерти Мешко, нужно понимать как намёк на разразившееся после кончины польского правителя антихристианское восстание.

Польское возмущение нанесло ущерб церкви. Галл Аноним рисует такую картину:

«Тем временем короли и князья, каждый со своей стороны, **притесняли Польшу**, или подчиняли своей власти её города и пограничные крепости, или, побеждая, сравнивали их с землёй. И хотя Польша терпела от соседей столь огромные обиды и несчастья, однако ещё худшими и более жестокими были бедствия, причинявшиеся ей её же обитателями. Именно: **рабы** поднялись **против** своих **господ**, вольноотпущенники — против знатных, возвысив себя до положения господ. Одних они, в свою очередь, превратили в рабов, других убили, вероломно взяли себе их жён, преступно **захватили их должности**.

Кроме того, **отрёкшись от католической веры**, о чём мы не можем даже говорить без дрожи в голосе, подняли **мятеж против епископов** и служителей Бога. Из них **некоторых убили** более достойным образом — мечом, а других, как бы заслуживающих более презренную смерть, побили камнями.

В конце концов Польша была доведена до такого разорения, как своими людьми, так и чужестранцами, что почти совсем лишилась своих богатств и людей. В то же время **чехи разорили Гнезно и Познань** и похитили тело св. Адальберта. Те же, кто спасся от врагов и избежал мятежа своих слуг, бежали за Вислу в Мазовию, и вышеназванные города оставались безлюдными так долго, что в церкви святого мученика Адальберта и святого апостола Петра дикие звери устроили себе логово. И такое бедствие, как полагают, постигло всю землю польскую оттого, что **Гаудентий**, брат и преемник св. Адальберта, неизвестно по какому поводу, **подверг**, как говорят, всю **страну отлучению**». (3, 50–51)

Период польских бедствий включал в себя чешское нападение 1039 года. К этому времени Гауденций был уже прославлен в качестве святого и его мощи покоились в гнезненском соборе. Его кончина произошла за несколько лет до захвата чехами Гнезно. Отлучение страны следует связать с бурными событиями борьбы за власть Мешко II и Бесприма в 1032–1033 годах. Имеется предположение о том, что Радим-Гауденций умер в 1006 году. (24, 217) Но сведения польских хронистов говорят в пользу более поздней даты его кончины.

В польскую смуту погибли епископы Роман и Ламберт. (3, 148) Ламберт был краковским епископом, сыном Мешко I и Оды, братом Дитриха. (24, 218) Титмар знает Ламберта и Дитриха под именами *Мешко* и *Святополк*. (24, 67) Упомянутый перед епископом Ламбертом Роман должен был занимать более почётный престол гнезненского архиепископа. Погрому подверглись главные католические центры.

Галл Аноним считал, что после чешского нашествия Познань и Гнезно долгое время стояли лишёнными населения. В соборном храме польской столицы дикие звери даже устроили себе логово. Но около 1040 года сейм, принявший решение вернуть Казимира, состоялся в Гнезно и им руководил архиепископ Стефан. Длительное запустение городов Великой Польши могло иметь место только за несколько лет до прихода чехов.

Гнезно и Познань были главными городами Великой Польши. Гнезно было столицей при Болеславе I Великом, и в Великой Польше должна была концентрироваться высшая польская знать. Этот же район пострадал от восстания. Магнополяне отделились и стали возвращаться в язычество. Остатки истребляемой знати бежали в Мазовию.

Между летним бегством Рикизы и летним приходом чехов в Гнезно прошёл всего один год. Чехи обнаружили храмы полными сокровищ. Гнезно успел оправиться от погромов, в которых погиб местный архиепископ. Церковные ценности были либо вывезены из города до его захвата восставшими, либо позднее отобраны у мародёров. К 1039 году разгул народной стихии был ликвидирован, что свидетельствует в пользу датировки польского восстания 1035 годом.

В летописях под 6538 годом сообщается о том, что по смерти Болеслава Великого в Польше разразился мятеж, а в следующем году произошла русско-польская война. В зависимости от использованной эры кончину Болеслава следует отнести к периоду 1030–1034 годов. Козьма Пражский и польские историки относили кончину этого польского правителя на 1025 год. Бароний под 1025 годом писал:

«Болеслав храбрый, король польский, сего лета умер, в третий день апреля. Король благоговейный к Богу, мужественен и благополучен в бранях,

веры христианской умножитель и защитник. Королевство польское широко распространил, высоких и господских добродетелей исполнен. Пожил лет пятьдесят восемь. Царствовал двадцать шесть». (1, 1091)

Болеслав скончался 3 апреля 1025 года в 58 лет после 26 лет правления. Его отец Мешко I скончался 25 мая 992 года, и в действительности правление Болеслава продолжалось почти 33 года. Бароний отнёс начало его царствования к 999 году. Около этого времени Болеслав пытался добиться для себя королевского сана. Хронологический сбой, видимо, связан с какими-то польскими легендами о том, что в качестве короля Болеслав правил 26 лет. На самом же деле он не получил от римского папы королевского венца и самовольно провозгласил себя королём уже в последний год своей жизни. Родился Болеслав в 967 году и прожил 58 лет. Сведения Барония говорят о том, что польский князь родился ранее 3 апреля 967 года. Дата кончины Болеслава сомнений не вызывает.

Болеслав Великий оставил сыновьям сильное государство, и вряд ли у соседей сразу же возникло желание попробовать его на прочность. В летописи спутаны Болеслав Великий и его сын Болеслав-Бесприм. Считая из-за влияния разных эр, что поход на Польшу, кончина Болеслава и польский мятеж произошли почти одновременно, составители летописных сводов объединили рассказ об этих событиях в одну летописную статью. Летописные данные также свидетельствуют о том, что восстание произошло в 1035 году.

Русские летописцы и автор «Великой хроники» связывали начало польской смуты со смертью Болеслава. Мешко II умер в 1035 году. Галл Аноним писал о смерти Мешко II вскоре после смерти Болеслава. (3, 49) Это соответствует дате кончины Болеслава-Бесприма в 1033 году. Польские писатели путали Болеслава Великого и Болеслава-Бесприма. Эта путаница перекочевала в русские летописи.

В старших летописях мятеж также показан как антихристианский. Избиению подвергались в первую очередь епископы и попы, а затем бояре. Размах мятежа подчеркнут в Никоновской летописи:

*«И бысть мятеж в земли Лятской. Воставше людие **избиша епископы,** и пресвитеры церковныя, и **бояре** своя **вся**».* (17, 79)

Такого же мнения придерживался на основании своих источников Татищев:

*«Того же времени **умре** польский князь **Болеслав**, и по нем в Польше учинилося **смятение великое**, возмается народ, многих епископов и попов, яко же и вельмож, побили и разграбили».* (23, 77)

Бурные события польской истории нашли отражение в биографии св. Моисея Утрина. Моисей был в войске Бориса во время трагических событий июля 1017 года на реке Альте. После гибели своего господина он перешёл на службу к Предславе Владимировне. Во время нашествия поляков 1018 года Моисей попал в плен и был уведён в Польшу. В Тверской летописи уточняется, что Моисея пленили во время битвы под Волынем:

*«И победи Болеслав Ярослава, избиша воя его, и воеводу Блуда убиша, и иных множество. А их же рукама яша, тех **расточи** Болеслав **по ляхом**. На том бою **изымаша Моисея Утрина**, брата Георгиева, иже бе убит с князем Борисом. Бе бо и той слуга Борисов, и много пострада в Лятской земле **от вдовы** некия, **млады суца**. Ея же муж, боярин сын Болеславль, убиен на сем бою. Моисей же, по страдании своим, прииде в Киев, в Печерский монастырь, и бысть чуден старец, красен телом и душею, о нем же лежат повести в Отечнице Печерском».* (19, 137)

Вряд ли взятых на пограничном Буге пленников Болеслав погнал в глубь Руси. Моисей и его товарищи по несчастью должны были попасть в Польшу вскоре после июньского побоища 1018 года. В Польше в Моисея влюбилась одна богатая вдова, которая выкупила его у прежнего хозяина и безуспешно пыталась добиться от пленника взаимности. Наконец, убедившись в непреклонности красавца, сладострастная полячка приказала оскотить его. После описания злоключений Моисея в Касьяновской редакции Киево-Печерского патерика идёт рассказ о польских нестроениях:

«Болеслав же, по прежней любви к этой женщине потакая ей, воздвиг великое гонение на **черноризцев** и всех их **изгнал из земли своей**. Но Бог скоро отомстил за рабов своих. Однажды ночью **Болеслав** внезапно **умер**, и поднялся **великий мятеж** во всей Польской земле: восставший народ побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда и эту вдову убили.

Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к святой Богородице в Печерский монастырь,нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христовов...

О том, что случилось с Моисеем, записано и в житии святого отца нашего Антония, так как во времена святого Антония пришел блаженный. И скончался он о Господе в добром исповедании. Пробыв **в монастыре десять лет, а в плену страдал пять лет в оковах, шестой же год за чистоту**». (10, 553)

Изгнание монахов приписано Болеславу, после смерти которого произошёл мятеж. Отличавшийся глубокой набожностью Болеслав монахов из своей страны не изгонял. Перед нами следы занесённого из Польши сказания о бывших нестроениях, основанного на чешской версии событий, датированной 1022 годом от Рождества Христова. Привязку мятежа к кончине Болеслава составитель биографии Моисея заимствовал из летописей. Перед нами восстание 1035 года.

Восставшие поляки изгоняли епископов и бояр, истребляли знать. Среди погибших была и мучительница Моисея. Далее приводятся воспоминания польской княжны Гертруды, жены великого князя Изяслава:

«Я упомянул и о **изгнании чернецов** из Польши, **за пострижение преподобного**, предавшегося Богу, которого он возлюбил. Об этом рассказано в житии святого отца нашего Феодосия. Когда святой отец наш Антоний был изгнан князем Изяславом из-за Варлаама и Ефрема, **жена князя, полячка**, удерживала его от этого, говоря: "И не думай поступать так. То же было некогда в нашей земле: некоей ради вины **изгнаны были черноризцы** из пределов земли нашей и **великое зло** тогда сделалось в Польше!" Из-за Моисея это произошло, как уже прежде рассказано». (10, 553–555)

Гертруда была современницей событий, поэтому её мнение о разорении монастырей заслуживает доверия.

Моисей постригся в монахи в Польше, но об этом составители патерика говорят вскользь, так как польские монастыри были католическими. В житии специально оговаривается, что его постриг странствующий иерей, пришедший со Святой горы — греческого Афона.

Святогорцем был основатель Печерского монастыря св. Антоний. Печерские монахи гордились тем, что их обитель возникла по благословению со Святой горы. Для них тамошние обитатели были образцом святости. Странствие по католической Польше православного иерея из далёкой Греции и пострижение им пленника более чем сомнительны.

В Киево-Печерском патерике изложены две версии событий. Согласно одной, к юной вдове Моисей попал в начале своего пленения:

*«И возвращся Болеслав в Ляхы, поят с собою обе сестре Ярославли и изима же и боляре его, с ними же и сего блаженного **Моисея** ведяще окована по руце и по нозе железы тяжкими, его же твердо стрежаху, бе бо крепок телом и красен лицом.*

Сего же видевши жена некая от великих, красна сущи и юна, имущи богатство многа и власть велию. И та убо, приимиши в уме видения доброту, уязвися в сердце вожделением, еже всхотети сему преподобному. И нача лестными словесы увещати его». (10, 544)

Составитель Тверской летописи имел в руках более древний рассказ о Моисее. В Патерике события приближены к летописному рассказу о бегстве Болеслава в Польшу вместе с пленёнными сёстрами Ярослава и боярами. Так как Моисей находился на службе у захваченной Болеславом в плен Предславы, был сделан вывод о том, что его угнали в Польшу из Киева.

Передача пленника в семью погибшего на Буге польского воина правдоподобна. За знатного пленника можно было получить выкуп и тем самым материально вознаградить пострадавшее семейство. Рядовой же пленник мог стать работником. Вдова была юной, и домогательств следовало бы ожидать вскоре после пленения Моисея, а не спустя много лет. Далее в словах Моисея звучит мотив пятилетнего пленения:

*«Не буди мне труда **погубити 5 лет**, еже ми Господь дарова терпети в узах сих. Не повинен сый сицевым мукам, их же ради уповаю **избавлен** бытии **вечных мук**».* (10, 544)

Моисей говорит о готовности терпеть заключение хоть пять лет, но не погубить свою душу. Но во второй версии событий появляется уже пятилетний срок пребывания Моисея у какого-то иного хозяина, у которого он был выкуплен за баснословную сумму в 1000 гривен серебра. Вдова обратилась с жалобой на строптивца к Болеславу:

*«Много же печаль имущи жена, како бы себе мстити от срама, посылает к князю Болеславу, сице глаголющи: "Сам веси, яко муж мой убиен бысть на брани с тобою, ты же ми дал еси волю, да его же всхощу, поиму себе мужа. Аз же возлюбих единого юношу от твоих пленник, красна суца, и искупивши, поях его в дом свой, давши на нем злата много, и все сущее в доме моем злато и сребро и власть всю даровах ему. Он же сия вся ни в что же вменив. Многажды же и ранами и голодом томящи того, и недовольно бысть ему. **5 лет окованну** бывшую от пленившаго его, и се **шестое лето** пребысть у мене, и много мучен бысть от мене преслушания ради, еже сам на ся привлече по жестосердию своему. Ныне же **пострижен** бысть не от коего черноризца"».* (10, 550)

Моисей назван юношей, что также говорит о времени вскоре после начала пленения. Первоначально в рассказе сообщалось о том, что, попав в плен, Моисей подвергся домогательствам и страданиям. Позднее появилось мнение о том, что он пять лет томился в оковах, после же выкупа польской красавицей шестой год пребывал у неё.

В Польшу Моисей прибыл летом 1018 года. Шестой год соответствует 1024 году, в котором Польша продолжала благоденствовать под управлением Болеслава. Но зато это указание близко к пресловутому 1022 году, сбившему с толку многих древних писателей.

Кончина Владимира Святого в старших летописях была датирована «эрой –5506 года». Под влиянием этой эры поход Болеслава на Русь датировался бы 1016 годом, от которого до 1022 года насчитывается шесть лет. Рассказ составлялся на основании письменных источников со сбитыми из-за применения разных эр датами. В числе источников сведений были чешские хроники.

В Арсеньевской редакции Киево-Печерского патерика шестой год, проведённый Моисеем у полячки, превратился в шесть лет истязаний преподобного. (25, 165) Здесь период мытарств был увеличен до 11 лет, что позволило согласовать данные старших летописей. Польский мятеж на основе «эры –5508 года» датировался 1030 годом. От 1018 года, когда был пленён Моисей, до 1030 года прошло 12 неполных лет.

Под 6551 (1043) годом в старших летописях говорится о возвращении из Польши 800 томившихся там со времён Болеслава Великого пленников. Причиной освобождения стала женитьба Казимира на русской княжне и возвращение по этому поводу на Русь пленников, некогда уведённых в Польшу Болеславом Великим. Среди вернувшихся был и Моисей.

Память св. Моисея Угрина отмечается 26 июля. В святцах названы две даты его кончины — 1031 или 1043 год. (21, 293) Первая дата появилась исходя из представлений об одиннадцатилетнем пребывании в плену. В мятеже погибла мучительница Моисея, что дало возможность предполагать его освобождение от уз и возвращение на Русь в год мятежа. В этом случае дата польского мятежа 1035 года будет приведена по «эре –5504 года». Вторая дата с учётом сентябрьского счёта лет соответствует времени возвращения русских воинов из польского плена осенью 1042 года.

В Печерский монастырь Моисей попал во время игуменства св. Антония. Основание же Печерского монастыря в старших летописях отнесено к 1050-м годам. Моисей попал к Антонию значительно позднее возвращения на Русь, прожив много лет в каком-то ином монастыре.

У составителей сказания о Моисее не было данных о времени, проведённом им в польском плену. Исчезновение хронологических указаний следует объяснить представлениями предшествующих писателей. Начало монашества на Руси они связывали с Печерским монастырём, поэтому Моисей, едва оправившись от страданий, напрямую следует в этот монастырь. Обстоятельства его долгого жития в иных польских и русских монастырях были опущены.

В Польше церковная десятина, собираемая с населения, вызвала после смерти Мешко II широкое народное движение в пользу рестав-

рации язычества. Священники изгонялись, люди отказывались платить десятину. Часть польской знати приняла участие в восстании, захватывая чужие владения, грабя церкви и монастыри. Но когда крестьяне стали истреблять как священников, так и бояр, светским и церковным феодалам пришлось объединять усилия для усмирения народных волнений.

Подавить восстание удалось только после отказа от церковной десятины. Церковные иерархи возместили убыль доходов за счёт светских государственных налогов, получив в своих епархиях значительные владения. Светские феодалы не только избавились от церковной десятины, но и получили возможность оставлять себе налоги, ранее поступавшие центральной власти.

При королеве Рикизе в разгар восстания из представителей духовенства и светских властей сложился сейм. Сейм воспротивился призыванию в страну Казимира, что, видимо, устраивало властолюбивую королеву. Скорее всего, Рикизе подбирали нового мужа, но из-за борьбы партий это дело затянулось. После расправы с бунтующими крестьянами Рикиза попыталась при помощи своего немецкого окружения ограничить права польской знати, поделившей страну на частные владения, и превратить свою номинальную власть в реальную. Сейм посчитал для себя посильной задачу государственного управления и без видимости королевской власти, поэтому изгнал строптивую королеву.

Ориентация на римского папу и главенство в сейме духовной знати говорят о попытке создания теократического государства наподобие папского Рима, но с коллективным управлением. После смерти Мешко II сейм, вначале под предлогом поисков нового короля, а после изгнания королевы уже без всяких предлогов, принял на себя всю полноту власти, включая направление посольств. В Польше установилась республика. При этом страна превратилась в конгломерат практически независимых областей, возглавляемых духовными и светскими феодалами.

Самостоятельное правление сейма и междуцарствие продолжалось семь лет — с 1035 по 1042 год. Оно привело к развалу страны и её опустошению внешними врагами. Брячислав наглядно продемонстрировал

польским республиканцам преимущества единодержавия. Если бы не противодействие германского императора, он окончательно завоевал бы Польшу. После погрома 1039 года Чехия и Германия увязли в войне за некогда похищенное из Руси золото. Но для поляков было ясно, что победитель по её завершении тут же набросится на слабую Польшу.

В Риме в 1041 году польские предложения о создании вассального по отношению к Риму теократического государства во главе с королём, но при сильном сейме, в котором главенствовали бы церковнослужители, были поддержаны. Давая позволение взойти на престол расстриге Казимиру, папа потребовал, чтобы вся польская знать хотя бы внешне уподоблялась монахам. Бароний записал папское требование:

*«Чтобы все длинных волос не носили, а **кругло, как монахи** латинские, стриглись».* (1, 1105)

Отсюда идёт польская привычка стричь мужчин «под горшок», распространившаяся во время польского господства и по южнорусским областям.

Война с Моиславом

В Радзивиловской летописи в статье 6551 года после повествования о походе на Константинополь есть рассказ о женитьбе Казимира на сестре Ярослава Мудрого:

*«В си же времена даст **Ярослав сестру** свою за **Казимира**, и вдаст Казимир за вено людие **осмьсот**, еже бо **полонил Болеслав**, победив Ярослава».* (18, 66)

Согласно Тверской летописи, свадьба состоялась осенью. (19, 149) В Никифоровской летописи под 6549 годом, которым в ней датирован и поход на Константинополь, сообщается:

*«Тое же **осени** дасть Ярослав сестру свою за Казимира... и рече Казимиру: "Егда отец твой победив мене и пленил люди моя за ся, то дай ми их в вено". И собра Казимир люди Ярославлих полонених 800 человек, кроме жен и детей, и вда за вено Ярославу, шурина своему».* (14, 23)

Летописец ошибочно называет Болеслава отцом Казимира, тогда как тот приходился ему дедом. С освобождёнными пленниками на Русь вернулись их семьи, которыми они успели обзавестись. Разница между двумя датировками свадьбы составляет два года, что говорит о влиянии «эры –5506 года». Дата в старших летописях имеет «эру –5508 года», в Никифоровской летописи — «эру –5506 года». Заморские походы русов приходились на лето. Свадьба, учитывая сентябрьское летосчисление, состоялась осенью 1042 года.

Татищев цитирует Стрыйковского:

*«1041 король Казимир, венчався на королевство Польское, учинил примирение с Ярославом и для лучшего укрепления дружбы поял сестру Ярославу **Марию**, рожденную от **царевны греческой Анны**, Мария же приять римский закон, и дали ей имя **Доброгнева**; она принесла от злата и бисера **многое богатство**, а Казимир взятые Болеславом грады и плен Ярославу возвратил, а Ярослав обещался ему противу немец, мазур, чехов и прус помогать».* (23, 242)

Казимир вернул себе польский трон, затем заключил мирный договор с Ярославом, женившись на его сестре. Восшествие на престол и свадьба датированы по «эре +1 года».

Супруга Казимира названа Марией, сестрой Ярослава, дочерью византийской царевны Анны. Ярослав дал за невестой богатое приданое и обещал Казимиру военную помощь. Червенские города были возвращены ранее, и в действительности Казимир смог отдариться только возвратом русских пленных. В замужестве Мария приняла католичество и получила имя Доброгнева.

Вернуть власть Казимир мог только при согласии и поддержке германского императора. В 1041 году Генрих III потерпел поражение в Чехии, и ему было не до польских дел. Покорить Чехию немцам удалось летом следующего года.

Анналист Саксон помещал свадьбу под 1039 годом:

*«В это время Казимир, сын польского герцога Мешка, вернувшись на родину, был охотно принят поляками, а в жёны взял себе **дочь короля Руси**, от которой имел двух сыновей — Владислава и Болеслава».* (7, 346–347)

Дата Саксона первоначально имела осеннюю «эру –5504 года». Возвращение в Польшу и свадьба произошли в 1042 году. Галл Аноним приводит рассказ о свадьбе без указания года:

*«Потом он (Казимир) взял себе в жёны знатную девицу из Руси с большим приданым, от которой он имел четырёх сыновей и одну дочь, просватанную впоследствии за короля Чехии. Имена этих сыновей следующие: Болеслав, Владислав, Мешко и **Оттон**».* (3, 51)

В анонимной польской «Великой хронике» также нет точной даты свадьбы:

*«Удивительным образом установив мир на польских землях, он (Казимир. — В. Т.) взял себе в жёны дочь князя Руси Романа, сына Одона, по имени Добронеза, иначе именуемую Марией. От неё у него было четыре сына: Болеслав Смелый, иначе Щедрый или Воинственный, убийца св. Станислава, Владислав Набожный, Мешко III, **Одон** I. Одон и Мешко скончались, не оставив потомства».* (2, 70)

Здесь имя *Оттон* подано в форме *Одон*, а невеста названа Марией-Добронезой, дочерью русского князя Романа, сына Оттона. Карамзин в своей подборке польских известий о Марии указывал, что свадьба состоялась в Кракове. (9, примеч. II, 18)

Казимир родился в 1014 году. Мария должна была быть не старше своего жениха. Появление у Владимира Святого дочери в самом конце его жизни сомнительно. Из сыновей Владимира Святого только один Борис имел христианское имя *Роман*. Его матерью была болгарка Мария, которую часть летописцев принимала за византийскую царевну Анну. Жена Казимира была дочерью Бориса и получила своё имя в честь бабушки.

Нестор сообщает о браке Бориса:

*«Благоверный же князь, видя блаженного **Бориса** преспешиа верстою, **всхоте брак сотворити ему**. А блаженный же худе рачаше о том, но умолен быв от бояр, на не ослушается отца, **створи волю отца**. Се же блаженный створи не похоти ради телесныя — не буди то, — но закона ради цесарьскаго и пос-*

лушания ради отца. Таче посла и потом отец и на область Владимир, юже ему дать, а святого Глеба у себе остави, единаче бо бе ун телом». (6, 95)

Борис назван женатым ещё до начала ростовского княжения. Его стольным городом был Владимир-Залесский. Борис достиг брачного возраста в 1006 году, а ростовским князем стал в 1012 году. Судя по сведениям Нестора, свадьба состоялась между 1006 и 1012 годами. Но Нестор не во всём точен. В 1012 году Глебу было 20 лет, он был уже взрослым и правил своим уделом.

Загадочно именование отца Бориса Одоном-Оттоном. Имя *Оттон* бытовало среди германской и польской знати той эпохи. Оно могло появиться из-за брака Бориса с немецкой или польской княжной. В легенде о происхождении Марии на её отца перенесли данные из родословной её матери, и Борис превратился в Оттоновича. Наличие среди родственников Марии Борисовны какого-то Оттона подтверждает имя *Оттон* у одного из её сыновей от Казимира. Бесприм-Оттон — единственный из Оттонов той эпохи среди польского правящего рода, поэтому супругу Бориса можно было бы признать его дочерью. Но Бесприм был одного поколения с Борисом и не мог в интересующее нас время иметь дочь-невесту.

Бесприм родился в 986 году, его мать получила развод в 988 году. У неё вполне мог быть от Болеслава ещё один ребенок, поэтому женой Бориса следует признать сестру Бесприма, родившуюся около 988 года. Дочь Марии Борисовны и Казимира была названа Святославой. (3, 148) Поэтому сестра Бесприма, скорее всего, также носила имя *Святослава*.

В 1014 году две Владимировны вышли замуж за чешского и венгерского князей, а Святополк женился на полячке. Свадьбу Бориса также следует приурочить к этому году, в котором было столь примечательное сближение Руси с западными странами. Мария родилась самое раннее в 1015 году, самое позднее — в начале 1018 года. По возрасту она подходит на роль невесты Казимира. В 1042 году Казимиру было 28 лет, его невесте — не более 27.

Ещё один Оттон, сын русской княжны, известен по немецким хроникам. В «Саксонской всемирной хронике» XIII века приведена генеалогия маркграфов Саксонской северной марки:

*«Бенно родил Дитриха, герцога и маркграфа, который был отцом Бернхарда. Этот родил маркграфа Бернхарда, который родил маркграфа Вильгельма... и некоего **Оттона**, мать которого была из Руси».* (7, 344)

Род саксонских маркграфов имел родственные связи со славянами и ранее. Дочь Дитриха Ода была второй женой польского князя Мешко I, а её сестра Матильда — женой полабского князя Прибислава. (24, 70) Судя по тому что русская жена считалась матерью только второго сына Бернхарда, Оттон родился от второго брака.

Бернхард, отец Оттона, упоминается в хрониках до 1044 года, а про его отца сообщается, что он стал маркграфом в преклонном возрасте в 1009 году. Сам Оттон в 1057 году пытался отнять корону у малолетнего короля Генриха IV. При этом он изображён как безрассудный юноша. (7, 344)

В 1057 году Оттону было около 20 лет. Свадьба его матери выпадает на 1030-е годы. В эту эпоху русско-немецкое сближение наблюдалось в 1032 году, во время возведения на польский престол Бесприма. В следующем году Бесприм умер, в Польшу вернулся враждебный русам Мешко.

Предшествующие родственные связи маркграфов с польским правящим домом говорят о польском посредстве в заключении русско-немецкого брака. Польским посредником мог быть только Бесприм, и свадьба состоялась в короткое время его правления. Посредством русской жены в роду маркграфов имя *Оттон* могло появиться только в случае, если супругой Бернхарда стала Святослава, вдова Бориса Владимировича, или её дочь Мария. Святославе в 1032 году было не менее 44 лет, Марии в 1033 году могло исполниться восемнадцать. Свадьба пожилой вдовы при наличии дочери-невесты сомнительна. Сестру польского короля вряд ли посчитали бы русской невестой. К тому же вдова Бориса могла оказаться в суздальском монастыре, взрослые обительницы которого во время восстания 1023 года погибли. Уцелеть

больше шансов было у малолетней Марии, поэтому женой Бернхарда следует признать Марию, а их свадьбу — отнести к 1033 году. Свадьба же её отца состоялась не позднее 1014 года.

У Марии Казимир был вторым мужем. Ярослав выдал за Казимира не сестру, а племянницу. Казимиру она приходилась двоюродной сестрой. В «Рочнике Краковского капитула» жена Казимира названа Добронегой, а её кончина отнесена на 1087 год. (26, 148) Мария прожила 72 года, из них 45 лет — в Польше.

В Киево-Печерском патерике жена Изяслава названа ляховицей-полячкой. (10, 552) В Тверской летописи под 6551 годом сообщается о свадьбе Изяслава и польской княжны, сестры Казимира Восстановителя:

«Сей же Казимир Болеславич вдаст свою сестру за князя Изяслава Ярославича». (19, 149)

Сообщение о свадьбе помещено в конце статьи 6551 года, в которой есть несколько разновременных известий: поход на греков 1043 года, свадьба Казимира и Марии осени 1042 года, поход на мазовшан лета — осени 1044 года. В следующей статье сообщается о перезахоронении погибших в междоусобице сыновей Святослава Великого, состоявшемся в мае 1046 года. В старших летописях перезахоронение датировано 6552 годом по «эре –5506 года». Исходя из контекста, свадьба состоялась в период 1042–1045 годов. Судя по свадьбам 1014 года, русы практиковали одновременные перекрёстные браки. Свадьбу Изяслава и Гертруды, сестры Казимира, следует отнести к осени 1042 года.

Свадьбы Казимира и Марии, Изяслава и Гертруды скрепили русско-польский союз, столь важный для возрождавшейся в то время Польши. Татищев:

«В сии же времена дал Ярослав меньшую сестру свою за Казимира польского, сына Болеслава, Казимир же отдале за вено людей русских 800, которые пленены были Болеславом, победа Ярослава, а Ярослав обещал ему помогать на чехов, мазовшан и прус». (23, 79)

Мария превратилась в меньшую сестру из-за перевода слова «сестрица». Слово «сыновец» обозначало племянника, слово «сестрица» — племянницу. Более поздний редактор понял его как обозначение младшей сестры. Затем младшая сестра превратилась просто в сестру великого князя.

Ярослав обещал Казимиру помощь в его борьбе с чехами, мазовшанами и прусами. Чехи в 1039 году пытались подчинить Польшу. Прусы принадлежали к племенам западных балтов. Северные славяне-мазовшане во главе со своим князем Моиславом во время польской анархии образовали самостоятельную державу.

Имя *Моислав* представляет собой разновидность имён *Мешко*, *Мечислав*. Судя по имени, Моислав был одним из потомков Мешко I. В 1035 году истребляемая в Великой Польше знать бежала в Мазовию к Моиславу. От него она ждала защиты и восстановления королевской власти. Между тем в Западном Поморье правил Дитрих, сын Мешко I, внук маркграфа Дитриха. Предпочтение, оказанное Моиславу, и наиболее длительное сопротивление власти Казимира именно с его стороны говорят об особой знатности мазовецкого князя. Судя по всему, Моислав был сыном Бесприма и, будучи внуком Болеслава Великого от его старшего сына, по знатности превосходил Казимира.

В старших летописях приводятся известия о походах на мазовшан и балтов. Радзивиловская летопись:

*«В лето 6546. Иде Ярослав на **ятвягы**...*

*В лето 6548. Иде Ярослав на **мазовшан** в лодьях.*

*В лето 6550. Володимер, сын Ярославль, и поиде в **Ямь**, и победив я. И помроша кони у вои Володимеровых, яко еще и дышущим конем, и содираху кожи с них: толико бе мор в них...*

*В лето 6555. Иде Ярослав **на мазовшаны**, и победи я, и князя их **уби Моислава**, и покори Казимиру». (18, 66)*

В Тверской летописи уточняется, что поход на ятвягов состоялся зимой:

*«В лето 6546. Иде великий князь Ярослав к Киеву весне, а **на зиму** ходи на **ятвяги** и не можаху их взяти...*

В лето 6548. Иде Ярослав на Литву...

В лето 6550. Иде Володимер, сын Ярославль, из Новагорода на емь, и победи их, и плени множество ими...

Того же лета (в 6552 году. — В. Т.) ходил Ярослав на Литву, а на весну заложил Новгород и здела его». (19, 147–149)

В зиму Ярослав ходил походом на ятвягов, а по весне этого же года вернулся в Киев. Перед нами осенний счёт лет, дающий для осенних событий начала календарного года годичное омоложение дат.

У Татищева интересующие нас известия выглядят так:

*«6546 (1038). Ходил Ярослав **на ятвяги** и победил их, **но градов их взять не мог**, ибо не хотел со стенами биться и людей терять, скота же и имения по селам множество побрав, возвратился...*

*6548 (1040). Ярослав ходил **на литву**, которых покоря, **возложил дань** и возвратился.*

*6549 (1041). Ходил Ярослав **на мазовианы** в лодьях по Богу, много повоева, и грады разори, и, множество плена взяв, возвратился.*

*6550 (1042). Владимир, сын Ярославль, из Новагорода ходил **на емь** и, победа их, многа пленил. Но был мор на кони в войске его, так что мало возвратились, и те едва живы, сказывали, от того более было, что кожи с умерших коней сдирали...*

*Того же году (в 6552 году. — В. Т.) ходил Ярослав **на литву** и с великою победою возвратился, а **на весну заложил Новгород** и совершил того же лета...*

*6555 (1047). Ярослав по прозьбе польского князя Казимира, зятя своего, ходил **на мазовианы**, которых в жестокой битве победил и князя их **Моислава убил**, землю же ту Казимиру покорил». (23, 78–79)*

Даты походов на балтов, пересчитанные по «эре –5508 года», образуют ряд: 1038, 1040, 1042, 1044 годы. Расхождение достигает шести лет, что характерно для эр того времени. Вроде бы первая дата приведена по «эре –5504 года», последняя — по «эре –5510 года». Но «эра –5510 года» применялась в Переяславле и вряд ли бы там заинтересовались походами новгородцев на соседей.

Походы на ятвягов и емь были не совсем удачными. В одном случае говорится о выдержавших осаду городах, в другом — о падеже коней в войске. Двойное сообщение о походе на литву имеет победный тон. На балтов было сделано два зимних похода в 1041/1042 и 1043/1044 годах. Из-за того что сводчик пользовался двумя летописями соответственно с «эрой –5504 года» и «эрой –5508 года», количество походов удвоилось.

Поход на ятвягов-емь возглавлял Ярослав, который по весне 1042 года вернулся в Киев. Владимир Ярославич также принимал участие в этом походе, и для новгородских летописцев более важным было засвидетельствовать деяния своего князя. В Киеве помощников великого князя перечислять не стали. Так появилось две версии событий с двумя разными главными героями.

Владимир Ярославич участвовал и в походе на литву, так как после похода Ярослав прибыл в Новгород. Надо полагать, что литвой названы те же ятвяги, которых не удалось покорить за два года перед этим.

После похода на литву по весне 1044 года началось возведение новых стен в Новгороде. В «Летописце церквам Божиим» под 1116 годом, когда велось расширение Детинца, было помечено, что прежние стены простояли 74 года. (25, 55) Пометка даёт для Ярославова строительства 1042 год и говорит о том, что вычисления делались от даты с «эрой –5506 года».

А. А. Шахматов на основании новгородских известий считал, что возводились каменные стены. (25, 55) Это маловероятно, так как даже в Киеве стены были деревянными, а каменными — только Золотые ворота. По киевскому образцу могла быть построена из камня одна лишь проездная башня, охранявшая главный въезд в Детинец.

Будучи в дружественных отношениях с северными странами, главную опасность Ярослав должен был видеть в южной от Новгорода стороне, откуда ему дважды приходилось бежать на север из-за усобиц. Поэтому на роль новгородских Золотых ворот эпохи Владимира может претендовать предшественница современной Спасской башни. Золотые ворота Владимира-Залесского и Спасская башня, самая парадная из башен Московского кремля, были украшены иконами Спаса. На Руси

главная проездная башня крепости считалась аналогом константинопольских Золотых ворот и зачастую была освящена во имя Спасителя.

С Ярославовым строительством следует связать расширение Детинца в северном направлении примерно до современного положения стен, что почти вдвое увеличило его площадь. (20, 104) Окончательные свои размеры Детинец приобрел в 1116 году, когда князь Мстислав Владимирович заложил град больше прежнего, расширив его в южном направлении. (16, 20)

В статье 6551 года Тверской летописи в рассказ о свадьбе Казимира вставлено сообщение о двух походах на мазовшан:

*«И в те же лета обидяше Мязавецкий князь Моислав Казимира, и **ходи Ярослав дващи** на мазовшан в лодиях».* (19, 149)

Один из редакторов понял это сообщение за указание о первом походе на мазовшан в 6551 году и в результате насчитал целых три похода:

«В лето 6549. Иде князь великий Ярослав на мазовшаны в лодиях...

*В лето 6554. Иде Ярослав **третье на мазовшаны**, и победи а, и князя их Моислава уби, и покори землю ту Казимиру».* (19, 147–150)

В поход ходили на ладьях. Татищев уточняет, что рекой, по которой русский флот отправился во владения Моислава, был Буг. Перед нами Западный Буг, по которому частично проходила граница между Польшей и Русью. Ладейные походы совершались в тёплое время года.

Поход на мазовшан записан в двух версиях. В первой сообщается о ладейном походе, во второй — об убийстве Моислава. В одном случае перед нами начало похода, в другом — окончание, так как после гибели мазовецкого князя война должна была закончиться. Рассказ о начале похода датирован 1044 годом по «эре –5504 года». В Тверской летописи рассказ об окончании похода датирован 6554 годом, что даёт 1044 год по «эре –5510 года». Применение этой эры говорит об участии в походе переяславцев. В Радзивилловской летописи и у Татищева указан 6555 год. Начавшийся летом поход закончился осенью — в следующем году по сентябрьскому счёту лет.

В Тверской летописи и у Татищева начало похода отнесено не к 6548 году, а к 6549-му. Здесь правильный 6548 год оказался занятым сообщением о походе на литву с датой по «эре –5504 года», что сдвинуло известие о начале похода на мазовшан на год.

Польский историк Викентий Кадлубек писал о Мецлаве, которому помогали даки и русы. Мецлав бежал к своим союзникам гетам, но был распят ими на высокой виселице. (26, 99) Под пером польских историков русская помощь Казимиру превратилась в помощь его противнику. Античные даки жили на Карпатах. Учитывая, что поход начался с Западного Буга, сообщение Кадлубека частично достоверно. Даками он назвал жителей западных областей Руси.

У Стрыйковского в рассказ о походе 1032 года, который он относил к 1034 году, вплетены реалии похода 1044 года:

*«Ярослав прииде с войски ово **на конях**, ово **в лодиях** по Бугу в **Мазовию** и множество городов огнем и мечом сокрушил и пленил».* (23, 242)

Русскую флотилию сопровождало конное войско. Польские историки Бельский и Гвангнин писали о том, что мазовшан разбил сам Казимир без какой-либо русской помощи. Но в их патриотических вымыслах есть достоверные детали. После поражения Моислав ушёл к пруссам, но там был схвачен и повешен. (23, 243)

«Великая хроника»:

*«Хотя этого Казимира весь польский народ и некоторые славянские племена охотно признали своим королём, одна только Мазовия не побоялась ему сопротивляться. А именно некто из незнатного рода, однако человек деятельный и сильный, душой необузданный и привычный к военному делу, по имени **Мечислав**, занял **Мазовию**, знатных людей этой провинции некоторых дарами, некоторых насильно принудил к послушанию ему. Он **призвал на помощь** против Казимира **даков**, **гетов** или **прусов** и **русских**, с помощью которых осмелился объявить Казимиру открытую войну. В этом поединке побеждённый и разбитый, вместе со своими сторонниками бежал из Мазовии к пруссам, надеясь там найти своё спасение. А **прусы**, тяжело переживая убийство многих своих и желая отомстить ему за поражение и свою обиду, на*

него возлагают вину. Взяв в плен Мечислава, подвергнув его тяжёлым наказаниям, они прибавляют его к высоченной виселице, приговаривая: "Ты домогался высокого, так и достигни высокого"». (2, 70)

Русы включены в число союзников Моислава и врагов Казимира. Гетами, жившими во времена Античности на Балканах, Кадлубек называл пруссов. Но сообщение о казни на виселице выглядит достоверным.

На заключительном этапе борьбы с Ярославом Моислав бежал к дружественным ему пруссам. Ярослав обещал Казимиру помощь как против мазовшан, так и против пруссов, которые образовали военный союз. Поэтому русский поход закончился в земле пруссов после пленения русами Моислава и его казни.

Ян Длугош помещает поход Ярослава в статью 1038 года и в соответствии с этим относит его ко времени польской смуты:

«Князь Руси Ярослав, зная, что Польша погрязла во внутренней и внешней войне и очень ослабла, собрав сильное войско, по суше и на кораблях пришёл в Мазовецкий край, опустошил его огнём, мечом и грабежом и, захватив богатую добычу, а сверх того пленив большое число народу обоего пола, вернулся на Русь». (27, 251)

Русы, подчиняя Мазовию Казимиру, захватили богатую добычу и большое количество пленников.

Энергичный Моислав стал сколачивать на севере Европы державу. Он распространил своё влияние на балтские племена. Ятвягов, бывших ранее данниками Руси, русам пришлось приводить к покорности. Но они в любой момент могли воспользоваться помощью своих западных родственников пруссов и их союзника Моислава. Разгром державы Моислава был в интересах как Казимира, так и Ярослава.

Вначале Ярослав нанёс удар по восточнобалтийским ятвягам, а затем настал черед их западных соседей. Поход на мазовшан должен был состояться на следующее лето после свадьбы Казимира и Марии, скрепившей русско-польский союз. Но в 1043 году русы ходили походом на Византию и им было не до польских дел. Усмирение Мазовии было перенесено на 1044 год.

Автор «Великой хроники» сообщает:

«После того как провинция **Мазовия объединилась** с Польским королевством, установились **мир и спокойствие**». (2, 71)

Бароний под 1045 годом писал о том, что Казимир успокоил своё королевство. С уничтожением Моислава в 1044 году польские земли были объединены и Казимир получил заслуженное прозвище Восстановитель. Потомки считали его спасителем страны. Польша, бывшая на краю гибели, за время правления Казимира вновь превратилась в могущественную державу.

Литература

1. Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 1. М., 1913.
2. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.
3. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.
4. Грабеньский В. История польского народа. Мн., 2006.
5. Грицков В. В. Крещение Руси. М., 2009.
6. Древнерусские княжеские жития. М., 2001.
7. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.
8. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. 1–4. М., 1988.
10. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1981.
11. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
12. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
13. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968.
14. Никифоровская летопись. Супрасльская летопись. Слуцкая летопись и др. // Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
15. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. 43. М., 2004.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
17. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.

18. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
19. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
20. Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1993.
21. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997.
22. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995.
23. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
24. Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005.
25. Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. СПб., 2003.
26. Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.
27. Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Кн. I–VI). М., 2004.

Глава 3

ЕДИНОВЛАСТИЕ

Кончина Мстислава

Кончина Мстислава так описана в старших летописях:

«В лето 6544. Мстислав изыде на ловы, и разболеся, и умре. И положиша у церкви святого Спаса, юже бе сам заложил. Бе бо возделаное при нем в[о] звыше на кони стоячи рукою досячи». (18, 65)

Мстислав отправился на охоту — звериную ловлю, но заболел и умер. Похоронили его в недостроенной церкви, стены которой были выведены на высоту, до которой мог достать всадник.

Выражение «на кони стоячи» можно понимать двояко: стоя на спине коня либо привстав в стременах. Определение высоты постройки приведено в общеупотребительном смысле, поэтому автор не стал прибегать к помощи мер длины того времени, таким как сажень. Так что здесь подразумевается не экзотический элемент езды стоя на спине коня, вошедший в позднейшую джигитовку, а более заурядная стойка всадника в полный рост в стременах. Стены церкви Спаса были выведены на высоту около трёх метров.

Несколько подробнее рассказ из Тверской летописи, датированный 6542 годом:

«О смерти Мстиславлі, брата Ярославля.

В лето 6542. Князь великий Мстислав Володимирович Черниговский изыиде на лов, и тамо разболеся, и умре. И положиша его в Чернигове в святем Спасе, его же сам заложил. Бе бо возделано при нем возвыше яко на кони досячи стоя». (20, 146)

Здесь кончина отнесена к более раннему году. Недостроенная церковь — сохранившийся до наших дней каменный Спасский собор Чернигова. Мстислава летописец называет великим князем, признавая за ним статус, равный статусу Ярослава Мудрого. Татищев приводит сходный текст с той же датой:

«6542 (1034). Мстиславу тмутараканскому прилучилось быть на ловле и тамо, разболевся, умре. И положили его у церкви святого Спаса в Чернигове, которую сам заложил, и зделано при нем было оной выше, нежели на кони стоя рукою достать». (25, 77)

В Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны есть дополнения:

*«В лето 6542. Во един от днии изыде на ловы сеи благоверный князь Черниговский Мстислав Владимирович, разболевся и, мало поболев, преставися к вечным обителем. Его же опрятовшие **царское тело** со многою честию **епископ Черниговский** и со всем освященным клиросом, **князи и боляры** и множеством народа проводивши тело его, взявши на рамена (плечи. — В. Т.) своя и принешие, положиши его в церкви святого Спаса, юже бе сам начат здати и **нареци** ю **хотяше епископию**, еже и бысть, бе бо создано ея при нем в вышину, яко на кони стоячи рукою достати».* (11, 232)

Рассказчик признавал за Мстиславом великокняжеское достоинство, так как только великих князей приравнивали к царям. Об этом же свидетельствует участие простых князей в его похоронах. Жители Чернигова были крещены в 993 году, и в городе вскоре по крещении была построена Спасская церковь. Черниговская епархия была основана в 994 году, а резиденция епископа долгое время находилась в одной из церквей детинца, скорее всего в деревянной Спасской церкви. Строительство нового здания для резиденции епископа было бы обычным делом. Но намерение Мстислава соорудить храм преподнесено как деяние по созданию епархии.

Каменный собор в Чернигове был выдающимся для того времени строительным сооружением, сопоставимым по своим размерам с киевской Десятинной церковью, которая, в свою очередь, была самым крупным памятником каменного зодчества предшествующего периода.

Мстислав принял титул великого князя. Его желание построить роскошную церковную резиденцию свидетельствует о намерении перенести в Чернигов из Переяславля митрополичью кафедру. Перенос осуществил позднее Ярослав, создав ещё более роскошную митрополичью резиденцию в Киеве.

Разница в известиях в два года говорит о влиянии «эры –5506 года». В старших летописях применена «эра –5508 года», в Тверской и ряде иных — «эра –5506 года». В Никоновской и Троицкой летописях кончина Мстислава отнесена к 6541 году. (10, примеч. II, 31) Разница в год свидетельствует об использовании в Тверской летописи осенней «эры –5506 года», а в Никоновской — весенней. Мстислав умер после 1 сентября 1035 года, но до 1 марта 1036 года.

О смене власти на Руси в 6544 (1036) году писал Кедрин. Но его сообщение не во всём достоверно. Византиец считал, что на Руси власть Носислава и Иерослава сменилась властью третьего — Зинислава. (27, 70) Двух первых князей следует отождествить с Мстиславом и Ярославом, третьего — с преемником Ярослава Изяславом. Вторая половина сообщения относится к более позднему времени, нежели 1036 год.

Строительство в стольном городе княжества собора в честь Спаса — Преображения Господня должно было иметь существенную причину. Около 1036 года Спас приходился на воскресенье в 1032 и 1038 годах.

В 1032 году русские князья одержали победу над поляками. Ярослав строил города на южном пограничье, Мстислав — около Чернигова. Победы в войнах 1032 года русы должны были связывать с праздником Преображения Господня, который приходился в этот год на воскресенье. В это время у Мстислава появились захваченные в победоносных войнах средства и повод для крупного церковного строительства. Закладка черниговского Спасского собора 6540 годом датируется в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны:

«Великий князь Мстислав Володимирович, брат Ярославль, по разделении великого княжения Киевского между собою со Ярославом Великим под Листвином у Городца за Оручем по Днепр, возвратишися во свои град Чер-

*нигов, начат здати **церковь** каменну многим тицанием и иждивением пресветлаго Христова Преображения посреди богохранимого града Чернигова в лето 6540, недокончана бывши».* (11, 231–232)

Мстислав назван великим князем, а принятие им этого почётного титула связано с событиями под Лиственном, у Городца и за Оручем. Под Лиственном в 1024 году было нанесено жестокое поражение Ярославу Мудрому, у Городца в 1026 году между Владимировичами было заключено мирное соглашение о разделе Руси. Границей между владениями Мстислава и Ярослава стал Днепр.

Название *Оручь* созвучно названию древлянского города *Овруч*. Древлянская земля была после раздела Руси в составе владений Ярослава. За Овручем лежало Туровское княжество, которым некогда владел Святополк. Во время похода 1032 года были отвоеваны Червенские города. Так как они находились к западу от Днепра, плоды этой победы достались Ярославу.

Мстислав должен был добиваться у Ярослава территориальных уступок за оказанную военную помощь. Реликт утраченного сообщения говорит о том, что такой уступкой были земли за Овручем, в которые входило Туровское княжество.

Косвенный географический ориентир «за Овручем» свидетельствует в пользу множественного характера земель. В походе должен был принять участие переяславский князь Брячислав, в распоряжении которого были крупные приграничные силы. Брячислава интересовал оставленный родовой удел — Полоцкое княжество. После смерти Брячислава полоцким князем был его сын Всеслав. Потомки Рогволода вернули Полоцк. Наиболее вероятным временем этого возвращения был следующий после войны 1033 год. Ярослав присоединил Червенские города, но должен был уступить во владение своим военным союзникам Туровское и Полоцкое княжества.

По мере усиления власти Мстислава за ним закреплялся титул великого князя. Решение о строительстве Спасского собора было принято в благодарность за дарование Христом победы над поляками. Мстислав

расширил более ранний детинец, внутри которого развернул парадное строительство, начав возводить огромный собор и каменный дворец. (21, 100–101) Чернигов перестраивался в качестве столицы великого княжения.

Оба храма в своих стольных городах Мстислав строил в честь побед над внешними врагами: в 1023 году собор Рождества Богородицы в Тмутаракани после победы над касогами, в 1033 году — Спасский собор в Чернигове после победы над поляками. Дата в Патерике приведена по тмутараканской «эре –5507 года».

В Радзивилловской летописи дана такая характеристика Мстислава:

«Бе же Мстислав дебел телом, чермен телом и лицем, великима очима, храбор на рати, и милостив, и любяше дружину по велику, имения не щадяще, и питья и ядения не броняше». (18, 65)

Сходный рассказ имеется в Тверской летописи:

«Бе же убо Мстислав дебел телом, а лицем чермен, очи великы имея, на рати храбор, и милостив, а бояре любя по велику, и имения не щадяше, ни пития, ни ядения не браняше, и милостив бяше ко всем служащим ему». (20, 146–147)

Слова «княжеская дружина» и «бояре» означают одно и то же. Бояре первоначально были княжескими дружинниками. Превратившись в феодалов, возглавлявших собственные отряды, они продолжали именоваться дружиной.

Татищев пишет о том, что Мстислав имел красные волосы:

*«Сей князь Мстислав был дебел телом, **чермен власами** и лицем, очи великие, **брови возвышены** имел, храбр на войне и милостив, жалуя служащих ему, не счадя имения, писчи и одеяния».* (25, 77)

Более архаичную редакцию этого рассказа находим в Никоновской летописи:

«Бе же Мстислав дебел телом, а власы чермен, лицом светел, велики очи и брови возвышены имея, и милостив к нищим, и долготерпелив ко всем, на

рати храбор, и дружину любляше повелику, имения не щадяще, ни пития, ни ядения не брежаше». (17, 79)

Красными у князя были волосы. Мстислав не имел взрослых наследников, и с его кончиной закончилась на Руси эпоха двоевластия. Радзивилловская летопись:

*«По сем же **прия всю власть** Ярослав, и **бысть самодержец** земли Русскои. Иде Ярослав к Новугороду и посади сына своего Володимера в Новегороде, епископа постави Жидяту».* (18, 65)

Татищев приобретённые Ярославом выморочные владения ограничивал Тмутараканским княжеством:

«По нем принял вся власть княжения Тмутараканского Ярослав и учинился единовластен по всей Русской земли». (25, 77)

После победы над Святополком Ярослав забрал себе все его владения, не поделившись с братьями. Владимировичи рассматривали Русь как своё общее достояние, на которое каждый из них имел почти равные права. Мстислав и Брячислав были недовольны таким решением старшего брата и выступили против него. После кончины Мстислава Ярослав также забрал весь выморочный удел. Брячислав, для того чтобы восстановить справедливость, понимаемую с традиционных позиций совместного родового владения Русью, должен был искать союзников.

В 1036 году после кончины Мстислава явная междоусобная война в летописях не отмечена. Но во время пребывания Ярослава в Новгороде на Киев напали печенеги и осаждали столицу до тех пор, пока великий князь не пришёл ей на выручку. В том же году по приказу Ярослава был брошен в темницу его брат Судислав.

Печенеги уже в предшествующую эпоху нападали на Русь, будучи натравливаемы соседями или в качестве союзников одного из русских князей во время междоусобиц. Обострение отношений между Владимировичами и печенежское нашествие следует признать последствиями кончины Мстислава.

Сын Адили

В старших летописях не указано, от каких жён происходили сыновья Владимира Святого. Лаврентьевская летопись:

*«Володимер просвещен им и сынове его и земля его. Бе бо у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, **Мстислав**, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новегороде, а Изяслава в Полотске, а Святополка в Турове, а Ярослава — Ростове. Умершую же старейшему Вышеславу [в] Новегороде. Посадиша Ярослава [в] Новегороде, а Бориса — Ростове, а Глеба — Муроме, Святослава — Деревех, Всеволода — Володимери, **Мсти[сла]ва** — **Тматорокани**». (12, 121)*

В списке Владимировичей Мстислав показан седьмым, то есть более старшим, нежели Борис и Глеб. В перечне уделов он назван после Бориса и Глеба. В конце жизни Владимира Святого Борис и Глеб были возвышены вопреки традиционному их месту в иерархии великокняжеских детей. Это привело к конфликту более старших Святополка и Ярослава с великим князем. В перечне уделов Борис и Глеб переместились ближе к началу перечня, а Мстислав остался за Всеволодом и Святославом.

Татищев приводит такие данные:

*«...от **чешской** княжны — Святослава и Станислава; от **другия** — **Мстислава**...*

Иоаким еще жену варяжскую, от которой Вышеслав родился». (25, 227–228)

У Иоакима Вышеслав назван сыном варяжской княжны. Вышеслав считался самым старшим из Владимировичей. Владимир женился на варяжке во время бегства от Ярополка за море. Брак скрепил союз с варягами, военной помощью которых Владимир воспользовался в борьбе за великое княжение. Рогнеда и вдова Ярополка появились в его жизни позднее. Сведения Иоакима нужно признать достоверными. От чешской княжны были Святослав и Станислав. Мать Мстислава названа другой княжной. В Тверской летописи уточняется её национальность:

«От нея (Рогнеды. — В. Т.) роди 4 сыны: Изяслава, Ярослава, **Мстислава**, Всеволода, и две дщери; а от грекины Святополка; а от **чехени** Вышеслава; а от **другия чехини** Святослава и Станислава». (20, 73)

«Другая» жена также была «чехиней». Мать Мстислава была второй чешской женой Владимира Святого. Но здесь Мстислав показан сыном Рогнеды, поэтому на его место поместили Вышеслава, поменяв местами чешских жён.

Комиссионный список Новгородской летописи:

«От нея (Рогнеды. — В. Т.) же родишася 4 сыны: Изяслава, **Мстислава**, Ярослава, Всеволода, и две дщери; от грекине Святополка, а от чехине Вышеслава, **а от другия** Святослава, **Мстислава**». (15, 128)

Мстислав показан как сыном Рогнеды, так и сыном второй чешской жены наряду со Святославом. Святослав и Станислав причислялись к детям то первой, то второй чехини. Поздние летописцы знали, что у Владимира было две жены-чехини, от которых он имел трёх сыновей, но не знали точного перечня их детей.

Святослав был старше Мстислава, а Станислав младше, поэтому Святослав был сыном первой чехини. У Татищева чаще, чем в иных источниках, встречаются реликты наиболее древней летописной традиции. Следует остановиться на его версии: Святослав и Станислав были сыновьями первой чехини, Мстислав — второй. Но Мстислав был старше Станислава, что и приводило к различиям в перечнях Владимировичей.

Татищев со ссылкой на Иоакимовскую летопись сообщает:

«Мальфрид со сыном Святославом в Овруч; **Адиль** со сыном **Мстиславом во Тмутаракань**, а Станислава в Смоленск». (24, 113)

Здесь первая чешская княжна, мать Святослава, названа именем *Мальфрид*, вторая, мать Мстислава, — именем *Адиль*. Татищев предполагал, что имя *Адиль* есть сокращение от германского имени *Адельгейда*. (24, 119)

Мальфрид была дочерью чешского князя Болеслава I Грозного — княжной Младой, имевшей христианское имя *Мария*. У Млады была

старшая сестра Добрава, выданная замуж за польского князя Мешко I, которого русские летописцы называли Мечиславом. Обращает на себя внимание сходство имён *Мстислав* и *Мечислав*.

Дочь Мешко I и Добравы была наполовину чешкой и могла своего сына назвать в честь отца. У Мешко I и Добравы действительно была дочь Адельгейда, выданная замуж за венгерского князя Гейзу, от которого родила сына Владислава. Титмар Мерзебургский пишет о правлении Гейзы:

«Отец его, звавшийся Деувикс (Гейза, отец Стефана I Святого. — В. Т.), был **весьма жесток**. Многих людей убил он в приступе внезапной ярости. Когда он стал христианином, то для упрочения новой веры весьма **сурово обходился** с теми подданными, кто ей противился, и таким образом, пылая рвением к Богу, смыл старый свой грех. Принося жертвы и всемогущему Богу, и прочим лживым богам, он, будучи обвинён в этом своим епископом, отвечал, что, поступая так, стал сильным и богатым.

Жена его, носившая **славянское имя Белекнягини**, что означает «**прекрасная госпожа**», пила сверх меры и, совершая однажды путь на коне, подобно воину, **убила** в порыве сильного гнева **некоего мужа**. Лучшие бы ее порочная рука касалась веретена, а сумасбродный дух укрощался бы терпением». (26, 166)

Гейза исповедовал двоеверие. Он жестокими мерами объединял страну под своей властью и насильно насаждал христианство, посредством которого укреплял свое могущество. Суровость в отношении подданных вызвала в памяти Титмара образ супруги венгерского властелина. Она также пострадала от гнева Гейзы. Гейза был женат дважды — сначала на венгерке Сарольте, затем на полячке Адельгейде. В сообщении Титмара супруга Гейзы носит славянское имя, так что перед нами полячка Адельгейда, хотя само имя *Белая княгиня* является переводом тюркского имени *Сарольта*.

Титмар не даёт хронологических указаний относительно убийства Адельгейдой знатного венгра. Но время этого конфликта можно определить исходя из событий польской истории. Болеслав I развёлся со своей второй женой, венгерской княжной, несмотря на то что имел от

неё сына Бесприма. Разрыв этого брака произошел после 986 года, в котором родился Бесприм, но до 989 года, так как в 990 году родился Мешко II — первенец от третьей жены Эмнильды. Развод состоялся ещё в правление Мешко I. Он имел какие-то веские политические причины, так как должен был осложнить польско-венгерские отношения.

Судя по негативной характеристике, немецкие информаторы Титмара причисляли Адельгейду к врагам немецкой партии при венгерском дворе. Похоже на то, что в конце 980-х годов Адельгейда пала жертвой придворных интриг. Её выслали из Венгрии. В ответ из Польши была изгнана венгерская супруга Болеслава.

Евстафий, сын Мстислава, в 1032 году самостоятельно правил Тмутараканским княжеством, а в 1033 году погиб, возглавляя военный поход. Родился он не позднее 1014 года. Мстислав соответственно родился не позднее 995 года. Мать Мстислава появилась на Руси не позднее 994 года.

Дети у Владимира Святого от его бывших жён могли появляться и позднее свадьбы с византийской царевной Анной, его супругой польская княжна могла стать только до октября 990 года, когда произошло обручение Владимира и Анны. Свадьба Владимира и Адельгейды состоялась в период с 986 по 990 год.

С весны 987 по лето 988 года Владимир был женат на болгарской княжне Марии, выдававшей себя за византийскую царевну Анну. После разоблачения подлога последовал развод с самозванкой. В апреле 989 года после взятия Херсонеса Владимир во главе своей армии отплыл в Византию, откуда вернулся уже обручённым с Анной. Для свадьбы с Адельгейдой остаётся интервал времени с июля 988 года по апрель 989-го.

На рубеже 988/989 годов Владимир Святой находился под стенами Херсонеса, где с ним вёл переговоры о сдаче города варяг Ижберн. Зима и ранняя весна — довольно неблагоприятное время года для поездки из Херсонеса на Русь или приезда свадебного посольства из Польши в Крым. Свадьбу следует отнести на осень 988 года.

Владимир Святой вернулся на Русь весной 992 года. В этом же году скончался Мешко I и обострились русско-польские отношения, что

привело к хорватской войне. Княжича называли Мстиславом скорее при жизни его могущественного деда Мешко I, нежели после его кончины во время развода Владимира с матерью его внука. Мстислав родился в 989 году.

Адельгейда была старшей дочерью Мешко I и Добравы. Она родилась вслед за Болеславом, в 968 году. В 986 году в возрасте 18 лет польская княжна стала женой Гейзы, матерью Владислава Плешивого, который родился в 987 году и был назван именем, созвучным имени её младшего брата Владивоя. После рождения сына Адельгейда была отослана на родину. В 988 году она вышла замуж за Владимира Святого, который в это время развёлся с болгаркой Марией Борисовной. Адельгейда в 989 году родила Мстислава, но вскоре ребёнок лишился матери. В летописях Мстислава включали в число сыновей Рогнеды, которая стала его приёмной матерью.

В «Любецком синодике» есть поминальная запись о Мстиславе:

«Великаго князя Константина Мстиславича Черниговского, создавшего церковь Святого Спаса, и княгиню его Анастасию». (8, 24)

Черниговским князем, построившим церковь Спаса, был Мстислав, который из-за описки превратился в Мстиславича. Мстислав имел христианское имя *Константин* и жену Анастасию.

Мстислав прожил 47 лет. Сын Евстафий появился у него около 1008 года и скончался в возрасте не более 25 лет. Династия тмутараканско-черниговских князей прервалась, так как о наличии сыновей у Евстафия сведений нет.

Заключение Судислава

Под 6544 годом в Радзивилловской летописи сообщается о заключении Судислава в тюрьму:

«В се же лето всади Ярослав Судислава в поруб, брата своего, во Пскове — оклеветан к нему». (18, 65)

Судислав содержался в заключении в Пскове, из чего некоторые летописцы делали вывод о том, что ранее он был псковским князем.

Но практика заключений была иная. Осуждённого увозили в чужие края, где ему труднее было получить помощь. Так поступили с новгородским посадником Константином, увезённом на окраину иного княжества.

В Тверской летописи рассказ расширен:

«Того же лета разгневался Ярослав на брата своего меньшего Судислава, и всади его поймав в поруб в Пскове до живота его, оклеветан бо бе к нему».
(20, 147)

Судислав был младше Ярослава. Он попытался бежать, и его пришлось излавливать. Автор этой записи знал, что Судислав просидел в заключении до смерти Ярослава.

Свет на судьбу взрослого Судислава проливает топонимия. Севернее Костромы на трассе, соединяющей древние города Кострому, Галич, Чухлому, стоит город Судиславль. Самое раннее летописное известие об этом городе датировано 1360 годом. (1, 550) Название города-крепости было образовано от княжеского имени. Среди русских князей такое имя было только у Судислава Владимировича, которого и следует признать основателем Судиславля.

Костромская земля, в которой Судислав построил названный в честь него город, входила в состав Ростовского княжества. Это значит, что Судислав был ростовским князем.

В Тверской летописи после рассказа о смерти Мстислава говорится о назначении Владимира Ярославича новгородским князем:

«По нем же прият всю власть его великий князь Ярослав, и бысть самовластец в Руси. Того же лета иде великий князь Ярослав в Новгород, и посади сына своего Владимира в Новгороде, и епископа постави Жиряту. И людем написа грамоту рек: "По сей грамоте дадите дань"». (20, 146–147)

Но старший Ярославич стал новгородским князем значительно раньше — в 1020 году, после опалы посадника Константина. Владимир получил иное княжество. После кончины Владимира власть над северными землями перешла к его сыну Ростиславу. Татищев:

«6560 (1052). Преставися Владимир, сын Ярославль старейший, в Новеграде... По нем остался сын его **Ростислав в Новеграде и Ростове**». (25, 81)

Далее Татищев сообщает о том, что Ростислав владел Ростовом и Суздалем:

«6572 (1064). **Ростислав**, сын Владимиров, внук Ярославль, которому по смерти отцовой дано было во владение **Ростов и Суздаль**, а по смерти Игоря **переведен** дядьями во Владимир **на Волынь**, и, не хотя тем доволен быть, пришед, взял Тмуторокань, а Глеба, сына Святославова, выгнал». (25, 83)

Владимир Ярославич наряду с Новгородским княжеством получил Ростово-Суздальское. Ростислав не смог унаследовать всей области отца, и ему было оставлено только Ростово-Суздальское княжество. Но по смерти Ярослава и это владение показалось его дядьям чрезмерным, и Ростислава перевели в менее престижное Волынское княжество.

Поход Ярослава на север в 1036 году был вызван борьбой с Судиславом, которого поймали и посадили в поруб. Ростово-Суздальское княжество после этого было присоединено к владениям Владимира Ярославича. Судислава держали в заточении на окраине Новгородского княжества, и отвечал за судьбу пленника Владимир, получивший его владения.

В старших летописях время пребывания Судислава в заключении определено в 28 лет. Радзивиловская летопись:

«В лето 6567. Изяслав, и Святослав, и Всеволод высадиша стрья своего ис поруба, седе бо **лет 28**, и заводивше кресту, и бысть **чернец**...

В лето 6571. **Судислав преставися**, Ярославль брат, и погребоша и в церкви святого **Георгия**». (18, 70)

Ярославичи освободили дядю, но делиться с ним владениями не стали. Они вынудили его отказаться от своих прав и постригли в монахи. С 1036 года до 1059 года прошло 23 года. Более правильный срок заключения даёт Тверская летопись:

«В лето 6567. Князь великий Изяслав Ярославич и братия его Святослав и Всеволод высадиша стрья своего Судислава ис поруба, сидевшаго в Пско-

ве лет 24, заводиша его роте, целова крест, и бысть чернец, и ведоша его к Киеву...

В лето 6571. Преставися Судислав Володимирович, брат Ярославль, и погребоша его в церкви святого Георгия. Был в чернецах 4 лета по заточении». (20, 154)

Двадцать восемь лет образовались в результате вычислений, в которых дата начала заключения имела «эру –5504 года», из-за чего набежало четыре лишних года. Оставшийся год можно отнести за счёт влияния весеннего и осеннего летосчисления. Судислав был приведён в Киев в 1059 году, скончался в монастыре в 1063 году. В Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны уточняется место его монашества:

«В лето 6571. Преставися князь Судислав Владимирович, брат Ярославль, бысть в заточении во Пскове, сидел в порубе 24 лета, а во иноцех 4 лета жил в Киеве, положен есть в монастыри святого Георгия». (11, 222)

Судислав последние четыре года своей жизни провёл в киевском монастыре св. Георгия, в главном храме которого и был похоронен. Аналогичные сведения находим в Никоновской летописи:

«В лето 6571. Судислав преставися, сын великого Владимира, брат Ярославль, во святем образе во иночестве и в скиме. И положиша и в церкви святого Георгия в монастыре». (17, 92)

В монастыре Судислав принял схиму. Татищев со ссылкой на Иоакимовскую летопись причислял Судислава и Позвизда к детям Олега Святославича:

«А Судислав и Позвизд у всех, от кого родились, не писаны, токмо при разделении владений согласно всех полагают. В гл. 4, по сказанию Иоакима епископа, точно именованы дети Ольговы. И ему, яко при них жившему, весьма знать можно, по которому я в табели родословной положил». (25, 228)

Олег Святославич владел Древлянским княжеством и погиб в междоусобной войне со своим братом великим князем Ярополком Святославичем. Судислав не мог быть сыном Олега, так как в перечне Владимировичей помещён в самом конце. Он родился уже после свадьбы Вла-

димира Святого с царевной Анной от одной из бывших жён великого князя.

Возведение Судислава к Олегу Святославичу было вызвано иными причинами. Придя к власти, Владимир Святой взял в свой гарем жену погибшего Ярополка. О том, что случилось с женой Олега, летописцы умалчивают.

В удел Рогнеде и её сыну Изяславу было выделено Полоцкое княжество, которым владел отец Рогнеды. В удел Мальфрид и её сыну Святославу была выделена Древлянская земля, которой ранее владел Олег Святославич. Сестра Мальфрид Добрава достигла брачного возраста в 965 году. Мальфрид, судя по всему, была старше Владимира. В 988 году он женился на её племяннице Адельгейде, поэтому чешскую княгиню Младу-Мальфрид следует признать женой Олега Святославича.

В 981 году Млада возвратилась в Прагу из поездки в Рим, привезя папское решение о создании в Чехии епархии. Она основала в Праге монастырь, став его настоятельницей под именем *Мария*. В Чехию она вернулась не позднее 980 года. Во время войны Владимира с Ярополком её на Руси уже не было, и поэтому в гарем Владимира она не попала.

В 976 году скончалась Добрава, что должно было привести к ослаблению чешско-польских связей. Следующей женой Мешко I стала немка. В 980 году разразилась польско-чешская война, в которой погиб чешский князь Болеслав I Грозный. Так что в последующие годы отношения с поляками продолжали ухудшаться. Одновременно осложнились чешско-немецкие отношения, что привело к войне 976–977 годов, в которой чехи потерпели поражение. Заключение брака Млады и Олега Святославича следует ожидать ранее войны 976 года, в то время, когда чехи искали союзников.

Святослав Владимирович на самом деле был сыном Олега Святославича и Млады-Мальфрид. Сведения Татищева частично подтверждаются. Он родился около 977 года, и Владимиру пришлось давать сыну греческой вдовы Ярополка имя в честь отца, но в иной форме — *Святополк*. Имя *Святослав* в роду Рюриковичей было уже занято.

В 993 году в Рим отправилось русское посольство, вернувшееся на родину в следующем году. Ему предшествовало посольство римского папы, прибывшее на Русь через Польшу вместе с послами Болеслава I Великого. В 994 году на Руси побывало чешское посольство. Болеслав I был заинтересован в урегулировании отношений с Русью, осложнившихся в результате хорватской войны 992 года. Ему было выгодно возвращение ко двору великого князя своей тётки, вдовы Олега Святославича. Это оживление дипломатических отношений было взаимовыгодным для Руси и западных стран.

Владимир Святой, возвращая на родину племянника и усыновляя его, получал в лице Святослава посредника для сношений с чешским и польским князьями. По дороге в Рим русские посланники могли обговорить в Праге условия возвращения Млады на Русь. Млада и Святослав вернулись в Киев в составе чешского посольства 994 года.

Владимир Святой выделил в удел Святославу Древлянское княжество его отца, поэтому совершеннолетие Святослава следует отнести к 994 году. Родился он в 976 году, а свадьба его родителей состоялась не позднее 975 года. Млада-Мальфрид стала жить при своём сыне. Их резиденцией стал построенный в 994 году Белгород — новая столица Древлянского княжества.

В 1017 году Святослав Олегович был убит по приказу Святополка, считавшего его опасным конкурентом в борьбе за власть. Святослав по возрасту был старше Святополка, но, будучи приёмным сыном, в перечне Владимировичей стоял за родными сыновьями Владимира Святого. Святополка, родившегося уже после кончины Ярополка, причисляли к сыновьям Владимира.

Летописцы знали предание о том, что Владимир Святой усыновил кого-то из детей своего брата Олега. Поэтому Судислава стали причислять к сыновьям Олега. Но из этого ошибочного причисления следует, что Судислав был вторым сыном Мальфрид. В перечнях Владимировичей вместо него среди сыновей Мальфрид стоит Станислав, имевший созвучное имя.

В 955 году князем ободритов, племени прибалтийских славян, был Стойнеф. Такое же имя имел один из приближённых Болеслава I Вели-

кого. Позднее производное от более раннего имени *Стойнеф* имя *Станислав* было известно среди польской знати. На Руси, судя по основанному Судиславом городу, западнославянское имя *Станислав* бытовало в форме *Судислав*. Судислав был сыном чешки Мальфрид от Владимира Святого и имел второе имя *Станислав*.

Красноперов обнаружил в одной из рукописей известие:

«В лето (1013) крести Владимир всю землю Смоленскую». (19, 340)

Перед нами упоминание о пребывании Владимира Святого в Смоленске. Крещение смоленских кривичей произошло ранее. Владимир был в Смоленске по другому поводу. Самыми распространёнными в ту эпоху эрами были «эра –5508 года» и «эра –5506 года». Поездка состоялась либо в 1013 году, либо в 1015-м. В Смоленске княжил Судислав-Станислав. Он родился после того, как его мать вернулась в 994 году из Чехии на Русь, то есть не ранее 995 года. В случае рождения в 995 году Судислав достиг совершеннолетия как раз в 1013-м. В 1013 году Владимир побывал в Смоленске, для того чтобы возвести на престол своего сына.

В летописном рассказе о гареме Владимира Святого упоминаются наложницы, жившие в Белгороде ещё до крещения великого князя и его свадьбы с царевной Анной. Но Белгород был основан после крещения Руси. Здесь можно усмотреть реликт известий о проживании в Белгороде наложницы Владимира Мальфрид.

Перед своим заключением в 1036 году Судислав владел Ростово-Суздальским княжеством, которое было более значимым, нежели Смоленское. В 1023 году Ростово-Суздальское княжество принадлежало Ярославу. Переход его к Судиславу произошёл при посредничестве Мстислава в 1026 году во время раздела Руси. Мстислав не только присоединил к своим тмутараканским владениям Черниговское княжество, но и помог получить уделы своим братьям: Брячиславу — Переяславское княжество, Судиславу — Ростово-Суздальское. Основание Судиславля произошло в период между 1026 и 1036 годами. Построением города в честь своего имени Судислав, следуя примеру старших братьев, закрепил память о военном успехе. Военного успеха, давшего толчок

к основанию городов, русы добились в 1032 году, поэтому основание Судиславля следует приурочить к 1033 году.

В договорённостях 1033 года, когда были перераспределены уделы, упоминался Овруч. Овруч был древлянской столицей и стольным городом Святослава, старшего сводного брата Судислава. Судислав, будучи Владимировичем и имея родовые права на древлянские земли, в 1033 году дополнительно получил Древлянское княжество в награду за участие в польском походе.

В 1033 году до междоусобицы дело не дошло, и братья переделили Русь мирно. Но править новыми владениями Судиславу пришлось недолго. Через три года в возрасте 41 года он попал в заключение и скончался в 68 лет.

Брячислав

В летописях Брячислав причисляется к сыновьям Изяслава Владимировича. В старших летописях кончина Изяслава отнесена к 6509 году, что даёт 1001 год по «эре –5508 года» или 1003 год по «эре –5506 года». (18, 58) Родился он после того, как Владимир Святой захватил Полоцк и сделал Рогнеду, мать Изяслава, своей наложницей.

Владимир Святой летом 980 года расправился со своим старшим братом Ярополком, а 11 июля взошёл на великокняжеский престол. Полоцк был захвачен до этих событий во время движения войск Владимира из Новгорода к Киеву. Рогнеда стала наложницей в июне 980 года, и Изяслав появился на свет не ранее марта 981 года. Первенец у него мог появиться не ранее 1000 года.

Ещё одним сыном Изяслава считался Всеслав, скончавшийся через год после смерти отца — в 1003 или 1005 году. (18, 58) Всеславу было бы на момент смерти не более пяти лет. Судьба малолетних детей, не успевших ничем себя проявить на исторической арене, летописцев не интересовала. Всеслав не мог быть сыном Изяслава, а принадлежал к одному с ним поколению. Татищев нашёл более пространную запись о кончине князя:

«6511 (1003). Преставися **Всеслав**, сын Изяслава полоцкого, внук Владимиров. Бысть сей князь **кроток и милостив**, укланяся всех суетных, **изучен писанию**. Того же лета был урожай и умножение всяких жит и плодов земных». (25, 69)

Перед нами взрослый человек, отличавшийся набожностью и грамотностью. В биографии Изяслава имеется недостоверность.

Если бы Брячислав был сыном Изяслава, то во время нападения на Новгород ему было бы не более 22 лет. Претензии молодого князя на город, бывший вторым по значению городом Руси, при жизни более старших Мстислава и Судислава маловероятны.

В саге об Эймунде приведена такая речь её главного героя:

«Я слышал о смерти **Вальдамара** конунга с востока из Гардарики (Руси. — В. Т.), и эти владения держат теперь **трое сыновей** его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем тем двум. И зовётся Бурицлав тот, кто получил большую долю отцовского наследия, и он — старший из них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего **Вартилав**. Бурицлав держит Кэнугард (Киев. — В. Т.), а это — лучшее княжество во всём Гардарики. Ярицлейв держит Хольмгард (Новгород. — В. Т.), а третий — **Палтескью** (Полоцк. — В. Т.) и всю область, что сюда принадлежит». (5, 106)

После смерти Вальдамара, то есть Владимира Святого, правителями Руси стали три его сына. Святополку достался Киев, Ярославу — Новгород, Брячиславу-Вартилаву — Полоцк. В «Житии великого князя Владимира, в святом крещении Василия» Брячислав также причислен к сыновьям Владимира:

«Первым делом велел **Владимир** крестить **сыновей** своих, которых у него было двенадцать от различных жен: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода — от Рогнеды, княжны полотской; Святополка — от гречанки, жены брата; Вышеслава от чешской княжны; Святослава и Станислава — от другой чешки; Бориса и Глеба — от болгарки; **Брячислава и Судислава** — от какой-то другой жены». (7, 20)

Составитель жития не знал матери Брячислава и помещал его в число наиболее младших Владимировичей. Карамзин подметил, что в житии Владимира сообщается о том, что Луцк был отдан Владимирову сыну Брячиславу. Между тем, согласно поздним летописям, Луцк был вотчиной Позвизда. Ян Длугош писал о том, что младшие Владимировичи — Станислав, Позвизд и Судислав — получили княжение киевское и берестовское. (10, примеч. I, 467) Берестье, как и Луцк, лежало на западных рубежах Руси.

Имена Станислав и Судислав обозначают одного и того же Владимировича, княжившего в лежавшем в западнорусских землях Смоленске. Берестье лежало в Туровском княжестве, переданном в 1033 году Мстиславу. Киевское княжество должен был получить Позвизд. В старших летописях в перечне Владимировичей перед Судиславом назван Позвизд. Обстоятельства жизни Брячислава и Позвизда сходны.

В «Житии Владимира» упоминается славянский бог Позвизд:

«Владимир же поставил в Киеве следующие главные идолы: первый, самый главный идол — Перун, который считался богом грома, второй — Волос, считавшийся богом скотов, третий — Позвизд, или Вихор, бог воздуха».
(7, 15)

Бог бури имел «шумящее» имя, родственное слову «звиздати» — «звенеть, свистеть». Имя Брячислав также «шумящее» и означает «бряцать (звенеть) славой». Позвизд и Брячислав — разные варианты одного имени в честь многоимённого славянского бога Стрибога. В старших летописях уцелело только имя Позвизд, которое летописцы приняли за обозначение иного Владимировича.

В Тверской летописи за Судиславом следует Болеслав. Между тем в списках Владимировичей в старших летописях и у Татищева в паре с Судиславом стоит Позвизд-Брячислав. Имя Болеслав Тверской летописи является вариантом имени Брячислав. Болеслав Великий в сагах звался Буриславом, так что имя Болеслав считалось разновидностью именования бога бури, что облегчило переименование имени Брячислава. За исключением редких реликтов имя Брячислав в рукописях

было уничтожено. Хождение имели имена-заменители сына Рогнеды, так как цензоры не догадывались об их принадлежности Брячиславу.

Брячислав-Позвизд либо замыкает перечень Владимировичей, либо стоит предпоследним перед Судиславом, но после Станислава. В войне 1024 года Брячислав сражался под знамёнами Мстислава. Из этого вроде бы следует, что Брячислав был младше Мстислава и примерно одного возраста с Судиславом.

По разделу Руси в 1026 году Брячиславу досталось более престижное, нежели Черниговское, Переяславское княжество. В саге об Эймунде в описании усобицы Владимировичей Мстислав не упоминается, хотя обстоятельства битвы под Лиственном создателям саг были известны. Из этого следует, что Брячислав был в числе предводителей мятежа против Ярослава и только истребление известий о нём сделало Мстислава единственным князем, воевавшим с Ярославом.

Во время войны против Ярослава Брячислав был старше и, следовательно, знатнее Мстислава. Но Брячислав был изгоем, имевшим хотя и отборную, но небольшую личную дружину. Основные военные силы были собраны Мстиславом. Скандинавские воины Брячислава игнорировали участие в походах его младшего брата. Но для русских летописцев Мстислав был главным противником Ярослава.

Мстислав родился в 989 году, Судислав — в 995-м. Брячислав родился в 988 году или ранее, то есть за семь или более лет до рождения Судислава. Рождение Брячислава, судя по всему, было помечено тем же годом, что и рождение Судислава, и поэтому летописцы путались в старшинстве этих двух Владимировичей, так как считали их родившимися в один год.

Даты рождения князей могли выглядеть одинаково при использовании разных эр. Исходя из старшинства Брячислава над Мстиславом возможны два варианта: 6503 год с «эрой –5508 года» для Судислава и тот же 6503 год, но с «эрой –5516 года» для Брячислава либо 6501 год с «эрой –5506 года» и «эрой –5516 года». Брячислав родился в 987 или в 985 году.

После участия русов в византийско-болгарской войне лета 986 года они по осени отправили в Константинополь посольство. Послы вели

переговоры о свадьбе великого князя и византийской царевны, результатом которых стал приезд на Русь по весне следующего года псевдо-Анны. (2, 388) Сватовство означает, что разрыв Владимира с Рогнедой произошел до лета 986 года. Поэтому рождение Брячислава следует отнести к 985 году.

Объявив Брячислава сыном Изяслава, киевские летописцы сделали его моложе на целое поколение. Такое омоложение делало претензии Брячислава и его сына Всеслава на великое княжение противоречащими традиционным представлениям о старшинстве. Полоцкие князья якобы воевали со своими дядьями, тогда как на самом деле спор шёл между представителями одного поколения Рюриковичей.

Искажение биографии Брячислава шло в два этапа. Вначале летописцы выбрали из датировок его рождения дату с редкой для того времени «эрой –5516 года», которая позволяла представить Брячислава одним из самых младших Владимировичей. Затем этого показалось мало, и его вычеркнули из списка сыновей Владимира Святого.

Луцк был городом Волынской земли. При наделении Владимировичей уделами Волынь была отдана Всеволоду, чьим стольным городом был Владимир-Волынский. Волынская земля перешла к Брячиславу после кончины Всеволода. Согласно данным скандинавских саг, русский князь Всеволод погиб в Швеции в 995 году. (4, 211) Согласно летописным данным, Всеволод-Всеслав умер в 6511 году. Скандинавская дата соответствует русскому известию в случае использования летописцем «эры –5516 года», бытовавшей, судя по всему, в Полоцке. Брячислав стал совершеннолетним в 1003 году и должен был получить удел. Дата кончины Всеволода, внешне выглядевшая так же, как и дата совершеннолетия Брячислава, является реликтом рассказа о наделении Брячислава Волынским княжеством, которым ранее владел Всеволод.

Былой рассказ о наделении Брячислава уделом был датирован по «эре –5508 года». Смежные сообщения о кончине его родственников — брата Изяслава и матери Рогнеды — следует датировать этой же эрой, соответственно 1001 и 1000 годами.

Во время междоусобицы старших братьев Брячислав перешёл на сторону Святополка и получил от него Переяславское княжество. Победивший Ярослав после бегства Святополка из страны отобрал это княжество, и Брячиславу пришлось довольствоваться Полоцком, которым ранее владели его старший брат и дед по матери.

В 1022 году, будучи среди Владимировичей вторым по старшинству после Ярослава, Брячислав попытался овладеть Новгородом. Его претензии основывались на традиционном праве и встретили сочувствие у части горожан. Потерпев поражение, Брячислав вступил в союз с Мстиславом. Соединёнными усилиями братья разгромили армию Ярослава.

Мстислав, руководствуясь традицией, добровольно уступил Киев Брячиславу как старшему брату. Скальду об этом было известно, но в саге предложение отдать Брячиславу Киев было приписано Ингигерд, якобы сопровождавшей мужа в военном походе и попавшей в плен. Между тем на Руси княгини обычно в военных походах не участвовали.

Далее, согласно саге, события развивались так:

*«На такой договор и раздел княжеств согласился весь народ в стране и подтвердил его. Эймунд конунг и Ингигерд должны были решать все трудные дела. И все поехали домой по своим княжествам. **Вартилава** конунг **прожил** не дольше **трёх зим**, заболел и умер. Это был конунг, которого любили как нельзя больше. После него принял власть Ярицлейв и правил с тех пор один обоими княжествами. А Эймунд конунг правил своими и не дожил до старости».* (5, 119)

Брячислав был великим князем киевским с мая 1024 года по весну или лето 1026 года, то есть около двух лет. При включительном счёте лет срок его правления насчитывал три года. Уйдя в Киев, Брячислав оставил своим наместником в Полоцке Эймунда. Косвенное подтверждение длительного пребывания Брячислава в Киеве находим в описании событий киевского мятежа 6575 (1067) года:

*«И идоша с веча **на гору**, и приидоша на двор Коснячков, и не обретше его, и стаиша у **двора Брячиславля**, и реша: "Поидем, высадим дружыну ис погребя"».* (18, 72)

После поражения русских князей от половцев киевляне изгнали великого князя Изяслава Ярославича, возведя на престол Всеслава Брячиславовича. Всеслав до этого находился в заточении, из которого его освободили восставшие. В летописи описано начало мятежа. Вече собралось на Подоле. Затем его участники поднялись в град, где попытались расправиться с воеводой Константином. Двор Брячислава находился в граде, и здесь были заточены дружинники Всеслава. Наличие в граде двора Брячислава, который через много лет продолжал принадлежать Полоцку, говорит о том, что подворье было построено Брячиславом во время его проживания в Киеве и оставалось во владении полоцких князей.

Истребление известий о великом княжении Брячислава лишало его потомков важных аргументов в споре за киевский престол. Полоцкие князья превращались в захудалую ветвь Рюриковичей, из которых только Всеслав Брячиславович дотянулся до великокняжеского стола.

Сага об Эймунде была включена в состав саги об Олаве Святом. Она повествовала о жизни скандинавов на Руси в эпоху, близкую к пребыванию там Олава. Сага была своеобразной иллюстрацией загадочной Гардарики, где нашли приют Олав и его сын Магнус. Жизнь мудрого и храброго Эймунда, благодаря которому вершились основные события русской истории, объясняла то уважение, которым пользовался святой конунг при дворе Ярослава.

В саге специально говорится о большой дружбе между беглецом Олавом и жившими на Руси скандинавами, такими как Рагнвальд Ульвсон и Ингигерд. Эймунд в их число не попал. Это означает, что он не дожил до приезда Олава и скончался до 1029 года.

Брячислав ожидал схватки с Ярославом и должен был в 1026 году держать скандинавских наёмников при себе в Киеве, а не в удалённом Полоцке. Его мнимые похороны скальдом, сразу же по изгнании из Киева в 1026 году, говорят о том, что норвежцы не последовали за Брячиславом, а в очередной раз перебежали на сторону более сильного противника.

Во время заключения мира у Городца младшие Владимировичи согласились с тем, что Ярослав будет великим князем киевским, но вы-

говорили себе уделы. Брячислав получил Переяславское княжество, Мстислав — Черниговское, Судислав — Ростово-Суздальское. Ярослав уступил принадлежавшее ему Ростово-Суздальское княжество, но взамен получил все земли, лежавшие к западу от Днепра, включая Смоленское и Полоцкое княжества. Судя по данным саги, Эймунд оставался наместником Полоцка и после событий 1026 года.

После кончины Мстислава Ярославу удалось захватить Судислава и посадить в тюрьму. Владения Мстислава и Судислава вернулись под его руку. Брячислав остался один на один с Ярославом. Под 6552 годом в Радзивиловской летописи читаем:

«В то же лето умре Брячислав, сын Изяславль, внук Володимир, отец Всеславов, и Всеслав сын его, седе на столе его». (18, 67)

Кончина Брячислава по «эре –5508 года» соответствует 1044 году. Брячислав до конца своих дней оставался врагом Ярослава. Ярослав вряд ли стал бы терпеть восемь лет существование независимого враждебного правителя в таком важном для страны княжестве, как Переяславское. Из Переяславля осуществлялся контроль за речным торговым путём по Днепру и за сухопутными, ведущими в сторону Крыма и Приазовья. Брячислав, получив известия о кончине Мстислава и заключении Судислава, понимал, что Ярослав его в покое не оставит. Но в предшествующий 1044 году период междоусобные войны неизвестны.

Под 6544 годом в Радзивиловской летописи помещён такой рассказ:

«Ярославу же суиу в Новегороде, весть прииде к нему, яко печенези остоят Киев. Ярослав собра вои многы, варяги, словене, и прииде к Киеву, и вниде в град свои, и бе печенези бес числа.

Ярослав же выступи из града, и исполчи дружину, и постави варяги посреде, на правой стороне кияне, а на левом крыле новгородци. И сташи пред градом. Печенези почаша приступати, и ступишася на месте, идеже есть ныне святая Софья, митрополя руская: бе бо тогда поле вне града.

И бысть сеча зла, и одоле к вечеру Ярослав. И побегоша печенези розно, и не ведяху, камо бежеще, ови бежаще тоняху в Сетолми, а иные во иных реках, и прок их пробегоша и до сего дни». (18, 65)

Пока Ярослав на севере присоединял к своим владениям Ростово-Суздальское княжество, на Киев напали печенеги. Это был не рядовой набег. Кочевники держали город в осаде до тех пор, пока Ярослав не вернулся с войсками. Сходный рассказ под тем же 6544 годом есть в Тверской летописи:

*«Того же лета приидоша печенези на Киев. Великому же князю Ярославу суущу в Новгороде, прииде ему вестъ, яко печенези **обстоят Киев**. Великий же князь Ярослав, собрав воя многы, варягы и словяни, прииде к Киеву **весне**, и внииде в град свой. И печенег бес числа виде, великий же князь Ярослав выступи из града, исполни воя своя, и поставы варягы посреде, а на правой стране киани, а на левой стране новгородци, и стаиша пред градом. И печенези почаша приступати, и соступишася на месте, идеже есть ныне святая София, митрополия Русская, бе то тогда поле [вне] града, и бысть сеча зла, и едва к вечеру одоле Ярослав. И побегоша печенези разны, и не ведаху камо бежати стеньху: ови потопляхуся в Сетомли, а инии же во иных реках, а инии мнози избиени, а прок их пробегоша и до сего дне».* (20, 147)

Ярослав подоспел к Киеву с войсками по весне после начала на реках судоходного периода, то есть уже после 1 марта. Перед нами весна 1036 года. До этого он успел захватить в плен Судислава и получить известие об осаде Киева. Мстислав скончался в конце 1035 года.

В 1036 году был последний из известных печенежских натисков на Русь. Далее на летописных страницах появляются новые степные хищники — торки. Уход остатков разбитых печенегов из-под Киева следует связать с печенежским нападением на Византийскую империю в 1036 году.

Татищев под 6544 годом сообщает дополнительные подробности:

*«Ярослав был еше в Новгороде, и пришла ему вестъ, что печенеги обступили Киев. Он же, собрав войско, варяги, словяне и Русь, не медля пришел к Киеву по Днепру и вшед во град. А **войско конное приспело на оную** страну. Он же, **перевесши ночью, ввел оное во град**, а утром рано вывел в поле, устроив варяги посреди, на правой стороне киевляне, а на левом крыле новгородцы, и стали пред градом. Печенеги, видя оное, почали приступать и сступилися*

*на месте, где ныне есть святая София, митрополия русская, бе бо тогда поле вне града. И бысть бой вельми жесток, едва к вечеру Ярослав победи печенег и **разбил их розно**. Они же, бежав от страха, многие в Сутени, Сетомли и во иных реках потонули и весь **обоз оставили русским** на расхисчение». (25, 77–78)*

Новгородцы и варяги приплыли по Днепру на ладьях и вошли в столицу. Конница подошла к Киеву с востока, и её под покровом ночи пришлось переправлять через Днепр. В рассказе заметны произведённые сокращения. Подход конного войска указан, но в описании битвы отмечена одна приплывшая на ладьях новгородская и варяжская пехота. Врагов Ярослав разбил порознь. Между тем указаны одни лишь печенеги. Реликтом описания их союзников является упоминание обоза. Становища кочевников летописцы обычно называли вежами. Обозы были в русской армии.

Построение войск Ярослава характерно для битвы с пешим войском. В чело ставили наиболее боеспособную часть армии, способную проломить строй противника и посеять в его рядах смятение. Для натиска на кочевников, способных легко уйти из-под удара пехоты, такое построение годилось мало. Против кочевников действовали при помощи конницы.

Битва с печенегами у Киева была сходной с битвой с печенегами у Киева в январе 1018 года. Это сходство привело к тому, что некоторые летописцы основание киевского Софийского собора стали ошибочно связывать с более ранней победой. Но в 1018 году печенеги приняли участие в русской междоусобице на стороне Святополка и на Киев нападали как кочевники, так и русские дружинники.

Осада Киева продолжалась более месяца. Для кочевников столь длительные действия с целью захватить хорошо укреплённый город необычны. Иное дело если печенегов привлёк к своему предприятию Брячислав. Для него захват Киева за время отсутствия Ярослава давал шанс выравнять силы. Подход конницы к Киеву со стороны Черниговского княжества говорит о том, что это княжество было уже под контролем Ярослава. Брячислав мог опираться только на военные силы Переяслав-

ского княжества, кочевников и, возможно, на армию удалённого Тмутараканского княжества, до которого Ярославу добраться было сложно.

Рождение Брячислава было датировано по «эре –5516 года». По этой эре Брячислав мог погибнуть в 1036 году, во время схватки при попытке овладеть Киевом. Косвенные свидетельства говорят о том, что Брячислав не стал дожидаться участия Судислава. Вернувшийся с севера Ярослав двинулся бы походом на Переяславль, поэтому Брячислав привлёк на свою сторону печенегов и попытался овладеть Киевом. Киевляне остались верными Ярославу и город не сдали.

Ярослав сумел ночной порой ввести войска в столицу и рано утром обрушиться на лагерь осаждавших. Конница связала силы печенегов, а пешее войско Ярослава сошлось в жестокой сече с дружиной Брячислава. Ярослав одержал победу, а Брячислав погиб в битве. Уничтожая известия о последней междоусобной схватке Владимировичей, летописцы избавляли Ярослава от обвинений в гибели брата.

Кедрин считал, что в 1036 году на Руси власть Мстислава и Ярослава сменилась властью третьего — Зинислава. Хронист полагал, что власть Мстислава и Ярослава сменилась властью Изяслава. Это соответствует действительности, но только Ярослав умер намного позднее Мстислава. В 1036 году на Руси прекратилось правление двух князей — Мстислава и Брячислава, чьё «шумящее» имя вполне могло иметь бытовавший на русской почве вариант *Звенислав*, переданный византийскими писателями в форме *Зинислав*.

У информатора Кедрина первоначально сообщалось о смене на Руси триумvirата единовластием Ярослава за счёт отстранения от власти двух князей. Но сходство имён *Зинислав* и *Изяслав* привело к мысли о том, что речь идёт о последовавшем за кончиной Ярослава вокняжении Изяслава, поэтому первоначальная последовательность имён была изменена.

После гибели Брячислава весной 1036 года из Владимировичей помимо Ярослава оставался один только заключённый в темницу Судислав. Оспаривать власть Ярослава стало некому, и летописцы отметили начало его самодержавного правления.

Змиево знамение

После раздела Руси в 1026 году между Владимировичами в летописях отмечено три мирных года. Через год после раздела в Радзивилловской летописи упоминается небесное знамение:

«В лето 6536. Знамение змиево на небеси, яко видети всеи земли».
(18, 64)

Ещё через год произошла русско-польская война 1032 года. Если вести отсчёт от времени раздела Руси, знамение произошло в 1028 году, если от времени войны — в 1030 году. Знамение датировано или по «эре –5508 года», или по «эре –5506 года».

В Лаврентьевской летописи сообщение о знамении повторено, а в Ипатьевской — отсутствует. В Синодальном списке Новгородской первой летописи старшего извода знамение также датировано 6536 годом. В Тверской летописи знамение отнесено к 6535 году, а известие о рождении Святослава Ярославича, аналогичное сведениям статьи 6535 года старших летописей, включено в предшествующую статью. В Типографской летописи рассказ о знамении включён в состав более ранней, нежели в старших летописях, статьи.

Старшие летописи относят знамение к 6536 году, младшие иногда — к 6535 году, в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского оно датируется 6534 годом. (16, 52) Мы имеем расхождения в один и два года, возможные при использовании «эры –5508 года», «эры –5507 года» и «эры –5506 года». Знамение следует отнести на 1028 год. В старших летописях оно датировано по «эре –5508 года».

Обычно змиево знамение отождествляют с полярным сиянием. Но во встречающихся в летописях описаниях полярных сияний змии не упоминаются. Полярные сияния отождествлялись с небесным воинством, пожаром или течением неба, огненными столбами, лучами, копьями. (22, 262–267)

Затмения Луны и Солнца со змием в русских летописях также не связывались. Обычно летописцы говорили о гибели светил и о том, что они померкли. (22, 144–163) Только в двух случаях, в статьях 6572

и 6623 годов, было сказано, что Солнце «снедаемо», то есть съедаемо, хотя и не указано кем. В статье 6572 года описание кометы Галлея дало повод к перечислению иных удивительных небесных явлений. Радзивилловская летопись:

*«Пред сим бо временем и **Солнце** пременися и не бысть светло, но **аки Месяц** бысть, его же неведгласи глаголют **снедаему** сущу. Се же бывають сице знаменья не на добро».* (18, 70)

Наибольшее сближение с Землёй у кометы Галлея было 20 марта 1066 года. (22, 214) Статья датирована по «эре –5506 года». Ближайшие по времени к появлению кометы затмения были 22 сентября 1066 года и 19 апреля 1064 года. Выражение «*пред сим бо временем*» обычно понимают как указание на более раннее и к тому же более полное затмение 1064 года. Но сообщение о затмении стоит не после сообщения о комете, а далее по тексту — после рассказа о выловленном в реке Сетомли человеческом уродце. Трагичность сообщению придавала близость во времени самых разных знамений. Отделённое двумя годами затмение не соответствует логике построения данного сообщения, поэтому упоминаемое здесь затмение произошло 22 сентября 1066 года.

В статье 6623 года в Ипатьевской летописи записано:

*«В се же лето бысть знамение. Погибе Солнце и бысть яко Месяц. Его же глаголят неведгласи **снедаемо Солнце**. В се же лето **преставися Олег** Святославич месяца августа».* (9, 282)

В 1115 году солнечное затмение было 23 июля, а Олег Святославич скончался 18 августа. За образец для написания сообщения был взят рассказ о затмении 1066 года.

Татищев связывал похитителя Солнца со змием и при этом ссылался на верования калмыков. Будучи губернатором Астрахани, он познакомился с калмыцкой культурой и решил использовать калмыцкие мифы для объяснения русской истории. Но догадка его была неудачной. На Руси похитителем светил считался оборотень-волкодлак. Д. О. Святский:

«**Татищев**, основываясь на суеверии китайцев и калмыков, единственно известном ему, **вставил** в пояснение текста: "**от змия**", чего в действительности там **не было**. В рукописи Татищева, хранящейся в библиотеке Императорской Академии наук, **этих слов нет** (стр. 188). На Руси же роль драконов **во время затмений** играли волкулаки, или **волкодлаки**. Волкодлак по словарю Даля (от слов: волк и кудла — волчья шерсть) — это оборотень, человек, обращённый в волка, который затем оборачивается в собаку, кошку, страшилище, в куст, пенёк.

В Кормчей книге находим следующее место: "Облаки-гонеште и от селян волкодлаки нарицаются. Егда убо погыбнет Луна или Солнце — глаголют: **волкодлаки Луну изъедоша или Солнце**. Си же вся басни и лжа суть"». (22, 40–42)

О крылатых волкодлаках, проглатывающих Солнце, есть упоминания в фольклоре разных славянских народов. (22, 41) Незнакомый с этими сведениями, Татищев повторил свою догадку насчёт змия в сходном рассказе о затмении 1115 года.

Кометы обычно именовались хвостатыми звёздами, и около 1028 года их не было. Со змием в летописных сказаниях связывалось только одно небесное явление — падение метеоритов. В Радзивиловской летописи в статье 6599 года читаем:

«В се же лето знамение в **Солнцѣ**, яко **погибнути** ему и мало ся его оста, аки Месяцъ бысть, в 2 часа дни, месяца **маия 21**. В се же лето **Всеволоду** ловы деющу **зверинья** за Вышегородом, заматавшие теньята и кличаном кликнувшим, спаде **змии превелик** от небеси, и ужасошася людие. В се же время и **земля стукну**, яко мнози слышаша. В се же лето **волхов** явися в Ростове, иже вскоре **погибе**». (18, 86)

Солнечное затмение было 21 мая 1091 года. Статья датирована по «эре –5508 года». Звук от удара достигшего земной поверхности метеорита был услышан многими. Приведём подборку о летописных змеях-метеоритах Д. О. Святского:

«В Ипатьевской летописи под **6652** годом читаем: "Бысть знамение за Днепром, в Киевской волости: летящую по небеси до земля **яко кругу огнену**,

и остася **по следу его знамение в образе змея великаго**, и стоя по небу с час дневный, и разидеся"...

Метеорит 1144 г., по-видимому, был **так велик**, что ясно был **заметен его диск** ("яко кругу огнену"). Явление происходило днём, причём после полёта на небе долго стояла **змееобразная полоса — его след**...

В Новгородской I летописи под 6722 г. читаем: "Месяца февраля в 1 день, в неделю сыропустную, **гром бысть** по заутрени, и вси слышаша, и **потом** тогда же **змеи видеша летящ**"...

В Никоновской и других летописях под 6920 г. читаем: "Тое же зимы, месяца **декабря** в 8 день, бывиу князю Василью Михайловичу на праздник святаго Зачатия в своем селе в Стражневе, и **поющим им вечерню** уже по прокимне. И в то время полете от града от Кашина **змий велик** зело и страшен, **дыша огнем**, и летяще от востока к западу, к некоему озеру, **аки заря светися**, и виде его князь Василей Михайлович и его бояре и вси людие и по всем селом около города; и видеша его вси во един час".

Появление метеора 8 декабря 1411 г., вероятно, произошло около 4 часов вечера, когда уже были зимние сумерки и горела вечерняя заря, с которой и сравнивается окраска метеора...

В Псковской I летописи под 7064 г. читаем: "Того же лета, Госпожина дни заговенья, **бысть знамение: того места, где звезда (комета 1556 года. — В. Т.) была на небеси, явися яко змий образом**, без главы стояше стан недалеко от земли на небеси, и зрящим людем, ино яко хобот хвост сбираше, и **бысть яко бочка, и спаде на землю огнем**, и **бысть яко дым по земли, и подняю; а стояше час**"...

В Казанском летописце, в рассказах и описаниях, предшествующих взятию Казани, приводится поверье, связанное с "Бесовским городищем" — молищем древних болгар, в котором, по народному поверью, обитал бес. Однажды после полудня "по мале часе явися дым черн и велик из нутра града, из мечети, на воздух сеи **излете змии огнян** и на запад полете, всем нам зрящим и чюдящимся, и невидим **бысть из очию нашею**".

Метеор наблюдался, быть может, в стане Грозного, расположившегося под Казанью, причём казалось, что "змий" вылетел из городской мечети. В летописи имеется старинный рисунок, представляющий собою **полёт дракона, дышащего огнём**, из мечети над изумлёнными зрителями». (22, 243–249)

Во всех случаях полёт небесного змия происходил уже после падения метеорита. В 1144 году метеор, в котором различался диск крупного метеорита, пролетел, а после его пролёта остался след в виде змея, который был виден в течение часа. В 1214 году люди сначала слышали звук падения метеорита, а уже затем увидели полёт змия. Метеор не был увиден из-за того, что все были в церкви на заутренней. В 1412 году князь Василий Михайлович находился в церкви, где проходила вечерняя служба. То, что он и его бояре прервали службу и увидели полёт змия, можно объяснить услышанным ими грохотом от падения метеорита. Они наблюдали светящийся небесный след, который передвигался в западном направлении. В казанском рассказе шум от падения не описан. В месте падения метеорита поднялся столб дыма, а затем по небу полетел светящийся след.

Наиболее подробен рассказ о выпадении роя метеоритов 29 ноября 1662 года в районе Кирилло-Белозерского монастыря. В показаниях попа Иванище читаем:

«В нынешнем, государи, во 171-м году ноября в 29 день в субботу, по захождении Солнца, у нас в селе, на Новой Ерге и в деревнях многие люди видели на небесах знамение страшно: только лишь Солнце зашло и от того места солнечного запада аки звезда велика, долга скоро вышла и показалася по небу аки бы молния, небо надвое раздвоилось, скоростию аки молния, стояла кабы полчася, а свет неизречен аки огонь, и многие видели в том свете выспрь в темя человеку зрак велик. Глава и очи и руце растянуты, и перси и нозе, а весь огнен. А мразь (мрак. — В. Т.), государи, в то время велик был и чисто на воздухе, и тихо. И потом аки облак стал мутен невелик на том месте, где зрак был. А небо аки затворилось и огонь на землю падал по многим дворам, и на путях, и по хоромам, аки кудели горя и люди от него бегали, а он катается за ними, а никого не ожог, а потом поднялся вверх во облак и в том облаке стал шум и дым, яко гром или яко глагол ведий, страшен, надолго, кабы земля тряслась и хоромы тряслись и многие люди от ужаса на землю падали. А скотина всякая в кучу метались и рот зажали за кормом и главы на небо подняли и брычат, коя как умеет. И потом камение падали с великою яростию великое и малое горячее, а иное с жару рвало, а огонь пожирал, госуда-

ри, людей и скота. На полях и на улицах пало, а на дворах еще Бог помиловал милостию своею. А потому знати, что падало горячее — в снегу около оттаивало, от иных, кои больше и в землю уходили и вмерзло». (22, 251)

Святский так охарактеризовал метеор 1662 года:

«Из обстоятельств описания "попа Иванища" видно, что аэролит показался на юго-западном небосклоне около 4 часов вечера **и разорвался со страшной силой** на множество осколков, выпавших целым **каменным дождём**. Неудивительно, что такой дождь камней причинил многим вред в селении Новой Ерге. Явление было настолько грозно, что привело в ужас даже животных. По-видимому, в воздухе последовали также разряды электричества в виде **огней св. Эльма или шаровых молний**... Электрические разряды во время падения метеоритов, по-видимому, бывают. Так, например, во время падения в 1892 г. аэролита в Мадриде горевшее в домах **электричество гасло, потом снова зажигалось**». (22, 252–253)

Вначале небо было расколото надвое огненным метеором. Затем с полчаса был виден видоизменяющийся огненный след метеора. Метеорит взорвался в воздухе. Наиболее крупные его куски сотрясли землю, мелкие — дождём высыпали на снег. Кроме камней беды жителям села принесли огни. Огни св. Эльма катались, не причиняя вреда, но зато шаровые молнии убивали людей и скот.

Иванище находился в эпицентре событий, и след от падения виделся ему в виде человека, судя по упоминанию персей-грудей, женщины. Огненный столб имел отростки, которые казались удлинёнными руками, головами, ногами, грудями. В удалённом от места событий Кирилло-Белозерском монастыре эти детали уже не различались, и тамошним наблюдателям огненный след представлялся в традиционном виде змия:

«И того ж числа, и в то ж время, по захождению Солнца, над самым Кириловым монастырем, многие люди видели на небеси знамя, от чего почалось: вышла аки **звезда** и скоростью покатилась **по небу вниз, и не дошед до земли** стало аки нечто **руно великое**, и из него яко молния **зинул огонь** зело червлен, не тако яко zde огонь, и на большем и малом монастырех церкви и кельи, и в остроге хоромы и город, и места **все осветило**. И из того места стал

*яко **облак мутен**, и протяжеса от него по небу яко **змей великий**, голова во **огни**, и пошел из него дым, и учал в нем быть шум яко гром, или нечто глагол велик и страшен зело. А каменя над Кириловым монастырем никакого не было, и огонь на землю не пал, шел чрез монастырь. И то зная, стояв облаком мутным, долг час миновалось». (22, 252)*

Здесь более чётко описан взрыв метеорита в атмосфере. На месте взрыва появился «*в темя человеку зрак велик*», определённый и как «*руно великое*». Руном звали шерсть, состриженную с целой овцы. Образовавшееся в пламени взрыва ядро особой яркости имело округлую ватообразную форму. Это ядро сравнивали с глазом или большим комком шерсти. После вспышки света, затопившего всю окрестность, ядро было окутано дымообразным облаком, а затем из него выплеснулась мощная змееобразная огненная струя. Эта струя, в свою очередь, также стала окутываться дымкой. Небесное явление продолжалось больше часа.

Существование огненного змея продолжалось значительное время, что не позволяет объяснить феномен сгоранием в атмосфере метеоритных частиц. Природа вознесшегося в небеса змея та же, что и природа выплеснувшихся из огненного глаза на землю огней.

На месте взрыва возникла гигантская шаровая молния, из которой в разные стороны отходили плазменные протуберанцы. Бывшему поблизости Иванище этот огненный паук показался сходным с человеческой фигурой. Издали был виден только протуберанец, направленный вверх, и поэтому он был отождествлён со змеем.

Повторяемость картины в разных описаниях говорит о том, что замечаемый издали вертикальный столб плазмы либо образовывался во время падения горящего метеорита, либо распространялся в атмосфере по каналу, оставленному метеоритом после его взрыва. Далее этот столб отрывался от центрально ядра и в виде змееобразной шаровой молнии уносился ветром. Более мелкие выплески плазмы делали его похожим на многоногое, многоголовое косматое чудовище.

Змиево знамение представляет собой остаточные атмосферные явления, вызванные прохождением и взрывом крупного метеорита. По-

добно современному самолёту этот сгусток плазмы оставлял за собой дымообразный след, который воспринимался наблюдателями как изрыгаемый огненным драконом дым, а стекавшие с основного сгустка молниеобразные разряды — как огненные стрелы.

Змиево знамение 1091 года позднейшими книжниками воспринималось как божественное осуждение охоты как светской забавы. В «Книге степенной царского родословия» сообщение дополнено нравоучительными рассуждениями:

*«И от таковыя **ловы** деюще за Вышеградом, в лето **6596**, и заметавшим тенета на зайцы и людем кликнувшим, Бог же милосердием своим возбраняя любящим его таковое безчинство и в той час показа чудо ужасно. Повеле Бог спасти с **небеси змию** зело велику, всем людем зрящим и ужасающимся сего же тогда змия на ся с небеси спадения. И самая земля не стерпе, но яко от грома тресновена бысть и толико **сильно стукну** земля и стонаша вельми яко мнози людие, сие стонание слышаши, и сугубо ужасошася и недоумевающеся что сотворити, но со страхом одержими разыдошася».* (22, 258–259)

Назидательный характер летописного сообщения 1091 года признавал Татищев:

«Сие есть басня, вымышленная для удержания государей от охоты псовой, как то и Никон в возражение царю Алексею Михайловичу и Симеон Полоцкий в поучении сию басню в пример приводили». (22, 241)

В Ярославову эпоху охота ещё не воспринималась как нарушение религиозной морали. Церковный устав Илариона даёт представление о бытовых прегрешениях, которые заботили священников, и на их фоне охота выглядит вполне невинным развлечением. Сцены охоты украшали киевский Софийский собор. Гораздо позднее, когда религиозная регламентация была достигла в Московской Руси апогея, древнее сообщение было использовано в воспитательных целях.

В летописании домонгольской эпохи есть записи только о единичных случаях солнечных затмений, несмотря на то что это были самые впечатляющие небесные явления. Между тем видимых на территории Руси солнечных затмений начиная с середины X века насчитывается

около полутора сотен. (22, 602–603) В каждом отдельно взятом городе их, конечно, было гораздо меньше. Но тем не менее заметно, что летописные записи отражают далеко не все затмения, видимые в центрах летописания того времени.

При составлении летописных сводов часть известий о затмениях и иных небесных явлениях из-за их исторической малоценности в глазах сводчика была опущена. Примером этого служит исключение известия о змиевом знамении 1028 года редактором Ипатьевской летописи.

Лаконичность большинства ранних летописных записей следует объяснить неоднократным жёстким отбором в ходе формирования летописных сводов. Это относится и к сведениям о затмениях. При этом, как мы видим по затмению 1066 года, не всегда полнота затмения играла определяющую роль. Затмение 1064 года было более полным. Но для летописца более важным стало выпадение на один год затмения, кометы Галлея, появление человеческого уродца, предвещавших усобицы и нашествия кочевников. Здесь же говорилось о захвате Всеславом Брячиславичем Новгорода, а Ростиславом Владимировичем Тмутаракани.

После сообщений о комете и затмении летописец дважды указывает на пагубность этих событий. Сделав исторический экскурс по древним знамениям, он подытоживает:

*«Знамения бо в небеси, или звездах, или в Солнцѣ, или птицами, или етером (другие. — В. Т.) чим, не благо бывают, но знамения сица зло бывают, ли проявление **рати**, ли **гладу**, ли **смерть** проявляют».* (18, 71)

Знамения воспринимались как воля Божья и предвещали войны, голод, смерть. В случаях, когда после знамений не происходило никакого несчастья, считалось, что они относятся к иным землям. Такие знамения, какими бы впечатляющими они внешне ни были, не представляли для летописца особого интереса. Они либо не заносились в летописи, либо вычеркивались при последующих сокращениях и переработках. Только много позднее летописцы стали интересоваться выдающимися природными явлениями вне их связи с мистическими силами.

Так, солнечное затмение 1091 года стоит в связи с явлением языческого волхва в Ростове и его гибелью; затмение 1106 года — со смертью киевского тысяцкого Яна, жены Владимира Мономаха, набегами половцев; 1113 года — со смертью великого князя Святополка Изяславича, 1115 года — со смертью князя Олега Святославича, 1122 года — со смертью епископа Амфилохия и пленением Володаря поляками; 1146 года — с междоусобицей, смертью князя Ивана Юрьевича и монахини Марины, дочери Владимира Мономаха; 1147 года — с убийством Игоря Ольговича; 1162 года — с междоусобицей и смертью ряда князей; 1185 года — с неудачным походом Игоря Святославича на половцев; 1187 года — со взятием Иерусалима мусульманами; 1207 года — с междоусобицей; 1230 года — со смертью ростовского епископа Кирилла и разрушительным землетрясением.

В новгородском летописании начиная с 1124 года уже появляются известия о затмениях вне связи с обрушившимися после них бедствиями.

Магическая связь затмений и Божьей воли, которую можно смягчить молитвами, прослеживается в статье 6714 года:

*«Тое же зимы бысть знаменье на небеси в **Солнцѣ** месяца февраля в 28 день в среду сырное недели и стоя от полудни до мѣфимона (вечерней службы. — В. Т.) остало бо ся его бяшы **акы** **месяцъ** в настатѣи 1-го дне. Мнози бо верни чловеци зряци моляхуся Богу, дабы **Богъ** **обратилъ** **знаменье то на добро**. Того же дне и Константин князь приехал из Новагорода к отцю своему сретюша и на реце Шедашце вся братья его: Георгии, Ярослав, Володимер, Святослав, Иоанн; и вси мужи отца его и горожане вси от мала и до велика. И братья его видевше с радостью поклонишася ему и целоваше и любезно вси людье, и въехаша в град Володимер и поклонися отцю своему Костянтин. Отецъ же его, встав, обум (обнял. — В. Т.) и **целова** любезно и **с радостію** великою **яко** **Иаковъ** патриарх **Иосифа** Прекрасного виде». (12, 428–429)*

Владимирцам, в отличие от жителей иных княжеств, затмение благодаря молитвам не принесло бед, и годовая статья заканчивается радостным описанием встречи отца и сына.

Во время затмения 1230 года киевляне были уstraшены небесными явлениями, но их молитвы отвели Божье наказание от Киева:

*«Того месяца (мая. — В. Т.) в 14 день во вторник в 3-й недели по Пасхе. Второе в год **Солнце нача погыбать**. Зряци всем людем — мало остана его и бысть аки Месяц...*

*Того же дни и часа бысть тако и **того грознее** в Кыеве. Всем зряцим — бывши Солнцу Месяцем явишася **столпове** черлени (красные. — В. Т.), зелени, сини оба полы (по обе стороны. — В. Т.) Солнца. Таче сниде **огнь с небеси аки облак** велик над ручаи Лыбедь. Людем всем отчаявшимся своего житья, **мняще уже кончину** суццю, целующе друг друга, прощение имаху, плачюще горько, воспиша к Богови, слезами и **молитвою** своею. **Бог преведе** страшныи то огнь черес весь град **бес пакости** и пад в Днепр реку, ту и погibe. Так сказаши нам самовидци бывши там». (12, 454–455)*

Магическая связь небесных явлений с земными несчастьями прослеживается и в случаях змиевых знамений. Знамение 1091 года следует за описанием затмения и подкрепляет небесную причину бедствий этого года. Знамение 1144 года предваряет рассказ о междоусобице русских князей, новгородское известие о змиевом знамении 1214 года — поход новгородцев на чудь и их участие в княжеской междоусобице.

Змиево знамение 1028 года первоначально также входило в состав летописного рассказа о каком-то трагическом событии. Но это событие оказалось для последующих редакторов неудобным или ненужным и было опущено.

В 1028 году на Руси военных действий не было. Природные катаклизмы в виде неурожая, наводнения, землетрясения были не политизированными, и в случае признания их малоценными был бы исключён весь рассказ. Остаётся кончина какой-то исторической личности, память о которой была важна, но упоминание имени — неудобным. Само сообщение о кончине исключили, но сохранявшиеся в среде летописцев устные комментарии в случае необходимости позволяли восстановить дату кончины. И только когда устная традиция пресеклась, были уничтожены и ставшие непонятными реликты рассказа.

В 1020-х годах, судя по сохранившимся известиям о Мстиславе Владимировиче, могло существовать летописание в Тмутаракани. Но на известия о семействе Мстислава запрета наложено не было. Уцелели рассказы о кончине Мстислава и его сына Евстафия, имя супруги Мстислава.

К ранним центрам летописания относится Новгород. Здесь правил юный Владимир Ярославич, и причин для маскировки сведений о кончине одного из членов его семейства не было.

С эпохи крещения Руси летописи велись в Ростовском княжестве. В 1028 году здесь жил Судислав Владимирович, память о ростовском правлении которого была истреблена. Но следы влияния ростовского летописания первой половины XI века на ранние киевские летописные своды отсутствуют. Сведения из ростовских летописей появились в составе старших летописей в более позднюю эпоху, а относительно X и первой половины XI века включались уже в младшие летописи.

Судя по рассказам о корсунских событиях эпохи крещения Руси, ранняя летописная традиция существовала в Полоцке. С 1024 года Полоцком правил Эймунд Хрингсон, который скончался до приезда Олава Святого на Русь в 1029 году. Составители ранних летописных сводов не считали княжеских наместников, правивших городами, достойными упоминания на страницах летописей. Исключение делалось для новгородских посадников в силу их родственных связей с Рюриковичами. К тому же Эймунд был подданным Ярослава Мудрого, не оставил наследников, так что шифровка сведений о его кончине причин не имеет.

Остаётся Переяславль, которым правил Брячислав Владимирович. Брячислав был одним из главных соперников Ярослава в борьбе за титул великого князя, оставил наследника, продолжившего борьбу за Киев.

В Переяславле летописание велось по крайней мере с начала XI века. Так, в Никоновской летописи есть переяславское известие о заключении в 1004 году местного инокa Андреяна в темницу. Известие датировано по «эре –5508 года», которая использовалась в это время местными летописцами.

Змиево знамение означало губительную магическую связь небесных сил и земных событий. За счёт тёмных волшебных сил был демонизирован образ Всеслава Брячиславича. Захват им Новгорода в 1066 году хотя и в замаскированном виде, но был поставлен в статье 6572 года старших летописей в связь с солнечным затмением и представлен как злое деяние. О его кончине в старших летописях сообщается лаконично:

«В лето 6609. Преставися Всеслав, полоцкий князь». (18, 100)

Далее говорится о заключении мира с половцами 15 сентября. В 1101 году 15 сентября было воскресеньем, а в смежные годы выпадало на менее примечательные дни недели. Летописная статья датирована по весенней «эре – 5508 года», и Всеслав скончался в 1101 году.

В 1066 году Изяслав Ярославич коварно захватил Всеслава во время мирных переговоров и посадил в темницу вместе с двумя его сыновьями. (289, 71) Участвовавшие в политических событиях того времени Всеславичи были совершеннолетними. Младший Всеславич родился не позднее 1048 года, старший — не позднее 1046 года. Их отец родился не позднее 1028 года.

В старших летописях Всеслав, несмотря на то что был политическим противником Ярославичей, описан, скорее, как положительная личность, что говорит о приязни к нему летописцев. Так, в описании его прихода в 1067 году к власти находим такой рассказ:

«Всеслав же сѣде в Києве. Се же Бог яви силу крестную: понеже Изяслав целова крест и яша и (Всеслава. — В. Т.); тем же наведе Бог поганья, сего же яве избави Бог и крест честны. В день Воздвиженья Всеслав же, вздохнув, рече: "О кресте честный, понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего". Бог же показа силу крестную на показание земли Русской, да не преступают честнаго креста, целовавшие его. Аще ли преступит кто, zde примет казнь, а на будущем казнь вечную, понеже велика есть сила крестная. Крестом бо побежени бывають силы бесовскыя, крестом бо князем и верным людем в бранех победа, и огражаеми крестом побежають супостати противныя, крест бо вскоре избавляет от напасти и призывающим его с верою. Ничего бо ся

боять беси, токмо креста. Аще бо бывают от бесов мечтания, знаменовавшие лице крестом, прогоними бывают. Всеслав же седе в Киеве месяц 7». (18, 73)

Всеслава восставшие киевляне освободили из поруба 15 сентября. Воздвижение отмечается 14 сентября. 15 сентября отмечается отдание праздника Воздвижения. Летописец не стал уточнять такие детали и связал освобождение с Возвижением Креста Господня. 15 сентября было субботой. Судя по всему, в военный четверг 13 сентября Изяслав потерпел жестокое поражение от половцев, что и стало причиной возмущения киевлян. Известие достигло Киева через день после поражения. Два дня пути было от Киева до Переяславля, близ которого обычно происходили столкновения с половцами. Всеслав стал великим князем в ближайшее по освобождению воскресенье — 16 сентября 1067 года.

Всеслав в рассказе выступает как глубоко верующий человек, на которого за веру в Крест Господень снизошла благодать Божия. Он не только чудесно избавился от заточения, но и стал великим князем.

Иное отношение к Всеславу находим в статье 6552 года:

*«Его (Всеслава. — В. Т.) же **роди мать от волхования**. Матери бо родившию его, и бысть ему язвено на главе его. Рекоша бо волхвы матери его: "Се язвено навязи на не, да носит е до живота своего". Еже носи Всеслав и до сего дни на себе. Сего ради не милостив на кровопролитье».* (18, 67)

Здесь уже само рождение князя приписано колдовским чарам. О том, что Всеслав носил оберег, говорится в прошедшем времени, при этом стоит выражение *«до сего дни»*. Разрешить это противоречие можно при условии, что рассказ писался в 1101 году под влиянием достигшего Киева известия о кончине полоцкого правителя. Кончина придавала смелости летописцу, и он внёс в текст порочащую память Всеслава легенду. Более поздний редактор перенёс рассказ в статью 6552 года.

Ещё более колдовским образ Всеслава стал позднее. В «Слове о полку Игореве» читаем:

*«На **седьмом веце Трояни** вреже Всеслав жребий о девицу себе любу.
Тей **клюками подперся** о кони и скочи к граду Киеву,*

И дотчеса стружием злата стола киевского.
Скочи от них **лютым зверем** в полночи из Белаграда.
Обесися сине мгле, утре же вазни, **сотри кусы**,
 отвори врата Новуграду.
 Разишибе славу Ярославу, **скочи волком** до Немиги с Дудуток.
 На Немизе снопы стелют головами, молотят
 чепи харалужными.
 На тоце живот кладут, веют душу от тела.
 Немизи кровави брезе не бологом бяхуть посеяни,
 Посяни костьми русских сынов.
 Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше,
 а сам **в ночь волком** рыскаше.
 Из Киева дорискаше до кур Тматороканя,
 Великому **Хорсови волком** путь прерыскаше.
 Тому в Полоцке позвониша заутренюю
 у святыя Софеи в колоколы,
 А он в Киеве звон слыша.
 Аще и **веща душа** в дрезе теле, но часто беды страдаше.
 Тому вещей Боян и первое припевку смысленый рече:
 "Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду
суда Божия не минути"». (3, 18–19)

Всеслав не миновал Божьего суда, то есть скончался. Этот рассказ о Всеславе был составлен Арсением, опиравшимся на сочинения своего предшественника Бояна. (3, 12) В руках у Бояна была летопись, в которой известие о чудесном рождении Всеслава было помещено под 1101 годом при известии о его кончине. Необычность рождения дала Бояну повод создать величественный образ князя-волшебника, князя-оборотня.

Сама эпоха Всеслава, казалось, была близка к концу света, так как седьмой век входил в число эсхатологических образов. О связи с концом света говорит то, что Боян называл Трояном Троицу, то есть речь идёт о Божьих веках, так же как в других местах — о Божьих тропах,

Божьей земле. В украинских сказках ещё в XIX веке троянами называли трёх братьев. (23, 327)

Обвинения в опоре на клюки-ложь не соответствуют историческим реалиям. Не было конного похода и обманного захвата Киева. Всеслав взошёл на престол благодаря восстанию киевлян, причиной которого стало военное поражение Изяслава. Лживым был Изяслав, который нарушил клятву и бросил Всеслава в темницу.

В летописи, бывшей у Бояна, содержалось обвинение Всеслава в лживости, политически выгодное Изяславу и его потомкам. Оно в какой-то мере оправдывало клятвoprеступление Изяслава, но было исключено из старших летописей при последующем редактировании как недостоверное. Судя по всему, за основу этой выдумки был взят рассказ о захвате Всеславом Новгорода.

Арсений, характеризуя Всеслава, сделал подборку цитат из сочинений Бояна. Но получившийся рассказ не во всём соответствует старшим летописям. Из Белгорода Всеслав бежал ночью в 6576 году, после того как к городу подошёл Изяслав с польской военной помощью. Изяслава и его союзника Болеслава II подразумевал Боян, говоря о бегстве Всеслава *«от них»*. Новгород же был захвачен ранее. О захвате и битве на реке Немиге говорится в статье 6576 года. В летописи же Бояна все эти события были совмещены в статье одного года, что говорит о влиянии *«эры –5506 года»*. Сводчик, работавший после 1101 года, внёс исправления, омоложив на два года возвращение Изяслава из Польши.

Выражение Бояна *«разшибе славу Ярославу»* аналогично выражению Арсения *«притрепа славу деду своему Всеславу»*, которое он приводит при описании поражения полоцких князей. На Немизе Всеслав потерпел поражение от Ярославичей, поэтому он умалил славу не Ярослава, а Брючислава. Смена имени произошла по вине какого-то переписчика. Сам Арсений вставлял фразу о полоцких князьях по аналогии со сходной фразой Бояна, и у него упоминался Брючислав.

Всеслав умел превращаться в лютого зверя, то есть в леопарда или волка. В облике оборотня он быстро преодолевал большие расстояния. За ночь из Белгорода попадал к Новгороду, а с наступления ночи

«до кур», то есть до утреннего пения петухов, из Киева добирался до Тмутаракани. Всеслав обладал вещей душой, позволявшей получать известия магическим способом. Так, он слышал звон полоцких колоколов, находясь в Киеве.

Хорс большинством исследователей считается языческим солнечным богом. Основанием для этого предположения стало созвучное обозначение Солнца у персов — *«хорсед»*. (29, 187) В «Слове» упоминается Дажбог, который в славянском переводе Хроники Иоанна Малалы назван Солнцем и сыном Сварога. (28, 79) Дажбожьи внуки в «Слове» — погибающие в междоусобицах Рюриковичи, которые в качестве царского рода вели своё происхождение от бога Солнца. (28, 81) Всеслав перебежал путь Хорсу ночью, и поэтому Хорс не может быть солнечным богом, из-за чего часть исследователей предложила считать Хорса богом Луны. (29, 187) Действительно, в «Хождении Богородицы по мукам» читаем о том, что люди нарекли богами:

«Солнце и Месяц, землю и воду... Трояна, Хорса, Велеса, Перуна на боги обратиша». (29, 187)

Здесь Солнце соответствует Трояну, Луна — Хорсу, земля — Велесу, вода — Перуну. Тропа Трояна в «Слове» появляется в связи с образным полётом ума под облаками, то есть на небесах. Здесь Троян больше соответствует Солнцу. На землю Трояню вступила лебединообразная Обида, принёсшая несчастья на Русь в виде княжеских усобиц и нашествий кочевников. Земля Трояня тождественна Русской земле. Здесь образ Трояня более близок к христианскому Богу. Русь — Божья земля — аналогична позднему определению «Святая Русь». Века Трояни были перед правлением Ярослава. Эти века — время правления первых князей, из которых назван один только старый Владимир. Перед нами образ Божьего времени, связанного с эпохой крещения Руси и более ранней христианской историей иных стран. Если мы учтём, что христиане отождествляли Христа с Солнцем, то получим полное соответствие.

Троян это Троица с её главным членом — Христом, Солнцем. Образ Трояня содержит в себе как христианские, так и языческие черты и

служит примером включения христианской символики в языческую культуру и последующего использования уже в православной среде. Былинное именование Владимира Святого — Красное Солнышко — находит соответствие в редком именовании его Трояном, то есть Солнцем. (23, 327)

Велес был богом подземного мира и отвечал за плодородие земли и скота. В качестве хозяина мира мёртвых он был богом мудрости и поэзии, посредством которой древняя мудрость передавалась от поколения к поколению. Поэтому Боян был назван Велесовым внуком. Перун был богом грома, молнии, дождя и бурь. (14, 303) В «Хождении Богородицы по мукам» он водное божество.

Волкодлаки из Кормчей книги съедали Луну или Солнце. Лунные затмения встречаются гораздо чаще, чем солнечные, и их легче заметить на ночном небе, поэтому они поставлены на первое место в качестве добычи оборотней. Хорс был лунным богом, и пересекавший ему путь оборотень Всеслав как раз и был одним из таких проглатывавших светила волкодлаков.

Боян отмечает кровопролитие на Немизе из-за Всеслава, что соответствует летописной его характеристике как жестокого воителя. Но в целом сказитель не осуждает Всеслава, а, скорее, восхищается им и сочувствует его трудной жизни. Вещим Арсений называет Бояна. Бегущий из плена Игорь образно причисляется к оборотням и превращается в горноста, волка, сокола, его спутник Влур — в волка. При этом Игорь — положительный герой, также претерпевающий жизненные невзгоды. Как и у Всеслава, на его судьбу повлияло солнечное затмение.

Для признания Всеслава кудесником были какие-то внешние причины. Летописец видит их в обстоятельствах его рождения. Змиево знамение 1028 года связано с кончиной кого-то из семейства Брючислава и близко по времени к предполагаемому рождению Всеслава. Летописцы упоминали о кончинах княжеских жён и детей. Смерть матери Всеслава при родах или вскоре после родов, произошедших около времени змиева знамения, соответствует летописной традиции соединения знамений и чьей-либо кончины. Одновременно рождение младенца под

сенью столь примечательного знамения накладывало на него отпечаток избранности высшими силами.

В сербском фольклоре есть миф о Змее Огненном Волке, который рождался от Огненного Змея и был чудесным героем-волком. Он появлялся на свет в человеческом облике: «в рубашке» или с «волчьей шерстью» — приметами чудесного происхождения. Змей Огненный Волк был оборотнем и мог превращаться в волка, птиц и других животных как сам, так и вместе со своей дружиной. Это позволяло ему побеждать врагов. (13, 471)

Рождение «в рубашке» — с остатками плаценты — было у Всеслава. Так расшифровывают выражение «язвено на главе». (6, 219) Всеслав был героем-воином и причислялся к волкодакам. Все эти совпадения из биографии Всеслава с фольклорным оборотнем говорят о том, что Огненный Змей и змиево знамение — тождественные явления.

Метеорный плазмOID воспринимался как отец чудесного ребёнка. Корни этих представлений уходят в глубокую древность. Так, способный летать подобно птице герой античных мифов Персей появился на свет от Зевса, который проник к Данае в виде золотого дождя. В золотом дожде угадывается метеорный плазмOID. Черты оборотничества Персея сглажены. Но в мир мёртвых, где жила Медуза Горгона, могли попадать только колдуны-оборотни.

К метеорным плазмOIDам следует отнести небесных огненных драконов китайских мифов и иных огнеобразных небесных чудовищ из преданий разных народов. В древности падения крупных метеоритов происходили значительно чаще, чем ныне.

Фраза «матери бо родившию его» оборвана. Что случилось с матерью, можно только догадываться. Мать, скорее, окружали бы во время родов повивальные бабки и знахарки. Волхвы же должны были давать совет князю. Первоначально рассказывалось о кончине после родов княгини и принятом Брячиславом совете волхвов. Потом по каким-то причинам упоминание о кончине княгини и Брячиславе изъяли, а совет волхвов переадресовали княгине.

В летописной статье 6536 (1028) года наряду со змиевым знаменем первоначально упоминалось о рождении у Брячислава сына и о кончине его супруги. Рассказ о чудесном рождении Всеслава появился позднее и был извлечён из семейных преданий. Всеслав родился в 1028 году и скончался в возрасте 73 лет.

Литература

1. Города России: Энциклопедия. М., 1994.
2. Грицков В. В. Крещение Руси. М., 2009.
3. Грицков В. В. Сказания русов. Ч. 2. «Слово о полку Игореве» // Киммерийский центр. Вып. 7. М., 1992.
4. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993.
5. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
6. Донской Д. В. Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008.
7. Жизнеописания достопамятных людей Земли Русской: X–XX вв. М., 1992.
8. Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
9. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. I–IV. М., 1988.
11. Кучкин В. А. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997.
12. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
13. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.
14. Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
15. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
16. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. 43. М., 2004.
17. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.
18. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.

19. Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.
20. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
21. Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1993.
22. Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. М., 2007.
23. Соколова Л. В. Троян в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 44. Л., 1990.
24. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994.
25. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
26. Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005.
27. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
28. Энциклопедия «Слово о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995.
29. Энциклопедия «Слово о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995.

Глава 4

КИЕВСКАЯ МИТРОПОЛИЯ

Митрополит Феопемпт

Начало единогодержавного правления Ярослава Мудрого ознаменовалось строительством в Киеве. Радзивилловская летопись:

*«В лето 6545. Заложил Ярослав **град великий**, у него же града суть врата Златыя. Заложил церковь святая София и **митрополю**».* (29, 65)

Огороженный участок крепости по площади превышал киевский град эпохи Владимира Святого и примыкал к нему с запада, занимая поле, на котором в 1036 году состоялось сражение с русско-печенежской армией Брячислава. Парадным въездом в город служили Золотые ворота, представлявшие собой каменную многоэтажную крепостную башню, остатки которой сохранились до наших дней.

В центре нового участка киевского града был заложен грандиозный для того времени каменный Софийский собор, значительно превышавший по размерам Десятинную церковь — главный киевский храм предшествующей эпохи. В Тверской летописи в статье 6544 года есть фраза: *«...святая София, митрополия Русская»*. Собор с прилегающими к нему служебными постройками стал местом пребывания киевского митрополита.

Если в старших летописях речь шла о начале строительства нового града и церквей, то у Татищева и в Тверской летописи под тем же годом речь идёт об окончании строительства. Рассказ же о начале строительства находим в статье 6525 года. Тверская летопись:

*«И заложил Ярослав **тои весны** град великий Киев, и Златая врата постави, и церковь святую Софию заложил каменну».* (30, 136)

Строительство началось весной. Составитель летописи знал о том, что поводом к строительству стала победа над печенегами, но ошибочно связал имевшийся у него рассказ не с победой над печенегами 1036 года, а с более ранней победой над этими же кочевниками — 1018 года. Из этого отождествления следует, что строительство началось вскоре после весеннего сражения с Брячиславом в 1036 году. Более отчётливо это мнение выражено у Татищева, который датирует начало строительства временем сразу же по окончании битвы 1036 года:

*«Ярослав же, возблагодаря Бога, на том месте заложил церковь святых Премудрости Божией и поле то, присовокупя ко граду, велел всему **войску укрепить стеною**».* (38, 78)

Победившее войско приступило к возведению стен вокруг поля боя. Строительство шло в несколько этапов. Земляные укрепления вокруг поля начали сооружать вскоре после битвы. Затем настал черёд каменного Софийского собора и Золотых ворот, иных церквей. В Радзивилловской летописи говорится о том, что строительство в честь св. Георгия и св. Ирины последовало за возведением укреплений и собора. В Тверской летописи и у Татищева речь идёт о последовательном завершении двух этапов строительства. При этом ко второму этапу отнесено строительство Благовещенской церкви.

В прологах освящение Софийского собора помечено 4 ноября, в Новгородской третьей летописи — 27 ноября. (28, 483) Эти дни приходились на воскресенье соответственно в 1039 и 1037 годах. Начало строительства выпадало на весну, завершение — на осень. Судя по храмовым праздникам, Софийский собор был возведён к 4 ноября 1039 года. Более раннее освящение 27 ноября 1037 года могло быть связано с деревянной церковью, поставленной в честь победы 1036 года. Причём эта церковь была посвящена св. Георгию Победоносцу, так как освящение состоялось на следующий день после празднования памяти святого 26 ноября.

Став в 1018 году великим князем, Ярослав Мудрый озаботился новой каменной резиденцией в Новгороде. На строительство в Киеве его подвигла победа над последним сильным противником внутри страны.

С гибелью Брячислава закончилось соперничество за верховную власть между Владимировичами, и Ярослав смог отдаться созидательной деятельности.

Софийский собор выдержал испытание временем. Построен он был на века профессионалами высокой квалификации. Каменное строительство на Руси того времени было явлением редким, поэтому для возведения столь сложного сооружения были приглашены иноземные каменщики. До начала стройки следовало доставить заморских мастеров, заготовить известь, завезти камень, устроить печи для обжига кирпича. Всё это не могло быть сделано в ту же весну, в которую произошла битва с Брячиславом. Византийская техника кладки прослеживается как в стенах Софийского собора, так и в остатках Золотых ворот. Строительство собора началось весной 1037 года. Возведение Золотых ворот началось после того, как каменная кладка стен собора была завершена.

Одно из ранних датированных граффити Софийского собора имеет вид:

«6500 40 10 4». (6, 15)

Изучавший граффити С. А. Высоцкий предположил, что автор записи забыл обозначение числа «50» и составил нужное число из двух иных чисел, значение которых помнил: «40» и «10». (6, 16) Но обзор софийских граффити говорит об ином. Прикасаться к стенам главного столичного храма позволяли себе только люди, принадлежавшие к светской или духовной элите. Ранние тексты были посвящены важным событиям, а не бытовым проблемам простого человека, с грехом пополам усвоившего начатки грамотности.

Надписи оставляли образованные люди. Человек, помнивший обозначение тысяч и сотен, не мог не знать обозначение десятков. Между буквами-числами «40» и «10» стоит вертикальная черта без титла. Даже если это и буква «i», то она не имеет математического значения. Буква «i» использовалась в качестве союза «и», как это встречаем в Лаврентьевской летописи:

«...и поимуть и... и поимуть i». (19, 50)

Редкость такого использования и неизвестность соединения союзом «и» чисел в написании года от сотворения мира не позволяют отнести вертикальную чёрточку надписи к обозначению такого союза. Странность датировки вызвала даже остроумное предположение о том, что перед нами двойное хронологическое указание — от сотворения мира и по индиктам. В этом случае получаем 6540 год, или 1032 год по «эре –5508 года», и индикт 14. (36, 28) Но 6540 году соответствует индикт 15, а столь раннее строительство собора не находит опоры ни в источниках, ни в исторической обстановке того времени.

В 1032 году и ранее центр митрополии находился на территории, подконтрольной Мстиславу, и не мог быть перенесён Ярославом в Киев без конфликта между братьями. На самом деле автор записи хотел поставить иную цифру, обозначающую единицы, но передумал. Цифра осталась недописанной, а рядом была выведена цифра «4».

В обозначении единиц вертикальная черта имеется только в написании цифр «3» («г») и «8» («и»). Колебания в написании года следует отнести на счёт знания разных систем летоисчисления и проблемы выбора из них наиболее правильной. Вначале писатель автоматически начал применять привычную для себя эру, но спохватился, так как эта эра не соответствовала эре, принятой в соборе.

Принятие цифры «3» даёт различие с написанной датой на год, принятие цифры «8» — на четыре года. На год различались между собой «эра –5507 года» и «эра –5508 года», на четыре года различались «эра–5508 года» и «эра –5504 года». В случае использования цифры «3» привычной для писателя будет «эра –5507 года», принятой в соборе — «эра –5508 года». При использовании цифры «8» привычной будет «эра –5508 года», принятой в соборе — «эра –5504 года».

В первом варианте мы попадаем в 1036 год, во втором — в 1040 год. Строительство собора было начато в 1037 году и продолжалось не менее года. В 1036 году надпись появиться не могла. Остаётся 1040 год. По осенней «эре –5508 года» дата, проставленная по привычке, соответствует ноябрьскому освящению собора в 1039 году. Редкость ранних граффити и отсутствие при дате иных пояснений говорят о её важном

самостоятельном значении. Единственным значительным событием в жизни собора в то время было его освящение.

Датировку оставил участник освящения. Но болгарская «эра –5504 года» является весенней и в ноябре 1039 года в соответствии с ней шёл 6543 год от сотворения мира. Во Владимирову эпоху использовались осенние «эра –5506 года» и «эра –5508 года». Вторая господствовала в Византии, посланцем которой был митрополит Феопемпт. В соборе бытовал осенний вариант «эры –5504 года», по которой ноябрьское освящение датировалось 6544 годом.

Граффити находилось на стене Георгиевского придела, посвящённого небесному покровителю великого князя. Во время освящения в этом приделе должен был побывать Ярослав Мудрый. Граффити было нанесено либо самим Ярославом, либо с его одобрения каким-то лицом из его ближайшего окружения.

В надписи, сделанной при Петре Могиле в 1634 году под куполом Софийского собора вокруг его сводов, читаем:

*«Изволением Божиим **нача здатися** сей Премудрости Божия храм, в лето **1037**, благочестивым Князем и Самодержцем всея Руси, Ярославом Владимировичем; **свершился** же в лето **1039** и освящен Феопемптом, Митрополитом Киевским».* (24, 75)

Пётр Могила располагал датами начала и конца строительства. Весной 1037 года приступили к строительству Золотых Ворот и Софийского собора. Через два года собор освятили.

Уцелевшие в летописях реликты более ранней традиции свидетельствуют о том, что бытовало два отдельных рассказа: о начале и о завершении строительства Софийского собора — в летописных статьях, разделённых двумя годами. Причём существовало две версии этих рассказов: одна датировалась по «эре –5508 года», другая — по «эре –5506 года». Через призму осенней «эры –5508 года» перед последующим сводчиком предстала такая картина. Под 1035 годом сообщалось о начале строительства собора, под 1037 годом — о начале и о завершении строительства, под 1039 годом — о завершении.

Наряду с этими сообщениями сводчик располагал более содержательным описанием городского и церковного строительства из славословия Ярославу. Само славословие относило строительные деяния к 1037 году. Но так как оно было написано гораздо позднее этого года, то речь в нём шла об уже совершившихся событиях. Автор славословия пользовался «эрой – 5506 года» и подразумевал 1039 год, который из-за освящения Софийского собора имел определяющее значение для всего строительства. Один из авторов старших летописей исправил мнимую ошибку автора славословия, в результате чего речь стала вестись о начале возведения разных сооружений.

В Тверской летописи использовалась иная схема соединения известий. Под 6545 (1037) годом сообщается о завершении церковного и городского строительства в соответствии со славословием Ярославу. Дублирующий рассказ 6547 (1039) года был признан ошибочным и в текст не был включён. Но зато известие 6545 (1037) года о начале строительства было помещено в статью 6525 года. Сводчик посчитал, что в запись вкралась ошибка, из-за которой начало и конец строительства совпали во времени. По его догадке, ошибка заключалась в том, что при переписке были спутаны буквы-числа «20» («к») и «40» («м»), и он отнёс начало строительства на 20 лет ранее. Этому способствовал контекст: речь шла о печенежской войне. В Тверской летописи сохранился вариант летописи, который был позднее исправлен одним из составителей старших летописей.

Под 1039 годом в старших летописях говорится об освящении церкви, но не Софийской, а Десятинной:

«В лето 6547. Священа бысть церкви святых Богородицы, юже созда Володимер, отец Ярославль, митрополитом Феопентом». (29, 66)

Это единственное упоминание Феопемпта, за исключением летописных перечней русских митрополитов. Судя по названию церкви, оно было извлечено из записей, которые велись при Десятинной. В самой же митрополичьей резиденции, Софийском соборе, память о первом её хозяине была уничтожена. В прологах освящение Софийского собора связано с деятельностью митрополита Ефрема, правив-

шего церковью позднее. (34, 344) Его имя заменило имя митрополита Феопемпта.

В Никоновской летописи за упоминанием Феопемпта следует рассказ о византийских императорах начиная с самостоятельного правления Константина VIII, начавшегося в 1025 году, до кончины Романа III Аргира, случившейся 11 апреля 1034 года. Следующий император, Михаил IV Пафлагон, при этом изображён цветущим юношей. (27, 81–82) Михаил скончался 10 декабря 1041 года и в конце жизни имел из-за водянки ужасный облик. (9, 209–210) Рассказ был составлен до его кончины. Судя по времени начала строительства, митрополит Феопемпт появился в Киеве не позднее весны 1037 года, а учитывая то, что посольства в то время в основном отправлялись осенью, — в сентябре 1036 года. Известия о византийских императорах попали на Русь при посредстве его миссии.

Учреждение киевской митрополии, отсчёт существования которой вели с освящения в 1039 году Софийского собора, было связано с приездом на Русь митрополита Феопемпта. Ранее центром митрополии был Переяславль-Южный.

Софийский собор освятил Феопемпт, и здесь бытовали порядки, заведённые его первым владыкой. Согласно граффити, при митрополичьем дворе была принята болгарская «эра –5504 года». Использование болгарской эры говорит о болгарском происхождении Феопемпта. Становится понятной причина ошибки, из-за которой под влиянием болгарской эры крещение Руси стали датировать 988 годом вместо 992 года. По предположению Шахматова, первый общерусский летописный свод был составлен как раз при Феопемпте.

Болгарину Феопемпту было важно закрепить память об участии болгарина Михаила в просвещении Руси. При нём был создан не летописный свод, а сказание о крещении Руси, позднее использованное летописцами. Применение болгарской эры в этом сказании позволило сблизить во времени частичный успех митрополита Михаила в крещении русов в 987 году с более поздней победой православия в 992–993 годах. Более того, Феопемпту и его окружению удалось внедрить в русскую историческую традицию мнение о том, что просвещение Руси

в 990-х годах шло под руководством усопшего к тому времени Михаила. Авторы старших летописей были информированы о реальном состоянии дел и этой версии не приняли, но у провинциальных летописцев болгарская агитация имела успех.

В замаскированном виде культ севастильца Михаила широко представлен в изображениях Софийского собора, оформление внутреннего пространства которого шло под руководством Феопемпта. Был сооружён специальный придел в честь Архангела Михаила. На самых обозримых местах — четырёх подкупольных арках — была помещена галерея красочных мозаичных портретов 40 севастильских мучеников. На хорах в более укромном месте находилась фреска севастильца священнического звания — епископа Власия.

При Феопемпте в Десятинной культ Успения Богородицы был сменён на культ Рождества Богородицы. Этим подрывалась память о просвещении киевлян византийскими священниками.

В святцах переосвящение Десятинной помечено 12 мая и соседствует с днём памяти об освящении киевской церкви св. Софии 11 мая при болгарке великой княгине Ольге. Ещё одним поводом отнесения переосвящения на 12 мая было то, что под этим днём в святцах на первом месте стоит св. Епифаний, епископ кипрский. Создатели фресок Софийского собора относились к нему с особым почтением и поместили его в ряд вселенских святителей, что для церковной традиции было редкостью.

Таким же редким было включение в состав святителей св. Климента, папы римского. Мощи Климента хранились в Десятинной, а сам он почитался одним из небесных покровителей Руси. Включение его в число святителей имело весомые причины. Появление рядом с Климентом изображения мало чем примечательного св. Епифания также не могло быть простой случайностью.

При поставлении в митрополиты Феопемпт должен был оставить своё прежнее имя. Имена *Феопемпт* и *Епифаний* созвучны. Видимо, *Епифаний* было одним из имён Феопемпта. Он воспринимал св. Епифания в качестве своего небесного покровителя и повелел включить его

в ряд самых прославленных деятелей церкви. Таким опосредованным образом Феопемпт увековечил своё участие в создании собора.

Двенадцатое мая выпадает на воскресенье в те же годы, что и Рождество Богородицы. Поэтому водворение Рождественского культа на 12 мая оправданно. Рождество Богородицы приходилось на воскресенье в эпоху правления Феопемпта в 1045 и 1051 годах. В 1043 году разразилась русско-византийская война, в ходе которой византийцы ослепили пленённых русских воинов. Через несколько лет отношения улучшились, и достигнутый мир был скреплён браком византийской царицы и сына Ярослава Мудрого. В 1045 году отношения с Византией ещё оставались напряжёнными, и переосвящение, имевшее антивизантийскую направленность, следует приурочить к этому году. Наибольшей силы церковные преобразования должны были достичь на само Рождество Богородицы в воскресенье 8 сентября.

В соборе есть придел родителей Богородицы св. Иоакима и Анны, в котором находятся изображения, представляющие собой как сюжеты, связанные с рождением Богородицы, так и разные варианты Благовещения. В соборе имеется всего четыре придела: Петра и Павла, Иоакима и Анны, Георгиевский и Михайловский. Георгиевский связан с небесным покровителем Ярослава Мудрого, Михайловский — с почитаемым прославлением митрополита Михаила, Иоакима и Анны — с прославлением просветителей Руси Владимира-Иакова и его супруги царицы Анны и одновременно — с Богородицей.

В христианской традиции София Премудрость Божия соотносится с Логосом — Духом Святым, третьим членом Троицы. Незримый Логос отображался то в виде Христа — его земного воплощения, то в виде огнекрылого ангела. Первоначально ангел имел мужские черты, позднее стали встречаться его женские изображения. На одной из настенных мозаик у апостола Иоанна на страницах раскрытого Евангелия читается «Логос». (36, 172) Христос изображён на центральном куполе собора.

Среди граффити Софийского собора в том же Георгиевском приделе есть ещё одна ранняя датировка:

«В лето 50 6500-лое». (6, 15)

Здесь буква-число «н» — «50» — поставлена впереди обозначения тысяч и сотен лет. Автор, видимо, привык к краткому обозначению дат, которое мы находим у позднейших писателей, указывавших не всю дату от сотворения мира, а только одну-две последние счётные буквы. Но привычная для записи на пергаменте форма оказалась непригодной для выставленной на всеобщее обозрение надписи на стене храма, и она была дополнена. Сделал её человек, привыкший вести хронологические записи, то есть какой-то учёный монах.

Дата по осенней «эре –5508 года» соответствует периоду с 1 сентября 1041 года по 31 августа 1042 года. Но к этому времени в соборе должна была утвердиться «эра –5504 года». Так что перед нами осенний или весенний 1046 год. При осеннем счёте датировка включает в себя 8 сентября 1045 года, когда мы ожидаем проведения церковной реформы в соборе. По всей видимости, 8 сентября 1045 года собор Софии-Логоса был переосвящён в честь Софии-Богородицы и в великокняжеском приделе была сделана памятная запись.

Существовала облегчившая проведение этой реформы традиция, которая связывала Софию Премудрость Божию с Богородицей. Компромиссный вариант изображения Логоса-Софии-Богородицы в виде огнекрылого ангела в одеждах Богородицы сохранился в севернорусской иконописи.

В направлении алтаря взоры посетителей приковывает гигантская фигура Богородицы-Оранты с поднятыми вверх руками, на обоих предалтарных столпах изображена сцена Благовещения: на левом столпе помещён Архангел Гавриил, на правом — Богородица.

После реформы для отображения Логоса в Софийском соборе наряду с образом Богородицы-Оранты была использована сцена Благовещения, символизирующая Логос как известие о будущем воплощении Христа. Благовещение приходилось на воскресенье в 1044 году, когда следовало ожидать всплеска его почитания. Трудоёмкое мозаичное украшение собора началось задолго до сентября 1045 года и поэтому отразило всплеск почитания Благовещения в 1044 году.

Реформа придала толкованию образа Софии Премудрости Божией более ярко выраженное женское и богородичное начало. Так, праздно-

вание в честь софийских икон с огнекрылым ангелом в севернорусских областях стало совпадать с Успением Богородицы, бывшим с эпохи крещения Руси главным праздником культа Богородицы.

По кончине Ярослава Мудрого последовало вытеснение «эры –5504 года» «эрой –5508 года», но несмотря на это весенний счёт сохранился. Ещё в сентябре 1045 года официальный счёт лет был осенним. Перевод празднования Нового года с 1 сентября на болгарский манер на 1 марта следует связать с церковной реформой Феопемпта 1045 года.

В окружении первого по крещении Руси митрополита Леонта были выходцы из восточной Болгарии, о чём свидетельствует название Переяславля, центра митрополии, одноимённого с восточноболгарским Преславом. Феопемпт принёс на Русь культ св. Софии. В этом можно усмотреть западноболгарское влияние. Софийский культ процветал в городе Софии-Средце.

Под 6559 годом в летописях сообщается о поставлении собором русских епископов Илариона в митрополиты. Обычно русские митрополиты назначались константинопольским патриархом. Причиной нововведения в Никоновской летописи названы *«с греки брани и нестроения быша»*. (27, 83) С византийцами после войны 1043 года к этому времени был заключён мир. Нестроения оставались в церковной сфере. Судя по всему, Феопемпт, воспользовавшись русско-византийским размирьем, объявил Русскую церковь автокефальной, то есть независимой от Константинопольской патриархии. Эта автокефальность и позволила позднее избрать первого русского митрополита.

Рассказ о строительстве в Киеве содержит разновременные события, но помещён в одну летописную статью под годом, который летописец признал наиболее важным. Сообщение об освящении Феопемптом Десятинной ранее входило в обширный рассказ о митрополите. Рассказ содержал разновременные известия, но датировался по освящению Софийского собора. Позднее митрополиты-греки истребили память о своём предшественнике из-за антивизантийского характера его деятельности, поэтому уцелел только реликт повести о Феопемпте.

Иларион

Феофемпта на посту главы Русской церкви сменил Иларион. Радзивиловская летопись:

«В лето 6559. **Постави** Ярослав **Илариона** митрополитом русина в святе Софии, собрав епископы». (29, 67)

В Никоновской летописи помещён более подробный рассказ:

«В лето 6559. **Поставлен** бысть **митрополит** на Руси **своими епископы**. Ярославу, сыну Владимерову, внуку Святославу, **с греки брани и нестроения** быша, и сице Ярослав с епископы своими русскими совещаши, умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице: правило святых апостолов 1-е: два или три епископы да поставляют единого епископа, и по сему священному правилу и уставу божественных апостол сошедшие русиши **епископи поставиша Илариона**, русина, митрополита Киеву и всей Русской земле, не отлучающися от православных патриарх и благочестия греческаго закона, ни гордящися от них поставлятися, но **соблюдающеся от вражды и лукавства**, якоже беша тогда». (27, 83)

Иларион стал первым главой Русской церкви из русов. Его возвели в митрополиты по воле великого князя собором епископов по апостольским правилам. В Новом Завете описано, как после гибели Иуды Искарриота апостолы пополнили свои ряды:

«И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия, и помолились и сказали:

— Ты, Господи, Серцеведец всех, **покажи из сих двоих одного**, которого ты избрал принять жребий сего служения и апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в своё место.

И бросили они жребий, и выпал жребий Матфию, и он был сопричислен к одиннадцати апостолам». (3, 131)

Процедура избрания состояла из поставления двух кандидатов и Божьего суда посредством жребия. Иларион был одним из двух кандидатов на духовный престол, на которого выпал счастливый жребий.

При поставлении Климасмолятича в 1147 году также было припомнено апостольское правило:

*«И сице советовавшие, совещашиися по священному **апостольскому правилу**, глаголющему: два или три епископи да **поставляют единого епископа**. И сице собравшиися шесть епископов, **поставиша себе митрополита** Киеву и всей Руси инока Климента Смолянина». (27, 172)*

Апостольское правило позволяло избирать главу церковной организации собранием епископов.

Причиной обращения не к патриарху, а к апостольским правилам названы политические осложнения русско-византийских отношений. На исключительности обстоятельств и лояльности к константинопольской патриархии настаивал летописец, отмечая возможные обвинения русов в гордыне и непослушании византийским церковным законам. После того как автокефалия Русской церкви была ликвидирована, русским книжникам пришлось оправдываться перед митрополитами-греками за своё свободлюбивое прошлое.

Более откровенно позиция русских властей изложена у Татищева:

*«6559. По смерти митрополита руского Ярослав, яко имея **со греки великое несогласие**, не хотя более **патриархом** цареградским допустить **над Русью властвовать и богатство истощать**, велел, собрався епископом руским и по правилам святых апостол избрав, митрополита поставить. Епископи же, сошедшиися, избрали и поставили в митрополиты Илариона, **русина** суща, а преже его все, кроме Михаила, были **греки и болгары**». (38, 79)*

Митрополит Михаил считался сирийцем, хотя на самом деле имел болгаро-армянское происхождение. Митрополиты Леонт и Феопемпт были болгарскими. Греком мог быть предшественник Феопемпта митрополит Иоанн, хотя Присёлков и его отождествлял с болгаринем Иоанном Охридским.

Причиной выдвижения Илариона стала смерть митрополита Феопемпта. Курс на отделение Русской церкви от Византии Ярослав поддерживал и после его кончины. Кроме политических соображений русскими двигали экономические мотивы. Через церковную организацию,

возглавляемую византийскими ставленниками, из Руси выкачивались средства. Установленная ещё Владимиром Святым десятина от государственных доходов и обычай русской знати завещать Церкви на помин души большие средства позволяли в ущерб строительству новых храмов и иным церковным нуждам оказывать финансовую помощь патриархии.

В Киево-Печерском патерике уточняется, что Илариона поставили митрополитом в Софийском соборе:

«По сем же благоволи бог взложить на сердце благоверному великому князю Ярославу, и собрав епископы, в лето 6559, и поставиша его митрополитом в святей Софии». (16, 434)

Воспоминания о своём избрании оставил сам Иларион:

*«Аз милостию человеколюбивого Бога **мних и прозвитер Иларион** изволением Его от богочестивых епископ священ бых. И настолован в велицем и богохранимем граде Кыеве. Яко **быти** ми в нем **митрополиту**, пастуху же и учителю. Быша же си в лето 6559. Владычествующу благоверному кагану Ярославлю, сыну Владимиру. Аминь».* (23, 4–5)

Иларион титуловал Ярослава каганом. Избрание происходило в Софийском соборе, на стенах которого сохранилось такое граффити:

«Месяца априля в 9 день поставлено бысть владыка». (6, 37)

Поставление во владыки в митрополичьем Софийском соборе следует связать с одним из митрополитов. В домонгольское время на Руси были избраны четыре митрополита: Иларион, Никифор в 1096 году, Клим Смолятич в 1147 году, Кирилл I в 1224 году. Остальные приезжали, уже получив назначение на русский церковный престол в Константинополе.

Согласно Татищеву, полоцкий епископ Никифор был избран великим князем Святополком Изяславичем. (38, 109) В Ипатьевской летописи в статье 6605 года этот митрополит назван Николаем. (13, 238) Клим был поставлен великим князем Изяславом Мстиславичем и пятью епископами 27 июля, в день памяти св. Пантелеймона. (29, 114) При-

существовавший там шестой епископ новгородец Нифонт отказался участвовать в поставлении.

Поставление Клим Смолятича шло в киевском Софийском соборе. При этом была использована глава св. Климента, небесного покровителя посвящаемого в сан Клим. (13, 341) В 1147 году 27 июля было воскресеньем. Кирилл был поставлен 6 января, в праздник Богоявления. (27, 88) Шестое января в 1224 году было воскресным. Татищев называет Кирилла греком и относит его избрание к 1 ноября 6731 года. (39, 361)

Татищев приводит такие слова великого князя Изяслава Мстиславича при избрании в митрополиты Клим Смолятича:

*«Ныне митрополит руский умре, и церковь осталась без пастыря и начальника правления духовнаго, котораго прежде великие князи, избирая, посылали для посвящения в Константинополь. И ныне избрать в моей воли, но в Царьград к патриарху послать для учинившегося **смятения и многих междоусобей** в них не можно. К тому же от онаго митрополитов посвящения чинятся напрасно **великие убытки**, а паче всего чрез сию патриархов в Руси власть **цари греческие исчут над нами властвовать** и повелевать, что противно нашей чести и пользы. По правилам же святых апостол и вселенских соборов положено, да два или три епископа, сошедшись, поставляют единого. Вас же здесь более, того ради изберете достойнаго и поставите на митрополию рускую».* (38, 171)

В первой редакции своего сочинения Татищев приводит более короткий вариант речи. Несмотря на то что во второй редакции он довольно сильно вторгался в приводимые тексты с целью их литературной обработки, перед нами иной извод речи, нежели в первой редакции. В это время в Византии правил император Мануил I Комнин и никаких междоусобиц в империи не было. Мануил обладал крутым и воинственным нравом и в первое десятилетие своего царствования сменил пять патриархов. (9, 251)

Поводом для поставления Клим могли стать жёсткая политика Мануила в отношении церкви и его властолюбие. Речь Изяслава весьма приблизительно соответствует эпохе Мануила. Но зато она довольно

точно передаёт ситуацию, которую описывает тот же Татищев относительно эпохи избрания Илариона. Поздние книжники опирались на какое-то сочинение, в котором приводилась речь Ярослава Мудрого при поставлении Илариона.

По палеографическим особенностям В. С. Высоцкий датировал софийское граффити эпохой Илариона и связал надпись с его избранием. (6, 38)

Девятое апреля было воскресеньем в 1049 и в 1055 годах. В 1055 году Пасха приходилась на 16 апреля, а в 1049 году — на 26 марта. В первом случае 9 апреля выпадает на Великий пост, во время которого посвящения в митрополиты быть не могло. Во втором случае 9 апреля приходится на второе воскресенье по Пасхе, а летописный год избрания Илариона будет иметь редкую «эру –5510 года».

Поставление включало в себя избрание кандидатов, Божий суд посредством жеребьёвки и торжественное возведение на церковный престол. Судным днём на Руси была пятница. Близость даты к пасхальным праздникам ведёт нас к 1053 году, в котором 9 апреля приходилось на страстную пятницу, за которой 11 апреля следовала Пасха.

Год избрания имел более распространённую «эру –5506 года». После кончины Феопемпта поставление Илариона решили связать с Пасхой 1053 года. Ярослав в предпасхальные дни 1053 года собрал епископов, которые в пятницу 9 апреля избрали нового главу Русской Церкви, а на Пасху 11 апреля торжественно его венчали.

В своей записи об избрании в митрополиты Иларион придерживался «эры –5506 года». Эту запись позднее использовали летописцы для датировки избрания. В период правления Илариона в Софийском соборе господствовала «эра –5506 года».

В старших летописях об Иларионе говорится в статье 6559 года вслед за сообщением о его избрании. Сведения были включены в рассказ об основании Печерского монастыря и выглядят так:

*«Боголюбивому князю Ярославу любяще Берестовое и церковь ту суиу святых Апостол, и попы многи набдяшу, в них же бе **презвитер**, именем **Ларион**, муж благ и книжен, и постник. И хожаше с Берестового на Днепр, на*

*холм, где ныне ветхи монастырь Печерский, и ту молитву творяше, бе бо лес ту велик. Ископа печерку малу, двусажну, и приходя с Берестового, отпеваше часы, и моляшеся Богу в таине. Посем же вложи Бог в сердце князю, и **постави митрополитом** святе **Софии**, а си печерка оста». (29, 67)*

Источник сообщения известен. В менее архаичной редакции оно содержится в написанном летописцем и монахом Печерского монастыря Нестором «Сказании о том, почему монастырь был прозван Печерским», сохранившимся в составе Киево-Печерского патерика. (16, 434) Единственное существенное отличие заключалось в том, что в «Сказании» содержалась дата избрания, вынесенная в летописной статье в её начало.

Иларион до своего избрания был настоятелем храма апостолов Петра и Павла в великокняжеской резиденции Берестово и, следовательно, хорошо известным Ярославу человеком. Нестор называет его пресвитером и постником. Сам себя Иларион называл пресвитером и монахом. Образ постника, молящегося в уединённой пещере, соответствует монашескому званию Илариона. Нестор использовал запись Илариона о своём избрании, дополнив её сведениями, почерпнутыми у старожилов Печерского монастыря.

Нестор считал Илариона мужем книжным. Действительно, первый русский митрополит был писателем. Его «Слово о законе и благодати» является выдающимся памятником раннего русского красноречия. В «Слове» Иларион, опираясь на библейские тексты, проводил мысль о том, что русский народ посредством крещения причислен к богоизбранным народам, а вследствие своей новизны в качестве христианского народа превосходит по богоугодности евреев:

*«Лепо бе благодати и истине **на новы люди** восияти. Не вливают бо по словеси господню вина новаго учения благодатня в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе...*

***На ново учение** новы мехи, **новы языки**, и обое соблюдется яко же и есть. Вера бо благодатная по всей земли простресе и до нашего языка **русского доиде**. И законное озеро пресие (пресеклось. — В. Т.), ева[н]гельский же источник наводнився и всю землю покрыв, и **до нас разлиася**, се бо уже и **мы** с всеми христианами **славим святую Троицу**, а Иудея молчит». (23, 88)*

С восторженностью неопита автор воссоздаёт ход библейской священной истории и при этом *«дополна насыщается сладости книжной»*. Особое упоение он находит в том, что обращается *«не к врагам Божиим иноверным, но к самим сынам Его, не к странам иным, но к наследникам небесного царства»* — к соотечественникам, ставшим святым народом.

Сделав обзор ветхозаветной и новозаветной истории, автор переходит к русским событиям:

*«Похвалим же и мы, по силе нашей, малыими похвалами великая и дивная сотворешааго **нашего учителя** и наставника, великааго **кагана** нашея земли **Володимера**, внука старааго **Игоря**, сына же славнааго **Святослава**. Иже в своя лета владычествующе мужеством же и храборством прослыша в странах многих и победами и крепостию поминаются ныне и словут. Не в худе бо и неведоме земли владычество ваша, но в **Руске**, яже **ведома** и слышима есть всеми **четырьми конци земли**»*. (23, 91–92)

Уже в зачине похвалы Владимиру Святому Иларион ставит Крестителя Руси в один ряд с самыми главными апостолами, первым фактически провозгласив его равноапостольным. Если Владимир своими победами прославился во многих странах, то Русь благодаря славным деяниям предшествующих поколений всемирно известна. Эта великая гордость за свою Родину выдает в Иларионе пламенного патриота.

Иларион выступает в качестве осведомлённого в вопросах русской истории писателя. Он знает о покорении Владимиром соседних народов, крестильное имя великого князя *Василий*. Крещение всей Руси, по мнению Илариона, происходило единовременно благодаря применению государством силы. Во время крещения шло разрушение капищ, сокрушение идолов, велось церковное строительство, на горах основывались мужские и женские монастыри. Ему известна благотворительная и законодательная деятельность великого князя. Одним из главных деяний Владимира было строительство церкви в честь Богородицы, в которой затем было погребено его тело.

Рассказ Илариона стал основой летописной версии жизни Владимира Святого. В летописи эта лаконичная биографическая зарисовка

дана в более развёрнутом виде и снабжена хронологическими указаниями. Отсутствуют только сведения об устройении монастырей. Формирование летописных сводов велось монахами Печерского монастыря, которые пытались представить свой монастырь первоначальным центром монашества на Руси. Не соответствующие этому мнению сведения о более ранних монастырях были уничтожены. По этой же причине было сокрыто монашество Илариона ещё в его бытность пресвитером в Берестове.

Похвала Владимиру производила столь большое впечатление на читателей, что всё «Слово» помещали в богослужебные книги и зачастую использовали 15 июля для чтения в церквях в память о Владимире Святом. Похвала стала выполнять функции жития.

«Слово» заканчивается славословием Георгию-Ярославу, сыну Владимира Святого, и молитвой Владимира за всю Русскую землю. Такова так называемая первая редакция сочинения Илариона, которую исследователи считают самой древней. Она сохранилась в единственной рукописи XV века, происходившей из Синодальной библиотеки и ныне хранящейся в Государственном историческом музее под № 591. Наибольшее распространение получила вторая редакция, в которой похвала Ярославу значительно короче, а заключительная молитва Владимира отсутствует. Имеет она и иные отличия от первой редакции. В так называемой третьей редакции «Слова» присутствует вставное сочинение, получившее условные названия «Пророчества» и «Слово о Христе и об Адаме».

Во второй и третьей редакциях «Слова о законе и благодати» наиболее поздним упоминаемым событием является освящение Софийского собора. Собор этот представлен посвящённым мужской ипостаси Софии Премудрости Божией:

*«Иже дом Божиим великии святыи **Его Премудрости** созда на святость и освящение граду твоему иже всякою красотою украси о Христе Исусе, Господе нашем, ему же слава с Отцем и Святым Духом, и ныне и присно, и в веки веком аминь».* (23, 156)

Храм был посвящён Троице и Премудрости Божией, которая сближена с Христом, вторым членом Троицы. Изображение Христа на куполе собора восходит к этим религиозным представлениям. В первой редакции находим уже иную картину:

*«Иже дом великийи святыи Его Премудрости созда, на святость и освящение граду твоему, юже с всякою красотою **украси златом и серебром** и каменiem драгым, и сосуды честными, яже церкви **дивна и славна** всем округним странам, яко же ина не обрящется в всем полунощи земнеем, от востока до запада и славныи **град твои Киев** величеством яко венцом обложил, **предал** люди твоя и град святеи всеславнии скорей на помощь христианом святеи **Богородици**, еи же и церковь на великих **вратех** созда в имя первааго господьскааго праздника святааго **Благовещения**».* (23, 97)

Главный собор Киева и соответственно вся русская столица были переданы под покровительство Богородицы. Софийский собор при этом причислен к богородичным храмам и назван самым дивным и славным во всей северной половине Земли. В западноевропейских странах было много более величественным каменных церквей. Претензии на превосходство могли иметь веские основания после украшения собора роскошными мозаиками, богородичные сюжеты которых были явлены на всеобщее обозрение не ранее освящения 1045 года.

В первой редакции самое позднее событие — возведение церкви Благовещения на Золотых воротах. Ирина, супруга Ярослава, названа здравствующей. Великая княгиня, согласно летописной традиции, скончалась в 6558 году. В зависимости от используемой эры она умерла в 1050 году или позднее.

Благовещенская церковь на Золотых воротах, согласно изысканиям Н. Н. Розова, была освящена 26 марта 1049 года. В этот день, по мнению исследователя, Иларион и зачитал своё «Слово». (23, 70) Дата близка к Благовещению, отмечаемому 25 марта, и совпадает с Пасхой. Пасхальный характер события придаёт версии Розова особую убедительность.

Во всех редакциях «Слова» причиной просвещения Руси названа снизошедшая на Владимира Святого Божия благодать:

*«Приде на не посещение **Вышняго**, призре на не всемилостивое око благого Бога и восия разум в сердцах его, яко разумети суету, идольскии лести и взыскати единого Бога, сотворившааго всю тварь видимую и невидимую.*

*Паче же слышано ему бе всегда о **благоверней земли греческеи**, христоролюбивей же и силней верою. Како единого Бога в трех чтут и кланяются. Како в них деются силы и чудеса и знамения. Како церкви люди исполнены. Како веси и гради благоверни. Вси молитвах прилежат, вси готови предстоять. И си слышав **вождем сердцем** и возгореся духом, яко же бытии **ему христиану и земли его**, еже и бысть».* (23, 122)

Здесь в ущерб исторической правде отброшена мысль об участии Византии в крещении Руси. Византия была только примером, которому последовал Владимир, ведомый Божией волей. Характерен перечень апостолов, который открывает похвалу Владимиру:

*«Хвалит же похвальными гласы **Римская страна Петра и Павла**, имя же веровашиа в Иисуса Христа Сына Божия, Асия и Эфес и Патмос (остров Патмос. — В. Т.) — **Иоанна Богословца**, Индия — **Фому**, и Египет — **Марка**. Вся страны и гради и людие чтут и славят коегождо их учителя, иже **научиши православней вере**».* (23, 150)

На первое место поставлены апостолы католического Запада. Апостол Андрей Первозванный, скончавшийся в Греции, не назван. Между тем, согласно церковным преданиям, он был покровителем Константинополя. В стоявшем на месте позднейшей византийской столицы античном городе Византии Андрей посвятил первого епископа Стахия и был в Константинополе одним из самых почитаемых святых. В перечне просветителей он должен был значиться апостолом Византийской империи. Но его имя из перечня было вычеркнуто. Не спасло даже то, что, согласно сказаниям, Андрей просвещал скифов-русов и проследовал через их земли от Киева до Новгорода.

Антивизантийская направленность «Слова» соответствует духу реформы 1045 года, и ни одна из редакций не могла появиться ранее войны 1043 года.

Во второй редакции Владимир сопоставляется с равноапостольными Константином Великим и его матерью Еленой. Византийские

святые принесли Крест Господень из Иерусалима в Константинополь, а Владимир принёс крест из Константинополя на Русь. В третьей редакции в качестве предшественника Владимира по распространению христианства на Руси объявлена его бабка великая княгиня Ольга. Это дополнение есть и в первой редакции.

В Десятинной церкви стоял саркофаг с мощами св. Ольги. В летописях не сохранилось известие о перенесении останков княгини в Десятинную. Под 6552 годом в них сообщается о захоронении здесь праха давно умерших дядей Ярослава — Ярополка и Олега Святославичей:

*«В лето 6552. Выгребоша 2 князя, **Ярополка** и **Олга**, сына Святославля, и крестиша кости ею, и **положиша** я в церкви святых **Богородици**». (29, 67)*

Краткое славословие Ольге, появившееся в третьей редакции, следует связать с формированием культа великой княгини. Начало его было положено ещё Владимиром Святým. В житии под 11 июля есть запись:

*«И взял (Владимир) **тело** от земли **бабы** своея нетленно, и вложиша в **раку** **древяну**, и поставиша в церкви святых **Богородица**». (22, 436)*

Мощи вырыли из земли и положили в деревянную раку в Десятинной. В житии Ольги имеется похожий, но более обширный рассказ:

*«И по сем, времени много минувишу по преставлении святая (Ольги. — В. Т.), внук же ея блаженный князь **Владимир** вспомяну о мощех святых бабы своея, и прииде на место сам с **митрополитом** и со всем священным собором и с фимяном (фимиамом. — В. Т.), и раскопавше землю, и обретоша честных мощи святых княгини Ольги целы и нерушимы пребывают. Они же прославиша Бога, и **вземше мощи**, и положиша в церкви святых Богородица, в **гробе** **каменее мале**.*

*И на верху гроба того честнаго **оконце** сотвориша, и туде видят блаженный тело лежащее цело и тлению непричастно, но светящееся, яко солнце. А иже кто придет с верою к гробу святых, и оконце оно, иже на гробе святых, само о себе отверзнется, и видят честное тело и мнози приемлют исцеление неоскудно. А другим, иже не с верою приходящим к честному ковчегу святых, не отворится оконце гробное, и не видят святого и честнаго ея тела, но токмо гроб видяху святых». (22, 539)*

В перенесении мощей великой княгини участвовал митрополит. Местом хранения мощей определён каменный гроб, а не деревянный. Начиная с описания гроба всё дальнейшее повествование о чудесах при гробе заимствовано из «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру» Иакова Черноризца. К первоначальному рассказу о помещении мощей при Владимире Святom в деревянную раку был присоединён более поздний рассказ, в котором рака была уже каменной.

Митрополит Макарий (Булгаков) связал перенесение мощей св. Ольги при её внуке с сообщением старших летописей о принесении неких святых в Десятинную. (22, 436) В Радзивиловской летописи это сообщение звучит так:

*«В лето 6515. Принесени **святѣи** в святую Богородицу».* (29, 58)

В Тверской летописи это событие связано с перенесением мощей, но не бабки великого князя, а его сына и внука:

*«В лето 6515. Принесени **Изяслав и Всеслав** в святую Богородицу».*
(30, 121)

В летописной легенде о Рогнеде, восходящей к полоцкому летописанию, прослеживается мотив нелюбви Владимиром Святым Изяслава. Татищев приводит речь Рогнеды:

*«Ныне же имеешь много других жен и детей, меня и сего младенца, рожденного мною (указав ему на **Изяслава**), **не любишь**».* (38, 141)

Включение имён умерших князей в летописную статью 6515 года следует отнести на счёт догадок поздних летописцев, так как непосредственно пред этим сообщалось о кончине Изяслава и Всеслава. Останки этих Рюриковичей не могли быть названы святыми. Поводом стала описка, которую находим в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского, где вместо слова «**святѣи**» стоит слово «**сии**», что и было понято как указание на перечисленных пред этим князей. (25, 46) Но неправильная догадка летописца подтверждает предположение

Макария. В статье 6515 года речь шла о перенесении мощей, но имя уже было изъято. Позднее было истреблено и само упоминание мощей.

Святыми мощами в начале XI века могли быть мощи св. Ольги, предшественницы Владимира Святого в деле просвещения Руси. Более ранние просветители, такие как киевский Аскольд-Николай, не причислялись к Рюриковичам, и их деятельность замалчивалась.

Одиннадцатое июля приходилось на воскресенье, когда воспоминание об Ольге переживалось острее обычного, в 1008 году. У Татищева эта статья расширена:

«6515 (1007). Пренесени из Царяграда святии иконы в церковь святых Богородицы». (38, 69)

Повышенного внимания к Десятинной, выразившегося в её украшении константинопольскими иконами, следует ожидать во время воскресного культа Успения, главного культа этого храма во Владимирову эпоху. Воскресным Успение было в 1008 году. В этом году церковь возглавлял митрополит Иоанн, который позднее участвовал в перенесении мощей святых братьев Бориса и Глеба. Так что этот митрополит соглашался с прославлением русских святых. Перенесение мощей св. Ольги в Десятинную церковь следует отнести к воскресенью 11 июля 1008 года. Летописное сообщение имеет «эру –5507 года». Особо пышное празднование в этот год Успения сопровождалось украшением храма константинопольскими иконами.

В эпоху Ярослава Мудрого деревянная рака для мощей св. Ольги была заменена на каменную. Эту замену следует связать с очередной попыткой её прославления. Прославление Ольги в церкви, где покоился её внук Владимир, было одной из причин перенесения сюда же останков остальных внуков. Захоронение в церкви неправославных родственников Ярослава с посмертным их крещением необычно для православной традиции.

Едва намеченная во второй и третьей редакциях «Слова» похвала Георгию-Ярославу в первой редакции существенно дополнена. Более

подробно описан Софийский собор, далее находим славословие всей семье Ярослава:

*«И на земли не беспамятна оставил сыном твоим. Встани, виждь чадо свое **Георгия**, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь его же Господь изведе от чресл твоих, виждь красящааго столь земли твоеи и возрадуися и возвеселися. К сему же виждь и благоверную **сноху** твою **Ерину**, виждь **внуки** твоя и **правнуки**, како живут, како храними суть Господем, како благоверие держат по преданию твоему, како во святыя церкви честят, како славят Христа, како поклоняются имени его».* (23, 98)

Супруга Ярослава шведская княжна Ингигерд названа здесь христианским именем *Ирина*. Во время написания этой редакции у Владимира Святого уже были правнуки.

За славословием Ярославу, заканчивающимся описанием Благовещенской церкви, следует относительно самостоятельное славословие «честной главе» Владимира, сделанное в виде обращения к князю, как бы временно спящему:

*«Встани, о честная главо, от гроба твоего, встани, **отряси сон**, неси бо умерл **но спиши** до обшааго всем встания. Встани неси умерл неси бо ти лепо умерети веровавшу в Христа живота всему миру. Отряси сон, возведи очи, да видиши, какая чести Господь тамо сподобив».* (23, 98)

Сделав обзор благотворных последствий деяний Крестителя Руси, включая процветание его благоверного рода, автор вновь обращается к «честной главе» Владимира с просьбой помолиться за всю Русскую землю, и особо за благоверного Георгия-Ярослава. Молитва органично продолжает содержание предыдущего текста и является составной частью этого славословия.

Обращение к главе Владимира Святого свидетельствует о начале почитания его мощей. Позднее главой св. Бориса и рукой св. Глеба благословлялись собравшиеся люди. Пётр Могила по обнаружении в развалинах Десятинной церкви захоронения Владимира Святого забрал из него главу и правую руку, которые стали почитаемыми святынями.

Судя по содержанию редакций «Слова», все они принадлежат одному автору, который неоднократно перерабатывал своё сочинение, дополняя и развивая заложенные в нём мысли. Самой ранней была так называемая вторая редакция, самой поздней — первая. В тексте видны следы и более ранних этапов создания сочинения.

Древнейшим ядром «Слова» является его начальная часть, представляющая собой славословие Христу с использованием ветхозаветных и новозаветных сюжетов. Уже здесь излагается мысль о богоизбранности русов, которая далее развивалась и подкреплялась дополнительными аргументами. Затем к этому первоначально самостоятельному богословскому трактату было присоединено славословие Владимиру Святому, начинавшееся воспоминанием апостолов, просветивших разные страны, и заканчивавшееся обычным для церковных сочинений того времени амином.

Война 1043 года вызвала у русов враждебность по отношению к Византии. Византия между тем для русского православия традиционно была основным вместилищем святости, поэтому потребовались иные священные основания для духовной опоры. Одним из таких оснований было признание прямого получения Русью святости от Бога посредством Крестителя Руси, минуя Византию. Днём памяти Владимира Святого было 15 июля, которое приходилось на воскресенье в 1044 году. Со вспышкой интереса к великому князю в 1044 году следует связать первый опыт Илариона по составлению славословия Владимиру Святому в качестве продолжения написанной ранее священной истории.

По наблюдению Н. Н. Розова, «Слово» написано на евангельский текст, читаемый на Пасху. (31, 147) Так что славословие Владимиру было обнародовано на Пасху 22 апреля 1044 года.

Древнейшая редакция «Слова» не получила самостоятельного хождения. Судя по всему, она была озвучена во время церковной службы в загородном Берестове и оказалась недоступной для иных книжников. Но Ярослав заметил талантливого идеолога, и, поощрённый его вниманием, Иларион более чем вдвое расширил славословие Владимиру, дополнив его кратким славословием Ярославу. Таким образом появилась так называемая вторая редакция «Слова».

В так называемой третьей редакции есть лаконичное славословие великой княгине Ольге. С Ольгой в святцах связаны два дня — её успение 11 июля и освящение построенной ею Софийской церкви 11 мая. После 1044 года 11 июля было воскресным в 1053 году, 11 мая — в 1046 году. Первая дата более поздняя, нежели 1049 год, когда появилась уже следующая редакция «Слова». Остаётся 11 мая 1046 года.

Одиннадцатого мая празднуется Обновление Царьграда в честь основания в 330 году императором Константином Великим на месте провинциального Византия столичного Константинополя. Освящению 11 мая 330 года новой столицы Римской империи, названной императором Новым Римом, предшествовало крупное городское, крепостное и церковное строительство, начавшееся в 326 году. Так, протяжённость новых стен относительно старых увеличилась в семь раз.

Празднование в честь Обновления Царьграда было созвучно церковному киевскому строительству Владимира Святого и проводимой Ярославом реконструкции Киева. Но ещё более примечательным является то, что это был богородичный праздник. В «Месяцеслове» императора Василия Македонянина читаем:

*«Когда великий из царей и христианнейший **Константин**, избрав Византию, распространил её и вместо Византии, по собственному имени, назвал ее Константинополем и, **оградив его стенами, построил в нём здания и святыи церкви**. Тогда, **посвятив его** Владычице Преславной нашей и Приснодеве **Марии** и воздая Богу за сие дело благодарения и моления вместе с патриархом, клиром и народом, вышел на площадь, на которой граждане поставили его столб, носящий на верху святыи гвозди Христа и Бога нашего; внизу его лежат 12 корзин избывших укругов пяти хлебов. С того времени обычаем утвердилось праздновать сие торжество до настоящего времени».* (35, 178)

Константинополь был отдан под покровительство Богородицы, и 11 мая чествовалось это событие. В 1045 году Киев также был передан под покровительство Богородицы, и в следующем году более раннее аналогичное византийское событие, из-за того что празднество приходилось на воскресенье, должно было представлять повышенный интерес. Воспоминание в 1046 году об Ольге при сопровождении столь

созвучного реформе 1045 года празднества было актуальным. Исходя из исторического контекста обнаружение так называемой второй редакции «Слова» следует приурочить к Пасхе 1045 года, третьей — к Пасхе 1046 года.

Редакция «Слова» 1045 года получила наибольшее распространение, несмотря на то что последующие версии были более проработанными и содержали дополнительный набор очень важных идей. Это говорит о том, что её прочтение было связано с наибольшим присутствием грамотных людей, снявших копии с понравившегося им сочинения.

В 1045 году проходили общенародные торжества, связанные с реформированием культа столичного храма. Яркое сочинение стало известно съехавшимся в столицу представителям разных русских земель.

Иларион провозгласил Владимира вторым Константином, формируя основы русского православия, опирающегося на национальные святыни. Но в качестве примера благой деятельности императора было взято не напрашивающееся ввиду хронологической близости чествование константинопольского строительства, а перенесение Креста Господня из Иерусалима в Константинополь.

Владимир Святой вёл городское, крепостное и церковное строительство и этим был схож с обновителем Царьграда. Что же касается перенесения Владимиром в Киев каких-либо крестов, то в описаниях крещения Руси об этом ничего не говорится. Речь может идти только о символическом перенесении креста как символа веры и насаждения христианства.

Крест Господень был найден в Иерусалиме в 326 году благодаря стараниям Елены, матери Константина Великого. Елена, согласно преданиям, отправила сыну только частицу Креста. Она скончалась около 327 года до основания Константинополя. Сам же Крест был помещён в храм, построенный в Иерусалиме над Гробом Господним.

Иерусалимский храм Гроба Господня был освящён в воскресенье 14 сентября 335 года. День освящения стал со временем праздником в честь Воздвижения Креста Господня. Так что и относительно Константина и Елены о перенесении Креста из Иерусалима в Константинополь можно говорить только в символическом плане. Но символизм перене-

сения уже не требовал привлечения образа Елены. Асимметричность сравнения бросается в глаза: Владимир сопоставляется сразу с двумя персонажами — Константином и Еленой:

*«Он (Константин I Великий. — В. Т.) с матерью своею Еленою крест от Иерусалима принесши, по всему миру своему разславша, веру утвердиста. Ты (Владимир Святой. — В. Т.) же убо **подобен тема**, принесе **крест** от Нового Иерусалима Костантина града, и сего **по всеи земли своей постави** и утверди его ж убо подобник сыи». (23, 155)*

Рассуждения возникли под влиянием крестовоздвиженского праздника. Воздвижение крестов по всей Руси позднейшая церковная традиция связывала с Ольгой, а не с Владимиром. В её житии читаем:

*«И посем святая нача требища и кумиры сокрушати по многим местом и в тех же место нача **кресты** Христовы **поставляти**, **кресты** ж те — Христовы знамения и чудеса творят и до сего дни, идеж святая поставила быше». (10, 37–38)*

Автор жития ещё застал кресты, поставленные Ольгой. Иларион, называя Константина и Елену, хотел противопоставить им русскую пару — Владимира и Ольгу-Елену, но не решился, ограничившись только именем Крестителя Руси. Славословие Ольге он напишет позднее.

Одиннадцатого мая и 14 сентября приходятся на воскресенье в один год. Это облегчало сближение образов двух просветительниц — византийской и русской. Как показывает освящение Благовещенской церкви на Золотых воротах, существовала традиция годичного предуготовления к предстоящему воскресному характеру церковного праздника. Появление крестовоздвиженских мотивов в редакции 1045 года можно объяснить этим предуготовлением. Но уже в «благовещенском» 1046 году Иларионом был сделан следующий выдающийся шаг в формировании русского православия: Ольга была названа предшественницей Владимира в просвещении Руси и поставлена в один ряд с равноапостольной Еленой.

Иларион участвовал в праздничных сентябрьских событиях 1045 года. Уже тогда посредством намёков в распространяемом им сочинении

велась агитация в пользу признания святости великой княгини Ольги. В 1046 году эта агитация дала свои результаты.

Одиннадцатого мая 1046 года в Десятинной церкви останки Ольги были перенесены в новую каменную раку, туда же были принесены останки её двух внуков. Во время последующей реставрации в Киеве византийских порядков сведения об этой попытке канонизации св. Ольги были уничтожены. От рассказа сохранилось только упоминание о перезахоронении князей с датой по использовавшейся Иларионом «эре –5506 года». Аналогичным образом были истреблены следы первой попытки её канонизации в 1008 году.

В «Слове» редакции 1049 года Иларион провозглашает святость своего современника Ярослава, продолжившего деятельность Ольги и Владимира:

*«Добр зело послух сын твои **Георгии**, его же сотвори Господь **наместника по тебе** твоему владычеству».* (23, 156)

Преемником Владимира Ярослав стал по Божьей воле, продолжив святое дело отца на тех же основаниях — под непосредственным водительством небесных сил.

Всплеск почитания Крестителя Руси должен был прийтись на воскресенье 15 июля 1050 года. Это был год особого празднования Благовещения, и не только его. Воскресным было 13 мая, когда чествуются святой Георгий Исповедник с женой Ириной и чадами. (34, 141) Столь примечательное совпадение имён древнего святого семейства и семейства Ярослава усиливалось близостью празднования к почитаемым в Десятинной церкви дням памяти её переосвящения 12 мая и перезахоронения св. Ольги. Соединение в самой поздней так называемой первой редакции «Слова» всех этих мотивов говорит о том, что она была создана в 1050 году и обнародована на Пасху 15 апреля. Редакция 1049 года, заканчивающаяся благовещенскими событиями, самостоятельного хождения не имела.

В 1050 году Креститель Руси чествовался в качестве святого. В связи с этим Иларион значительно расширил славословие Владимиру, представив его покровителем всей Русской земли. Особое обращение к гла-

ве святого говорит о том, что торжества включали в себя крестный ход у Десятинной церкви с вынесением главы Владимира.

Канонизация Владимира накрыла ореолом святости и всё его потомство, поэтому Иларион славословил Ярослава, Ирину, их детей и внуков. С этим же кругом идей связаны фрески Софийского собора, изображавшие семейство Ярослава вокруг Крестителя Руси. (15, 172) Сам Ярослав на рисунке Вестерфельда представлен подносящим модель выстроенного им Софийского собора Владимиру Святому, стоящему в центре композиции с нимбом вокруг головы. (15, 152–153) Фреска была написана под влиянием событий 1050 года.

Иларион работал над «Словом о законе и благодати» в эпоху митрополита Феопемпта. Болгарское происхождение этого митрополита и его ближайшего окружения косвенно подтверждает наличие большого числа болгаризмов в «Слове». (23, 44–47)

В старших летописях в статье 6545 года после сообщения о заложении града и Софийского собора следует упоминание о монастыре св. Георгия:

*«В лето 6545. Заложил Ярослав град великий, у него же града суть врата Златыя. Заложил церковь святая София и митрополю, по сем святого **Георгия монастырь** и святых **Ирины**».* (29, 65)

Наряду с Софийским собором шло и иное церковное строительство. Был возведён Георгиевский монастырь с одноимённым храмом, в котором был позднее похоронен Судислав. Судя по контексту, выражение «святых *Ирины*» можно понять как указание на строительство женского монастыря. Так его понимал Татищев или его информатор:

*«6545 (1037). Ярослав совершил град великий в Киеве, а у него же суть врата златыя и церковь святых Софии, посем церковь на златых вратах святых Богородицы благовещенье, также святого **Георгия и монастырь святых Ирины**».* (38, 78)

Союз «и» смещён, так что речь идёт о монастыре св. Ирины. Более определённо о строительстве женского монастыря говорится в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны:

*«Великий князь Ярослав Владимирович созда великую каменну пречюдну святую Софию и всю мусиею (мозаикой. — В. Т.) и списав в лето 6545 и митрополию в неи сотвори, мать градовом нарек, и врата Златы граду устрои и на вратех церковь Благовещенья пресвятыя Богородицы постави. Святаго великомученика **Георгия церковь** созда и **монастырь** при неи устрои. Святыя **Ирины церковь** постави, иже есть Мир Христа моего, и **монастырь** при неи устрои, и ины многи церкви постави и монастыри устрои». (18, 222)*

Софийский собор назван великим каменным и пречудным храмом, разукрашенным мозаикой. Дан перевод имени *Ирина* с греческого в христианской трактовке — не просто «мирная», а «Мир Христа моего». Оговорено строительство монастырей, как при Георгиевской церкви, так и при Ирининской.

В последующем никаких упоминаний о наличии женского Ирининского монастыря нет. Женский великокняжеский монастырь возник позднее при Андреевской церкви. В житии св. Феодосия в описании событий второй половины XI века упоминается женский монастырь св. Николая, куда постриглась мать св. Феодосия. Поэтому обычно считается, что при Ярославе была построена церковь св. Ирины. Рассказ дополнен сведениями об уже известном нам строительстве Благовещенской церкви.

В Тверской летописи помещён более обширный рассказ:

*«В лето 6545. Совершен бысть великий град Киев, и церковь святая София совершенна, а у града враты Златы. Того же лета великий князь Ярослав митрополию устави и две церкви постави, на Золотых воротех Благовещение и святаго мученика **Георгия, октября 26**, и ины многы церкви постави, а **манастьяря** устрои». (30, 147)*

О монастыре говорится в единственном числе. Фраза «и ины многы церкви постави» является вставкой. Первоначально говорилось о строительстве монастыря в честь св. Георгия. Здесь церковь св. Ирины не упоминалась и редактор, знавший о её возведении, вставил фразу о строительстве многих церквей.

Двадцать шестого октября отмечается память великомученика Димитрия Солунского. Это был один из самых почитаемых святых в славянских странах. В летописной легенде о покорении Олегом Вещим Царьграда св. Димитрий выступает покровителем русов. В Софийском соборе его изображение помещено на одном из самых почётных мест. Перенесение на день памяти св. Димитрия праздника, связанного с Благовещенским или Георгиевским культом, сомнительно, тем более что для освящения Благовещенской церкви имеется более соответствующая мартовская дата, а для освящения Георгиевской церкви — ноябрьская.

Св. Димитрий был проконсулом Солуни и на иконах изображался в воинском облачении. Наряду со св. Георгием Победоносцем он был покровителем воинов и защитником от воинских напастей. Двадцать шестое октября приходилось на воскресенье в 1040, 1046, 1057 годах. Первый этап строительства включал в себя строительство града с Золотыми воротами и Софийского собора. Летописцы сближали эти события во времени. Двадцать шестое октября соответствует освящению главного оборонительного сооружения города — Золотых ворот, которое состоялось в 1040 году.

Первоначально Золотые ворота были отданы под покровительство Димитрия Солунского. После реформы 1045 года на воротах построили богородичную церковь. В Ипатьевской летописи её возведение объяснено так:

*«Сии же премудрии князь Ярослав того дея створи **Благовещение** на вратех дать всегда **радость граду** тому святым благовещением Господним и молитвою святыя Богородица и архангела Гаврила».* (13, 139)

В более ранней Радзивилловской летописи этих слов нет. Дополнение было составлено на основе имевшей хождение редакции 1050 года «Слова», в котором относительно Благовещенской церкви читаем:

*«Да еже целование архангел даст девици будет и граду сему. К онои бо **радуися** обрадованая Господь с тобою, к граду же **радуися** благовернии **граде** Господь с тобою».* (23, 97–98)

Главные городские ворота были отданы под защиту Богородицы, а к св. Димитрию в качестве их защитника присоединился Архангел

Гавриил. Киевляне называли софийскую Богородицу-Оранту «*Нерушимая стена*». Это прозвание основано на словах богородичного акафиста «*царствия нерушимая стена*». (530, 47) С. С. Аверинцев так поэтично передал воззрения средневековых киевлян:

*«Богородица **Оранта** не просто молится, но молитвенным усилием своих воздетых рук **сдерживает натиск враждебных сил**, как Моисей в битве с амалекитянами. Слов нет, киевлянин XI столетия жил на земле и прежде всего думал о "благосостоянии" своего **земного града**, о том, чтобы последний так же твердо стоял, как стоит на своих сильных ногах массивная фигура его "**Нерушимой Стены**"».* (1, 48)

Судя по мозаикам Софийского собора, Богородица-Оранта была связана с культом Благовещения. В ипостаси благовещенской Нерушимой стены она с 1049 года стала охранительницей Золотых ворот и всего Киева.

Георгиевская церковь, стоявшая напротив входа в Софийский собор, согласно святцам, была освящена 26 ноября митрополитом Иларионом:

*«Освящение церкви св. великомученика Георгия, яже в Киеве пред враты св. Софии. Освящена **митр. Иларионом** в 1037 г., при Ярославе Владимировиче, нареченном во св. крещении Георгием».* (5, 189)

В проложном «Сказании об освящении церкви Георгия в Киеве пред вратами св. Софии» также сообщается о том, что святителем был митрополит Иларион. (23, 5) Георгиевскую церковь освятили не ранее 1053 года. Воскресным 26 ноября было в 1055 году, к которому и следует приурочить освящение.

В Мазуринском летописце 26 ноября связано с чудом св. Георгия о змие:

*«Лета 6545 же **ноября в 26 день** освящения церкви святого великомученика Георгия, иже в Киеве у святых врат святыя Софеи, при великом князе Ярославе Владимировиче. В сий день святой **Георгий избави девицу от змия**, дщерь цареву, иже дана бысть отцем своим змию на снедение у града Ласия,*

еже есть Арав. Девица же наречена бысть во святом крещении Мария».
(21, 52)

Популярность празднования осеннего Георгия привела к закреплению его образа в качестве поражающего змия воина.

Христианским именем Ярослава Мудрого было *Георгий*, так что церковь св. Георгия он воздвиг в честь своего небесного покровителя. Название второй церкви соответствует имени его супруги. Ещё Татищев предполагал, что церковь св. Ирины была поставлена в честь Ингигерд. Это строительство он сравнивал с возведением Ярославом в честь себя новгородского Юрьева монастыря. (38, 241)

Чествование 13 мая св. Георгия Исповедника, его супруги Ирины и их детей, посредством которого прославлялось семейство Ярослава, позволяет понять разночтения в источниках. Церковь Георгия Победоносца и монастырь при ней имели культ святого семейства Георгия Исповедника, поэтому одни писатели называли только имя отца святого семейства, другие добавляли имя его супруги. Церковь св. Ирины появилась позднее. Поводом к строительству, видимо, стала кончина Ингигерд, которую похоронили в церкви, специально построенной в честь её небесной покровительницы.

Став митрополитом, Иларион продолжил прославление Ярослава и его семейства, создав церковь и монастырь Георгия и Ирины. Не оставил он и литературных занятий. Цезарь Бароний под 1034 годом пишет:

*«Ярослав, князь российский, имея мир, созидаше церкви и монастыри, наипаче в Киеве, идеже церковь святыя **Софии** изрядно воздвиже, и главу ея позлащенными **досками покрыв**, и **утварьми** драгими церковь оную от злата и серебра, и **книгами** и **ризами** украси».* (2, 1099)

Здесь помещён отрывок из иной, более полной, редакции рассказа о церковном строительстве на Руси, нежели в летописной статье 6545 года. Бароний посредством польских сочинений сообщает об украшении собора позолоченным куполом, о выделении драгоценной церковной утвари, книг, церковных одежд. Строительство велось не только в Киеве, но и в других русских городах.

Характер отрывка более соответствует помещённому далее в летописной статье 6545 года прославлению деятельности Ярослава по распространению христианства. Из славословия Ярославу летописец сделал сухую выжимку о строительстве в Киеве, которая была дополнена текстом из славословия.

Бароний сообщает о наступлении мира, способствовавшего началу общерусского церковного строительства. Это соответствует эпохе, последовавшей за победой над Брячиславом.

Славословие Ярославу было посвящено его строительной деятельности, распространению православия на Руси и пользе книжного знания. В старших летописях сохранился такой текст:

*«И по сем же нача вера христьянская плодится и расширятися, и черноризци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковныя уставы, и попы любяше повелику, излиха же черноризци, и **книгам прилежа** и почитая часто в нощи и во дни. И собра писци многы, и прелагаше от грек на словенское писма. И **списаше книги многы**. Ими же поучающиеся вернии людие **наслаждаются учения божественного** ...*

*Ярослав же сеи, яко же рекохом, любим бе книгам, и многы исписав и положи в святей Софии, юже созда сам. И украси ю златом, и серебром, и сосуды церковными, в ней же обычныя песни Богу воздают в годы обычныя. И иные **церкви ставляше по градом и местом**, и поставляя попы и дая им от имени своего урок, веля им учити людие, понеже тем есть поручен Богом, и приходит часто ко церквам.*

*И умножишася презвитери и люди христьянстии. И **радовашася Ярослав**, видя многи церкви и люди христьяны зело, а враг сетовашеся, побежаем **новыми людьми христьянскими**». (29, 65–66)*

Здесь мы находим тот же круг идей и образов, что и в «Слове о законе и благодати». Русы названы новым христианским народом, наслаждающимся чтением священных текстов. Условно это произведение можно назвать «Словом о распространении веры» и приписать его авторство Илариону. Автор предстаёт обитателем Софийского собора. Упоминаемый Церковный устав был создан как раз в бытность Илариона митрополитом. Во вступительной статье Устава читаем:

*«Се яз князь великий Ярослав, сын Володимер, по данию отца своего сгадал есмь с митрополитом с **Ларионом**, сложил есмь греческий номоканун».* (23, 5)

В соответствии с Церковным уставом преступления против церкви и морали передавались из ведения князей и бояр на суд епископов с соответствующей передачей части собираемых при этом средств. (14, примеч. II, 108)

Самыми поздними событиями, отразившимися в «Слове о распространении веры», были строительство Георгиевской церкви и устройство в Софийском соборе скриптория, то есть книжной мастерской, и библиотеки. Для организации переводов церковных книг с греческого на славянский и последующего их тиражирования нужны были грамотные люди. С такой работой могли справиться только наиболее образованные монахи. Ближайший же мужской монастырь в то время находился в Переяславле-Южном — бывшей митрополичьей резиденции.

Став митрополитом, Иларион, будучи страстным поклонником церковной книжности, начал собирать в Киеве опытных монахов-книжников и устроил в Софийском соборе скрипторий. Для размещения монахов ему понадобился мужской монастырь. Ярослав поддержал начинания Илариона, и рядом с Софийским собором был основан великокняжеский Георгиевский монастырь, ставший оплотом учёности. «Слово о распространении веры» было написано в 1055 году по поводу освящения монастыря и обосновывало необходимость развития церковной книжной культуры.

Начальный вариант молитвы Владимира за Русскую землю появился в «Слове» редакции 1050 года. Молитва имела широкое хождение в разных вариантах. В одной из рукописей XVI века она имеет такое заглавие: «Молитва преподобного отца нашего Илариона митрополита Российскаго в нашествие иноплеменных, и за бездожие, и в смертоносие, и за всяко прошение». (23, 71) Большое влияние творчества Илариона на летописание позволяет сопоставить упоминание иноплеменных с позднейшими событиями.

В 1067 году на Русь впервые напали половцы, названные летописцами иноплеменными. Русские князья в битве с ними потерпели жесто-

кое поражение, что положило начало смуте — изгнанию великого князя Изяслава и возведению на престол Всеслава. Молитва подверглась редакторской обработке Иларионом под влиянием событий 1067 года. К этому времени она превратилась в самостоятельное произведение в виде молитвы за Русскую землю, что предопределило её последующую популярность.

Многоликий странник

После кончины Ярослава Иларион исчезает из древнерусских источников. Митрополитом стал Ефрем, упоминание о котором в новгородском летописании отнесено к самому началу княжения Изяслава. (26, 183) Позднее Ефрема сменил приехавший из Византии Георгий. Но Иларион был жив по крайней мере до 1067 года. Это значит, что при великом князе Изяславе Ярославиче произошло смещение Илариона с поста митрополита. Это открыло дорогу к церковному замирению с Константинопольской патриархией.

Современником Изяслава был церковный писатель Иаков Черноризец, послание которого к этому великому князю сохранилось. В «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иаков предстаёт продолжателем творчества Илариона. Он сравнивает Владимира с пророком Давидом и Константином Великим, княгиню Ольгу — с царицей Еленой, обитатели Руси названы новоизбранными людьми. Иаков именует Владимира во святом крещении Василием, вспоминает его отца Святослава и деда Игоря, строительство Десятинной церкви.

Иларион заложил основы прославления первых русских святых, с Иаковом Черноризцем связывают авторство «Жития Владимира» и «Сказания о святых страстотерпцах Борисе и Глебе». Иларион занимался церковным законодательством. Составленный им Церковный устав имел оригинальные черты и отличался от аналогичных греческих уставов. (23, 70) Иаков также интересовался церковным законодательством. Он перевёл с греческого составленное по его просьбе митрополитом Иоанном «Церковное правило». Иоанн возглавлял Русскую

церковь в 1080–1089 годах. (16, 696) Это означает, что Иаков скончался не ранее 1080 года.

При описании благотворительности Владимира оба автора говорят практически одним и тем же языком. Иларион:

«Многыя твоя нощныя милостыня и дневныя щедроты, яже к убогим творяще, к сирым, к болящим, к должным, к вдовам и к всем, требующим милости... Просящим подавая, нагыя одевая, жадныя и алчныя насыщяя». (23, 95)

Иаков Черноризец:

«Везде милостыню творяще, нагыя одевая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостию, церковники чтя и любя и милую, подавая им требование, нищия, и сироты, и вдовица, и слепыя, и хромыя, и трудоватыя и вся милую, и одевая, и накормя, и напаяя». (10, 28)

Созданная Иларионом аргументация в пользу прославления Владимира и Ольги у Иакова получила развитие. Если ранее Владимир сравнивался с равноапостольным Константином Великим, то теперь он прямо называется «апостолом в князех». Расширено славословие Ольге, её нетленное тело чудесным образом становится видимым внутри каменного гроба истинно верующим. Если у Илариона лаконично сообщается о покорении Владимиром соседних народов, то Иаков перечисляет войны с радимичами, вятичами, ятвягами, болгарами, хазарами, описывает поход Владимира на Херсонес, его свадьбу с царевной Анной и принятие им крещения. Примечательны хронологические выкладки Иакова:

«По святом же крещении поживе блаженный князь Владимир 28 лет. На другое лето по крещении к порогам ходи, на третье Корсунь город взя, на четвертое лето церковь камену святыя Богородица заложи, в девятое лето десятину блаженный и христолюбивый князь Володимер вда церкви святей Богородици и от имени своего... И седе в Кыеве Володимер в осмое лето по смерти отца своего Святослава, месяца июня в 11-й день, в лето 6486. Крестижеся князь Володимер в десятое лето по убиении брата своего Ярополка... Успе с миром месяца июля в 15 день, в лето 6523». (10, 29)

Крещение Владимира Иаков связывал с просветительской деятельностью митрополита Михаила, крестившего великокняжеское семейство в 987 году. Дата этого крещения имела «эру –5508 года», тогда как кончина Владимира была приведена по «эре –5506 года». Во второе лето по крещении в 988 году Владимир ходил в заморский поход на выручку византийским императорам, в третье лето, в 989 году, — захватил Херсонес.

Исходя из принятого счёта девятое лето, когда была введена десятина, выпадало на 995 год, тогда как десятина была введена в 993 году и реформирована в 997 году. В летописях закрепился 997 год, хотя дата при последующем редактировании была сбита на год и рассказ попал в статью предшествующего года. Введение десятины у Иакова датировалось по «эре –5506 года» 997 годом.

Вокняжение Владимира в 980 году у Иакова также датировано по «эре –5506 года». При этом июль ошибочно заменён на июнь. Восьмое лето по гибели Святослава от 972 года ведёт нас к 979 году, а не к 980-му. Гибель Святослава Иаков относил не к 972 году, а к 973-му. Видимо, дата смерти спутана с датой вокняжения Ярополка, помещённого в летописях под 973 годом. Упоминание о десятом лете по гибели Ярополка говорит о том, что вычисления делались от даты крещения по «эре –5508 года» и даты гибели Ярополка по «эре –5506 года».

Названные Иаковом даты от сотворения мира имеют «эру –5506 года», из чего следует, что сам он придерживался этой эры. Примечательна характеристика Иакова из летописного рассказа о св. Феодосии. Чувствуя приближающуюся кончину, печерский игумен озабочен выбором преемника:

*«Феодосии же рече им (монахам. — В. Т.): "Да аще от мене хочете игумена прияти, то аз сотворю вам не по своему изволению, но по Божьему изволению". И нарече им **Иякова презвитера**. Братъе же нелюбо, глаголюще яко: "Не zde пострижен". Бе бо **Ияков** пришел со **Лтеца** со **братом** своим **Паулом**. И нача братъя просити **Стефана деместника**, суца тогда ученика Феодосьева, глаголюще: "Взросл есть под рукою твоею и у тебе служил есть, сего ны даи". Рече им Феодосеи: "Се аз по Божью повелению нарекл был*

Иакова, се же вы своею волею сотворити хочете". И послушав их, даст им Стефана, да будет им игумен». (29, 78)

Иаков назван пресвитером, постригшимся в монахи на реке Альте, то есть в переяславском монастыре. У него был брат Павел. Феодосий хотел поставить Иакова вместо себя игуменом Печерского монастыря, но монахи на это не согласились и настояли на поставлении Стефана. Иаков представлен здесь выдающимся человеком, которому игуменство предназначалось самим провидением.

Иаков Черноризец пережил Феодосия и относился к нему с большим почтением. Им была написана служба Феодосию, которая в святцах читается под 3 мая. (34, 129)

Сходство творений монаха и пресвитера Илариона и монаха и пресвитера Иакова Черноризца столь велико, что мы можем отождествить обоих авторов. После ухода с поста митрополита Иларион был известен как Иаков Черноризец. Отсюда убежденность Феодосия в своём выборе. Выдающийся писатель, имевший опыт высшей церковной деятельности, действительно был достойной кандидатурой на роль игумена.

В «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» патриарх Иаков назван только один раз. У Илариона патриарх Иаков упоминается пять раз, и один раз в славословии Владимиру приводятся высказывания апостола Иакова. В этом можно усмотреть как интерес к святым с именем *Иаков*, так и знание одного из именований Владимира Святого в честь апостола Иакова, брата Господня. Пристрастие к имени *Иаков* свидетельствует о том, что Иларионом нашего писателя звали только в бытность его митрополитом. До и после он жил под именем *Иаков*.

Позднее творчество Илариона отличается от того, каким оно было до его избрания в митрополиты. Так, правители Руси уже не называются каганами, рассуждения на библейские темы становятся короче, а количество сведений из русской истории увеличивается. В «Похвале» автор выдаёт своё знание деятельности митрополита Михаила, так как сочинение содержит краткое зашифрованное славословие этому первому киевскому митрополиту, названному Феофилом. В «Слове

о законе и благодати» таких намёков нет, хотя в окружении Феопемпта, судя по софийским мозаикам, эта тема была известна.

Мотивы новых людей, сближение Владимира Святого с пророком Давидом и Константином Великим, пристрастие к творчеству апостола Павла характерны и для летописных славословий Крестителю Руси. Это выдаёт в Иларионе одного из авторов летописной традиции. Его житийные сочинения предшествуют житийным сочинениям летописца Нестора, из чего следует, что Нестор развивал творчество Илариона.

В 1074 году Феодосий хотел сделать Илариона игуменом Печерского монастыря. Весь тон летописного рассказа проникнут осуждением противников этого избрания. Зная пророческие способности Феодосия, мы можем не сомневаться в том, что ослушники были посрамлены и Божия воля со временем исполнилась.

В 1078 году игумен Стефан был изгнан из монастыря. Но его сменил не Иларион, а Никон. В Житии Феодосия именно Никон выведен самым близким из доверенных соратников Феодосия, замещавшим его во время отлучек из монастыря. Никона должен был рекомендовать Феодосий на пост игумена, и на нём как раз исполнилась Божия воля.

Шахматов считал Никона создателем летописного свода 1073 года. Летописец Нестор называл Никона Великим. М. Д. Приселков предполагал, что под именем *Никон* скрывался бывший митрополит Иларион. (16, 695) В житии Феодосия Никон, как и Иларион, назван пресвитером и черноризцем. (12, 318) Далее в этом житии встречаем два параллельных места, в которых книжник, работавший в келье у Феодосия, назван то Никоном, то Иларионом:

*«Многажды же пакы великууму **Никону** сидящу и делающу книги, и блаженууму (Феодосию. — В. Т.) вскраи того сидящу и **прядущу нити** еже на потребу таковууму делу...*

*И се пакы те же чернец Иларион споведа ми. Быше бо и **книгам хытр писати**, сий по вся дни и нощи **писаяше книги в келии** у блаженааго отца нашего **Феодосия**, оному же (Илариону. — В. Т.) **псалтырь усты поющу тихо и руками прядуща** волну или кое ино дело делающа». (12, 344–348)*

Никон выступает двойником Илариона-Иакова.

В старших летописях описание кометы Галлея наряду с тмутараканскими событиями помещено в статью 6572 года. Комета представлена в виде вечерней звезды, появлявшейся в течение семи дней на западе. Такое положение она занимала в конце апреля — начале мая 1066 года. (33, 181) В летописях комета датирована по «эре –5506 года», которую использовал Иларион.

Никон был известен тем, что дважды удалялся на Тмутараканский полуостров, где основал монастырь. Наличие в летописях тмутараканских сюжетов и стало основанием для причисления его к летописцам. После кончины тмутараканского князя Ростислава Владимировича Никон по просьбе жителей княжества ездил в Чернигов к Святославу Ярославичу просить в правители его сына Глеба, ранее изгнанного Ростиславом из Тмутаракани.

Вместе с Глебом тмутараканский игумен вернулся обратно и должен был занимать при князе видное положение. Наличие в летописях рассказа о подавлении Глебом языческого возмущения в бытность его новгородским князем свидетельствует о том, что Никон последовал за ним на север.

Уникальные тмутараканские известия, очевидцем которых был Никон-Иларион, в отличие от киевских известий более поздние редакторы исправить не могли, поэтому их следует датировать по «эре –5506 года». Бегство Ростислава в Тмутаракань произошло в 1066 году. Его кончина пришлось на 3 февраля и описана в статье следующего года. (29, 71)

Отравление Ростислава херсонесским катепаном произошло на княжеском пиру за неделю до смерти, то есть 27 января. 27 января крупных праздников нет, и поэтому пир следует приурочить к воскресенью. Двадцать седьмое января приходилось на воскресенье в 1068 году. Это значит, что кончина князя была датирована по весенней «эре –5506 года». На 3 февраля в этом году приходилась неделя сыропустная, после которой начинался Великий пост. Столь примечательный день церковного календаря позволил автору сохранить в памяти дату кончины.

Ростислав захватил Тмутаракань, затем был изгнан Святославом Ярославичем, вернувшим на княжение Глеба, вновь изгнал Глеба, после

чего какое-то время правил касогами и иными окрестными племенами. Его могущество напугало крымских греков, что и вызвало приезд коварного катепана. Период около двух лет более соответствует этой цепи событий, нежели период около одного года, поэтому в Ипатьевской летописи пребывание Ростислава в Тмутаракани было описано в трёх погодных статьях, а не в двух, как в иных старших летописях. Редактор исправил пропуск одной летописной статьи, отнеся прибытие Ростислава к 6572 году, а кончину — к 6574-му, что даёт 1066 и 1068 годы по «эре –5506 года». (13, 152–155)

В святцах память преподобного Никона, игумена Печерского монастыря, отмечается 23 марта. Под этим же днём чествуется преподобномученик Никон, сицилийский епископ, пострадавший в 251 году. (34, 83) Судя по всему, Иларион в день кончины принял схиму и ушёл из жизни под именем главного святого этого дня епископа Никона. Принятое в схиме имя закрепилось в печерских сказаниях.

Подобные случаи бывали и позднее. Так, в разных новгородских письменных памятниках в событиях 1192 года поименован то архиепископ Гаврила, то архиепископ Григорий. Между тем *Григорий* — принятое перед смертью монашеское имя архиепископа Гаврилы, правившего в 1187–1203 годах. (40, 41)

В Радзивилловской летописи в статье 6596 года записано:

«В се же лето умре Никон, игумен Печерский». (29, 84)

Выдающийся писатель, летописец и церковный деятель Иларион-Никон скончался 3 марта 1088 года и был причислен к лику святых.

Перенесение мощей

В святцах перенесение мощей святых братьев Бориса и Глеба отмечается несколько раз. Самое позднее по времени перенесение произошло в 1115 году:

«В лето 6623. Священа бысть церкви каменная в Вышегороде маия в 1 день в субботу, а в 2 день пренесоша братия вся святою мученику Бориса и Глеба, в день недельный. И повелел Володимир метати паволоки и фо-

фудьи, орниче, бел, людям сильно налегшим, а быша легко дошли до церкви, а в 4 день поставиша в раце на месту». (29, 104)

В 1115 году 1 мая было субботой. Владимир Мономах повелел освятить в Вышгороде каменную церковь, построенную ранее стараниями черниговского князя Олега Святославича. Перенесение мощей состоялось в воскресенье 2 мая. Из старой деревянной церкви в новую волоком перетащили каменные раки. Через день во вторник раки поставили на место.

Паволоки и фофудьи, которые бросали в толпу, — драгоценные ткани. Паволокой называли особо ценимый в то время шёлк, фофудья — вид златотканой парчи. Но если позднейшая парча делалась на шёлковой основе, то более древняя фофудья — на льняной или шерстяной. (11, 778–779) В более поздних описаниях перенесения мощей ставшая загадочной фофудья была опущена. Бел обычно понимают как беличьи шкурки.

Орниче имеет в «Слове о полку Игореве» форму «оретма» и входит в группу вещей, обозначенных как «*узорочье половецкое*». Слово «оретма» восходит к греческому обозначению серёжек — «*artima*» и ожерелий, бус — «*ormoz*». (4, 200 и 901) На русской почве это название украшений, в которых использовался жемчуг, стало обозначать жемчужные украшения и сам жемчуг. Орниче, которое по велению великого князя бросалось народу, — жемчуг.

Далее в статье этого года сообщается о кончине Олега Святославича 18 августа.

В «Сказании о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида» события описаны подробнее:

«Володимеру же предержащую всю власть, тогда умысли пренеси сия святая страстотерпица в созданую церковь, и возвести братии своеи Давидови и Ольгови, тако же и тема всегда убо глаголющемаи понужающема Володимира о пренесении святою. И тогда Володимер совокупив к себе сыны своя, тако же и Давид и Ольг с своими сынами приидоша к Вышегороду. И митрополит Никифор собра вся епископы: и[с] Щернигова Феоктиста, ис Переяславля Лазоря, Мину от Полотска, Данила из Гургева, и игумены вся: Прохо-

ра Печерскааго, Савву — святаго Преображения, Силвестра — святаго Михаила, Петра — святыя Богородица из Лахернитиса, Григория — святааго Андрея и Феофила — святааго Дмитрия, и вся прочая преподобныя игумены, и всякого чина святительскааго и черноризчскааго, и вся клирики, и все поповство. Ту бе **сошлося от всея Русьскы земле** и от все старейшинство, и воеводы вся Русьскы земле, и вси прержащая страны вся, — и с проста реици, всяко множество ту беашие, и всяка облашь, и вси богати и убозии, сдравии же и боляици, яко исполнитися граду весему и по стенам градным не сместитися.

И во 1 день месяца маия свяишиа церковь, **в субботу 2 неделе по Пасце**. На утрия же, в святую **неделю**, яже поются о мироносицах, в вторый день того же месяца, и начаши пети утреню в обою церковь. И вставивше на сани на росны, яже беа на то устроены, повезоша же преже Бориса. И с ним идяше Володимир с многем говением, и с ним митрополит, и поповство с свещами и кандилы. И идяху, **влекуще ужи** же великими, теснящиеся и гнетуще, **вельможи** и все боярство. Бяше же устроен **верем по обема сторонама**, удуже волочаху честней раце, и не бяше льзе ни ити, ни повлеци от множества люди. Тогда Володимер повеле **метати** людьми **кунами** же, и **скорою**, и **паволокы**. И узревше, людие тамо обратишася, а друзии, то оставивше, к святыма ракама течаху, да быша достойни были прикоснутися. И вси, елико бяше множество люди, ни един же бе слез не бысть от радости же и многоаго веселия. И тако одва вzegoша довлеици. Також и святааго Глеба по нем вставивше на другыя сани. И Давид с ним, и епископи, и клирици, тако же и черноризци, и боярство, и людие, и беицие множество, и всем зовущем: "Кирелеисон" ("Господи помилуй". — В. Т.), и с слезами Бога призывающем.

И се чудо преславно бысть. Яко же бо везяху святааго Бориса, идяху беспакошти, токмо от люди теснота бяше, а святааго Глеба яко повезоша, **ста рака не поступно**. Яко **потегоша силою, ужа претергняхуся**, велика суца зело, яко одва можааше муж обияти обема руками, и тако единою вся претергняхуся, а людем зовущем: "Кирелеисон". И бяше множество много по всему граду и по стенам, и по заборолем городным, аки из пчел, и восхожашие глас народа от всех: "Господи, помилуй!", яко и гром. И тако **одва вzegoша от утреня до литургия** превести суции церкви». (10, 79–80)

В числе главных участников событий показаны строитель церкви Олег Святославич со своим братом Давыдом Святославичем, которые

были инициаторами перенесения мощей. Этого перенесения Олег безуспешно добивался от прежнего великого князя Святополка Изяславича. Автор «Сказания» сообщает о несбывшемся намерении Святополка построить церковь на месте обветшавшего деревянного храма:

*«Сим убо сицем бывающем, **Святослав**, сын Ярославль, умысли создати церковь камяну святыма, и **создав ее до 80 локоть** взвыше, преставися. **Всеволод** же преим всю власть Русьскы земле и **соверши ю всю**. И яко бысть свершена, и абие на ту ноць врютиса еи верх и **сокрушися вся**. Потом же Всеволод приставися с миром, пожив добре и управив порученное ему от Господа.*

***Святополк** же Изяславич прия княжение Кыеве... **Хотяше** же и **церковь начати здати** на месте ветхое деревянное, окрест гробу святою, глаголааше: "Не дерзну преносити от места на место". И сему же умыслению **не сбывишюся**, по Божию строению и по воли святою мученику». (10, 76–78)*

После украшения Владимиром Мономахом в 6610 (1102) году раков святых Олег Святославович восстановил разрушившуюся каменную церковь, которую ранее пытались построить его отец и дядя:

*«Егда же убо Володимир преже окова святою раце, а **Ольг**, сын Святославль, умысли воздвигнути церковь, сокрушивишюся Вышегороде, камяную. И привед зедателе, повеле зедати, вдав им все по обилу, яже на потребу. И **соврешени** еи бывши и испесане, **многажды понужаше** убои моляаше **Святополка**, да быша **перенесли святая** мученика **в сзеданую церковь**. Он же пакы, акы зазря труду его, и **не хотяще** ею **перенести**, зане **не сам** бяше ее **сзедал**, церкве тоя.*

*Мало же времени минувию, и **Святополку преставивишюся**, на **второе лето по устроение церкве** тоя, и многу мятежю и крамолу бывши в людех и молве не мале, — и тогда совокупившися вси людие, паче же большии и нарочитии мужи, шедше причтем всех люди и моляху Володимира, да вшед, уставить крамолу, сущюю в людех. И вшед, утоли мятеж и голку (шум, сумятицу. — В. Т.) в людех, и преля княжение вся Русьскы земля в лето 6600 и 21 лето». (10, 79)*

Олегу, построившему новый храм в стороне от действовавшего, в перенесении мощей было отказано. Отказ был вызван нежеланием ук-

реплять авторитет Олега как строителя нового храма для почитаемых святых. Святополк скончался 16 апреля 1113 года. Церковь была построена в 1112 году и простояла три года неосвящённой.

В 1115 году Пасха была 18 апреля и вторая суббота по Пасхе приходилась на 1 мая, что соответствует данным «Сказания». Кроме князей в Вышгороде собрался церковный клир во главе с митрополитом Никифором, а также светская знать и простолюдыне.

Никифор был ранее поставлен в митрополиты русскими епископами без участия константинопольского патриарха. Его русское происхождение способствовало делу дальнейшего прославления русских святых. Перенесение мощей стало грандиозным праздником.

Для перевозки раки были устроены специальные сани, названные по-гречески «*rosni*», то есть красными. Для того чтобы оставался проход для саней, с двух сторон дороги поставили верема — деревянные ограждения. Процессию, посвящённую Борису, возглавили Владимир Мономах и митрополит. Далее шли епископы, игумены, священники и монахи. В середине процессии несколько высших сановников и бояр тянули на верёвках-ужах раку. За ними шла светская знать. Вторую процессию, посвящённую Глебу, возглавил Давыд. Здесь, судя по всему, находилась провинциальная светская и духовная знать из земель, подвластных Святославичам.

Куны-деньги, скору-меха и паволоки-ткани приказали метать, чтобы отвлечь народ в сторону и этим освободить проход для процессии. Во время перевозки раки Глеба случилось происшествие — порвался толстенный канат, который взрослый человек едва мог обхватить пальцами двух рук. Шествие сопровождали возгласы: «*Господи помилуй!*» — на русском и греческом языках.

Разъяснение того, почему раки окончательно установили в храме только во вторник, находим в Ипатьевской летописи:

«В лето 6623. Индикта 8 совокупишася братья русции князи Володимер зовемый Монамах, сын Всеволож, и Давыд Святославлиц и Олег, брат его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глеба бяху бо создали церковь има камяну на похвалу и честь телесема ею и на положение первое же. Освятиша церковь каменную мая в 1 день в субботу. Наутрие же в 2 день перенесоша святая.

И бысть собор велик, сшедшюся народу с всех стран, митрополит Микифор с всеми епископы, с Фектистом Черниговским, с Лазарем Переяславским, с попом Никитою Белгородским, и с Данилою Гурьговским, и с игумены с Прохором Печерским, и с Селивестром святого Михаила, и Савва святого Спаса, и Григории святого Андрея, Петр Кловский, и прочие игумены.

И освятиша церковь каменую, и отпевшим им обедню, обедаше у Ольга, и пи[я]ша. И бысть учреждение велико, и накормиша убогих и странных по 3 дни. И яко бысть утро митрополит, епископы, игумены облокошася в святительския ризы и свеца вжгег с кадилы благовонными и придоша к ракама святою и взяша раку Борисову и вставиша на возила, и поволокоша ужи. Князи, бояре, чернецем упред идуци с свечами, попом по ним идуци, та же игумены, та же епископы пред ракою.

А князем с ракою **идуцим межи вором**, и не бе лзе вести от множества народа, **поламляху вор**. А инии покрыли бяху град и забрала яко страшно бяхе видити народа множество. И повеле Володимер **режюче паволокы**, орници, бел, разметати народу, ов же **сребреники** метати людем силно налегшим. А быша легко внесли в церковь и поставиша раку среди церкви. И идоша по Глеба тем же образом, и сего привезоша, и поставиша у брата.

Распри же бывши **межи Володимером, Давыдом и Ольгом**. Володимер бо хотящу я поставити **среде церкви** и терем серебрян поставити над нима, а Давыд и Олег хотяшета поставити я **в комару**, идеже отец мой назнаменовал на правои стороне, идеже бяста устроена комара има. И рече митрополит и епископы: "Верзити **жребии**, да кде изволита мученика, ту же и поставим". И вгодно се бысть. И положи Володимер свои жребии, а Давыд и Олег свои жребии на святои трапезе. И выняся жребии Давыдов и Олгов и поставиши я в комару тою на десней стране, кде ныне лежита. Принесена же бысть святая мученика мая в второй день из деревянои церкви в каменую Вышегороде...

Володимер же окова раце **сребром и златом** и украси гроба ея тако же и комаре покова сребром и златом». (13, 280–281)

Князья заспорили о месте размещения рак. Владимир хотел установить их в центре церкви, а Святославичи настаивали на исполнении воли своего отца и предлагали поставить раки в специально сделанном боковом приделе-камаре. Причём начал спор один из братьев, сказав-

ший слова «отец мой». Спорщиком был строитель Олег, а Давыд поддержал его. Божий суд решил исход дела в пользу Святославичей. План построенной церкви повторял план разрушившейся, включая боковой придел на правой стороне от входа, и поэтому замысел Святослава воплотил его сын.

Владимир хотел затмить славу Олега как строителя церкви возведением над раками роскошного серебряного терема. Для этого лучше подходила середина храма, а не тесный боковой придел. Олег воспротивился этому, опираясь на волю умершего отца. Владимиру пришлось не возводить собственное творение, а украшать построенный Олегом придел. Тем не менее он преуспел и здесь. В одном из вариантов «Сказания о Борисе и Глебе» сохранились впечатления очевидца:

*«Яко не могут сказати онго ухищрення, по достоянию довольне, яко многих приходящим **от грек** и инех земель глаголати: "**Нигде** же сицея **красоты бысть**, а многих святых раки видели есмы"»*. (28, 547)

Поставление рак в четвёртый день объясняется обычаем кормления убогих и нищих «по три дни» после освящения церкви. Строитель храма Олег в субботу, после его освящения, устроил пир для знати, а затем три дня, до вторника, в который закончилось установление рак, устраивал угощение для простолюдов.

В Радзивилловской летописи приведена киевская версия событий, в которой было опущено посрамление великого князя Владимира Мономаха в споре со Святославичами о месте для размещения рак. В Ипатьевской летописи находим уже черниговскую версию с пирами Олега и успешным исходом спора для черниговских князей.

Из-за людской давки были проломлены ограждения-вереи, и запрудивший проход народ остановил процессию. Поэтому по приказу Владимира Мономаха в стороне стали разбрасывать небольшие куски драгоценных тканей, жемчуг, деньги. Люди отбежали за подарками, и в освободившемся пространстве продолжилось торжественное шествие.

Знать участвовала в процессии, подачками удаляли простолюдов, стоявшее за ограждением и после его слома мешавшее шествию. Поэтому подарки должны были быть малоценными, но зато в большом

количестве. Небольшие куски драгоценных тканей, которые использовались домашними рукодельницами в качестве ярких вставок в полотняные изделия, подходят для этих целей. Местный речной жемчуг до позднейших времён в большом количестве добывался в северных реках и в отличие от привозного заморского имел скромную стоимость. Но уже сребреники были крупной денежной единицей. Скорой называли ценные меха, которые не могли использоваться при массовых раздачах.

Веверицей, то есть белкой, называли самую мелкую денежную единицу, существовавшую на Руси. Одна гривна кун в разное время равнялась 150 и 180 веверицам-белкам. Хождение веверицы имели в виде беличьих шкур с удалённым мехом. Их связывали в пучки по 15 или 18 штук. Подлинность этих кожаных денег удостоверялась княжеской печатью. Народу бросали мелкие деньги-веверицы. Белы-веверицы у поздних переписчиков превратились в меха и серебряные монеты.

Сребреник равнялся по весу арабскому дирхему, то есть 2,82 грамма. В гривне кун содержалось 16 сребреников. Десять вевериц примерно равнялись одному сребренику. Первоначально веверицы связывались в пучки, чтобы создать эквивалент более крупным денежным единицам. Пучок из 10 вевериц составлял один сребреник, 10 пучков по 15 вевериц равнялись одной гривне кун. С ростом дефицита серебра количество вевериц в пучках возрастало.

Заминка, вызвавшая необходимость в раздачах, возникла из-за слома ограждения. В Ипатьевской летописи она связана с перенесением раки св. Бориса. Но в «Сказании» говорится о том, что первая рака была доставлена безо всяких происшествий, хотя выше сообщалось о великом стеснении от людей, вынудившем Владимира осуществить раздачу. Зато во время перенесения второй раки случилось чудо. Рака встала и не двигалась, несмотря на прикладываемые усилия, из-за которых оборвался чудовищных размеров канат. Только после массового молитвенного обращения к Богу рака подалась.

Для перевозки достаточно скромных древнерусских саркофагов канаты с диаметром сечения более 10 сантиметров не требовались. На самом деле обломились брёвна, из которых были сделаны перила ограж-

дения. Писатель удивился столь мощному напору тел. Но при формировании рассказа о чуде перила-вереи были заменены на ужи-канаты и была сочинена вторая заминка.

Перила, скорее всего, были проломлены во время хода всей процессии. Князья оказались заблокированными толпой, и Владимиру Мономаху пришлось отвлекать простонародье подачками. Описание чуда, случившегося во время шествия Святославичей, принадлежит какому-то их доброхоту. Первоначальный киевский рассказ переделывался на черниговских землях. Он был расширен за счёт достоверных и недостоверных вставок, сделанных в интересах Святославичей.

В Радзивилловской летописи и у Татищева кончина Олега Святославича отнесена к 18 августа, в Лаврентьевской — к 8 августа. Особняком стоит время кончины в новгородском летописании — осенью. (37, 220) В Ипатьевской летописи о кончине сказано как о произошедшей после затмения Солнца:

*«Месяца августа в 1 день, а во **второй** погребен бысть у святого Спаса у гроба отца своего Святослава».* (13, 282)

В 1115 году солнечное затмение было 23 июля. (33, 603) Дату Лаврентьевской летописи можно свести к 18 августа предположением о случайной утрате счетной буквы «десять». Восемнадцатое августа приходилось на среду, 8 августа — на воскресенье. Примирить сведения Ипатьевской летописи с остальными источниками предположением о том, что в ней отражены дни недели: первый — понедельник, второй — вторник, нельзя. Отсюда следует, что её автор не знал точной даты кончины Олега. Ему было известно о том, что это событие произошло в августе после затмения и о похоронах на второй день по кончине. Выражение «*во второй день*» он понял как обозначение 2 августа и отсюда вывел 1 августа в качестве дня смерти. Олег Святославич умер 18 августа 1115 года.

Из настоятелей монастырей в списках значатся Прохор, игумен Печерского монастыря, Савва, игумен Спасского монастыря, Сильвестр, игумен Михайловского Выдубицкого монастыря, Григорий, игумен Андреевского монастыря, Пётр, игумен Влахернского монастыря, Фео-

фил, игумен Дмитровского монастыря. В «Сказании» на почётном втором месте следом за печерским игуменом стоит Савва, в Ипатьевской летописи — Сильвестр.

Татищев привёл рассказ, близкий к рассказу из Ипатьевской летописи, но благожелательный по отношению к Владимиру Мономаху:

*«6623 (1115). Владимир, великий князь, согласяся с братьею Давыдом и Ольгом Святославичи, перенесли мосчи святых мученик Бориса и Глеба из деревянной в новопостроенную каменную церковь, и для того съехались сами в Вышград. Первее освятили церковь маиа в 1 день, где было собрание великое народа от всех стран: митрополит Никифор, епископи Феоктист черниговский, Лазарь переяславский, Никита белгородский, Даниил юриевский; игумены Прохор печерский и аз, **Сильвестр** михайловский, Савва спаский, Григорий андреевский, Петр кловский и пр. По освящении церкви обедали у Ольга Святославича, был пир великий и угосчение всем довольное.*

*Во 2 день маиа, собрався вси к церкви деревянной и отпев молебная, возложили на воз мосчи св. Бориса и повезли со свечами и пением. Митрополит с клиром шел по чину пред гробом, а за гробом князи и вельможи. Народ же угнетался по пути, всяк хотел прикоснуться мосчам святым, что невозможно было вести тесноты ради. Князем же не могуще народ отбить. Велел Владимир по сторонам сребреники, белки и парчи разрезывая метать, обаче множайшая часть на то не смотрели. И, едва провезши, в церковь внесли, и, поставя среди церкви, **паки шли возвратно**, и, взяв гроб св. Глеба, **несли тем же чином**. И, поставя подле гроба Борисова, совершили литургию, потом поставили в камору, зделанную для них. И праздновали **три дня с великим веселием**. И народ сшедшейся писчею и питием **Владимир каждодневно по несколько тысяч**, иных же Святославичи и митрополит довольствовались. По совершении же праздника разошлись с любовию кождой в дом свой».* (38, 130)

Здесь вместо спора три дня идут весёлые пиры. Перенесение мощей чётче, чем в рассказе из Ипатьевской летописи, показано совершённым не двумя враждебными друг другу группами знати, а общими усилиями. Вначале все перевозят одну раку, затем все возвращаются и перевозят другую. Дважды упоминается о том, что переносили согласно чину: пе-

ред гробом шли митрополит с клиром, за гробом — князья и вельможи. Народ по пути терпел тяготы, так как в тесноте все стремились прикоснуться к ракам. На самом же деле угнетались вельможи, тянувшие каменные раки. Возглавляли эту бурлацкую процессию благочестивые князья. Впереди всей процессии шёл митрополит, а за ним — остальной клир. Но наряду с этими искажениями появляются и новые, уже достоверные, черты. Устроителями пиров оказываются как Святославичи, так и Владимир с митрополитом.

Автором татищевского рассказа был участвовавший в перенесении мощей игумен Сильвестр, вставивший слова: «и я, Силвестр». Поэтому рассказчик отвёл себе место как можно более почётное в ряду иных игуменов. В киевской версии он поставил себя на третье место среди игуменов, так как в киевской церковной иерархии он стоял ниже Саввы. Но в черниговской версии он уже не стал стесняться киевлян и отодвинул Савву на третье место.

Сильвестра следует признать автором рассказа о перенесении мощей из Ипатьевской летописи и краткого, но очень достоверного пересказа событий из Радзивиловской и Лаврентьевской летописей.

Сильвестр создал окончательную редакцию «Повести временных лет», что удостоверил авторской записью под 6524 годом. Эта запись в Радзивиловской и Лаврентьевской летописях короче, нежели у Татищева, а в Никоновской летописи — пространнее татищевской.

Сильвестр написал несколько редакций своего сочинения с различающимися описаниями перенесения мощей. При этом если одни версии предназначались для киевлян и ориентировались на Владимира Мономаха, то в других деяния Святославичей были показаны более благожелательно. Причём авторская приписка создателя летописи, посвящённая Владимиру, стоит только в киевских версиях сочинения и отсутствует в более доброжелательной к черниговским князьям Ипатьевской летописи. Сильвестр в угоду черниговским князьям создал особую версию событий, но из опасения гнева великого князя не стал подписывать сочинение.

После перенесения мощей Сильвестр был назначен епископом Переяславля-Южного, что сделало его творчество более независимым от

официального Киева. Епископом Чернигова был товарищ Сильвестра по Печерскому монастырю Феоктист. С какой-то поездкой переяславского епископа Сильвестра в Чернигов и следует связать появление прочерниговского рассказа Ипатьевской летописи о перенесении мощей.

Предыдущее перенесение мощей святых Бориса и Глеба было связано со строительством новой церкви при великом князе Изяславе Ярославиче. Нестор в «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» приводит такой рассказ:

«Пришед же в един день (великий князь Изяслав. — В. Т.), виде **церковь** святою **ветху** сущую. Призвав старейшину древоделям, повеле ему церковь възградити в имя святою, назнаменовав же и **место близ ветхыя церкви** первого места. Моля же преподобнаго **митрополита Георгия**, тогда пасуща Христова стадо, да створит молитву на месте том, подал же еи от имениа доволное вознаграение церкви, ти тако отиде в столный град... Старейшина же ту абие собра вся суцая под ни древоделя, сконцав же повеленое ему от благовернаго князя и **в мале дний възгради церковь** на назнаменоване месте, и возда ричие князю, яко скончана бысть церкы. Иже, слышав, посла к властелину града того, рекый: "Даю им от дани княжи украсити церковь". Он же вскоре повеленая ему створи.

Слышав же то, боголюбец **Изяслав**, яко всяко бысть доспена церкви, моли **архиепископа Георгия**, да шед принесет моцци святую в церковь, юже възгради. Архиепископ же собра весь причет церковный, и тако изидоша с кресты в преже реченый град, идеже бе тело святою. Иже и приишедша, створиша обычное **обновление церкви** новец, и святую же литургию в неи скончаша. И в другой же день собра митрополит вся епископы и вся церковники, идеже беста раце святою, хотя пренесение сотворити. Беша же вернии князи из областей своих и инии мнози приишли из областей своих, детеск несуще. Бе же и черноризце множество собралоса из монастырь своих, в них же преподобный отец наш Феодосий, игумен монастыря Печерскаго, светяся акы солнце посреде их, украшен добрыми нравы.

Митрополит же бе неверствую, яко свята блаженная. Приступивше же, открывша раце святою ти видеша цела лежаща, церковь же исполнися благыя

воня. То виде, митрополит ужасеся в уме и, обратився на восток, воздвиг руце на небо и глаголя: "Прости мя, Господи, яко согреших, неверствовах к святыма твоима, и помози неверованию моему. Се бо верую воистину, яко *свята еста страстотерпца твоя*".

Таче потом, приступив, изъ **руку** блаженана **Бориса**, бе бо мощими лежай, и целовавши, прикладая к очима и к сердцю. Таче потом благослови ея благовернаго князя Изяслава, потом же брата Святослава, и оста нготь един на главе его, на благословение ему, потом же наky боголюбец Всеволода, — тако и вся; потом же вся люди. Ти тако положи ю на своем месте. Таче потом, вземши раце, несоща в новую церковь ти ту поставиша **на деснеи стране**. В лето **6580**, месяца **мая в 20**. Створиша же **праздник велик** в тот день, таче разидошася в своя дома, славяще Бога.

Многа же чюдеса створи Бог на месте том святыма своима страстотерпцема, яко же и на первом месте. Еже аще по единому начали быхом писати, велико бы бремя книг, но никому же неверно да не мнится о них». (10, 106–107)

В 1072 году 20 мая было воскресеньем. Дата приведена по «эре –5508 года». В субботу 19 мая была освящена новая деревянная церковь, наскоро построенная взамен обветшавшей. На следующий день собравшиеся князья, церковнослужители и простонародье торжественно перенесли мощи и установили их на правой стороне от входа в церковь. Новая церковь была построена рядом со старым храмом на средства великого князя.

По именам в рассказе названы князья Изяслав, Святослав и Всеволод, чудесно уверовавший в святость Бориса и Глеба митрополит Георгий и наставник автора «Чтения» игумен Печерского монастыря Феодосий.

В Радзивилловской летописи упоминается более широкий круг участников:

«В лето 6580. Преносоша святая страстотерпца Бориса и Глеба. Совокупившеся Ярославичи: Изяслав, Святослав, Всеволод; митрополит Георгии, епископ Петр Переяславски, Михаил Гургевский, Феодосеи, игумен Печерский, Софронии, святаго Михаила игумен, Герман, игумен святаго Спаса, и Никола,

игумен Переяславский, и вси игумени створиша праздник, празноваша светло и преложиша я в новую церковь, юже сдела Изяслав.

Вземше первое **Бориса в древяне раце** Изяслав, Святослав, Всеволод, **вземше на рамы** (плечи. — В. Т.) своя, понесоша, предидущим черноризцем свещи держаще в руках, по них дьякони с кадилы, та же презвитеры и по них епископи с митрополитом, по них с ракою идяху.

И принесше в новую церковь, и отвориша раку, исполнися церкви благоухания, воня благи; видевши же се, прославиша Бога. И митрополита ужась обиде, бе бо нетвердо верова к нима; и паде ниц, просяще прощения. И целовавшие мощи его, **вложиша в раку камену**. По сем же, веземше **Глеба в раце камене**, вставиша на сани, емше за ужа, повезоша. И яко быша в дверех, ста рака, не поидуща. И повелеша народу возывати: "Господи помилуй". Повезоша и положиша я месяца **мая в 2**. Отпевши литургию, **обедавшие братья на совокупе**, каждо со бояры своими, и со любовию великою. Бе бо тогда держа **Вышгород Чудин, а церковь Лазарь**. По сем же разидошася восвояси». (29, 76)

Мощи св. Бориса в старой церкви покоились в деревянной раке. Её взяли на плечи собравшиеся князья и понесли вслед за церковным клиром, возглавляемым митрополитом. Князей было трое, нести же раку должны были вчетвером. Четвёртым стал какой-то не удостоенный упоминания вельможа. Вышгородом правил Чудин, а настоятелем Борисоглебской церкви был Лазарь. Чудин должен был принимать самое активное участие в возведении новой церкви и в организации перенесения мощей. Надо полагать, что он помогал переносить мощи св. Бориса. Уже в новом храме мощи были переложены в приготовленную каменную раку.

Следом, впрягшись в верёвочные тяги, волокли на санях каменную раку св. Глеба. Судя по последующему перенесению, князья в таком волочении не участвовали, поэтому можно предположить, что вслед за князьями каменную раку влекли вельможи. В дверях церкви возникла заминка, которую удалось устранить только после молитвенных песнопений. После литургии князья вскладчину устроили пир, на котором присутствовали их бояре и, надо полагать, митрополит, епископы и иные видные церковнослужители.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях о новой церкви сказано: «...яже стоит и ныне». Рассказ был написан до перенесения мощей 1115 года, так как после освящения новых церквей старые ветхие церкви разбирались.

Перенесение мощей датировано 2 мая. В Ипатьевской летописи записано «месяца мая в 20». В 1072 году 2 мая было ничем не примечательной средой. Судя по всему, в результате случайной утраты счётной буквы «20» предлог «в» стал восприниматься как обозначение цифры «2» и перенесение стали ошибочно датировать 2 мая. Распространению этой ошибки, попавшей и в сочинение Татищева, способствовало выпавшее на 2 мая более позднее перенесение мощей.

Летописный рассказ о перенесении мощей 1072 года послужил образцом для описания их последующего перенесения. Чудо при перенесении раки св. Глеба подало пример для рассказа о более позднем чуде 1115 года.

Весьма сходно с летописями события излагаются в «Сказании о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида»:

«И минувшем летом 20, и церкви уже обетшавши, и умысли Изяслав возградити церковь нову святыима страстотерпцема, в верх един.

О пренесении святою мученику. Бысть же в время перенесению святыима мученикома Романа и Давида. И совокупившися вся братия: Изяслав, Святослав, Всеволод, митрополит Георгии Киевский, други — Неофит Черниговский, и епископи Петр Переяславский и Никита Белгородский, и Михаил Гурьевский, и игумени Феодосии Печерский и Софронии святааго Михаила и Герман святааго Спаса, и прочии вси игумени: и створиша праздник светло.

И взявше первое святааго Бориса в раце деревяне взявше на рама князи, предъидущем преподобным черноризцем с свещами, а по них диякони, таче и прозвутери, и по сих митрополита и епискупи, и по них с ракою идяху. И принесли в церковь, поставиша, и отверзише раку, и исполнися церкви благоухания и воне пречюдны, и вси видевшие прославиша Бога. И митрополита обиде ужас, бяше бо и не твердо веруя к святыма, и пад ниц, просяше прощения. И целовав мощи, вложиша в раку камяну. По сем, веземше Глеба в раце камяне, вставивше на сани, и имше ужи, повезоша. И яко быша в дверех, рака

ста не постыячи, и повелеша народу звати: "Господи помилуй!" И моляхуся Господеву и святыима, и абие повезоша и.

И целоваше святааго **Бориса главу**, а святааго **Глеба руку**. Везъм же, Георгии митрополит благословяше князе Изяслава и Всеволода. И пакы Святослав, им руку митрополичу и дрежащую святааго руку, прилагааше к вреду, имже боляше на шии и к очима, и к темени, и по сем положи руку в гробе. Начаша же пети святую литургию. Святослав же рече к Бернови: "Нечто мя на голове бодет". И сня Берн клобук с князя, и виде нготь святааго, и сня с главы и вдасти и Святославу. Он же прослави Бога о благодарении святою.

И по литургии вся братия и обедаша вси на купь, и праздноваша празднество светло, и много милостыня убогым створиша, и целовавшиеся, мирно разидошася к[а]ждо в свояси. И оттоле **утвердися** таковыи **праздник** месяца **мая в 20**, в славу и честь святыима мученикома, благодатию Господа нашего Исус Христа». (10, 73–74)

Здесь приведена правильная дата перенесения мощей — 20 мая, более точно описано благословение главой св. Бориса и рукой св. Глеба, а не рукой св. Бориса, как в летописи. При убиении у св. Бориса была отделена голова, а у св. Глеба — правая рука. В остальном же их нетленные тела и спустя много лет оставались в целости. Поэтому из рак для благословения собравшихся доставали голову одного святого и руку другого.

Перенесение мощей 20 мая 1072 года состоялось через 20 лет после более раннего перенесения, что даёт 1052 год. Предшествующие этому более раннему перенесению события в «Сказании» изложены следующим образом. У гробов святых братьев происходили чудеса исцеления. Вначале излечилась нога у отрока, затем избавился от слепоты некий муж. Во время исцеления сухоногого ему явились святые братья, перед которыми нёс свечу св. Георгий Угрин, погибший при пленении Бориса. Далее последовало строительство церкви:

«Тогда **Миронег** поведа князю обе чудеси. **Ярослав** же князь, си слышав, славяше Бога и святая мученика, и призвав митрополита, сказавше ему с веселием. Сии слышав, [с] архиереи хвалу возда Господеву, и глаголаше к князю добр совет, богоугоден, да бы сделал церковь прелепу и пречестну. И годен[н]

*бысть князю совет его. И **возгради церковь велику**, имеющую верхов, и испеса всю, и украси ю всею красотою. И шедше с хресты **Иоан митрополит**, и князь Ярослав, и все поповство, и людие, и пренесоша святая, и церковь свя-тиша, и уставиша праздник праздновати месяца **иулиа в 24**: в он же день **убиен** преблаженны **Борис**, в те же день и **церкы священа**, и **пренесена бы-та святая**». (10, 73)*

Строительство великой церкви состоялось по ходатайству Миронега, вышгородского градника, то есть правителя города, и по воле Ярослава Мудрого. Церковное освящение и перенесение мощей произошло 24 июля. Около 1052 года 24 июля приходилось на воскресенье в 1054 году. Двадцатилетний отсчёт вёлся от даты перенесения по «эре –5506 года».

Становится понятной причина исчезновения из описания года перенесения мощей. Согласно позднее установившейся традиции кончину Ярослава Мудрого относили к весне 1054 года. В соответствии с такими представлениями он не мог участвовать в июльских событиях. На самом же деле великий князь скончался позднее 1054 года.

Руководителем Русской церкви назван митрополит Иоанн. Но в это время митрополитом был Иларион. Поздние редакторы сокрыли участие Илариона в перенесении мощей.

Нестор поместил в своё «Чтение» такой рассказ:

*«Таче потом властелин градный, шед к христолюбивому Ярославу, то поведи ему все о святою, яже слышав, почюдися тому. Потом же пришедшу к нему **архиепископу Иоанну**, исповеда ему христолюбец, како святая имущему суху ногу целу створиста и како очи слепому даста. Архиепископ же, то слышав, ужасен сы бысть, и совет же благый помыслив в уме, глаголя к христолюбцю: "Лепо ли бы нам, благоверный царю, **церковь имя ею възградити и уставити день**, воньже празновати има". То слышав христолюбивый князь от **митрополита** и рече ему: "Благ совет твой, отче, и яко велиши, тако створим".*

Потом же повеле древоделям готовить древо на сограждение церкви, бе бо уже время зимно. Они же повеленое им от христолюбца готоваша древо. И наставшу лету, възградившу церковь во имя святою блаженою страс-

тотерпцю Бориса и Глеба, о клетце, в ней же стояста раце святою. Христолюбивый же князь украси церковь **5 верх** и всякими красотами, иконами и иными писмены. Повеле же и на иконе святою написати, да входяще вернии люди в церковь ти видяще ею образ написан, и акы самую зряще, ти тако с верою и любовию покланяющиеся има и целующе образ ею.

Таче потом христоролюбец моли я, рече архиепискупа, да шед освятить церковь и святую службу створить в ней. Он же, ту абие поим попове и дьяконы и весь причет церковный, иде в преже реченый град, купно с христоролюбивым Ярославом и с велможами. Пришедшим же им в град, и створи архиепископ обычное храму обновление, рекше священство. Раце же святою постави в церкви **на деснеи стране, месяца июля в 24 день**, в не же блаженный Борис убиен бысть. Устависта же христоролюбивый Ярослав и преподобный митрополит Иоанн в день **на всяко лето праздник творити** има, яко же и ныне свершается.

Таче потом, яко сконча святую литургию, пояты и благоверный князь Ярослав на обед со всеми обретишимися ту. Взвесели же ся христоролюбец веселием духовным, яко тако благодати сподобистася святая его брата: уже не от инех слышал, но и самовидец бысть. И еще бо им всем сущим на светеи литургии, и человек хром, не могы ходити, с трудом же великом прилезе к раце святою, моляшеся, припадая: и яко приближишася к ракам, ту абие утвердистася нозе его, и восстав, хожаше пред всеми, слава Бога и святою.

Створи же христоролюбец пир велик, праздник святою, не токмо боляром, но и всем людям, паче же нищим и всем вдовицам и всем убогим, повеле же и от имени своего даяти им. Створи же тако, празднующе до осмаго дне. Таче потом христоролюбец, шед в столный град, повеле властелину града того **даяти от дани церкви святою десятую часть. Архиепископ же остав постави попы и дьяконы**, и повеле им пети в церкви святою вечернюю и заутреннюю, и святую литургию по вся дни служити. И постави старейшину, ти тако отиде в свою кафоликани иклия». (10, 104–105)

Раки святых поставили на правой стороне от входа в церковь. В последующем эта традиции сохранялась, и её защищали братья Святославичи в споре с Владимиром Мономахом. Великая церковь была о пяти главах. В 1072 году возвели одноглавый храм меньших размеров.

Празднование продолжалось восемь дней — с воскресенья до воскресенья. Церковь была вновь созданной, и Илариону пришлось назначать на службу в ней попов и дьяконов, а также выбирать церковного старосту из жителей города. На содержание храма выделили десятую часть собираемых вышгородскими властями великокняжеских доходов.

При праздновании перенесения мощей святых братьев Иларионом был установлен их общерусский культ и назначен ежегодный день памяти 24 июля. Ранее они были местночтимыми вышгородскими святыми.

Иларион-Иаков в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» сообщает о себе как о писателе:

*«Также и аз, худый мних **Иаков**, слышав от многих о благовернем князе **Володимери** вся Руския земля, о сыну Святославе, и мало собрав от многих я добродетели его написах, и о сыну его, реку же святую и славную мученика **Бориса и Глеба**». (10, 23)*

Близость содержания житий князя Владимира и княгини Ольги к творчеству Илариона говорит в пользу того, что он был их автором. Иларион называет себя автором рассказа о Борисе и Глебе, в установлении культа которых он принял живое участие. Его записями о событиях 1054 года воспользовался Нестор.

Традиция связывает авторство «Сказания о Борисе и Глебе» с Иаковым Черноризцем, то есть с Иларионом. В «Сказании» содержатся сведения о семействе Владимира Святого, вошедшие в состав старших летописей. Жизнь Владимира по крещении определена в 28 лет, как и в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру». Кончина Бориса отнесена к 24 июля, как и в рассказе о перенесении мощей святых братьев в 1054 году. Автор «Сказания» называет Владимира Святого Василием, сыном Святослава, внуком Игоря, вспоминает любимого Иларионом Соломона, и в целом питает пристрастие к библейским образам. Близко к творческой манере Илариона и сравнение русских городов и русских святых с более известными иноземными. Вышгород назван второй Солунью, Глеб-Давид уподобляется библейскому царю Давиду. Глеб был назван в честь св. Давида Солунского, поэтому для

сравнения была взята Солунь. Содержание «Сказания» подтверждает авторство Илариона.

В «Сказании» сообщается о Вышгороде как о городе, прославленном чудесными исцелениями, дарованными святыми братьями. Оно составлено позднее их общерусского прославления в 1054 году. В нём Иларион предстаёт церковным писателем и собирателем сведений о русской старине, которые позднее лягут в основу летописания. По творческой манере «Сказание» близко к «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» и написано с ним примерно в одно и то же время.

Сочинения Илариона легли в основу начальной части «Сказания о чудесах святых Христовых Романа и Давида», завершённого Сильвестром. Рассказ о почитании Бориса и Глеба Иларион довёл до событий 1072 года. Но только «Сказание о Борисе и Глебе» получило самостоятельное хождение, остальные же его сочинения о святых братьях вошли в состав работ последующих писателей.

Самостоятельное хождение «Сказания о Борисе и Глебе» и «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру» говорит о том, что они были обнародованы во время большого собрания грамотных людей. После кончины Ярослава первым таким общерусским собранием духовной элиты было перенесение мощей Бориса и Глеба 1072 года. В этом году день памяти Владимира Святого 15 июля приходился на воскресенье, и обнародование очередного славословия ему было уместным. Поэтому создание «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру» следует отнести к 1072 году.

Иларион приурочивал празднование памяти святых братьев к 24 июля, которое приходилось на воскресенье в 1071 году. Готовясь к празднеству, Иларион написал «Сказание о Борисе и Глебе». Оно дало новый импульс почитанию святых и способствовало строительству нового храма в Вышгороде. Это «Сказание» имел в виду автор, упоминая в «Похвале» о своём сочинении, посвящённом Борису и Глебу.

Иларион участвовал в перенесении мощей 1072 года, которое позднее запечатлел. Во время празднества он обнародовал как «Похвалу»,

так и «Сказание», объединённые общим мотивом прославления первых русских святых. Историю обретения мощей святых братьев и их неоднократного перенесения он составил позднее майских событий 1072 года.

Близостью Илариона к Глебу Святославичу следует объяснить включение в описание перенесения 1072 года рассказа о чуде с ракой св. Глеба. Подобное же доброжелательное отношение к черниговским князьям подвигло Сильвестра на создание рассказа о чуде с ракой св. Глеба 1115 года.

Перенесение мощей 1054 года было не первым. В предшествующее время при Ярославе и митрополите Иоанне было ещё одно перенесение мощей святых братьев в церковь. В «Сказании о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида» оно описано так:

*«Поведаша же **Ярославу** о всем сем. И призвав митрополита **Иоанна**, сказааше ему все о святою мученику, брату своею. И бысть преужасн и в усомнении, таче и в дерзновени и в радости и к Богу. И ошед от князя, собрав клирос и все поповство, и повеле поити с кресты **Вышегороду**. И придоша до места, идеже лежаста святая. Бяше же с ними и князь Ярослав. И поставили же беяху ту **клетку малу** на том месте, идеже бяше **церкы сгорела**. Архиепископ же пришед с кресты и сотвори в тои клетце всенощное пение.*

*О изнесении святою. Наставию же дни, иде архиепископ Иоан с кресты, идеже лежаста святою телеси пречистней, и сотворив молитву, повеле откопати персть, сущую над гробом святою. Копающем же, и исхождааше благая воня от гробу ею святою, и откопавше, изнесоша я от земле. И приступив, митрополит Иоан с презвутеры, с страхом и любовию, откры гроба святою. Ти видеша чудо преславо: телеси святою никакая же езвы имущи, но присно все цело, и лица бяста светлее акы ангела, яко дивитися и архиепископу зело, и всем людям исполнешемся благоухания многа. И внесеше в ту храмину, яже бяше поставлена на **месте погоревшия церкви**, и поставиша я над землею, на **десней стране**». (10, 72)*

На месте сгоревшей вышгородской церкви была построена малая церковь. В ней по правой стороне были помещены выкопанные из зем-

ли мощи. Сходный рассказ имеется в «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе»:

«Потом же **старейшина**, иже бе властелин **граду** тому, щед к христолюбцю **Ярославу**, взвести ему вся, яже о святою и опалении церкви. Иже, слышав, повеле призвати **архиепископа Иоана**, тогда пасуща Христово стадо разумных овец Его. Пришедию же ему, исповеда ему христолюбивый князь вся, яже о святою блаженною страстотерпцю **Бориса и Глеба**.

Слышав же то преподобный архиепископ от христолюбца, и ужасен бысть, и вскоре собратися повелев всему крилосу церковному. И в утри день с кресты изидоша поюща в преже реченый град, идеже лежит тело святою страстотерпцю Христову Бориса и Глеба. Таче же ископавше, изнесоша ковчега от ядр земных и поставиша я на земли: яко ведеша ковчег верни людие, покланяхуся, с страхом приходяще к нима. Потом же приступи архиепископ с прозвутеры и открыша раце святою. Верни людие покланяхуся, с страхом приходящее к нима. Потом же приступи архиепископ с прозвутеры и открыша раце святою, ти видеша тело блаженною, ни поне единого струпа от язв имуща на собе, и беста акы снег белеющася, лице же ея светяся акы ангеломы, яко же на много час чюдится архиепископу и всем людем. Исполни же благоухания не токмо место то, но яко и в[е]сь град, яко же не мощи им насытятся благая воня.

Потом же, **раце** вземше святою, **внесоша** же в преже реченую **клетку** ти ту поставиша **на деснеи стране**. Сотворивше же святую службу, ти тако отидоша, славяще Бога». (10, 102–103)

Рассказы не содержат датировок. Судя по упоминанию митрополита Иоанна, эти события происходили при его жизни, то есть ранее 1036 года. Становится понятным появление имени *Иоанн* в описании перенесения 1054 года. В своём сочинении об истории прославления святых братьев Иларион записал имя митрополита, осуществившего более раннее перенесение, но в описании событий 1054 года себя упоминать не стал. Анонимность облегчила причисление перенесения 1054 года к деяниям Иоанна.

В Вышгороде была утрачена память о месте захоронения святых. В «Сказании о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида» читаем:

*«Елма же не ведяху мнози **Вышегороде лежащую святою** мученику, святою страстотерпцю Христову Романа и Давида, но Господь не дадяше такоуу сокровицю крытися в земли». (10, 71)*

Место захоронения было обнаружено варягами:

*«Придоша единою **варязи** близ места, идеже лежаста святая под землею погребена, и яко **един вступи**, том часе огонь ишед от гроба и **зажже нозе** его, и искочив, начат поведати, и нозе показывая своеи дружине опалене и ожжене. И оттоле начаша не смети близ приступати, но с страхом покланяхуся». (10, 72)*

В «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» речь идет об одном теле:

*«Колми паче Богу лепо явити христолюбчем людем телу угоднику своею, страстотерпцю Бориса и Глеба, да не тако забыто под землею скровено будет **тело святое**, но на явлене подобаше месте положенома быти.*

*Близ бо бе места того, идеже лежаще тело святу страстотерпцю, приходяще из иное страны **варязи** стояху. И се един от них, не веды, возиде на святу: ишедый **пламы опали ему нозе**. Он же, не терпя, скочи с места того, и не можаше ходити, и возвести дружине своеи. Они же, то слышавшее, таче и видевшие нозе его опалене, от того часа не смеяху приблизитися к месту тому. И того услышавше гражане, приходяще, с страхом покланяхуся у гроба святою». (10, 102)*

В Вышгороде остановилась варяжская дружина, и один из варягов, случайно наступивший на могилу святого, был опалён чудесным огнём. Мощи св. Глеба были ранее перенесены по приказу Ярослава из-под Смоленска. Его могила была известна. Сокрытыми были мощи св. Бориса, убитого по приказу Святополка варягами и ими же тайно захороненного в Вышгороде. В варяжском отряде служил человек, знавший местоположение его могилы.

В «Сказании о чудесах» непосредственной причиной перенесения назван церковный пожар, случившийся вскоре после чуда с варягом:

*«По сих по мале дний **взгореся церкви** та святааго **Василия**, у нея жа **лежаста святая**. И течаху людие на позор, и **горяше** церкви **от верха**, и все изнесоша иконы и сосуды, и ничто не сгоре, токмо церкви едина».* (10, 72)

В «Чтении» описание событий более подробное:

*«Загореся ту сущия церкви образом сим. Пономарь бо тоя церкви, яко же по утреннем петьи омрачен быв сном от вселукаваго сотоны и не смотри истие в церкви, и тако же изиде с тщанием в дом свой, **забыв свеще горящей на висоце месте**. И яко же помалу от того возгореся церкви та. Но обаче и се вскоре узревше, верни людие изнесоша вся сущая в ней, яко же ни малу чему от тою погыбнути, разве храма единого. И весе, мню я, Божиим попущением сему бытии. Убо тои худе суици, **обещиане древом**, дабы же **ина церкви** пакы вознаграждена была на том месте **во имя** святою и блаженною страстотерпцю **Бориса и Глеба**, и тело же тою изнесено бысть любовью от ядр земленых. Яко же и бысть».* (10, 102–103)

Оплошность пономаря, забывшего горящую свечу, привела к пожару. Свеча стояла на высоком месте, и поэтому пожар начался наверху здания. Нестор имел более полное сочинение Илариона, нежели трудившийся после него Сильвестр.

Могилы братьев находились вблизи церкви св. Василия, поставленной в честь Владимира Святого. Ко времени описываемых событий церковь обветшала. Обнаружение могилы св. Бориса и церковный пожар привлекли внимание Ярослава Мудрого к Вышгороду.

Автор считал, что уже эта малая церковь была посвящена святым братьям. На самом же деле их культ был введён только в 1054 году. Возобновлённая после пожара церковь была посвящена св. Василию. Но помещение в неё деревянных раков с мощами сыновей Владимира Святого положило начало их местному почитанию.

Варяжские отряды были на службе у Ярослава Мудрого в 1024, 1026, 1031–1033 годах. По весне 1024 года его армия спустилась на юг от Новгорода, получила в Киеве подкрепление, а затем потерпела пора-

жение от войск Брячислава и Мстислава. После этого хозяином Киева стал Брячислав. События происходили стремительно, и Ярославу было не до строительства церкви вместо сгоревшей.

В 1026 году армия Ярослава без боя заняла Киев. В этом году помогавшие ему скандинавы могли оказаться в Вышгороде.

В 1032 году варяги, отозванные из Закавказья, стремительно проследовали через Киев для участия в польском походе. Зимой варяги ходили в поход на чудь. Судя по судьбе участвовавшего в польском походе Харальда Сигурдсона, в дальнейшем они оказались на византийской службе. В Константинополь с русского севера варяги могли попасть только через Киев. Это значит, что по весне 1033 года они ещё раз побывали в Киеве, откуда отбыли, дождавшись традиционного для плавания в Византию времени.

Вышгород был городом великой княгини Ольги. В 1017 году в нём жила Мария, последняя из оставшихся в живых жён Владимира Святого. Присутствие варягов в Вышгороде говорит о том, что он стал резиденцией великой княгини Ингигерд. Варяжский отряд состоял в основном из норвежских сторонников Олава Святого, среди которых был Гарда Кетиль, побывавший в 1024 году на Руси. В отряде могли быть и иные скандинавы, участвовавшие в убийстве Бориса или слышавшие рассказы об этом убийстве.

Согласно Константину Багрянородному, Вышгород был одним из городов, откуда русы выступали в плавание к Константинополю в X веке. По его мнению, в июне месяце они, минуя Киев, достигали более южного Витичева. (17, 45–47) Но так путешествовали русские посольства, прибывавшие в Константинополь к сентябрю. Военные отряды достигали Византии в июне, и военные экспедиции начинались с открытием речного судоходства. Из Новгорода в Киев ладейный флот должен был попадать в конце апреля — начале мая.

В 1054 году Иларион ввёл празднование памяти святых братьев 24 июля, к которому приурочил перенесение их мощей во вновь построенную церковь. Но последующие устроители перенесений не поддерживали его нововведений и приурочивали перенесения к 20 и 2 мая. Майская традиция должна была иметь более ранние основания. В 1033 го-

ду 20 мая приходилось на воскресенье, в 1026 году — на пятницу. Судя по всему, первое перенесение мощей произошло 20 мая 1033 года, и на нём основывались организаторы торжеств 1072 года, выбирая день для празднества.

В Тверской летописи в статье 6527 года есть рассказ с названием «О взыскании тела святого Глеба». В нём сообщается о поисках Ярославом после победы над Святополком тел Бориса и Глеба:

*«Ярослав же начат вопрошати о телесах святою: "Како или где положена еста?" И о святем Борисе поведаша ему, яко в Вышегороде положен есть, а о святем Глебе вси ведяху, яко **во Смоленске** убиен есть, но **не ведаху, где положен** есть. И тогда сказаши ему, яже слышаша от приходящих оттуду, како видеша свет и свеца в пусте месте. И то слышав Ярослав, посла на взыскание к Смоленску прозвытеры, рече: "Яко той еси мой брат". И **обретоша его**, идеже бяху видели, и шедше с кресты честно, и с свечами мнозми и кадилы, и, вложивши в корабль, и привезоша и, положиша его **в Вышегороде**, идеже лежит тело преблаженнаго Бориса. И раскопавше землю, ту положиша его, недоумюще бо еще, якоже бе лепо и честно.*

*Се же пречюдно и дивно и памяти достойно, како и колико лет лежало тело святого Глеба, то же **неврежденно** пребысть ни от единого плотоядных зверий, или птиц, или гад, не бяше почернело, яко же бо имат обычай телеса мертвых, но светло, и красно, и цело, и благовоню имуще. Тако ко Богу сохранишу своего страдальца тело». (30, 141)*

Услышав о чудесных явлениях, Ярослав послал к Смоленску священников, которые обнаружили тело Глеба и доставили его в Вышгород. Автор этого рассказа считал, что обретение мощей св. Глеба произошло в год битвы со Святополком на Альте, то есть в 1019 году.

В «Чтении» приведена несколько иная версия:

*«Повеле же христолюбивый князь (Ярослав Мудрый. — В. Т.) **изискати тело** святого Глеба, его же много искавшие и не обретоша. По лете же едином ходяще **ловци обретоша тело** святого лежаще цело, ни зверем, ни птицам прикоснувшимся его. Абие шед в град, возвестиша **старейшине граду**. Он же, шед с отроки, виде же святого, светящася яко молнии, и ужасен быв старейшина. Повеле слугам своим на месте том стрещи святого тела, дондеже*

*посла **возвестити** христолюбцю **Ярославу**, тогда стол отца своего подде-
ржающю. Иже слышав, списа епистолию к старейшине граду, да вскоре послет
тело святого Глеба в преже реченый град, идеже бе тело блаженного положено.
Старейшина же ту абие повеле отроком уготовати кораблец и тако взяв-
ше тело святого Глеба, со свещами и с темьяном и с великою честью несоша
в кораблец, ти тако отплыша. Бывшую же строину ветру, приплыша в нароч-
читый град и ту положиша тело святого **Глеба окрест Бориса, у церкви**
святого Василия, идеже чюдеса ради многа показа Бог угоднику ради свою». (10, 101)*

Здесь между безуспешными поисками, последовавшими после гибели Святополка, и обретением мощей Глеба прошло не менее года. Разночтения в источниках говорят о том, что сочинители пользовались разными преданиями. Одни считали, что поисками занимались священники, другие выдвигали версию о находке тела лесными охотниками.

Нестор использовал сочинение Илариона, создавшего раннее ядро общерусского летописного свода. В старших летописях через одну годовую статью после рассказа о гибели Святополка в 6527 году следует сообщение о безуспешной борьбе в 6529 году Брячислава с Ярославом за Новгород. Выражение «*по лете едином*» следует понимать как пропуск статьи 6528 года. Иларион приурочивал обретение мощей св. Глеба к этой междоусобице, то есть к 1022 году.

Летом 1022 года Ярослав изгнал Брячислава из новгородских земель. Согласно «Чтению», Смоленском в это время правил некий старейшина, тогда как в предшествующее время смоленским князем был Судислав. Судислав во время междоусобицы Ярослава с Брячиславом и Мстиславом встал на сторону младших братьев и получил в награду Ростовское княжество. Убийство Глеба произошло во владениях Судислава, что говорит о его лояльности по отношению к Святополку. Ярослав считал Судислава своим противником и расправился с ним, как только не стало Мстислава.

После наведения порядка на севере Ярослав в конце лета или по осени 1022 года должен был возвращаться по Днепру в Киев. Путь его проходил мимо Смоленска. Отсутствие Судислава в городе говорит о том, что он либо был изгнан Ярославом, либо бежал, опасаясь его гнева.

В 1022 году день памяти Владимира Святого 15 июля был в воскресенье. Перенесение мощей в 1033 и 1054 годах также выпадало на воскресное 15 июля. Первоначально культ святых братьев развивался под знаком почитания их святого отца. Только позднее он приобрёл более самостоятельное значение. Так, перенесение 2 мая 1115 года состоялось в год, когда чествование св. Глеба 5 сентября приходилось на воскресенье. Большее значение его культа по сравнению с культом св. Бориса выразилось также и в формировании рассказа о чуде с обрывом канатов при перенесении раки именно св. Глеба.

В разгоравшейся борьбе за власть с младшими братьями Ярославу было выгодно возвеличивание страдальческого подвига Глеба, так как это служило укором Судиславу и Брячиславу — союзникам Святополка-братоубийцы.

Под 11 августа в святцах значится перенесение в 1191 году ветхих рак Бориса и Глеба из Вышгорода в Смоленск на Смядину. (34, 243) В 1191 году 11 августа было воскресеньем. В Смядине близ места гибели св. Глеба находился Борисоглебский монастырь, поэтому сюда и были доставлены реликвии из Вышгорода. Перенесение состоялось в августе, и связано оно было с какой-то местной традицией.

В святцах под 12 августа значится память об убиении Бориса, сына Владимира. (34, 244) Датировка гибели Бориса 12 августа ошибочна. Но этот день соседствует с днём перенесения мощей 1191 года, и он в 1022 году приходился на воскресенье. По всей видимости, найденные в смоленских лесах мощи св. Глеба 12 августа 1022 года были торжественно перенесены на новое место. 12 августа приходилось на воскресенье в 1145 году, в котором была заложена каменная Борисоглебская церковь на Смядине, что подтверждает важность этого дня при воспоминании о святых братьях. (26, 27)

Будучи в Смоленске, Ярослав приказал отыскать захоронение своего брата. Местные власти исполнили это приказание. Стараниями охотников мощи были отысканы, затем их перевезли в Киев, поместив в Десятинной церкви — родовой усыпальнице Владимира и его потомков. В Вышгород мощи св. Глеба перенесли в 1024 году во время правления Брячислава, которому такое зримое напоминание о трагических событиях недавнего прошлого было политически невыгодным.

Это перенесение осуществили священники, что и нашло отражение в «Сказании».

В одном рассказе о перенесении мощей св. Глеба сообщается о том, что он был захоронен рядом с церковью св. Василия, согласно другому — его похоронили в земле рядом с братом. Между тем обстоятельства 1033 года свидетельствуют об ином. Церковь была построена весьма малого размера, то есть наспех. Если бы тела обоих братьев покоились в земле, то в спешке не было бы нужды. В рассказах особо оговаривается, что из горящей церкви было вынесено всё ценное. Спешку в строительстве можно объяснить только тем, что нетленные мощи св. Глеба к тому времени стали объектом почитания и покоились в церкви. Это соответствует традиции похорон православных Рюриковичей и членов их семей внутри церквей.

Во время перенесения 1054 года мощи св. Глеба покоились в каменной раке, а св. Бориса — в деревянной. Это говорит о большей укоренённости культа младшего из братьев. Помещение в церковь на всеобщее обозрение мощей св. Глеба соответствовало интересам Ярослава. Их захоронение в землю после чудесного обретения в нетленном состоянии могло быть осуществлено только под давлением политических обстоятельств на время правления Брячислава. После раздела Руси в 1026 году мощи должны были находиться в раке в церкви св. Василия. То, что при восстановлении власти Ярослава они не были возвращены в Десятинную церковь, можно объяснить появлением к тому времени местного культа св. Глеба.

После пожара 1033 года мощи св. Глеба оказались без пристанища, что и стало главной причиной строительства новой церкви. Ко времени её освящения благодаря варягам удалось отыскать захоронение св. Бориса, тело которого также оказалось нетленным. Естественно, что его поместили в церковь рядом с братом.

Память о перенесении мощей 12 августа 1022 года и 20 мая 1033 года хотя и в довольно смутном виде, но сохранилась. Это говорит о том, что события были санкционированы церковными властями и записаны. В церковных рассказах сообщается об участии священников в перенесении мощей св. Глеба, а в событиях 1033 года — об участии митрополита Иоанна.

У истоков прославления первых русских святых стоял руководитель Русской церкви митрополит Иоанн. При этом его деяния шли вразрез с интересами Брячислава, княжившего в Переяславле — официальной митрополичьей резиденции. В конфликте между братьями Иоанн встал на сторону Ярослава и по крайней мере с 1033 года жил в Киеве. Видимо, с этим следует связать замедление строительства Спасского собора в Чернигове. Собор задумывался как новая резиденция митрополита, но после разрыва Иоанна с Брячиславом и Мстиславом у черниговского князя исчез стимул продолжать дорогостоящее строительство.

София Новгородская

О строительстве в Новгороде Софийского собора в старших летописях сообщается лаконично:

«В лето 6553. Заложил Володимир святую Софию в Новгороде». (29, 67)

Образцом для Владимира Ярославича стал Софийский собор в Киеве. Новгородское строительство следует связать с пожаром в одной из церквей. Тверская летопись:

«В лето 6557. Месяца марта в 4, в день субботный, сгоре церкви святая София в Новгороде; баша же честно устроена и украшена, 13 верхов имуща, а стояла конец Пискупле улице над Волховом, идеже ныне постави Стокмо церковь камену святого Бориса и Глеба». (30, 150)

Стокмо, строитель Борисоглебской церкви, иным источникам неизвестен. Согласно Комиссионному списку Новгородской первой летописи, строителем был Сотко, ставший героем былины. (26, 181) Пожар показан на четыре года позднее строительства. Дубовая Софийская церковь стояла в стороне от более позднего каменного Софийского собора. Поэтому делались примиряющие хронологические различия источников предположения о том, что церковь сгорела позднее строительства собора. Но после строительства нового здания храма старое разбиралось и не могло стоять четыре года.

Четвёртое марта приходилось на субботу в 1049 году. В Тверской летописи дата приведена по «эре –5508 года», в Радзивилловской летописи — по «эре –5504 года».

В Летописи Авраамки уточняется строитель дубовой церкви:

*«В лето 6506. В Новегороде владыка **Аким** уряди себе монастырь Десятинный, а святую **Софею** заложил **дубову** конец Пискупли улицы, над Волховом, и сверши ю о двунатцати версах». (20, 40)*

Церковь поставил первый новгородский епископ Иоаким. Отмечено 12 глав, венчавших храм. В последующем рассказе о пожаре в Софийской церкви в статье 6550 года также исчислено 12 глав.

В Летописи Авраамки сообщается о строительстве Борисоглебской церкви:

«В лето 6675. Заложил Сотко Сытинич святых мучеников Бориса и Глеба над Волховом по конец Пискупли улицы». (20, 45)

Сотко заложил церковь в 1167 году. Самая ранняя Софийская церковь в Новгороде была возведена епископом Иоакимом в 999 году. (8, 192) В его эпоху Детинец имел более скромные размеры, а южная стена крепости проходила в отдалении от Софийской церкви, стоявшей вне крепостных стен. Борисоглебская церковь была построена уже в расширившемся до современных размеров Детинце, но продолжала оставаться уличанским храмом Прусской улицы. (32, 142) Это значит, что и предшествующая ей Софийская церковь была одним из храмов Людина конца.

Епископской улицей называли улицу в Детинце, начинавшуюся от Софийского собора и проходившую по всей его длине до Литовских ворот — современных Спасских. (24, 306) Судя по Летописи Авраамки, в эпоху епископа Иоакима Епископской называли улицу, соединявшую Десятинный монастырь, резиденцию епископа, и Софийскую церковь — его кафедральный собор. До расширения Детинца в 1116 году она имела продолжение и через волховский мост дорога вела на Торговую сторону. (32, 104) Сообщения из Летописи Авраамки имеют позд-

ний характер и составлены после строительства Борисоглебской церкви в 1167 году.

Развалины Борисоглебской церкви еще в первой трети XIX века были видны позади Присутственных мест, то есть в районе современного Судейского городка. (24, 275) В этом же месте в конце X — первой половине XI века стояла дубовая Софийская церковь.

Примечателен характер престольных праздников богородичных церквей главной церковной улицы эпохи Иоакима. В Десятинном монастыре стояла Рождественская церковь, далее — церковь Введения Богородицы во храм и в конце — Софийская, в которой, судя по позднему Софийскому собору, имелся популярный в начальную эпоху крещения Руси культ Успения. В церквях улицы был запечатлён весь земной путь Богородицы. Софийская церковь простояла 50 лет, а через 118 лет на её месте был заложен новый, уже Борисоглебский, храм.

Дубовая Софийская церковь была построена в память о крещении Новгорода и имела престольный праздник в честь святого семейства Софии и её дочерей, отмечаемый 17 сентября. (8, 192) Дата заложения Софийской церкви из Летописи Авраамки, с упоминанием 12 глав, имеет архаичную осеннюю «эру –5506 года», позднее вышедшую из употребления. Сообщение же о пожаре, с упоминанием 13 глав, составлено позднее 1167 года и имеет традиционную «эру –5508 года». Поэтому мнение о 12 главах дубовой церкви следует признать более древним, подвергшимся позднее исправлению под влиянием общих церковных представлений. Тринадцать глав символизировали 12 апостолов и Христа. Число глав из Тверской летописи следует признать более соответствующим церковной традиции.

Заложение Софийского собора, согласно Новгородской третьей летописи, произошло в день равноапостольных Константина и матери его Елены, то есть 21 мая. (7, 40) 21 мая приходилось на воскресенье в 1049 году. В марте 1049 года сгорела деревянная церковь, вместо неё в мае этого же года был заложен новый каменный собор.

В Рогожском летописце пожар в новгородской Софии отнесён к 6561 году. (30, 18) Эту особняком стоящую датировку следует при-

знать результатом ошибочной правки. Редактор решил, что 6557 год приведён по «эре –5504 года», и добавил четыре года, чтобы привести дату в соответствие с «эрой –5508 года».

Правильную последовательность событий находим у Татищева:

*«6556 (1048). В Новегороде **згорела** церковь святых **Софии** марта 4 дня в день суботный. Стояла конец Пискупли улицы над Волховом, где ныне Сотко построил Бориса и Глеба. Была же Софейская церковь богато и хитро украшена, имела тринадцать верхов.*

*6558 (1050). Преставися Ингрета, княгиня Ярославля, февраля 10 дня. Князь великий Ярослав повелел в Новегороде **построить** церковь святых **Софии внутри града** лучшие прежней, которая совершена и **сентября 14** дня **освящена** епископом Лукою». (38, 79)*

Пожар здесь датирован по «эре –5507 года». Следующая статья охватывает события с февраля по сентябрь. И по сентябрьскому, и по мартовскому счёту лет этот период больше календарного года. О кончине супруги Ярослава первоначально говорилось в одной летописной статье, а об освящении собора — в иной. Собор было велено построить внутри града. Это уточнение подтверждает расположение сгоревшей церкви вне Детинца.

Тверская летопись:

*«В лето 6558. Священна бысть церкви София в Новегороде, месяца сентября 14, на Воздвижение честнаго креста, повелением князя великаго **Ярослава** Владимировича Киевскаго и всея Руси, и сына его, князя **Владимера** Ярославича, и архиепископа Новгородскаго **Луки**». (30, 150)*

Организаторами строительства названы трое: князья, великий и новгородский, и новгородский владыка. В строительстве принимал участие Ярослав Мудрый. Это соответствует огромным размерам собора, в возведении которого участвовали византийские мастера. Византийцы же могли попасть в Новгород только по воле великого князя. Парадное строительство было предпринято по указанию Ярослава для украшения его резервной столицы. При этом была оказана помощь в

виде присылки мастеров, редких и драгоценных материалов, необходимых для украшения собора. Поводом для строительства стал пожар.

В Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского сообщается об участии византийских художников в украшении собора:

*«В лето 6060. Благоверный великий князь Ярослав Володимирович и сын его великий князь Володимер Ярославич постави церковь святая Софья Премудрости Божия в Великом Новгороде при архиепискупе Великово Новгорода владыке Луки. Священна бысть церкви святая София месяца сентября в 14 день, на Воздвижение честнаго креста, а **делаши ю 7 лет**, а служили в ту 7 лет священники во Иакиме и Анне. Да устроив церковь, приведоша писарево **иконных писцев из Царяграда** и начаши потписывати святую Софию. Во главе написаши образ Господа и Спаса нашего Иисуса Христа с благословящею рукою. Во утрое виде архиепискуп Лука образ господень написан не благословящею рукою, но сжатою. И иконописцы писаши по 3 утра. На четвертое же утро глас бысть от образа Господня иконным писцем, глаголющ: "Писари, писари, о писарии! Не пишите ми благословящия руки, но пишите ми жатую руку: аз в сеи руке моеи держу Великий Новоград, а когда сия рука моя распрострется, тогда будет граду скончание"». (25, 54)*

Продолжительность строительства определена в семь лет. Соответственно с этим сроком под 6553 годом говорится о начале строительства. Пока храм строился, службы шли в церкви Иоакима и Анны, построенной епископом Иоакимом.

Новгородскому строительству благоприятствовало то обстоятельство, что в Киеве в марте 1049 года было закончено строительство каменной Благовещенской церкви на Золотых воротах. Высвободившихся мастеров перевели в Новгород.

В Синодальном списке Новгородской первой летописи дата пожара определена иначе:

*«В лето 6553. Сгоре святая София, в субботу, **по заутрени, в час 3**, месяца **марта в 15**. В то же лето заложена бысть святая София Новгороде Володимером князем». (26, 16)*

Уточнено время дня, в которое начался пожар. Церковь загорелась после утренней службы, в третьем часу после восхода Солнца. Год указан

по «эре –5504 года», день пожара исправлен. 15 марта было субботой в 1046 году. Следовательно, редактор пользовался «эрой –5507 года».

Собор был заложен в 1049 году, но в некоторых летописях год был проставлен по «эре –5504 года» и по «эре –5507 года».

В Летописи Авраамки наблюдается такая хронологическая картина:

«В лето 6530. В 28 лето княжения своего, заложи Володимер Ярославич святую Софью в Новегороди Великом...»

В лето 6550. Сгоре святая Софя в Великом Новегороде, имуци верхов 12.

В лето 6553. Заложи Володимер святую Софею в Великом Новегороде.

В лето 6560. Священа бысть святая Софя на Воздвижение честнаго креста, при архиепископе Луке». (20, 41)

Дата освящения Софийского собора отличается от приведённой Татищевым на два года, в чём можно усмотреть влияние «эры –5506 года». В зависимости от осеннего или весеннего счёта лет перед нами 1051 или 1052 год.

Воздвижение креста Господня отмечается 14 сентября. В 1051 году 14 сентября было субботой, в 1052 году — понедельником. В 1052 году воскресеньем было 13 сентября, на которое приходятся препразднество Воздвижения Креста Господня, праздник Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме и отдание праздника Рождества Богородицы. Новое строительство как раз было обновлением храма. Рождество Богородицы было главным культом киевской Софии. Судя по всему, препразднество впоследствии было заменено на само празднество Воздвижения и освящение собора следует приурочить к 13 сентября 1052 года. Даты имеют весенний счёт лет.

Софийский собор в Новгороде строили более трёх лет: с 21 мая 1049 года по 13 сентября 1052 года.

В Новгородской третьей летописи пожар в Софийской церкви связан с тринадцатым летом епископства Луки. Преемником Иоакима стал Ефрем. В новгородском «Летописце церквам Божиим» под 6538 годом записано:

«И бе в него (Иоакима Корсунянина. — В. Т.) место ученик его Ефрем... сей поучив люди 5 лет, святительству же не сподобися». (40, 53)

Летописец считал, что Ефрем наследовал Иоакиму, но епископом не стал. В перечне новгородских епископов, помещённом в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, он, тем не менее, числится, хотя в отличие от иных владык ничего не говорится о его сане. (26, 473) Ефрем по древним апостольским правилам был избран в епископы новгородским клиром и прихожанами, но не посвящён вышестоящим иерархом.

В Тверской летописи в статье 6568 года есть рассказ о епископе Луке:

*«Того же лета преставися архиепископ новгородский Лука, идя ис Киева, на Конысе, месяца **октября 15**, того же месяца предан гробу своим клиросом, бывшу ему **епископом 23 лета**. Се же считает выклад лета, которые Лука на столе был, а тех не считает, что был Лука в Киеве оклеветан, а всех лет его **от поставления до смерти 27**. То есть Жирята. А от Акыма 3 лета владыкы не было в Новегороде».* (30, 153)

Далее в статье описан разгром торков русскими князьями. По византийским данным, торки вторглись в Византию в 1064 году. Война с ними русов датирована по «эре –5504 года». От кончины новгородского святителя Иоакима до кончины Луки, согласно этому сообщению, прошло 30 лет. При расчётах за дату кончины Иоакима брали 6538 год, имевший «эру –5506 года». Мы имеем дело с расчётными периодами, вычисленными по разности летописных дат.

Новгородская кафедра пустовала то ли пять лет, то ли три года. Имеем характерное расхождение в два года.

О поставлении Ярославом Луки новгородским епископом в старших летописях говорится в статье 6544 года в связи с кончиной Мстислава Владимировича и поставлением Владимира Ярославича новгородским князем. (29, 65) Дата имеет «эру –5508 года», и епископом Лука стал в 1036 году, что соответствует исторической обстановке того времени. Ярослав стал самодержцем и сменил в Новгороде церковного владыку.

Из-за разных датировок кончины Иоакима появилось разное исчисление лет святительства Ефрема. Одни отводили ему три года: 6541,

6542, 6543-й; другие добавляли ещё два: 6539-й и 6540-й. В действительности Ефрем возглавлял новгородскую церковь в 1032–1036 годах.

Пожар новгородской Софии на тринадцатом году святительства Луки соответствует дате пожара по «эре –5508 года». Лука был оклеветан через 10 лет после пожара, то есть в 1059 году. В Никоновской летописи рассказ о клевете приурочен к началу княжения Изяслава Ярославича:

«Начало княжения Изяславля в Киеве. В лето 6563. Пришед Изяслав седе на столе в Киеве...

Того же лета клевета бысть на епискупа Луку Жидяту от своего холопа Дудика в неподобных речех, и изыде из Новагорода, и иде к Киеву, и осуди его митрополит Ефрем по Дудикиным речем и злых его друзей Демьяна и Козмы клеветам. И пребысть тамо три лета. Того же лета почя княжити в Киеве Изяслав Ярославич». (27, 91)

В статье собраны известия из двух источников, что привело к дублированию сообщения о начале княжения Изяслава. К моменту суда в Киеве сменилась церковная власть, и вместо Илариона митрополитом стал Ефрем, осудивший Луку. Это смещение следует связать с кончиной Ярослава Мудрого. Изяслав изменил его политический курс, что привело к смене митрополита. Аналогичный, но более краткий рассказ есть в Тверской летописи:

«Того же лета клевета бысть на новгородскаго архиепископа Луку от своего холопа Дудикы, и изыде из Новагорода и иде к Киеву, и осуди его митрополит Ефрем, и пребысть тамо 3 лета». (30, 152)

Луку продержали в заточении три года, то есть с 1059 по 1061 год. Скончался он через 27 лет после начала своего правления по дороге из Киева в Новгород, то есть в 1063 году. В Никоновской летописи в статье 6565 года записано:

«Того же лета епископ Лука Жидята прият престол свой в Новегороде, свою власть. Холопу же Дудике оскомины быша: урезаша ему носа и обе руже отсекоша и побежа в Немцы. Сице же и его лукавым советником, Козме и Дамиану, достойное воздаша по злодеянию их». (27, 91)

Лука вернулся из Киева в Новгород в 1061 году и продолжил церковное правление, жестоко расправившись со своими обидчиками. Возвращение датировано по «эре –5504 года». В Тверской летописи аналогичное сообщение находим в статье 6566 года:

«Того же лета архиепископ Лука прия престол свой в Новегороде и свою власть. Дудице же холопу устны и нос срезаша и обе руки усекоша». (30, 152)

В Софийской первой летописи в статье 6566 года также говорится о том, что Дудику «устн и нос срезаша». (37, 183) Древнерусское «уста» («устна», «устне») обозначало рот, губы. (11, 762) Дудику срезали не только нос, но и губы, поэтому в Никоновской летописи говорилось об «оскомине». После срезания губ выражение лица похоже на появляющееся после того, как попробуют чего-нибудь очень кислого. Здесь использована осенняя «эра –5504 года». Лука вернулся в Новгород после 1 сентября 1061 года, что привело к различиям в источниках из-за использования осеннего и весеннего счёта лет.

Дудика наказали за выступление против Луки. Руки ему обрубали за то, что он написал жалобу на своего хозяина. Изуродованный рот говорит о том, что ему не только обрезают губы, но и вырвали язык за произнесённые против владыки речи. У бунтовщика были сообщники, которых также наказали. Тем не менее изувеченному Дудику удалось бежать на запад к католикам. Бегство столь приметного калеки не могло состояться без посторонней помощи. У Дудика имелись единомышленники. Оппозиция Луке была довольно сильной, о чём косвенно свидетельствует жестокость расправы.

Далее в Никоновской летописи в статье 6567 года читаем:

«Преставися Лука епископ. Того же лета преставися епископ новгородской Лука Жидята, идя ис Киева, на Копысе, месяца октября в 15 день. Того же месяца и гробу предан бысть своим клиросом, бывшу ему епископом 23 лета». (27, 91)

Кончина Луки датирована по «эре –5504 года», и поэтому его правление определено в 23 года, будучи исчисленным от начала правления в 6544 году по «эре –5508 года». Один из сводчиков заметил расхожде-

ние между реальным сроком правления в 27 лет и имевшимся в источниках сроком в 23 года и попытался примирить противоречие предположением о том, что следует учитывать период заключения в тюрьме. То, что заключение продолжалось три года, а расхождение было в четыре года, его не смутило.

Сообщение об освобождении Луки стоит в ряду иных сообщений о его жизни и восходит к одному источнику, в котором использовалась «эра –5504 года». Лука оправдался в 1061 году, а затем ездил в Киев, скончавшись на обратном пути в 1062 или 1063 году. В Тверской летописи и таких зависимых от неё летописях, как Софийская первая, возвращение Луки и его кончина датированы на год позже, нежели в Никоновской летописи. Перед нами даты по осенней «эре –5504 года». Лука скончался 15 октября 1063 года.

В Тверской летописи и новгородском летописании иерархи, возглавлявшие церковь Новгородского княжества в домонгольский период, как правило, именуются архиепископами. В старших летописях в домонгольский период мы не находим имён новгородских владык, за исключением Жидяты, то есть Луки, и Никиты, именуемых в статьях 6544 и 6604 годов епископами. В статьях 6579 и 6648 годов старших летописей упоминаются безымянные новгородские епископы. Южное летописание знало новгородских владык в качестве епископов.

В Никоновской летописи запечатлена компромиссная точка зрения. Ранние новгородские владыки вплоть до Аркадия, скончавшегося в 1163 году, именуются епископами, а начиная с Илии — архиепископами. В перечне из Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода новгородские владыки, включая Аркадия, также названы епископами, а начиная с Илии — архиепископами. Но о епископе Иване Попьяне здесь говорится, что он «отвержесе архиепископья», то есть в предшествующем перечне Иван именовался архиепископом. (26, 473) Перечень был отредактирован в соответствии с представлениями о введении архиепископской кафедры в Новгороде при Илии.

Наделение ранних новгородских владык архиепископским саном можно было бы объяснить поздними патриотическими исправлениями авторов, живших в то время, когда в Новгороде было учреждено архи-

епископство. Но принять это предположение мешает хотя и редкое, но используемое новгородскими летописцами именование своих владык епископами.

В старших летописях в статье 6579 года рассказывается о мятеже волхва в Новгороде, взбунтовавшего народ против местного епископа. Князь Глеб встал на защиту этого безымянного владыки и убил волхва. Рассказ этот, предположительно, был написан Иларионом, приехавшим вместе с Глебом на север, а затем вернувшимся обратно на юг. В соответствии с южной традицией новгородский владыка назван епископом. Новгородские летописцы усвоили этот рассказ, уточнив, что владыку звали Феодором. Но исправлять звание не стали, несмотря на то что далее, говоря о его смерти, именуют Феодора архиепископом.

Лука в статье 6563 года назван епископом, хотя и ранее, и позднее именуется архиепископом. В этой статье рассказывается о поездке Луки на суд в Киев и пребывании там в течение трех лет, судя по всему в заключении. В Тверской летописи в статье 6568 года Лука назван архиепископом, упомянуто его трёхлетнее осуждение и исчислен срок его епископства. Двойное титулование Луки связано с его пребыванием в южных землях.

В Новгородской первой летописи старшего извода в статьях 6649–6650 годов описан конфликт новгородцев с великим князем Всеволодом Ольговичем. Всеволод прислал гонцов с повелением отозвать с новгородского княжения его брата Святослава, а новгородцам принять на княжение сына Всеволода. Новгородцы отправили в Киев посольство, удержав в Новгороде Святослава. Святослав бежал, а новгородцы вступили в переговоры с суздальским князем Юрием Долгоруким, пригласив на княжение его сына Ростислава. Всеволод, узнав об этом, разгневался и заточил новгородское посольство. (26, 26)

Новгородское посольство возглавлял не названный по имени епископ. В Никоновской летописи события изложены несколько иначе и датированы на год ранее. Главой посольства назван епископ Нифонт, а местом заточения — город Берестье. (27, 165–166)

В Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода в статье 6666 года говорится о том, что Аркадий направился в

Киев ставиться епископом. В иных местах новгородского летописания Нифонт и Аркадий названы архиепископами.

Нифонт был хорошо известен одному из создателей новгородского летописания. В Синодальном списке в статье 6652 года этот летописец сообщает:

«Постави *мя* попом **архиепископ** святеи Нифонт». (26, 27)

Архиепископом Нифонта называл его современник. А. А. Шахматов предполагал, что этим летописцем был священник церкви св. Иакова Герман Воята, начавший свою летопись летом 1167 года и скончавшийся в 1188 году. Нифонт поставил Вояту попом в 1144 году, так что полувековой период был описан современником событий. (40, 41)

Устойчивость именования в новгородском летописании местных владык архиепископами говорит о том, что новгородцы так их и называли. Именования местных владык епископами в новгородском летописании появляются только в связи с их пребыванием в Киеве. Находясь в Новгороде, владыки были архиепископами, попадая в Киев, превращались в епископов. При этом для южных летописцев они во всех случаях были епископами.

Новгородские владыки поставлялись киевскими митрополитами в качестве епископов. В отношениях с киевскими светскими и церковными властями они выступают в качестве епископов, и новгородские летописцы признают такое положение дел. Но в отношении своей новгородской паствы владыки выступают как архиепископы и чтутся ею в качестве таковых.

Прибывая в Новгород, вновь назначенные епископы каким-то образом повышали свой ранг. Исходя из обычаев той эпохи стать архиепископом владыка мог только в случае совершения над ним обряда поставления новгородским клиром. Такая традиция не могла бы сложиться, если бы ранее никто из новгородских владык не удостоивался сана архиепископа более законным способом.

Демократичные порядки избрания новгородских владык сохранялись во всю эпоху самостоятельности Новгорода. А. Н. Муравьев:

«**Избрание** происходило большею частью **на вече**, при дворце Ярославовом и у св. Софии, общим голосом **клира и народа** или **по жребию**. Три имени полагались на престол Софийский, и малый отрок брал с престола. Тогда совершали так называемое возведение в сени. Вече посылало именитых граждан за избранным и с торжеством возводили его на высокое крыльцо архиерейских палат, где он был встречаем хлебом и солью.

С тех пор, по своему обычаю новгородскому, **избранный**, какой бы он степени ни был, иерей, или диакон, или даже простой монах, вступал уже **в управление епархией** и во все права архиерейские, кроме священнослужения. А между тем отправлялось **посольство к митрополиту**, с просьбой великого Новгорода о посвящении его владыки.

Таким образом, протекало иногда около двух лет или более между избранием и посвящением. Архиепископ Евфимий II **управлял даже пять лет без хиротонии**, а некоторые, как Арсений и Феодосий, после двух лет, еще не посвященные, сведены были с кафедр, по прихоти непостоянного веча... Они стояли выше сменяемых князей и посадников и совершенно **не зависели от митрополитов киевских** и московских, до самого покорения Новгорода Иоанном, вступая иногда **в прямое сношение с патриархами Царяграда**». (24, 286–287)

Первым архиепископом Новгорода местные летописцы признают Иоакима, который во Владимирову эпоху был епископом. После поражения Ярослава Мудрого под Ливенью в 1024 году под его властью осталась только северная часть Руси. Митрополит остался на территории, отошедшей к его противникам. Позднее Ярослав не захотел, чтобы его княжество было в церковной зависимости от недружественной ему Византии, и воспользовался апостольским правилом для избрания главы Церкви собором епископов. Судя по всему, первый опыт такого избрания был осуществлён в 1024 году.

В распоряжении Ярослава были новгородский и ростовский епископы. Этого числа епископов было достаточно, чтобы избрать из них архиепископа. Нестор в «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» в описании перенесения мощей святых Бориса и Глеба 1054 и 1072 годов называет главу Русской церкви то митрополитом, то архиеписко-

пом. (10, 104–106) Последующие переписчики сохранили оба варианта, из чего следует, что на Руси титулы «митрополит», «архиепископ» в то время понимались как равноправные обозначения главы Церкви.

Избрание архиепископом Иоакима ставило его вровень с киевским митрополитом, а контролируемая Ярославом часть Руси делалась независимой в церковном отношении от киевской митрополии.

Автокефалию новгородской церкви косвенно подтверждает практика церковных соборов того времени. В домонгольское время киевские митрополиты неоднократно созывали подвластных им епископов, но новгородского и ростовского владык среди них не было. Только в 1147 году по воле великого князя Изяслава Мстиславича епископ Нифонт принял участие в съезде епископов по случаю поставления митрополита, но и в этом случае повёл себя особо. Он отказался участвовать в поставлении, ссылаясь на незаконность избрания митрополита без решения константинопольского патриарха.

Нифонт проявил лояльность к патриарху, которая стала следствием особого статуса новгородского владыки. Он считал себя почти равным киевскому митрополиту, а своим высшим руководством признавал константинопольского патриарха, чьё традиционное право назначать киевского митрополита отстаивал. В случае же автокефалии Русской церкви призрачная константинопольская власть над новгородским архиепископом сменилась бы реальной киевской.

На соборе 1147 года не присутствовал ростовский епископ. Судя по всему, это было вызвано тем, что со времён Ярослава Ростовская епархия была в церковном подчинении у новгородского архиепископа и Нифонт в одном лице представлял обе епархии. Но поставлялись ростовские епископы киевским митрополитом. Так что власть архиепископа была ограниченной.

Архиепископ Иоаким скончался в 1032 году. Его преемник Ефрем не унаследовал его сана. В 1033 году митрополит Иоанн находился в Киеве и принимал участие в перенесении мощей святых Бориса и Глеба. Это значит, что у него в это время сложились хорошие отношения с Ярославом и он предпочёл Киев Переяславлю и Чернигову. Посвятить Ефрема в епископы было возможно. А вот посвящение его в архи-

епископы означало поощрение церковного сепаратизма, которому киевский митрополит должен был воспротивиться.

У Ярослава сохранялись сложные отношения с младшими братьями. В этой обстановке непрочного мира он не желал ссориться с митрополитом, но и понизить статус Новгорода с центра архиепископства до центра епархии не хотел. Будучи уже дважды выбитым из Киева, Ярослав держал Новгород в качестве резервной столицы с почти автономной церковью. В случае политических осложнений на юге Новгородское княжество превращалось в самостоятельное государство. Поэтому разрешение новгородской церковной проблемы было оставлено до лучших времён.

После кончины Мстислава и гибели Брячислава Ярослав стал полным хозяином Руси. Он добился посвящения Луки Жидяты в епископы, а затем, используя апостольское правило, произвёл его в архиепископы, уже не считаясь с мнением митрополита.

Подтверждением более высокого церковного статуса Новгорода по сравнению с остальными епархиями служит строительство Софийского собора. Новгородский собор был более крупным храмом, нежели Спасский собор Чернигова, который задумывался как резиденция митрополита и уступал только киевскому Софийскому собору.

Традиция, заложенная Ярославом, оказалась живучей. Новгородцы, ссылаясь на его установления, посредством местной церемонии «доосвящали» приехавших из Киева епископов до сана архиепископа. При этом считалось, что это доосвящение действует только на территории новгородско-ростовского архиепископства, а позднее — только на территории Новгородского княжества. Так что Софийский собор возводился в качества резиденции архиепископа, руководившего церковными делами всей северной половины Руси.

Литература

1. Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972.

2. Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 1. М., 1913.
3. Библия. М., 1968.
4. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
5. Вершинский Д. Месяцеслов православно-кафолической Восточной церкви. СПб., 1856.
6. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. К., 1966.
7. Гордиенко Э. Свет новгородской Софии // Родина. 2007. № 6.
8. Грицков В. В. Крещение Руси. М., 2009.
9. Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.
10. Древнерусские княжеские жития. М., 2001.
11. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
12. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978.
13. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
14. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. 1–4. М., 1988.
15. Каргер М. К. Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Ученые записки ЛГУ. № 160. Серия исторических наук. Вып. 20. Л., 1954.
16. Киево-Печерский патерик / комм. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1981.
17. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
18. Кучкин В. А. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997.
19. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
20. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. 16. М., 2000.
21. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968.
22. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995.
23. Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984.
24. Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. М., 1990.
25. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. 43. М., 2004.
26. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
27. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.
28. Повесть временных лет. СПб., 1996.

29. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
30. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
31. Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI века // Slavia. Т. 10. Прага, 1963.
32. Русское градостроительное искусство: Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1993.
33. Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. М., 2007.
34. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997.
35. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. М., 1997.
36. Собор святої Софії в Києві. К., 2001.
37. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
38. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
39. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1995.
40. Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. СПб., 2003.

Глава 5

ПОХОД НА ЦАРЬГРАД

Летописные сказания

Во время правления Ярослава Мудрого произошло столкновение Руси с Византией. Поход на Константинополь возглавлял новгородский князь Владимир Ярославич. Радзивилловская летопись:

*«В лето 6551. Посла Ярослав сына своего **Володимира на Греки**, дав ему вои многы, и **воеводство** поручи **Вышате**, отцу Яневу. И поиде Володимир в лодьях, и приидоша в Дунай, и поидоша ко Царюграду. И бысть **буря** велика, и **разби корабля** руси и княж корабль разби ветр, и взя в корабль князя Иван Творимич, и воевода Ярославль, и прочии же вои Володимири вывержени быша на берег числом 6000.*

*И хотяще поити в Русь, и не идяше с ними от дружины князя. И рече: "Аз поиду с ними". И выседе ис корабля к ним. И рече: "Аще то жив буду — с ними, аще ли погину, то со дружиною". И поидоша, хотяче в Русь. И бысть весть ко греком, яко избило море русь, и посла царь, именем Монамаха, по Русь и олядеи 14. Володимер, видево со дружиною, яко идут по них, и возвратився, и **изби оляди грецкия**, и возвратися в Русь, вседше в корабли своя.*

*Вышату же яша со изверженными на берег и поведоша я ко Царюграду, и **слепиша руси много**. По 3-х же летех миру бывию, пущен бысть Вышата в Русь ко Ярославу». (29, 66)*

Неудача в войне объяснялась бурей, потопившей часть кораблей. С погибших судов на берег сошло 6000 воинов, и Вышата добровольно остался с ними. Византийцы, прослышав о несчастье, приключившемся с русским флотом, послали эскадру. Уцелевшие после бури корабли русов потопили корабли противника и благополучно вернулись домой. Меньше повезло воинам, оставшимся на берегу. Их пленили и осле-

пили. Только через три года был заключён мир, и пленники вернулись домой.

В Тверской летописи сохранились описания иных обстоятельств похода:

«Ходил Володимер Ярославич на Царьград.

В лето 6551. **Весне** послал князь великий Ярослав сына своего Владимира на Греky, и дал ему воя многы, **варягы**, русь, а воеводство поручи Вышате, Яневу отцу. И поиде Владимир на Царьград в лодиях, и прошедше пороги, и пришедше во **Дунай**. Рекоша русь Владимиру: "Станем zde на поли". А **варязи** рекоша: "**Поидем под город**". И послуша Владимир варяг, и **от Дуная** поиде к Царуграду с вои по морю.

Греци же видевшие, изыдоша на море, носяще с собою честныя иконы и кресты, и начаша погружати в море пелены Христовы с мощи святых, и иконы. И Божиим гневом возмутися море, и гром бысть велик и силен, и бысть буря велика, и начате корабли разбивати, и разби корабля. И княж корабль разбив Владимеров ветр, и едва Иоанн Творимирик князя Владимира всади в свой корабль и воеводу Ярославля. Прочии же вои Владимирови вывержени быша на брег, числом 6000, и сташа на бреze **нази**, и хотяаху поити в Русь, и не иде с ними никто же от княжие дружины. Вышата же воевода, видеv дружину свою стоящу, сжаливси, рече: "Не иду ко Ярославу". И выиде к ним ис корабля и рече Вышата: "Аз иду с ними — рка — аще жив буду, то с ними, аще ли погыбну, то с дружиною". И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вестъ греком, яко избыло море русь. И то слышав царь Манамидий, яко русь избыло море, и посла царь **Константин Манамах** по руси в след олядий 14 с дружиною. Владимир же видеv с войском своим, яко идут по них греци, и возвратися на них Володимер, изби вся олядии греческыя, и возвратися в Русь.

Вышату же яша с изверженными на брег, и приведоша к Царюграду, и ослепиша руси много. По трех же летех минувшу и миру бывшу пущен бысть Вышата к Ярославу и с инеми в Русь». (30, 148–149)

Поход начался весной, чтобы в традиционном «военном» июне достичь Византии. В этом предприятии приняли участие варяги. В перечне воинов они стоят впереди руси, а на военном совете у Дуная их мнение оказалось решающим, что говорит о большой роли варяжского

отряда в войне. Русские дружинники советовали далее вести военные действия на суше, варяги настаивали на морском нападении. Совет иноземцев оказался губительным, так как греки воспользовались Божьей помощью, опустив святыни в воду, и буря потопила большую часть флота. Таким образом, ответственность за поражение перекадывалась на неразумных варягов и непреодолимые небесные силы. Выброшенные на берег воины стояли нагими, то есть без доспехов и без оружия. Наряду с прозвищем названо имя византийского императора.

В Никифоровской летописи говорится о малом числе вернувшихся из похода:

«В лето 6549. После Ярослав сына своего Владимира на Греки, дав ему воя многы, и идоша в лодиах. Греки же, видевши воя многы, начаши погружати честныя кресты с мощми в море, и корабли потопи многы. Володимер же приде в Киев в мале». (25, 23)

Здесь поход датирован двумя годами ранее. Расхождение говорит о том, что в старших летописях была использована «эра –5508 года», а в Никифоровской летописи — «эра –5506 года». Поход состоялся в 1043 году.

У Татищева описание похода пространнее, нежели в летописях:

«6551 (1043). Послал Ярослав на весну сына своего Владимира на греки, дав ему войско многое, воеводство же поручил Вышате, отцу Яневу. Владимир отправился в лодьях. Егда же пришел в устье Дуная реки, уведали воеводы Владимировы, что греки на море во множестве кораблей противо их вышли, советовали Владимиру выдти на берег и воевать на земли, а лодьи поставить в крепкое место, но варяги советовали идти морем к Константинополю. И, послушав Владимир варяг, пошел ко Царюграду в лодиях. Но вскоре встретили их греческие корабли и хотели биться, токмо востала жестокая буря, многие лодьи русские и самой Владимиров разбила, едва его самого воевода Ярославль Иван Творимич извлек. Протчия же войска Владимировы вышли на брег числом 6000 и стали на берегу безо всего, многие без платья и оружия, и хотели поити в Русь, не хотя идти с князем, зане кораблей мало осталось. Вишата же говорил Владимиру: "Я не иду с вами, но пои-

ду с войском пешим, жив ли буду или погину с ними". И тако, вышед ис корабля, остался, хотя в Русь идти.

Греки же уздав, что русские суда бурею разбило и на берег выкинуло, послал царь Константин Мономах 14 судов морских, именуемых олядии. Владимир, видев, что греки идут по ним, и хотя его войско на лодиях мало было, обаче **храбро на них наступил** и все их олядии разбил. И видя его **лодии** вельми **повреждены**, а **людей мало** осталось, **не могли ничего более делать**, возвратился в Русь в кораблях своих.

Вышату же воеводу со изверженными на брег греки, пришед, взяли со всем его войском и, приведши ко Царюграду, ослепили многих. Но по трех летех учинен мир с греки, тогда отпущен Вышата в Русь к Ярославу». (33, 78–79)

Уточняется, что военный совет проходил в устье Дуная. Морское сражение не показано, но говорится о подходе большого флота греков. Русские советники Владимира предлагали укрыть ладьи в крепком месте. Расшифровано слово «нази»: часть воинов оказалась на берегу без платья и оружия. Отмечена малочисленность оставшегося после бури у Владимира войска, из-за чего он не смог продолжать военные действия и вернулся на Русь.

В летописях один из предводителей похода, Иван, характеризуется по-разному. В старших летописях его отчество звучит как Творимич, в младших — как Творимирич. Творимич — сокращение от Творимирич. Отец Ивана имел характерное для княжеской части русской знати имя с корнем «мир».

В Радзивиловской летописи Иван назван «и воевода Ярославль». Титул воеводы Ярослава был сокращён, а от первого определения остался только союз «и». В Ипатьевской и Лаврентьевской летописях ставший непонятным союз был опущен, а речь стала вестись о воеводах Ярослава: «...воеводы Ярославль». Причём имя Ярослава не было согласовано с произведённой правкой.

В начале рассказа говорится о том, что воеводой в походе Ярослав назначил Вышату. Появление далее по тексту ещё одного воеводы потребовало от редактора внесения правки. Позднее редактирование спорного места было продолжено.

Согласно Тверской летописи, Иван посадил в корабль не только Владимира, но «и воеводу Ярославля», то есть воеводу Вышату. Между тем в Радзивиловской летописи говорится о том, что Иван взял на свой корабль только Владимира. Вышата же был на уцелевшем в бурю корабле, с которого добровольно сошёл на берег, так как никто из военачальников не захотел покинуть своего судна для того, чтобы возглавить воинов с разбитых ладей.

Рассказ о походе был записан со слов Яна, сына Вышаты, и преувеличение роли Вышаты в походе естественно. Вышата был воеводой Владимира Ярославича, возглавлявшим новгородцев. Ярослав дал в помощь Владимиру своих воинов, то есть киевлян. Киевлян должен был возглавлять киевский тысяцкий. Иван Творимирич и был этим тысяцким и воеводой Ярославля. По своему статусу киевский тысяцкий был выше новгородского воеводы, и эту мешавшую возвеличиванию Вышаты деталь опустили.

Вышата был ослеплён, о чём прямо говорится в Никоновской летописи: «...и ослепиша его и руси много». (26, 82)

Причина похода

В русских летописях ничего не говорится о причине столь значительного и редкого предприятия, как морское нашествие на Константинополь. Между тем со времени предшествующего подобного похода прошёл целый век.

Летописный поход датируется 6551 годом. Его известность привела к тому, что в большинстве летописей дата была выверена, тогда как относительно менее важных событий сохранялись различные датировки, вызванные применением разных эр. Уточнить датировку войны позволяют византийские известия. Михаил Пселл пишет:

«Не успели подавить мятеж (Георгия Маниака. — В. Т.), как началась война с варварами (русами. — В. Т.)». (24, 95)

Мятеж Георгия Маниака был подавлен весной 1043 года. (20, 71) Нападение русов произошло в 1043 году и в старших летописях дати-

ровано по «эре –5508 года». Георгий Кедрин относит битву к июню 1043 года, хотя перед этим пишет об опале севастофора Стефана в июле месяце этого же года. У Скилицы и опала, и война отнесены к июлю одного года. (19, 106–107)

Михаил Атталиат говорит о том, что битва под Константинополем произошла в воскресенье, не называя числа. М. Салямон, принимая за время битвы июль, подметил, что, согласно данным Пселла, ночь была тёмной, так как император сумел незаметно для русов выставить ночью против них свой флот. При этом погода была ясной, так как тучи появились к вечеру следующего дня. Был сделан вывод о том, что на ночь перед битвой пришлось новолуние. В 1043 году новолуние было в ночь с субботы 9 июля на воскресенье 10 июля. (18, 207) У Михаила Пселла соответствующее место звучит так:

«...сам (Константин IX Мономах. — В. Т.) вместе с группой избранных синклитиков в начале ночи прибыл на корабле в ту гавань. Он торжественно возвестил варварам о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок». (24, 96–97)

Ночью шла лихорадочная подготовка к сражению с варварами. В боевой порядок снаряжённые суда стали устанавливать на рассвете. Прославляя с похвальным рвением императора, Пселл несколько искажает события. Константин IX Мономах не мог среди ночи торжественно возвестить варварам о начале морского сражения и затем начать на рассвете построение флота. Согласно Пселлу, бывшему во время битвы при императоре, Константин Мономах подал сигнал к нападению на русов на исходе последовавшего дня. Ни русы, ни византийцы не спешили начинать битву, и всё воскресенье шли безрезультатные переговоры о примирении. Только вечером византийцы решились на нападение.

Никаких особых выгод от новолуния, кроме необходимости установки дополнительных факелов для освещения, византийцы в ночь перед сражением получить не могли. Предположения Салямона в источниках опоры не имеют. Но интуиция не подвела исследователя. Новолуние играло существенную роль в интересующих нас событиях.

Русы снарядили флот по весне и должны были прибыть под Константинополь в традиционном для них «военном» июне. Из-за схожести написания июнь и июль часто менялись местами. Различия в источниках с учётом русской военной традиции следует трактовать в пользу июня. Вначале произошла ошибка в рассказе об опале Стефана, а затем на основании ошибочного упоминания об этом якобы июльском событии подправили и дату сражения. У Кедрина сохранилось правильное, июньское, время битвы. Опала Стефана и последовавшая за ней битва произошли в июне 1043 года.

Раз в месяц Луна не видна на небе три-четыре ночи, включая новолуние. Лунный синодический месяц составляет 29,5 суток. Новолуние, предшествующее июльскому, было в ночь с пятницы 10 июня на субботу 11 июня. Русы появились под Константинополем в субботу. Они незаметно проследовали через весь Босфор, и их появление стало для жителей Константинополя полной неожиданностью. Только к вечеру императору удалось преодолеть замешательство, собрать высших должностных лиц и с началом ночи начать подготовку к отражению нашествия. Всё говорит о том, что тридцатикilометровый Босфор был пройден русами в очень тёмную ночь с пятницы на субботу. Об этом же свидетельствуют слова Пселла, которыми он начинает рассказ о русском нападении:

«Неисчислимое, если можно так выразиться, количество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду. Туча, неожиданно поднявшаяся с моря, затянула мглой царственный город». (24, 95)

Проход вражеского флота мимо города сравнивается с неожиданной тучей, затянувшей столицу мглой. Флот двигался в полной темноте. Обстоятельства ночного рейда соответствуют новолунию, поэтому битву следует отнести к воскресенью 12 июня 1043 года.

Первое морское сражение на дальних подступах к Константинополю русы выиграли. В ночном бою они смяли морскую стражу у входа в Босфор и прорвались в Пропонтиду — современное Мраморное море.

Количество их судов Пселл назвал неисчислимым. Далее объясняется причина нашествия:

*«Дойдя до этого места, хочу рассказать, почему они **без всякого повода** со стороны самодержца пустились в плавание и двинулись на нас походом.*

*Это варварское племя всё время **кипит злобой и ненавистью** к Ромейской державе (Византии. — В. Т.) и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами. Когда умер вселивший в них ужас самодержец Василий, а затем окончил отмеренный ему век и его брат Константин и завершилось благородное правление, они снова вспомнили о своей старой вражде к нам и стали мало-помалу готовиться к будущим войнам.*

Но и царствование Романа сочли они весьма блестящим и славным, да к тому же и не успели совершить приготовлений. Когда же после недолгого правления он умер и власть перешла к неизвестному Михаилу, варвары снарядили против него войско.

*Избрав морской путь, они нарубили где-то в глубине своей страны лес, вытесали **челны, маленькие и покрупнее**, и постепенно, проделав всё в тайне, собрали большой флот и готовы были двинуться на Михаила. Пока всё это происходило и война только грозила нам, не дождавшись **появления росов**, распрощался с жизнью и этот царь. За ним умер, не успев как следует утвердиться во дворце, следующий. Власть же досталась **Константину, и варвары, хотя и не могли** ни в чём **упрекнуть** нового царя, пошли на него **войной без всякого повода**, чтобы только приготовления их не оказались напрасными. Такова была **беспричинная причина** их похода на самодержца». (24, 95)*

Русский флот образно сравнён с тучей, затянувшей Константинополь. Вместе с неисчислимостью количества кораблей русов это сравнение показывает то большое впечатление, которое произвело нападение варваров на жителей столицы. Флот русов состоял из двух типов судов — маленьких и больших.

Русы стали готовиться к войне якобы после смерти Константина VIII, но побоялись могущества Византии. Царствование Романа III Аргира названо блестящим и славным, хотя ранее этому императору давалась самая уничижительная характеристика. В творчестве хрониста

прослеживаются личные пристрастия и поэтому местами велика степень недостоверности.

Обострение политических отношений с Русью Пселл относит к эпохе Романа III Аргира, правившего в 1028–1034 годах. Вроде бы опору этому даёт такая характеристика императора:

*«Едва успевал Роман произнести несколько слов, как вновь обращался к щитам, заводил речь о поножах и панцирях. Ведь намерением его было **разгромить всех варваров, восточных и западных**».* (24, 23)

Но далее мы узнаём, что под восточными варварами скрываются сирийские мусульмане:

*«Задумав добыть славу боевыми трофеями, он приготовился воевать с **восточными и западными варварами**, однако потом решил, что победа на западе, если он даже легко её завоюет, не принесёт ему серьезной пользы, а вот если он двинется на страну, где встаёт Солнце, то прибавит себе величия и будет с гордым видом вершить царские дела. Вот почему за отсутствием истинной причины он **выдумал мнимый предлог** для войны с сарацинами, живущими в Келесирии. Их столица на местном языке называется Халеб. Собрал против них войско, умножил его ряды, изобрёл новые боевые порядки, **сколотил союзные отряды** и набрал пополнение, чтоб одним ударом покончить с врагом».* (24, 24)

Западными же варварами Пселл называл немцев, с которыми позднее воевали войска Романа в Италии. Затем последовали страшный разгром всего попавшего в мусульманскую засаду войска, позорное бегство императора, утрата им роскошного походного шатра и сокровищ. Иначе эта война описана в других источниках.

Фатимидский эмир Халеба (Алеппо) пытался отвоевать у Византии ранее утраченные мусульманами земли. Ему удалось нанести поражение стратигу Антиохии Спондилу. Это поражение вызвало смещение Спондила и поход Романа III на восток. Так что выдумывать предлог императору не было нужды. В засаду попал один лишь разведывательный отряд во главе с Львом Хрисофраком.

Поход был неудачным, но по иной причине. Сирийцы блокировали лагерь византийцев, и те, лишённые подвоза воды и съестных припасов, были вынуждены 10 августа 1030 года с боями прорываться в Антиохию. (24, 269) Врагу удалось захватить шатёр императора и его войсковую казну, но большую часть этой добычи отбил клисурарх Георгий Маниак. (7, 206) Пселл преувеличил неудачи нелюбимого им правителя.

Василий II скончался в 1025 году, не успев осуществить задуманный поход по освобождению от мусульман Сицилии. В собранном для этого похода войске находились русы. Так что русский корпус, который оставил Владимир Святой в помощь Василию II, перешёл в распоряжение его преемника. В 1030 году среди «союзных отрядов» был и этот русский корпус. Во время отступления армии русы отличились, героически защищая Романа III от пленения. В 1031 году они были в составе войска Георгия Маниака, взявшего Эдессу — крупный мусульманский город на Евфрате, в 1034 году под командованием патрикия Никиты — участвовали во взятии крепости Пергри на армянской границе. (20, 77 и 16, 388) Русы были на службе у империи и при преемнике Романа Михаиле IV Пафлагоне, в правление которого они якобы приготовили свой флот к войне. (27, 78) Пселл превратил постоянных защитников Византии в её коварных врагов, более 10 лет готовившихся к нападению.

Нападение названо беспричинным. Врождённая злоба диких варваров к цивилизованным грекам подвигла их на войну. Между тем ставшая православной Русь в то время воспринимала Византию как Святую землю. Из Византии приезжали священники, мастера, присылались церковная утварь, иконы, книги. На греческом Афоне с 1016 года был известен русский монастырь, куда направлялись паломники и послушники. (16, 465) В сочинениях Илариона звучит гордость за то, что русы стали воспреемниками великой православной культуры, первые русские святые Владимир и его бабка Ольга сравниваются с византийским императором Константином I Великим и его матерью Еленой. Русы могли пойти в поход на ставший для них священным Царьград, только имея весомую причину. Мнение Пселла не соответствует исторической обстановке того времени.

Приведём сведения Иоанна Скилицы в изложении Г. Г. Литаврина:

«В **июле** месяце был ликвидирован **заговор Стефана** севастофора, и в **июле** того же 11 индикта случилось и "**движение**" **народа рос на столицу**. До той поры русские **хранили мир с ромеями**, без опаски встречались и посылали друг к другу купцов. Но в то время в Византии на рынке произошла **ссора с несколькими скифскими купцами**, за нею последовала драка, и был **убит** некий **знатный скиф**. Тогда правитель этого народа **Владимир**, человек горячий, охваченный **гневом** при вести о случившемся, безотлагательно собрав всех способных носить оружие и "**взяв с собою немало союзников из народов, проживающих на северных островах Океана**" (всего, как говорят, у него было около **ста тысяч человек**), выступил на войну на судах, называемых по туземному **однодеревками**». (18, 187–188)

Отмеченное в младших летописях участие в походе варягов получило уточнение: варяги были скандинавскими норманнами. Гигантская по тем временам, а для Руси и явно невозможная армия в 100 000 человек на моносилах-однодеревках обрушилась на столицу. Предводитель похода неверно назван правителем Руси. Скилица увеличил армию на порядок. В походе приняло участие 10 000 человек — обычное число для общерусской армии той эпохи.

По мнению Скилицы, накануне войны русско-византийские отношения были дружественными, а война была вызвана случайной рыночной дракой. Выдвинута внешне более правдоподобная версия. Но и она сомнительна. Русские власти могли потребовать материальной компенсации за убийство знатного купца, но для крупного военного похода это был слишком малозначительный повод. Других обоснований начала войны византийские авторы не выдвигают.

Пселл излагает события не всегда последовательно. Так, о кончине Марии Склирены он сообщает до рассказа о мятеже Георгия Маниака, тогда как она умерла около 1045 года. (24, 279) Писатель не стал прерывать рассказ о возвышении любовницы Константина IX Мономаха и довёл его до сообщения о кончине севасты. Русское нападение в «Хронографии» помещено между восстаниями Георгия Маниака

и Льва Торника и поставлено в один ряд с ними. Выступление Торника произошло в 1047 году.

Хронологически поход русов близок к первому мятежу, но помещён в одну главу со вторым. Это позволяло выставить поход в качестве самостоятельного враждебного выступления против империи, такого же как выступление Льва Торника. Сопоставление несколько цинично, так как русы были союзниками империи во время войны с Торником. Выдумав стародавнюю вражду, Пселл пытался скрыть истинную причину обострения отношений с Русью.

В походе 1030 года Роман III заприметил талантливого полководца Георгия Маниака и сделал его стратигом приевфратской Самосаты. После захвата Эдессы Георгий был назначен катепаном Нижней Мидии и дослужился до титула магистра. В 1037 году он был назначен стратигом фемы Лонгивардия — византийских владений в Италии. В 1038 году Маниак был отправлен на Сицилию, к освобождению которой готовился ещё Василий II. Императоры последовательно вели борьбу за возвращение бывших византийских территорий.

В сицилийском походе командующим флотом был Стефан, муж сестры Михаила IV. Маниак одержал на острове ряд побед, но рассорился со Стефаном, обидев его *«и словом, и делом»*. В результате доноса избитого императорского зятя Маниака в конце 1040 года в оковах доставили в Константинополь. Новым катепаном Италии стал Михаил Докиан. В течение 1041 года Стефан потерпел сокрушительные поражения в Сицилии, а Докиан — в Италии. (7, 209)

Пселл сообщает, что Георгия Маниака выпустил из тюрьмы Михаил V — пришедший к власти в декабре 1041 года племянник Михаила IV. Весной 1042 года Михаил V сослал Зою, свою приёмную мать, на остров Принкип, что вызвало беспорядки в столице. По настоянию патриарха Алексея Студита в воскресенье 18 апреля была венчана на царство Феодора, младшая сестра Зои. Зоя вернулась в столицу из ссылки 20 апреля, и началось её совместное правление с Феодорой. В этот же день взбунтовавшийся народ силой захватил царский дворец. 21 апреля Михаил укрылся в Студийском монастыре, но был выведен из него и ослеплён. (7, 214)

Одиннадцатого июня 1042 года мужем Зои и императором стал Константин IX Мономах, возведённый на престол 12 июня. (35, 452) В источники вкралась ошибка, так как 11 и 12 июня были ничем не примечательными пятницей и субботой. Свадьба состоялась в воскресенье 11 июля, а коронация — в понедельник 12 июля. Об этом свидетельствует указание Пселла на трёхмесячное правление сестёр, конец которому положила коронация Константина. (24, 75) Три месяца их правления закончились в июле.

Константин вскоре сосредоточил власть в своих руках, фактически отстранив престарелых сестёр от правления. Маниак был вновь отправлен в Италию воевать с арабами ещё во время самостоятельного правления Зои и Феодоры. (24, 280) Следовательно, его повторное назначение в Италию, теперь уже в звании катепана, то есть правителя всех итальянских владений, состоялось в период с 20 апреля по 11 июля 1042 года.

Согласно Скилице, владения Романа Склира, брата фаворитки императора, и Георгия Маниака были по соседству и оба соседа издавна враждовали. (24, 281) Интригам Романа Георгий обязан подозрительностью к нему императора. Пселл с сочувствием описывает злоключении полководца:

«Когда же Михаила (Михаила V Калафата. — В. Т.) свергли и власть перешла к самодержцу Константину, которого я ныне описываю, новый царь должен был бы оказать Маниаку честь всякого рода посланиями, увенчать тысячами венков, уважить иными способами. Но он ничего этого не сделал, дал ему повод для подозрений и, таким образом, с самого начала потряс основы царства.

Когда же Маниак сам о себе напомнил, подпал под подозрение и был уличён в мятежных замыслах, то и тогда Константин не обошёлся с ним, как следовало бы, не притворился, будто ничего о его планах не знает, а ополчился на Маниака как на открытого мятежника». (24, 92)

Положение усугубилось тем, что к Маниаку был послан неопытный царедворец, *«один из тех, что с уличных перекрёстков сразу же попадают во дворец»*. (24, 92) Поведение протоспафария Парда, которого направили в качестве преемника Георгия Маниака, ускорило ход событий:

«Когда этот человек (Пард. — В. Т.) высадился в Италии, **Маниак уже начал мятеж** и стоял во главе войска и потому с тревогой ожидал царского посланника. Тот же никак не предупредил его о мирных своих намерениях, да и вообще не известил о своём приходе, а незаметно для людских глаз явился к Маниаку и неожиданно предстал перед ним верхом на коне. При этом он не произнёс и слова умиротворяющего, не сделал никакого предисловия, чтобы облегчить беседу, а сразу осыпал полководца **бранью и пригрозил страшными карами**.

Воочию видя, как **сбываются его подозрения**, и опасаясь ещё и тайных козней, Маниак воспылил гневом и замахнулся на посла, но не для того, чтобы ударить, а только испугать. Тот же, как бы на месте преступления **уличив Маниака в мятеже**, призвал всех в свидетели такой дерзости и прибавил, что виновному уже не уйти от наказания. Маниак и его воины решили, что дела плохи, поэтому они набросились на **посла, убили** его и, не ожидая уже ничего хорошего от императора, **подняли мятеж**». (24, 92)

Маниак был уличён в мятежных замыслах Пардом, который, тайно появившись в Италии, собрал нужные сведения. До этого Георгий готовился к выступлению, внешне оставаясь лояльным к императору. Пард погиб в сентябре 1042 года. (17, 259) Георгий начал подготовку к мятежу в конце лета, когда убедился в нерасположении к себе пришедшего к власти в июле Константина Мономаха. Но кто-то выдал планы заговорщиков, и в Италию был отправлен Пард, для того чтобы уточнить обстановку и при подтверждении доноса сместить Маниака. После убийства Парда полководец, не дожидаясь ответных действий со стороны империи, поднял открытый мятеж и в феврале 1043 года переправился на Балканы.

В Италию Георгий Маниак был назначен Зоей и Феодорой, популярность которых в столице была огромной. Сменявшиеся после кончины Константина VIII Багрянородного императоры по сравнению с сёстрами покойного были менее знатными. Каждому из них приходилось скреплять своё право на престол браком с Зоей, а юному Михаилу V пришлось стать её приёмным сыном.

Константин IX вскоре после прихода к власти стал возвышать свою любовницу Марию Склирену. Специально для неё ввели титул севасты,

который мало чем отличался от императорского. В борьбе за престол Георгий должен был прикрываться лозунгом о защите поправленных прав Зои и Феодоры. Косвенным подтверждением этого служит бунт жителей столицы 9 марта 1043 года во время праздника Сорока мучеников. Скилица сообщает, что разъярённая толпа под стенами императорского дворца кричала:

«Не хотим Склирену царицей, да не примут из-за неё смерть матушки наши Зоя и Феодора!» (24, 279)

Подобный бунт в апреле предшествующего года против Михаила V, отправившего Зою в ссылку, стоил ему императорской короны и глаз. Константину IX удалось справиться с возмущением, показав с балкона престарелых императриц. Активность столичных жителей следует связать с февральской высадкой Георгия Маниака в Диррахии. Известия о выступлении в поход популярного полководца воодушевили защитников сестёр.

Скилица сообщает о смерти 20 февраля 1043 года патриарха Алексея Студита. (17, 266) Патриарх был сторонником Феодоры, и его кончина во время тревожного ожидания прихода Маниака была на руку Константину IX. В Византии умели незаметно убирать врагов, так что это счастливое для императора событие, возможно, имело своих исполнителей.

Георгий Маниак высадился у Диррахия. Через какое-то время, не доходя двух дней пути до Солуни, его войска вступили в бой с императорской армией, которой командовал севастофор Стефан. Мятежники начали одерживать верх. Но затем Маниак получил смертельную рану, и его армия, лишившись вождя, прекратила битву. (7, 217) Голову Георгия отправили в подарок императору.

Обрадованный успешным подавлением восстания, Константин IX распорядился устроить триумф. Михаил Пселл:

«Когда войско вернулось (большинство воинов шли, украшенные победными венками) и раскинуло лагерь у стен города, самодержец решил устроить триумф в честь победы. Зная толк в зрелищах, умея торжественно обста-

вить любое дело, он устроил эту процессию следующим образом: впереди, по его приказу, с оружием в руках, неся щиты, луки и копья, но без порядка и строя шли легковооружённые воины. За ними следовали **отборные всадники — катафракты**, наводящие ужас своим облачением и боевыми рядами, а **затем уже мятежное войско** — не в строю и не в пристойном виде, но все на ослах, задом наперёд, с обритыми головами, с кучей срамной дряни вокруг шеи. Дальше уже справлялся триумф **над головой узурпатора**, а за ней несли его облачение, потом шли **воины с мечами**, равдухи и **потрясающие** в своих десницах **секирами** — вся эта огромная толпа двигалась перед полководцем, вслед ей ехал и он сам, приметный благодаря коню и платью, а за ним и вся свита». (24, 94)

Равдухами обычно именовали ликторов. (5, 1111) Ликторы были блюстителями порядка на разного рода состязаниях и других общественных действиях. Но греческое слово «*rabdok*» обозначает как ликторский пучок, так и простую палку. Равдухами могли быть воины, вооружённые дубинами-палицами. Именно такими воинами были северные колбяги, служившие в византийской армии.

Далее по тексту Пселл даёт описание русского наёмника в войске Исаака Комнина:

«А дальше уже располагались союзные силы, прибывшие к мятежникам из других земель, италийцы (норманны. — В. Т.) и **тавроскифы**, сам **вид и образ** которых **внушали ужас**. Глаза тех и других ярко сверкали. Если первые подкрашивают глаза и выщипывают ресницы, то вторые сохраняют их естественный цвет. Если первые порывисты, быстры и неудержимы, то вторые **бешены и свирепы**. Первый натиск италийцев неотразим, но они быстро переполняются гневом. **Тавроскифы** же не столь горячи, но **не жалеют своей крови** и не обращают никакого внимания на раны. Они заполняли круг щита и были вооружены длинными копьями и **обоюдоострыми секирами**. Секиры они положили на плечи, а древки копий выставили в обе стороны и как бы образовали навес между рядами». (24, 145)

Анна Комнина называла секироносцами «варягов из Фулы», то есть скандинавов. (2, 109) В 1078 году в рядах мятежного Никифора Ври-

енния были *«италийцы, солдаты из отряда знаменитого Маниака»*. (2, 63) Скилица называл этот отряд итальянских норманнов из бывших соратников Маниака маниакатами. Со времени мятежа Маниака прошло более 30 лет. Воины столь долго не служили. Отряд маниакатов пополнялся за счёт новых поколений итальянских норманнов, но сохранял название, полученное в честь его основателей. Писатель Никифор Вриенний считал их франками, что говорит об их германском происхождении. (2, 447) Итальянские норманны происходили от скандинавских переселенцев, так что отнесение их к франкам, то есть западноевропейским народам, правомерно.

Выстроившиеся в круг в палатке Исаака Комнина тавроскифы были вооружены копьями и секирами. Пселл видел внешнее отличие тавроскифов от итальянских норманнов только в их глазах. Вооружение у этих варваров было сходным.

В триумфальном шествии июня 1043 года за головой Георгия Маниака следовали его гвардейцы — меченосцы и секироносцы — русы и варяги, включавшие в себя скандинавских и итальянских норманнов, колбягов, на вооружении которых были палицы. Русы, варяги и колбяги, по византийским источникам, — три категории наёмных воинов. Эти же категории воинов известны и по древнерусским источникам. Русский корпус, состоявший из представителей самых разных северных народов, участвовал в восстании Маниака и после его гибели подвергся репрессиям.

Начало мятежа Пселл описал так:

*«К этому отважному и непревзойдённому в воинской науке мужу (Георгию Маниаку. — В. Т.) стекались толпы народа, причём не только те, что по возрасту годились для службы, но стар и млад — все шли к Маниаку! Он, однако, понимал, что трофеи воздвигаются не числом, а искусством и опытом, и **отобрал** только самых **испытанных в бою воинов**, с которыми разорил многие города и захватил немало добычи и пленных. Вместе с ними он незаметно для сторожевых постов переправился на противоположный берег, и никто не решился выйти ему навстречу. **Все боялись Маниака** и старались держаться от него подальше»*. (24, 92)

К мятежу желали примкнуть толпы местного греческого населения, но полководцу были нужны опытные профессионалы. Георгий Маниак с 1030 года командовал русским отрядом, и в числе самых испытанных его воинов были русы. Хронист за туманными иносказаниями о соратниках полководца попытался скрыть русское участие в мятеже.

Более правдив Пселл в своей речи, обращённой к Константину IX. Она была произнесена во время триумфа по случаю подавления мятежа, так как расхваливаемый в речи севастофор Стефан вскоре за собственные злоумышления против императора подвергся опале. (18, 215) Кстати, в «Хронографии» Пселл умалчивает о печально закончившихся намерениях Стефана, пытаясь его выгородить и этим оправдать своё бывшее доброе отношение к неудачливому заговорщику. Приведём речь в изложении Литаврина:

*«Маниак, пишет Пселл, располагал сильнейшим из тагм и сил ромеев войском; он движет против нас и всю Италию, которой был назначен управлять, — так ведь я обозначаю его пост — и стягивает немалую конную и пешую силу древнего Рима, присоединяет к ней сильнейшее восточное войско и отнюдь не меньшую часть русского корпуса... Оказавшись в пределах Болгарии, он устраивает **снижение налогов**, нападает на **стратига Запада, побеждает**... возгордась в качестве победителя и став надменным от успеха. По смыслу дальнейшего изложения Пселла, лишь затем... василевс собрал силы из всякого народа и города, дал их **хитроумному Стефану** и отправил их против Маниака». (18, 215)*

Для того чтобы привлечь к себе местное население, Маниак объявил о снижении налогов. В мятеже приняли участие находившийся в Италии русский корпус и малоазийские отряды, именуемые восточным войском.

Пселл искусственно сблизил нападение флота Владимира Ярославича с восстанием Льва Торника, включив их в одну главу. Этим он пытался обелить любимого им Георгия Маниака. Близость во времени полурусского мятежа Маниака и морского нападения русов не может быть случайностью. Ещё Г. Вернадский предположил, что флот действовал в союзе с мятежником. (20, 74) Но отнесение на основании

восточных источников нападения к сентябрю 1043 года, а также традиционная датировка похода июлем приводили к большому временному разрыву между окончанием мятежа и появлением русов. В этом случае русы должны были узнать о гибели Маниака еще до подхода к Константинополю и исчезала основная причина их участия в войне.

Сухопутное нападение русов под командованием Святослава Игоревича на Византию было связано с военной помощью, оказанной великим князем своему побратиму Калокиру в его борьбе за императорский трон. Обращает на себя внимание то, что в 1043 году русы прорвались к Мраморному морю, пройдя мимо Константинополя. Это значит, что целью их плавания была отнюдь не византийская столица.

Георгий Маниак высадился в Диррахии, современном Дурресе, который с античных времён был местом переправы из Италии. От Диррахия дорога шла через Фессалоники-Солунь на Константинополь. Последняя битва Георгия произошла за два дня пути до Солуни, то есть примерно в 250 километрах, или в пяти днях пути, от Диррахия. От места битвы до Константинополя — около 750 километров, или 15 дней пути. Согласно Пселлу, Георгий высадился неожиданно и Константину IX пришлось спешно собирать войска:

«Самодержец же, узнав о смерти посла и безрассудстве мятежника, сколотил против него многотысячное войско...

*С многочисленным войском тот (евнух Стефан Севастофор. — В. Т.) выступил против узурпатора. Когда Маниак узнал, что на него движется **вся ромейская армия**, он не испугался её численности, не уstraшился натиска, но, ни о чём уже, кроме мятежа, не помышляя, попытался **застигнуть врага врасплох** и неожиданно напал на него во главе легко вооружённых отрядов». (24, 93)*

Чтобы собрать многотысячное войско, которое претендовало на звание всей ромейской армии, нужно было время. Так, во время мятежа Льва Торника на переброску отрядов из Малой Азии ушло более двух месяцев. (24, 282) Но Пселл недостоверен и события развивались несколько иначе.

Согласно Скилице, Константин Мономах, узнав о высадке Маниака в Диррахии, лишь предписал полководцам западных провинций империи по возможности мешать продвижению мятежников и не собирал крупных сил, пока с Маниаком велись переговоры. (17, 245) Император вроде бы пытался договориться с собравшим отборную армию мятежником, надеясь справиться только силами своей европейской армии в случае неудачи переговоров.

К востоку от Диррахия, славянского Драча, лежит горная область с Охридским озером и озером Преспа. Город Преспа был столицей болгарского царя Самуила. При его преемниках столица была перенесена в город Охриду, где была резиденция Охридского архиепископа. Эта горная область, защищённая от вторжений как природой, так и многочисленными укреплениями, из всех болгарских областей дольше всех держалась в многолетней болгаро-византийской войне. Только в 1018 году после целого ряда сокрушительных поражений болгары сложили оружие и Василий II торжественно въехал в их столицу Охриду. Болгария превратилась в провинцию Византии. (35, 406–425)

От Солуни в сторону Диррахия ведут две дороги, которые через два дня пути приводят к горам. Причём на южной дороге вход в горы охранял крупный город-крепость Верия, на северной — город-крепость Эдесса — античная столица македонских царей. Надо полагать, что эти стратегически важные для обороны горной области крепости были заняты таким опытным полководцем, как Маниак.

Если бы Стефан перекрыл одну из дорог, то битву именовали бы по ближайшему городу. Но согласно источникам, битва произошла в местности Остров. (18, 214) Помимо озёрных и морских островов славяне называли островами участки суши, окружённые речными протоками. Крупных озёр в этих предгорьях нет, так что императорская армия заняла один из речных островов на предгорной равнине. Лагерь находился на реке Магленице примерно на одинаковом расстоянии от каждой из дорог. Это позволяло держать под контролем оба пути, по которым мятежники могли выступить к Константинополю.

В начале июня севастофора Стефана обвинили в заговоре против императора в пользу стратига острова Лесбоса Льва Ламброса. (17,

267) Михаил Атталиат пишет о том, что после триумфа Стефан был приговорён к конфискации имущества, изгнанию и пострижению в монахи. (19, 105) Пселл так описывает опального вельможу:

*«Позднее стал опасаться (Константин IX Мономах. — В. Т.), как бы будущий военачальник после победы не возгордился своим успехом, не обратил против государя оружия и не учинил мятежа ещё более грозного. Ведь армия под его началом соберётся огромная и к тому же только что разгромившая противника. И потому поставил во главе воинов не какого-нибудь доблестного мужа, а одного верного себе **евнуха**, человека, который никакими особыми достоинствами похвастаться не мог».* (24, 93)

Севастофоры были личными посланниками и глашатаями императора, носившими его знамя. На эту должность назначались евнухи. (15, 223) Выбор оказался неудачным, так как Стефан возгордился успехом и стал злоумышлять на императора. Опасность Стефан представлял, только командуя армией, так как сам по себе был личностью малозначительной. Отсюда следует, что триумф состоялся в начале июня, а Стефана разоблачили спустя всего несколько дней, пока вернувшаяся из похода армия ещё стояла под Константинополем. Июньское время триумфа подтверждает и присутствие при императоре во время нападения русов доместика схол Востока паракимомена Николая. Малоазийские войска не успели покинуть столицу и 12 июня приняли участие в отражении русского нашествия.

Доместик схол Запада Константин Кавасила, командовавший европейскими войсками, потерпел от мятежников поражение. Ситуация резко обострилась, так как теперь путь на столицу для Маниака был открыт. К победителю стекались отряды желавших поучаствовать в разгоревшейся смуте. Константину IX пришлось принимать экстренные меры для ликвидации угрозы. Одной из таких мер было ослепление Иоанна Орфанотрофа 2 мая 1043 года. (19, 106)

Евнух Иоанн Орфанотроф был опытным политиком. Он помог прийти к власти своему младшему брату Михаилу IV и во всё его царствование был ему надёжной опорой. Михаил Пселл так описывает Иоанна:

«Вот его свойства: он обладал трезвым рассудком и **умён** был, как никто, о чём свидетельствовал и его проницательный взгляд; с усердием принявшись за государственные обязанности, он проявил к ним большое рвение и приобрёл **несравненный опыт в любом деле**, но особую изобретательность и ум выказал при обложении налогами.

Он никого не хотел обидеть, но не желал и терпеть ни с чьей стороны пренебрежения и поэтому никому не причинял зла, но на лице часто изображал грозную мину и вселял ужас в собеседников, и, хотя гневался только притворно, многие, устранившись его вида, воздерживались от дурных поступков. И был он поэтому **истинной опорой и братом императора**. Не забывал о заботах ни днём ни ночью и даже среди удовольствий на пирах, празднествах и торжествах не пренебрегал исполнением долга. Ничто не укрывалось от него, и никто даже не помышлял от него укрыться — так боялись и страшились его усердия...

Присутствуя вместе с ним на пирах, я нередко поражался, как такой подверженный пьянству и разгулу человек может **нести на своих плечах груз ромейской державы**». (24, 37–38)

После кончины Михаила IV Орфанотроф привёл к власти своего племянника Михаила V Калафата, но тот вскоре отплатил ему чёрной неблагодарностью, отправив в ссылку вначале в один из монастырей, а затем на остров Лесбос. (24, 274) Иоанн Орфанотроф был опытным противником, и Константин IX опасался его сговора с Георгием Маниаком. Судя по всему, Константин Кавасила потерпел поражение в апреле. Пселл пишет о том, что после победы Маниак возгордился от успеха. Теперь уже всерьёз строя планы по овладению Константинополем, он нуждался в опытных советниках в политических делах. Донос о каких-то его переговорах с Орфанотрофом привёл к тому, что на Лесбос был отправлен корабль с приказом ослепить ссыльного.

Конец жизни Иоанна был печальным. Пселл:

«Человек (Михаил V Калафат. — В. Т.), который благодаря Иоанну сначала стал кесарем, а затем царём, не сохранил к нему почтения даже настолько, чтобы наказание ему определить умеренное и не постыдное. Он отправил Иоанна в землю, куда ссылали только разбойников. Впрочем, потом

*его гнев немного поостыл и он сделал для дяди некоторое послабление. Так покинул родину Иоанн, которому предстояло до конца принять не только эту кару, но в горестях и несчастьи вынести и многие другие, ибо уготованная ему провидением судьба, выразимся так поскромнее, навлекла на него напасти одну за другой и не успокоилась, пока не направила **на его глазницы** палаческую руку, а самого **Иоанна** не обрекла страшной, насильственной и **внезапной смерти**». (24, 57)*

Константин IX боялся изгнанника и после ослепления, поэтому его вскоре казнили. Умер Иоанн, по свидетельству Кедрина, 13 мая. (11, 608) Скорее всего, причиной смерти, как это нередко бывало, стало ослепление, проводившееся варварскими способами. Пселл драматизирует события, создавая впечатление последовавшей за ослеплением казни.

Узнав о высадке Маниака в Диррахии, император тайно стал перебрасывать военные силы из Малой Азии к столице. Отправив посланцев к мятежнику, он пытался притворными обещаниями и показным миролюбием усыпить бдительность Маниака и выиграть время, поэтому Скилица считал, что Мономах в начале мятежа был беспечным. Но в апреле обозначилась угроза потери европейских провинций, и собранную армию отправили на запад.

От Константинополя до Острова примерно 15 дней пути. Победители вернулись в столицу в начале июня и справили триумф. Битва с Маниаком произошла в середине — второй половине мая.

Ничем не примечательный евнух оказался победителем опытного полководца. Пселл сравнивал Стефана с хитроумным Одиссеем. Победить Маниака ему удалось в результате какой-то военной хитрости. Маниак, получив ложное известие, спешно двинулся навстречу противнику во главе легковооружённых отрядов, чтобы напасть на врага врасплох. Хитрость удалась, и мятежник попал в ловушку. Пселл:

«В конце концов нашим воинам всё-таки удалось построиться в боевые порядки, но и тогда они оказались скорее в роли зрителей, нежели соперников Маниака, а многим он даже и взглянуть на себя не позволил. Слепил их, как

молния, оглушал громом боевых команд, вривался в наши ряды и сеял ужас везде, где только появлялся.

Благодаря своей доблести он сразу **одержал верх** над нашим воинством, но сам отступил перед высшим решением, смысл которого нам неведом. Когда Маниак приводил один за другим в замешательство наши отряды — стоило ему появиться, как сомкнутые ряды разрывались и **строй воинов подавался назад**, — и весь строй уже распадался на части и **приходил в смятение**, в правый бок полководца **вонзилось копье**, которое не только задело кожу, но проникло вглубь тела, и из раны тут же хлынул поток крови. Сначала Маниак вроде бы и не ощутил удара, но, увидев текущую кровь, приложил руку к месту, откуда она струилась, понял, что **рана смертельна**, и распрощался со всеми надеждами». (24, 93)

Роковое копье оборвало жизнь полководца, и весь его смелый замысел рухнул. Привлекает внимание та лёгкость, с которой Маниак расстраивал ряды противника. Похоже на то, что ложным известием об удобном моменте для нападения его сначала выманили из надёжных горных ущелий на равнину, а затем притворным отступлением заманили в засаду.

Русы использовали неожиданные ночные нападения, которые по возможности приурочивали к крупным праздникам, когда пирующего противника было легче застать врасплох. Во второй половине мая самым крупным праздником было чествование 21 мая равноапостольного императора Константина I Великого и его матери Елены. Особое значение этому празднику придавала одноимённость чествуемого и правящего императоров.

Судя по всему, Стефан распустил ложный слух о готовящейся грандиозной попойке в военном лагере и уходе большей части своего войска. Этим он спровоцировал спешное выступление Маниака. Отдав на растерзание его головорезам лагерь с частью войска, Стефан основными силами окружил противника. В триумфе главными героями были легковооружённые воины и закованные в броню всадники-катафракты. Во время битвы легковооружённые воины притворным бегством с поля боя увлекли русский отряд в засаду из тяжеловооружённой конницы.

Нападение Маниака произошло в ночь с 21 на 22 мая, а погиб он утром 22 мая. Участвовавший в его набеге русский отряд был взят в плен и прошёл в позорном для него триумфальном шествии в воскресенье 5 июня. Оставшиеся в горах мятежники успели разбежаться.

Уверенность в успехе Маниаку придавали предшествующие события. Константин Кавасила должен был преграждать путь мятежнику и стоять лагерем западнее Солуни. Его поражение, видимо, произошло по русскому сценарию. Самым крупным праздником апреля была Пасха, отмечавшаяся в 1043 году 3 апреля. Лагерь правительственных войск, судя по всему, подвергся успешному нападению в ночь с 3 на 4 апреля.

Выступление Георгия Маниака началось прежде запланированного времени вследствие грубости Парда и несдержанности полководца. Вплоть до мая мятежники отсиживались в занятой ими горной области, отваживаясь только на отдельные вылазки. В случае неблагоприятного стечения обстоятельств они могли вернуться в Италию, где пользовались поддержкой местного греческого населения. Император собирал силы, и время работало против Маниака. Георгий явно ожидал подхода сильного союзника и не спешил воспользоваться плодами победы над Константином Кавасилой для захвата европейских провинций. Этим сильным союзником и был русский флот.

Георгию Маниаку удалось уговорить Ярослава Мудрого оказать его смелым замыслам военную помощь. Перед самым подходом русской армии несдержанный Маниак дал увлечь себя в ловушку и погиб. Русы прибыли в условленное время, но помогать было уже некому.

О том, что костяк армии Маниака составляли иноземцы, говорят следующие слова Пселла:

*«Много зла перетерпел этот муж (Георгий Маниак. — В. Т.), немало его и сам сотворил и такой смертью умер. Что же касается его армии, то отдельные **отряды** скрытно **вернулись на родину**, но большая часть перешла к нам».* (24, 94)

Родина ушедших с поля боя воинов находилась вне греческих земель Византии или даже за её пределами. Михаил Атталиат пишет о приходе к мятежникам отрядов албанцев. (18, 215)

Сам Георгий Маниак не был греком. В источниках он назван «турк родом». (18, 217) Турками византийские авторы называли как тюркоязычные народы, так и венгров. Выдвигалось предположение о том, что Маниак, отцом которого был некий Гуделий, был потомком знатных болгарских переселенцев в Малой Азии. (17, 268) Болгарская знать имела смешанное тюрко-славянское происхождение.

Следующий мятежник, Лев Торник, был армянином и родственником по матери Константина IX. Пселл описывает подозрительность императора к Торнику из-за дружеских связей с умной, решительной и честолюбивой императорской сестрой Евпрепией. Боясь заговора родственников, он отправил Торника служить стратигом в Ивирию, то есть Грузию, а затем постриг в монахи и вернул в столицу. Это не остановило заговорщиков. Причём опору Торник, как и Маниак, нашёл в негреческом населении империи. Пселл:

*«У этого самодержца был родственник по материнской линии, именем Лев, родом **Торник**, живший в Адрианополе и весь переполненный **македонской спесью**... Когда же он возмужал и успел обнаружить кое-какую твёрдость нрава, все **македонцы** сразу же сплотились вокруг него...*

Неподалёку от столицы обитало тогда множество выходцев из Македонии, в большинстве своём бывших жителей Адрианополя, все люди коварные, на уме имевшие одно, а на языке другое, которые и задумать готовы были любую нелепость, и осуществить способны что угодно, искусные притворщики, а между собой верные сообщники.

*Самодержец считал, что лев уже укрощён и лишён когтей, и потому пребывал в беспечности. А македоняне, решив, что настал наконец удобный момент для восстания, которого они так долго ждали, поскольку давно были согласны в своих намерениях, коротко переговорили друг с другом, воспламенили несусветную **отвагу в Торнике**, утвердились в верности отважным своим планам и, выведя его ночью из города, в этом предприятии участвовало всего несколько человек и те — люди совершенно безвестные, **отправились в Македонию**». (24, 98–99)*

Как и в случае с русами, Пселл приписывает македонцам многолетнее вынашивание враждебных замыслов. Свирепость в битвах русских

воинов он определял как общую черту, характерную для всего народа. Обвиняя македонцев в природном коварстве и двуличии, Пселл подразумевал поселённых в Македонии армян-монофизитов, которые из-за преследований со стороны официальной церкви зачастую были вынуждены скрывать свои религиозные убеждения.

Подобно Георгию Маниаку, сторонники Льва Торника выступали в качестве защитников Феодоры. Пселл:

*«Им надо было собрать войско, но, поскольку не было в запасе ни денег, ни чего-либо другого, что могло заставить военачальников стянуть в одно место отряды и подчиниться воле заговорщиков, они первым делом разослали во все стороны разносчиков слухов, и те, подходя к каждому воину, уверяли, что **царь уже умер, а пришедшая к власти Феодора** всем другим **предпочла Льва из Македонии**, человека разумнейшего, деятельного и к тому же наследника славного рода.*

*Благодаря этой выдумке сочинителям выдумки удалось за несколько дней собрать **войско со всего запада**. Заставила же их объединиться не только эта выдумка, но и ненависть к самодержцу, который мало их ценил и уважал, относился к ним **подозрительно из-за бунта, учинённого ранее**, и собирался вскоре подвергнуть их наказанию. Вот почему они решили не ждать, пока на них нападут, и нанести удар первыми».* (24, 99–100)

Торник стал популярным не только из-за причисления себя к сторонникам Феодоры. Лев объявил о снижении налогов. Вожди обоих мятежей действовали одинаково.

Ещё во время придворной борьбы в царствование Романа III Феодору поддерживали болгарские бояре. (35, 351) Матерью Зои и Феодоры была болгарка Елена, дочь болгарского царя Бориса II. (6, 421–422) В защите прав Феодоры Торник кроме армян мог опираться на болгарское население. В том случае, если у Георгия Маниака были болгарские корни, он мог пользоваться особым расположением столичных болгар, поддерживавших Феодору, и болгарского населения на Балканах.

Стекавшееся под знамёна Льва Торника войско македонцев ранее участвовало в мятеже против Константина IX. В период, предшествующий его царствованию, был только один крупный мятеж — Георгия

Маниака. Это значит, что среди ушедших на родину после гибели Маниака отрядов были македонцы. Ни их, ни албанцев, кстати, среди пленников триумфального шествия не было. Они не принимали участия в нападении на византийский лагерь.

Иноземное и негреческое присутствие в армии становилось причиной мятежей — такой вывод напрашивается после прочтения рассказов Пселла. Эту же мысль подкрепляет рассказ о вероломном и беспричинном нападении русов. Восхищаясь Георгием Маниаком, он не стал хулить его выступление против императора во главе войска из варваров, но излил свою желчь на русов, которые, как это было известно его современникам, составляли отборные части повстанцев. Не поздоровилось и македонцам, бывшим опорой для нелюбимого хронистом Льва Торника.

Как человек образованный, Пселл мог знать, что варваризация армии в конечном счёте стала одной из причин падения Римской империи. Оба византийских мятежника опирались на негреческое войско. Победа любого из них привела бы к наплыву в Константинополь северных варваров, а многим из них открыла бы дорогу к карьере на военном поприще и при дворе. Так, Лев Торник заранее раздавал все высшие государственные должности своим соратникам-македонцам:

*«Торник не мог привлечь к себе толпу раздачами и деньгами и потому обеспечил её послушание, **снизив подати**, а также разрешив отправляться в набеги и забирать себе всю добычу. Что же касается вельможных людей и синклитиков, то он разом **произвёл все назначения**, одним доверил **командование войсками**, другим определил место **вблизи царского трона**, третьих назначил **на высшие должности**».* (24, 100)

В случае объединения войск Георгия Маниака и русского флота их победа была бы практически неизбежной. Но Пселл столь страстно очернял русов не для того, чтобы в дальнейшем отбить у кого бы то ни было охоту привлекать их к участию в византийских междоусобицах. Несмотря на всю свою образованность и постоянные сетования на упадок державы, его понимание исторической обстановки того времени

было поверхностным. Позднее Пселл дал Михаилу VI Стратиотику во время выступления против него Исаака Комнина такой совет:

*«Третий, последний, совет был самым важным и существенным: стянуть полки с запада, собрать оставшиеся силы, **пригласить** на помощь союзников **из соседних варварских стран**, **укрепить** на нашей службе **чужеземное войско**, поставить во главе его доблестного военачальника, образовать побольше отрядов и со всех сторон защитить себя от наступающих полчищ».* (24, 140)

Пселл не видел опасности для империи в привлечении варваров на военную службу. Константину Мономаху он посвятил более трети своего сочинения, много больше, нежели кому-либо другому. Пселл был пристрастным и описывал чёрными красками политических противников своего любимого императора, сделав исключение только для не менее любимого Георгия Маниака. Служившие в Византии русы принадлежали к числу политических противников Пселла, и сведения о них подверглись сильным искажениям.

Требование дани

Михаил Пселл так описал начало русского нападения:

*«Скрытно проникнув в Пропонтиду, они прежде всего **предложили нам мир**, если мы согласимся **заплатить** за него большой **выкуп**, назвали при этом и цену: **по тысяче статиров на судно**, с условием чтобы отсчитывались эти деньги не иначе как на одном из их кораблей. Они придумали такое, то ли полагая, что у нас текут **золотоносные источники**, то ли потому, что в любом случае намеревались сражаться и специально выставляли **неосуществимые условия**, ища благовидный предлог для войны. Поэтому когда послов не удостоили никакого ответа, варвары сплотились и снарядились к битве. Они настолько уповали на свои силы, что рассчитывали **захватить город** со всеми его жителями».* (24, 96–97)

Один серебряный статир у античных греков весил 11,22 грамма. Но скорее всего, Пселл понимал под статиром одну из основных

серебряных монет Древнего Рима — сестерций. Сестерций весил 1,137 грамма. (31, 46–51) Стародавним статиром Пселл называл византийский серебряный милиарсий. (24, 281) Милиарсий первоначально весил 4,55 грамма и был введён Константином I Великим вместо равного ему по весу древнеримского денария. Но в Средневековье динаром в мусульманских странах называли золотую монету и Пселл взял за сравнение сестерций, так как требования русов подразумевали серебряный милиарсий, весивший в ту эпоху 4,5 грамма. (7, 337)

Русский наёмник на византийской службе получал в год 30 милиарсиев, или в пересчёте на древнерусские деньги чуть больше 2,5 гривны кун серебра. (15, 183) Византийский рядовой воин в случае бедности получал от общины для своего снаряжения и содержания в походе 18,5 номисмы, то есть 18,5 милиарсия. (11, 381) Воинский труд его при этом не учитывался, так как он отбывал государственную повинность. Уровень оплаты местных воинов и русских наёмников был довольно близким.

Согласно летописям, Олег Вещий потребовал от византийцев дань в 12 гривен на каждого воина. (29, 20) Летописец прихвастнул, заменив две гривны на 12. В старших летописях варяги, после того как помогли Владимиру Святому победить его старшего брата Ярополка и захватить Киев, потребовали выкуп:

«Посем реша варязи Володимеру: "Се град наш, мы прияхом. Да хощем окуп имати на них, по 2 гривне от человека". И рече им Володимер: "Пождите им за месяц, даже выкупы соберут"». (29, 39)

Летописец преувеличил жадность варягов и хитроумность Владимира, не заплатившего им ничего. Варяги потребовали не выкуп за каждого киевлянина, а вознаграждение на каждого воина. В легенде образцом для величины выкупа была взята величина дани, затребованная Олегом Вещим. Скорее всего, варяги получили обычное годовое жалование русского воина, находящегося на собственном иждивении, то есть одну гривну кун. Желающих же получать по две гривны в год отправили на службу в Византию.

Пселл пишет о том, что русы изготовили большие и малые челны. А. Поппэ отыскал известие о бытовании древнерусских ладей двух типов — малых и великих. (18, 198) А. А. Куник подметил, что византийские авторы говорят о флоте Владимира Ярославича, состоявшем из моноксил-однодеревков. В летописях же упоминаются два вида судов — ладьи и корабли. А. А. Куник:

«В русском языке слово "корабль" рано стало означать морское судно, тогда как под словом "ладья" обыкновенно разумелась парусная лодка. Что летописец делал различие в употреблении этих корабельных названий, видно из того, что для обозначения греческих кораблей он прибегнул к заимствованному слову "олядь"». (13, 58–59)

Займствование было из болгарского языка, где есть слово «олядь», восходящее к греческому обозначению корабля «хеландион». У Владимира и некоторых иных участников похода были более крупные суда, нежели у рядовых воинов. (13, 59)

В старших летописях в описаниях походов Олега Вещего и Игоря Старого упоминаются как корабли, так и ладьи. В поздних летописях корабли иногда заменяются на ладьи. Летописцы не делали большого различия между этими названиями. Но всё же прослеживается тенденция именования кораблями судов знати, а ладьями — судов простых купцов.

В поход на Царьград Олег снарядил корабли, а в его договоре говорится о ладьях, гружёных товаром-рухлядью. В описании морского похода Игоря Старого 6449 года применён греческий термин «скедия», который родственен словам, обозначающим судно, корытообразный сосуд, выдолбленный из дерева. (5, 1133–1134) Перед нами обозначение долбленки, то есть однодеревки. Скедия — синоним моноксилы. Термин был заимствован вместе с описанием похода из какого-то греческого сочинения. Далее по тексту скедии заменены на ладьи.

Император Константин VII Багрянородный в написанном в середине X века сочинении «Об управлении империей» сообщает о преодолении росами-русами днепровских порогов на «речных судах». (12, 38) Далее он приводит более подробный рассказ о плаваниях русов

и называет их суда моноксилами (однодеревками) и скафидиями (долблёнками), которые славяне рубят в своих горах зимой. (12, 44–46) Император отмечает непригодность этих судов для морского плавания:

«И если море, как это часто бывает, выбросит моноксил на сушу, то все [прочие] причаливают, чтобы вместе противостоять пачинакитам (печенегам. — В. Т.)». (12, 51)

Малые ладьи тождественны однодеревкам византийских писателей. В этом они близки позднейшим чайкам запорожских казаков, основой которых был выдолбленный ствол одного дерева, с бортами из досок.

В описании похода 6452 года говорится о ладьях, но крымские корсунцы, то есть жители Херсонеса, в послании императору речь ведут о кораблях. В договоре Игоря Рюриковича вначале оговаривается право великого князя и бояр посылать в Константинополь корабли, а затем — право простых русов получать продукты на обратную дорогу, совершаемую в ладьях. Греческое торговое судно при этом названо куварой. В статье 6488 года в речи библейского царя Соломона упоминается торговый корабль, судя по контексту — царский.

По рекам русы плавали на ладьях. На ладьях прибыл Олег Вещий к Киеву из Новгорода, а древлянские послы — к великой княгине Ольге после убийства Игоря. В её эпоху в рассказе о печенежской осаде Киева упоминается ладейный флот русов на Днепре. Святослав после русско-византийской войны поднимался по Днепру до порогов в ладьях. В статье 6493 года описан ладейный поход Владимира Святого на болгар. Поход состоялся в 986 году. Русы пришли на помощь болгарам и вместе с ними разгромили византийскую армию Василия II под Сардикой — современной Софией. (6, 65) Вглубь Болгарии русы добирались по рекам. В сражении под Любечем 1017 года на ладьях перевозили новгородцев через Днепр. Осенью 1018 года по приказу новгородского посадника Константина Добрынича были пробиты ладьи, приготовленные к походу на Киев. На ладьях ходил Ярослав Мудрый на мазовшан в 1044 году.

Только в летописном рассказе об убийстве Глеба Владимировича говорится, что князь плыл по Днепру в корабле. Но в более ранних описаниях этих событий находим иное. В «Сказании о Борисе и Глебе» Илариона читаем:

*«Ста (св. Глеб. — В. Т.) на Смядине в **кораблици**».* (9, 51)

Название судна приведено в уменьшительной форме. В более позднем «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе», написанном Нестором, в названиях заметны различия:

*«Они (преследователи св. Глеба. — В. Т.) же абие вследова в **кораблечи** борзы, гнаша по святем Глебе дни многы. И уже им приближающимся к ним, и узреша иже беша с святым напрасно **корабле** исходяще на ня, взяша оружие своя, хотяща противитися им. Святый же Глеб моляше я... и аз в своем **корабли** иду посреде реки, и они (преследователи. — В. Т.) да придут ко мне... Ока[я]ннии же тиш, видевши **корабль** един посреде реки пловуц и святого в нем суц, устремишася по нем... И се нечестивии приближишася и, имше **корабль ключи** и привлекоша к себе, а иже беша о святом **корабли**, то ти положи весла сидяще, сетующесе и плачующесе по святом...*

*Старейшина же ту абие повеле отроком уготовати **кораблец** и тако вземше тело святого Глеба, со свещами и с темьяном и с великою честью несиша в **кораблец**, ти тако отплыша».* (9, 99–101)

Судно преследователей названо «кораблечи», а далее «корабль». Перевозили тело святого в Киев на «кораблеце». Судно Глеба везде названо «корабль». Обращает на себя внимание явно испорченная фраза «корабль ключи». Современные переводчики пытаются переосмыслить её как указание на то, что преследователи зацепили судно крючьями. Первоначально стояло «кораблючи», то есть слово, обозначающее княжеское судно, было дано в уменьшительной форме.

Иларион-Никон в путешествиях в Тмутаракань плавал как на речных, так и на морских судах. Нестор же с юности жил в монастыре, и о его странствиях по морю ничего не известно. Из почтения к святому он стал называть его судно кораблём. Не поняв предшествующий текст, один раз он назвал кораблём и судно преследователей. Редактор

диктовал поправки переписчику, и тот, не разобравшись, отсечённый конец слова «*кораблючи*» превратил в созвучное слово «*ключи*».

Речные суда именовались ладьями и кораблецами, то есть кораблями. Они были меньше морских кораблей. Сведения об их вместимости находим в рассказе о прибытии в Киев древлянских послов. Радзивиловская летопись:

*«И послаша **деревяне** лучшие мужи **числом 20** ко Олзе **в лодьи**, и присташа под Боричевым в лодьи... И завтра Олга сядяше в тереме, посла по гости, и придоша к ним, глаголюще: "Зовет вы Олга на честь великую". Они же реша: "Не едем на конех, ни на возех, понесите ны **в лодии**"... И понесоша **в лодии**. Они же сядяху в перегбех в великих сустогах, гордящися. И принесоша я в лодья на двор ко Олзе, несша, вринуша в яму с **лодьєю**».* (29, 29)

Посольство прибыло на одной ладье. На этой же ладье послов, одетых в парадные одежды, в плащах с металлическими пряжками-сустогами, понесли в град, где бросили в приготовленную яму. Ладья вмещала 20 человек. На корабле же у Олега Вещего было по 40 воинов, или вдвое больше. (29, 20)

Буря затронула преимущественно ладьи рядовых воинов. Знатных воинов пострадало мало, и их забрали уцелевшие суда. Вышате пришлось добровольно высаживаться на берег потому, что потребовался предводитель. Простые воины плыли на малых ладьях, более уязвимых во время шторма, и жертвой непогоды стали преимущественно они. Знатные дружинники плыли на больших ладьях, то есть на кораблях, которые были более устойчивы к морскому волнению.

В армии Владимира Ярославича было 10 000 человек. Михаил Атталиат писал о 400 русских челнах. (24, 281) Исходя из летописного количества высадившихся на берег на ладьях было 6000 воинов, а на кораблях — 4000. В походе 1043 года приняло участие 400 судов, включая 100 кораблей по 40 человек и 300 ладей по 20 человек.

Михаил Пселл пишет о золотоносных источниках, Иоанн Скилица сообщает о требовании русов выплатить по три литры золота на каждый их отряд или воина. Использованное в рукописи слово отсутствует в греческом языке, поэтому одни исследователи сближают его с на-

ибо более созвучным словом «*stratoz*» — «отряд»; другие — со «*stratiothz*» — «воин». (18, 188) Но слово «стратос» не обозначало отряд. Оно переводится как «войско», или в переносном значении «толпа», «множество», «полчище». (5, 1160) Выражение «по три литры золота на каждое войско» вызывает недоумение, так как войско было одно. Подстановка современными переводчиками слова «отряд» — правдоподобная трактовка загадочного слова.

Одна литра золота, или золотой византийский фунт, равнялась 72 золотым солидам. Солид первоначально весил 4,55 грамма, так же как и милиарисий. Реальный же вес этой золотой византийской монеты был несколько меньше — 4,4–4,45 грамма. (7, 337)

Семьдесят два серебряных милиарисия составляли одну литру серебра, или серебряный фунт. Серебряный милиарисий и золотой солид в источниках иногда называли одинаково — номисмой, то есть монетой. Это зачастую запутывает позднейших исследователей. Монеты были примерно одинакового веса, но разного достоинства.

Карамзин отмечал, что на серебряном сребренике Ярослава буквы «*mai*» являются аббревиатурой греческого выражения «*megalos archontoz nomisma*» — великого князя монета. (10, примеч. II, 56) Сребреник по весу был меньше милиарисия и равнялся арабскому дирхему в 2,823 грамма. Русы в это время были под сильным воздействием византийской культуры, и поэтому именование номисмами серебряных монет следует связать с византийскими обычаями.

Название «милиарисий» восходит к обозначению $\frac{1}{1000}$ золотой литры. (7, 337) В Средневековье в западноевропейских странах одна золотая монета равнялась одному серебряному фунту. Так что одна литра золота равнялась 5184 милиарисиям и номинально в Византии действовало соотношение стоимости золота к серебру 1:72. По сравнению с Античностью оно возросло, так как в Древнем Риме золотой солидус в 5,46 грамма соответствовал серебряной либре в 327,45 грамма, то есть соотношение было 1:60.

На Руси золото ценилось выше, чем в Византии, и действовало соотношение 1:96. Во Флоренции в 1252 году стал выпускаться золотой флорин весом 3,53 грамма, равный одной либре серебра в 339,51 грам-

ма, то есть соотношение было 1:96,18 (31, 84–88). Позднее установились более высокие соотношения. Стоимость золота относительно стоимости серебра возрастала.

Три литры золота равнялись 15 552 серебряным милиарисиям, или годовому жалованью 518 русских наёмников. Но в пересчёте на русское соотношение золота и серебра три литры составляли годовое византийское жалованье 691 наёмника. Русы эпохи Олега требовали дани в две гривны кун, составлявших 23,26 серебряного милиарисия, то есть меньше указанного Константином Багрянородным византийского жалованья. В этом случае три литры золота обеспечивали выплату дани из расчёта на 891 воина, что близко к 1000 воинов.

Русская армия делилась по десятиричному принципу на десятки, сотни, тысячи. Судя по данным Скилицы, под отрядом понималась тысяча. На каждую тысячу десятитысячного войска Владимир потребовал по 3,37 литры золота, или 33,7 литры на всё войско. В византийских сочинениях отразились округлённые цифры.

При выплате 1000 серебряных милиарисиев экипаж русского судна из расчёта обычного жалованья наёмника составлял 33 человека. Для экипажа в 40 человек русы могли потребовать по 1200 милиарисиев на судно, для экипажа в 20 человек — 600 милиарисиев. В пересчёте на две гривны кун 1000 милиарисиев составляли жалованье 43 воинов, то есть примерно равнялись дани на 40 человек — экипаж корабля. Всё это говорит о том, что русы требовали дань из расчёта по две гривны на человека.

Находившийся при императоре Пселл знал о величине затребованной дани в 30 литр золота на всё войско, но за счёт двусмысленного применения архаичного денежного термина и указания на золотиносные источники попытался создать у читателя иллюзию того, что русы потребовали по 1000 золотых солидов на судно, или почти 14 литр золота на одно судно. Эта сумма многократно превышала обычную оплату 40 русских наёмников, что дало повод хронисту обвинить русов в наглости и злонамеренности. На самом же деле русы потребовали по 13 золотых солидов на корабль, или менее одной пятой части литры золота. Размер требуемой дани был преувеличен хронистом почти в 80 раз.

Но и Скилица, используя необычное обозначение, добивался такой же двусмысленности, как и Пселл. Напирая на чрезвычайную завышенность требований, он создавал у простого читателя иллюзию того, что варвары потребовали по три литры золота на каждого воина. Перед компетентным читателем можно было оправдаться тем, что здесь подразумевалась войско или одна из толп варварского войска. Игра на двусмысленности слов и выражений процветала у греков со времён античных софистов.

Тридцать литр золота эквивалентны 155 520 серебряным милиарисиям, или 700 килограммам серебра. Французский король Карл Лысый в 845 году выкупил захваченный норманнами Париж за 7000 фунтов серебра, что составило 2855,51 килограмма серебра. (14, 45) Англичане несколько раз платили норманнам дань, так называемые датские деньги, которая увеличилась с 10 000 фунтов в 991 году до 72 000 фунтов в 1016 году. (3, 111–112) Так что для более богатой Византии запрошенная сумма не была фантастической. На собственную армию в ней тратилось значительно больше.

После низложения в апреле 1042 года императора Михаила V Калафата у его дяди Константина из тайника властями было изъято 53 кентиария золота. (18, 202) Один кентиарий равнялся 100 литрам, или 32,745 килограмма. В пересчёте золотой запас Константина составлял более полутора тонн золота.

Один кентиарий золота в три раза превышал запрошенную русами дань. Ничтожной части средств, захваченных Константином IX у свергнутых им предшественников, хватило бы, чтобы уладить конфликт.

Русы прибыли, когда с мятежом Георгия Маниака было уже покончено. Лишившись союзников, они не выказали желания воевать с византийской армией и потребовали умеренной дани на покрытие трудов и издержек на поход.

Нападение русов было неожиданным, поэтому сомнение вызывает следующий рассказ Скилицы:

«Живущих в столице скифских купцов, а также тех, кто находился здесь ради союзнической дружбы, он (Константин IX Мономах. — В. Т.)

рассеял по фемам, чтобы не возник внутри какой-либо заговор, как к тому располагали время и обстоятельства». (18, 188)

Произошло это якобы после того, как на мирные предложения византийцев русы дали надменный ответ и отчаявшийся договориться император был вынужден принять защитные меры.

В ночь на 12 июня, да и в сам день битвы, Константину IX было не до русских купцов. К тому же в 1040-х годах произошёл разгром пристаней и складов русского монастыря Ксилургу на Афоне. (1, 19) Исследователи связывают это событие или с походом Владимира Ярославича, или с поражением восстания Георгия Маниака, в котором приняли участие наёмники-русы. (20, 83) От Константинополя до Афона было два дня морского пути. По империи прокатилась волна погромов русских общин, занявшая значительно больше времени, нежели скоротечные июньские события.

Мономах признавал какую-то вину перед русами, но считал это малостью, из-за которой не стоило начинать войну. Выселение русских купцов и воинов-наёмников следует сопоставить с выдвинутой тем же Скилицей причиной войны — гибелью знатного русского купца на рынке. Эта гибель по времени значительно отстояла от русского нападения, раз была выдвинута византийскими писателями в качестве повода для сбора русами огромной армии и её выдвижения в поход.

Во время осады Константинополя крестоносцами весной 1204 года из столицы были выселены все католики. (20, 85) Бар-Гебрей писал о том, что после воцарения Константина IX вина за восстание 1044 года была возложена на живущих в Константинополе арабов, евреев и германцев. Поэтому было повелено выселить всех иноземцев, обосновавшихся в столице за последние 30 лет. Дата восстания приведена с ошибкой, так как около этого времени было только одно восстание — в апреле 1042 года, во время которого был свергнут Михаил V. (17, 251) Красочное описание событий оставил Пселл:

*«Когда повсюду распространился слух о новых бедах императрицы (со-
сланной Зои. — В. Т.), город явил собой зрелище всеобщей скорби. Как в дни
великих и всеобщих потрясений все пребывают в печали и, не в силах при-*

ти в себя, вспоминают о пережитых бедах и ожидают новых, так и тогда страшное отчаяние и неутешное горе вселились во все души, и уже на другой день никто не сдерживал язык — ни люди вельможные, ни служители алтаря, ни даже родственники и домочадцы императора.

Проникся великой отвагой мастеровой люд, и даже **союзники и иностранцы** — я имею ввиду **тавроскифов** и некоторых других, которых **цари обычно держат при себе**, — не могли тогда обуздать своего гнева. Все готовы были пожертвовать жизнью за царицу.

Что же до рыночного народа, то и он распоясался и пришёл в возбуждение, готовый отплатить насильнику насилием. А женское племя... но как я расскажу о нём тем, кто не наблюдал всего этого собственными глазами? Я сам видел, как многие из тех, кто до того никогда не покидал женских покоев, бежали по улицам, кричали, били себя в грудь и горестно оплакивали страдания царицы или носились как менады и, составив против преступного царя изрядное войско, кричали: "Где ты, наша единственная, душой благородная, лицом прекрасная? Где ты, одна из всех достойная всего племени госпожа, **царства законная наследница**, у которой и отец — царь, и дед, и деда родитель? Как мог безродный поднять руку на благородную и против неё замышлить такое, чего ни одна душа и представить себе не может?"

Так они говорили и ринулись ко дворцу, чтобы спалить его, и ничто уже не могло их остановить, ибо весь народ поднялся против тирана. Сначала они по группам и поотрядно построились к битве, а потом вместе со всем городом целым войском двинулись на царя.

Вооружены были все. Одни сжимали в руках **секиры**, другие потрясали тяжёлыми железными топорами, третьи несли луки и копья, простой же народ бежал беспорядочной толпой с большими камнями за пазухой или в руках...

Царь в то время находился во дворце и сначала не проявлял никакого беспокойства по поводу происходящего. Подавить восстание он намеревался без пролития крови. Но когда начался открытый бунт, народ построился по отрядам и составил значительное войско, он пришёл в страшное волнение и, оказавшись как бы в засаде, не знал, что и делать. Выйти опасался, но осады боялся ещё больше, **союзных отрядов** у него не было, послать за ними было тоже нельзя. Что же касается вскормленных во дворце **наёмников**, то часть

*их колебалась и уже беспрекословно не слушалась его приказов, а **часть взбунтовалась**, покинула его и присоединилась к толпе».* (24, 61–62)

Русы-тавроскифы приняли активное участие в беспорядках. Об этом же говорит упоминание секир — их традиционного вооружения. Взбунтовалась также часть дворцовых телохранителей. Чуть ранее Пселл называет их скифами:

*«Охрану своей персоны он (Михаил V Калафат. — В. Т.) передал купленным им раньше **скифским юношам** — все это были евнухи, знавшие, чего ему от них надо, и пригодные к службе, которую он от них требовал. Он смело **мог положиться на их преданность**, особенно после того, как удостоил их высоких титулов. Одни из них его охраняли, другие исполняли иные приказы».* (24, 57)

Наиболее преданную часть гвардии Михаила V составляли русские и болгары, которым император ранее поручил арестовать и отправить в ссылку патриарха Алексея Студита. (18, 212) Под скифскими юношами подразумеваются русские и болгарские евнухи, занявшие во дворце привилегированное положение. Михаил V правил всего четыре месяца. Преданных евнухов он получил в наследство от предшествующего царствования.

Перепуганный Михаил V вернул из ссылки императрицу Зою и с её помощью пытался успокоить осаждавшую дворец толпу. Но симпатии восставших переметнулись на сторону Феодоры. Пселл:

*«Между тем восставший, как уже говорилось, народ опасался дурного оборота событий и боялся, что тиран возьмёт над ним верх и всё дело кончится только шумом. В то же время заполучить себе первую царицу (Зою. — В. Т.) он не мог — узурпатор уже успел привлечь её на свою сторону и привести в свою гавань — и потому **обратился к её сестре** (Феодоре. — В. Т.) — второму побегу царского корня. Толпа не двинулась к ней без порядка и строя, но избрала **предводителем одного из её отцовских слуг, родом не эллина, человека отменного нрава, по виду героя**, из почтенного и старинного знатного рода, и полками во главе с **полководцем** отправилась к Феодоре... Они дерзнули вытащить её из церкви, вывели на улицу, облачили в царские*

одеяния, усадили на коня и, окружив со всех сторон, доставили в великий храм Божьей Премудрости (Софийский собор. — В. Т.). После этого уже не только простой народ, но и все лучшие люди встали на сторону Феодоры, и все тогда отвернулись от тирана и в славословиях стали **провозглашать Феодору царицей**». (24, 64)

Полководец, возглавивший движение в пользу Феодоры, назван одним из слуг её отца. Эти слуги были описаны Пселлом ранее:

«**Окружение** же его (Константина VIII. — В. Т.) составляли большей частью те, кого он ещё **в детстве** велел лишить детородных органов и взял к себе в качестве доверенных и домашних слуг. Эти люди не принадлежали к благородному и свободному сословию, но были **чужеземцами и варварами**. Получившие от Константина **образование** и воспитанные им по его образу и подобию, они были удостоены наибольшего почёта и уважения. Позорная участь этих людей искупалась их нравом. Они были **великодушны, не жадны до денег, щедры** и обладали другими **прекрасными и благородными свойствами**». (24, 19)

Константин VIII был практически отстранён от государственных дел своим выдающимся братом-соправителем. Самостоятельное его правление продолжалось менее трёх лет, и он при всём своём желании не успел бы дать образование юным евнухам, а затем раздать им государственные должности. Перед нами воспитанники Василия II, которые при его бездейтельном брате захватили всю полноту власти в государстве.

Василий II завёл своего рода янычар государственной службы. Чтобы оторвать их от семьи и личных привязанностей, он забирал малолетних детей у родителей, осклапывал их и обучал. Примером может служить биография Михаила Пселла.

Пселл родился в 1018 году и в 1023 году, то есть во время правления Василия II, пяти лет был отдан в школу. Он был третьим ребёнком скромного константинопольского чиновника. После обучения его приняли писцом в императорскую канцелярию. Пселл не оставил потомства, в его обширном творческом наследии нет следов увлечения жен-

щинами. Он входил в учёный кружок, образовавшийся в начале царствования Константина IX вокруг видного царедворца Константина Лихуда, будущего патриарха. В этот кружок входили Иоанн Мавропод, который был ритором и поэтом, руководившим столичной школой, и два его ученика — Пселл и будущий патриарх Иоанн Ксифилин. Члены кружка приняли обязательство в случае превратностей судьбы принять монашество, что в разное время и сделали. Пселл стал монахом в 37 лет. (24, 200–202)

Всё говорит о том, что Пселл был евнухом, обученным для государственной службы. Небогатые семьи отдавали в специальные школы своих детей, перед которыми открывалась перспектива придворной карьеры. Примером может служить судьба Иоанна Орфанотрофа, который был выходцем из небогатой семьи, евнухом Василия II. (24, 29) Позднее он достиг высоких должностей и привёл к императорской власти брата и племянника.

Страстные протесты Пселла против выскочек, назначаемых без подготовки на высокие должности, делались в защиту этой созданной Василием II системы обучения государственных служащих. Выпускники школ составляли своеобразную касту, к которой Пселл питал симпатию. Она пополнялась как варварами, так и греками из небогатых семей. При всём своём византийском чванстве Пселл делает исключение для варваров — государственных евнухов, находя для них самые тёплые слова при своей общей скупости на похвалу. Хвалит он, как правило, только себя, иногда — своих личных друзей да покровительствовавших ему императоров и вельмож и только изредка — кого-либо другого.

В отличие от Пселла Иоанн Скилица порицает Константина VIII за пренебрежение знатными людьми и дурно отзывается о его любимцах-евнухах, которые *«всё наполнили беспорядком и смутой и чуть было не погубили царство»*. (24, 268)

После Константина VIII смута разразилась только в 1042 году. При сильной власти Романа III и его преемника Михаила IV, опиравшегося на выдающегося администратора Иоанна Орфанотрофа, русские и болгарские евнухи вели себя по отношению к императорам лояльно. Затем

они сплотились вокруг Михаила V и, будучи опытными царедворцами, помогли ему избавиться от дяди. Дворцовые русско-болгарские евнухи должны были иметь большое влияние на дворцовую стражу из русов и на иных проживавших в столице русов и болгар. Как только Михаил V решил избавиться от полуболгарки Зои, значительная часть этой болгаро-русской партии выступила на стороне мятежников.

Пришедший к власти Константин IX столкнулся с той же проблемой, что и его предшественник. При неспособных к государственным делам сёстрах-императрицах многие ключевые посты в государстве заняли участники апрельского восстания. Чтобы оттеснить престарелых сестёр от власти, Константину IX было необходимо ослабить позиции их сторонников, и в первую очередь приверженцев Феодоры, среди которых было много иноземцев. Очистка столицы от русов и болгар этому способствовала.

Указание Бар-Гебрея на тридцатилетний срок проживания подлежащих высылке иноземцев ведёт нас к 1012 году. В этом году срок службы в Византии пришедших с Владимиром Святым русов уже составил 25 лет. Часть их возвращалась на родину, но какая-то часть выходивших в отставку ветеранов за время многолетнего пребывания на чужбине должна была обзавестись там семьями и остаться. С 1012 года в Византии должно было накопиться большое количество русских отставников разных сроков призывов.

Русы у Бар-Гебрея названы германцами. Точно так же другой восточный автор, Ахмед ал-Исфагани, называет нападавших на Константинополь в 1043 году варваров франками-русами. (8, 45) Кроме русов в апрельском восстании приняли участие иные иноземцы — арабы и евреи, которые затем также подверглись репрессиям.

К выселению русов из Константинополя Константин IX мог приступить только после своей коронации 12 июля 1042 года. До этого он находился в ссылке на острове Лесбос. Из всех кандидатур на роль мужа Зои победил этот ссыльный. Видимо, дело не обошлось без советов проживавшего на острове Иоанна Орфанотрофа и его связей в столичной среде.

В сентябре Георгий Маниак убийством императорского посла дал повод к обвинению в государственной измене и развязал руки столичным властям для расправы с его сторонниками. В ответ в Италии перешли к открытому мятежу, главной ударной силой которого стали русы.

Выселение русов из Константинополя произошло не ранее сентября 1042 года. Привычные к фальсификации исторических событий византийские писатели всё свалили на варваров. Пселл объявил о беспричинном нападении русского флота в силу врождённой злобности северян. Более осторожный Скилица упомянул только один из трагических эпизодов, а вину за само выселение взвалил на русов, по пустяковому поводу напавших на Византию и вынудивших благородных ромеев защищаться. Описанное им выселение скифских купцов на самом деле произошло в феврале 1043 года, как только до столицы дошло известие о высадке войск Георгия Маниака в Диррахии.

В сентябре 1042 года в столице расправились со служилой русской знатью, в феврале следующего года очередь дошла до рядовых русов. Превентивные меры дали свои плоды. Беспорядки в столице марта 1043 года удалось легко подавить, так как русы, наиболее воинственные из сторонников Феодоры, были удалены.

Замолчанные византийскими авторами репрессии следует объяснить не только борьбой за власть придворных партий, но и застарелой ненавистью к русам со стороны рода Склиров, представительница которого стала фавориткой Константина IX, а её родственники были приближены к императорскому двору. Род Склиров играл важную роль в мятеже 987–989 годов, в подавлении которого участвовали русы. Спустя много десятилетий Склирам удалось взять реванш за былые поражения.

Скилица писал о задержке выплаты жалования наёмникам-русам, служившим при Маниаке в Италии. (17, 272) Докатившиеся известия о гонениях на сторонников Маниака в столице также не прибавили популярности Константину IX в итальянской армии. Но была и ещё одна причина для обострения отношений.

Пселл очень уважительно говорит об анонимном полководце, благодаря которому Феодора пришла к власти. Несмотря на варварское про-

исхождение, этот человек был «*по виду герой*». Хронист питал к нему глубокую личную симпатию. Далее наш аноним вновь появляется в качестве одного из предводителей восставших:

«Тем временем люди Феодоры отправили к царю (Михаилу V Калафату. — В. Т.) **отряд стражников** во главе с начальником, **человеком из благородных**. Рядом с ним шёл **я** — **его друг**, которого он взял и для советов, и для содействия». (24, 67)

Попав с отрядом стражников во главе со своим другом в Студийский монастырь, Пселл затем стал свидетелем ослепления Михаила V и его дяди Константина.

Только один из византийских полководцев под пером Пселла выглядит весьма достойным человеком и пользуется личной симпатией писателя — Георгий Маниак. Ради него хронист искажает события, приукрашивая своего любимца. Мятежный конец жизни полководца не позволил назвать имя Георгия при описании апрельских событий, но Пселл посредством иносказаний увековечил его участие в столичном восстании.

Пселл, обычно преувеличивавший свою роль в разных событиях, говоря о первых трёх-четырёх годах своей карьеры, проявляет поразительную скромность. Сохранились только глухие и противоречивые сведения о том, что за это время он успел побывать писцом в императорской канцелярии и судьёй в двух провинциях-фемах. (24, 200) В 1041 году он возвратился в столицу и поступил служить одним из императорских секретарей. Обстоятельства его дальнейшей жизни описаны гораздо подробнее.

В 1037 году Маниак был отправлен в Италию, а в 1038–1040 годах воевал с мусульманами в Сицилии. Пселл пишет:

«Однако стоило ему (Георгию Маниаку. — В. Т.) добиться успеха, как он тут же, украшенный победным венком, попадал в оковы. Он возвращался к царям победителем и угождал в тюрьму, его отправляли в поход и отдавали под начало ему всё войско, но по обе стороны его уже становились **молокососы-военачальники**, толкавшие его на путь, идти которым было нельзя, где всё должно было **обернуться и против нас**, и против него самого.

Он взял Эдессу, но попал **под следствие**, его послали завоевывать **Сицилию**, но, чтобы не дать овладеть островом, с позором **отозвали** назад.

Я **видел** этого человека и **восхищался** им. Природа собрала в нём всё, что требовалось для полководца. Рост его достигал чуть ли не десяти стоп, и окружающие смотрели на него снизу вверх, как на холм или горную вершину, видом он не был изнежен и красив, но как бы смерчу подобен, голосом обладал громовым, руками мог сотрясти стены и разнести медные ворота, в стремительности не уступал льву...

Когда у нас отторгли Италию и мы лишились лучшей части империи, второй Михаил отправил его воевать с захватчиками и вернуть государству эту область». (24, 91)

Образ Маниака соответствует героическому виду полководца Феодоры. Пселл отмечает своё личное знакомство с Маниаком и показывает информированность о его делах. Так, иным авторам неизвестно о следствии над полководцем после взятия Эдессы. Слова «*против нас*» выдают в Пселле соратника. Действия молокососов-военачальников толкали Маниака на неверные поступки, из-за которых страдали как он сам, так и его окружение, включая Пселла. Тёплый отзыв об Италии говорит о личных впечатлениях. Пселл побывал в Италии и мог сделать это только в «тёмный» период своей биографии, то есть во время пребывания там Георгия Маниака. В фемах Лонгивардий и Калаврии, объединённых в один катепанат, Пселл был мелким судебским чиновником.

Но зато второе пребывание Георгия в Италии подано в искажённом виде. Более ранняя отправка Маниака в Италию ещё во время правления Михаила V позволяла сокрыть его участие в апрельском восстании.

Знакомство Пселла с Маниаком состоялось, возможно, ранее итальянской экспедиции. Пселл пишет о том, как он, будучи шестнадцатилетним, путешествовал за пределы столицы с каким-то не названным по имени чиновником. (24, 200) Шестнадцать лет ему было в 1034 году. В конце 1033 года русский отряд в составе армии патрикия Никиты Пигонита принимал участие в захвате восточной крепости Пергри. (20, 77) Так как русами в Малой Азии с 1031 года командовал Георгий Маниак, то он, скорее всего, участвовал и в этом походе. Пселл и Маниак могли познакомиться в Малой Азии.

Георгий Маниак был из славянских сотрудников Василия II и Константина VIII. Но он не был евнухом, так как в этом случае не мог бы претендовать на императорскую корону. Да и весь его мужественный облик не вяжется с образом скопца. К тому же он был женат. В апрельских событиях Маниак стал на сторону Феодоры, сколотив из наёмников-русов и горожан военные отряды.

Во время совместного правления сестёр доставившие им власть русы были в почёте:

*«Обе царицы восседали на царском троне как бы в одну линию, слегка отклонявшуюся в сторону Феодоры. Рядом стояли **равдухи, воины с мечами и племя тех, кто потрясает секирой** на правом плече. Подальше — самые преданные царю люди и распорядители. Их окружала другая стража, рангом пониже первой, самой верной, все с почтительным видом и потупленными взорами. За ними располагался совет и избранное сословие, затем чины второй и третьей степени, выстроенные по рядам и на определённом расстоянии друг от друга».* (24, 79–80)

Самой верной стражей цариц были северяне — колбяги, русы и варяги. Но вскоре партия царедворцев, сплотившаяся вокруг Зои, оттеснила Феодору от власти. Георгия Маниака вместе с русами отправили в почётную ссылку в Италию, а Зое подобрали очередного мужа. Для ставшего императором Константина IX Мономаха Георгий Маниак был военным главой враждебной политической группировки и одним из самых опасных соперников в борьбе за власть. Император стал энергично удалять приверженцев Феодоры из столицы и готовиться к схватке с Маниаком.

Примечательны инструкции, данные Парду. Пселл:

*«**Царь** послал людей к Маниаку с **приказом** не угодить полководцу, не смягчить и не наставить его на путь истинный, но, можно сказать, **погубить его**, или же, говоря мягче, **выбранить** его за враждебность и разве что не высечь, не заключить в оковы и не изгнать из города».* (24, 92)

Посылая грубого Парда, Константин IX рассчитывал на известную всем несдержанность Георгия Маниака. Само его прозвище переводит-

ся с греческого как «бешеный». (5, 780) Парду удалось вывести Георгия из себя, в результате посланец императора погиб, а Константин IX получил повод для открытой борьбы с соперником.

Первой жертвой противостояния стали столичные русы и другие иноземцы. Их обвинили в грабежах и иных преступлениях, совершённых во время апрельского мятежа. Так, во время апрельских беспорядков были разграблены императорский дворец, ряд домов знати, было убито около 3000 человек. При выселении иноземцев из Константинополя были неизбежны разграбление домов и лавок, убийства выселяемых, о чём свидетельствует рассказ Скилицы о гибели знатного русского купца.

Но более существенным было то, что Русь теряла полученные благодаря многолетней военной помощи и дипломатическим усилиям льготы в византийской торговле. Изгнанные из столицы русы оказались на положении русских торговцев эпохи Олега Вещего и Игоря Старого, которых пускали в Константинополь малыми группами с сопровождающими, ограничивали в приобретении ценных товаров и допускали только сезонное их пребывание в Византии. Литаврин так оценил создавшееся положение дел:

*«Я считаю, что нарушение устоявшихся межгосударственных отношений, гарантированных договорами, подписание которых было результатом почти **полуторавековой** нелёгкой **борьбы**, **ущемляло престиж пренебрегаемой стороны** в то время не меньше, чем в наши дни. Тесные связи с Византией, родство правящих династий, льготные условия для русских в столице империи возвышали авторитет Руси на международной арене. Этим обстоятельством, несомненно, весьма дорожил Ярослав, развивший широкую дипломатическую активность в отношениях со многими государствами Европы. **Угроза привычным нормам контактов с империей**, исходившая от нового императора, могла побудить честолюбивого князя к принятию срочных мер, включая военные, чтобы настоять на соблюдении "таксиса" (установленного порядка. — В. Т.) в отношениях двух стран». (17, 271–272)*

Часть проживавших в Византии русов оказалась втянутой в междоусобицу, и в результате пострадали интересы Руси. Георгий Маниак

выступал в качестве защитника Феодоры и продолжателя благожелательной в отношении русов политики Василия II и Константина VIII. Переданные им в Киев просьбы о военной помощи должны были предусматривать восстановление торговых льгот русов в случае его победы. Эти предложения были доставлены в Киев поздней осенью или в начале зимы. Они выгодно отличались от антирусской политики Константина IX, нанесшей большой материальный ущерб многочисленной русской колонии и перечеркнувшей условия ранее подписанных мирных договоров. В связи с этим Ярославом Мудрым на весну 1043 года был намечен военный поход для совместного с Георгием Маниаком выступления против фактически разорвавшего мирные отношения императора. Формальным поводом для похода была защита законных прав императрицы Феодоры, свойственницы великого князя.

Буря

Михаил Атталиат описывал события 1034–1076 годов, по собственному признанию будучи «свидетелем и очевидцем». (18, 184) Сражение 12 июня 1043 года у него заканчивается морским боем, в котором победу одержали византийцы. У Михаила Пселла морской бой дополнен бурей, разбившей русский флот:

*«Тут вдруг солнце притянуло к себе снизу туман и, когда горизонт очистился, переместило воздух, который возбудил сильный **восточный ветер**, взбороздил волнами море и **погнал водяные валы на варваров**. Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго ещё волокли по морю и потом **бросили на скалы** и на крутой берег. За некоторыми из них **пустились в погоню наши триеры**, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер продырявили и полузатопленными доставили к ближайшему берегу. И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море».* (24, 96–97)

На беспомощные в бурю русские суда набросились триеры византийцев и довершили истребление врага. Спустя 12–13 лет в риторическом обращении к императрице Феодоре Пселл писал, что тавроскифы

были рассеяны «огнём и водою». (17, 236) Греческий огонь был применён в основном морском бою. Водой флот был рассеян в бурю.

Русы прорвались в Пропонтиду, а затем приняли бой. Императорский флот защищал Константинополь. Русы стояли у более безопасного для них восточного берега Босфора и Мраморного моря. На берег их мог выбросить западный ветер, но никак не восточный. Описание бури не соответствует обстоятельствам сражения 12 июня. Буря происходила в каком-то ином месте и в иное время.

У Иоанна Скилицы за описанием основного сражения следует рассказ:

*«Скифы, увидев, что и василевс подходит со всем флотом, и сообразив, что столь пострадали всего от трёх триер, обратились в бегство; **натыкаясь на скалистые места и подводные камни**, они лишились большей части ладей. А с суши на них нападали находившиеся на берегу воины, убивая их, так что потом на побережье было найдено около **15 тысяч трупов**.*

*Василевс, прождав после поражения скифов два полных дня, вернулся на третий в столицу, оставив две тагмы и так называемые этерии под главенством паракимомена Николая и Василия Феодорокана и повелев им осматривать, объезжать и **охранять побережье**, чтобы варвары не совершали высадки, а всему флоту приказал пребывать у Фароса. Аюди паракимомена и Феодорокана, обходя берега, где были выброшены тела варваров, стали **обладателями большой добычи** и доспехов.*

***Двадцать же четыре триеры**, отделяясь от прочего флота, последовали за бегущими **скифами** и настигли их на якоре в некоем заливе. Скифы, видя немногочисленность триер и точно узнав, что их не более, чем явилось, растянулись цепью от одного до другого берега и, с силой налегая на вёсла, стремились запереть врага внутри залива.*

*Ромеи, уставшие от гребли в ходе преследования и испугавшись множества варварских ладей, обратились в бегство. Но варвары уже овладели устьем залива, и **выход** из него оказался **заперт**. Тогда патрикий **Константин Каваллурий**, стратиг фемы Кивирреотов, храбро принял бой со своей триерой и другими десятью. В отчаянном бою он был убит. Враг **захватил четыре триеры** вместе с кораблём наварха, и все ромеи в этих триерах были перере-*

заны. **Прочие** же ромейские **суда выбросились на мели**, скалы и камни. При этом часть воинов утонула, часть была схвачена варварами и предана мечу и рабству, а часть (пешие и голые) спаслись в свой лагерь.

Скифы же, обманувшись в своих надеждах, вспомнили о возвращении домой. Сразившись с ними, возвращающимися по суше и по морю (ибо для них не хватало ладей, одни из которых были потоплены или захвачены в морском бою, а другие **разбиты бурей** и волнением, и потому многие совершали путь пешком), на берегу, называемом **Варной**, "архонт городов и деревень" у Истра **Катакалон Кекавмен разгромил русских**, многих уничтожил, а **800, взяв живыми**, связав, отправил к василевсу.

Этот же муж ещё раньше, когда, выступив из родных мест, скифы двигались к столице и, достигнув его области, сходили с судов для пополнения запасов продовольствия, собрав своё войско, напал на них и, смело сражаясь, обратил в бегство и принудил вернуться на свои ладьи. Теперь снова, охраняя прибрежные деревни находившейся под его управлением провинции и ожидая исхода дела, он встретил возвращающегося врага и, крепко противоборствуя, совершил то, что было сказано». (18, 188–189)

За убегавшими русами никто не гнался. От описания бури в начале рассказа остались упоминания о ладьях, выброшенных на прибрежные скалы. Если во время основного сражения было уничтожено 11 русских судов, то на скалы была выброшена большая часть флота. Количество найденных на берегу трупов в полтора раза превысило численность всего русского войска. Тем не менее оставшимся в живых удалось уничтожить посланную вдогонку византийскую флотилию. Согласно Пселлу, морская погоня была успешной. Более правдивый Скилица сообщает о её полной неудаче.

Четыре триеры русами были захвачены в бою и приведены к берегу, остальные оказались на мели, а их экипаж пытался спастись бегством. При этом моряков перехватывали варвары, сопротивлявшихся убивали, остальных забирали в плен. Только немногим удалось добраться до берега и скрыться. Эта картина соответствует историческим реалиям. Ладьи обладали меньшей осадкой, чем более тяжелые боевые суда византийцев. Они плавали по прибрежному мелководью, куда византий-

ские корабли зайти не могли. Севшие на прибрежные мели триеры были окружены ладьями, а их моряки при высадке становились для русов легкой добычей.

Побоище было очень похожим на описание Пселла. Одни суда были захвачены в море, и их команда была перерезана, команда же других была перебита уже у берега. Только суда никто не подтаскивал к берегу — они выбрасывались сами. Пселл использовал в своих интересах рассказ о разгроме флотилии Константина Каваллурия и сделал из него блистательное завершение битвы с варварами под Константинополем. На самом же деле море было окрашено потоками византийской крови, но совсем не около столицы.

Упоминание о буре у Скилицы появляется в рассказе о разгроме русов Катакалоном Кекавменом под Варной. Русы двигались сушей и морем, так как судов на всех не хватало. Так что движение осуществлялось после бури, разбившей часть судов. Кекавмену удалось взять в плен 800 человек. Оказывается, что он ещё при движении русов к Константинополю доблестно предотвращал их попытки пополнить на берегу запасы продовольствия. Судя по рассказу, Кекавмен не имел флота и сразился с отрядом, двигавшимся по суше.

Известен Кекавмен, написавший обширное сочинение под названием «Советы и рассказы Кекавмена». Катакалон Кекавмен в 1042 году был протоспафарием и командовал обороной сицилийской Мессины. (7, 208) В 1043 году он был правителем придунайской области. Его имя появляется в описании событий начиная с 1020-х годов. (24, 289) Писатель Кекавмен называл своего отца Кекавменом и самое раннее своё участие в военных делах связывал с подавлением болгарского восстания 1041 года. Причём своё положение он оценивал очень скромно:

«Впрочем, сражался и я тогда за василевса по силам своим». (11, 283)

Судя по всему, служба будущего писателя только начиналась и он был юн. Так как дед Кекавмена по матери воевал на стороне болгар против императора Василия I, рождение писателя датируется временем после окончательного покорения Болгарии в 1018 году. В 1041 году

ему было около 20 лет. Писатель Кекавмен был на поколение моложе Катакалона Кекавмена.

Составление на склоне лет большого сочинения предполагает наличие предшествующего литературного опыта. Из всех известных Кекавменов сочинительством занимался Василий. От творчества Василия Кекавмена до настоящего времени дошло несколько поэтических эпиграмм. (11, 50) Косвенным подтверждением тождества писателя Кекавмена и поэта Василия Кекавмена служит большое почтение, с которым писатель относился к императору Василию. Он родился в конце правления этого императора и вполне мог быть назван в его честь.

Преувеличение подвигов Катакалона Кекавмена в хрониках говорит о том, что у него имелся доброхот-писатель, принадлежавший к числу его друзей или родственников. Катакалон Кекавмен дружил с образованными людьми своего времени. Сохранились, например, письма к нему Михаила Пселла. (24, 289) Но в «Хронографии» Пселла Катакалон упоминается только один раз в качестве соратника Исаака Комнина. По совокупности данных Василия Кекавмена следует признать сыном Катакалона, автором «Советов и рассказов Кекавмена» и не дошедшего до наших дней сочинения о своём отце. Катакалон Кекавмен был наиболее ярким представителем из родственников и предков автора, который большое внимание уделял описанию их деяний. Между тем о Кекавмене-отце упоминается только дважды и то по незначительным поводам. Наличие специального сочинения объясняет эту краткость. Это не дошедшее до наших дней сочинение стало источником сведений о Катакалоне Кекавмене для других византийских писателей.

Василий Кекавмен так описал апрельский мятеж 1042 года:

«Против него (Михаила V Калафата. — В. Т.) восстали и вся столица, и все провинциалы, находившиеся в ней, выдвинув как предлог против него то, что он сослал деспину, свою тётку (императрицу Зою. — В. Т.). И были уничтожены в один день и он сам, и весь его род...

А именно я видел эксвасилевса Михаила, который некогда был кесарем, поутру на восходе Солнца — державным василевсом, а в третьем часу дня — жалким и сырým слепцом». (11, 287–291)

Согласно Скилице, Катакалон Кекавмен сохранил верность Михаилу V и был среди защитников дворца от восставших. (11, 615) В день ослепления видеть Михаила V в качестве императора Василий Кекавмен мог только во дворце. Из рассказа Пселла известно, что очевидцами ослепления императора были сторонники императрицы Феодоры. Василий Кекавмен сочувственно относился как к Михаилу IV, так и к его племяннику Михаилу V. Василий имел смешанное армяно-болгарское происхождение. (11, 89) Михаил V как раз опирался на русов и болгар. Убедившись, что дело императора проиграно, оба Кекавмена перешли на сторону Феодоры.

Русы, прорываясь в безлунную ночь через Босфор, делали ставку на неожиданность. Они шли на соединение с Георгием Маниаком, и им нужно было попасть в Средиземное море. Поход был заранее подготовлен, и русам незачем было с боями добывать в Болгарии продовольствие, обнаруживая своё присутствие. Морская дорога в Константинополь была им прекрасно известна, и в случае необходимости пополнения запасов воды они могли тайно приставать ночной порой к источникам. Поэтому рассказы о смелом и успешном нападении начальника скромных пограничных отрядов на десятитысячное отборное войско можно отбросить как недостоверные.

События, последовавшие за морским сражением, в летописях имеют общие с византийскими рассказами черты. Буря, выбросившая русский флот на скалы, тождественна буре, разбившей корабль Владимира Ярославича и лишившей судов 6000 дружинников. Двигавшиеся по суше воины, потерпевшие поражение от Кекавмена, не кто иные, как дружинники, возглавленные Вышатой и попавшие вместе с ним в плен. В разгромленной флотилии триер узнаются олядьи, избитые воинами Владимира.

Константин Каваллурий был стратигом морской фемы Кивирреотов, жители которой специализировались на морских битвах и охране византийских берегов. Так что русы имели дело с профессионалами. Архаичным термином «*триера*» византийские авторы называли боевые суда — дромоны. Один дромон вмещал до 200 гребцов и 70 воинов и был гораздо крупнее русского корабля. (7, 335) Выход из бухты был

заперт, но в бой якобы вступило всего 11 дромонов, которые погибли. Писатель попытался преуменьшить размеры потерь и 11 потопленным русским судам противопоставил 11 погибших византийских. (17, 238)

В летописях говорится об истреблении 14 судов. Русские не должны были преуменьшать свою победу, а византийцы — преувеличивать своё поражение. Литаврин правильно подметил, что в летопись вкралась ошибка и вместо числа «24» («кд») появилось число «14» («ід»). (18, 190) Погибла вся византийская флотилия из 24 дромонов вместе с экипажем в 6480 человек. Только немногим морякам удалось спастись от гибели и плена.

Летописец сообщает о том, что причиной нападения эскадры Константина Каваллурия было полученное византийцами известие о губительной для русов буре. Часть византийских моряков спаслась в военном лагере, который был где-то неподалёку. Константин IX приказал охранять побережье доместику схол Востока паракимомену Николаю и Василию Феодорокану, чьи воины захватили богатую добычу и доспехи на месте гибели русских судов. Основные военные силы византийцев сопровождали русов. Получив известие о русской беде, они пустились в погоню. Поэтому отряд Вышаты не мог уйти от места шторма очень далеко.

Город Варна, бывшей Одессус, существует с античных времен и располагается в одной из лучших для стоянок кораблей морских бухт болгарского побережья. По дороге от Варны на юг в 75 километрах, или в полутора днях пути, к морю выходят восточные отроги Балканских гор — горы Еминской планины. Пселл сообщает о скалах и крутом берегу, Скилица — о скалистых местах и подводных камнях. Характеристики места бури сходные. Этим описаниям соответствует район Еминской планины, а Варненская бухта — бухте, в которой русам удалось запереть византийские дромоны.

Ладьи русов на скалы Еминской планины выбрасывал восточный ветер. Пселл, отбросив некоторые детали, перенёс черноморские события под Константинополь. В его рассказе запечатлена буря, разыгравшаяся под Варной.

В поздних летописях причиной бури названы молебны царьградских греков и погружение святынь в море. Далее всех пошли составители Львовской летописи, которые и ослепление русов записали на счёт Божьего гнева:

*«Во Влахерне риза святыя Богородица и пояс комат. Приидоша некогда ратнии по суху и по морю, патриарх же **Сергий** омочи ризу святыя Богородици в море, и абие воскипе море, и **потопиша ратнии**, а инии **ослепоша** и побегоша от страха».* (22, 37)

Судя по нападению с суши и моря, гибели флота в бурю и ослеплению части нападавших, перед нами воспоминания о событиях 1043 года в их искажённой византийской версии. Но патриарх Сергий I правил в 610–638 годах. В 626 году было нашествие аварского кагана на Константинополь, в котором принял участие славянский флот. В XI веке греческие авторы отождествляли этих славян с русами. (4, 114–115) Для осуждения попыток нападения на Константинополь византийцы составляли свои легенды на основе разновременных рассказов.

Буря произошла вдали от Царьграда и иных византийских городов. Молебны устраивать было некому. Буря была приписана Божьему гневу по аналогии с легендами о более ранних походах русов на Царьград. Эти же сверхъестественные мотивы появляются у поздних византийских писателей. Литаврин:

«Заимствуя в дальнейшем свои сведения почти исключительно у Скилицы, Зонара в отличие от этого хрониста подчёркивает значение бури в поражении русских: "...содействовало тогда борению ромеев и вышнее некое вмешательство"». (18, 189–190)

Со временем рассказы о походе обогатились сказочными подробностями.

В старших летописях также заметна неточность. Число оказавшихся на берегу после бури воинов равно численности всей младшей дружины. В этом случае у Владимира Ярославича осталось бы менее 4000 человек и менее 100 кораблей, так как за время похода были и иные поте-

ри. С остатками от первоначального войска русы вряд ли рискнули бы напасть на сильную кивирреотскую флотилию.

Фантастическое число в 15 000 обнаруженных на берегу трупов следует уменьшить на порядок. Об этих трупах у Скилицы вновь говорится далее. По второй его версии, воины не погибли от рук береговой охраны, а были выброшены на берег. Скилица подразумевал погибших и выброшенных на берег моряков с разбитых штормом ладей.

Число пленённых Кекавменом похоже на истинное. Вышата сообщает, что пленников ослепили много. Сухопутный отряд был плохо вооружён и представлял собой легкую добычу для врага. В летописи ничего не сообщается о битве. Сведения о славной победе Кекавмена, перебившего во главе скромных сил огромное количество врагов, неверны.

Русы сталкивались с гибелью в шторм своих плохо приспособленных для морских плаваний ладей и в непогоду держались ближе к берегу, с тем чтобы выплыть самим. Затем уже принимались меры к спасению попавшего в воду добра и починке ладей.

В шторм на берег выбрасывается только небольшая часть утонувших в прибрежье людей. Из-за так называемого тягуна — придонного морского течения, направленного в сторону открытого моря, — как правило, утопленников уносит в море. Чтобы на берегу оказалось 1500 трупов с разбитых штормом ладей, утонуть должно было людей гораздо больше, чем принимало участие в походе.

На берегу оказался отряд русов, из которого в плен попало 800 человек. Какая-то часть погибла при задержании. Первоначально в отряде должно было быть не менее 1000 человек. По византийским преувеличенным данным, на берегу погибло 15 000 человек. Чаще всего преувеличивали на порядок. Полторы тысячи — количество, близкое к возможной численности отряда. Первоначально говорилось об истреблении и пленении отряда в 1500 человек.

Какая-то часть опытных мореходов с погибших судов всё-таки утонула. Кое-кто был взят на борт уцелевших судов. Всего же в бурю было разбито около 100 ладей.

Войско утонувшими, погибшими и пленёнными потеряло около 2000 воинов. В устных преданиях семейства Вышаты говорилось о

том, что он возглавил высадившийся на берег отряд из младшей дружины, из-за чего в рассказ вставили численность всей младшей дружины. Это придавало бóльшую значимость поступку Вышаты, так как войско в 6000 воинов впечатляет более, нежели в тысячу-другую.

В шторм пострадали большей частью ладьи. Хотя и кораблей эта беда также коснулась. Так, погиб корабль предводителя похода Владимира Ярославича, который должен был быть одним из лучших во всём русском флоте. Видимо, князь пытался спасти гибнущие ладьи и слишком близко подошёл к скалам.

Под Варной войско потеряло более 1500 человек. В сражении 12 июня было уничтожено 11 русских судов, на которых было не более 440 человек. Потери были понесены при разгроме флотилии кивирреотов, от тягот похода. В целом они составили около 3000 человек, или примерно треть. Как видим, потери русов и византийцев сопоставимы. Но поздние летописцы уже имели дело с легендами о малом числе вернувшихся домой.

Паракимомен Николай командовал сухопутными войсками. Войска эти пришли из-под Константинополя. Перед нашествием же русов около столицы стояла армия, вернувшаяся из победного похода на Георгия Маниака. Так что охранять побережье отправили армию, имевшую успешный опыт борьбы с русами. Судя по описанию триумфа, главной ударной силой этой армии были закованные в броню всадники-катафракты. Только одна эта бронированная конница могла противостоять внушающим ужас свирепым тавроскифам. Под началом Николая было по крайней мере две тагмы катафрактов, или 2000 всадников, и неизвестное число пехотинцев.

Василий Феодорокан был морским офицером. В экспедиции, направленной против русов, он командовал морскими силами. Гоняться за морской флотилией варваров можно было только на кораблях. Отряду Вышаты нужно было преодолеть путь в полтора дня. Но они не успели добраться до Варны. Судя по скорости, с которой настигли русов, византийская армия базировалась недалеко. Ближайшая к месту бури удобная бухта — Бургасский залив. Он лежит примерно посередине побережья византийских владений в Европе, и из него удобнее

всего было обеспечивать охрану прибрежных селений от варварских нападений.

Получив известие о том, что русы из-за бури разделились и двигаются в сторону Варны сушей и берегом, Николай не обрушился всеми своими силами на одну из частей русской армии, а разделил их. Флотилия дромонов направилась в варненский залив, а катафракты и пехота высадились перед Варной и напали на отходящий русский отряд.

В таком стратегически важном городе, как Варна, должен был стоять византийский гарнизон. Многотысячная русская армия, приплывшая к Варне, его выбила, и он спасался бегством по дороге на юг — в сторону основной армии Николая. В этом бегстве византийцы столкнулись с отрядом Вышаты, отбивавшимся от наседавшего противника. Впереди шли безоружные воины, на которых и наткнулись варненские беглецы. Варненцы взяли этих русов в плен. Затем византийцы, напав уже с двух сторон, покончили с кучкой вооружённых русов. В пленении русов из византийских полководцев принимал участие Катакалон Кекавмен. Это значит, что он держал оборону Варны.

От Бургаса до Еминской планины около 50 километров, до Варненского залива около 100 километров. За один день морского пути в Средневековье преодолевали расстояние в 200 километров. На переброску войск по морю византийцам потребовалось полдня. Судя по этим данным, известия о русской беде византийцам были доставлены морской береговой стражей. Получив известия, византийцы уже в середине — второй половине следующего после бури дня были под Варной.

В событиях под Варной принял участие флот фемы Кивирреоты под командованием стратига Константина Каваллурия. (18, 201) События в районе Варны были отделены от битвы под Константинополем не только большим расстоянием, но и временем.

Г. Вернадский сделал подборку известий восточных авторов о войне 1043 года. Приведём её в изложении Литаврина:

«Ибн ал-Асир (начало XIII века) сообщает: в сафаре (434–435 г. х.) русские в большом числе явились морем к Константинополю. В необычной манере они обменялись грамотами с царём Константином. Затем случилась

*битва. Часть русских высадилась на суше. Греки жгли их корабли огнём, и много русских погибло. Высадившиеся на берег приняли бой, но были **обращены в бегство**. Однако ускользнуть им от рук греков не удалось. Кто отказался от борьбы, был пощаждён, а других **греки схватили и отрубили им правые руки**, а затем привели в Константинополь. Спаслись из русских немногие и в их числе — **сын русского князя**. С тех пор русские никогда более не смущали греков своими набегами.*

Абуль Фарадж (Бар Гебрей — XIII в.), следуя, видимо, в своей краткой заметке за Ибн ал-Асиром, добавляет, что русские явились "морем и сушей", что они были "**славянами, которых зовут русскими**", и что поход имел место **в 1044 г.** Этот сирийский автор также пишет о пленении русского сухопутного войска и о том, что пленным были отрублены правые руки». (18, 205)

Восточные авторы опирались на византийские известия. Видна схема, сконструированная Пселлом: константинопольские и варненские события объединены в один рассказ. От огня пострадала часть судов под Константинополем, на суше же русы оказались после шторма. Попытка отряда Вышаты уйти от наседавших византийцев к Варне была превращена в беспорядочное бегство. Безоружным русам пришлось сдаться без боя. Тем же, кто имел оружие и сопротивлялся, отрубили правую руку. Так что Вышата вернулся на родину не только слепым, но и одноруким. Почти полное истребление всей русской армии следует отнести на счёт обычного византийского бахвальства.

Константинопольскому сражению предшествовал обмен грамотами между Константином Мономахом и Владимиром Ярославичем. Предводитель русского войска в отличие от Скилицы правильно назван сыном русского князя. Основную массу нападавших на столицу варваров составляли славяне.

В рукописи «Тариха-Алфи» помещено извлечение из труда Ахмеда ал-Исфгани, составленного около 1834 года. В этом извлечении между событиями 434 и 435 годов Хиджры помещено под 454 годом известие:

*«Насильственный поступок русской шайки. **В 454 году** появилось множество **франков-руси** с целью овладеть Константинополем. Когда они были в окрестности этого города, то значительное число их сошло с кораб-*

*лей и **отравилось сухим путём**, чтобы овладеть городом. Греки, собравшись, сначала направились против кораблей русских и бросили в них столько огня, что им невозможно было потушить его. Таким образом, все погибли и **корабли все сгорели**. Затем они (греки) преспокойно принялись за удаление других (русских) и **умертвили всех на суше**, за исключением немногих, которые тысячью хитростей (с величайшим трудом) спаслись вместе с сыном русского властителя». (8, 45)*

Высадка на берег во время бури выдана за сухопутную атаку на город. Огнём сжигается весь флот, а не семь судов, как это было на самом деле. На суше русов почти полностью истребляют. Византийцы распространяли хвастливые известия о своей победе, которые отразились в трудах восточных авторов. Но зато византийская цензура позднее исключила известия о жестокости по отношению к пленённым русам, которые уцелели у восточных авторов и летописцев. Скилица ничего не говорит о наказании пленников, более решительный Пселл вообще замалчивает их наличие. После восстановления мирных отношений с Русью эти жестокости над пленными стали неудобными, и в византийских хрониках были оставлены только описания чисто военных доблестей византийцев.

Дата рассказа Ахмеда ал-Исфгани, судя по контексту, искажена. 454 год Хиджры продолжался с 15 января 1062 года по 3 января 1063 года. Между тем речь явно идёт о появлении русов под Константинополем в 1043 году. По предположению Б. Дорна, ошибочное число 454 поставлено вместо 434. (8, 46) 434 год Хиджры начинался 21 августа 1042 года и кончался 9 августа 1043 года. Дата относится к июньскому сражению под Константинополем.

Ибн ал-Асир приурочивал прибытие русов к месяцу сафару. В 1043 году сафар начинался 9 сентября и заканчивался 7 октября. Бар-Гебрей датой похода считал 1044 год. Ян Длугош описывал поход под 1040 годом. (13, 50) Здесь прослеживается влияние «эры –5504 года», что опять же ведёт нас в 1044 год. В византийских и русских описаниях соединены, а иногда и перемешаны события начала войны и её окончания. Окончание войны значительно отстояло по времени от битвы

12 июня. Месяц сафар Ибн ал-Асира уводит в следующий календарный год по сентябрьскому летосчислению и объясняет годичное расхождение в датах. Это значит, что в действительности сафаром первоначально помечали время варненских событий.

Буря произошла не ранее 9 сентября 1043 года. Что же делали всё лето русы, не получившие от императора дани? Грабили прибрежные византийские владения в качестве компенсации за потраченные на поход силы и средства. Вот почему Скилица напирал на то, что император отправил своих военачальников с отборными войсками охранять побережье от русских набегов. Этим он пытался создать иллюзию надёжной защиты византийских берегов. Но другие его данные свидетельствуют об ином. На побережье в месте бури византийцы нашли только оставленные русами вещи, но при этом стали *«обладателями большой добычи»*. Надо полагать, что, отправляясь в военный поход, русы кроме оружия и продовольствия ничего не брали. Добычей они обзавелись уже в Византии. Экономия на дани дорого обернулась империи.

Русские суда ранней осенью возвращались домой, до предела нагруженные людьми и добычей. На берегу оказалось 1500 человек, из-за того что утрата ладей не позволяла разместить всех воинов на уцелевших судах.

Русы с разбитых ладей спасались вплавь без кольчуг и оружия. Позднее византийцы, протралив кошками дно, вытащили тюки с награбленной добычей и кольчуги. Знаменитых русских мечей при этом достать не смогли, так как об оружии у Скилицы ничего не говорится. Тем более не могли вернуть с морского дна своё оружие русы.

Из полуторатысячного отряда Вышаты погибло 700 человек. Это были те, кто с оружием в руках отбивались от византийцев. Какая-то часть вооружённых русов попала в плен. На берег высадился не один Вышата, а более 700 вооружённых русов для охраны двинувшейся к Варне безоружной толпы.

В Тверской летописи слышны отголоски распри среди русов по поводу того, кому сопровождать высадившихся на берег. Представители княжеской дружины идти отказались, и согласился новгородский тысяцкий Вышата. При этом среди высадившихся были новгородцы.

После того как унялась буря, воеводы собрались на военный совет. В близлежащей Варне можно было привести в порядок изрядно потрепанный штормом флот и раздобыть недостающие суда. Но на берег нужно было высадить вооружённых воинов для сопровождения безоружных. Перспектива покинуть более безопасные корабли и оказаться на берегу под возможным ударом византийцев в самом конце похода никого не вдохновляла. Всем хотелось быстрее попасть домой вместе с богатой добычей.

Владимиру, в качестве новгородского князя возглавившему собранное с разных земель войско, легче всего было отправить на выполнение опасного задания новгородцев. Тысяча вооружённых новгородцев сошла на берег, а её место заняли воины с разбитых ладей.

Отряд из 1000 вооружённых и 500 безоружных воинов подвергся нападению превосходящих войск византийцев. Безоружные воины достались Кекавмену. Триста уцелевших вооружённых дружинников во главе с Вышатой были искалечены озверевшими от тяжелой битвы катафрактами.

Владимир Ярославич не мог прийти на выручку гибнущим новгородцам, так как сам в это время подвергся нападению эскадры Константина Каваллурия. Византийцы напали с моря и суши на обе части русской армии практически одновременно.

Флотилия из 24 дромонов представляла по тем временам крупную военную силу. Так, император Никифор Фока направил в июле 968 года в Италию 28 дромонов для защиты византийских владений от немцев. (21, 134) В 934 году император Роман I Лакапин послал патрикия Косьму в Италию для переговоров с лангобардскими феодалами во главе флотилии в 11 хеландий и семь кораблей с 700 русскими воинами. (16, 138) Под хеландиями здесь, судя по всему, понимаются дромоны, под кораблями — меньшие суда, вмещавшие по 100 русских воинов, бывших одновременно и гребцами. Служба на византийских кораблях привела к тому, что русы стали называть кораблями и свои морские суда. В следующем году протоспафарий Епифаний с этим же флотом плавал в Южную Францию для заключения договора с Гуго Провансальским. Фло-

тилии, сопоставимые по численности с эскадрой Каваллурия, успешно обеспечивали международные предприятия Византии.

Фема Кивирреотов лежала на юго-западе Малой Азии и включала в себя прилегающие острова. В 1035–1036 годах Константин Хаге, будучи предшественником Константина Каваллурия на посту стратига этой фемы, успешно отражал нападения арабского флота. За год до русского нашествия византийский флот под командованием того же Хаге, бывшего тогда катархонтом, то есть командующим византийского флота, подавил вызванное налоговым гнётом восстание на острове Кипр. В кипрском походе, несомненно, участвовали морские силы кивирреотов.

Флот фемы Кивирреоты был самым сильным среди флотов иных фем, выставявших корабли, и кивирреотский командующий часто возглавлял весь фемный флот. (7, 335) Кивирреоты были грозной морской силой, и Каваллурий привёл с собой если и не всю, то большую их часть.

Рассчитывая захватить уцелевшие русские суда, флотилия дромонов вошла в Варненский залив с южной его стороны. Залив вдаётся в сушу на пять километров и достигает 7,5 километра в ширину. Подойдя к порту и рассмотрев численность противника, Каваллурий понял, что обманулся в надеждах. Буря нанесла русам значительно меньший ущерб, чем доносили о нём разведчики. Поэтому византийцы не стали нападать, а замерли в ожидании. Русы снялись с якорей и двинулись в сторону моря вдоль северного берега залива. Но это была только военная хитрость. Уже выйдя в открытое море, они резко повернули назад. Об этом пишет и летописец, говоря о том, что, увидев греческие олядьи, Владимир возвратился и разбил их. Растянув цепочкой 300 судов, русы перекрыли выход из залива и двинулись на противника. Завязался жестокий морской бой.

Даже небольшое морское волнение делало невозможным применение греческого огня. В этом был самый главный недостаток византийского чудо-оружия. Во время штиля русы в схватках с византийцами держались на мелководье, чтобы успеть выбраться из-под огненосного обстрела. Но после недавнего шторма море оставалось ещё беспокойным, и поэтому русы смело пошли на сближение.

Наёмники-русы использовались в византийском флоте как элитная морская пехота. Кивирреоты были прославленными морскими воинами. В Варненской бухте сошлись достойные противники. Русов было около семи тысяч, а бойцов на борту дромонов — менее двух тысяч. Большой размер дромонов облегчал ведение боя. Какую-то помощь в битве могли оказать гребцы. По общей численности силы противников были примерно равными. Но военное счастье в этот раз было на стороне русов. Четыре дромона во главе с флагманским кораблём были захвачены, остальные не выдержали натиска и выбросились на берег.

В Никоновской летописи читаем:

«И воротився Владимир, изби оляди греческия, и возвратися в Русь, вседшеи кождо в корабли своя». (26, 82)

После победы над олядьми воинам пришлось рассаживаться по своим кораблям. Сражение закончилось на берегу. Высадившись на берег и покончив с кивирреотами, русы погрузились на свои суда и отправились домой. Указание на отплытие на кораблях говорит о том, что были использованы трофейные дромоны, а это позволило бросить столь ненадёжные в непогоду ладьи. Вместимость захваченных дромонов позволяла это сделать. Кроме того, в варненском порту должны были находиться торговые корабли. Поэтому гордая фраза о том, что каждый сел в свой корабль, подчёркивала богатство трофеев. Ушедшие в поход на ладьях вернулись на заполненных добычей византийских судах.

Отборные малоазийские войска и лучшие морские силы империи вплоть до сентября 1043 года находились под командованием паракимомена Николая в европейских провинциях. Константин IX Мономах боялся повторного возвращения русского флота к столице и не отпускал войска далеко. Только узнав о движении русов в начале осени на родину, он отправил армию к болгарскому побережью. Никита должен был удостовериться, что варвары окончательно покинули пределы империи. Так что русы грабили слабо защищённые малоазийские провинции.

Такую же картину наблюдаем во время более раннего похода Игоря Старого на Константинополь. Опустошив окрестности столицы

в июне, он увёл свой флот к берегам Малой Азии, которые грабил до сентября. Затем русы отправились домой вдоль берегов Болгарии. (28, 175–176) Варненские события происходили в сентябре 1043 года.

Морской поединок

Михаил Пселл писал о том, что русы, проникнув в Пропонтиду, предложили императору мир в обмен на выкуп. Не дождавшись никакого ответа, варвары выстроили свои челны для сражения. Но дальше говорится о том, что император прибыл к месту будущего сражения в начале ночи, а с рассветом выстроил свой флот. Вроде бы порядок переговоров был иной. Сначала два враждебных флота выстроились друг против друга, а уж потом начались переговоры. Только когда прошла большая часть дня, Константин IX дал команду начать сражение. Переговоры шли почти весь день и закончились безрезультатно.

У Иоанна Скилицы события показаны иначе. Инициатором переговоров назван император, который получил от русов надменный ответ и только после этого начал подготовку к битве. Вечером император вновь отправил к русам послов. Владимир потребовал выкуп за мир, что показалось византийцам чрезмерным, и они начали сражение. (18, 188) Переговоры продолжались вплоть до вечера. У обоих хронистов начало переговоров предшествует началу подготовки к сражению.

Владимир Ярославич отправился в поход для того, чтобы восстановить установленные договорами права русов в Византии. Поэтому известие о гибели Георгия Маниака, полученное по прибытии к Константинополю, не прервало поход. Русы остались без союзника, но попытались выполнить поставленную перед ними задачу.

Какие требования должен был выставить Владимир императору? Основное — вернуться к исполнению договоров и отменить ограничения, наложенные на приезжающих и проживающих в Византии русов. Тем более что эти репрессивные меры, принятые из-за участия некоторых русов в мятеже Георгия Маниака, с его гибелью теряли смысл. Разрыв же мирных договоров из-за проступков отдельных лиц нёс большой ущерб обеим странам.

Иоанн Скилица так описал переговоры:

«Узнав об этом (о русском нашествии. — В. Т.), василевс отправил послов, прося опустить оружие и обещая исправить, если что-нибудь и случилось неуместное, чтобы **ради малости не рушить издревле утверждённого мира** и не воспламенять народы друг против друга.

Получив от послов **грамоты**, Владимир дал **надменный ответ**, и василевс, отчаявшись в мире, принял, как было должно, меры к противодействию». (18, 188)

Те слова, которые должен был сказать Владимир, оказались вложенными в уста императора. Вот так византийские историки выгораживали своих. Русы до конца надеялись договориться, так как византийцы первыми начали сражение.

Соединяя известия двух хронистов, получаем следующую картину. Прибыв под Константинополь, Владимир утром 11 июня предложил императору восстановить освящённые давностью взаимоотношения и высказал сожаление по поводу участия русов в междоусобице на стороне противника императора. Он отказался от претензий Руси в отношении пострадавших русов, повинных в проступках против власти. Но за пострадавших невинно и нанесённое Руси нарушением мира оскорбление Византия должна была выплатить компенсацию. В эту компенсацию входили расходы на поход и, видимо, стоимость утраченного имущества, а также вира за погибших и раненых при константинопольском выселении.

Дополнительные подробности переговоров находим в сообщении Зонары. Литаврин:

«Из повествования Зонары приведём лишь то, что отсутствует в рассказах Пселла, Атталиата и Скилицы. Зонара упоминает о **родстве по браку между русским и византийским дворами** (имея, несомненно, в виду женитьбу Владимира на порфирородной Анне), заключённому с целью **достижения согласия между обоими народами**. Рассказывая о ссоре в Константинополе и именуя русских то "тавроскифами", то "скифами", он говорит, что их тогда было много в столице». (18, 189–190)

Выселенная из столицы русская колония была многочисленной, так что и причинённый Руси ущерб был большим. Владимир указывал на династический союз между правящими домами двух стран. Упоминая брак своего деда Владимира Святого и царевны Анны, он должен был напомнить и причину этого брака — спасение законной власти русским войском от мятежников, многолетнюю верную службу русских наёмников в византийской армии.

Император пообещал подумать и дать ответ. На самом же деле он по византийской привычке морочил варварам голову, выигрывая время. Безрезультатные переговоры продолжались весь следующий день. К вечеру подоспели вызванные императорскими письмами войска, и русам был послан надменный ответ, отвергавший все их претензии. Вот тогда-то, а не ночью Мономах торжественно возвестил варварам о начале морского сражения.

Пселл и Скилица, каждый по-своему, пытались преуменьшить вину византийцев за осложнение русско-византийских отношений. Пселл в целом верно передал начало переговоров, исключив из послания Владимира обвинения в нарушении мира. Скилица послание Владимира разделил. Первую часть с самыми сильными обвинениями в разрыве давних дружеских связей он вложил в уста Мономаха, а вторую часть перенёс на вечер следующего дня. Получилась картина прямо противоположная действительной. Мономах два дня уговаривает варваров не рвать старинной дружбы, но те вместо разумных предложений в конце переговоров потребовали немыслимую кучу денег — по 216 золотых монет на каждого воина, ранее получавшего на византийской службе по 30 серебряных монет в год. Аппетиты наглых варваров выросли более чем в 500 раз. Бедному императору ничего не оставалось делать, как начать сражение.

Чтобы совсем запрячь причину конфликта, выселение русов из столицы, ставшее главным внешним проявлением нарушения мирных договоров, перенесли во времени и включили в число вынужденных мер, на которые пошёл император, чтобы отразить варварскую агрессию.

О взаимности переговоров сообщает Ибн ал-Асир:

«Русские обменялись грамотами с Константином в необычной манере».
(18, 192)

Обычно грамоты передавали послы. Необычная манера заключалась в их передаче без посланников. Это можно было сделать, прикрепив грамоту к стреле или иному метательному оружию. Русы посланников направляли. Необычным способом грамота была передана византийцами. Надо полагать, что перед самым началом боевых действий византийцы свой отказ от мира прикрепили к стреле, пущенной в один из русских кораблей. Русы направили письменные предложения по установлению мира и получили на них письменный отказ, доставленный трусливым и пренебрежительным способом.

Посмотрим, как располагались противники перед схваткой. Согласно Михаилу Пселлу, русы прошли Босфор и вошли в Пропонтиду — Мраморное море. Перед боем построение делалось так:

«Выстроил их (Константин IX Мономах свой флот. — В. Т.) в противолежащей гавани напротив варварских челнов...

Со своей стороны варвары, будто покинув стоянку и лагерь, вышли из противолежащей нам гавани, удалились на значительное расстояние от берега, выстроили все корабли в одну линию, перегородили море от одной гавани до другой и, таким образом, могли уже и на нас напасть, и наше нападение отразить. И не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца, он сидел на холме, покато спускавшемся к морю, издали наблюдал за событиями. Так построились противники». (24, 96)

Византийский флот вышел из одной гавани, в которой всю ночь шло его снаряжение, русы — из противоположной гавани, расположенной на Мраморном море. Византийский флот прикрывал Константинополь и стоял у западных берегов, русский напротив него — у восточных. На западном берегу было две гавани: залив Золотой Рог и гавань Вуколеон — на обращённой к Мраморному морю стороне центральной части города. Гавань Вуколеон была небольшой и легкодоступной. Император-

ский флот обычно стоял в хорошо защищённом Золотом Роге. В случае опасности вход в залив перекрывали цепью, чтобы не прорывались вражеские корабли. (15, 189) Ночное снаряжение византийских судов шло в Золотом Роге, и оттуда они выходили на битву.

Император находился на холме, с которого просматривалось поле боя. Пселл был рядом с ним и видел всё происходящее. Ночью Мономах прибыл на корабле в Золотой Рог, очевидно из Большого императорского дворца, где весь день отдавал распоряжения по подготовке к войне, и оставался там до утра. Так что холм был вблизи Золотого Рога. К югу от залива располагался густо застроенный центр города, и император, будь он здесь, расположился бы на каком-нибудь здании или крепостном сооружении. Поэтому холм был к северу от залива на берегу Босфора севернее предместья Галата.

На восточном берегу в Мраморном море близ столицы есть только один относительно крупный залив, в котором мог сделать стоянку русский флот, — современный залив Каламыш. Поэтому гавань их базирования после прихода в Мраморное море следует отождествить с этим заливом. Суда русов выстроились в одну линию от залива Каламыш до Золотого Рога.

Мнение о том, что суда русов удалились от берега и поэтому перегородили море, следует отнести на счёт обычного для хрониста жонглирования двусмысленными выражениями. Русы от места своей стоянки значительно удалились, растянувшись вдоль восточного берега пролива на север примерно на пять километров. Они перегородили море, но вдоль его берега. Пселлу же хотелось показать агрессивность русов, и он составил свою речь так, чтобы создавалось впечатление того, что русский флот приблизился к городу, перегородил море и запер византийцев на пяточке перед их гаванью. Поэтому-то они и были вынуждены прорывать этот унижительный заслон.

Иоанн Скилица приготовления описал так:

«Он (Константин IX Мономах. — В. Т.) снарядил и царские триеры, и немало других средних и лёгких судов и, введя на них войско из воинов, оказавшихся тогда в Византии (Константинополе. — В. Т.), выступил, нахо-

дась на царском дромоне, и стал против скифов, стоявших на якоре в устье Понта, в так называемом Фаросе. По суше василевса сопровождало немалое конное войско». (18, 188–189)

Более поздние хронисты посчитали, что отсиживаться на дальнем холме столь славному императору не пристало, и приписали ему личное участие в морском сражении на царском дромоне. Русские корабли стояли на якорях в устье Понта, которое имело второе название — Фарос. Византийский флот включал в себя боевые дромоны, средние и лёгкие суда и был многочисленным. Около ставки императора было сосредоточено большое количество конницы.

Тонкие наблюдения привёл Литаврин:

*«Под "устьем Понта", у которого, согласно Скилице, произошла битва, логичнее, по нашему мнению, понимать **вход в Босфор** из Мраморного моря. Византийцы, как и древние греки, полагали, что Средиземное море "течёт" от Гибралтара (Гадир) вплоть до восточной оконечности Чёрного моря. Гадир при этом были входом в Средиземное море, Дарданеллы — в Мраморное (Пропонтиду), а начало Босфора — в Чёрное. Босфор представлялся такой же частью Чёрного моря, как всё это море — лишь заливом Средиземного».* (18, 203–204)

Фарос, то есть Маяк, стоял близ гавани Вуколеон. (18, 204) В младших новгородских летописях в рассказе о походе Игоря Старого дано описание маяка:

*«Ис крестна (испорчено от «искр столпа». — В. Т.), глаголемого **Фора**, стражница, в ней же **огнь** влагаем на **просвещение в нощи**. Се на устьи Понта стражу дея, зане ту частое разбоиничество».* (32, 37)

Устье Понта, то есть устье моря, русским книжникам было известно. Два маяка на противоположных берегах освещали вход в Босфор со стороны Мраморного моря, откуда постоянно грозили нападением арабские эскадры. Другая пара маяков освещала вход в Босфор со стороны Чёрного моря. В летописи описаны как раз черноморские маяки. Так что оба входа в Босфор называли устьем Понта. В этих местах мая-

ки существуют и по сию пору. Местностью Фарос называли освещённый маяками участок пролива. У южной пары маяков находился центр русской флотилии.

Византийский флот занял наиболее выгодное положение. Он расположился под городскими стенами и в случае приближения противника мог быть поддержан горожанами стрельбой из луков и камнемётов. При наступлении темноты маяк освещал бы подступы, чтобы предотвратить внезапность нападения. В случае неудачного исхода сражения флот отступил бы в охраняемый мощными укреплениями Золотой Рог.

Фраза Пселла о том, что построение давало возможность как нападать, так и отражать нападение, первоначально относилась к построению византийцев. Позиция же русов была невыгодной. В случае успеха врага они были бы отрезанными от пути домой. Им нужно было вставать севернее Золотого Рога, чтобы в случае неудачи уйти в Чёрное море. Византийцы же в этом случае лишались прикрытия городских укреплений.

Вокруг своей ставки Мономах собрал конницу. Это были уже знакомые нам катафракты. Судя по расположению флотов, инициатива была на стороне византийцев. Им удалось занять наиболее выгодную для себя позицию, на что император и не надеялся. Иначе он сделал бы своей ставкой одну из крепостных башен напротив центра построения флотов. Близ центра города стояла бы и конница.

Император боялся высадки десанта севернее города и стянул сюда сухопутные войска. Здесь же он ожидал основной удар с моря и поэтому расположился на одном из холмов. Но византийский флот опередил русский. Византийцы, а не русы перегородили пролив и сделали это севернее Золотого Рога. Так что Пселл в очередной раз реалии византийских построений перенёс на русов. Варварам навязали невыгодные условия.

Прибыв в Мраморное море, русы должны были произвести разведку обстановки. Несмотря на выселение русов из столицы, за время многолетнего пребывания в Византии они обзавелись многочисленными знакомствами, как в городе, так и в предместьях. К тому же в Византии было немало славянских рабов.

О гибели Георгия Маниака и разгроме его войска в окрестностях столицы знали. Сложнее было собрать сведения об имевшихся у Мономаха воинских силах. К вечеру русы по возможности разузнали обстановку и, не дождавшись ответа от императора, должны были собраться на совет для принятия решения о том, что им делать на следующий день.

Военный совет описан в летописях. Присмотримся к этим сообщениям повнимательнее. Тверская летопись:

*«Рекоша **русь** Владимиру: "Станем zde **на поли**". А **варязи** рекоша: "Поидем **под город**". И послуша Владимир варяг, и **от Дуная поиде к Царюграду** с вои по морю». (30, 148–149)*

Русы предлагали напасть на Константинополь с суши, чего как раз и опасался Мономах. Варяги настояли на морском сражении, что и произошло. Но только устье Понта, от которого выдвигались русы в Босфор, заменено на Дунай. У более подробного Татищева появляется и устье:

*«Егда же пришел (Владимир Ярославич. — В. Т.) в устье Дуная реки, уведали воеводы Владимировы, что **греки** на море во множестве **кораблей** **противо их вышли**, советовали Владимиру **выйти на берег** и воевать на земли, а **лоды** поставить в **крепкое место**, но варяги советовали идти морем к Константинополю. И послушав Владимир варяг пошел ко Царюграду в лодиях». (33, 78–79)*

Устье Понта было заменено на устье Дуная, а все события приближены к русско-византийской границе. Основание этому давали заключительные события похода, происходившие в двух с половиной днях морского пути от дельты Дуная. Но главным было не это. Монахам-летописцам претила сама мысль о посягательстве на священный Царьград — столицу православного мира и резиденцию патриарха. Чуть позднее они подхватили непатриотичную легенду о Божьем наказании русских воинов бурей. К тому же в раннем летописании прослеживается тенденция преувеличения неудач Ярослава Мудрого и преуменьшения его успехов. Всё это привело к тому, что первоначальные рассказы о походе подправили и он превратился в остановленный Божьей волей

святотатственный набег с заурядной пограничной стычкой с несколькими византийскими судами.

Разведка донесла о множестве кораблей, имевшихся у императора, и русские воеводы предложили переместиться, оставить флот в надёжном укрытии, а самим двинуться на врага по суше. Причём нападение должно было идти с севера, чтобы была возможность отхода в Чёрное море. Именно так поступил в своё время Игорь Старый. Его армия высадилась на Босфоре и грабила побережье пролива до тех пор, пока подошедшие крупные сухопутные и морские силы византийцев не вытеснили её в Чёрное море. Продолжатель Феофана, вспоминая нашествие Игоря, сокрушался:

«Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена (Босфора. — В. Т.), а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало сожгли они и святых храмов». (28, 175)

Северные предместья столицы, где располагались виллы знати и монастыри, были богатым, а главное, слабо защищённым источником добычи. Византийцы надолго запомнили поход Игоря Старого, а просвещённым советникам Константина IX его подробности были известны по хроникам.

Воеводы упоминали «крепкое место» — какую-то удобную бухту для судов. Севернее Константинополя на европейском берегу есть только одна такая бухта, с впадающей в неё рекой Баклой. Ещё более надёжным было бы увести флот в Чёрное море. Но в этом случае русы не успевали за одну ночь добраться до моря, а затем вернуться к столице. До босфорской же бухты из залива Каламыш было всего 25 километров морем, а от бухты до города — 15 километров по суше. Весь путь можно было преодолеть за четыре часа. Поэтому сюда воеводы звали Владимира.

Воеводы в соответствии со стародавними воинскими обычаями предлагали излюбленный русами ночной натиск, справедливо считая,

что только сильное кровопускание сделает византийцев сговорчивыми. Стягивая конницу к северным пригородам, Мономах как раз и готовился к этому рейду страшных ночных волков, тактику которых византийцы хорошо знали.

Предложения воевод имели шансы на успех. В тёмную безлунную ночь 10 000 отборных воинов вполне могли прорвать заслон из 2000 катафрактов. Хорошо зная по бывшей византийской службе систему укреплений, русы прорвались бы к Золотому Рогу и спалили собранные там корабли. Не имея осадных орудий, мощные стены центральной части Константинополя они вряд ли смогли бы преодолеть, но ущерб городу и его окрестностям причинили бы немалый.

Непривычные к ночным атакам варяги русским предложениям воспротивились. Но главную роль сыграли не их доводы, а возвращённый православием священный пиетет перед Царьградом. Незадолго перед походом в Киеве в подражание Константинополю были построены Софийский собор и Золотые ворота. Русские князья воспитывались в атмосфере преклонения перед царьградскими святынями. В пример им ставились благочестивые и причисленные к лику святых императоры. Предшествующие походы русов на Царьград подавались как богомерзкие деяния, а на их участников, согласно сочинённым византийскими книжниками легендам, непременно обрушивалась Божья кара.

Владимир Ярославич был глубоко благочестивым князем и позднее был причислен к лику святых. О его почтении к Византии как центру православного мира говорит строительство в Новгороде грандиозного Софийского собора в день памяти равноапостольного императора Константина и его матери Елены. Предводитель похода отказался разорять Царьград и стал дожидаться решения императора.

На рассвете византийцы с изумлением увидели, что русский флот по-прежнему стоит в гавани и, не мешкая, заняли самую лучшую позицию. Варвары оказались в западне. Обратный путь домой был перекрыт огненосными судами. Русы приняли вызов и выстроились в боевой порядок напротив византийского флота.

Русы выставили 300 ладей и 100 кораблей. Флот занял прибрежную полосу в пять километров — по одному судну на 12,5 метра. Суда стояли почти вплотную друг к другу.

Данных о численности византийского флота не сохранилось. Пселл описал его так:

*«Морские силы ромеев в то время были **невелики**, а огненосные суда, разбросанные по прибрежным водам, в разных местах **стерегли наши пределы**. Самодержец стянул в одно место **остатки прежнего флота**, соединил их вместе, собрал **грузовые суда**, снарядил **несколько триер**, посадил на них опытных воинов, **в изобилии снабдил корабли жидким огнём**».* (24, 95–96)

Морские силы империи были невелики, да и те частично рассеяны для охраны морских границ. Говоря про остатки прежнего флота, хронист подразумевал пожар в бухте Золотой Рог 6 августа 1040 года, во время которого сгорел императорский флот. (18, 201) За прошедшие три года его должны были частично восстановить. Скилица говорит о царском дромоне. Так что хотя и не в прежних размерах, но императорский флот, обеспечивавший переезды императора и его охрану, имелся. В наличии было всего несколько триер-дромонов, и пришлось приспособлять под военные нужды грузовые суда. Но в описании самой битвы Пселл говорит уже о множестве триер, которых сопровождали иные суда, следовавшие и рядом, и сзади. Иных судов было ещё больше, чем триер.

Михаил Атталиат в изложении Литаврина:

*«Когда император избавился от забот, связанных с ликвидацией заговора Стефана севастофора, тотчас явилась другая беда, ибо морская война с иноплеменниками обрушилась на столицу вплоть до Пропонтиды. Не менее **400 судов русских** напали на Константинополь, имея множество хорошо вооружённых и **опытных воинов**. Столицу **охватил немалый страх**, так как она **была неподготовленной** из-за неожиданности нашествия иноплеменников.*

*Впрочем, василевс, собрав оказавшиеся под рукой длинные корабли и прочие военные суда, расположив пешие войска вдоль лежащих по соседству берегов и **получив подкрепление в сухопутной и морской силе** благодаря грамотам, отправленным к властям провинций, в первый день недели, который **воскресеньем** нарицает христианнейший люд, двинул на врага и сухопутное, и морское войско».* (18, 187)

Мономах тянул время с утра 11 июня до вечера 12 июня. За два дня он мог оповестить и собрать суда в радиусе до 200 километров, то есть до Дарданелл. Сильная морская стража как раз традиционно охраняла Дарданеллы. Её подразумевал Пселл, говоря об огненосных судах, которые стерегли пределы.

В 1042 году Мономах послал в Италию Василия Феодорокана. (18, 211) Посланный примерно в это же время к Георгию Маниаку Парда для выполнения своей миссии должен был опираться на сильное военное сопровождение. Феодорокан возглавлял эскадру, привёзшую Парда. Пард погиб, а Феодорокан уцелел, отличившись в морском бою с русами 12 июня. Это значит, что он примкнул к восставшим, а после провала мятежа перебежал к императору. Недаром Пселл говорил, что большая часть повстанцев после поражения перешла на сторону правительственных войск. У Маниака были крупные морские силы, с помощью которых он осуществил переброску войск из Италии. Доброхоты Феодорокана умолчали о его участии в мятеже.

Отправляя севастофора Стефана в поход, император должен был дать ему флот, достаточный для блокады Диррахия. Иначе в случае разгрома у мятежников была бы возможность бегства обратно в Италию и продолжения борьбы. Самой боеспособной морской силой империи были кивирреоты, которых и должны были отправить под Диррахий. После подавления мятежа захваченный грузовой флот Маниака был использован для перевозки людей и трофеев, а боевые корабли были присоединены к правительственной эскадре.

От бывших соратников Маниака император знал о соглашении, заключённом с Ярославом Мудрым, и примерное время появления русского флота. Но он не знал точное время и не представлял, состоится ли нашествие вообще после гибели Маниака. Тем не менее пришедшие для триумфа правительственные войска были на всякий случай задержаны. Из-за этой задержки начал интриговать Стефан. В противном случае отряды сразу после триумфа отправили бы в места их обычной стоянки, Стефан вернулся бы к прежней скромной должности и не пострадал.

Задержали и флот. Так что доблестные кивирреоты участвовали в битве 12 июня. Судя по рассказам хронистов о малом количестве триер в момент подхода русов, кивирреоты не находились в самой столице, а прибыли в неё уже по вызову императора.

Император за два дня мог собрать императорский флот, флотилию киверриотов, дарданелльскую стражу, трофейный флот Маниака и множество торговых судов. Вряд ли количество боевых кораблей при этом превышало сотню. Но чтобы поразить варваров, Мономах должен был выставить не меньшее число судов, чем у них. Недостающие до четырёх сотен суда набрали за счёт грузовых судов и судов, временно отобранных у столичного купечества. С этим сбродом в обычный морской бой с русами выступать было нельзя, и поэтому все пригодные для установки огнемётов суда снабдили греческим огнём.

Греческий огонь выбрасывался через сифоны, радиус действия которых был невелик. Поэтому в боях с византийцами русы держались мелководья, где были в недосягаемости для дромонов и их огня, но, выбирая удобные моменты, могли нападать, а при неудаче вновь отходить. Византийцам поэтому было необходимо, чтобы русы вышли со спасительного для них мелководья и удалились от берега. Ещё больше их устроило бы, если русы напали бы на стоящие у западного берега суда и в дело включились крепостные стрелки и камнемёты.

Давая надменный ответ русскому посольству в конце полного томительного ожидания дня, Мономах рассчитывал вывести русов из равновесия и спровоцировать на выгодное для византийцев нападение. Это не только дало бы преимущество в битве, но и позволило бы взвалить на варваров вину за развязывание войны. Но хитрость, удавшаяся посредством Парда с Маниаком, не подействовала на северян.

Тогда стали выманивать врага, выставив перед ним соблазнительную добычу. Приём хитроумного Стефана ловли противника на живца сработал. Михаил Пселл:

*«Но ни те ни другие **боя не начинали**, и обе стороны стояли без движения сомкнутым строем. Прошла уже **большая часть дня**, когда царь, подав сигнал, приказал **двум** нашим **крупным судам** потихоньку продвигаться*

к варварским челнам. Те легко и стройно поплыли вперёд, копейщики и камнемёты подняли на палубах **боевой крик**, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать. Но в это время **множество варварских челнов**, отделившись от остального флота, быстрым ходом **устремились к нашим судам**». (24, 96)

На исходе дня часть варварских челнов удалось выманить из основного строя. Два дромона далеко отошли от основных сил и боевыми кликами стали вызывать варваров на поединок. Сомнение вызывает наличие на дромонах изготовившихся метателей огня. Скорее всего, огнемёты с дромонов сняли. Иначе варвары вряд ли осмелились бы приблизиться к огненосным кораблям.

Сходную картину рисует Иоанн Скилица:

«Ни одна из стоящих друг против друга сторон не начинала дела. Скифы, не подымая якорей, **хранили спокойствие**, неколебим был и василевс, **ожидая их движения**. Время шло, **час был поздний**, и василевс **к вечеру** снова отправил послов для переговоров о мире. Но варвар **опять с бесчестием отослал их**, заявив, что требует за мир у василевса по три литры золота на каждый имеющийся у него отряд. Так как ответ показался неприемлемым, василевс **решается на битву**.

Он послал магистра Василия Феодорокана с **тремя** триерами-дромонами на строй скифов, чтобы попытаться перестрелкой **втянуть их в битву**». (18, 188)

Император с бесчестием отослал русских послов назад, но так и не дождался русской атаки. Тогда уже вечером он послал суда, для того чтобы втянуть варваров в битву. Здесь появились уже три триеры. Триеры стали обстреливать врага из дальнобойных камнемётов, и такой наглости варвары не выдержали.

Дальше всё пошло по византийскому сценарию. Михаил Пселл:

«Затем варвары разделились, **окружили со всех сторон каждую из триер** и начали снизу пиками дырывать ромейские корабли. Наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. **Когда же во врага полетел**

и огонь, который жёг глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем отчаялись и не могли придумать, как спастись». (24, 96)

С каждого из двух окружённых дромонов нельзя было огнём достать вплотную подошедшие суда. Их можно было сжечь на подходе, чего византийцы не сделали, так как суда были лишены огнемётов. Огонь метали с иных, подошедших позднее, дромонов. Иоанн Скилица:

«Но Василий (Феодорокан. — В. Т.) ворвался в середину строя скифов, сжёг семь ладей "искусственным огнём", три потопил вместе с людьми, а одну захватил, сам вступив в неё и убив одних, а других обратив в бегство, поражённых его отвагой». (18, 188)

С подобным военным гигантом мы уже сталкивались в рассказах о Катакалоне Кекавмене. Похоже, что кто-то из историков был неравнодушен к Феодорокану, раз приписал ему одному героическое избиевание целой толпы варваров.

Увидев, что приманка сработала, к месту схватки поспешила ещё одна группа дромонов — три триеры, упоминаемые Скилицей. Они отсекали сражающихся от основного русского флота и стали сжигать бросившихся на выручку гибнущим товарищам варваров.

На каждом дромоне было по 70 бойцов. На морской поединок вызвалось по два корабля на каждый дромон, или по 80 бойцов. Каждый корабль подошёл к одному из бортов дромона, и началась схватка. Учитывая, что из-за своей величины дромон имел существенное боевое преимущество перед более мелким русским кораблём, варвары поступили по-рыцарски. Но они не знали, что рыцарские законы на варваров не распространяются.

Василия Феодорокана и его моряков включили в состав экипажа флотилии, которой командовал Константин Каваллурий. Об этом же говорит участие Василия в варненских делах. Приравнивание скромного по должности Феодорокана к руководителям похода в Болгарию наряду с доместиком схол Востока паракимоменом Николаем нужно отнести на счёт писателя-доброхота, приукрасившего его подвиги

12 июня. На самом деле Василий служил под началом Каваллурия. Гибель Каваллурия и большинства его соратников позволила приписать их достижения чудом уцелевшему в варненской бойне Феодорокану. Участие кивирреотов в морском поединке объясняет ту настойчивость, с какой позднее русы истребляли их в Варненской бухте.

В Типографской летописи целью похода с самого начала назван Царьград. Но здесь имеется важное дополнение:

*«В лето 6551. Паки на весну посла князь великий Ярослав сына своего Володимера на Греки, вда ему воа многи, варяги, русь, и воеводство поручи Вышате, Яневу отцю. И поиде Володимер на Царьгород в лодиях. И прошед пороги, и приидоша в Дунай. Рекоша русь Володимеру: "Станем zde на поли", а варязи рекоша: "Поидем под город". И послуша Володимер варяг от Дуная поиде к Царюграду с вои по морю. Грецы же, видевшие, изидоша на море и начаши погружати в море пелены Христовы с мощьми святых. Божиим гневом возмутися море и гром бысть велик и силен и буря бысть велика. И начаши люди разбивати и корабли разби. **И побегоша варязи вспять**».* (34, 53)

Из-за описки ладьи, разбиваемые штормом, превратились в людей. В непогоду гибли ладьи и корабли. Беглецами названы варяги. Аналогичный рассказ есть в Никоновской летописи с подзаголовком: «Посла Ярослав воевати Царяграда», где находим правильное упоминание о ладьях и кораблях. (26, 82) Если мы исключим вставной рассказ о буре, вызванной молебнами, то увидим, что бегством варягов заканчиваются события, произошедшие под Царьградом.

Варяги на Руси порой служили в большом количестве. У Эймунда Хрингсона было 600 человек. Харальд Суровый пришёл в Византию в составе отряда в 500 человек. Так что в войске Владимира Ярославича число варягов могло достигать 1000 человек. Побежала малая часть войска, остальные остались на месте. Пселл несколько подправил ход событий.

У бегства варягов была серьёзная причина. В походе участвовали скандинавы. Отряд Эймунда был отправлен на Русь в 1017 году по решению короля Норвегии Олава Святого, а сам Эймунд приходился королю дальним родственником. В 1024 году на помощь своему зятю

Ярославу пришёл шведский король Яков. Отряды скандинавов, возглавляемые знатными вождями, зависели от воли русских военачальников менее, нежели командиры русских отрядов. К тому же скандинавы хуже русов знали нравы византийцев и их было легче обмануть. Судя по всему, на провокацию византийцев откликнулись варяги.

Участие в морском поединке — проявление удали и молодечества. По скандинавским обычаям наибольшей удалью должны были обладать наиболее знатные воины. Из этого следует, что четыре принявших участие в сражении корабля возглавлялись знатными варягами, один из которых был руководителем отряда. Поэтому так героически прорывались к ним сквозь пламя их товарищи. Причём вождю на выручку первыми кинулись опять же наиболее доблестные из оставшихся.

Согласно сведениям саг, скандинавский отряд возглавил Ингвар, родственник шведского короля. В «Саге об Ингваре Путешественнике» приведено описание греческого огня, который использовали враги скандинавов:

*«Они увидели **пять шевелящихся островов** и поплыли к ним. **Ингвар** велел своим людям вооружиться... Вдруг один из островов подплыл к ним и начал забрасывать их **градом камней**; а они укрылись и начали стрелять. Но когда викинги обнаружили, что им не уступают, принялись они раздувать огонь горном в разожжённой печи, и было от этого много шума. Также там стояла **медная труба**, и из неё **вылетало** большое **пламя** на один из кораблей. Через некоторое время он **загорелся**, так что всё превратилось в золу».* (23, 85)

Огромные по отношению к кораблям и ладьям дромоны сравнены с островами. Дромонов было пять, что соответствует действительности. Два дромона начали поединок, затем три дромона преградили огнём путь остальным варягам. Скандинавы попали под обстрел камней, которым их спровоцировали на поединок. Огонь вылетал из медных трубообразных сифонов. Подобным же образом описано действие греческого огня в летописном рассказе о походе Игоря Старого 941 года:

*«Устроенном огнем пожже, усрете боя **в оледех с огнем**, и **пущати нача трубами огонь на лодия руския**. И бысть видети страшно чудо. Русь же, ви-*

дяще пламянь, вметаахуся в воду морскую, хотяще убрести, и многы погыбоше. И тако прок лодии возвратишася на побег восвояси. Тем же пришедшим в землю свою, поведааху кождо своим о бывшем и о лядним огни. "Яко же молния, — рече, — иже на небесех, грецы имуть у себеи питающе, жгуще нас. И сего ради неодолехом им"». (32, 37)

Память о греческом огне долгое время сохранялась на Руси и запечатлелась в выражении «пройти огонь, воду и медные трубы».

События июня 1043 года — единственные на протяжении долгого периода времени, где скандинавы могли столкнуться с греческим огнём. Но это ещё не всё. В русском флоте на каждый корабль приходилось по три ладьи. Экипаж этих четырёх судов составлял 100 человек — одну из воинских единиц русского войска. Сотня воинов размещалась на корабле, где находился сотник, и трёх ладьях. В поединке приняли участие четыре корабля, так что погибло четыре сотника. В Швеции имеется около 30 рунических памятников, посвящённых погибшим участникам похода Ингвара. Четыре памятника установлены в честь кормчих, возглавлявших четыре судна Ингвара: Хольмстейна, Гуннлейва, Баки и Сэби. (23, 75–78) Перед нами имена четырёх сотников с четырёх погибших кораблей.

В саге говорится о 30 судах, бывших под командованием Ингвара. (23, 78) Исходя из соотношения кораблей и ладей у него было восемь сотен воинов на восьми кораблях и 24 ладьях. В саге численность флотилии в 32 судна была округлена до тридцати. Четыре сотника уцелели и вернулись домой. В саге как раз упоминаются четверо сподвижников Ингвара:

«Четыре человека были назначены ехать с Ингваром: Хьяльмвиг и Соти, Кетиль, которого звали Гардакетиль — он был исландец, — и Вальдимар». (23, 81)

Имена сотников иные. Имя одного из скандиавов было вытеснено именем предводителя похода Владимира Ярославича. После смерти Ингвара отряд разделился:

«Пустились они вперёд, и было у них **12 кораблей**. И когда проплыли они некоторое время, река разделилась, и они расстались, потому что ни один не хотел быть под началом другого. **Кетиль** поплыл дальше прямо и пришёл в **Гарду** (на Русь. — В. Т.), а **Вальдимар** поплыл на одном корабле в **Миклагард** (Константинополь. — В. Т.)». (23, 84)

Воспоминание о побоище в Босфоре было столь неприятным, что скальд благоразумно увёл скандинавов от страшного места. Испытывать позор поражения в византийской ловушке был отряжён один русский Вальдимар. Но из-за этого сказочный отряд лишился сотни воинов, корабля и трех ладей. Поэтому в саге речь стала вестись о 12 судах и трёх сотнях воинов. На самом же деле уцелели четыре полные сотни с четырьмя кораблями и 12 ладьями, к которым присоединились остатки разбитых четырёх сотен на пяти ладьях. Совпадения говорят о том, что отряд Ингвара принял участие в походе Владимира Ярославича. В саге читаем:

«В то время, когда Ингвар умер, прошло от Рождества Христова **1041** год, и было ему 25 лет, когда он умер. Это было спустя **девять лет** после смерти конунга **Олава** Святого Харальдссона». (23, 85)

Олав Святой погиб в 1030 году, и, если исходить из даты его смерти, Ингвар погиб в 1039 году. В исландских анналах кончина Ингвара отнесена к 1041 году. (23, 77) Разница с датой похода составляет два и четыре года. Перед нами влияние «эры –5506 года» и «эры –5504 года». В скандинавских сказаниях использовались датировки с русскими эрами.

Согласно сагам, Ингвару на момент гибели было 25 лет, так что он был довольно молод. Варвары повелись на коварные предложения византийцев. Это значит, что сценарий военной хитрости писался под них. Храбрый Константин Каваллурий в качестве командующего флотом вызвал на поединок достойного соперника, чтобы в честном бою решить исход сражения и не подвергать опасности остальных. Перспектива обеспечить победу в грандиозной битве за счёт поединка и этим прославить себя в веках вскружила голову варяжскому вождю.

Горело не только облитое греческим огнём судно, но и море вокруг него, и с семи сгоревших ладей вряд ли кто спасся. Из-за подавляющего превосходства в силах на четырёх окруженных византийцами кораблях кто-то попрыгал за борт, кто-то попал в плен. Но так как кроме напавших на корабли дромонов была выставлена ещё одна, дополнительная, линия заграждения, прыгнувшие за борт были либо перебиты, либо пленены.

Пселл в рассказ о буре вставил сюжет с нападением триер на челны. Одни челны были пущены ко дну вместе с командой, другие — продырявлены и полузатопленными доставлены к берегу, очевидно вместе с командой, так как дырявые челны сами по себе ценности не представляли. Согласно Скилице, семь судов были сожжены, три потоплены вместе с экипажем, одно захвачено и очищено от команды. Атталиат говорит о том, что часть судов была сожжена, часть — потоплена вместе с людьми, часть — захвачена с экипажем.

У Пселла в рассказе о буре упоминается морской поединок, поэтому в самом рассказе о поединке речь идёт только о гибели варваров от огня. Былой рассказ он расчленил на две части, чтобы удобнее было соорудить требуемую конструкцию событий.

Как мы знаем по сагам, самые доблестные викинги, видя, что бой проигран, прыгали за борт с полным вооружением, чтобы не попасть в плен к врагу. Один корабль оказался полностью без команды. Значит, это был корабль вождя с самыми отборными воинами. Ингвар предпочёл броситься в море, чтобы избежать плена.

На византийцев массовое самоубийство произвело впечатление, и оно попало в рассказ о битве. Но в конце концов захват корабля приписали доблести Феодорокана, в одиночку справившегося с 40 скандинавами. За ненадобностью в пустом корабле пробили дыру и пустили его ко дну. Остальные три корабля с остатками израненного экипажа привели к берегу.

Византийцы позднее старались сокрыть факты пленения варваров и их жестокой казни, только Атталиат проговорился о захвате в плен части экипажа. Пленников присоединили к пленникам, приведённым из-под Варны, и ослепили.

Опытных кивирреотов должны были поставить на наиболее ответственный и опасный участок — заграждение пролива. Об этом же говорит и их участие в провокации. Судам, находившимся рядом с восточным берегом, легче всего было отсечь поединщиков от русского флота. Бывших мятежников поставили как раз на самый опасный, левый, фланг заграждения — вблизи варваров. Феодорокан командовал одним из дромонов, сжигавших варягов.

Михаил Атталиат не добавляет ничего принципиально нового:

*«При этом отправился он и сам с императорским кораблём и напал на противника. Носы судов сияли, извергая "мидийский огонь". Враг был принуждён бежать. Некоторые из его судов были **сожжены**, другие **потоплены** вместе с людьми, а третьи **захвачены** с их экипажем.*

*Особенно при этом отличился Василий Феодорокан, славный в делах военных. Находясь на ромейском корабле и напав на русское судно, он с оружием вступил на него и, в одиночку ведя бой со всеми бывшими на судне врагами, одних убил, а других **принудил броситься в море**. Так, выиграв и эту битву, василевс обрёл покой, с удовольствием занявшись гражданскими делами».* (18, 187)

На этом битва вроде бы закончилась. Скилица также не знает продолжения, последовавшего за подвигом Феодорокана, и переходит к лживому пересказу варненских событий. Самым информированным оказался очевидец битвы Пселл. Продолжение было:

*«В это время последовал второй сигнал, и в море вышло **множество триер**, а вместе с ними и другие суда, одни позади, другие рядом. Тут уже **наши приободрились**, а враги в ужасе застыли на месте. Когда **триеры пересекли море** и оказались у самых челнов, варварский **строй рассыпался**, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули **остаться на месте**, но большая часть их **обратилась в бегство**...*

***Разгромив** таким способом **варваров**, царь покинул берег и победителем вернулся во дворец».* (24, 96)

Вообще-то это был третий сигнал, так как после второго к двум дромонам подошло подкрепление из трёх дромонов. Экипажи пяти дромо-

нов приободрились, увидев спешащий им на помощь весь строй кораблей. Летописное бегство варягов было отмечено Пселлом.

Русские полководцы ставили варягов на самом трудном участке — в челе войска. В случае поражения русам предстояло прорываться сквозь заграждение и уходить на север. Поэтому самый трудный участок 12 июня был на северном фланге линии русских кораблей, примыкающем к заграждению. Здесь был поставлен варяжский отряд, и в этом же районе разыгралась варяжская трагедия.

В поединке участвовали четыре корабля. Относящиеся к ним 12 ладей ожидали исхода поединка. Экипажи этих ладей должны были первыми броситься товарищам на выручку и попасть под греческий огонь. Так что сгорело семь ладей со 140 воинами.

Из 300 человек экипажа погибших судов обратно не вернулся никто. В саге гибель Ингвара и большей части его воинов приписана некоей «черной смерти», под которой обычно понимают эпидемию. На памятных стелах погибшим участникам похода только в двух случаях говорится о том, что воины были убиты. В большинстве же случаев причина смерти не определена. (23, 85) От оставшихся на месте варягов гибель ушедших на поединок кораблей была сокрыта строем дромонров и стеной пламени. Судьба участников поединка осталась для варягов тайной.

Для войска в 10 000 человек потеря в три сотни была не очень чувствительной. Но для скандинавского отряда это была трагедия, так как он потерял значительную, причём самую знатную и доблестную, часть.

После того как было произведено показательное кровопускание, заграждение было уже не нужно. Византийцам был выгоден уход варваров в распахнутые ворота домой. Покинув поле боя, русы даровали бы победу византийцам, поэтому была произведена психическая атака теперь уже всем византийским флотом.

Вся пятикилометровая линия византийских кораблей стала надвигаться на русский флот, подтягиваясь к группе кивирреотских дромонров, расположенной напротив остатков варяжского отряда. В случае нападения русов им была бы устроена гигантская огненная баня. Дорога домой была свободна, и по ней уже ринулись прочь от страшного места варяги. Но уход означал признание поражения. Владимир Яросла-

вич остался стоять на месте, удержав своим примером основную часть флота.

Если бы побежала значительная часть русского флота, то беспринципный в отношении варваров Пселл не заметил бы остатка и написал бы о полном бегстве. Но даже ему пришлось с досадой признать, что кое-кто из русов остался на месте. Правда, он тут же расквитался с варварами, обрушив на них литературную бурю, довершившую то, что не удалось сделать византийским морякам.

Византийцы, не добившись бегства русов, на бой не решились. Закончился бурный вечер, наступила мирная ночь. Генеральное сражение так и не состоялось. Но победа была нужна неизбалованному военным счастьем императору, и её сотворили преданные ему историки.

Наступившей ночью русский флот, пользуясь окончательным разрывом мирных отношений, отправился в Чёрное море грабить вражеские города и сёла.

Литература

1. Акты русскаго на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.
2. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.
3. Арбман Х. Викинги. СПб., 2003.
4. Боровский Я. Е. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси. М., 1988.
5. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
6. Грицков В. В. Крещение Руси. М., 2009.
7. Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.
8. Дорн Б. А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах на побережья Каспийского моря // Записки Императорской Академии наук. Т. XXVI. Приложение 1. СПб., 1875.
9. Древнерусские княжеские жития. М., 2001.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. 1–4. М., 1988.
11. Кекавмен. Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в. М., 1972.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
13. Куник А. А. Русский источник о походе 1043 г. // Записки Императорской Академии наук. Т. XXVI. Кн. 1. СПб., 1875.

14. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
15. Лев Диакон. История. М., 1988.
16. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
17. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.
18. Литаврин Г. Г. Война Руси против Византии в 1043 году // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и её славянские соседи. М., 1972.
19. Литаврин Г. Г. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. // Византийский временник. № 29. М., 1969.
20. Литаврин Г. Г. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // Византийский временник. № 27. М., 1967.
21. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006.
22. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. М., 2005.
23. Мельникова Е. А. Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию в 1043 г. // Скандинавский сборник. Т. 21. Таллин, 1976.
24. Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
25. Никифоровская летопись. Супрасльская летопись. Слуцкая летопись и др. // Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
26. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.
27. Паиуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
28. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
29. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
30. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
31. Романовский Б. В. С метром по векам. Л., 1985.
32. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
33. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
34. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 24. М., 2000.
35. Успенский Ф. И. История Византийской империи: Период Македонской династии. М., 1997.

Глава 6

ШАПКА МОНОМАХА

Примирение с греками

На южной лестничной башне киевского Софийского собора на настенной фреске было обнаружено граффити на греческом языке, которое в переводе гласит:

«Господи, помоги рабу Бога Григориосу... 6547». (11, 494)

Грек Григорий оставил запись, которую по осенней «эре –5508 года» следует датировать временем с 1 сентября 1038 года до 31 августа 1039 года. Надпись оставлена на фреске во второстепенном месте, то есть уже после полной росписи собора. Собор возводился три летних сезона и был освящен 4 ноября 1039 года. Украшение его фресками и мозаиками продолжалось ещё несколько лет. Столь ранняя надпись на фреске невозможна.

Грекоязычный автор надписи входил в окружение митрополита Феопемпта, который применял весеннюю «эру –5504 года», господствовавшую в соборе. При её использовании дата граффити попадает в интервал с 1 марта 1043 года по 29 февраля 1044 года.

Характерно название фрески с граффити — «Охота всадников на тарпана». Тарпан — это дикая лошадь. В 1043 году шла русско-греческая война. Название и сюжет фрески соответствуют окружению под Варной русов с погибших кораблей византийской конницей и учинённой ею жестокой расправе.

Известия о жестокостях катафрактов должны были быть получены русами ещё во время их пребывания в Варне. Флот требовал починки после бури, а византийцы не скрывали подобных подвигов в надежде запугать врага. Пока латали ладьи и корабли в Варненской бухте, стала

известной трагической судьба отряда Путяты. Русы вернулись в Киев не ранее октября. Тогда-то и появилось граффити.

Тарпан, то есть дикий конь, привлёк внимание образованного грека из-за своего сходства с диким получеловеком-полуконём — кентавром. Образ античного кентавра восходит к образу всадника. Самыми же знаменитыми всадниками Античности были скифы. Катафракты взяли в кольцо и избивали тавроскифов. Всадники на фреске окружили степного дикаря, который через созвучие «кентавры — скифотавры» порождает образ того же тавроскифа.

Граффити отражает тревожную обстановку, которая царила среди киевских греков после возвращения русов из похода. Мономах, отвергнувший мирные предложения Владимира Ярославича, поставил Византию в состояние войны с Русью. Но Ярослав Мудрый не последовал примеру императора и не подвергнул киевских греков репрессиям.

Гибель воинов в 1043 году не подорвала военное могущество Руси. В полюдьё 1043/1044 годов русская армия покорила отпавшие литовские племена, а по весне началось расширение новгородского Детинца. Новгородское строительство следует связать с опасениями Ярослава по поводу нашествий и смут из-за размирья с Византией. Он укрепил свою резервную столицу на средства, полученные в результате грабежа византийских провинций.

Летом 1044 года Ярослав Мудрый отправился в победоносный военный поход на мазовшан, помогая своему польскому зятю Казимиру. Это крупное военное предприятие свидетельствует о том, что гибель около 3000 воинов в византийском походе не помешала его воинственным планам.

В поздних новгородских летописях рассказ о походе Владимира Ярославича на греков предваряет примечательное слово «паки», что означает «повторно». (3, 54) В предшествующем тексте сообщалось о двух походах либо же это могли быть два рассказа об одном и том же походе. В житии св. Владимира Ярославича сообщается о двух его походах: на Царьград и на Корсунь — и о взятой им дани в 80 000 гривен. (22, 203)

В июне 1043 года византийцы от уплаты дани отказались. Дань была получена в результате похода на Херсонес. Размер дани преувеличен на порядок. Но зато 8000 гривен вызывают доверие. Это дань из расчёта по две гривны на 4000 воинов. Поход на Херсонес был менее значительным предприятием, и в нём участвовало меньшее количество воинов, нежели в походе на Константинополь. Видимо, южные летописцы о походе не знали. В походе принимали участие только жители северных русских земель. Три тысячи воинов традиционно выставил Новгород — по тысяче с каждого конца. Четвёртую тысячу выставило Ростовское княжество, которое в церковном отношении было объединено с Новгородским.

Ф. А. Эмин со ссылкой на польского хрониста Брунака датировал второй поход Владимира Ярославича в Грецию 1044 годом. (3, 61) Летописец сообщает о том, что Вышата и иные пленники были освобождены *«по 3-х же летех миру бывшию»*. Мир был заключён в 1046 году.

Русско-византийские мирные договоры обычно заключались в сентябре. Период войны с Византией продолжался с июня 1043 по сентябрь 1046 года. В 1044 году русы были заняты польскими делами. Нападение на Херсонес и разорение Крыма произошли позднее — в июне 1045 или 1046 года. Время заключения мира говорит в пользу второй даты. Об этом же свидетельствует уверенность поздних новгородских книжников в том, что строительство новгородского Софийского собора последовало сразу же после победоносного похода Владимира Ярославича на греков. (3, 59) В Новгороде хождение имели эры, имевшие разницу в два года. Соединение новгородских известий могло дать видимость прямой последовательности похода на Херсонес и заложения церкви, если их разделяло не более трёх лет.

Реликты крымского похода сохранились у Матвея Стрыйковского:

*«Ярослав, монарх киевский, послал молодого сына своего Владимира и воеводу Вышату с воинством к Царюграду, **требуя** у кесарей **Корсуни и Таврики**»*. (3, 56)

В 1043 году русы претензий на Крым не выдвигали, но спустя три года двинулись на Херсонес. Крымский поход 1046 года был запечатлён

в былинах о Глебе Володьевиче. Корсунь в былинах назван столицей Маринки, а в сцену с попыткой отравления вплетены мотивы пожара:

*«Он хотел-то взять-то у ей **золоту чарку** в белы руки,
Тут ведь добрый его конь забил в землю правой ногой,
Он сплескал-то у ево **стокан** в правой руки.
Загорела тут матушка сыра земля,
Загорела тут грива лошадиная». (25, 255)*

Плескающая золотая чарка похожа на изрыгающие греческий огонь медные трубы, а горящая конская грива — на объятые пламенем паруса ладей, тем более что конские головы обычно украшали носовую часть русских боевых судов. Русы шли на помощь императрице Феодоре, но под стенами Царьграда столкнулись с изощрённой византийской хитростью, приведшей к гибели варягов. Поэтому кавказский сюжет о коварной Маринке был использован в рассказе о войне с не менее коварными греками. В Крыму новгородцы отомстили за сгоревших под Константинополем, павших и искалеченных под Варной товарищей. Разгром города Маринки описан так:

*«Он (Глеб Володьевич. — В. Т.) хватал скоро свою-ту саблю вострую,
Он отсёк-то, отрубил да у ей (Маринки. — В. Т.) голову.
Они **вырубили всех со старого до малого,**
Не оставили они силы на семена.
Тут они-то **обирали** у ей всё красно **золото,**
Они собрали у ей, да всё подобрали.
Уходили на святу-ту Русь, да иише **в Новгород,**
Поживать-то они стали всё по-старому,
Всё по-старому стали, всё по-прежнему,
Всё по-прежнему стали **по-хорошему».** (25, 255)*

Славная победа над крымскими греками стала поводом к заложению Софийского собора. Ограбление же Херсонеса, часть добычи из которого пошла на церковные нужды, обеспечило дорогостоящее каменное строительство.

О покорении Херсонеса свидетельствует появление в Киеве мощей св. Климента и св. Фива. В «Псалтыри Одалярика» имеется приписка о поездке Роже, епископа Шалонского, в составе свадебного посольства 1048–1049 годов французского короля Генриха I в Киев за Анной Ярославной. В Киеве Роже беседовал с Ярославом, названным христианским именем *Георгий*, о Херсонесе и церкви Климента:

*«Затем оный **царь Георгий** раб сообщил Каталаунскому епископу, что он сам туда отправился и привёз оттуда главы св. Климента и Фива, ученика его, и положил в граде **Киеве**, где они честно почитаются. Эти главы он показал епископу».* (3, 57)

Главой Климента венчали на патриаршество Клима Смолятича в 1147 году. О перенесении мощей Климента и его учеников Владимиром Святým в Киев после захвата Херсонеса говорится в старших летописях. Но столь драгоценные святыни не могли сохраниться в русской столице после её ограбления поляками в 1018 году. Мощи почитаемого католиками римского папы Климента были бы вывезены, тем более что с Болеславом I ушёл архиепископ Анастас Корсунянин, хранитель церковных сокровищ Киева. Забрать из Херсонеса почитаемые мощи русы могли только в качестве военных трофеев позднее польского нашествия. (3, 57)

В. Т. Брюсова собрала известия о крымских военных трофеях, появившихся на Руси в эпоху Ярослава Мудрого:

*«При Ярославе в Киеве появляются и иные **предметы** (гробница Ярослава и другие мраморные саркофаги Софийского собора), по наблюдению ряда специалистов относящиеся к кругу памятников искусства **Причерноморья**. К тому же времени относится крупная партия икон и предметов церковной утвари Новгорода (многие из них сохранились до наших дней), именуемых "**курсунскими древностями**"...*

В самом деле, каким образом оказались на севере Руси медные, так называемые **Корсунские, врата**, украшающие вход в Рождественский придел Софийского собора и орнаментированные мотивом **процветшего креста**? Раскрытая из-под записей икона в местном ряду Софийского собора "Пётр и Павел" тоже является первоклассным памятником **византийской живописи**

XI века. В иконостасе новгородской Софии с древнейших времён стоит икона **Корсунской богородицы**. Греческий подлинник послужил образцом для иконы так называемого "Спас-Мануила", сохранившейся в списке XIV в., с греческой надписью на Евангелии (при Грозном она была привезена в московский Успенский собор). Приведённые примеры (количество их может быть увеличено) свидетельствуют, что в древние времена из Византии в Новгород была привезена крупная партия церковной утвари и икон.

В XVI–XVII вв. в Новгороде было распространено предание, что иконы, медные сосуды и другие предметы были привезены **из Корсуны** новгородцами как **военные трофеи**...

Наконец, весьма существенно, что круг памятников иконописи из числа "корсунских древностей" не выводит нас за пределы XI в., следовательно, **Владимиром Святославичем они не могли быть привезены**». (3, 58–59)

Исследовательница отмечала, что мотив процветшего креста, изображённого на Корсунских воротах собора, характерен как раз для Херсонеса. Он помещён на печатях херсонесского стратига и входил в число городских символов. (3, 58)

Владимир Святой, который жил ранее создания новгородских «корсунских древностей», использовал вывезенные в 992 году из Херсонеса иконы, скульптуры и иные предметы для украшения киевской Десятинной церкви. Русы, добившись заранее оговорённой сдачи города, тут же отплыли в Византию на войну с мятежниками Варды Фоки. После свадьбы с царевной Анной Херсонес остался в зависимости от русов, а доходы с него шли на содержание Анны. Владимир Святой занимался в городе церковным и гражданским строительством. Ограбления и разрушения покорённого Херсонеса не было, хотя город и сильно пострадал во время осады от действия камней. Между тем Павел Алеппский, побывавший в Новгороде в середине XVII века, писал:

«Рассказывают, что **правитель этого города**, которому издавна дают титул князя, около **700 лет** тому назад ходил постоянно войной на страну **сербов** и греков. А другие говорят, что он был **хакан, царь татарский, осаждавший Константинополь** с бесчисленным войском. Он ходил в Кафу, которую они называют на своём языке Карсуна, то есть **Херсон**, как её имя

*по-гречески, **взял и разрушил** её и вывез ту дверь и другие вещи вместе с благолепными иконами греческими, кои целы и поныне».* (3, 58)

Судя по сроку в 700 лет и упоминанию сербов, в рассказе есть реалии походов Владимира Святого. Но осада Константинополя и взятие Херсонеса соответствуют деяниям Владимира Ярославича. Павел передаёт рассказ, в котором черты походов Владимира Святого и Владимира Ярославича были уже соединены. После взятия города Владимиром Ярославичем Херсонес подвергся грабежам и разрушениям, о чём свидетельствуют выломанные и вывезенные Корсунские ворота. Сигизмунд Герберштейн называет их *«медными вратами покорённого города»*. (3, 58) В Новгороде Корсунские врата считались главными воротами Херсонеса.

«Корсунские древности» имелись не только в Новгороде. Анания Фёдоров в середине XVIII века записал такие суздальские предания:

*«Равноапостольный князь **Владимир** в то время принесе и некоторыя вещи церковныя, взятыя им по крещении из греческаго града **Херсоня**, во град **Суждаль**, и остави ту в соборной новоустроенной церкви, из которых вещей и до ныне еще имеются **двои входныя** в соборную церковь западныя и полуденныя **двери** (о которых в описных соборной церкви 7117 и 7138-го годов книгах значит), на меди писанныя золотом, на одних праздники господския и богородичны, на других истории из священных Библии, с подписаниями греческими, и древними российскими...*

*Оной протопоп (Иван Виноградов. — В. Т.) объявлял, яко бы из суждальской соборной церкви взяты **третья** входныя церковныя **двери** корсунские, кои имелись с полунощной страны в царствующий град Москву, в большой Успенский собор, да с теми ж дверми взят из помянутой же суждальской соборной церкви, в показанный Успенский собор, животворящий **Крест Господен корсунский**, пребогато украшенный камением и жемчугом драгоценным и в том соборе стоит во святом алтаре...*

А по описным соборной церкви 7117 году книгам значит бывший в соборной церкви амвон облачальный архиерейский, на котором были изображения различныя праздников господских и богородичных, подобны дверем корсунским, знатно что из Греции же получены бывши». (44, 43–44)

С «корсунскими древностями» в Суздале отождествлялись трое соборных ворот, Крест Господень и архиерейское облачение. Современные искусствоведы, основываясь на дате строительства собора, относят западные и южные ворота суздальского Рождественского собора к произведениям XIII века. Но предания свидетельствуют о том, что какие-то предметы из Херсонеса находились в суздальских храмах.

Владимир Святой столицей княжества сделал Владимир-Залесский и вряд ли стал бы украшать заморскими диковинками рядовой Суздаль. Кроме того, древности эпохи крещения Руси должны были пострадать во время бурных событий суздальского восстания 1023 года, разрушения и перенесения города. Владимир Ярославич в 1046 году владел Ростово-Суздальским княжеством, и в его отряде кроме новгородцев были суздальцы. В Суздале находился великокняжеский женский монастырь с монахинями из знатных семейств. Часть добычи вполне могла пойти на украшение монастыря, а позднее оказаться в соборе.

Обилие вывезенных из Херсонеса ворот говорит о том, что после взятия города с его проездных башен были сняты ворота, чтобы сделать город беззащитным. Беззащитным он оставался до 1059 года, то есть до смерти Ярослава Мудрого. В Херсонесе найдена надпись на камне, свидетельствующая о возобновлении стратигом города Львом Алиатом в 1059 году железных врат претория и других городских ворот. (3, 59)

Ярослав не участвовал в походе на Херсонес, но, согласно приписке из «Псалтыри Одалярика», побывал в нём в качестве полновластного хозяина и вывез городские святыни. Побывал Ярослав в Херсонесе после войны 1046 года летом 1047 или 1048 года, потому что не позднее осени 1048 года он беседовал со французскими послами. Примечательна судьба саркофага Ярослава. Он явно византийского происхождения и входит в число «корсунских древностей». Но маловероятно, чтобы в 1046 году русы столь трогательно позаботились о предстоящих похоронах великого князя, загодя вывезя саркофаг. Нужда в нём возникла не ранее кончины Ингигерд, то есть несколько лет спустя после захвата города. На момент кончины Ингигерд или даже Ярослава город находился во власти русов.

Несмотря на мирный договор 1046 года и последующую женитьбу Всеволода Ярославича на византийской царевне, Ярослав, судя по биографии Илариона и творчеству этого митрополита, проводил жёсткую антивизантийскую политику. Всё говорит о том, что русы держали Херсонес под своим полным контролем до смерти Ярослава и только последовавшее во время правления Изяслава потепление отношений дало херсонесцам возможность постепенного освобождения от русской опеки. Воспользовавшись смертью Ярослава, они в первую очередь восстановили городские ворота. Скорее всего, Херсонес со стороны византийцев, вынуждаемых обстоятельствами, был на время жизни византийской жены Всеволода закреплён за русами на правах лённого владения для материального обеспечения царевны. Это позволяло сохранить видимость византийского господства над городом и мириться с временной властью варваров.

В былине о Глебе Володьевиче причиной похода на Херсонес назван захват горожанами трёх новгородских кораблей, наполненных дорогими товарами. Три корабля символизируют эскадру из девяти ладей и трех кораблей прикрытия с тремя сотнями купцов-воинов на борту. Крымские греки попытались установить торговую блокаду, захватывая русские торговые караваны. Конфликт произошёл в 1045 году, так как в предшествующий год русские моряки были задействованы в ладейном походе на Мазовию. Русы на следующий год ответили нашествием на Крым и взятием Херсонеса.

Контролировавшие Русскую церковь византийские греки по возможности истребили сведения о русском владычестве над Крымом при Ярославе и Изяславе. Чтобы объяснить наличие многочисленных корсунских древностей, были сложены легенды, относящие их появление ко времени Владимира Святого.

В разорванных Константином IX Мономахом соглашениях на русов возлагалась обязанность препятствовать набегам кочевников на византийские владения в Крыму. Теперь сами эти владения были захвачены русами. Прекратился подвоз русских товаров в Константинополь. Следовательно, исчезло сырьё, дававшее работу многим мастерским. Северяне перестали поступать на военную службу, тогда как ранее они

составляли дворцовую гвардию и наиболее боеспособные части византийских войск. Но, скорее, не это повлияло на взбалмошного императора, мало внимания уделявшего государственным делам.

Константин IX был любвеобилен и души не чаял в Марии Склирене, на чём и держалось могущество рода Склиров при дворе. Но в 1045 году Склирена умерла. Мономах горевал недолго. Пселл:

*«Царица Зоя была слишком стара для общения с мужем, а в царе бушевали страсти. И так как его севаста (Мария Склирена. — В. Т.) уже умерла, он, разглагольствуя о любви, парил среди фантазий и странных видений. **От природы помешанный на любовных делах**, он не умел удовлетворять страсть простым общением, но постоянно приходил в волнение при первых утехах ложа и потому **полюбил** некую **девицу**, которая, как я уже говорил раньше, жила у нас как **заложница из Алании**. Царство это не очень-то важное и значительное и постоянно предоставляет Ромейской державе заложки верности. Девушка, дочь тамошнего царя, красотой не отличалась, заботами о себе не была избалована и украшена только двумя прелестями: белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами. Тем не менее царь сразу пленился ею, **забыл думать о других** своих пристрастиях, у неё одной проводил время и **пылал к ней любовью**».* (27, 116)

Под воздействием любовных чар аланской царевны влияние русофобствующих Склиров на императора уменьшилось. Аланы были христианским народом, и им приходилось выдерживать натиск кавказских мусульман. Поэтому они находились в военном союзе с христианами русами. Об этом свидетельствуют их совместные походы в Закавказье — в 1032 году и под Дербент — в 1033 году.

Аланская царица была заинтересована в возвращении во дворец русской гвардии, которая могла бы стать её надёжной опорой. Ей этого удалось добиться. Согласно Пселлу, в 1047 году при Мономахе был отряд иноземцев, которые обычно шествуют в царских процессиях. Так замысловато Пселл назвал тавроскифов, составлявших личную охрану императоров. Но для того чтобы заполучить тавроскифов, Византии пришлось замирились с Русью.

Пселл в рассказе о восстании Льва Торника пишет:

*«У самодержца (Константина IX Мономаха. — В. Т.) же всё получалось не так как надо. Собрано не было ни наше войско, **ни союзническое**, если не считать небольшого **отряда из иноземцев**, который обычно шествует в царских процессиях».* (27, 100)

Мономах охраняли русы дворцовой гвардии. Произошедшее замирение с Русью оказалось для него очень кстати. В Византии находился к тому времени и более крупный русский отряд, который не успел подойти к столице. Пселл назвал его союзническим войском. Это войско всё же приняло участие в подавлении восстания Льва Торника. Литаврин:

*«Уже в декабре 1047 года посланное с Руси "по договору" с Константином IX союзное империи русское "северное войско" участвовало в подавлении мятежа Льва Торника. В этом смысле убедительно истолкованы А. П. Кажданом **данные** риторической **речи**, произнесённой поэтом и политиком **Иоанном Мавроподом на триумфе** в честь победы над узурпатором. Иначе говоря, договор 1046/1047 года вступил в это время в силу и русские, отозвавшись на просьбу императора, пришли ему на помощь».* (21, 274)

Атталиат датирует бегство Льва Торника из Константинополя в Македонию, где он поднял мятеж, 14 сентября 1047 года. Мятеж закончился ослеплением взятого в плен Торника. Осенью войска под командованием великого этериарха Константина находилось в Армении, где осаждали крепость Хелидоний недалеко от Двина. (27, 282–283) Великим этериархом называли начальника личной императорской гвардии. (33, 347) Хелидоний осаждали гвардейцы-русы. Это и было союзническое войско. В нём было 3000 русов. (3, 56) Всея же подошедшей с востока к столице армией командовал магистр Михаил Исаит. (27, 283)

Византийская армия завоёвывала Армению. Далее Пселл единственным военным успехом Мономаха как раз и назовёт это завоевание:

«Переменчивый душой, порой сам на себя не похожий, Константин хотел прославить своё царствование, и нельзя сказать, что вовсе не достиг

*цели. Он расширил пределы империи на востоке, присоединил к ней **большую часть Армении**, изгнал оттуда князей и ввёл их в круг своих подвластных».*
(27, 126)

Русы под командованием великого этериарха Константина летом 1047 года участвовали в походе на Армению. Так что военного успеха Мономах достиг благодаря замирению с Русью, приславшей войска, которые были брошены на расширение северо-восточных пределов империи.

Пселл, описывая осаду столицы войсками Торника, говорит о том, что мятежники опасались подхода восточных сил:

*«После этого Лев **немедля двинулся на столицу**. Таким образом, македонцы собирались предупредить намерения императора и напасть на него, **прежде чем он успеет перебросить против них восточную армию**».*
(27, 100)

Но их отступление он при этом выдаёт за беспричинное бегство:

*«Проведя несколько дней в своём лагере, отправились туда, откуда пришли, — большей частью **без строя и как беглецы**. Если бы десяток-другой всадников ударил им тогда в спину, то и жреца-огненосца не осталось бы в этом рассеянном и беспорядочном войске. Но самодержец, хотя и **предвидел** заранее **их бегство**, не стал их преследовать. Он ещё не пришёл в себя от страха и упустил удобный момент.*

*Нам же их уход показался славной победой, и ворвавшийся в лагерь городской люд нашёл там множество припасов, оставшихся от прежних его обитателей, которые не сумели погрузить всё на вьючных животных, ибо, скорее, **стремились уйти незаметно**, а не отступать с удобствами и богатством».* (27, 105)

Пселлу, только что сочинившему славную победу над русами, было неудобно показывать их спасителями перетрусившего Мономаха. Отсюда его желание показать бегство беспричинным и замалчивание роли восточного войска и особенно русов в подавлении мятежа. Между тем иных воинских сил у Мономаха не было. Заодно хронисту удалось об-

наружить дар предвидения у любимого императора, хотя чуть ранее он его отрицал.

Предугадать, что случится, когда у стен столицы появится восточная армия, успешно воевавшая в Армении, было несложно. Так что причина бегства мятежников была очевидной. Подошло победоносное войско, и повстанцы спешно отступили. Этот общеизвестный приход, которому ближайший друг Пселла Иоанн Мавропод посвятил хвалебное сочинение, совсем замолчать не удалось. Но хронист говорит о нём явно нехотя и уже после описания захвата всех укреплений, в которых засели мятежники:

*«С позором ушёл мятежник от великого города, но с ещё большим позором был **отогнан от других крепостей**. Тем временем самодержец **вызвал восточное войско** и, когда оно вскоре явилось, отправил его против западных своих соплеменников и **варваров**. А они, узнав о приходе восточного войска, даже и не подумали сопротивляться, но тут же, проклиная узурпатора, **рассеялись**».* (27, 105)

Получив вызов императора, русы прекратили осаду Хелидония и двинулись на запад. (27, 282) К столице они прибыли не позднее начала декабря, а к 27 декабря покончили с мятежом, выбив сторонников Торника из всех укреплений.

Македонцы были давними жителями империи и к варварам не причислялись. Первоначально говорилось о составе подошедшего войска, состоявшего из византийцев и варваров-русов.

Составлением хвалебных речей в ту эпоху особенно увлекался Пселл. Сохранилось около 80 его славословий по различным поводам и в отношении разных лиц. Исследователи предполагают, что уцелела только малая часть написанного плодовитым Пселлом. (27, 219) В том, что одна из не дошедших до нашего времени речей была посвящена подавлению восстания Торника, мы можем не сомневаться. Пселл не упустил бы такой возможности угодить императору и изощрёнными намёками прославить себя, тем более что во время восстания он был рядом с Мономахом. Вот эту не дошедшую до нашего времени речь он и использовал позднее в своём сочинении. Но, славословя во время

триумфа русов-победителей, позднее Пселл сделал всё для того, чтобы уничтожить память об их роли в подавлении восстания.

Обстоятельства византийской истории подтверждают летописные данные о наступлении мира в 1046 году. Мирный договор был подписан в традиционном для заключения русских договоров сентябре.

Кончина Зои

Кончину императрицы Зои обычно относят к 1050 году. (7, 221) Но это не соответствует действительности. Сторонники Льва Торника начали действовать потому, что наступил *«удобный момент для восстания, которого они так долго ждали»*. При этом они очень спешили, так как этот удобный момент был недолгим. Пселл так описывает их ночное бегство из Константинополя:

«Для того чтобы преследователи не перерезали им дорогу и не настигли сзади, они каждый раз распрягали и убивали казённых лошадей. Прodelав, таким образом, без передышки весь путь, прибыли они вглубь Македонии и, обосновавшись, будто в цитадели, в Адрианополе, сразу принялись за дело». (27, 99)

Уход армии в восточный поход и известия об армянских событиях не объясняют спешку. Это был не тот повод, которого долго ждали заговорщики. Причину мятежа в несколько туманной форме озвучил Пселл:

*«Они первым делом разослали во все стороны разносчиков слухов, и те, подходя к каждому воину, уверяли, что царь уже умер, а **пришедшая к власти Феодора** всем другим **предпочла Льва** из Македонии».* (27, 99)

Пселл называет известие о кончине Мономаха и воцарении Феодоры слухами и выдумкой. Действительно, император был жив. Но одной его мнимой кончины было недостаточно. Заговорщики могли говорить о приходе Феодоры к власти только в том случае, если бы её старшая сестра Зоя умерла. В противном случае им пришлось бы уверять, что Льва предпочли обе сестры.

О том, что Зоя скончалась до мятежа Торника, говорит рассказ Пселла об императорском шуте Романе Воиле:

«Когда же **царица** (Зоя. — В. Т.) **покинула наш мир** (о чём я собираюсь сейчас рассказать), глупец принялся творить всякие мерзости, ставшие началом больших бед...

Так как царица **Феодора** и его сестра **Евпрепия**, подобно богиням у Поэта (Гомера. — В. Т.), "возмущённо роптали", выражали недовольство и **бранили царя** за простодушие, Константин, стыдясь их, всё-таки приговорил преступника к изгнанию». (27, 114–115)

Феодора и Евпрепия дружно бранили императора после кончины Зои. Но в самое опасное время осады, когда мятежник стоял перед распахнутыми городскими воротами, произошла такая сцена:

«Когда сестра (я имею в виду старшую, **Евпрепия была приговорена к ссылке**), рыдая, стала склонять его (Константина IX Мономаха. — В. Т.) к бегству и советовала бежать в какой-нибудь из Божьих храмов, Константин свирепо на неё посмотрел». (27, 104)

На момент мятежа Евпрепия была в ссылке. У Мономаха было две сестры. Пселл:

«У самодержца Константина было две сестры. **Старшую** звали **Еленой**, а другую **Евпрепией**. Елену царь не ставил ни во что, а Евпрепию, которая и сподобившись славной участи не кичилась окружавшим её блеском, обладала несомненным **умом** и отличалась **самым твёрдым и неколебимым характером из всех** виденных мною женщин, **остерегался**, как я уже говорил, к советам её относился с сомнением и скорее побаивался, нежели уважал.

Она же, расставшись с **честолюбивыми надеждами**, которые возлагала на брата, воздерживалась от каких бы то ни было выходов против самодержца, но приходила к нему только изредка, вела себя с ним не как с братом, а, вступив в разговор, держалась надменно и с прежней своей суровостью, при этом чаще всего ругала и порицала его, когда же видела, что он сердится, уходила с сердитым видом, шепча оскорбления в его адрес.

Заметив, что брат не жалуется, а вернее — терпеть не может **Торника**, она **приветила и приблизила** к себе этого человека, часто с ним беседова-

ла, хотя прежде и не питала к нему никаких пристрастий. Царь сердился, но свои мысли затаил поглубже, так как не было у него достаточного повода для наказания. Чтобы их разъединить, Константин, скрывая истинные намерения от сестры, **удалил Торника** из города под благовидным предлогом: поручил ему управление Ивирией и отправил в **почётную ссылку**.

Однако слава и в изгнании сопутствовала этому мужу. Более того, многие сочли её даже поводом для обвинения Торника, **выдумывали**, будто он **готовит мятеж**, и побуждали самодержца предупредить зло. Слушая такие речи, царь оставался в душе спокоен. Когда же увидел, что за Торника **заступается сестра**, и когда как-то раз услышал её слова, что-де никакой беды с её племянником не случится, так как его **бережёт Всевышний**, был в самое сердце поражён услышанным и не мог уже сдерживать гнева. Собираясь, однако, отнять у Торника не жизнь, а возможность бунтовать, царь поспешно отправил людей с приказом **постричь его** и облечь в чёрную рясу.

Так **разбились надежды Торника**, и, облачённый ещё недавно в блестящее платье, он предстал перед царём в монашеском одеянии. А Константин и теперь не взглянул на него милостиво, не посочувствовал в судьбе, вознёсшей его в надеждах, а потом низринувшей вниз, и, сколько Торник к нему ни приходил, каждый раз сурово отправлял его назад и высмеивал несчастного.

И лишь одна **Евпрепия**, то ли из родственных чувств, то ли из каких иных побуждений, **ласково принимала его**, и родство доставляло ей безупречный предлог для дружелюбия». (27, 98–99)

Честолюбивая Евпрепия рвалась к власти, но не смогла сделать из брата-императора орудие для выполнения своих планов. Тогда она сблизилась с Львом Торником. Несмотря на трудные взаимоотношения с братом, Евпрепия воздерживалась от выступлений против него, ограничившись бранью. Лев Торник здесь представлен оболганным и несправедливо пострадавшим. Близость же к нему Евпрепии выдаётся за отношения не двух заговорщиков, а одинаково обиженных несправедливым родственником. Но в связи с нелюбимыми Пселлом македонцами Торнику даётся совсем иная характеристика:

«Он (Аев Торник. — В. Т.) обладал недурной внешностью, но нрав имел коварный и постоянно **носился с какими-то мятежными планами**. Ещё

в юности многие **предрекали ему блестящую участь**. Так неосторожно высказываются о некоторых людях». (27, 98)

Оказывается, Торник постоянно носился с какими-то мятежными планами, уверенный в пророчестве о своём великом будущем. В это пророчество верила Евпрепия, о нём знал и Мономах. Вот почему, услышав, что сестра уверена в правоте пророчества, он принял экстренные меры, чтобы разрушить явно обозначившийся сговор родственников. Евпрепия решила возвести на престол дальнего родственника и стать императрицей. Но тогда пострадал один Торник. Евпрепия же ласково принимала его и в монашеском одеянии. А вот когда он бежал, сразу же оказалась в ссылке.

Евпрепию за участие в заговоре Торника сослали и по обычаям того времени должны были постричь в монахини. Она пережила брата. Если Мономах смерть сестры Елены почти не заметил, то, узнай он о кончине Евпрепии, по авторитетному мнению Пселла, не повёл бы и глазом. Во враждебных отношениях с Евпрепией Мономах оставался до конца своей жизни. Евпрепия бранила брата в короткий промежуток времени между кончиной Зои и своей опалой.

Пселл выгораживал Евпрепию, которую высоко ценил. Хвалил же он только своих. Что касается политических противников, то, какими бы хорошими они ни обладали качествами, хронист либо молчал о них, либо обрисовывал их чёрными красками. Но это в «Хронографии». В письмах же и речах он льстил тем, о ком позднее писал с сарказмом, и восторгался ими. Выгораживал Пселл не только Евпрепию:

«Когда к власти пришла **Феодора**, я сразу же был призван царицей, которая горестно поведала мне обо всём, что вытерпела от зятя, поделилась со мной сокровенными мыслями и **велела** постоянно к ней **приходить и ничего не утаивать** из того, о чём мне доведётся узнать. Не в первый раз являлся я тогда к Феодоре — ещё при жизни царя, если хотелось ей написать **секретное письмо** или что-нибудь **сделать втайне**, посвящала она меня в свои мысли и намерения». (27, 134)

Константин IX и Феодора настороженно относились друг к другу. Под конец жизни Мономах пытался обойти Феодору и передать

власть кому-то иному. Но его планы выдали, и Феодора переломила ситуацию в свою пользу. Не первый раз приходил к Феодоре руководитель столичной школы философов. Как истинный философ, Пселл оказывал услуги и императору, и императрице, справедливо полагая, что в этом случае, кто бы из них ни победил, он в накладе не останется. Когда Мономах был при смерти, Пселл переметнулся на сторону Феодоры и выдал его планы. Победившая Феодора предложила ему оставаться её секретным шпионом и дальше. Но сотрудничать с Феодорой Пселл начал задолго до кончины Мономаха.

Пселл так описал попытку Льва Торника склонить на свою сторону жителей столицы:

*«В это время оказавшийся в осаде самодержец, желая показать врагу, что он ещё жив, украсил себя царскими одеждами и расположился **вместе с царицами** на одном из выступающих ярусов царского дворца. Константин едва дышал, тихо стонал и мог видеть только часть войска, стоявшую неподалёку и прямо перед его глазами.*

*Приблизившись вплотную к городской стене, враги построились в боевые ряды и **прежде всего обратились с речами к находившимся на стене**, по порядку перечислили все беды, которые принёс им Константин, и те, которые их минуют, если царя схватят, но непременно постигнут, если его отпустят...*

*Царь видел кривляния, слышал крики (стоя рядом с Константином, я то **ужасался их речам**, то находил слова утешения для царя) и, терпя поношения от их слов и от постыдного действия, не знал, что ему делать».* (27, 102)

Армия Торника подошла к столице с севера, и поэтому лагерь был устроен в северном предместье Космидии у монастыря святых Космы и Дамиана. Лагерь находился неподалёку от огороженного крепостной стеной Влахернского дворца, с террасы которого Мономах наблюдал за действиями мятежников. (27, 282)

Император был окружён женщинами — аланской царевной, связь с которой он перестал скрывать после смерти Зои, и императрицей Феодорой. Но Пселл называет их царицами, пытаясь создать иллюзию того, что рядом с Мономахом сидели Зоя и Феодора. Рассказ о кончине Зои

он приводит в своём сочинении далее по тексту, перемежая его обширным описанием Мономаха, повествованиями о двух заговорах против него и о любовной связи императора с аланской царевной. Этим он искусственно отделяет кончину от событий восстания Торника и создаёт иллюзию того, что Зоя на самом деле ушла из жизни гораздо позднее, чем это было в действительности.

Отделяя нашествие русов от мятежа Георгия Маниака и преуменьшая ущерб империи от этого нашествия, Пселл пытался скрыть свою связь с мятежниками. В случае же её обнаружения он мог сослаться на то, что восстание кроме славных побед над варварами-русами ни к чему не привело. В противном случае он лил бы крокодиловы слёзы по поводу разорения северными дикарями византийских провинций и гибели славных кивиреотских моряков.

Маскируя связь восстания Торника с кончиной Зои, Пселл добивался сходных целей. Совместные усилия Евпрепии и Феодоры вразумить непутёвого императора говорят о том, что в замыслы Торника была посвящена и императрица Феодора. Со знатными заговорщиками императору пришлось мириться, обуздывая собственный гнев. Пселл:

*«Затем самодержец, **справив триумф**, более пышный, чем все, некогда прославленные, **обуздал гнев** и благосклонно **примирился с заговорщиками**».* (27, 106)

Мятежники были ослеплены и сосланы, с Евпрепией примирения не произошло. Под заговорщиками следует понимать Феодору и её окружение.

После кончины супруги Мономах оказался в сложном положении. Право на трон он получил вместе с рукой Зои, поэтому, меняя любовниц, он сохранял ставший формальностью брак. Помня о судьбе Михаила V, он не покушался на сестёр, а вместе с Марией Склиреной всячески задабривал их. Пселл:

*«У сестёр (Зои и Феодоры. — В. Т.) были свои **пристрастия**. У старшей — **к грудам золота**, которое она на держала при себе и не копила сокровищ, а дождём изливала на других, и к индийским ароматическим расте-*

ниям (особенно к деревьям, сохранявшим естественную влагу, карликовым маслинам и лавру с белоснежными плодами). Младшая любила ежедневно получать **тысячи золотых дариков** (архаичным термином Пселл именуется золотые византийские солиды. — В. Т.), которыми она набивала медные ларцы. И вот, одаривая каждую по их вкусу, севаста (Мария Склирена. — В. Т.) **умела угодить обеим**. Дело в том, что первая царица в своём преклонном возрасте уже забыла о ревности и, подточенная временем, не испытывала никакой ненависти и не мучилась завистью к сопернице. Ну а Феодора, получая всё, что хотела, беспокоилась ещё меньше сестры». (27, 87)

Со смертью Зои Мономах лишился в глазах многих права на престол. Теперь всё зависело от того, на кого укажет последняя законная носительница императорской власти — Феодора. Евпрепия же, заручившись поддержкой Феодоры, решила заменить брата на своего родственника. Но тому ещё предстояло силой добаться до трона, и тогда он мог рассчитывать, например, на усыновление Феодорой, как это было в случае с Михаилом V, усыновлённым Зоей.

Подошедшие к Влахернскому дворцу повстанцы вначале обратились к стоявшим на крепостных стенах горожанам и стали призывать их к тому, чтобы они арестовали императора. Далее они должны были обратиться к слушавшим эти речи императору и его спутникам. Но Пселл не стал передавать эти переговоры, так как тогда рассыпалась бы создаваемая им конструкция событий.

Торник обратился к Феодоре с призывом подтвердить ранее данные обещания и сделать своим соправителем его. Но Мономах успел уже к этому времени договориться с Феодорой, почему и вышел к мятежникам в её обществе. После кончины Константина IX единодержавной правительницей стала Феодора. Она не стала подыскивать себе соправителя, потому что боялась утратить власть. Пселл:

*«Она была убеждена, что нет существа забывчивей человека, **воцарившегося с чужой помощью**, что самую **чёрную неблагодарность** проявляют обычно к своим **благодетелям**, и, зная об этом на собственном опыте, опыте прежнего императора и на примере сестры, она никого не хотела возво-*

дить на царский престол, а всем распоряжалась сама и взяла на себя безраздельную полноту власти». (27, 131)

Убеждение Феодоры в неблагодарности всех достигающих императорского трона объясняет причину неудачи Льва Торника. Лев стоял под стенами столицы с сильным войском. Вдобавок во время панического отступления после неудачной вылазки горожане забыли закрыть ворота. Но Торник не воспользовался их оплошностью. Пселл иронизирует:

«Торник, однако, поостерёгся вступить в город, а вернее — понадеялся, что мы сами пригласим его в столицу, введём во дворец в сопровождении царской процессии и ещё понесём перед ним зажжённый факел. Поэтому-то он и отложил до следующего дня вступление в город». (27, 103)

Торник надеялся на обещанную ему Евпрепией поддержку Феодоры. Признание Феодорой его своим соправителем дало бы твёрдые основания для власти. Но такого признания он не дождался. Феодора предпочла оставить соправителем слабого Мономаха, чем становиться игрушкой в руках молодого и честолюбивого Торника и его решительной и властной родственницы. Поэтому с террасы дворца повстанцы слышали отказ Феодоры от союза с Торником, что привело их в замешательство. Тотчас же силой ворваться в город и заставить Феодору признать своё право на престол Торник не решился, а чуть позже ворота захлопнулись. Пселл:

*«С этого момента их дела приняли уже совсем иной оборот. Ненадолго вдохновившись надеждой и, можно сказать, нашей несчастливой судьбой, мятежник **быстро сник и увял**. К стенам города повстанцы больше **не приближались**, но, проведя несколько дней в своём лагере, отправились туда, откуда пришли».* (27, 105)

Предательство Феодоры разом превратило Торника в заурядного бунтаря, так как все его расчёты строились на договорённостях с императрицей. Пселл:

«Не раз уже готовы были они (македонцы. — В. Т.) дерзко начать бунт, но каждый раз неверно выбирали время. И то Торника с ними не было, то им

недоставало благовидного предлога для возмущения. В душах же своих они таили мятежные замыслы. Затем, однако, случилось нечто, что толкнуло их к мятежу и восстанию». (27, 98)

Пселл замалчивает повод, толкнувший Торника к мятежу, так как этим поводом была кончина Зои. Он практически не скрывает своего доноительства, способствовавшего приходу к власти Феодоры, но не хочет, чтобы стала заметна связь между мятежом в пользу Феодоры и собственным посредничеством в сношениях между Евпрепией и Феодорой. Да, он признаёт, что стал союзником Феодоры после смерти Зои, но это случилось, когда мятеж был далеко в прошлом. Пселл был причастен к мятежу и как мог заметал следы своего участия.

Зоя скончалась, прожив 72 года, 13 сентября 1047 года, а в ночь с 13 на 14 сентября заговорщики бежали из столицы, чтобы раздуть пламя восстания.

Царевна Мария

В старших летописях есть запись о рождении у Всеволода Ярославича сына:

*«В лето 6561. У Всеволода родися сын и нарече имя ему **Володимир**, от царицы грекини».* (34, 69)

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях мать Владимира названа «цесарицей». В Никоновской летописи Владимир Всеволодович назван Владимиром Мономахом. (30, 152) В Густынской летописи в статье 1043 года записано:

*«По трех же летех смирися Ярослав со греки и поят **дщерь у Константина Мономаха** царя греческого, за сына своего Всеволода».* (45, 19)

Византийская невеста названа дочерью Константина Мономаха. Свадьба приурочивалась к 6554 году, или 1046 году по «эре – 5508 года».

Владимир Мономах скончался 19 мая 1125 года в возрасте 73 лет. (34, 105) Родился он ранее 20 мая 1052 года, но позднее 20 мая 1051 го-

да. Дата рождения приведена по «эре –5510 года». Всеволод долгое время был переяславским князем, а редкая в русском летописании «эра –5510 года» бытовала как раз в Переяславле. Владимир Мономах родился в конце 1051 или в начале 1052 года. При крещении его называли в честь св. Василия Великого. (318, 16) Мономах был двойным тёзкой со своим знаменитым прадедом. Св. Василий Великий чествуется персонально 1 января и в празднование собора трёх святителей 30 января. Владимир Мономах родился в конце декабря 1051 года или в конце января 1052 года.

Прозвище Владимира было таким же, как и родовое прозвание византийского императора. В Тверской летописи подчеркнута их родственная связь:

*«В лето 6561. Родися Всеволоду Ярославичу сын от царици грекини Манамахи, и наречен бысть Владимир **Манамах**, дедним прозвищем. Бе бо за Всеволодом дщи греческаго царя **Костантина Манамаха**». (35, 151)*

От первого брака Владимир Мономах имел дочь Марию. Так как его мать была высокородной царевной, дочь называли в честь бабушки. Сохранилась печать его матери с изображением апостола Андрея Первозванного и греческой надписью: *«Печать Марии Момахис, благородной архонтиссы»*. Оформление печати Марии имеет большое сходство с оформлением печати её сына Владимира. (45, 17–18) Две буквы: «н» и «о» — из середины прозвания Марии были опущены резчиком печати.

Всеволода называли при крещении в честь апостола Андрея Первозванного. Среди граффити Софийского собора есть поминальная надпись, в которой Всеволод назван Андреем. (6, 18) Апостол Андрей изображён на его печати. (45, 15) Так что Мария поместила на свою печать небесного покровителя мужа.

В синодике Михайловского Выдубицкого монастыря есть запись:

«Помяни Господи в блаженной памяти преставлихся рабов своих блаженных и присно поминаемых ктиторов и создателей святыя обители сея.

Великого князя киевского Всеволода и великую княгиню его царя греческого Константина Мономаха дочь Анастасию и сынов их великого князя киевского Владимира Мономаха, князя Ростислава». (5, 574)

Монастырь был основан Всеволодом Ярославичем. Византийская жена Всеволода здесь названа Анастасией. Татищев под 1111 годом сообщает о кончине второй жены Всеволода Анны, мачехи Владимира, матери Ростислава. Анна была похоронена в киевском Андреевском монастыре. (41, 128) Двойное христианское имя супруги Всеволода могло быть связано с её пострижением. Монашеское имя обычно начиналось на ту же букву, что и мирское имя. В синодике Анна, по пострижении ставшая Анастасией, спутана с Марией. Всеволод скончался ранее Анны, и та, видимо, доживала свой век в фамильном женском Андреевском монастыре. Анна, мать Ростислава, поздними книжниками воспринималась как единственная жена Всеволода, и на неё перешла слава византийской царевны.

Владимир Мономах в своём «Поучении» писал: «...и матью свою Мономахи». (19, 240) Мономахом величал себя и сам Владимир. На его печати по-гречески написано: «Печать Василия, благороднейшего архонта Руси, Мономаха». (45, 16)

Именование Всеволода на его печати не такое пышное, как у его жены и сына: «Господи, помози рабу своему Андрею Свладу». (45, 15) Славянское имя князя передано с ошибкой. При считывании с образца резчик ошибочно внёс надстрочное «с» в начало сокращённого имени «В[с]ладу». Сам Всеволод, судя по тому что не обращал внимания на эту ошибку, по-гречески не читал. В отличие от Всеволода его жена была благородной архонтиссой, а сын имел ещё более пышный титул благороднейшего архонта.

Детьми Всеволода Ярославича и Марии были Владимир Мономах и Янка, названная в честь св. Иоанны, одной из жён-мироносиц. (9, 659) В день памяти жён-мироносиц чествуется несколько святых, среди имён которых находим такие популярные на Руси имена, как Мария и Марфа. Но родители предпочли редкое имя Иоанна. Св. Иоанна

была женой Хузы, домоправителя царя Ирода Великого. Среди жён-мироносиц она была самой знатной и богатой.

Своим детям Мария дала хорошее образование. Владимир Мономах оставил детям своё «Поучение», которое относится к выдающимся памятникам древнерусской письменности. Янка организовала при возглавляемом ею монастыре первое женское учебное заведение на Руси. Татищев:

*«6594 (1086). Всеволод заложил церковь святого **Андрея** при Иоанне Добром, митрополите русском, и построил при церкви оной **монастырь женский**, в котором **постриглась** первая дочь его девица **Анка**. И сия, многи инокини собрав, пребывала в нем во всяком благоговении, молитве, посте и целомудрии, храня жестоко закон монашеский, препровождая время в **чтании книг**.*

*Собравши же **младых девиц** неколико, **обучала писанию**, також ремеслам, пению, швению и иным полезным им знаниям, да от юности навикнут разумети закон Божий и трудолюбие, а любострастие в юности воздержанием умертвят».* (41, 95)

Всеволод построил в Киеве в честь своего небесного покровителя Андреевскую церковь, при которой был устроен женский монастырь. Чествование апостола Андрея Первозванного приходилось на воскресенье в 1085 году. Строительство церкви датировано по осенней «эре – 5508 года» и велось с весны 1086 года. В 1089 году Янка возглавила посольство в Константинополь и привезла на Русь нового митрополита:

«Анка монахиня прежреченая, дочь Всеволода, пошла в Царьград, с нею же отец ея, князь великий, послал к царю знатных послов и патриарха просил о присылке ученого митрополита.

6598 (1090). Возвратилась Анка из Царяграда, и с нею прибыл митрополит Иоан Скопец, которого люди, видя, имяновали мертвецем, зане вельми сух и слаб был, и, пожив един год, умре. Сей же муж был не книжен, умом прост и просторечив. В Цареграде был тогда царь Михаил Комнин». (41, 96)

Летописец ошибся. В это время императором был Алексей Комнин.

При византийском императоре Михаиле VII Дуке Парасинаке в 1073–1074 годах велись переговоры о браке Янки с Константином, братом императора, что свидетельствует о признании знатности дочери Марии. Но этот брак не состоялся. В 1078 году Михаил VII, слепо следовавший советам своего воспитателя Пселла, был из-за этого свергнут, а Константин в 1081 году погиб в битве с норманнами при Диррахии. (9, 660)

Потомки Всеволода и Марии привлекали внимание византийской знати и позднее. Татищев:

*«6612 (1104). Июля в 20 день **Мария**, дочь Владимирова, отпущена в Царьград в супружество за **царевича Леона** сына Алексиева». (41, 124)*

Леон назван сыном Алексея Комнина. Опираясь на военную помощь своего тестя Владимира Мономаха, Леон в 1116 году начал войну с Алексеем Комнином, вынудил его выделить себе удел на Дунае, но вскоре погиб от руки подосланного императором убийцы. (41, 131) По нелетописным данным, второй женой Святополка Изяславича около 1103 года стала Варвара, дочь Алексея Комнина. (9, 564) Обе свадьбы состоялись примерно в одно время.

Двадцатое июля в 1104 году было ничем не примечательной средой, а воскресеньем — в 1102 году. Владимир Мономах княжил в Переяславле, где существовала «эра –5510 года». Перед нами переяславское известие, и Мария была торжественно отправлена в Византию в воскресенье 20 июля 1102 года. Варвара же приехала на Русь, скорее всего, по осени 1102 года.

Практика брачных союзов была продолжена при императоре Иоанне II Комнине, сыне Алексея. Татищев:

*«6630 (1122). Владимир отпустил внуку свою **Добродю**, дочь Мстиславию, в Царьград за **императора Иоанна**. С нею же послал Никиту епископа и других знатных вельмож. И принета была с великою честью». (41, 135)*

Начиная с эпохи великой княгини Ольги Византия, заключая союзы с Русью, в первую очередь интересовалась военной помощью. Надо по-

лагать, что и Комнины своими военными успехами в значительной мере были обязаны отрядам русов.

Мир 1046 года был скреплён браком Всеволода Ярославича с царевной Марией. Византийцы, неохотно выдававшие своих царевен за варваров, пошли на серьёзные уступки Руси. После этого русско-византийские брачные союзы перестали быть редкостью.

В источниках отсутствуют упоминания о детях Константина IX. Между тем его жизнь была на виду и подробно описана историками.

У Мономаха было две сестры. Елена скончалась ранее своего брата. Пселл:

«Когда в глубокой старости ушла из жизни Зоя, сердце Константина наполнилось такой скорбью, что он не только оплакивал умершую, орошал слезами её могилу и молил небо смиростивиться над покойной царицей, но захотел воздать ей и божественные почести...

Так он относился к царице. Что же касается сестры Елены, то царь почти и не заметил её смерти и его не трогало, когда кто-нибудь упоминал об её уходе из этого мира. Да если бы и другой его сестре, о которой я уже упоминал, случилось умереть до него, Константин бы и глазом не повёл». (27, 125)

Уход из жизни нелюбимой сестры не опечалил Мономаха. Случилось это вскоре после кончины Зои, иначе на столь большую разницу в поведении императора не обратили бы внимания. Младшая сестра Елены Евпрепия, судя по тому что она интриговала в пользу Льва Торника, была не замужем и до конца правления брата находилась в ссылке. Из семейства Мономахов супругой русского князя могла стать только неизвестная византийским писателям дочь малозаметной Елены.

Поделив после поражения мятежа Льва Торника власть с Константином IX, Феодора была заинтересована в укреплении отношений с русами, на помощь которых могла полагаться. Дочерей у императора не было. Но и обманывать хорошо информированного через своих соотечественников Ярослава Мудрого никто бы не стал. Это значит, что за Всеволода выдали племянницу Мономаха, которую тот удочерил после смерти её матери Елены.

Алексей Комнин также не был обделён вниманием историков. Анна, дочь Алексея, посвятила ему обширное сочинение. У Алексея было три сына и четыре дочери, но Леон и Варвара среди них неизвестны. (1, 627) Как и в случае с Марией, они были его более дальними родственниками. Алексей имел четырёх братьев и трёх сестёр и соответственно многочисленных племянников. (1, 463) Жениха и невесту следует искать среди этих племянников.

Будучи равнодушным к судьбе Елены, вряд ли Мономах сильно беспокоился за судьбу отправляемой в варварскую страну племянницы. Выдача её на Русь делала бы более стабильной военную помощь признательных варваров, тогда как в случае свадьбы с византийцем возвысившийся супруг рано или поздно стал бы опорой заговорщиков. Напуганному заговором собственных родственников Константину IX было выгоднее отправить сироту как можно дальше от столицы. Ещё большее желание спровадить молоденькую племянницу любвеобильного императора должно было быть у аланской царевны. Так что придворная обстановка благоприятствовала браку Марии с иноземцем.

Учитывая время рождения Владимира Мономаха, свадьба его родителей произошла в период с 1046 года по весну 1051 года. Условия для династического брака стали складываться после кончины императрицы Зои, которая привела к большим политическим переменам. Пселл:

«Пока царица Зоя была жива, он (Константин IX Мономах. — В. Т.) не очень-то проявлял свои чувства (к аланской царевне. — В. Т.), предпочитая таиться и скрывать их, но, когда Зоя умерла, он раздул пламя любви, распалил страсть и разве что не соорудил брачный чертог и не ввёл туда возлюбленную как жену. Преображение этой женщины было мгновенным и удивительным. Её голову увенчало невиданное украшение, шея засверкала золотом, руки обвили змейки золотых браслетов, на ушах повисли тяжёлые жемчужины, и золотая цепь с жемчугами украсили и расцвели её пояс. И была она настоящим Протеем, меняющим свой облик.

Хотел Константин и увенчать её царской короной, но **опасался** двух вещей: закона, ограничивающего число браков, и **царицы Феодоры**, которая не стала бы терпеть такого бремена и не согласилась бы одновременно быть

и царицей, и подданной. Поэтому-то он и не сподобил возлюбленную царских отличий, однако удостоил звания, нарёк севастой, определил ей царскую стражу, распахнул настежь двери её желаний и излил на неё текущие золотом реки, потоки изобилия и целые моря роскоши.

*И снова всё расточалось и проматывалось. Часть растрачивалась в стенах города, часть отправлялась к варварам. И впервые тогда **аланская земля наводнилась богатствами** из нашего Рима, ибо одни за другим непрерывно приходили и уходили гружёные суда, увозя ценности, коими издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство». (27, 117)*

После смерти Зои влияние при дворе аланской царевны резко возросло. Через какое-то время был отправлен в отставку всесильный временщик, друг и покровитель Пселла Константин Лихуд. Если Лихуда Пселл называет «*благородным и отменной учёности мужем*», то его преемника логофета Иоанна — «*простецким и глупым мальчишкой*», взятым «*из трущоб и уличных перекрёстков*». (27, 123) Иоанн был врагом Пселла. Кроме Лихуда в опалу попали и другие ближайшие друзья Пселла — Иоанн Мавропод и Иоанн Ксифилин. При дворе шла острая борьба за власть.

Дольше всех продержался изворотливый Пселл. Но в конце концов должен был удалиться в монастырь и он. Естественно, что уход в монашество свой и своих друзей он объяснял совсем другими причинами и трогательно описывал уговоры императора не покидать его. Талантливый сочинитель, он был способен и не на такие истории.

Если в начале царствования Мономаха победила группировка, в которую входил Пселл, то в конце его опальные царедворцы возвращались и теснили вчерашних фаворитов. Отсюда пространные стенания Пселла.

Начиная с января 1048 года русы чествовались в качестве спасителей от мятежа и победителей армянского царства. Обстановка для заключения брачного союза стала благоприятной.

Желающих сменить Мономаха на троне было немало. Пселл называет двоих таких злоумышленников из числа своих недругов. Шут Роман Воила был одним из них. Романа сослали ещё при Евпрепии, но потом

вернули. Второго Пселл именует спесивым варваром. Были и другие. Пселл:

«Это и стало причиной несчастий, из которых я расскажу об одном или двух, а об остальных предоставлю догадаться самим читателям». (27, 109)

Догадаться нетрудно. Сетуя на обрушившиеся бедствия, Пселл основную вину возлагает на проникших во власть варваров:

«И действительно, у нас можно найти множество людей, недавно скинувших овчины, правят же нами часто те, кого мы купили у варваров, а командовать огромными войсками доверяется не Периклам и Фемистоклам, а презренным Спартакам». (27, 109–110)

Вождь восстания древнеримских рабов Спартак был фракийцем. Ходящие в овчинах — также вполне узнаваемый образ варваров. Варвары пришли к государственному управлению и командованию византийской армией. Присмотримся к спесивому варвару. Пселл:

«И вот нашёлся в наше время некий подонок из варваров, спесью своей затмивший любого ромея, вознёсшийся так высоко, что по свойственной дерзости силе даже колотил будущих императоров, а после прихода их к власти хвастался этим и, показывая свою правую руку, говорил: "Ею я нередко задавал трёпку ромейским царям". Потрясённый такими речами, не в силах вынести оскорбительных слов, я как-то раз своими руками чуть было не задушил спесивого варвара.

Незадолго до того отвратительная грязь этого человека замарала благородство нашего синклита. В прошлом слуга самодержца, он затем прокрался в число вельможных лиц и был причислен к высшему сословию. Как уже говорилось, он был рода неизвестного, а иными словами — самого низкого и подлого. Однако, отведав сладкой влаги ромейских ключей, этот купленный за деньги раб решил, что он будет не он, если не овладеет и самим источником и не сделается царём над благородными ромеями...

Позже на допросе он открыл свой тайный план и сообщил, что собирался наброситься на спящего царя, убить его мечом, который прятал на груди, и присвоить себе власть. (27, 111–112)

Варвар-силач мог колотить будущих императоров, только будучи слугой Романа III. Во время правления этого императора красавчик Михаил Пафлагон по ночам частенько пробирался в покои Зои. Роман делал вид, что ничего не замечает, но, судя по этому рассказу, охрана императорского дворца по его приказу поколачивала любовника императрицы. Михаил Калафат вполне мог посещать своего дядю Пафлагона и жившего в этом же дворце своего другого дядю — всесильного временщика Иоанна Орфанотрофа.

Дворцовая охрана при Романе III состояла из русов. После замирения с Русью гвардейцы-русы вернулись в императорский дворец, и Пселл услышал новую для себя байку о стародавних событиях. Бывший слуга, то есть рядовой воин, за эти годы сделал карьеру и вошёл в состав синклита — византийского сената. Перед нами командир императорских гвардейцев. Этот купленный за деньги раб тождественен упоминавшемуся ранее по тексту купленному варвару, командующему огромным войском.

В рассказе о более раннем заговоре Романа Воилы есть такие строки:

*«План казался легкоосуществимым. Он не только рассчитывал без труда **убить самодержца** (у него были ключи от самых потаённых дверей, и всё открывалось и затворялось по его желанию), но ещё и возомнил, будто того желают и многие другие. Ведь при нём кормилось немало льстецов, а один человек **из его окружения**, имевший на него огромное влияние, был **начальник наёмных отрядов**».* (27, 114)

В начальнике наёмных отрядов узнаётся ставший сенатором русский полководец. Если при Романе рус ещё только входил в окружение злоумышленника, то позднее сам стал посягать на жизнь императора и императорскую корону. Вряд ли Пселл, за всю жизнь не державший в руках ничего тяжелее писчих принадлежностей, справился бы с могучим вождём русских отрядов. Но желание задушить собственными руками иноземного богатыря говорит о накале придворной борьбы. Во время царствования Константина IX русы были среди политических

противников Пселла, которых он до беспамятства ненавидел, и поэтому сведения о них были им преднамеренно искажены.

Восстание Льва Торника прервало армянский поход византийской армии, поэтому покорение Армении было завершено в следующем году. Встречающиеся даты покорения армянского царства в 1045–1046 годах появились из-за двухгодичной разницы в армянских эрах. Армения была захвачена в 1047–1048 годах. Войска после её окончательного присоединения вернулись в Константинополь не ранее осени 1048 года. Императорской гвардией командовал великий этериарх Константин, которого и следует отождествить с анонимным варварским вождём-заговорщиком Пселла. После триумфа руководителей похода наградили, а Константина ввели в синклит.

Заговор имел шанс на успех вскоре после триумфа, когда слава победителей Торника и армян ещё не успела поблекнуть. Так что Константин, скорее всего, пострадал в конце 1048 года. Заговор спесивого варвара Пселл описывает так:

*«Забрав себе такое в голову, негодяй увидел в **незащищённости самодержца** счастливую возможность для осуществления своих намерений. Никому из благородных людей он ничего не сообщил о замысле, чем облегчил себе достижение цели.*

*Как-то раз, когда самодержец шёл в процессии из театра во дворец, он **смешался с толпой** замыкающих шествие **стражников**, проник внутрь дворцовых покоев и расположился в засаде где-то рядом с кухней. Все, кто видели его, думали, что он находится там по царскому повелению, и потому никто не прогонял его из дворца. Позже на допросе он открыл свой тайный план и сообщил, что собирался наброситься на спящего царя, убить его **мечом**, который **прятал на груди**, и присвоить себе власть.*

*Таково было его намерение, и, когда царь заснул и, как я уже говорил, лежал совершенно беззащитный, наглец приступил к делу. Но едва сделал несколько шагов, как **сознание его помутилось**, голова пошла кругом, он начал **метаться** в разные стороны и был схвачен». (27, 110)*

Оказывается, варвары запросто, идя рядом с простоватой охраной, проникали в императорский дворец и спокойно слонялись близ цар-

ской спальни. Рассказ мог казаться правдоподобным только тем слушателям, кто знал, что неизвестный варвар был начальником императорской гвардии и потому-то легко мог попасть во дворец в рядах своих гвардейцев, а в качестве руководителя личных телохранителей императора пребывать близ его покоев.

Начальнику гвардии, командовавшему охраной дворца, незачем было пристраиваться к охранникам и прятать меч, тем более что длинный русский меч на груди было не утаить. В случае заговора великий этериарх с помощью русов захватил бы дворец и сделал с его обитателями всё, что захотел. Явно фантастичная сцена того, как у руса помутилась голова и он стал метаться по дворцу, скрывает реальный ход событий.

Простодушный рус не стеснялся в выражениях по поводу некогда правивших императоров. Можно не сомневаться, что враждебная ему группировка, к которой принадлежал Пселл, доводила до сведения Константина IX все его неосторожные высказывания, в том числе и о самом не обладавшем особыми полководческими способностями Мономахе, с подобающими комментариями. Вызванные завистью и страхом наговоры на полководца усилились после его возвышения. Как это обычно бывало при византийском дворе, в доброжелателях, предупреждавших императора об опасности, которую представляет для него любой победоносный полководец, недостатка не было. Великий этериарх Константин пал в результате интриг.

Другой анонимный заговорщик, под которым скрывается Роман Воила, также выведен Пселлом телохранителем царя:

*«И царь создал этого человека, вернее — **сотворил** его **из** настоящего праха и с уличного перекрёстка сразу поместил на оси Ромейской державы, уготовил ему **почётные должности**, поставил **среди первых людей**, открыл ему доступ куда угодно и сделал своим **главным телохранителем**. А тот, со свойственной ему бесцеремонностью, приходил к самодержцу не в положенные часы, а когда только заблагорассудится».* (27, 112)

Роман Воила был придворным шутом и, несмотря на уверения Пселла, не мог быть введён в состав синклита. Не мог он быть и глав-

ным телохранителем. О начальнике наёмных отрядов, отвечавшем за царскую охрану, говорится, что тот имел на Романа «огромное влияние». Великий этериарх Константин мог быть близок с императорским любимцем, но рангом был значительно выше и до своего возведения в синклитики. Константин был главным телохранителем императора, мог сам, проверяя посты, приходить к спальне императора в любое время, и от него зависел допуск в спальню придворного шута.

Пселл перенёс некоторые черты великого этериарха на более позднего заговорщика. Этим хронист хотел нагнать жути на последующих императоров. Два главных телохранителя — один варвар, другой друг варваров — злоумышляли на жизнь императора. Но он не хотел навсегда изгнать русов из императорского дворца, а преследовал более практическую цель.

Пселл искусственно отнёс заговор великого этериарха Константина ко времени более раннему, нежели заговор Романа Воилы. На самом же деле первый пострадал на два года позднее второго. Заговору великого этериарха он посвятил целую довольно пространную главу, подкрепив выдуманные злоумышления руса более правдоподобными злоумышлениями шута. Уж больно сомнительно даже в изложении явно пристрастного Пселла выглядит полководец-заговорщик.

Пселл, не желая ссориться со служившими при византийском дворе русами, скрыл факты жестокостей над пленными 1043 года. Но в отношении спесивого варвара не удержался и живописал его истязания:

*«Царь сразу же пробудился, стражи к тому времени уже собрались и с пристрастием допрашивали варвара, пришёл в ужас от этой дерзости и, естественно, огорчился, что такой человек смог поднять руку на самого царя. Он тут же велел связать его, а на завтра **сам стал** пристрастнейшим образом **выспрашивать** у него обстоятельства преступления и выяснять, нет ли у него сообщников в заговоре, не подстрекал ли его кто-нибудь к этому делу, не подталкивал ли к столь великой дерзости.*

*Ничего вразумительного на эти расспросы преступник ответить не мог и был **подвергнут жестоким пыткам**: голого его вздёргнули за левую ногу на дыбе и бичевали до полусмерти. **Не вынеся**, как я полагаю, **мучений**, он на-*

звал сообщниками некоторых вельможных лиц. И вот честные, преданные люди стали жертвой безумного замысла. Но время в дальнейшем причислило его к самым презренным, а пострадавшим восстановило их доброе имя».
(27, 112)

Детальное знание хода допроса выдаёт в Пселле очевидца. В застенке он выполнял привычную для себя роль секретаря и записывал показания обвиняемого. Под пытками были вырваны нужные палачам признания, которые позднее были признаны недостоверными. Инициатива в расследовании заговора, а следовательно, и в проведении пыток предусмотрительным Пселлом была возложена на императора. Между тем такое поведение Мономаха противоречит характеристике, какую даёт ему Пселл:

«Немало людей злоумышляло против Константина, кое-кто даже заносил над его головой меч, но царь неизменно предпочитал замять дело и вести себя с заговорщиками как ни в чём не бывало, будто он ни о чём не имеет никакого понятия, а иногда тут же забывал об их бесстыдстве. Когда же приближённые к его престолу, которым было не отказано в праве свободного суждения, старались возбудить в царе гнев и утверждали, что он погубит себя, если не защитится от заговорщиков, то он выказывал большие интересы к собственному триумфу, чем к наказанию виновных. Он назначал судей, как красноречивый оратор растекался потоком слов и громогласно обличал дерзость заговорщиков, но стоило ему заметить на их глазах страх, как он завершал речь коротким оправданием, которое к тому же перемежал шутками, и сразу же освобождал подсудимых от всякого наказания».
(27, 120)

В тех, кто старался возбудить накануне триумфа гнев царя, угадываются сам Пселл и его сообщники. Вскоре после триумфа по случаю победы над Арменией пострадал великий этериарх Константин. Недоброжелатели начали строить против него козни ещё до триумфа, но не смогли склонить на свою сторону императора. Тогда после триумфа полководца заманили в какую-то западню и пытками вырвали ложные признания.

Обращает на себя внимание старательность в очернении варвара, который при этом выставляется совершенно никчёмным человеком. Пселл не только сооружает сложную конструкцию специальной главы, но и предваряет её пространными рассуждениями о дурной привычке Мономаха пренебрегать собственной безопасностью. Убийство полководца выдается за подвиг по спасению жизни императора.

После опалы великого этериарха Константина военные успехи византийцев прекратились. Только однажды за всё время последующего царствования Мономаха им удалось успешно противостоять врагу. В 1051 году Михаил Аколуф на северных рубежах империи отразил печенежский набег, но через два года потерпел от них сокрушительное поражение. (7, 219) Окружение Мономаха не смогло выставить ни одного талантливого полководца. Варварских же воевод пример великого этериарха отучил добывать победы империи, жертвуя собственной головой.

Успешное завершение интриги против великого этериарха Константина обернулось для Византии резким падением её военной мощи. За это Пселл и его сообщники подверглись резкой критике со стороны византийских патриотов. Вот эти-то обвинения в пренебрежении благом родины в угоду своим низменным интересам и пытался нейтрализовать талантливый писатель Пселл, сочиняя страстный и полный литературных достоинств рассказ о заговоре против императора этериарха Константина.

В целом всё большое историческое сочинение Пселла представляет собой набор самооправданий и самовосхвалений этого циничного придворного интригана. Накопив опыт в воспевании сильных мира сего, Пселл не удержался и составил своего рода хвалебную песнь и себе любимому. Но так как, несмотря на бесконечные намёки на свой исключительный ум, интеллект он имел посредственный, из засорённых лживыми домыслами рассказов можно извлечь уникальные сведения о событиях того времени. «Хронография» Пселла является ценнейшим историческим источником, но пользоваться им нужно осторожно.

Под пыткой полководец выдал имена причастных к заговору знатных людей. Интриганы метили в оппозицию, естественным центром

притяжения которой в то время была императрица Феодора. Позднее пострадавших оправдали. Сменившая Мономаха Феодора была тесно связана с придворными варварами-иноземцами и пришла к власти благодаря поддержке русских гвардейцев. Пселл:

«Потеряв всякую надежду на жизнь, как только что принесённая жертва, Константин лежал в предсмертных муках. В думах о власти он обошёл Феодору и, скрывая от неё свои намерения, в тайне подыскивал себе другого преемника. Однако утаить эти замыслы было нельзя. Феодоре доложили о его планах, и она без промедления вместе с первыми людьми из свиты села на царский корабль и, словно бежав от бури, приплыла в царский дворец. Там она заручилась поддержкой всей царской стражи, ибо пурпурные пелёнки, кротость души и пережитые муки служили для людей неотразимыми доводами в её пользу». (27, 131)

Феодора жила отдельно от Мономаха, так как приехала к умирающему императору в Большой дворец, расположенный в центральной части города, по морю. Это значит, что со времён восстания Торника её резиденцией был Влахернский дворец. Это устраивало обе стороны. В Большом дворце хозяйничала царица аланка, а во Влахернском дворце госпожой была Феодора.

Русы ориентировались на Феодору ещё со времён её возведения на престол. Желая подорвать возможности Феодоры к сопротивлению, Мономах с согласия Зои выселил в 1043 году русов из столицы.

На севере от Константинополя на берегу Золотого Рога находилось предместье св. Маманта, названное по расположенному в нём монастырю. (17, 111) Здесь был загородный императорский дворец, в котором в своё время убили императора Михаила III. (33, 90) Там же находилось крупное подворье, в котором зимой размещались войска, а летом — приезжавшие для торговли русские купцы. (32, 605) О проживании этих купцов у «святого Мамы» говорится уже в самом раннем из сохранившихся русско-византийских договоров Олега Вещего. (34, 20) Влахернский дворец располагался рядом, так что традиционные сторонники Феодоры всегда были под рукой.

У великого этериарха Константина с Феодорой должны были быть хорошие отношения. На этом и сыграли придворные сплетники, намереваясь повторить репрессии 1042 года. Но полного успеха они не достигли. Удалось погубить полководца, но остальные русы не пострадали. Причём интрига относилась к постыдным деяниям византийского двора, о чём свидетельствуют отсутствие известий о ней у информированного и подробного Скилицы и зашифровывание сведений Пселлом. Историки попытались скрыть факт расправы над полководцем.

Воцарившаяся после смерти Мономаха Феодора милостиво отнеслась ко всем пострадавшим от клеветы в 1048 году. Переметнувшийся к этому времени на её сторону Пселл восхвалял этих вновь вошедших в силу сторонников императрицы, назвав их честными и преданными. Судя по его рассказу, полководца к этому времени уже не было в живых. Похоже, что руса забили в византийских застенках во время пыток, иначе влиятельной русской партии удалось бы выпросить ему прощение у слабовольного и отходчивого императора.

Опала полководца-руса не привела к разрыву русско-византийских отношений. Но она должна была их на какое-то время охладить. Свадьба Всеволода и Марии состоялась ранее раскрытия заговора Константина. По византийским данным, наиболее вероятное время свадьбы — 1048 год. Сообщение Густынской летописи о времени свадьбы основано на дате с «эрой – 5506 года».

В Новгороде в 1049 году в день памяти императора Константина I Великого и матери его Елены был заложен Софийский собор. Название собора и день его заложения носят подчеркнуто провизантийский характер. Между тем именно новгородцы больше всех пострадали в походе на Византию 1043 года. Им, правда, позволили разграбить Херсонес, что загладило горечь потери новгородских воинов под Варной.

Имена византийских святых совпадают с именами правившего императора и его сестры, матери царевны Марии. Выбор праздника демонстрирует любовь и почтение к Мономаху, несмотря на трагедию 1043 года. Это может служить косвенным указанием на свершённость бракосочетания с византийской царевной.

Иларион в своём «Слове о законе и благодати» редакции 1049 года писал относительно освящения 26 марта этого же года Благовещенской церкви на киевских Золотых воротах:

*«Да еже **целование** архангел даст **девици** будет и граду сему. К онои бо **радуися** обрадованая Господь с тобою, к граду же **радуися** благовернии **граде** Господь с тобою».* (28, 97–98)

Радостный мотив благовестия и характер праздника, связанный с зачатием Христа, соответствует свадебным торжествам, последующему зачатию и рождению первенца у молодой четы. Так что косвенные указания русских источников подтверждают время свадьбы не позднее марта 1049 года.

Высказывание Илариона говорит о том, что первенец Всеволода и Марии появился не позднее 1049 года. Родившийся спустя два года Владимир Мономах был вторым ребенком в семье, а первенцем — Иоанна-Янка. Память жён-мироносиц отмечается в третье воскресенье по Пасхе. В 1049 году Пасха приходилась на 26 марта, а праздник жён-мироносиц — на 16 апреля. Иоанна родилась в первой половине апреля 1049 года и была зачата в первой половине июля 1048 года.

В церковных преданиях есть рассказ о том, что Константин Мономах благословил свою дочь на брак с Всеволодом Ярославичем иконой Одигитрии, которая была привезена на Русь и позднее стала известна как Богородица Смоленская. Согласно святцам, произошло это 28 июля 1046 года. (38, 290)

Двадцать восьмое июля в 1046 году было понедельником, в 1048 году — четвергом. Четверг — русский день свадеб. Дата свадьбы в исходном для предания рассказе была приведена по «эре –5506 года». Наблюдается нестыковка в две-три недели. Примирить данные предположением, что в сообщение вкралась ошибка и июнь ошибочно был заменён на июль, нельзя. В 1046 году 28 июня было субботой, в 1048 году — вторником. К тому же существовала достаточно древняя и распространенная традиция чествования разных списков Богородицы Смоленской 28 июля. (37, 227–228) Получается, что сожительство Всеволода Ярославича и Марии началось за несколько дней до их свадьбы, видимо

после обручения, которое состоялось после приезда русов в столицу в традиционном для русских военных предприятий июне.

Под 6712 (1204) годом в Софийской первой летописи помещён рассказ о захвате и осквернении Константинополя католиками. К нему присоединено сказание об Одигитрии:

«О иконе пречистой Одиогитрии в Цареграде. Одиогитрии икона святеи Богородицы, сию же икону списа Лука еуангелист, и износят ю в всякый вторник на манастирь, чюдеса створяет и до сего дни и исцеления, иже верою приходящих». (39, 259)

Одигитрия пребывала во Влахернском монастыре. Культ византийской Одигитрии для русов отождествлялся прежде всего со Влахернами. Тридцать первого июля отмечается праздник освящения храма Богородицы во Влахернах. В 1048 году 31 июля было воскресеньем, ближайшим к свадебному 28 июля. Свадебные торжества включали в себя обычаи двух стран и продолжались с четверга по воскресенье. Список Одигитрии был вручён по знаменательному поводу, так как свадьба проходила под сенью богородичного празднества.

В июне 1048 года в Константинополь прибыло русское войско, а в июле произошла свадьба. В обмен на военную помощь византийцы выдали Марию за русского князя.

Улучшение отношений сказалось на судьбе русского монастыря Богородицы Ксилургу на Афоне. В мае 1048 года на Афон пришёл императорский указ, согласно которому были восстановлены ранее разрушенные пристань и склады монастыря. В преддверии свадьбы Константин IX удовлетворил просьбы русских монахов.

Дата рождения Иоанны Всеволодовны позволяет уточнить дату рождения Владимира Мономаха. Он мог появиться на свет не ранее первой половины января 1052 года, поэтому крестили его на праздник трёх святителей, а родился он в конце января 1052 года.

Татищев привёл известие о кончине супруги Всеволода в статье 6575 года:

«В то же время преставилась княгиня Всеволода Ярославича, дочь царя Константина Мономаха». (41, 85)

В старших летописях о рождении у Всеволода сына Ростислава говорится в статье 6578 года перед сообщением о заложении церкви святого Михаила в Выдубицком монастыре. (19, 174) Князя с именем *Ростислав* часто носили крестильное имя *Михаил*. (9, 539–545) Заложение Михайловской церкви в семейном Выдубицком монастыре следует связать с рождением Ростислава, крещённого в честь Михаила Архангела. Строительство велось уже при Анне, которая после похорон здесь своего сына Ростислава продолжала заботиться о монастыре. Поэтому её имя и закрепилось в памяти местных монахов.

По «эре –5508 года» рождение Ростислава выпадает на 1070 год. Совершеннолетним он в этом случае стал в 1088 году. Но уже в 1086 году князь участвовал в военном походе на половцев. (9, 536) Ростислав родился в Переяславле, и, чтобы примирить известия, рождение его следует отнести к 1068 году и датировать по «эре –5510 года». Второй брак его отца был заключён не позднее 1067 года. Мария скончалась в 1065 году, а дата её смерти также имеет «эру –5510 года».

Со смертью Марии в глазах византийцев основания для владения русами Херсонесом исчезли. В феврале 1066 года Всеволод Ярославич во главе переяславской армии терпит поражение от половцев, а в сентябре 1067 года подвергается разгрому армия великого князя Изяслава Ярославича, что приводит к его изгнанию. Мощный половецкий натиск на Русь следует связать с происками Византии, стремившейся нейтрализовать русов, для того чтобы освободить от их владычества Херсонес. Эта политика оказалась успешной, и в январе 1068 года Херсонесом уже правит византийский наместник в звании катепана. Катепан проводил антирусскую политику, отравив тмутараканского князя Ростислава Владимировича.

Возведение на престол

В Никоновской летописи в рассказе о начале великого княжения Владимира Мономаха есть легенда о дарах Константина Мономаха:

*«Того же лета нача **Владимер** советовати с бояры своими, хотя **ити на Царьград**. Отвещаша ему бояры его: "Сердце царево в Божией руце,*

а мы есмя в твоей руке". И князь велики совокупив войско, отпуцаше воевод своих **на Фракию Царяграда**, и плениша ю довольно и возвратишася здрави восвояси.

Тогда же бе во Цариграде царь **Костянтин Манамах**, а в то время имея брань с П[е]рсы и с Латынею. И посла царь Константин к великому князю Владимиру Неофита, митрополита Ефесскаго, и с ним два епископа Митилинска и Милитинска, и стратига Антиохийска, и агустолия Александрийска, игемона Иерусалимска Еустафья, и посылает с ними к великому князю крест от животворящего древа, и с нем от своего главы **венец царьский**, иже именуется **Манамахова шапка**, и крабицу сердоликову, из нея же Август, царь римский, веселяшеся, и чепи златыя и иные многие **царьские дары**.

И приде Неофит митрополит и с епископы к великому князю Владимиру, и нача молити от царя великого князя: "Просит царь от твоего благородия мира и любве, да церкви Божия без мятежа будут и все православие в покои пребудет, под сущю властью нашего царства и твоего великого самодержавства Великия Руси, да нарицаешися отселе боговенчаный царь". **Венчан** сим **царским венцом** рукою святейшаго митрополита кир Неофита и с епископы, и от того времени князь велики **Владимир Всеволодич наречен Манамах** и **царь** Великия Русия, и пребысть с царем Константином прочая времена в мире и любве.

И оттоле тем царским венцом **венчаются** вси **великие князи Владимирские**, егда ставятся на великое княжение». (30, 144)

В эпоху Константина IX русы воевали с византийцами во Фракии, современной Болгарии, только в 1043 году. В начале рассказа узнаются события сентября 1043 года в районе Варны. Чувствуется влияние какого-то византийского сочинения. Византийцы в отличие от русских писателей часто именовали фракийцами болгар. Владимир Мономах стал великим князем через много лет после смерти Константина IX Мономаха и к его биографии присоединены деяния Владимира Ярославича.

Легенда о дарах Константина Мономаха связана с так называемой Шапкой Мономаха, сохранившейся до наших дней. Шапку Мономаха вместо короны носили московские великие князья и цари. Изготовлена

она была среднеазиатскими мастерами в XIV веке. Шапка в целом конусообразной формы, украшена золотой филигранью, драгоценными камнями, соболиной опушкой. Верх её венчает крест. Византийские императоры XI века, включая Константина IX Мономаха, имели драгоценные головные уборы в виде украшенных драгоценными камнями диадем, увенчанных крестом. меховой опушки у них не было. Так что шапка Мономаха имеет только отдалённое сходство с подлинной короной Константина IX.

Создатели легенды пренебрегли сведениями старших летописей о том, что Владимир Мономах был внуком Константина Мономаха. Они опирались на какой-то иной источник, в котором причиной венчания названы не родственные связи, а военные успехи Руси и нужда Византии в военной помощи против внешних врагов.

Недостоверны сведения о составе византийского посольства. Александрия и Иерусалим не входили в число византийских владений, и их жители не могли участвовать в посольстве. В результате описки раздвоилось первоначальное упоминание о епископе Мелитинском, или Митиленском. В разных списках он стал именоваться по-разному, а поздний сводчик свёл этих двух литературных епископов в один рассказ. Среди эфесских митрополитов Неофит неизвестен.

Митилина находилась на острове Лесбос, Мелитина, современная турецкая Малатья, — близ верховий Евфрата. Лесбос был более известен русским книжникам, нежели лежащая далеко на востоке Мелитина. К тому же во время формирования легенды Мелитина была во владении мусульман. Поэтому исправляли название канувшей в неизвестность Мелитины.

Мелитина слишком удалена от Эфеса, чтобы их представители попали в состав одного посольства. К югу от Мелитины по другую сторону Евфрата находился крупный город и центр области Эдесса, современная турецкая Урфа. Название *Эдесса* созвучно названию *Эфес*. В 1031 году Эдесса была отвоёвана Георгием Маниаком у мусульман, но в конце XI века попала под турецкое владычество. Ко времени создания легенды она также выпала из поля зрения православных книжников,

и её заменили на более известный Эфес. Он был окончательно захвачен турками только в 1391 году.

Если мы отбросим явно недостоверные Александрию и Иерусалим, то получим ряд сирийских городов — Антиохию, Мелитину и Эдессу. В источнике, который лёг в основу легенды, говорилось о Неофите, митрополите Эдессы. От остальных участников посольства сохранилось только имя *Евстафий*.

Легенда была создана после монгольского завоевания, когда на развалинах Киевской Руси возникла Владимирская Русь, но до централизации Руси под главенством Москвы, так как в ней упоминаются великие князья владимирские и ничего не говорится о Москве.

Шапкой Мономаха венчали московских великих князей. Время её изготовления ведёт нас в XIV век, когда за первенство на Руси боролись правители Москвы и Твери. Будучи Рюриковичами, соперники были равными по знатности. Регалии византийских императоров давали преимущества москвичам.

Тверские книжники были не менее начитанными, чем московские. Легенда могла иметь значение в обосновании претензий московских князей на первенство только в случае, если опиралась на какую-то достоверную традицию, хотя и несколько подправленную под злободневные политические нужды. Сквозь наслоение случайных искажений подлинные события проглядываются и в ином изводе легенды, содержащемся в «Сказании о Вавилонском царстве»:

*«В то же время... посла **вои** своя множество князь **Владимир**... киевский на **Царьград** множество. Царь Василий, виде воя сильные Владимирова, убо-
яся их. И посла **царь Василий** к великому князю **Владимиру** посла своего с
миром, а с ним посла дары великие и ту **сердаликову крабицу** со всем **виссом**
царским, и от того часа прослыша великий князь Владимир киевский **Моно-**
махом, иже есть взятии **от Вавилона**». (4, 97–98)*

Здесь с Владимиром Мономахом отождествляется Владимир Святой, помогавший императору Василию II Болгаробойце справиться с мятежниками. Висом, или виссоном, называли драгоценные тка-

ни красного цвета. (10, 118) Из таких тканей шили императорскую одежду.

Красный царский наряд лежал в сердоликовой шкатулке, как и в легенде о дарах Константина Мономаха, и происходил из Вавилона. Упоминание Вавилона вновь говорит о византийском влиянии. Вавилоном византийцы называли столичный Дамаск или иные мусульманские столичные города Сирии, а также саму территорию Сирии. В третьей четверти XI века Мелитина, Эдесса и Антиохия отошли к мусульманам и стали восприниматься византийцами как лежащие «в Вавилоне». Так что и второй извод легенды ведёт нас на восток.

После убийства великого этериарха Константина период короткого сближения Руси и Византии сменился охлаждением отношений. Об этом свидетельствует обстоятельства избрания Илариона в 1053 году в митрополиты без согласия патриарха. Русы при этом остерегались греческой «вражды и лукавства», в которых узнаётся подлая интрига против русского полководца. Сам же Иларион продолжал развивать свои антивизантийские идеи. Ситуация изменилась после кончины Константина IX Мономаха 11 января 1055 года.

При Феодоре варварская придворная группировка победила. Пселл:

*«После смерти Мономаха **царство перешло к** дочери Константина **Феодоре**. При этом все ожидали, что она **вручит власть** какому-нибудь благородному и способному повелевать мужу, однако вопреки всем мнениям и предположениям Феодора взяла самодержавное правление над ромеями в свои руки... Укрепляли же её в этом решении **слуги и домашние**, все люди **опытные в царских делах**, знатоки государственного управления».* (27, 131)

Опытные в царских делах сотрудники Феодоры — уже известные нам варвары-евнухи Василия II и Константина VIII. Скилица и Атталиат также сообщают о том, что императрица возвела на высшие государственные посты своих евнухов и управляла через них.

Фактическим правителем государства стал протосинкел Лев Параспондил, который происходил из знатного рода и был приближённым Михаила IV. Иоанн Скилица считал Льва многоопытным государственным мужем, а Михаил Атталиат — человеком разумным и опытным, ко-

торый ввёл строгий порядок в государственные дела. (27, 286) Пселл, признавая некоторые достоинства нового временщика, не жалеет сил для его очернения, хотя во время правления Льва не щадил себя, сочиня в честь него хвалебные произведения. (27, 286) Причина клеветы на временщика ясна. Пселл:

«К самодержцу, своему предшественнику (Константину IX Мономаху. — В. Т.), она (Феодора. — В. Т.) продолжала с почтением относиться даже после его кончины, помнила о его добрых делах и не хотела пренебречь ни одним из принятых им решений. Тем не менее своей цели она не достигла, и почти всё, чего он добился, пошло прахом.

Причина же заключалась в том, что человек, которому было доверено управление государством (Лев Параспондил. — В. Т.), я только недавно о нём рассказывал, никаких высоких должностей от предшественника Феодоры не удостоился, к трону им приближен не был, а именно к этому привык он при прежних царях, и потому бранил императора при его жизни и после смерти не мог простить ему своего унижения». (27, 134)

Пселл по своей привычке выдвигает несколько версий. Он пишет о хорошем отношении Феодоры к Мономаху, хотя чуть ранее речь шла о доверительных жалобах императрицы на беды, которые она вытерпела от зятя. Пселл даже умерших властителей критиковал осторожно, предпочитая всю вину перекладывать на их приближённых. Лев успешно служил нескольким императорам, но был в немилости во всё царствование Константина IX. Приближённые этого императора в качестве политических противников безжалостно устранялись Львом от власти, что и вызвало неудовольствие Пселла. Из императорского дворца был изгнан и Пселл, несмотря на то что при Мономахе он тайно оказывал Феодоре разные услуги. Пселл:

«Когда я согласно приказу прибыл, моё появление во дворце возбудило зависть, и, поскольку опередившие меня не могли выдумать ничего порочащего, они принялись бранить меня за моё монашеское обличье и нелюдимый образ жизни. Царица внимала их речам, хотя и не позволяла себе вступать с ними в такие же беседы, как со мной. Узнав об этом, я стал реже посещать

*дворец, и тогда **царица переменялась** вновь и **стала порицать меня** за нерадение и бранить за небрежение её приказами.*

*Как видно, **царица решений** своих **держалась неколебимо**». (27, 134)*

Феодора, хорошо зная Пселла, отстранила этого опытного интригана, и значительная часть рассказа о её правлении состоит из сетований обиженного царедворца.

Феодора пришла к власти при поддержке дворцовых гвардейцев-русов, и её помощники, опираясь на эту военную силу, стали избавляться от своих противников, среди которых были Пселл и его друзья. Вот почему он пытался выставить её глупой и жадной старухой.

Феодора скончалась 31 августа 1056 года и самодержавно правила чуть более полутора лет. Пселл работал над своей «Хронографией» с осени 1057 года, когда память о её правлении была свежа, и в описании императрицы встречаются правдивые строки (27, 234). Пселл:

*«Поэтому **царица открыто правила государством**, держала себя с мужской независимостью и не видела нужды ни в каких завесах. Она сама назначала чиновников, с высоты трона произносила твёрдым голосом повеления, высказывала мнения и рассуждала тяжбы, выносила приговоры...*

*Царствование Феодоры было славным и величественным, никто не посмел в то время ни покуситься на власть, ни презреть исходящие от царицы повеления и приказы. Времена года несли людям изобилие, урожаи были богаты, ни один народ **не грабил** наших земель исподтишка, и ни один **не объявил** ромеям **войны** открыто, ни одна часть общества не выказывала недовольств, и во всём соблюдалось равновесие». (27, 131)*

Надо полагать, что этот кусок был взят из одного из славословий, которые были составлены во время самодержавного правления императрицы. Уж больно он отличается от остального, порицающего её, текста. Василий II готовил хороших управленцев, и Феодора, опираясь на учеников своего великого дяди и русскую военную силу, успешно справлялась с государственными заботами.

Стоявшая во главе государства женщина вызывала соблазн для внешних врагов и внутренних честолюбцев. Но полный покой и мир, царив-

шие при её правлении, говорят о страхе перед Феодорой, который могла породить одна только военная сила.

При Константине IX Феодора могла опасаться, что император обратит свои родственные связи с русами против неё. После блестящих побед над Львом Торником и в Армении политическое могущество Мономаха возросло, что создавало угрозу для Феодоры. Поэтому ей было выгодно охлаждение отношений императора с Русью.

Чтобы расстроить родственный союз слабовольного Мономаха и его волевой и решительной сестры Евпрепии, Феодора ложными обещаниями спровоцировала ту на участие в заговоре и таким образом обезвредила. Похоже, что эту уловку она проделала ещё раз. Ложными обещаниями она посеяла в среде ориентировавшихся на неё вельмож надежду сменить Мономаха, опираясь на победоносного русского полководца. Когда же заговор раскрыли, отошла в сторону. Великий этериарх Константин погиб, и русы стали относиться к Мономаху с недоверием.

После смерти Мономаха ситуация изменилась. Феодора стала для русского правящего дома главной родственницей в Византии, так как иные родственники Мономаха принадлежали к антирусской партии. Сменив недружественную политику предшественника на благожелательный союз, она могла рассчитывать на военную помощь Руси, которую трудно было бы расстроить её недоброжелателям. Русь стала тем пугалом, которого боялись враги императрицы.

Ярослав Мудрый для восстановления русских прав в Византии решился на открытую войну с могущественной империей. В обмен на достижение цели, которой великий князь добивался во всё царствование Мономаха, русы могли предоставить особенно крупную военную помощь. Но Феодора была чужда военного честолюбия и не нуждалась в победоносных войнах. Ей было достаточно сохранения власти. Поэтому захиревший при Мономахе русский корпус, скорее всего, был увеличен только до традиционных при его предшественниках размеров.

На следующий год после кончины Феодоры в воскресенье 8 июня 1057 года провозгласил себя императором Исаак Комнин. Исаак был магистром и командовал войсками на восточной границе, сдерживая

натиск турок-сельджуков. (27, 289) Правительственные войска 20 августа сошлись в битве с мятежниками при Никее.

Пселл пишет об успехе правого фланга правительственных войск, после которого левый фланг мятежников бежал, а правый в страхе отступил ещё до нападения. Иоанн Скилица рисует несколько иную картину. По его мнению, первоначального успеха правительственные войска добились на левом фланге. Комнин уже собирался спастись бегством, но затем на противоположном фланге мятежникам удалось добиться успеха и выиграть битву.

Понять причину противоречия в источниках помогает имя командующего левым флангом мятежников у Скилицы, которому хронист явно благоволил, — Катакалон Кекавмен. Хотя Пселл и был приятелем Катакалона, более правдивым нужно признать его. Первый успех правительственных войск был достигнут на правом фланге, и Кекавмен, командовавший левым флангом мятежников, бежал. Позднее же под пером талантливого сына-писателя он стал главным героем битвы.

Правым флангом правительственных войск командовал Аарон, сын последнего болгарского царя Иоанна-Владислава из армянской по происхождению династии Комитопулов. Основной состав правительственной армии был из македонцев, и в распоряжении Аарона были европейские отряды, включавшие в себя болгар и армян. Мятежники старались переманить на свою сторону полководцев и солдат противника, поэтому появление напротив Аарона армянина Катакалона Кекавена, одновременно служившего в Болгарии и женатого на дочери болгарского воеводы Димитрия Полемарха, вполне объяснимо.

Правительственными войсками командовал евнух Феодор, доставшийся Михаилу VI по наследству от императрицы Феодоры. Феодору же окружали евнухи-варвары, преимущественно болгарского и русского происхождения. Болгарское происхождение главного помощника полководца говорит о том, что Феодор был болгарин. Пселл намекает на двуличное поведение Феодора и обвиняет его в тайном сговоре с мятежниками. Но яростная атака Аарона опровергает эти измышления. Скилица и Атталиат пишут об огромных потерях с обеих сторон, что говорит об ожесточённости битвы.

Пселл описывает, как четыре вооружённых копьями тавроскифа окружили Исаака Комнина, но не объясняет, как тот выпутался из такого сложного положения. Основанием для фантастической сцены стал успешный натиск Аарона, опрокинувшего левый фланг и напавшего на центр. Во главе войск Аарона были столичные гвардейцы-русы, которым удалось прорубиться через войска мятежников до ставки их вождя.

Согласно Пселлу, отступил и правый фланг мятежников. Его текст создаёт иллюзию того, что победа была одержана центром армии, которым командовал Исаак, хотя прямо об этом ничего не говорится. Но эта лестная для Исаака версия опровергается прямым указанием Скилицы на то, что разгром правительственных войск совершил левый фланг мятежников. Если бы исход битвы решил центр во главе с Исааком, Пселл восславил бы доблесть будущего императора, при племяннике которого доживал свои дни, во всю мощь своего таланта. Поэтому следует согласиться со Скилицей.

Двадцать пятого августа, то есть спустя несколько дней после битвы при Никее, в ставке Исаака Комнина побывал Пселл в качестве императорского посланника. Ставка располагалась под Никомидией, современным турецким Измитом, — городом-портом на берегу Мраморного моря. Исаак встретил посольство в своём походном шатре. Пселл:

*«Сам царь (Исаак Комнин. — В. Т.) сидел на двуглавом кресле, высоком и отделанном золотом, опирал ноги на скамейку, и роскошные одежды сверкали на нём. Он гордо поднял голову, выпятил грудь, **багрянец битвы** румянил ему щёки...*

*Воины несколькими кругами опоясывали Исаака. Внутренний и самый малочисленный из них был составлен из первых людей, доблестных отпрысков знатнейших родов, осанкой не уступавших древним героям. Эти отборные воины служили живым примером всем стоявшим за ними. Их опоясывал второй круг, оруженосцы первых, бойцы передовой линии, некоторые заполняли следующие отряды (ряды. — В. Т.), а также лучшие из начальников полукотронов, они стояли на левом фланге. Окаймляло их кольцо простых воинов и свободных. А дальше уже располагались союзные силы, прибывшие к мятежникам из других земель, италийцы (норманны. — В. Т.) и **тавроскифы**,*

сам вид и образ которых внушали ужас... Они заполняли круг щита».
(27, 144–145)

Императорское посольство встретили победители, на щеках которых ещё пылал румянец битвы. Командный состав и отличившиеся в сражении воины составляли три опоясавших трон ряда. Остальное пространство шатра, образно названное «кругом щита», заполняли норманны-маниакаты и русы. Только они вызвали у Пселла ужас. Четвёртое кольцо из варваров, опоясавшее первые три, было самым многочисленным. В битве больше всех отличились варвары.

В шатре на левом фланге стояли командиры среднего звена. О том, кто стоял на правом, Пселл умолчал. Но его восхищение боевой мощью варваров даёт однозначный ответ на вопрос, кто помог одержать Исааку победу: на более почётном правом фланге стояли варварские предводители.

Русской гвардии Феодора Исаак противопоставил свою русскую и норманнскую гвардию, которую благоразумно поставил против слабого левого фланга противника. Она и решила исход, казалось бы, безнадёжно проигранного сражения. Но Пселл не захотел признать успех ненавистных русов и представил их позорными беглецами с поля боя.

Согласно Пселлу, повод к мятежу дал сам Михаил VI, грубо оскорбивший лучших полководцев империи. Узнав о щедрой раздаче чинов новым императором, в столицу прибыли военачальники. Далее послушаем очевидца. Пселл:

*«В тот день **рядом с самодержцем** находился и я. И вот эти доблестные мужи, истинные герои, вошли к царю, склонили головы, произнесли поочередно приветствия и по его приказу остались стоять. Михаилу надо было бы тогда поговорить с каждым в отдельности и обратиться к ним для начала с речами царскими и щедрыми, а он прежде **грубо выругал их** всем скопом, а затем вывел на середину **их предводителя**, главенствовал над ними **Исаак Комнин**, и следующего за ним, это был **Кекавмен** из Колонии, осыпал его бранью за то, что тот **чуть было не потерял Антиохию** и не погубил войско, не выказал ни военного искусства, ни отваги, собрал деньги с народа и власть употребил не ради славы, а для корысти. От такой неожиданности*

*тот застыл на месте, ибо ждал милостей, а получил оскорбления. Товарищи попытались было вступить за него, но царь зажал рот и им. Если ещё можно было пренебречь остальными, то уж **Исаака** следовало бы удостоить **высших почестей** и похвал, но царь и ему отказал в своём благоволении». (27, 138)*

Расхваливание Исаака было вызвано тем, что Пселл переметнулся на его сторону ещё во время пребывания послом в лагере мятежников, как только воочию увидел боевую мощь повстанцев. После воцарения Исаака он станет одним из его доверенных лиц, но в конце концов предаст и его, интригуя в пользу Константина Дуки.

Не бывший очевидцем, но более правдивый Скилица пишет о ласковом приёме императором воинских начальников. Несмотря на это ни император, ни временщик Лев Параспондил не удовлетворили их просьб. (27, 289) Император припомнил просителям высоких чинов угрозу потери Антиохии. Исаак мог потерять Антиохию, только находясь в ней. Это значит, что дукой Антиохии был Исаак.

Перед своей отставкой дукой Антиохии был Катакалон Кекавмен. Он получил этот высокий пост за участие в мятеже, а перед его началом служил под командованием Исаака близ Антиохии. Будущие мятежники потерпели военную неудачу под Антиохией, поэтому критиковали их обоих. Из-за этой неудачи им было отказано в повышении звания, что подтолкнуло их к заговору против императора.

Константин Дука был полководцем и за участие в мятеже, приведшем к власти Исаака, получил звание кесаря. Но вскоре соратники рассорились, и Дука, отказавшись от кесарского венца, уехал в Эдессу. (7, 227) Дука мечтал сам стать императором и добился этого. Для таких честолюбцев очень важно было находиться среди сильного войска. Эдесса была передовым форпостом на востоке империи, и отъезд туда Дуки свидетельствует о её большом военном значении.

Дука внёс большой вклад в успех мятежа, нежели Кекавмен. Поэтому сделали кесарем его. Судьба мятежа решалась под Никеей. Возвышение Константина Дуки до ранга второго лица в государстве связано с тем, что он командовал победоносным правым флангом. Видимо, русы

не смогли простить Кекавмену его роль в событиях русско-византийской войны 1043 года. В противном случае он бы командовал иноземными наёмниками, так как был знаком с русами ещё по совместной службе в Италии под знамёнами Георгия Маниака.

Дука поспешил в Эдессу, так как там стоял русский корпус, который только и мог обеспечить ему победу над Исааком Комнином. В начале 1057 года Исаак и Кекавмен начали подготовку к мятежу из Антиохии, и к ним примкнул стратиг Эдессы Константин Дука.

В эпоху Константина IX Мономаха русскую военную помощь возглавлял его зять Всеволод Ярославич. На момент кончины императора Владимиру Мономаху было всего три года, и в событиях, ставших основой легенды, участвовал Всеволод, а не его сын.

Легендарное посольство возглавлял митрополит Эдессы. Но митрополиту не было нужды ехать в далёкий Киев, так как русы находились в Эдессе. Соединение известий говорит о том, что квартировавшим в этом городе отрядом командовал Всеволод.

В рассказе об Изяславе Ярославиче находим примечательный факт. «Житие Феодосия Печерского»:

*«Тогда же приде **каженик** (скопец. — В. Т.) некто от княжа дому, иже бе **любим князем** и предрежа у него вся, и моляшеся старцю Антонию, и той хот бытии черноризец. Его же поучив старец еже о спасении души, и предаст его Никону, да того острыжет. Он же и того остриг, облече его в мнишескую одежду и **Ефрем** имя ему нарек...*

*И уведав убо князь **Изяслав** бывшее о боярине и о **каженице** его, **разгневался** зело». (12, 324)*

Конфликт великого князя Изяслава Ярославича с печерскими старцами произошёл из-за евнуха Ефрема, который был одним из управителей в хозяйстве Изяслава. Ефрем был византийцем, так как позднее находим его удалившимся в константинопольский монастырь:

*«По сих пакы **Ефрем каженик** отиде в **Костянтин град** и ту живяще в едином **монастыри**. После же изведен бысть и в страну сию и поставлен бысть митрополитом в городе Переяславли». (12, 328)*

Из Константинополя Ефрем вернулся на Русь и стал епископом Переяславля. В старших летописях под 6597 годом сообщается о большом строительстве в Переяславле при Ефреме. Наряду с храмами Ефрем построил *«строение банное каменное, сего же не бысть прежде в Руси»*. (34, 85) Татищев уточняет, что баня была «народная», то есть общественная. (41, 96) В Никоновской летописи сохранился более подробный рассказ о так удививших русов каменных общественных банях:

*«...строение банное и **врачеве и больницы**, всем приходящим безмездно врачевание, такоже и в **Милитине** в своем граде устрои, и по иным своим градом митрополским, иже суть и со уезды и с волостями и с селы. Се же не бысть прежде в Руси»*. (30, 116)

Ефрем построил византийские термы, предшественницы современных турецких бань. При термах была устроена лечебница, в которой оказывалась бесплатная медицинская помощь. Обслуживать этот благотворительный оздоровительный комплекс должны были монахи переяславского монастыря, который был основан ещё в эпоху Владимира Святого.

Ефрем назван выходцем из Мелитины. Способный евнух, ставший управляющим Изяслава, происходил из города, который упоминается в легенде о дарах Мономаха и находится в районе, где несли службу русы. Получается, что Изяслав командовал отрядом русов, стоявшим в Мелитине, и там сблизился с Ефремом. Став великим князем, Изяслав сделал Ефрема киевским митрополитом. В Тверской летописи в статье, повествующей о начале великого княжения Изяслава, сообщается об осуждении новгородского архиепископа Луки митрополитом Ефремом. (35, 152) Спустя какое-то время Ефрем оставил этот пост и ушёл в Печерский монастырь.

Сразу же после смерти Феодоры мы находим русский корпус на восточных границах империи. Пселл сокрушался:

*«Но как освободить **Феодору от обвинений** в крайнем и позорном недомыслии за то, что не задумалась она о себе как гостье на этой земле и **не позаботилась о благоустройстве дел**, и как не укорить приближённых цари-*

цы, которые такой мысли ей не внушили и вообразили, будто она пребудет в этом возрасте век, а если со временем и увянет, то, подобно молодому побегу, расцветёт вновь. Они радели только о собственном благе, никого не пожелали облечь властью и не подготовили лучшего всхода». (27, 135)

Пселл обвиняет императрицу в том, что она не подготовила себе достойного преемника. Но императрица знала, что в случае её смерти страна останется под управлением опытной команды во главе со Львом Пораспондилем. Кого же Лев выберет формальным главой государства, её не интересовало, поэтому перед кончиной она с готовностью согласилась с его предложениями.

Лев Пораспондил выхлопотал у умирающей Феодоры решение о возведении на престол Михаила VI Стратиотика, зная, что этот старый и слабовольный человек будет безропотной игрушкой в его руках. Первым восстал Феодосий, племянник Константина IX, чей мятеж был подавлен. (27, 288) Вокруг Феодосия должны были группироваться отстранённые императрицей от власти бывшие сановники Мономаха, включая Пселла. На его стороне выступал Пселл, обвиняя Феодору в пренебрежении к выбору преемника.

Феодора, будучи опытной заговорщицей, знала, что в случае назначения преемника обрекает себя на жизнь в страхе. Вокруг облагодетельствованного тотчас собрались бы честолюбцы, предлагающие ускорить естественный ход событий и стать императором ещё до её смерти. Но и самодержавное правление женщины столь шокировало византийское общество, что вызвало серьёзный разлад императрицы даже с далёким от светских дел патриархом. В любой момент какое-либо знатное лицо могло объявить себя императором и поднять восстание под популярным лозунгом об укреплении слабой женской власти над империей мужским соправлением.

Сведения легенды говорят о том, что Всеволод был удостоен какого-то сана, возведение в который было связано с обрядом венчания. Это венчание на Руси было переименовано в венчание на русское царство. Но события происходили в Византии. Всеволоду был пожалован высокий византийский чин, что сопровождалось церковным обрядом, в котором участвовал митрополит Эдессы.

В старших летописях Мария Мономах названа цесарицей. Словами «царь», «царица» русские книжники называли византийских императоров и императриц. Но слово «цесарица» следует понимать как обозначение жены кесаря. Сан кесаря давали будущим преемникам престола, а возведение в этот сан сопровождалось обрядом венчания, хотя и не таким пышным, как венчание на императорский престол.

Константин IX Мономах был вынужден пойти на замирение с русами, остро нуждаясь в их военной помощи. Сближение было временным. После свадьбы Всеволод с молодой женой покинул Византию, и второй ребёнок у них появился в Переяславле. Возвышение Всеволода в этот период сомнительно. У Мономаха был племянник. В кесарское достоинство, скорее, возвели бы его, а не выходца из варваров, с которыми только что закончилась многолетняя вражда.

При Михаиле VI Стратиотике стоявший на границе русский корпус был втянут в мятеж. Среди мятежников хватало честолюбцев, и они не нуждались в предводителе из варваров. К тому же в это время и позднее передача Всеволоду регалий Константина IX Мономаха не находит объяснения.

Легенда о дарах Мономаха соответствует обстановке, сложившейся при самодержавном правлении Феодоры. Родственники только что скончавшегося императора были наиболее вероятными претендентами на престол. Опиравшейся на русов Феодоре было выгоднее возвысить Всеволода, иноземного зятя Константина IX, нежели его племянника Феодосия, на которого ориентировались её противники. Иноземец, не имея опоры среди византийской знати, был безопасен для Феодоры в отличие от имевшего многочисленных сообщников Феодосия. В случае мятежа она могла бы сделать Всеволода соправителем и разрешить проблему слабого женского правления.

Феодора подстраховалась в начале своего самодержавного правления и этим обезопасила себя от мятежей. В 1055 году Всеволод был призван с Руси и возведён в кесари. На восточных границах империи стояла грозная армия русов во главе с наследником престола кесарем Всеволодом. Константинопольской знати пришлось делать выбор: либо терпеть женское правление, либо получить в императоры варвара.

На случай чрезвычайных обстоятельств Марии как наследнице Константина IX Мономаха были переданы его императорские регалии, чтобы можно было в походных условиях провозгласить Всеволода императором и направить на подавление мятежа нежелательного Феодоре претендента на престол.

Исаак Комнин, став императором, даровал сан кесаря Константину Дуке. Это значит, что Всеволод уехал на Русь и освободившееся место занял византиец. Действительно, в начале 1059 года мы находим его близ умирающего отца. Всеволод вернулся на родину не позднее 1058 года.

Дары Мономаха

Всеволод привёз на Русь кесарские и императорские регалии, которые переходили по наследству в роду его потомков и использовались в их обряде венчания в великие князья. На поздних изображениях Владимир Мономах в отличие от иных великих князей показан с двумя коронами на голове: большой императорской и помещённой над ней малой — кесарской. (14, 35) Отсюда следует, что в его эпоху использовались как императорские, так и кесарские регалии.

Владимир Мономах на печатях назван благороднейшим архонтом, Мария — благородной архонтиссой. Между тем Мария, имевшая более скромное именование в отличие от сына-варвара, вышла замуж в качестве родственницы правящего византийского императора. В сознании русского общества Владимир был знатнее своей матери-царевны. Это может быть косвенным подтверждением того, что использование византийских регалий Рюриковичами подкрепляло их претензии на приближение по знатности к византийским императорам.

В сказании, положенном в основу легенды о дарах Мономаха, упоминались Владимир Святой, Владимир и Всеволод Ярославичи, Владимир Мономах. Скорее всего, в основу легенды лёг какой-то обрядник. В нём описывались чин возведения Владимира Святого в василевсы русов и чин возведения Всеволода в кесари. Назовём условно это сочине-

ние «Сказанием о поставлении русских князей», так как в «Сказании о князьях владимирских» употребляется термин «поставление».

Владимир Ярославич упоминался в «Сказании о поставлении русских князей» в пояснениях причины венчания Всеволода. Успешными военными действиями Владимира Ярославича против Византии русы объясняли согласие Константина IX Мономаха на брак. Из-за пропуска событий последующее венчание на царство воспринималось как продолжение свадебных торжеств в эпоху Константина IX. Владимир Мономах мог упоминаться в качестве наследника своего отца и родственника членов императорского дома.

Из трёх византийских городов легенды о дарах Мономаха самым значительным была Антиохия. Антиохийскую церковь возглавлял патриарх. На православном Востоке было четыре патриарха: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Русским книжникам был более известен патриарх Константинопольский. Многие из них, несмотря на явное хронологическое противоречие, всех византийских патриархов X века именовали Фотиями. Фотий возглавлял византийскую церковь во второй половине IX века и был известен русам по легендам об их раннем крещении. Таким же твёрдым у многих было убеждение, что существует только один патриарх — Константинопольский.

Автору «Сказания» требовалось пояснить малосведущему в церковной организации далёкого Востока читателю, почему вдруг в Антиохии появился патриарх, и к тому же растолковать, что это патриарх не Константинопольский, а иной. Появление в легенде Александрии и Иерусалима было вызвано этими пояснениями. Отсюда следует, что Всеволода венчали в кесари в Антиохии.

Антиохийским патриархом в 1055 году был Пётр, а дукой Антиохии — Исаак Комнин. Они должны были участвовать в обряде венчания Всеволода в кесарское достоинство, но в легенде их имён не находим. Для поздних создателей легенды шифрование этих неизвестных им исторических персонажей было излишним.

В «Сказании» прославлялся Всеволод. Его успех в византийских землях сравнивался с успехом его деда Владимира Святого, также

ставшего зятем императора. Всеволод скончался 13 апреля 1093 года, и «Сказание» было составлено ранее этого времени.

С 1081 по 1118 год византийским императором был Алексей Комнин, племянник Исаака Комнина. Участие Исаака, будущего императора и дяди здравствующего императора, в венчании варварского вождя задевало византийское самолюбие. Изъятие его имени можно объяснить тем, что автором сказания был византиец. Но зато информированный автор «Сказания» не забыл упомянуть достаточно скромную Мелитину.

Мелитинцем был Ефрем, переяславский епископ. Его постройки в летописях датируются 6597 годом. Учитывая использовавшуюся в Переяславле «эру –5510 года», можно предположить, что строительство велось в 1087 году. Великим князем в это время был Всеволод, а переяславским князем — его сын Ростислав. Причиной строительства стало поставление Ефрема в 1087 году в переяславские епископы.

Своим назначением в епископы Ефрем был обязан Всеволоду. Татищев в статье 6603 (1095) года пишет:

*«Того же лета пришел из Константинополя **Ефрем митрополит**, бывший епископ переяславский, муж ученый и великий рачитель о церкви, поучал людей почаству».* (41, 103)

Ефрем из переяславских епископов был вторично произведён в киевские митрополиты. Его характеристика как мужа учёного и склонного к поучениям выдаёт в нём писателя, поэтому авторство «Сказания о поставлении русских князей» следует приписать Ефрему. О возведении Ефрема в митрополиты сообщается в Густынской летописи под 1092 годом:

«В сие лето посвящен есть Ефрем Грек на митрополию Киевскую от Николая третьего патриарха». (45, 45)

Предшественник Ефрема Иоанн Скопец, согласно данным Татищева, скончался в 1091 году. (41, 96) Поэтому следует остановиться на датировке Густынской летописи. Дата Татищева, судя по всему, имеет переяславскую осеннюю «эру –5510 года». Ефрем в сане митрополита

появился на Руси осенью 1092 года в правление Всеволода. У ставленника Всеволода были причины прославлять этого великого князя.

Грека Ефрема считали мелитинским митрополитом. Это преувеличение, так как в Мелитине был епископ. Становится понятным, почему в легенде о дарах Мономаха появилось упоминание о епископе мелитинском. Ефрем имел в виду себя.

В легенде названы только два персонажа посольства: Неофит, знакомый Всеволоду митрополит Эдессы, и Евстафий, который в легенде стоит в самом конце перечня и назван игемоном Иерусалимским. Евстафия среди патриархов восточных церквей той эпохи не было. Судя по всему, перед нами имя автора сочинения. Ефрем был пострижен в монахи в Печерском монастыре и при этом сменил имя. Обычно монашеское имя начиналось с той же буквы, что и светское.

Во время событий 1055 года Ефрем был известен как епископ Евстафий Мелитинский. Евстафий оказался в Киеве, а много лет спустя описал обряд венчания Всеволода Ярославича в кесари, свидетелем которого был. Евстафий при пострижении принял имя в честь св. Ефрема Сирина, который был диаконом церкви в Эдессе. Так что в небесные покровители он избрал земляка. Кстати, и почитание св. Евстафия Плакиды было наиболее распространено в восточной части Византии. (13, 57)

При раскопках в районе киевского Михайловского Златоверхого собора в 1997 году было найден барельеф скачущего на коне св. Евстафия Плакиды. Ранее в этом районе были найдены два подобных барельефа со святыми воинами — святых Георгия и Феодора, Димитрия Солунского и Нестора. (13, 57)

Барельефы первоначально украшали фасады Димитриевского собора. В статье, повествующей о начале княжения Изяслава, Татищев в связи с зимней победой Всеволода над торками пишет:

«А пришед, построил монастырь святаго Димитрия». (41, 82)

Св. Димитрий Солунский был небесным покровителем строителя собора. Татищев называет Изяслава Дмитрием. (41, 82) Русским князем Дмитрием Изяслав назван в западноевропейских источниках.

(9, 416) Под этим именем он был известен в изгнании. Появление св. Георгия можно связать с отдаванием памяти умершему отцу великого князя Ярославу-Георгию.

Церковь и монастырь св. Димитрия построил Изяслав, а не Всеволод. Строительство церкви шло в самом начале княжения Изяслава, которое началось после кончины 20 февраля 1059 года Ярослава Мудрого. Собор начали строить в 1059 году. Этим парадным строительством новый великий князь отметил начало своего правления. Поводом послужило завершение победоносного похода русских князей на торков, в котором участвовал Изяслав.

Евстафий-Ефрем в начале правления Изяслава был киевским митрополитом, и церковное строительство великого князя, с которым грек был близок, велось при его участии. Культ св. Евстафия в Димитриевском соборе следует связать с возведённым в русские митрополиты Евстафием. Появление на Руси переводного «Сказания об Евстафии Плакиде» также было вызвано необходимостью прославления небесного покровителя этого митрополита.

При Изяславе мелитинский грек был известен в Киеве под именем *Евстафий*. Поздние летописцы, зная о том, что Ефрем был киевским митрополитом при великом князе Святополке Изяславиче, исправили имя *Евстафий* в рассказах о его первом пребывании во главе Русской церкви. Отсюда и именование Ефрема митрополитом в бытность его переяславским епископом. Из-за того что Ефрем побывал на митрополичьем престоле, некоторые писатели продолжали называть его митрополитом.

Имя *Евстафий* известно в Новгороде. Здесь найдены печати с греческой надписью: «*Воззри на меня, протопроедра Евстафия*». По оформлению печатей они датируются второй половиной XI — началом XII века. Из 14 известных печатей Евстафия 13 найдено на землях Новгородского княжества и только одна обнаружена в Белгородке под Киевом. (45, 64–65)

Н. П. Лихачёв печать Евстафия охарактеризовал так:

«...работы хорошего **греческого мастера** и мало признаков, чтобы отнести её к числу русских». (45, 64)

Греческое происхождение печати косвенно подтверждает её принадлежность греку Евстафию. На лицевой стороне печати изображён не св. Евстафий, а св. Феодор в полный рост, с копьём и щитом. Подобное несоответствие встречается среди древнерусских печатей дважды.

На печатях митрополита Феопемпта изображён св. Иоанн Предтеча и есть греческая надпись: *«Господи, помози Феопемпту, митрополиту России»*. (45, 44) Иоанна Предтечу изображали на печатях патриарха Алексея Студита (1025–1043), который поставил Феопемпта в киевские митрополиты. Отсюда следует, что Феопемпт ориентировался на печать своего константинопольского руководителя. (45, 47) Печати относятся к первой половине правления митрополита, так как в начале 1043 года Алексей Студит умер.

На печати митрополита Ефрема изображён Архангел Михаил и помещена греческая надпись: *«Господи, помози Ефрему, протопроедру и митрополиту России»*. (45, 44) Ефрем, как и Евстафий, назван протопроедром. Печатей с изображением иных лиц с таким титулом не найдено. В. А. Янин приводит анализ происхождения титула:

*«Основной материал для атрибуции буллы содержится в некоторых особенностях использованного на ней титула и смыслового её оформления. Ефрем назван в легенде не только митрополитом, но и **протопроедром**. Этот титул не чужд византийской сфрагистике, где он употребляется на буллах как духовных, так и светских лиц. Анализируя его на светских печатях, Г. Шлюмберже пришёл к выводу, что протопроедрами были лица, принадлежавшие к числу высших придворных чинов и составлявшие частный, **неофициальный совет при императоре**. Поскольку этот титул употреблялся также на буллах высших церковных деятелей, можно догадаться, что духовные протопроедры были членами подобного совета при патриархе. В. Аоран признаёт такое титулование сокращением пышного титула "протопроедр протосинкеллов", бывшего торжественным вариантом титула "синкелл". Во всех случаях дословным переводом термина "**протопроедр**" было бы **русское "советник"**.*

Подтверждением именно такого понимания этого титула может служить оформление буллы митрополита Ефрема. На ней изображён не пат-

рональный святой владельца печати и не обобщённая церковная эмблема, а архангел, имя которого могло бы указать на то **высшее лицо, советником, протопроедром которого был владелец печати**. Для киевского митрополита таким высшим лицом мог быть либо константинопольский **патриарх, либо киевский князь**.

Решая прежде вопрос в пользу принадлежности буллы Ефрему Переяславскому, мы исходили из того, что в указанные годы (1092–1096) в Константинополе не было патриарха с "архангельским" именем. Напротив, киевский стол в этот период был занят **Святополком** Изяславичем, носившем крестильное "**архангельское**" имя **Михаил**. Обозначенная на печати схема (Ефрем — протопроедр Михаила), таким образом, оказывалась в формальном соответствии со взаимоотношениями князя и предположенного киевского митрополита». (45, 46)

Доводы Янина убедительны. Патриархом с архангельским именем в ту эпоху был только Михаил Кируларий (1043–1058), который скончался ранее первого поставления в митрополиты в 1059 году мелитинца, носившего к тому же имя *Евстафий*. Так что печати Ефрема появились не ранее конца 1092 года.

Смещение Евстафия с поста киевского митрополита следует связать с приездом в Киев митрополита Георгия. Кроме сообщения о суде над Лукой Ефрем ошибочно упоминается в рассказе об освящении 4 ноября Софийского собора, заменяя Феопемпта. В Палинодии Захарии Копыстенского в перечне митрополитов Ефрем стоит вслед за Иларионом. (38, 41) Скудость сведений о первом правлении Ефрема нужно связать с малым временем его пребывания во главе Русской церкви. Похоже, что Изяслав назначил своего любимца вместо Илариона, но не сумел отстоять перед Константинопольской патриархией.

В старших летописях митрополит Георгий упоминается дважды. В первый раз — в качестве участника перенесения мощей святых Бориса и Глеба в 1072 году, а затем, в статье следующего года, говорится, что он находится в Византии.

Согласно Густынской летописи, Георгий появился на Руси в 1072 году и был поставлен патриархом Иоанном VIII Ксифилином (1064–1075).

(45, 47) В некоторых поздних каталогах русских митрополитов сообщается о том, что Иларион возглавлял церковь 20 лет и скончался в 1071 году. (24, 460) Авторы каталогов не знали Евстафия среди митрополитов и относили приезд Георгия к 1071 или 1072 году.

Кульчинский со ссылкой на Стрыйковского относит появление митрополита Георгия на 1068 год. (24, 460) Здесь можно усмотреть влияние «эры –5504 года», но встречаются и ещё более ранние даты. Татищев под 6561 годом сообщает:

«Сего же года пришел митрополит Георгий из Царяграда и с ним три человека с роды своими демественники певцы, и учаху в Руси пети в церкви на 8 голосов, отличаши церковное от мирских песен, употребляемых к увеселению». (41, 81)

Прибытие митрополита в зависимости от принятой эры попадает в интервал 1053–1057 годов. С ним приехали три певческих семейства. В Тверской летописи сообщение о певцах помечено 6560 годом, но рассказ о Георгии опущен. Вместо него пришедшим из Византии назван основатель Печерского монастыря Антоний. (35, 151) В Новгородской четвёртой летописи певцы и Антоний упоминаются в статье 6559 года, в Летописи Авраамки — под 6545-м, в Львовской летописи — под 6525-м. (29, 117; 20, 41; 23, 88)

Разница в датах достигает 55 лет, что нельзя объяснить только влиянием бытовавших в то время на Руси эр. Похоже на то, что было испорчено обозначение десятков. Последние же цифры дат, приведённых к нашей эре, образуют ряд: 1, 2, 3, 7, 8. Первые три цифры имеют разброс, характерный для эр –5506, –5507, – 5508 годов. Относительно них последние две цифры могут соответствовать весенней и осенней «эре –5504 года». Георгий прибыл в традиционное для посольств осеннее время в «весеннем» 1053, либо в 1063, либо в 1073 году. Крайние даты следует отбросить как недостоверные. Осенью 1053 года митрополитом был Иларион, осенью 1073 года Георгий был киевским митрополитом не менее года.

Георгий приехал на Русь осенью 1063 года. По осеннему счёту это был бы 1064 год, которым традиционно датируют начало патриарше-

ства Иоанна Ксифилина. Из-за нечёткого написания буква-цифра «о» (70) была принята за сходную «п» (80). Но более поздние летописцы, зная, что Георгий приехал значительно ранее года перенесения мощей святых Бориса и Глеба, стали убавлять десятки.

Косвенным подтверждением даты приезда Георгия служит биография новгородского архиепископа Луки. Лука скончался, возвращаясь из Киева 15 октября 1063 года. Цель поездки названа не была. Появление нового митрополита было достаточно весомой причиной для путешествия.

Митрополит Евстафий был смещён со своей кафедры осенью 1063 года. Ярослав Мудрый умер в Великий пост. Поэтому возведение Евстафия в митрополиты следует связать с Пасхой 4 апреля 1059 года. В первый раз он возглавлял Русскую церковь четыре с половиной года.

Карамзин приводит такую выписку из поздней летописи:

«В Новегороде Изяслав посади сына своего Мстислава и победиша и на Черехе, и бежа к Киеву, и по взятии града преста рать». (15, примеч. II, 118)

Река Череха, правый приток реки Великой, находится около Пскова. (9, 484) Мстислав потерпел поражение от Всеслава, осада которым Пскова описана в Тверской летописи в статье 6573 года. (35, 154) О попытке захвата Новгородского княжества Всеславом говорится в летописных статьях 6572, 6573 и 6574 годов. В связи с этой войной упоминается звезда с кровавыми лучами, в которой узнаётся комета Галлея 1066 года. Из характера разброса дат и времени появления кометы следует, что Мстислав лишился новгородского престола в 1066 году.

Христианское имя Мстислава неизвестно. Но обращает на себя внимание то, что бо́льшая часть домонгольских князей с именем Мстислав при крещении принимала имя Феодор. По данным Д. В. Донского, из 10 Мстиславов, чьи христианские имена известны, семеро были Феодорами. (9, 479–500) Так что наиболее вероятным именем Мстислава Изяславича было Феодор.

Изяслав женился не ранее осени 1042 года. Мстислав был вторым его сыном и родился не ранее начала 1045 года, а совершеннолетия до-

стиг не ранее начала 1063 года. Мстислав стал новгородским князем около 1063 года и нуждался в опытных помощниках. Как раз в этом году Евстафий оказался не у дел. Владелец печатей Евстафий, судя по характеру изображений, был советником при новгородском князе Феодоре. (45, 65) Мы можем отождествить двух греков Евстафиев, которые к тому же называли себя протопроедрами. Многоопытный мелитинец Евстафий был при юном Мстиславе Изяславиче советником во время его новгородского правления.

Татищев сообщает о кончине Ефрема под 1096 годом:

«6604 (1096). Поставлен в Новград епископ Никита митрополитом Ефремом...

Преставися Ефрем, митрополит руский. На его место князь великий избрал Никифора, епископа полоцкаго, и повелел его поставить епископом руским». (41, 104–109)

Ефрем прожил долгую, наполненную разнообразными событиями жизнь. Но его «Сказанию о поставлении русских князей» выпала ещё более удивительная судьба.

После монгольского завоевания Руси киевские митрополиты стали совершать из разорённого Киева поездки по русским областям. Часто посещали они и относительно благополучную Северо-Восточную Русь. Начало этой традиции положил митрополит Кирилл, ставший наречённым митрополитом по воле великого князя Галицкого Даниила Романовича в 1242 году и поставленный в митрополиты византийским патриархом около 1249 года. (16, 301)

Митрополит Кирилл правил до 1281 года. Владимирскую епархию он использовал в качестве своей резиденции, так как поставил сюда епископа вместо погибшего при монгольском взятии города Митрофана только в конце своей жизни, в 1274 году. Но и это поставление, скорее всего, было вызвано тем, что свою северную резиденцию митрополит перенёс в Переяславль-Залесский, где и скончался. (16, 302)

Следующий митрополит, Максим, был прислан из Византии в Киев в 1285 году. Он продолжил ездить в своего рода церковное полюдьё, собирая средства по разным областям. В 1299 году золотоордынцы опу-

тошили Киев, жители его разбежались. Бежал на север и Максим вместе со своими приближёнными. Он перевёл Владимирского епископа в Ростовскую епархию, а сам осел во Владимире. (16, 307)

Митрополит Максим скончался около 1305 года. Его преемником стал митрополит Пётр, поставленный в 1308 году. Резиденцией Петра также был Владимир, но из-за напряжённых отношений с тверским князем Михаилом Ярославичем владыка сблизился с московскими князьями. Он часто и подолгу бывал в Москве и здесь был похоронен в 1326 году. (16, 315) Следующий митрополит, Феогност, поставленный в 1328 году, в тот же год переехал в Москву. (16, 317) С этого времени резиденцией митрополитов стала Москва.

Согласно легенде о дарах Мономаха, венчание осуществлял митрополит, тогда как по «Сказанию о поставлении русских князей» — патриарх. Снижение ранга было связано с местными условиями. Русскую церковь возглавлял митрополит, который участвовал в поставлении великих князей на престол. Из-за этого при формировании легенды упоминание об антиохийском патриархе Петре было исключено, а руководителем венчания был назван митрополит Неофит.

Иван IV Грозный после своего венчания в 1547 году на царство хлопотал перед константинопольским патриархом о признании за собой царского титула.хлопоты первого русского царя, подкреплённые немалыми дарами, увенчались успехом, и патриарх Иоасаф II в 1561 году прислал в Москву грамоту. В грамоте было написано:

*«Государь **Иоанн** изводится и родословится **от породы** и крове сущно **царские**, сиречь от нея приснопамятныя **царицы** государыни и **дестины**, сиречь владычицы, **Анны**, сестры самодержца царя Василия Багрянородного. Та же Монамах благочестивейший царь **Константин** со... тогдашняго патриарха и сущаго тогда священного архиерейского собора пославша митрополита ефесскаго и **антиохийскаго патриарха** и венчааша во царя благочестивейшаго и великого князя Владимира и даровавшие тому царский венец на главу его и с камением честным... диадимую и иная царская знамения и одежды. Тем же и священнейший митрополит московский и всеа великия Росии господин Макарий, оттуду пущен... увенча того **во цари** законнаго и благочестивейшаго». (8, 121)*

Патриарх Иоасаф правомерность венчания на царство обосновал мнимым происхождением Ивана IV от Анны, названной царицей и деспиной. Деспина, то есть госпожа, — византийское именование императриц. Далее следует изложение легенды о дарах Мономаха. Дарение представлено как добровольное деяние императора. Военная их причина была благоразумно опущена. Не приведено и родство Всеволода Ярославича с императорским домом. Главным действующим лицом венчания Владимира назван не эфесский митрополит, а антиохийский патриарх.

При патриаршем дворе были знакомы с каким-то вариантом «Сказания о поставлении русских князей», в котором был задействован антиохийский патриарх. Имена Всеволода Ярославича и его супруги были исключены, так как это противоречило московской версии о венчании Владимира Мономаха.

Намёк на то, что согласно собственной же русской традиции в венчании должен был участвовать не митрополит, а патриарх, был горькой пилюлей для московского царя. Внешне одобряя венчание, Иоасаф иносказательно отметил его нелегитимность, хотя, опираясь на происхождение от царевны Анны, признал право Ивана IV на царский титул. Для полноценного венчания на царство москвичу следовало бы принять помазание от патриарха, съездив в Константинополь или пригласив патриарха на Русь.

На Руси предложение Иосафа было принято в иной форме, нежели ожидали в Константинополе. Развернулось движение за придание главе Русской церкви титула патриарха, которое увенчалось успехом в 1589 году уже при царе Фёдоре Ивановиче. Первым русским патриархом стал Иов. Отныне венчание русских царей становилось канонически верным и они могли претендовать на равнозначность своего титула императорскому.

В литературных произведениях именование московских правителей царями началось после Куликовской битвы с Дмитрия Донского. (16, 344) Патриотическая направленность легенды соответствует патриотическому подъёму, вызванному победой на Куликовом поле. Разгром в 1380 году золотоордынских войск темника Мамай привёл к рас-

цвету литературного творчества, выразившемуся, в частности, в создании цикла сказаний о грандиозном побоище.

Ситуация была сходной с ситуацией после войны 1043 года. Война, закончившаяся крупной морской победой над византийским флотом, и последовавшее заключение мира на почётных для Руси условиях, скреплённое династическим браком, привели к подъёму патриотизма и расцвету литературного творчества. Создаёт свои сочинения Иларион, собираются древние летописные записи и составляются первые летописные своды.

В сказаниях о Куликовской битве использовалось «Слово о полку Игореве», что говорит о росте интереса к древним сочинениям. Создание легенды о дарах Константина Мономаха на основе «Сказания о поставлении русских князей» следует отнести к эпохе, последовавшей за 1380 годом.

Московские и тверские князья происходили от Владимира Мономаха и в равной мере были наследниками полулегендарной традиции венчания на великое княжение с использованием регалий Константина IX Мономаха. Но так как согласно уже устоявшемуся обычаю в обряде был задействован митрополит, тверские князья с 1328 года из-за постоянного проживания митрополита в Москве воспользоваться этим правом не могли. Они порой становились великими князьями владимирскими, но при этом были лишены возможности поставляться на великое княжение по церковному чину. Поэтому идеологи возвышения Москвы после 1380 года взяли на вооружение легенду о дарах Мономаха для возвеличивания именно московских правителей.

До 1380 года основным источником верховной власти на Руси был получаемый в Золотой Орде ярлык на великое владимирское княжение. После Куликовской битвы стала набирать силу идея о том, что источником верховной власти является церковный обряд венчания на престол. В этом случае московские князья сохраняли статус общерусских правителей даже при переходе владимирского ярлыка в руки иных князей.

Постепенно ярлык на великое владимирское княжение утратил своё значение. Вместо него появились ярлыки на великое московское и великое тверское княжения. Наличие третьей линии великих князей

в лице литовских правителей, захвативших часть русских земель, снижало значение титула «великий князь» в качестве обозначения общерусского государя. Летописцы именуют великими князьями и иных правителей русских княжеств — смоленского, нижегородско-суздальского. (35, 443–446) Поэтому в Москве применили редкое до этого времени титулование царями.

Главной убор в виде двойной короны, который мы находим при изображении Владимира Мономаха, далее появляется на голове московского князя Юрия Даниловича, после него — Дмитрия Ивановича Донского и Василия II Васильевича Тёмного. (14, 50–59) Головные уборы ряда великих владимирских и московских князей вместо нижней «императорской» короны имеют меховую опушку, характерную для княжеских шапок Киевской Руси. У них на виду только верхняя «кесарская» корона. (14, 50–59) Разные виды головных уборов, видимо, свидетельствуют о разной знатности их владельцев, несмотря на то что они имели одинаковые титулы великих князей владимирских.

«Кесарский» убор на изображениях Ивана I Даниловича Калиты можно объяснить тем, что он не владел Владимиром-Залесским и был только наречённым по ханской воле великим князем владимирским. (14, 51) Как показывает пример Киевской Руси, легитимность верховного правления усиливалась присутствием на традиционном великокняжеском столе. Поэтому в более раннее время Юрий Долгорукий, фактически первенствуя среди князей своего времени, столь упорно сражался за Киев. Золотоордынский ярлык давал право на «кесарскую» корону, так как его владелец был в подчинении у хана. Владение Владимиром-Залесским, уже согласно местной традиции, усиливало легитимность правления и позволяло носить вторую «императорскую» корону, напоминавшую о былой независимости.

Василий I Дмитриевич, правивший в 1389–1425 годах, не имел даже «кесарской» короны, так как не получал ярлыка на великое владимирское княжение и не обладал Владимиром. (14, 59) Он был венчан в московские князья и носил Шапку Мономаха без корон. Несмотря на это Василий I воспринимался как общерусский государь.

Историческая Шапка Мономаха в современном виде принадлежит к «кесарскому» типу головного убора. Низ её утопает в меховой опушке, а наверху имеется небольшая корона в виде золотого обода, накрытого золотой полусферой, увенчанной крестом. Изготовление Шапки Мономаха относят к первой трети XIV века, так как под названием «шапки золотой» она упоминается в завещании Ивана Калиты 1328 года, написанном перед его поездкой в Золотую Орду. (2, 6)

Шапка Мономаха близка к образцам золотоордынского ювелирного искусства. (2, 6) В 1313–1342 годах Золотой Ордой правил хан Узбек. Богато украшенный золотой головной убор мог быть получен русским князем только при согласии Узбека, так как относился к символам власти. Иван Калита в качестве правителя впервые поехал в Золотую Орду в 1328 году, когда уже владел «шапкой золотой». Так что её первым владельцем следует признать Юрия Даниловича, женатого на сестре хана Узбека Кончаке. Хан отличил зятя перед иными русскими князьями, даровав ему право носить золотой головной убор. Свадьба состоялась в 1317 году. К этому году и следует отнести изготовление «шапки золотой» — свадебного дара Узбека.

После гибели Юрия Даниловича его имущество перешло по наследству к Ивану Калите, включая и «шапку золотую». На Руси шлемообразный убор доработали. Его навершие выполнено в иной манере, нежели основной корпус. К тому же мусульманин Узбек не стал бы дарить шапку с крестом. Навершие было изготовлено уже по заказу московских князей. Шапка по форме была приближена к головному убору Владимира Мономаха, в котором использовались византийские венцы, привезённые Всеволодом Ярославичем.

Иван Калита удовлетворился «кесарским» вариантом с одной короной. Но память о двух коронах продолжала существовать. Два ряда зубцов было у Казанской шапки Ивана IV Грозного, на парадном головном уборе царя Михаила Фёдоровича. Сигизмунд Герберштейн, дважды посетивший Москву во время правления Василия III Ивановича, так описал Шапку Мономаха:

*«Её носил Владимир Мономах и оставил её украшенною жемчугом, а также изрядно убранною золотыми **бляшками**, которые, **извиваясь кругом, колыхались** при движении».* (8, 107)

На Шапку Мономаха была надета дополнительная корона. Её зубцы скреплялись не жёстко, а кольцами и поэтому при движении колыхались. В зависимости от статуса правителя эта дополнительная корона то надевалась, то снималась.

Съёмная корона была удобна в эпоху золотоордынского ига, так как, встречая ханских послов, московские правители её, несомненно, убирали, представляя в более скромном убранстве «шапки Узбека». Надетая на меховую опушку золотая корона воспринималась бы как царский знак самостоятельности московских правителей, чего не потерпели бы в Орде. «Шапка Узбека», свидетельствующая о родственных отношениях между московским и золотоордынским правящими домами, возражений вызывать не могла. Поэтому «кесарская» корона имеет столь замаскированный облик, что только посвящённые знали о значении навершия. На изображениях московских правителей осведомлённые художники изображали навершие в форме, более приближенной к традиционному облику короны, — с зубцами и крупнее, нежели это было на самом деле.

Дар Узбека стал почётной регалией. После доработки шапка стала символизировать легитимность власти московских правителей, основанную на авторитете как золотоордынского, так и византийского дара. По мере падения значения ханских ярлыков в качестве источника верховной власти важность золотоордынского происхождения шапки стала уменьшаться вплоть до полного забвения. Значение же византийской символики убора по мере укрепления идеи о том, что Московская Русь является правопреемницей погибшей Византийской империи, возрастало.

Окончательное признание «шапки золотой» Шапкой Мономаха следует связать с эпохой Ивана III Васильевича, который сверг золотоордынское иго, женился на племяннице последнего византийского императора и стал официально именовать себя царём. Былая близость

с ханом Узбеком, составлявшая гордость московских правителей при Иване Калите, теперь напоминала о годах постыдного ига. Но зато посредством легенды о дарах Мономаха издавна почитаемый головной убор стал служить зримым свидетельством древности традиции венчания на престол с использованием византийских императорских регалий.

Легенда о дарах Мономаха позволяла принизить статус великих тверских князей по сравнению с московскими. Наибольшего накала идеологическое противостояние между разными княжествами за право верховенства на Руси должно было достигнуть при Василии I. На Куликовом поле Московское княжество доказало, что способно стать лидером всей Русской земли в борьбе за освобождение от золотоордынского ига. Но победа испортила взаимоотношения с ханами.

Василий I добился ярлыка на московское княжение, но владимирского ярлыка не получил. Его главный политический соперник Михаил Александрович Тверской попеременно с Дмитрием Донским сиживал на владимирском столе, был старше по возрасту и принадлежал к предшествующему поколению Рюриковичей, так что он был знатнее Василия I. Тверской и московский правители боролись за владимирский ярлык, оба вступили в родство с литовскими князьями.

Летописцы уверяют, что во всё правление Василия I никто из русских князей владимирского ярлыка не получал. Эти сведения сомнительны и, видимо, связаны с последующим редактированием неудобных для московского правительства известий. Преследование Василием I нижегородско-суздальских князей Бориса Дмитриевича, а затем Семёна Дмитриевича, верных подручных хана Тохтамыша, говорит о наличии у них владимирского ярлыка. Но, владея ярлыком и стольным Владимиром, эти князья уже не могли противостоять могущественному московскому правителю.

Пребывание митрополита в Москве вкупе с легендой о дарах Мономаха позволяло подвергать сомнению право на верховное владычество всех, кто не венчался должным образом. Под защитой древних обычаев Василий I и без владимирского ярлыка вёл себя как общерусский государь, преследуя князей, добивавшихся ханской милости за счёт преда-

тельства общерусских интересов. При этом он много лет не ездил в Орду и сократил выплату дани, за что его упрекал Едигей. (43, 214)

Русь на несколько лет превратилась в независимую державу. Золотой Орде с напряжением всех сил удалось привести её к покорности после опустошительного нашествия Едигея. Но и после нашествия Василий I сохранил свою власть. Это был великий государственный деятель, сделавший для сохранения русской государственности не меньше, чем его более знаменитые предшественники Александр Невский и Иван Калита. Легенда о дарах Мономаха была направлена на восстановление в народном сознании исконно русских оснований для верховной власти. Её составление следует отнести ко времени правления Василия I.

В наполненное смутами правление слабого Василия II Васильевича Тёмного произошла реставрация старых порядков, и московским боярам пришлось вновь хлопотать о владимирском ярлыке для своего князя. Но несмотря на смену правителей во время междоусобицы, реальная борьба на Руси шла уже не за владимирский престол, а за московский. Москва окончательно утвердилась в качестве общерусской столицы, и в этом утверждении легенда сыграла свою роль.

Относительно великих князей литовских ситуация была иная. Они меньше зависели от ханской воли и имели собственных митрополитов. Попытки разделения Русской церкви начались после того, как галицкие князья около 1302 года выхлопотали себе в Константинополе особого галицкого митрополита Нифонта. (16, 308) В 1317 году стараниями князя Гедимины был поставлен первый литовский митрополит Феофил. (16, 326) Благодаря митрополиту Феогносту эти митрополии были ликвидированы. Великий князь литовский Ольгерд, правивший в 1341–1377 годах, продолжил завоевания своих предшественников. В 1354 году он добился восстановления литовской митрополии, а в 1363 году захватил Киев. Митрополии в Галиции и Литве то появлялись, то упразднялись, пока в 1458 году не произошло окончательное разделение Русской церкви. (16, 380)

Подчинив ряд русских княжеств, литовские вожди восприняли древнерусскую государственную традицию. Официальным языком государственных актов был русский, а правители величали себя великими

князьями Литвы и Руси. В их владениях к тому же был Киев — общерусский стольный город домонгольской эпохи.

С 1385 года Польша и Литва начали объединяться под единым управлением. Постепенно возникла могучая держава, включавшая в себя большую часть южнорусских земель, возглавляемая королями, венчавшимися на королевство по католическому обряду.

Киевский великокняжеский престол в спорах за общерусское лидерство воспринимался более весомо, нежели владимирский, а киевский митрополит не уступал по статусу московскому. Королевское звание в католических землях ценилось выше великокняжеского, поэтому потерявшему исключительность титулу *«великий князь»* московские книжники противопоставили титул *«царь»* как равнозначный титулу *«король»*.

Наметившаяся в эпоху Дмитрия Донского традиция употребления титула *«царь»* начала реализовываться в московской политике значительно позднее. В 1453 году турки взяли штурмом Константинополь. Последний византийский император Константин XII Палеолог погиб, Византийская империя пала. В русской книжной традиции царями обычно называли византийских императоров. После 1453 года на этот титул открылась вакансия.

Иван III в 1472 году женился на Зое, племяннице Константина XII Палеолога, принявшей на Руси имя Софья. В 1473 году венецианцы писали Ивану III о том, что Византия *«за прекращением императорского рода в мужском колене должна принадлежать вашему высочеству в силу вашего благополучнейшего брака»*. Живого, но не имевшего политического веса Андрея Палеолога, брата Софьи, практичные венецианцы в расчёт уже не брали. (16, 406)

Идея о византийском наследстве прижилась при московском дворе. В качестве государственного герба Иван III принимает двуглавого орла, бывшего гербом Византии при Палеологах. Орёл украшает его государственную печать и трон. Время от времени Иван III именует себя царём и самодержцем. *Самодержец* — калька императорского титула *автократор*.

Татищев писал о венчании Дмитрия, внука Ивана III, назначенного в преемники престола:

«Он (Иван III. — В. Т.) по смерти сына короновал внука, который чин точно взят с коронования греческих императоров». (40, 365)

Дмитрий был коронован по чину византийских императоров. Отдельного венчания самого Ивана III по императорскому чину не было. Он удовлетворился обрядом венчания во время бракосочетания с Софьей.

Василий III по матери был уже кровным родственником и наследником византийских императоров. Он называл себя императором с ещё большей настойчивостью, чем его отец. Московских правителей в качестве наследников византийских императоров начинают воспринимать соседи. В 1519 году посол Тевтонского ордена Дитрих Шомберг приглашал Василия III в союзники против турок *«занеже султан турецкий вотчину великаго князя держит».* (16, 406) Вотчиной великого князя немец называл земли бывшей Византийской империи.

Московских правителей прибегнуть к новому именованию заставила развернувшаяся борьба за возвращение русских земель из-под польско-литовского владычества. Женитьба на византийской царевне дала Ивану III возможность поднять свой престиж, а титул императора ставил московских государей выше польско-литовских королей и обосновывал право собирать исконно русские земли. Митрополит Зосима писал в 1492 году:

*«И ныне прослави Бог — в **православии** просиявшего, благовернаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и **самодержца** всея Руси, **новаго царя** Константина **новому граду** Константиню — **Москве**».* (16, 407)

Зосима противопоставил неверным польско-литовским королям правоверного общерусского царя-императора. Вместо павшего под ударами мусульман Константинополя центром православного мира была объявлена Москва. Зосима использовал образы из сочинений Илариона: Иван Васильевич был назван новым Константином Великим, а русская столица была сопоставлена с Константинополем. Только у Илари-

она сравнения делались на основе распространения православия, тогда как у Зосимы во главу угла была поставлена сила светской власти, опиравшейся на православные ценности.

Монахом Ферапонтова монастыря Спиридоном, имевшим в монашестве имя *Савва*, было написано «Послание». Этот высокоучёный затворник ранее был литовским митрополитом. Своё сочинение он составил в эпоху митрополита Варлаама, правившего в 1511–1521 годах, по просьбе близкого к Василию III Вассиана Патрикеева. (8, 82) Спиридон писал:

*«И предает их (Константин Мономах императорские регалии. — В. Т.) митрополиту **Неофиту** с епископы и с своим благородным рядником, и посылает их к великому князю Володимеру Всеволодичю: "Приими от нас, о боголюбивый благоверный княже, сия честныи дарове от начаток вечных лет **твоего родства** поколения на славу и честь и **на венчание** твоего волнаго и **самодержавнаго царства**. И им же начнут тя молити наши послове, и мы ото твое благолюбие просих мира, любве. Да церкви Божия без мятежа будут, и все православие в покои пребудут под сущюю властию нашего царства и твоего волнаго самадрержавства Великия Росии. Да нарицаешися отселе **боговенчаный царь**, венчан сим **царским венцем** рукою святейшаго митрополита Неофита и с епископы". И от того времени князь велики Володимер Всеволодич наречется Манамах и **царь** Великия Росии.*

*И от того часа тем венцем царским, его присла великий царь греческы Костянтин Манамах, **венчаются вси великие князи володимерские**, егда ставятся на великое княжение русское, яко же и сей волный самодержец и **царь** Великия Россия **Василие Иванович** (Василий III. — В. Т.), вторый на десять по колену от великого князя Володимера Манамаха, а от великого князя Рюрика 20-тое колено, и братия его Ивановичи и Андреевичи».* (8, 164–165)

В благородных рядниках, то есть слугах, поступавших на службу в результате договора-ряда, узнаются правители Антиохии, Александрии и Иерусалима из легенды о дарах Мономаха. Но здесь ещё сохранена память о родстве Владимира Всеволодовича и Константина Мономаха, утраченная в иных вариантах легенды. Спиридон подчёркивал импера-

торский и божественный характер власти Василия III, называя его боговенчаным царём и самодержцем.

В «Послании» кратко пересказана священная история, в которой особо выделены первый царь Египта Сеостр, легендарный Сесострис Геродота, и царь римский Август. Август правил всем миром, распределив страны между своими многочисленными братьями. Прусу, брату Августа, достались земли по Висле, а по его имени прозвалась Прусская земля. Потомком Пруса был Рюрик, призванный на княжение в Новгород, — предок Владимира Святого и Владимира Мономаха. Перед нами легенда об Августе, выводящая Рюриковичей от рода римских императоров. Спиридон:

*«**Август** же начят ряд покладати на вселеную. **Постави брата** своего Патрикия царя Египту; и Августалиа, брата своего, Александрии властодержца постави; и Кириная Сирии властодержца положи; и Ирода Антипатрова от Аманит за многие дары и почтения постави царя еврейска в Ерусалиме; а Асию всю поручи Евлагерду, сроднику своему; и Илирика, брата же своего, постави в повершиа Истра; и Пиона постави в Затоцех Златых, иже ныне наричютца Угрове; и **Пруса в брезах Вислы** реки в град, глаголемый Морборок, и Торун, и Хвоиница, и пресловы Гданеск, и иных многих градов по реку, глаголемую Немон, впадшую в море.*

И вселися ту Прус многими времены лет, пожит же до четвертаго рода по колену племени своего. И до сего часа по имени его зовашеся Прусская земля. И сиа о сих.

*И в то время некий воевода новгородскы именем Гостомысль скончавает житие и созва владальца суцая с ним Новагорода и рече: "Совет даю вам, да послете в Прусскую землю мудра мужа и **призовите князя от тамо суцых родов римска царя Августа** рода". Они же шедшее в Прусскую землю и обретошиа тамо некоего князя именем **Рюрик**, суца от рода римска царя Августа, и молишиа его с посланми всех новгородцев. Князь же Рюрик прииде к ним в Новгород и име с собою два брата; имя единому Трувор, другому Синеус, а третий племянник имянем Олег. И оттоле наречен бысть Новгород Великий; и княжай в нем князь великы Рюрик...*

*Не просто бо глаголем государей наших поколениство, благочестия удержавших православныя веры, дом бо их **начяток от Месрема**, внука Ноева.*

Претече же ныне до великого князя Василиа Ивановичя, волнаго самодержца и царя, лет 4 [тысячи] осьмсот. А царству их начяток от Сеостра, начялнаго царя Египту, и от Августа, кесаря римска и царя, сей бо Август пооблада вселеною». (8, 161–166)

В основе легенды лежат восточные предания. В перечислении древних земель узнаётся перечень патриархий — египетской Александрийской, сирийской Антиохийской, палестинской Иерусалимской. К ним присоединено азиатское наследие Евлагерда. Затем более поздний автор прибавил европейские земли.

Перечисление патриархий находим в рассказе об отпадении римских пап от православия:

*«В та бо времена бе лето 6[-тысяч]ное 553 **отвержеся Рим**, и испаде папа Формос от веры. Царю же Костянтину Манамаху от таковых вещей в мнозе печали суцу, собирается собор по совету царску и по благословению святейшаго патриарха **Кир Лария**, и вспосылаются скорейшия послания к другим **патриархом: ерусалимску, и александрску, и антиохийску**. И пакы те посланници вскоре возвратистася и послы тех патриарх и с их посланми и с советом в духовных. И совещаста святейший вселенский патриарх Кир Ларие и боголюбивый царь Костянтин, глаголемый Манамах, с советом вселенскаго собора четырех патриарх и суцих под ними митрополит и епископ, даже и до нижних чинов, сиречь до иереи и диякон, и подьякон, и извергоста папино имя ис паралипомена церковных престол четырех патриарх вселенских. И от тех времен лет даже и до сего часа лытают (праздно проводят время. — В. Т.), от православия веры отпадшия, и наречени быши латина, и х тому не поминается папино имя в церковных преданиях от четырех патриаршеских престол вселенских. Сей бо блядивый Фермос не нарицаем оттоле папа, но отступник православныя нашея веры». (8, 163–164)*

В основу рассказа помещены события 1054 года. В результате прений на константинопольском соборе папские легаты и патриарх Михаил Керуларий взаимно предали друг друга анафеме. Папа Лев IX был в 1054 году в плену у норманнов и не мог принимать активного участия в константинопольских спорах.

У Спиридона именование *Кир Ларие* восходит к прозвищу патриарха *Керуларий*. Папа Формоз правил в 891–896 годах. Его имя, видимо, появилось под влиянием сообщений о более ранних ересь католиков. В одном из списков «Сказания о князьях владимирских» переход Формоза и короля Карла в аполинариеву ересь датирован 6386 (878) годом. (8, 38)

Создатели легенды о дарах Мономаха использовали рассказ Спиридона для составления списка участников венчания русского князя на царство. Рассказ датирован 1045 годом, то есть события омоложены на девять лет. От венчания Всеволода Ярославича на царство дата отличается на 10 лет. Первоначально в «Сказании» Ефрема дату имело кесарское венчание. Чтобы пояснить появление антиохийского патриарха во втором венчании, был приведён рассказ о соборе, с оговоркой, что он состоялся в предшествующем венчанию году. При переделке «Сказания» более поздний редактор исправил дату, перенеся событие на 10 лет раньше.

Спиридон, снабдив первую часть своего «Послания» приукрашенной родословной Рюриковичей, во второй части привёл родословную их политических противников — литовский князей. Их родоначальником выведен Гегиминик, слуга Витиника, который, в свою очередь, был слугой князя Ростислава Мстиславича Смоленского. Женой Гегиминика была вдова Витиника, дочь неизвестного бортника-жемайта. (8, 167)

Под Гегимиником скрывается реальный родоначальник литовских князей Гедимин, правивший в 1316–1341 годах. Гедимин был сыном литовского князя Лютувера и преемником на литовском престоле старшего брата Витена. Княжеским титулом потомки Гедимины обзавелись благодаря бракам с русскими князьями. Спиридон преуменьшил знатность литовских правителей. Но зато не преминул подчеркнуть родство с Рюриковичами заказчика «Послания» Вассиана Патрикеева, происходившего из рода Гедиминовичей, но по женской линии бывшего правнуком Ивана III. Так что сочинение Спиридона имело антилитовскую направленность.

Спиридон вёл род московских царей от Месрема, внука Ноя, а традицию их царствования — от фараона Сесостриса. Месрем, библей-

ский Мицраим, был прародителем египтян. Но эта египетская родословная не закрепились. Родство же с Августом было официально признано московским двором при Иване IV Грозном. Татищев отмечал польские корни легенды о родстве с Августом:

«Рюрик от рода Августа императора. Сию басню, мною, первый князь Глинский тесть царя Василия, а дед по матери Иоанна II-го (Ивана IV Грозного. — В. Т.) из Литвы привнес, которому, может Герберштейн слыша, согласовал, а Макарий митрополит, яко же Иоанн II, не рассмотря польских гнилых доводов, за истину принял». (40, 307)

Василий III женился на Елене Глинской, дочери литовского князя Василия Львовича Глинского, в 1526 году уже после написания «Послания» Спиридоном. Василий III вёл тяжелые войны с Литвой и сумел в 1514 году вернуть Смоленск. Ему было важно заручиться поддержкой русско-литовской знати соседнего государства, которое в это время было главным противником Руси. Появление легенды о родстве с Августом и свадьба с Еленой были следствиями этой борьбы. Окружение Елены, несомненно, много сделало для упрочения выгодной для себя легенды о стародавнем родстве литовской знати с Рюриковичами. Отсюда мнение Татищева об авторстве Василия Глинского.

В другом месте Татищев называет легенду «польским баснями». (40, 371) Татищев, следуя Готлибу Байеру, отмечал, что легенда восходит к учёным изысканиям краковского епископа Викентия Кадлубека. Согласно Кадлубеку, польская династия Кошишков, правившая до династии Пястов, была в родстве с Августом. Он приводит такие красочные детали, как троекратная победа Лешка III над Юлием Цезарем и разгром им Публия Красса во время пребывания того в Парфии. Юлий Цезарь, чтобы помириться с могущественным поляком, выдал за него замуж свою сестру Юлию, а в приданое отдал Баварию. Юлия же получила от мужа во владение Самбийскую и Прусскую земли. (40, 293)

Парфянский поход возглавлял Марк Лициний Красс. Но его отец и сын носили имя Публий. Публий Младший погиб в 53 году до нашей эры в этом несчастном для римлян предприятии чуть раньше отца. Кадлубек был знаком с античной историей. Он умер в 1223 году, так

что польская легенда о родстве славянских правителей с римскими императорами была более проработанной и более ранней, нежели её русский извод.

Пётр Дюсбургский и Николаус фон Ерошин, жившие в XIV веке, сообщают о прусском первожреце Криве из общепрусского святилища Ромов. С. Грунау, автор XVI века, в описании мифологической эпохи у пруссов говорит о братьях Видевуте и Брутене. Брутен принял титул Криво Кривайто и воздвиг в Рикойто жилище для бога Патолса. (26, 15) Созвучие названия прусского святилища с Римом, а Брутена с противником Юлия Цезаря Брутом стало одним из оснований учёных построений Викентия.

Татищев отмечал поэтапное формирование преданий о происхождении Рюриковичей:

«Степенную книгу, по сказанию Игнатия диакона, сочинил первое Киприан митрополит, а Макарий пополнил родословие от Цесаря Августа, поверя Глинскому, деду царя Иоанна II-го. По нем Никон патриарх басен умножил и до Федора II продолжил». (40, 231–232)

Киприан был митрополитом в 1381–1382 годах при Дмитрии Донском и в 1390–1406 годах при Василии I. В первое его правление смертельную опасность для Руси представляла Золотая Орда. Только что состоялась тяжелейшая Куликовская битва, в августе 1382 года хан Тохтамыш сжёг Москву. Положение Киприана, занявшего московскую кафедру в результате долгой борьбы с иными претендентами, было неустойчивым и завершилось его изгнанием. Так что ему было не до литературных занятий. Иная ситуация сложилась во время второго периода московской жизни этого митрополита.

Киприан стал соратником Василия I в деле упрочения государства. Деятельность его в этот период была направлена на возвеличивание московских правителей. (16, 347) Составление «Степенной книги» стало одним из таких деяний. В самом тексте сочинение поименовано как «Книга степенная царского родословия» и посвящено истории рода Рюриковичей.

Написание «Степенной книги» потребовало сбора самых разных древних свидетельств, что объясняет использование сочинения митрополита Ефрема. Обращение же к царской теме следует связать с событиями 1386 года, в котором великий князь литовский Ягайло женился на польской королеве Ядвиге, приняв титул польского короля. Спустя несколько лет он передал титул великого князя литовского своим родственникам на условиях вассальной зависимости.

Двоюродный брат Ягайло Витовт, опираясь на военную помощь Тевтонского ордена, в 1392 году начал завоевание Литовского княжества, а затем вынудил Ягайло признать его великим князем литовским. Успеху Витовта, упрочившегося на престоле, способствовал союз с Москвой, заключённый посредством брака Василия I и дочери Витовта Софьи.

В Никоновской летописи русско-литовская свадьба датирована воскресеньем 9 января 6899 года. Это был день памяти мученика Полиевкта. (31, 123) По осенней эре дата соответствует 1391 году, по весенней — 1392-му. Но 9 января приходилось на воскресенье в 1390 году. Венчание проводил Киприан, приехавший в Москву после января 1390 года. В летописании этой эпохи под разными годами помещены дублирующие известия, что говорит о влиянии разных эр.

Совет заключить союз с Москвой Витовту дали тевтонские рыцари во время летнего похода 1392 года, поэтому переговоры о союзе следует датировать осенью этого года. Торжественный въезд свадебного посольства в Москву состоялся 1 декабря, которое было воскресным в 1392 году. (31, 123) Последовавшее затем 9 января 1393 года было четвергом. Свадьбы московских правителей приурочивались либо к четвергам, либо к воскресеньям. Исторический контекст событий говорит о том, что бракосочетание состоялось 9 января 1393 года, но поздний летописец посчитал, что торжество состоялось в воскресенье, и внёс свою недостоверную поправку.

В первые годы правления Витовта русско-литовские отношения были мирными. Только на последнем году жизни Киприана начались военные столкновения. Киприан был в дружеских отношениях с Ягайло. Добрые отношения с соседними государями позволяли ему осу-

ществлять церковное управление над православными жителями Литовского княжества и частью западнорусского населения во владениях Польши.

Перед Киприаном стояла нелёгкая задача обеспечить единство Русской церкви. Легенда о дарах Мономаха возвышала как московского правителя, так и московского митрополита, поэтому её создание следует связать с Киприаном или его окружением. Легенда была помещена в «Степенную книгу», в составе которой со временем была дополнена.

При венчании в 1498 году Дмитрия, внука Ивана III, использовались ШАПКА Мономаха и бармы — широкое оплечье со священными изображениями. (2, 4) Бармы упоминаются в завещании Ивана Калиты 1328 года, но они не сохранились. Представление об этом царском наряде дают бармы царя Алексея Михайловича, изготовленные в 1662 году в Стамбуле: на округлом шёлковом воротнике размещены семь медальонов. В центре медальонов помещены эмалированные изображения из Священной истории, с богатым окладом из драгоценных камней. (2, 3)

Примечательны сюжеты изображений. Центральное место занимает Богородица Одигитрия. По богатству обрамления выделяются изображение Креста Господня с Константином Великим и Еленой, а также изображение чуда св. Меркурия, поражающего императора Юлиана Отступника.

Воспоминание о Константине Великом и Елене было связано со свадьбой Всеволода Ярославича и Марии. Гибель Юлиана Отступника в древнерусской литературе упоминалась в сказаниях о святых братьях Борисе и Глебе в связи с легендами о гибели их убийцы Святополка Ярополчича. Сказания эти начали формироваться во второй половине XI века, когда память о трагических событиях той усобицы ещё живо волновала общество. Позднее сопоставление Юлиана со Святополком должно было восприниматься не так остро.

Поющего псалмы царя Давида следует соотнести с начальной порой формирования культа Владимира Святого, которого Иларион отождествлял с этим библейским персонажем, изображение Сорока севастиийских мучеников — с потаённым культом севастиийца киевского

митрополита Михаила. Посредством севастийских мучеников память о митрополите Михаиле была запечатлена на стенах киевского Софийского собора. Празднование Благовещения на площади у константинопольского Софийского собора, во время которого горожане выпускают на свободу птиц, соответствует установлению в Киеве при Ярославе Мудром благовещенского культа. Образ птиц и зверей, спасшихся от гибели в водах Всемирного потопа в Ноевом ковчеге, ведёт нас к нарисованному Иларионом образу нового народа, спасшегося посредством крещения для вечной жизни.

В целом символика барм Алексея Михайловича перекликается с творчеством Илариона, и прототипы изображений восходят к более ранним изображениям барм, изготовленным по заказу Всеволода Ярославича.

Упоминаемые в легенде о дарах Мономаха царские регалии включали в себя драгоценные головные уборы и бармы. В перечне регалий из грамоты патриарха Иосафа узнаются императорская корона-венец и кесарский венец. Упоминание «*камения честного*» следует связать с бармами. Дары включали в себя царские одежды и иные регалии.

Византийские подлинники не сохранились. Но успевшая сложиться традиция их использования в качестве символов власти приводила к изготовлению копий на основе древних описаний. Так что Шапка Мономаха является историческим правопреемником полученной Всеволодом Ярославичем короны.

В «Синописе» приведена подложная грамота Алексея Комнина к Владимиру Мономаху, в которой перечислен более широкий набор даров Мономаха:

*«Се посылаю ти **венец** царский еще Константина Мономаха, отца матери твоея, и **скипетр**, и **диадиму**, и **крест с животворящим древом** златый, **гривну** и прочая царская знаменья, и дары, ими же венчают благородство твое посланныи от мене святители, яко да будеши отселе боговенчанный царь Российской земли».* (15, примеч. II, 220)

К уже знакомым нам императорской короне и кесарскому венцу-диадеме в этом перечне прибавлены гривна, скипетр и золотой крест

с животворящим деревом. Гривна была шейным украшением, поэтому с ней можно связать бармы. Скипетр и держава наряду с короной были основными регалиями византийских императоров. Державу на Руси именовали «золотым яблоком». При венчании Ивана Грозного в 1547 году скипетр и держава ещё не использовались. (2, 12) В обряд венчания на царство эти регалии были включены позднее.

Среди регалий московских царей есть нагрудные кресты в виде процветшего древа жизни. Подобными крестами увенчаны и сохранившиеся державы. (2, 12–22) В Византии держава представляла собой шар с крестом. В перечне даров из Никоновской летописи на первом месте стоит «крест от животворящего древа». Сведения легенды о дарах Мономаха говорят о том, что существовала традиция изготавливать державный крест из кусочков дерева Креста Господня, который был принесён св. Еленой в Константинополь из Иерусалима. Животворящим крест был назван из-за произошедшего чуда. Елена обнаружила три креста — Христа и двух распятых вместе с ним разбойников. К каждому поднесли умершую женщину, и она воскресла у креста Христа.

Золотое яблоко было рано утрачено. Сохранившийся державный крест стали носить на золотой цепи в качестве нагрудного украшения. После того как была утрачена и эта деревянная реликвия, её заменили на золотой крест в виде животворящего древа.

Татищев считал, что драгоценности, оставленные Владимиром Мономахом потомкам, включали в себя не только дары императора, но и военные трофеи:

*«Сказуют же, что он Мономахом назван от того, когда он был с **войском в херсонской земли у града Кафы** и, устроя полки, к бою против войска греческого приготовился, тогда **воевода херсонский**, выступя против Владимира с великим войском и прислал Владимиру говорить, чтоб общим боем напрасно людей не терять: "Лучше биться мне со Владимиром, яко главным в войске на поединке, и кто кого победит, тот как победитель во всем требуемом право и власть получит". Владимир, вооружась, выехал на место назначенное. И как скоро воевода в тяжких его бронях и богатом убранстве*

*приблизился, Владимир, тотчас наехав, так его крепко в бок ударил копьем, что воевода с лошади упал. Владимир же, не хотя его падшего умертвить, взял жива со всюю бронию, привел его к своим полкам и, сняв с него **цепь** златую драгоценную и **пояс**, на себе возложил». (41, 137)*

В поединке были добыта цепь и пояс. Стрыйковский дополняет рассказ объяснением прозвания *Мономах* из греческого значения этого слова — «*поединщик*». Владимир победил в поединке вражеского полководца и этим заслужил своё прозвище:

*«И егда оба сретошася, Владимир, мужественно наехав с копием, с коня воеводу ссадил, и взял его жива, связав привел вооруженного к воинству своему, и, сняв с него **цепь** златую великую, **бисерами и многоцветными камни** изрядно устроенную, которая и ныне есть в сокровищах русских. И когда государи русские помазываются на престол, сию цепь, ю же **барми** именуют, на себя возлагают. Також есть **пояс** со златом и бисером и **шапка** княжая со **златыми дщицами** и драгим камением, изрядно сделана, ко священию на княжение и **к венчанию на престол** [Владимир Мономах] оставил. Их же и ныне государи русские наследие его со всяким благополучием употребляют. А зане сей Владимир на поединке славную над неприятелем кафинским победу имел, того ради с греческаго **Мономахом**, или **Поединщиком**, его прозвали». (41, 263)*

Драгоценный наряд использовался в обряде венчания на княжение. Богато украшенная шапка из золотых досок — Шапка Мономаха, состоящая из восьми золотых пластин. Пояс был украшен золотом и бисером. Драгоценный пояс, принадлежавший Дмитрию Донскому, был одной из причин распри при Василии Тёмном. Пояс был «*злат на чепех с камением*». (9, 80)

Стрыйковский утверждает, что снятая в поединке цепь была бармами. Но эта догадка неверна. Бармы могли причисляться к золотым цепям, но символика их явно не херсонесского, а русского происхождения.

В легенде златые цепи упоминаются во множественном числе. Золотые цепи, судя по духовным грамотам первых московских князей, были важной частью их наряда. (2, 20) Сохранились длинные массивные золотые цепи московских правителей западноевропейского и местного

производства XVI–XVII веков. (2, 19–21) Владимир Мономах обзавёлся в Крыму не бармами, а подобной золотой цепью.

Пояс и цепь не упоминались в легенде о дарах Мономаха, и поэтому их нахождение среди московских регалий было узаконено преданием о поединке. Основу для предания дало летописное описание похода 1095 года, приведённое Татищевым:

«Корсуняне, напав, русские корабли разбили и многое богатство побрали, о чем Святополк и Владимир посылали царю Алексею (императору Алексею Комнину. — В. Т.) просить и к корсуняном, но не получили достойного награждения. Для которого Владимир с Давидом Игоревичем и Ярославом Ярополчицем, имеющим войски Святополковы, к тому взяв торков и козаров, пошел в Корсунь. И сошедшись с войски корсунскими, у града их Кафы победил. По котором корсуняне, заплатя все убытки Владимиру, мир испросили. И Владимир возвратился с честью и богатством великим». (41, 103)

То, что сражение произошло у Кафы, в восточном Крыму, говорит о конфликте крымских греков с Тмутараканским княжеством. Об этом же свидетельствует участие в походе хазар, остатки которых долее всего удерживались на Тамани. В «Поучении Владимира Мономаха» автор перечисляет свои походы, но крымского среди них нет. Поучение дошло до нашего времени не в полном виде, к тому же Владимир упомянул только наиболее важные события своей жизни. В «Поучении», во времена, близкие к татищевской датировке крымского похода, говорится о приходе к Владимиру, бывшему в это время переяславским князем, торков из половецких земель.

Ярослав Ярополчич умер в 1103 году. (9, 664) Давыд Игоревич осенью 1097 года стал виновником длительной междоусобицы, вызванной ослеплением им Василька Тербовальского, которого он захватил в Киеве и увёз в свой стольный город Владимир-Волынский. Их совместный поход с Владимиром Мономахом мог состояться только до осени 1097 года. 1095 и 1096 годы были заполнены войнами с половцами. Передышка наступила в 1097 году. Поэтому поход, состоявшийся после длительных и безрезультатных переговоров, следует отнести к 1097 году. Редкое известие Татищева имеет «эру – 5506 года».

Во времена Владимира Мономаха античная Феодосия лежала в развалинах, а на её месте было небольшое селение. Процветающим городом она стала позднее, когда превратилась в опорную базу генуэзских купцов. Скорее всего, название Кафа появилось под пером позднего редактора, заменившего малоизвестный в его время Корчев, современную Керчь, на знаменитую Кафу. Поход был связан с постепенным вытеснением византийцами русов из Крыма.

В основе легенды об обретении цепи и пояса лежат реальные события. Московские книжники достаточно осторожно обращались с оказавшимся у них «Сказанием о венчании русских князей». Они вполне могли бы дополнить его, включив в дары Мономаха цепь и пояс. Поэтому к указанию «Синописиса» о наличии среди даров скипетра, креста-державы и гривны-барм следует отнестись с доверием. Скипетр и держава были рано утеряны, и только после возрождения интереса к былым связям с византийскими императорами их восстановили по старинным описаниям.

В разных вариантах легенды упоминается сердоликовая крабица. Слово «*крабия*» имеет значение «*короб, ящик*». (10, 267) Исходя из этого значения крабица — ларец, шкатулка. Но Карамзин приводит такое известие:

«Великий князь Владимир призывает других князей русских, сродников, бояр, синклит, митрополита, епископов и говорит им: "Олег, Игорь, Святослав, Владимир, Всеволод брали дань с Константинополя, но греки не хотят ныне давать её. Что делать?" — "Принудить их, государь", — отвечивал совет единодушно. И Владимир отправил послов к императору Константину Мономаху. Сей император с гордостью отвергнул требование россиян, и великий князь велел Мстиславу наказать греков. Мужественный сын его завоевал Фракию и другие греческие области.

Тогда император, видя беду, советовался с патриархом Иларием и вздумал послать в Киев ефесского митрополита Неофита с другими святителями и чиновниками. Снял с шеи своей животворящий крест, с головы венец и положил на золотое блюдо. Спросил также крабийцу сердоликовую, из коей пивал Август Кесарь, цепь золотую и многия иныя драгоценности. Вручил

оныя послам и велел сказать Владимиру: "Оставь в покое христиан единоверных, возьми украшения древних царей греческих, будь также царём и моим братом!" Владимир согласился, и Неофит в соборной церкви возложил на него венец, крест животворящий, **порфиру, виссон и гривну** золотую, назвав великого князя Мономахом, подобно императору Константину.

Наконец, умирая, сей государь российский собрал знаменитое духовенство, бояр, купцов и сказал им: "Да не венчают никого на царство по моей смерти! Отечество наше разделено на многие области. Если будет Царь, то удельные князья от зависти начнут воевать с ним и государство погибнет". Он вручил **царскую утварь** шестому сыну своему **Георгию**. Велел хранить оную как душу или зеницу ока и передавать из рода в род, пока Бог **воздвигнет царя**, истинного самодержца в государстве великороссийском». (15, примеч. II, 220)

Послов к Константину IX Мономаху отправлял не Владимир Мономах, а Владимир Ярославич. Константин IX, действительно, отверг мирные предложения русов, после чего последовали военные действия во Фракии-Болгарии. Замена Владимира Ярославича на Владимира Мономаха привела к замене в ряду бравших дань с греков русских правителей Ярослава Мудрого на его сына Всеволода. В патриархе Иларию узнаётся патриарх Михаил Керуларий, от именованного которого уцелела только часть прозвища. Михаил был патриархом во время пребывания Всеволода Ярославича в Византии. Под слоем поздних искажений просматриваются черты подлинных событий.

Передача регалий шестому сыну Юрию Долгорукому сомнительна. После смерти Владимира Мономаха великокняжеский престол унаследовал его старший сын Мстислав. Матерью Мстислава была английская принцесса Гита. Сам он был женат на шведской принцессе. Одна его дочь была выдана за византийского царевича, а другая — за норвежского короля. Регалии должны были достаться Мстиславу и переходить по линии его потомков. Юрий Долгорукий смог стать их обладателем позднее, когда взойшёл на киевский престол. Но он скончался в Киеве и его двор был разграблен восставшими киевлянами.

В 1169 году владимирский князь Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, отправил войско во главе с сыном Мстиславом, суздаль-

ским князем, на Киев. Мстислав штурмом взял столицу, изгнал великого князя Мстислава Изяславича, вместо которого на престол был возведён брат Андрея Боголюбского Глеб. Победители разграбили захваченный город. Татищев:

*«И пограбиша весь град, Подоліе и Гору, и монастыри, святую Софію и прочія церкви; церквам же горящим, христіаном убиваемым, другим вяжемым, женам и детям пленяемым и разлучаемым, имению разхищаему. И не бе помощи, **церкви бо вси обнажиша, иконы, книги и колокола** смоляне, суздальци, черниговцы и Ольгова дружина разнесоша».* (42, 275)

С этим разграблением Киева и следует связать появление регалий Владимира Мономаха во Владимире-Залесском.

Автор, вложивший в уста Владимира Мономаха завет держать императорские регалии в тайне, писал не ранее эпохи Ивана IV Грозного, ставшего первым венчанным царём-самодержцем. Но упоминание о даях, которые брали с греков русские князья, ведёт нас ко времени более ранним, нежели время составления Спиридоном «Послания». Ростовский епископ Вассиан Рыло в 1480 году направил Ивану III «Послание на Угру», в котором поддерживал стремление великого князя сбросить золотоордынское владычество. Стояние на Угре 1480 года было успешным. Русские отразили многочисленные попытки войск хана Ахмата переправиться через реку и этим положили конец игу. Вассиан писал:

«Поревнуй прежебывшим прародителем твоим, великим князем: неточію Рускую землю обороняху от поганых, но иные страны приимаху под соби, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царех дань имали, потом же и Владимира Мономаха, како и коли бился со оканными половци за Русьскую землю, и иные мнози, их же паче нас ты веси». (8, 12–13)

Здесь Владимир Мономах ещё не включен в перечень князей, бравших дань с Византии. Вассиан был знаком с сочинением Ефрема, из которого заимствовал идею о былом величии русских правителей.

В сообщении Карамзина дары Мономаха дополнены царскими одеяниями и золотым блюдом. Сердоликовая крабница здесь определена как сосуд, из которого пивал император Август. Становится понятным, что

из фразы легенды «*крабицу сердоликову, из нея же Август, царь римский, веселяшися*» вычеркнуто слово «*пивал*». Первоначально говорилось о кубке императора Августа. Позднее реликвию стали воспринимать как шкатулку, в которой хранились иные регалии, что повлекло за собой сокращение текста. Надо полагать, что кубок Августа стал вещественной основой для формирования легенды о происхождении московских царей от рода Августа.

Кубок Августа имел металлический каркас, в котором боковая поверхность состояла из сердоликовых пластин. Его конфигурацию примерно передают цельнометаллические потиры из сокровищницы московских царей. Металлический каркас, в который вставлялись пластины из полированного камня, имели шкатулки. Схожесть технологии изготовления привела к близости названий шкатулок и кубков, что стало причиной смешения.

У Спиридона приводится такой перечень даров Мономаха:

«И от своя выя приемлет животворящий крест от самого животворящего древа, на нем же распяты владыко Христос. Снемлет же от своя главы и венец царскы и поставляет на блюде злате. Повелевает же принести и крабицу сердаликову, из нея же Август, кесарь римский, веселяшися, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше, и кацию, иже от злата аравийска исковану, и измирну с многими благовонными цветы Индийския земля составлену, и ливан от злата аравийска трома (тремя. — В. Т.) смешение имат, и ины многи дарове». (8, 164)

В одном из вариантов «Послания» при описании крабицы стоит слово «*напаевашися*», что соответствует карамзинскому указанию о том, что Август пивал из крабицы. Спиридон писал о кубке, использовавшемся для питья. Более поздние редакторы исключили это уточнение. Среди даров были уже знакомый нам нагрудный крест, изготовленный из Креста Господня, императорская корона, золотое блюдо, кубок. В носимом на плечах ожерелье узнаются бармы, два самых нарядных медальона которых помещались на плечах.

Кация — жаровня с ручкой, использовавшаяся в церковной службе для каждения. (10, 247) К золотому кадилу прилагались благовония, описанные в несколько искажённой форме. Среди них были индийская

смирна и аравийский ливан, то есть ладан, приготовленные на основе разных благовоний. (10, 282)

Всеволод Ярославич вывез из Византии на Русь ценности, которые включали в себя императорскую и кесарскую короны, скипетр, державу, драгоценные одежды, бармы, кубок, блюдо, кадило. Все эти предметы использовались в византийском по происхождению обряде венчания на царство. Подлинники были утрачены, но традиция использования византийских святынь благодаря «Сказанию» Ефрема и восстанавливаемым по памяти регалиям сыграла важную роль в становлении русской государственной символики.

Литература

1. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.
2. Бобровницкая И. А. Регалии российских государей. М., 2004.
3. Брюсова В. Т. Русско-византийские отношения середины XI века // Вестник истории. № 3. М., 1972.
4. Васильевский В. Т. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909.
5. Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842.
6. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. К., 1966.
7. Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.
8. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
9. Донской Д. В. Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008.
10. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
11. Евдокимова А. А. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008.
12. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978.
13. Ивакин Г. Святой Евстафий без святого Михаила // Родина. 2007. № 6.
14. История России в лицах: Биографический словарь. М., 1997.
15. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. 1–4. М., 1988.
16. Карташев А. В. Очерки истории Русской Церкви. Т. 1. Минск, 2007.
17. Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006.
18. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
19. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.

20. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. 16. М., 2000.
21. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.
22. Литаврин Г. Г. Война Руси против Византии в 1043 году // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и её славянские соседи. М., 1972.
23. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. М., 2005.
24. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995.
25. Марков А. Беломорские былины. М., 1901.
26. Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
27. Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
28. Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984.
29. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.
30. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.
31. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 10. М., 2000.
32. Повесть временных лет. СПб., 1996.
33. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
34. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
35. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
36. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. М., 1997.
37. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997.
38. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. М., 1997.
39. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
40. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994.
41. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
42. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1995.
43. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 5–6. М., 1996.
44. Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. О построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем к тому потребном, ради любопытных собранное из различных показаний в кратце // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 22. М., 1855.
45. Янин В. А. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1 (Печати X — начала XIII в.).

Глава 7

РУССКИЙ СОЛОМОН

Кончина

Кончина Ярослава Мудрого в старших летописях отнесена к 6562 году, поэтому её традиционно приурочивают к 1054 году. Радзивилловская летопись:

«Ярославу приспе конец житъя, и предаст душу свою Богу в субботу 1 поста святаго Феодора. Всеволод же спрята тело отца своего, возложише на сани и везоша к Киеву. И попове поюще обычныя песни. И плакашася по нем людие, и принесли, и положиша в раце мороморяне, в церкви святое Софии. И плакася по нем Всеволод и кияне. И жил лет 76». (21, 69)

В первую субботу Великого поста во время церковной службы вспоминается чудо великомученика Феодора Тирона, разгадавшего злоумышление императора Юлиана Отступника, правившего в 361–363 годах и пытавшегося осквернить христиан продажей им идоложертвенной пищи. В связи с этим суббота носит название фёдоровской. (3, 220) Тело правителя везли в Киев, потому что выше говорилось о его болезни в Вышгороде. Ярослав скончался в фёдоровскую субботу в возрасте 76 лет был похоронен в мраморном саркофаге в киевском Софийском соборе. Мраморный саркофаг с мощами причисленного к лику святых князя находится в соборе по сию пору.

В Ипатьевской летописи приведена более полная датировка:

«Ярославу же приспе конец житъя и предаст душу свою месяца февраля в 20 в субботу 1 недели поста в святого Федора день». (10, 150)

Великий князь умер 20 февраля. Этот же день приводит Татищев:

«И приспе Ярославу конец жития, предаде душу свою Богу февраля 20, в субботу 1-ю поста. Изяслав же и Всеволод, похороня тело отца своего, взло-

*жили на сани и везли к Киеву со множеством клира, поющих обычные песни. И принешии, положили в раке мраморяне у церкви святыя Софии со многим плачем детей его и всего народа. Жил бо лет 76, а **на великом княжении бысть 35 лет**». (29, 82)*

Продолжительность великого княжения Ярослава исчислена в 35 лет. Фёдоровская суббота приходилась на 20 февраля в 1059 году, в котором Пасху справляли 4 апреля. Дата кончины великого князя приведена по весенней «эре –5504 года». (8, 15)

В 1054 году, к которому обычно относят кончину Ярослава, фёдоровская суббота приходилась на 19 февраля. Эта разница всего в один день смущала уже Татищева:

*«Сего года суббота 1-я поста была **19 числа**, а неделя 20, ибо пасха была апреля 3 числа, и тако видно, что **в ночи субботы на неделю** скончался». (29, 245)*

По предположению Татищева, кончина пришлась в ночь с субботы на воскресенье, что привело к путанице в днях. Карамзин, признававший только весенний счёт лет, предложил исправить не только день, но и год. Ведь 19 февраля 1054 года по весеннему счёту шёл не 6562, а 6561 год от сотворения мира. (11, примеч. II, 50) Н. В. Шляков считал днём смерти фёдоровскую субботу весеннего 6562 года, что даёт 4 марта 1055 года. (33, 400) В источниках 4 марта не упоминается, но есть 17 февраля и 28 февраля, которые внимания исследователей не привлекли. (33, 367)

Ян Длугош относил кончину Ярослава к 7 ноября 1051 года. (13, 10) 7 ноября празднуется день памяти св. Феодора Мелитинского. Имена святых перепутаны, что привело к смещению даты на ноябрь. Год у Длугоша отличается от реального на восемь лет, что следует связать с ошибкой в переводе на католическое летосчисление. Дата его информаторов имела осеннюю «эру –5508 года».

В Тверской летописи время кончины связано с памятью папы римского Льва:

*«Ярославу же приспе конец жития, и предаст душу свою месяца февраля 20, в субботу 1 недели поста, **на память** иже во святых отца нашего **Лва, папы римскаго**». (22, 152)*

20 февраля отмечается память Льва, епископа Катанского. Память Льва, папы римского, отмечается 18 февраля. Около интересующего нас времени фёдоровская суббота на 18 февраля не выпадала. Упоминание римского папы ошибочно. Субботой 18 февраля было в 1055 году, что соответствует 6562 году по весенней «эре –5508 года». Фёдоровская суббота была в этом году в марте.

Для летописцев, которые пользовались иной, нежели весенняя «эра –5504 года», эрой, фёдоровская суббота 20 февраля не соответствовала 6562 году, что приводило к подгонке дня кончины.

Семнадцатое февраля было субботой в 1056 году. Автор этого исправления применял «эру –5506 года». Пасха в 1056 году была 7 апреля, а фёдоровская суббота — 24 февраля. 28 февраля было субботой в 1058 году, в котором Пасха была 19 апреля, фёдоровская суббота — 7 марта. Этот редактор использовал осеннюю «эру –5504 года». При подгонке не учитывалось соотнесение с фёдоровской субботой. Архаичность использованных эр говорит о том, что дискуссия по поводу времени кончины великого князя возникла не позднее конца XI века.

На стене центрального нефа киевского Софийского собора неподалёку от изображения Ярослава Мудрого с семейством под слоем поздней штукатурки было обнаружено граффити:

«В лето 6562 месяца февраля 20 успение царя нашего в в... с... Феодора».
(4, 39)

Подобные надписи делались современником событий. Судя по редкому применению титула «царь», автор граффити не зависел от летописных источников. Совпадение хронологических указаний с данными Ипатьевской летописи не оставляет сомнений в том, что перед нами сообщение о кончине Ярослава. Две строки пострадали, но могут быть восстановлены. Буква «с» — остаток слова «святого», то есть святого Феодора, буква «в» входила в название *Вышгород*, в котором Ярослав умер. В конце граффити речь шла о кончине в Вышгороде на день святого Феодора. В надписи кратко изложены сведения, более пространно записанные в старших летописях, авторы которых использовали эту эпитафию.

В обозначении года последняя цифра «2» вынесена вверх над титлом числа «60». Автор как бы оставляет возможность записать иную последнюю цифру на свободном поле справа от числа «60». Это свидетельствует о его сомнениях в правильности счёта по «эре –5504 года».

Граффити подтверждает правильность данных Ипатьевской летописи. Замена дня кончины на 19 февраля или иные дни недостоверна.

Вплотную подошёл к обоснованию правильной даты А. А. Куник, но не решился опубликовать находку. В примечаниях к своей статье, специально посвящённой времени кончины Ярослава Мудрого, он писал:

*«Из теперь уже устаревших заметок, составленных мною 40 лет тому назад, сохранились ещё только две, а именно 1055 и **1059 годов**. В 1855 году я уже хотел принять 1055 год за год смерти Ярослава... Но в следующие затем годы я смотрел на все эти **заметки как на наброски**».* (13, 16)

Историк обнаружил, что соответствующая летописным данным фёдоровская суббота была в 1059 году, но столь большое расхождение с общепринятым мнением парализовало его волю. Тем не менее, дав таблицу фёдоровских суббот за ряд лет, он не включил в неё 1059 год из опасения дать кому-либо ключ к возможному открытию. (13, 11)

В Никоновской летописи кончина Ярослава приурочена к четвёртому году правления Михаила IV Пафлагона:

*«В лето 6562, в **четвертое лето Михаила** Пефлогоненина греческого царя. Преставление Ярославле...*

*Ярославлю же приспе конец жития, и предаст блаженную свою душу Господеву месяца февраля в 20 день, в субботу 1 недели поста, **на память** святого мученика **Феодора Тирона**».* (19, 85–86)

Согласно святцам, память Феодора Тирона отмечается 17 февраля, а кончина датируется временем около 306 года. (24, 46) Первой субботой Великого поста 17 февраля было в 305 году. Кончина святого была датирована по весенней «эре –5506 года» или по осенней «эре –5507 года». Произошло это в правление императора Диоклетиана, который в церковных преданиях был заменён на Юлиана Отступника. Святому установили два празднества: непереходящее — 17 февраля

и переходящее, привязанное к пасхальному циклу. В Никоновской летописи подразумевается фёдоровская суббота.

Михаил IV Пафлагон правил в 1034–1041 годах. В 1041–1042 годах правил Михаил V Калафат, в 1056–1057 годах — Михаил VI Стратиготик. Судя по времени правлений, одноимённые императоры спутаны и отсчёт следует вести от начала правления Михаила VI. Четвёртый год в зависимости от способа счёта приходится на 1059 или 1060 год.

В Никоновской летописи перечень императоров доведён до Константина X Дуки, правившего в 1059–1067 годах. После этого говорится о начале правления Изяслава Ярославича. Согласно перечню императоров, Изяслав начал править не ранее 1059 года. Данные этой летописи подкрепляют отнесение кончины Ярослава к 1059 году.

После смерти Ярослава Мудрого, в Софийском соборе бытовала столь поразившая Куника весенняя «эра –5504 года». Её использование подтверждают сведения о кончине новгородского посадника Остромира. В Тверской летописи в статье 6562 года читаем:

*«И приде Изяслав к Новогороду, и посади **Остромира в Новегороде**. И иде Остромир с новгородци на чюдъ, и **убиша его чюдъ**, и паде много с ним новгородцев. И пакы Изяслав иде на чюдъ, и взя Осек Кевидив, сиречь Солнца рука». (22, 152)*

Изяслав пришёл в Новгород на княжение и почему-то возвёл в новгородские посадники Остромира. Остромир погиб в походе, а Изяслав отомстил за его смерть. Аналогичное сообщение есть в Никоновской летописи, где оно также помещено после рассказа о кончине Ярослава.

Несколько иначе события этого же года изложены в Софийской первой летописи:

*«И прииде **Изяслав к Киеву граду**, и посади Остромира в Новегороде, и иде Остромир с новгородци на чюдъ, и **убиша и чюдъ**, и много паде с ним новгородцев. И пакы Изяслав иде на чюдъ, и взя Осек Кедитив, сиречь Солнца Рука». (28, 182)*

Изяслав возвёл Остромира в посадники, отправляясь в марте на великое княжение в Киев по смерти Ярослава. Это объясняет причи-

ну назначения Остромира. Перед смертью Ярослава Мудрого Изяслав был новгородским князем, сменив умершего Владимира Ярославича. Новгородским князем Изяслав стал в конце 1052 года. Отправляясь на великое княжение, он решил оставить Новгородское княжество за собой, а не передавать кому-либо из братьев. Так как собственные сыновья его в это время были ещё несовершеннолетними, посадником в Новгороде был поставлен Остромир.

Карамзин отметил, что «солнце» в эстонском языке обозначается словом «няв», или «няйв», рука — «кясси». (11, примеч. II, 144) К эстонскому языку ближе название из Софийской летописи, нежели из Тверской. «Солнца Рука» — перевод названия *Кедитив*. Название *Осек* созвучно имени литовской богини солнечных лучей *Ауска*. (16, 156) «Солнца Рука» не что иное, как солнечный луч. Город имел как балтское именование *Осек*, так и близкое по смыслу финно-угорское — *Кедитив*.

По «эре –5508 года» Остромир погиб в 1054 году. Но в авторской приписке диакона Григория, переписавшего Евангелие для Остромира, говорится, что работа была начата 21 августа 6564 года и закончена 12 мая 6565 года. 6565 год по «эре –5508 года» даёт 1057 год, а по бытовавшей в Новгороде «эре –5506 года» — 1059 год.

Остромир был жив по крайней мере в 1057 году. Но далее в приписке сообщается о том, что книга была закончена во время правления Изяслава, унаследовавшего власть как своего отца Ярослава, так и брата Владимира. Править же Новгородом Изяслав поставил Остромира. (11, примеч. II, 144) Следовательно, Григорий пользовался «эрой –5506 года» и завершил своё Евангелие 12 мая 1059 года. Остромир в мае 1059 года был ещё жив.

Татищев связывал взятие чудского города с Остромиром, а не с Изяславом:

«6564 (1056). Стромил, посадник новгородский, ходил с войском на чюдь и взя град их Осик Кедитив, сиречь Солнечная рука». (29, 82)

Известие о кончине отца Изяслав получил в Новгороде в марте 1059 года. Поход на чюдь состоялся не ранее лета 1059 года. Захватчиком горо-

да назван Остромир. У Татищева использована «эра –5504 года». Остромир погиб в чудском походе в 1060 году.

Кто скрывается под чудью, разъясняют последующие события. Татищев в статье 6568 года пишет:

*«Того же лета ходил **Изяслав на ссолы** и велел им **дань давать** по 2000 гривен от вся земли. Они же хотя обещали, но когда войска ушли, возпротивились и вирников (зборщиков) Изяславлих выгнали. А на весну, около Юрьева дни (**апреля 22**) пришед, повоевали плесковские пределы, много зла сотворя, села пожгли до самого Плескова. Плесковичи же и новгородцы, вышед противо их, учинили бой жестокий, на котором русских побито до 1000, а ссол бес числа». (29, 82)*

Юрьев день отмечается 23 апреля. 22 апреля было взято из источника. В Типографской летописи речь идёт о городе Юрьеве, современном Тарту:

*«Того же лета ходи Изяслав на **колыванцы**, соселы и дань даати заповеда 2000 гривен. Они же, поручешися, изгнаша даники. На весну же пришедшие, повоеваша села о Юрьеве и град и хоромы пожгоша. И много зла сотвориша и до Пскова доидоша, воююще». (30, 57)*

Колыванью новгородцы называли чудскую столицу Ревель, современный Таллин. (18, 61) Чудская земля находилась на территории современной Эстонии. Путь на Псков из Чудской земли проходил мимо Юрьева, и поэтому город подвергся разгрому. 22 апреля связано с крупным сражением — жестоким боем, закончившемся русской победой. 22 апреля было четвергом в 1064 году. У Татищева чудское восстание датировано по «эре –5504 года».

Соединение известий с «эрой –5504 года» и «эрой –5508 года» привело к тому, что разновременные события оказались в одной статье. В 1060 году Остромир погиб в чудском походе, но чудской столицы не захватывал. Летом 1064 года состоялся крупный военный поход коалиции русских князей во главе с Изяславом на торков. Торки были разгромлены и бежали в пределы Византии. Сражение датировано по «эре

–5504 года». (7, 251) Сбросившую русское владычество чудь Изяслав покорял несколько ранее.

У Татищева перед сообщением о чудском походе Изяслава говорится о кончине новгородского епископа Луки. Лука скончался 15 октября 1063 года. Это значит, что столица сысолы-чуди Кедипив, позднейшая Колывань, была завоёвана Изяславом в осенне-зимний период 1063/1064 годов. Придя по осени 1063 года в Новгород, Изяслав поставил князем своего сына Мстислава. После ухода войск великого князя, по весне, чудь восстала, но была разбита в апрельской битве.

В старших летописях в статье 6569 года описано поражение Всеволода в битве 2 февраля с половецким войском хана Сокала. (21, 70) 2 февраля было четвергом в 1066 году. Поражение датировано по весенней «эре –5504 года».

Влияние «эры –5504 года» прослеживается в описании более поздних событий. У Татищева победа над двенадцатитысячным половецким войском хана Сокала 1 ноября на реке Сновь описана дважды. 1 ноября было четвергом в 1069 году. Первый раз битва помещена в статью 6572 года и датирована по осенней «эре –5504 года». Предводителем русского войска назван Изяслав. Второй раз о ней говорится в статье 6575 года и предводителем показан Святослав. (29, 83–85) Здесь использована осенняя «эра –5507 года». Одержанная Святославом 1 ноября 1069 года победа одним из летописцев была приписана Изяславу.

В Псковской первой летописи приведена редкая датировка кончины Ярослава по более привычной для историков осенней «эре –5508 года»:

«В лето 6567. Преставися Ярослав, иже Правду устави. И положиша его в церкви святей Богородицы в Киеве». (20, 9)

Церковью Богородицы обычно именовали Десятинную. Но судя по граффити Софийского собора, отпевание и похороны происходили в этом соборе. Летописец датировал кончину 1059 годом. Имеющиеся свидетельства позволяют отнести кончину Ярослава Мудрого к 20 февраля 1059 года.

Возраст

Возраст Ярослава на момент кончины летописцами определён в 76 лет. В зависимости от принятого счёта его рождение выпадает на 983 или 982 год. В случае вычисления по летописным датам при отсчёте от традиционного 6562 года за год рождения принимался 6486 год. Обычно рождение Ярослава относят на 978 год, несмотря на явное несоответствие историческим реалиям. Так, Вышеслав и Святополк были старше Ярослава, но родились не ранее 980 года.

Продолжительность великого княжения Ярослава Татищев определял в 35 лет. От восшествия на престол в декабре 1017 года до кончины прошло чуть более 41 года. Если вести счёт от победы над Святополком при реке Альте 6 февраля 1019 года и вторичного восшествия на престол, набирается 39 лет. В этом случае разница с татищевским сроком составляет четыре года, что можно объяснить влиянием «эры –5504 года». Начало великого княжения Татищев датировал 6527 годом, что по «эре –5508 года» даёт 1019 год, а конец — 6563 годом, имевшим «эру –5504 года». Начало великого княжения Ярослава летописцы вели от окончательной победы над Святополком.

В Радзивилловской летописи в статье 6524 года, посвящённой началу княжения Ярослава после битвы при Любече, говорится:

«Бе же Ярослав тогда 28 лет». (21, 62)

Ярослав в первый раз стал великим князем 29 декабря 1017 года. Отсчитывая от этой даты 28 лет, оказываемся в 989 году. Один из летописцев считал, что Ярослав родился в 6496 году, к которому традиционно относили крещение Руси. В Лаврентьевской летописи это указание превращено в фантастическое пребывание Ярослава в Новгороде в течение 28 лет:

«И бы тогда Ярослав Новегороде лет 28». (14, 142)

В Ипатьевской летописи речь идет о возрасте князя:

«Бе же тогда Ярослав лет 18». (10, 129)

Летописцы не были уверены в правильности определения десятков лет жизни князя, что вело к различию в их мнениях. В исходном источнике обозначение десятков была испорчено.

Татищев принимает не 28 лет, а 38 лет. (29, 74) В комментариях он приводит подборку летописных известий:

«В списке Раскольникове, Голицынском и Хрущова написано: Ярослав 38, а в других 23 лета; а крещение по сему летописцу 988, и так Ярослав во время крещения был бы токмо двух лет; но, взирая на так многое число меньших ему братий, которые при крещении показаны, то явная ошибка, о чем, н. 156, изъяснено, что он при крещении был 12, а в Киев пришел 38 лет. В манускрипте Оренбургском положено рождение его 972; он при сем случае был 34 лет написан». (29, 238)

Возраст при восшествии на великокняжеский престол колеблется от 38 до 23 лет, причём образуются две пары чисел: 38 и 34 года; 28 и 23 года. Разница между числами в паре четыре и пять лет, что говорит о влиянии осенней и весенней «эры –5504 года».

Двенадцатилетний возраст Ярослава при крещении Руси ведёт нас от реального 992 года крещения к 980 году, от традиционного 988 года — к 976-му. Вторая дата явно недостоверна. Ярослав был моложе Святополка, родившегося в конце 980 года или в начале 981-го, но старше Бориса, родившегося в январе 988 года. (7, 419) Поэтому 28 и меньшие числа в определении возраста следует признать недостоверными.

В Проложной статье о Ярославе под 4 ноября, когда отмечается память освящения в 1039 году киевского Софийского собора, сказано, что Ярослав жил 66 лет. (32, 317) Татищев указывает на распространённость этого мнения:

«В Степенной Макариевской написано, Ярослав по неким летописцам жил 66 лет, чему и Никоновской согласует, но в прочих всех древних летописцах 76 лет». (29, 245)

Возраст в 66 лет даёт в качестве даты рождения недостоверный 993 год. Даже в случае вычисления от летописной даты кончины в 6562 году получаем 6496 год, или 988 год по «эре –5508 года». Появ-

ление 66 лет следует связать с влиянием мнения о возрасте в 28 лет, что на 10 лет меньше, чем возраст, указанный в ранних текстах.

Указание на возраст в 38 лет стоит в описании событий, датированных по осенней «эре –5506 года». Число лет было исчислено на основе 6524 и 6486 годов, где вторая дата обозначала рождение Ярослава.

В «Оренбургском манускрипте» стоял 6480 год, который Татищев перевёл на нашу эру. Следует предположить утрату последней цифры и исправить дату «Оренбургского манускрипта» на 6486 год. Здесь победа при Любече датировалась 6520 годом. Какой-то редактор перевёл дату старших летописей на «эру –5504 года» с помощью вычитания четырёх лет.

Ярослав родился в промежуток времени с 981 по 987 год. В недошедших до нас летописях его рождение было помечено 6486 годом, или 982 годом по «эре –5504 года». Но с другой стороны, отнимая 76 лет от 1059 года, попадаем в 983 год. Эта разница в один год говорит о том, что Ярослав родился между 1 сентября 982 года и 28 февраля 983 года.

980 год, исчисленный на основании возраста Ярослава во время крещения Руси, на два года отличается от реальной даты рождения. Здесь следует признать влияние весенней «эры –5506 года».

Ярослав получил крестное имя в честь св. Георгия Победоносца. Обращает на себя внимание то выдающееся значение, которое было придано в его эпоху достаточно скромному византийскому празднику освящения 26 ноября константинопольского храма св. Георгия в Кипариссе. (24, 367) Освящение 26 ноября 1055 года киевской Георгиевской церкви было закреплено русскими святцами, а Георгий Осенний стал одним из самых почитаемых церковных праздников. Поэтому рождение Ярослава следует приурочить к ноябрю 982 года, в котором 26 ноября было воскресеньем, что делало празднование в честь Георгия Победоносца более торжественным.

Незадолго до Великой Отечественной войны останки Ярослава Мудрого и его супруги Ингигерд-Ирины были исследованы советскими антропологами. В. В. Гинзбург пишет:

«При разборе скелетов оказалось, что один из них принадлежит **мужчине очень пожилого возраста** (*Senilis*) **около 60–70 лет**, другой — женщине менее пожилого, хотя и зрелого возраста (*Maturus*), около 50–55 лет...

Подводя итоги характеристики физического типа изучаемого субъекта, можно сказать, что это был мужчина пожилого возраста, высокого роста, среднего телосложения, причём естественно здоровая нога значительно компенсировала хромую. По-видимому, **хромота** наступила ещё **в ранней молодости**, так как имеется целый ряд моментов, компенсирующих её: вытянутость шейки правой бедренной кости, асимметрия таза. Большое количество остеохондрозов и анкилозирующий частичный спондилоартроз, а также большое количество остеофитов на телах позвонков, по-видимому, являются **болезнями старческого возраста**.

Изучаемого субъекта в последние годы его жизни можно представить **хромым стариком**, с малоподвижным позвоночником. Можно думать, что он **ходил с палкой** и избегал резких движений, особенно туловища». (6, 57–62)

Характеристика соответствует историческим реалиям. Последние 15 лет жизни Ярослав не принимал участия в военных походах. В целом внешнеполитическая активность Руси в конце его правления была понижена. После же кончины Ярослава возобновляются войны с соседями.

В Комиссионном списке Новгородской летописи продолжительность великого княжения Ярослава определена в 40 лет. (18, 466) От 1019 года, с которого летописцы начинали отсчёт его великого княжения, указание ведёт в 1059 год. Перед нами результаты расчётов с использованием осеннего счёта. Вычисления делались от даты начала великого княжения с «эрой –5508 года». Это значит, что дата смерти также имела «эру –5508 года».

В граффити о кончине Ярослава выше записи начертаны две глаголические буквы: «м» и «к». Над второй буквой имеется титло, свидетельствующее о её числовом значении. Под ними изображена фигура, напоминающая глаголическую «з» или «л». (4, 41)

Глаголические буквы использовались для тайнописи. Кириллическое числовое значение буквы «м» — «40», глаголическое — «60», для «к» соответственно — «20» и «40», для «з» — «6» и «8», для «л» — «30» и «50».

Для правителей основными вехами жизни были сроки их правления и длительность жизни. Сорокалетний период великого княжения Ярослава Мудрого находим в кириллическом значении первой цифры. Автор использовал кириллические значения цифр. До великого княжения Ярослав много лет был удельным князем. Судя по всему, автор записи определил длительность его удельного княжения в 20 лет. Последняя цифра должна относиться к его отроческому возрасту до начала княжений. Поэтому следует принять букву «з» с числовым значением «6». Всех лет Ярославу, судя по этой надписи, было 66.

Летописцы определяли возраст Ярослава в 76 лет. Расхождение составляет 10 лет. В шесть лет, то есть в 988 году, стать князем Ярослав не мог. Наделением сыновей уделами Владимир Святой занялся после возвращения из заморских походов. Похоже, что в определении отроческого возраста было утрачено число «10». Эта утрата стала причиной исправления поздними редакторами первоначального определения возраста в 76 лет на 66 лет.

Общедоступное граффити на стене главного киевского храма оказало влияние на летописную традицию. Благодаря граффити закрепились в качестве даты кончины Ярослава 6562 год и два определения продолжительности его жизни.

Великим князем по изгнании Святополка в 1019 году Ярослав стал в 36 лет. Удел же он получил не в 16 лет, а по достижении совершеннолетия, то есть в 18 лет. Расхождение в два года следует отнести на счёт влияния «эры –5506 года». Прибавляя к 18 годам двадцатилетний удельный период, получаем 38 лет, то есть его возраст до начала великого княжения. Перед нами расчётные величины. Из-за явно недостоверных шести лет к 20 годам удельного княжения прибавлялись традиционные 18 лет, с которых начинался дееспособный возраст. На самом же деле удельное княжение продолжалось не 20, а 18 лет. Ярослав стал ростовским князем в 18 лет в конце 1000 года, а всё его княжение продолжалось 58 лет.

Из-за того что 38 лет были получены расчётным путём, они были приняты не всеми летописцами. Те, кто определял жизнь Ярослава в 66 лет, уменьшали на 10 лет и его возраст на момент начала великого княжения.

Данные софийской надписи подтверждают продолжительность жизни Ярослава Мудрого в 76 лет.

Мать

В. В. Гинзбург относил появление хромоты у Ярослава к ранней молодости. Д. Г. Рохлин связывал её с младенчеством и обосновывал свою точку зрения сведениями легенды из Тверской летописи:

*«О Рогнеде. **Владимер** же просвещен сый сам и сынове его святым крещением, посла к **жене** своей **Рогнеди**, глаголя сице: "Аз убо отныне крещен есмь, и приях веру и закон христианский. Подобааше ми **едину жену** имети, ею же поях в христианстве. **Избери** убо **себе от велмож** моих, его же хоцещи, да сочетаю тя ему".*

*Она же отвецавши, рече ему: "Или ты един хоцещи царствие небесное восприати, а мне маловременным сим и будущего дати не хоцещи. Ты бо отступи от идолския прелести в сыновление Божие, аз же, **быв царицею**, не хоцу раба быти земному царю, ни князю, но уневеститися хоцу Христови, и восприму аггельский образ".*

*Сын же ея **Ярослав сидяще у нея**, бе бо естеством таков от рождения, и слыша глаголы и ответы матери своя к Володимеру, и вздохнув, с плачем глаголя матери своей: "**О матери моя, во истину царица еси царицам** и госпожа господам, яко восхоте изменити славу нынешнего века будущей славою, и не восхоте со высоты на нижняя соступити, тем же блаженна еси в женах".*

*И от сего словеса Ярослав **вста на ногу своею, и хождааше, а прежде бо не ходил**. Рогнед же сия изрекиши, пострижесе в **мнишеский образ**, наречено бысть имя ей Анастасия». (22, 112–113)*

Владимир Святой, женившись на царевне Анне, развёлся с Рогнедой. Гордая полочанка предпочла уйти в монастырь, отказавшись выхо-

дить замуж за боярина. Ярослав, не ходивший от рождения, высокоучёным слогом одобрил поведение матери и с этого момента стал ходить.

Рогнеда не была царицей. Царское достоинство Владимир получил при заключении брака с Анной. Но именование царицей говорит о том, что Рогнеда перед разрывом с Владимиром была его законной супругой и великой княгиней. До Анны официальной женой великого князя была болгарка Мария, а после неё — полячка Адельгейда. Попадшая в плен при взятии Полоцка Рогнеда стала наложницей. Позднее она стала супругой, а затем из-за свадьбы Владимира с Марией получила развод. В 992 году, по приезду в Киев после свадьбы с царевной Анной, Владимир дал развод Адельгейде. В это же время были отделены и бывшие жёны и наложницы с их детьми, хотя связи с некоторыми не порывались.

Несмотря на преувеличения, события легенды в целом соответствуют обстановке в момент приезда Владимира Святого из Херсонеса в Киев весной 992 года. Рогнеда Рогволодовна и Мария Борисовна закончили свою жизнь в монастыре. По византийскому обычаю бывших жён и сожительниц Владимира постригли в монахини.

Весной 992 года Ярославу шёл десятый год. Но даже и для этого возраста вложенная в его уста речь чересчур сложна. Согласно подборке сведений Татищева, бытовало мнение о том, что на момент крещения Руси Ярославу было только два года. Сходную клиническую картину рисует Рохлин:

«Врождённый вывих (или подвывих) бедра не ведёт к тому, что ребёнок в течение нескольких лет не ходит. В соответствующих случаях ребёнок начинает ходить или своевременно, или с некоторым опозданием, но походка у него "утиная", валкая...

Гнойные поражения тазобедренного сустава в грудном возрасте нередко заканчиваются вывихом или подвывихом. Это заболевание в грудном возрасте часто протекает сравнительно быстро, не привлекая должного внимания, оставаясь нераспознанным. Между тем последствия гнойного заболевания тазобедренного сустава — разрушение суставного хряща, вывих или подвывих — распознаются часто лишь тогда, когда ребёнок начал хо-

доть... бурно протекающие гнойные заболевания тазобедренного сустава в грудном возрасте часто заканчиваются благополучно. Перенёсшие это заболевание нередко прекрасно приспосабливаются к имеющимся у них анатомическим изменениям и нагружают конечности в общем почти так же, как здоровые люди.

Надо полагать, что именно так возник подвывих в правом тазобедренном суставе у Ярослава (у которого в детстве был источник гнойной инфекции в ухе). Этот подвывих мог действительно **в молодости мало мешать** ратным подвигам Ярослава. У него было незначительное укорочение конечности... правый тазобедренный сустав функционировал у Ярослава **неплохо даже в старости** и тем более в молодости...

Безусловно, неверно указание летописца о десятилетней продолжительности его заболевания. Болезнь, которая так благополучно закончилась в 988 г. или несколько позже, не могла обнаружиться в 978 г. Болезнь могла возникнуть **за один, два, три года до 988 г., но не за десять лет**. При этом острая фаза болезни в грудном возрасте могла длиться лишь несколько недель». (23, 53–55)

В возрасте до трёх лет Ярослав без видимых причин охромел из-за перенесённого заболевания тазобедренного сустава. Хромоту приписали какому-то расстроившему ребенка случаю, тем более что, по наблюдению Рохлина, его отличала повышенная возбудимость:

«На основании указанных особенностей черепа можно считать, что данный человек в отношении своеобразия его эндокринной формулы (отображающей особенности работы желез с внутренней секрецией) характеризовался пониженной функцией передней доли гипофиза, пониженной функцией половых желёз и несколько повышенной функцией щитовидной железы. Для этой конституции характерны **лёгкая возбудимость, быстрая раздражимость**». (23, 48)

Судя по легенде, хромота была связана с судьбой матери. Страдавшего легкой хромотой Ярослава обзывали хромцом. Поэтому появление хромоты создатели легенды заменили на более благовидное обретение способности ходить. Показания летописцев и учёных сходятся. Судя по медицинским данным и указанию о возрасте на момент кре-

щения Руси, печальное событие произошло в 984 году, когда Ярославу было два года. К разводу Рогнеды, который произошёл позднее, хромота отношения не имела. Попытки примирить причудливые реалии легенды с летописными сведениями за счёт уменьшения общего возраста Ярослава неверны.

О разводе Рогнеды имеется ещё одна легенда, изложенная в Радзивилловской летописи в статье 6636 года. После отказа княжны выйти замуж за Владимира Святого войска её отца Рогволода были разбиты, Полоцк взят:

«Пожалися Добрыня и исполнися ярости, и поемши вои, и идоста на Полтеск, и победиста Роговолода. Роговолод вбеже в город, и приступившее и к городу, и взяша и град Полтеск и самого князя Рогволода изымаша, и жену его, и дочь его.

Добрыня поноси дочь его и ему, нарекише ему робичича, и повеле Володимиру быти с нею пред отцем ея и матерью, и потом отца уби, а саму поя жене и нарекоша имя еи Горислава, и роди Изяслава.

*Поя же паки и ины жены многи, и нача ем негодовати. Неколи ему пришедши к ней и уснувшию, и хоте **зарезати ножем**, и ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же сожжаласи рече бяху: "Зане отца моего уби и землю его полони мене дея. И се ныне **не любеши мене со младенцем сим**". И повеле еи устроитися в всю **тварь царскую**, якоже в день посага ея, и сести на постеле светле в храмине, да **пришед потнет** ю. Она же тако сотвори. И **давше меч сынови Изяславу** в руку наг, и рече: "Яко внидет ти отец, рци выступи: **«Отче, егда един мнишися ходя?»**". Володимер же рече: "А кто тя мнел zde?" И **поверг меч** свои, и созва бояры, и поведи им. Они же рекоша: "Уже не убиши ея детяти дея сего, но воздвигни отчину ея и даи ея со сыном своим". Володимер же устрои город, и да има, и нарече имя граду тому Изяславль. И **отоле меч возимают Роговоложи внуци противу Ярославим внуком**». (21, 107)*

Рогнеда, обиженная на Владимира за его связи с другими женщинами, попыталась зарезать в постели уснувшего правителя. Справившийся с ночным нападением Владимир велел ей одеться в царский наряд и приготовиться к казни. Но Рогнеда подучила своего первенца Изяс-

лава встать на её защиту с обнажённым мечом и спаслась. В этом летописец усмотрел причину вековой вражды потомков Рогволода, отца Рогнеды, и Ярослава.

Враждующие ветви Рюриковичей слагали сходные легенды о защите своими прародителями чести матери. Легенда о выздоровлении Ярослава помещена в статью 6496 (988) года в рассказ о крещении Руси. Легенда о покушении Рогнеды помещена в статью 6636 (1128) года и содержится в рассказе о потомках Рогволода и Всеслава Брячиславича. Поводом к использованию легенды стало известие о смерти полоцкого князя Бориса Всеславича. Легенда разъясняла причины разорения Полоцкого княжества коалицией русских князей во главе с великим князем Мстиславом Владимировичем в предшествующем 1127 году и высылки полоцких князей в Константинополь в последующем 1129 году.

Поздние летописцы считали, что отделение жён и наложниц Владимира состоялось во время крещения Руси. Для создателей легенд их действие разворачивалось летом 988 года, когда Изяславу было семь лет, а Ярославу — два года. Ярослава летописцы считали третьим сыном Рогнеды. В этом случае в 988 году ему не могло быть более трёх лет. Полоцкие Рогволодовичи отмечали воинскую доблесть семилетнего Изяслава, а Ярославичи — незаурядный ум и глубокое благочестие двухлетнего Ярослава. Легенда о Ярославе носит явно книжный характер и создана в противовес более достоверной легенде о Изяславе.

В легенде о Изяславе отсутствует мотив пострижения. Рогнеде выделили удел и поселили в специально построенном городе, а не в монастыре. В монастыре она оказалась позднее. Нападение на Владимира было ранее 992 года. Реалии этой легенды более достоверны.

Легенда о Изяславе стала достоянием летописцев после того, как из разграбленных в 1127 году полоцких городов были вывезены летописи. (7, 53) Полоцкое происхождение легенды подразумевает хорошую осведомлённость её создателей о семействе Рогнеды. Киевские летописцы на момент крещения Руси насчитывали у Рогнеды четырёх сыновей и двух дочерей. Но согласно полоцким летописцам, Рогнеда в минуту смертельной опасности не окружила себя многочисленным потомством, а выставила в качестве защитника единственного сына.

Брячислав родился в 985 году. Весной 987 года супругой Владимира стала Мария Борисовна. Ярость Рогнеды по поводу иных жён была связана с дошедшими до неё сведениями о заключённых в Константинополе договорённостях насчёт брака Владимира с византийской царевной. Владимир вернулся из болгарского похода по осени 986 года. Рогнеда получила развод и попыталась убить изменника-мужа. События легенды о Изяславе разворачивались осенью или зимой 986/987 годов, когда княжичу было пять лет, а его брату Брячиславу — один год.

Полоцкие князья названы потомками Рогволода и Всеслава. Полоцкие книжники в отличие от киевских не возводили корни своих князей к Изяславу, хотя легенда повествует именно о нём. После рассказа о выступлении Изяслава с мечом в руках против отца логичнее было бы сказать о враждебности именно потомков Изяслава. Но так как на самом деле полоцкие князья были потомками Брячислава, младшего брата Изяслава, такого продолжения не последовало. Но и Брячислав был не назван, так как севернорусские книжники не поверили полоцким известиям о принадлежности к сыновьям Владимира Святого родоначальника полоцкого княжеского дома, из-за того что в старших летописях он причислялся к сыновьям Изяслава. Всеслав и Ярослав выступают в качестве родоначальников двух ветвей Рюриковичей и в «Слове о полку Игореве». (25, 45)

Полоцкие князья в легенде названы Рогволожьими внуками и противниками потомков Ярослава. Если бы Ярослав был сыном Рогнеды, то он также был бы Рогволожьим внуком. Первенцем Рогнеды был Изяслав. Полоцк был взят в июне 980 года. Изяслав появился на свет не ранее марта 981 года. Второй ребёнок у Рогнеды мог появиться не ранее декабря 983 года. Ярослав родился ранее и поэтому не мог быть сыном Рогнеды.

Мстислав, оставшись без матери, был отдан на воспитание Рогнеде и включался в перечень её детей. Для Ярослава Рогнеда также была приёмной матерью.

В начале 982 года, когда был зачат Ярослав, в числе сожительниц Владимира были Рогнеда, варяжская княжна, мать Вышеслава, которую Татищев называл Оловой, и гречанка, мать Святополка, вдова Яропол-

ка. Матерью Ярослава могла быть либо Олова, либо неизвестная гречанка. А. В. Карташёв признавал матерью Ярослава гречанку. (12, 172)

Включение Ярослава в число детей Рогнеды говорит о том, что он рано лишился матери. У Ярослава была сестра Предслава, которая предупреждала его о злоумышлениях Святополка, убившего Бориса. Предсладу также считали ребёнком Рогнеды. Но она выступила против Святополка и его союзника Брячислава. Следовательно, её родство с Ярославом было теснее, нежели с его противниками.

Наиболее часто молодые женщины умирали при родах. Двухлетний возраст Ярослава во время трагедии матери соответствует времени появления у неё следующего ребёнка. Судя по всему, мать Ярослава скончалась при рождении Предславы и сирот передали Рогнеде. Девочку по обычаям того времени должны были назвать именем умершей матери, поэтому можно предположить, что мать Ярослава звалась Предславой. Предсладу старшую следует отождествить с безымянной гречанкой. Карташёв был прав.

Потеря матери стала ударом для впечатлительного ребёнка и спровоцировала развитие болезни, из-за которой он охромел.

В 982–984 годах Владимир был женат на Предславе. Только после её смерти он женился на своей наложнице Рогнеде. Гречанка Предслава скончалась в 984 году, Брячислав родился уже от следующего брака в 985 году. С кончины одной супруги до новой свадьбы прошло какое-то траурное время. Свадьба с Рогнедой произошла ориентировочно в начале 985 года, а рождение Брячислава — в конце 985 года.

Сведения летописцев о многожёнстве Владимира недостоверны. Официальная жена у него всегда была одна, хотя наряду с ней он мог иметь наложниц.

В старших летописях потомство Рогнеды описано так:

*«Рогнед, юже посади на Лыбеди, идеже есть ныне **селце Предславино**, от нея же роди 4 сыны: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери».*
(21, 39)

Речка Лыбедь протекала близ Киева. В Предславином селе Рогнеда жила до развода, так как после развода переехала в Полоцкое княжество, в город Изяславль. Название села подтверждает именование

матери Ярослава Предславой. Рогнеда получила на воспитание детей умершей великой княгини и её резиденцию, названную в честь первой хозяйки.

Между Изяславом и Ярославом помещён Мстислав, который был младше Ярослава. Имя *Мстислав* заменило какое-то иное, неудобное для летописцев, имя княжича, более старшего, чем Ярослав. В статье 6496 года старшими Владимировичами названы Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав. (21, 55) Старше Ярослава были Вышеслав и Святополк, а за Изяславом следовал Святополк.

Вышеслав умер в 1012 году, ничем на страницах летописей не прославился, и причин скрывать его имя не было. Так, у Татищева Вышеслав открывает перечень детей Рогнеды, а за ним следуют Изяслав, Ярослав, Всеволод. (29, 56)

Иное дело Святополк, которого летописцы демонизировали из-за убийства своих братьев. Летописцы пытались скрыть наличие Святополка в перечне детей Рогнеды. В 984 году ему было три года, и после смерти Предславы он оказался, как и Ярослав с Предславой, на попечении мачехи.

Изображать Ярослава единоутробным братом проклятого книжниками Святополка было трудно. К тому же в этом случае Ярослав оказывался сыном бывшей супруги Ярополка, за связь с которой летописцы гневно осуждали Владимира:

«Володимер же заляже жену братню грекыню, и бе не пражна, от нея же роди Святополка. От греховного бо корене плод зол бывает: понеже бе мати его была черницею, а второе: Володимер залеже ю не по браку, прелюбодечич бысть убо. Тем ни отец его не любяше, бе бо от двою отцю: от Ярополка и от Володимера». (21, 39)

Мать Святополка названа монахиней, а связь с ней была внебрачной. Монахиней гречанка предстаёт и в статье 6485 года после рассказа о гибели Олега Святославича в междоусобице:

«У Ярополка жена грекиня бе, и бяше была черницею, бе бо привёл ю отец его Святослав, и вда ю за Ярополка красоты ради лица ея». (21, 37)

Согласно этому сообщению, мать Святополка была монахиней греческого монастыря, взятой в плен Святославом Великим. Святослав вынашивал планы брачного союза с византийскими императорами, а когда они расстроились, женил старшего сына на знатной византийской девушке. (7, 91) Большой греческий полон русы захватили во время опустошения в 970 году византийских провинций на Балканах. По осени Святослав возвратился в Киев вместе с гречанкой. Её свадьбу с Ярополком следует отнести к осени 970 года.

Предслава после оставления монастыря 10 лет прожила замужней женщиной. Грех женитьбы на монашенке должен был связываться скорее с Ярополком, нежели с Владимиром. Выражение *«мати его была черницею»* следует понимать буквально. Узнав о гибели мужа, Предслава ушла в монастырь, но это не спасло её от сожительства с победителем. Об этом прямо говорится в «Летописце» Переяславля Суздальского:

«Сего (Святополка. — В. Т.) мати прежде бе черница пленена в Цариграде, грекини суици, и бе красна, и поя ю Ярополк брат Владимиров. По мужнеи же смерти наки пострижесе. Владимир же растриг ю красоты дея лица ея и зача от нея оканнаго Святополка, а поял ю непраздну суицу от Ярополка. Бе бо родился двою отец детищ сеи оканнии Святополк, тем же и не любяше его Владимир, яко не от себе единого суица». (31, 73)

На момент сожительства Владимир был женат, поэтому и был обвинён в прелюбодеянии. Холостяком он стал позднее, что позволило ему жениться на Предславе. Если мы от времени рождения Ярослава отнимем девять месяцев беременности и год кормления грудью, то попадём в февраль 981 года. Владимир занял великокняжеский престол 11 июля 980 года. К этому моменту беременность Предславы насчитывала всего три месяца, что позволило считать Святополка сыном двух отцов. Святополк родился в январе 981 года.

Святополк был зачат в апреле 980 года, Вышеслав считался более старшим. Свадьба Владимира и Оловы состоялась ранее апреля 980 года. Владимир, узнав о гибели брата Олега, бежал за море к варягам, опасаясь Ярополка. Там он женился и с варяжской помощью при-

был на Русь. Олова при рождении Вышеслава или вскоре после его рождения умерла. Владимир после её смерти женился на Предславе. В этом браке у них появились дети Ярослав и Предслава. Маленький же Вышеслав был передан на воспитание сначала Предславе, а после её кончины — Рогнеде.

То, что Святополк и Ярослав были сыновьями одной матери от разных отцов, косвенно подтверждается событиями конца правления Владимира Святого. После того как под влиянием Марии Борисовны Владимир назначил своим наследником Бориса, Святополк и Ярослав составили заговор. Святополка посадили в темницу, а против Ярослава готовили военный поход. Обойдѣнными могли считать себя и Святослав с Брячиславом, которые также были старше Бориса, но заговорщики не стали привлекать их.

Воин

Значительную часть своей жизни Ярослав Мудрый провёл в военных походах. Об этом свидетельствуют особенности его скелета. Д. Г. Рохлин:

*«В телах некоторых грудных позвонков имеются следы прорыва ткани межпозвоночного диска в смежные тела позвонков — это так называемые хрящевые узлы, в подавляющем большинстве случаев возникающие в результате **перегрузки позвоночника** (слишком большого физического **напряжения мышц торса**, падения и т. д.).*

Имеющиеся костные спайки между телами поясничных позвонков в результате окостенения передней продольной связки также обычно являются следствием перегрузки, травматизации...

*Резкие краевые костные разрастания — проявление деформирующего артроза — в правом грудинно-ключичном суставе, менее выраженные изменения того же порядка слева. Это свидетельствует о том, что безусловно большая **профессиональная нагрузка падала на правую верхнюю конечность**. Имеются проявления перегрузки в области главного и добавочного плечевого сустава и правого грудинно-ключичного сочленения... **Левая** верхняя конечность нагружалась **значительно меньше**, чем правая. Нагрузка и в этой*

конечности падала также на те суставные поверхности, которые участвуют в движениях, связанных с большим размахом (например, **когда рубят мечом**).

На **первой правой пястной кости** обнаружен старый внутрисуставный **перелом** части основания этой кости с подвывихом кнаружи и кзади. В качестве его последствия и дальнейшей перегрузки резкие краевые разрастания — проявления деформирующего артроза на суставных поверхностях седловидного сустава...

Таким образом, больше всего нагружались и перегружались правый плечевой сустав, правый грудинно-ключичный сустав и суставы первой пястной кости справа же...

Он, по-видимому, **хорошо владел мечом**. Косвенно об этом можно судить по изменениям, которые были у него обнаружены в тех суставах, которые больше всего **нагружаются при ударе мечом**». (23, 49–56)

Ярослав был профессиональным воином и имел специфические болезни, вызванные тяжёлым ратным трудом. От боевых перегрузок пострадали позвоночник и правая рука с предплечьем. Первая пястная кость правой кисти также сильно перегружается при ударе мечом, что и вызвало её травму. (23, 51)

Перелом костей правой голени привёл к тяжёлому заболеванию коленного сустава:

«В результате старого околосуставного **перелома обеих костей голени и кровоизлияния в коленный сустав** наступило костное сращение бедренной кости с надколенником (анкилоз) и порочное положение в коленном суставе. Полное разгибание в этом суставе находилось под углом в 130–135 градусов. Разгибание выше этих пределов было невозможно. Кроме того, имелось костное сращение между большеберцовой костью и головкой малоберцовой кости (анкилоз) как следствие той же травмы с обширным кровоизлиянием и его организацией.

Правые (в статье из-за опечатки «левые». — В. Т.) бедро, обе кости голени и надколенник меньше по толщине, чем левые (атрофия вследствие меньшей нагрузки). Размеры надколенника свидетельствуют всё же о том, что **перелом костей произошёл во взрослом состоянии**. В то же время можно

сказать, что процесс в коленном суставе закончился за много лет до смерти Ярослава». (23, 55)

Согласно саге об Эймунде, Ярослав был ранен в ногу при защите Киева от печенегов. Перелом костей голени следует связать с раной, полученной при обороне Золотых ворот Владимирова града от русско-печенежской армии Святополка. Битва состоялась 6 января 1018 года, когда Ярославу было 35 лет. После ранения он прожил 41 год.

Боевое ранение со временем привело к резкой хромоте. Рохлин:

«...прихрамывание сменилось в дальнейшем резкой хромотой и инвалидностью в результате нового патологического процесса, наступившего в зрелом возрасте в правом коленном суставе». (23, 53)

В. В. Гинзбург:

«Сопоставление костей в правом коленном суставе показывает, что движения здесь были резко ограничены и разгибание было возможно только до 130–135 градусов, то есть нога не могла выпрямляться.

Отсюда становятся понятными компенсаторное и резкое вытяжение вверх шейки правой бедренной кости и более низкое положение соответствующей тазовой кости.

Вся тяжесть тела передавалась на левую конечность, в связи с чем кости её, особенно бедренная, получили мощное развитие». (6, 61)

Усилившаяся хромота не снизила боевой активности Ярослава. Через полгода он встречает польскую армию на русской границе, терпит поражение, но в начале 1019 года в результате победоносного похода изгоняет Святополка из страны. Последний поход, который, согласно летописям, возглавил Ярослав, состоялся летом — осенью 1044 года. Русы, выполняя союзнические обязательства, привели к покорности польскому королю мазовшан. Но в предшествующем году престижный поход на Византию возглавлял Владимир Ярославич. Похоже, что из-за состояния здоровья Ярослав не решился отправиться в дальнейшее морское предприятие. После 1044 года войска водили уже его сыновья или воеводы.

Поход летом 994 года на волжских булгар стал последней войной со внешними врагами Руси во время правления Владимира Святого.

Позднее русы участвовали в войнах в качестве союзников Византии, и подраставшие Владимировичи добиться воинской славы могли только в византийской армии.

В январе 999 года стал совершеннолетним Святополк Ярополчич. Старший из Владимировичей Вышеслав, на матери которого Владимир Святой женился до апреля 980 года, должен был достигнуть совершеннолетия не позднее конца 998 года. И как раз в 999 году после многолетнего перерыва появляются сообщения о службе русов в византийском войске. Князья приняли участие в сирийском походе Василия II против Фатимидского халифата. В 1000 году шеститысячный русский корпус умирязывает грузинские области, а в 1002 году — воюет в Болгарии.

Василий II сражался с соседями до самой своей кончины и охотно использовал в своих предприятиях русских наёмников. Княжичам было где приложить свои силы, чтобы заработать славу и деньги. В Византии служили Святослав Великий, Владимир Святой, Изяслав Ярославич и Всеволод Ярославич. Судя по всему, прибывшие к лету 999 года в Византию русские отряды возглавляли Вышеслав и Святополк. В летописях известия о такой службе были истреблены в отличие от скандинавских саг, где участие норвежских наёмников в войске Византии признавалось достойным воспевания деянием.

По традиции наёмные отряды в византийской армии возглавлялись самыми знатными воинами Руси — великими князьями или их детьми и родственниками. Ярослав достиг совершеннолетия осенью 1000 года. Он мог участвовать в военных предприятиях начиная с лета 1001 года, так что, скорее всего, его боевое крещение состоялось в болгарском походе 1002 года. Военная служба Ярослава Мудрого закончилась в 1044 году, продлившись 42 года.

Ярослав Мудрый имел около 175 сантиметров роста и был для своего времени человеком высоким. (23, 48) Несмотря на боевую биографию, он не был просто могучим и свирепым воином. Особенности его физического строения показывают, что Ярослав обладал утончённой и нервной натурой, чуждой плотских наслаждений. Рохлин:

*«Некоторые особенности скелета (сохранение некоторых детских и юношеских черт) позволяют считать, что он отличался **живостью воображения**, раздражимостью, **склонностью к вспышкам** и бурным реакциям, но в то же время **малой половой возбудимостью** (чем резко отличался от своего отца)».* (23, 56)

Романтик и аскет, склонный к взрыву эмоций. Таким он и предстаёт на страницах летописей — создатель сказочной по красоте Софии Киевской, религиозный реформатор, суровый правитель, наказавший мятежных новгородцев, но вскоре глубоко сожалеющий о содеянном. Это был человек долга, прошедший молодость в военных походах. В летописях первые упоминания о его детях появляются с 1020 года, когда Ярославу было 38 лет. Только став великим князем, он осел в столице, что и позволило ему познать радость отцовства.

В «Сказании о построении города Ярославля» рассказывается о поединке Ярослава со священным зверем, натравленным на него жрецами бога Велеса. Князь одолел зверя в смертельной схватке, зарубив его секирой. На гербе Ярославля изображён медведь, которого, по иной легенде, убил Ярослав в Медвежьем логоу близ первоначального града. Поединок приурочен ко времени основания Ярославля, то есть к июню 1004 года, когда Ярославу был 21 год.

На стенах киевского Софийского собора есть фреска «Охота на медведя», изображающая поединок всадника и медведя. (27, 270) Фигуре всадника приданы черты сходства с изображением Георгия Победоносца, поражающего копьём змия. Ярослав родился близ дня Георгия Осеннего. 26 ноября отмечается чудо Георгия о змие — спасение им от дракона девушки. Так что воин на коне, копьём поражающий чудище, близок к Георгию Осеннему — небесному покровителю Ярослава.

Фреска реалистична. Левая нога всадника свисает значительно ниже брюха небольшого коня, но правой ноги не видно. Правая нога у Ярослава до конца не разгибалась. Такая скрюченная нога и не должна была свисать наравне с левой, а, наоборот, должна была закрываться туловищем коня. Инвалидность стала результатом полученной в январе 1018 года раны. Поединок с медведем произошёл через много лет после основания Ярославля.

Этого же охотника, только в более молодом возрасте, находим на фреске «Охота на вепря». (27, 279) Здесь охотник изображён в профиль.

М. М. Герасимов по черепу Ярослава Мудрого реконструировал его облик. На скульптуре мы видим пожилого человека с тонкими чертами лица. (5, 74) Достаточно на профиль лица Ярослава в промежуточном варианте реконструкции нанести бороду, усы и причёску всадника с фрески «Охота на вепря», как станут заметны черты портретного сходства двух изображений.

На фреске «Охота на медведя» изображён тот же человек, что и на фреске «Охота на вепря», но только старше. Во второй приезд в Ярославль осенью 1023 года, Ярославу был 41 год. Капище Велеса, чьим священным зверем был медведь, было разорено в этот год. Кабан же был священным зверем Перуна. В «Сказании о построении города Ярославля», кстати, ничего о медведе не говорится, а противник князя назван иносказательно «лютый зверь».

В 1004 году Ярослав обуздывал волжскую вольницу, грабившую корабли. Покровителем воинов был Перун. Последовательность исторических событий и сцен на фресках совпадает. В 1004 году молодой Ярослав имел дело с поклонниками Перуна и кабаном, в 1023 году возмужавший Ярослав встретился с поклонниками Велеса и медведем. Под лютым зверем скрывается кабан.

Черты портретного сходства с Ярославом прослеживаются на ряде иных фресок собора. В приделе апостолов Петра и Павла он предстаёт в облике безымянного и не имеющего известных аналогов на иных иконописных изображениях святого. (27, 202) У Ярослава властное лицо, большие глаза, тонкий длинный нос, над бровями выступающие надбровные дуги, остроконечная борода. Длинные волосы на голове имеют пробор посередине и сильно тронуты сединой. Одет он в шитые жемчугом парадные одежды, на голове имеет малую корону типа кесарской. Условно это изображение можно назвать «Правитель».

Лицо «Правителя» имеет сходство с помещённым в этом же алтаре изображением Иоанна Крестителя и ещё большее — с неизвестным святым, которого отождествляют со св. Силой. Близость с лицом Яро-

слава имеет изображение неизвестного святого из придела св. Георгия. (27, 201–225)

На «Правителя» похож седоватый мужчина из придела Иоакима и Анны. (27, 218) Но здесь мы видим не жесткого государя, а одухотворённого и умного человека. В руках неизвестного святого музыкальный инструмент, и его можно условно назвать «Музыкант». Так как в этом приделе изображён царь Соломон, то «Музыкант» отождествлялся с псалмопевцем Давидом. На мозаиках собора сходные с лицом Ярослава лики имеют изображения св. Адриана, первосвященника Аарона и севастьянского мученика Александра.

Черты строителя собора с разной полнотой придавались ликам разных святых. Но изображения «Правителя» и «Музыканта», скорее всего, были посвящены непосредственно Ярославу, хотя официально трактовались как изображения каких-то общепризнанных святых. Менее всего иконописными канонами художники были связаны при написании фресок со сценами охоты, поэтому здесь мы имеем наиболее реалистичные портреты Ярослава.

Мудрец

Из-за ранения ноги и травм позвоночника Ярослав на склоне лет был вынужден вести малоподвижный образ жизни. Д. Г. Рохлин:

*«Таким образом, если в детстве Ярослав Мудрый слегка прихрамывал... то в зрелом возрасте, после перелома костей правой голени с осложнением со стороны коленного сустава, **Ярослав** должен был очень **сильно хромать**... изменения, наступившие, по-видимому, уже в зрелом возрасте (или **на пороге старости**) в правом коленном суставе... не могли не отразиться на поведении, а именно — на физической активности Ярослава. **Лично участвовать в походах** (верхом или пешком) **и тем более в боях он, конечно, не мог** с таким коленным суставом. Нemoцность его усугублялась **состоянием позвоночника, слабостью торса**...*

Только после тяжёлой травмы костей правой голени и коленного сустава (быть может, также в одно из многочисленных сражений, в которых он при-

нимал активное участие) Ярослав принуждён был **превратиться из князя-воина в князя-строителя**». (23, 56)

Строительной деятельностью Ярослав начал заниматься значительно раньше 1045 года. Роскошный для того времени каменный дворец в Новгороде был им построен в 1020 году, а киевский Софийский собор, самый большой каменный храм на Руси домонгольского времени, — в 1039 году. В период ростовского княжения Ярослав основывает Ярославль, в 1032 году — город Юрьев в земле чуди и Юрьевский монастырь в Новгороде, в 1033 году — крепости по реке Роси.

Строительство, включая каменные сооружения, в Киеве и других городах велось и после 1045 года. Но Ярослава следует называть скорее не строителем, а устроителем. Он занимался государственным строительством, создавая из Руси передовую державу того времени.

Ярослав вышел победителем из многолетней борьбы за власть со своими братьями. Чтобы укрепить восстановленное единство страны, Ярослав продолжил начатое его отцом распространение православия, способного преодолеть центробежные силы в пёстром по своему этническому и племенному составу государстве. В его правление устраиваются школы, развиваются книгописание, церковное и гражданское законодательство.

В Тверской летописи в статье 6542 года Ярославу дана такая характеристика:

«Бяше же Ярослав хромоног, но умом совершен и храбор на рати, и христиан, чтяшы сам книги». (22, 147)

Здесь из-за сокращений от обычной характеристики князя как человека, по-доброму относящегося к окружающим, осталось только слово «христиан». Слова о любви к своим боярам и другим близким людям были опущены. В качестве присущих Ярославу качеств отмечены его ум и грамотность. Умение самостоятельно читать церковные книги в ту эпоху было весьма редким качеством за пределами монашества и церковного причта, что и было подчёркнуто летописцем.

Перед своей кончиной Ярослав составил завещание. Радзивилловская летопись:

«В лето 6562. Преставися великий князь руский **Ярослав**. Еще живу сущу ему, наряди сыны своя, рек им: "Се яз отхожю света сего, сынове мои, имейте в себе любовь понеже вы есте братья единого отца и матери. Да аще будете **в любви межы собою, Бог будет в вас** и покорит вы противныя под вы. И будете **мирно живуще**. Аще ли будете ненавистно живуща, в прях которающеся, **то погинете сами и землю отец своих и дед своих**, иже налезоша трудом своим великим, но **пребывайте мирно, брат брата слушающе**. Се же поручаю в себе место стол сыну своему и брату вашему Изяславу Киев, сего послушайте, яко же послушасте мене, да и тои вы будет в мене место, а Святославу — Чернигов, а Всеволоду — Переяславль, а Вячеславу — Смоленск"». (21, 69)

Завещание, составленное в форме поучения, предотвратило междоусобицу между Ярославичами. Только спустя много лет они преступили заповеди отца. Завещание было не только юридическим документом. Перед нами выдающийся памятник красноречия, написанный на основе православных ценностей. Ярослав призывает сыновей к единению, не только заботясь об их благе, но и беспокоясь за судьбу страны, которую создавали великими трудами он сам и поколения его предков. Продолжателем в этом жанре стал внук Ярослава Владимир Мономах, написавший своё знаменитое «Почтение».

Предсмертные мысли Ярослава записал и литературно обработал, скорее всего, опытный писатель Иларион, который в качестве киевского митрополита находился при тяжелобольном правителе. Но основное содержание завещания-поучения было продиктовано Ярославом.

Ярослав являл пример христианского благочестия до самой своей кончины. Летописец записал:

«Самому же (Ярославу Мудрому. — В. Т.) **болну сущу, и пришедшу к Вышеграду, и разболеся велми**». (21, 69)

В Вышгород тяжелобольной правитель поехал поклониться мощам своих святых братьев Бориса и Глеба, почитание которых он прививал в своей державе.

В паремейном чтении о Борисе и Глебе Ярослав сравнивается с библейским Авраамом:

«Слышав Ярослав яко отец ему умре... И собра Ярослав варяг 6000, а прочих вои 30 тысяч, поиде на Святополка, **восприим Аврамлю доблесть**. Слышав бо Авраам, яко пленен бысть Лот, сыновец его, и собра люди своя 300 и 18 и поиде до Дана в след их... Тако и сии **Ярослав, новыи Аврам**, поиде на Святополка». (31, 73)

Автор восхваляет воинскую доблесть Ярослава и Авраама. Но Авраам не был библейским символом воителя. Скорее, на эту роль могут претендовать Иисус Навин, Давид, Самсон, братья Маккавеи. Авраам же был знаменит тем, что заключил завет с Богом. Автор не решился выразить свою мысль прямо, но, обращаясь к искушённой аудитории, переключкой образов дал понять, что и Ярослав заключил завет с Богом и этим положил начало богоизбранности своего народа.

Б. А. Успенский так охарактеризовал древнерусские паремейные чтения:

«Паремейные чтения объединялись в книгу, называемую "Паремейником", или "Паримейником". Паремейник вообще представляет собой сборник чтений из Св. Писания, **почти исключительно ветхозаветных**... Что касается чтений новозаветных, то они в паремейниках встречаются крайне редко — как правило, только **на праздники апостолам**...

Наряду с библейскими текстами **русские паремейники**, а также другие богослужебные книги, включающие в себя паремейные чтения, содержат **особые** небиблейские **чтения о Борисе и Глебе**... Таким образом, в корпус библейских книг (по преимуществу ветхозаветных чтений) **неожиданным образом** оказываются включёнными тексты, посвящённые вполне конкретным событиям **русской истории**... **Чтения о Борисе и Глебе** — это **единственные** паремейные чтения, которые не восходят к Библии». (31, 6–13)

Более ярко недоумение по поводу проникновения в библейский цитатник рассказов о русских святых выразил Д. И. Абрамович:

«Происхождение паримийных чтений (о Борисе и Глебе. — В. Т.) **чрезвычайно загадочно**. Паримии не из библейских книг — **нечто беспримерное** в истории нашей богослужебной практики. Вероятно, эти чтения были составлены не с целью строго богослужебного употребления и в богослужебные

книги (Минею и Паримийник) **попали** каким-нибудь **случайным образом или по недоразумению**». (31, 13–14)

Столь поразившие учёных тексты имеют смысловые и фразеологические совпадения с творениями Илариона. Они близки к летописным текстам, восходящим к Илариону или составленным на основе его сочинений. Но самое главное, основные идеи паремейных чтений о святости русских людей и начале новой православной эпохи русской жизни совпадают с основной направленностью сочинений Илариона. Только личность такого масштаба, как первый русский митрополит, могла приравнять Бориса, Глеба и их родственников к ветхозаветным праведникам. И только авторитет Илариона мог закрепить эту новую точку зрения в церковной литературе, внедрить в повседневную обрядовую практику. Тексты о Борисе и Глебе, включённые в состав летописей и церковных книг, восходят к записям Илариона или составлены по мотивам его сочинений.

Во второй редакции «Слова о законе и благодати» Илариона венчающим повествование событием является строительство Софийского собора. Ярослав объявлен продолжателем дела Владимира:

*«Не рушаща твоих устав, но утверждающа зело, ни умяляюща твоему благоверию положения, но паче прилагающа, не казяща, но учиняюща, иже **недокончаная** твою **накончяваема**, акы **Соломон Давида**».* (17, 156)

Сопоставление Владимира с Давидом, а Ярослава с Соломоном ведёт нас к библейским временам:

*«И послал также и **Соломон** к Хираму сказать:*

*– Ты знаешь, что **Давид**, отец мой, **не мог построить дом имени Господа**, Бога своего, по причине войн с окрестными народами, доколе Господь не покорил их под стопы ног его. Ныне же Господь, Бог мой, даровал мне покой отовсюду: нет противника и нет более препон. И вот, я намерен построить дом имени Господа, Бога моего, как сказал Господь отцу моему Давиду, говоря: "Сын твой, которого Я посажу вместо тебя на престоле твоем, он **построит дом имени Моему**". Итак, прикажи нарубить для меня кедров с Ливана...*

*И **построил Соломон храм**, и кончил его».* (1, 364–365)

Владимир Святой, построив Десятинную церковь, воздвиг дом для Богородицы, но не завершил святого дела — не построил дом для Господа. Ярослав справился с этой задачей. Построив Софийский собор, Ярослав Мудрый уподобился строителю иерусалимского Храма Господня Соломону, считавшемуся мудрейшим из всех ветхозаветных персонажей.

Софийский собор первоначально был сооружён в честь Христа и всей Троицы. Значение киевского святилища было такое же, как и у Храма Господня в ветхозаветном Иерусалиме. Вторая редакция «Слова» была составлена под впечатлением от этого знаменательного события. Софийский собор был главным храмом Константинополя. Но, создавая одноимённый собор, Ярослав уподоблял Киев как столице Византийской империи, так и Иерусалиму.

Софийский культ был унаследован от традиций, заложенных при основании Константинополя. Константин Великий сделал главной покровительницей города Тихе, античную богиню судьбы. Это был компромисс, так как население новой столицы было смешанным и наряду с христианами в ней проживали язычники. Для язычников храм Тихе был традиционным. Привыкшие же в эпоху гонений к иносказаниям христиане воспринимали его как символическое обозначение христианского Логоса — Духа Святого.

На мозаиках киевского Софийского собора Богородица представлена с веретеном в руках. Русы эпохи двоеверия узнавали в этом образе стародавнюю пряжу — славянскую богиню судьбы Макошь. Синтез священных мотивов разных культур позволил запечатлеть на стенах собора целую энциклопедию религиозных знаний. Ярослав, живо интересовавшийся церковными писаниями, несомненно, принимал участие в формировании росписей, отражавших религиозные искания его современников.

В летописном «Слове о распространении веры» Иларион говорил:

«Мудрость бо велика есть, яко же Соломон похваляя, глаголаше: "Аз премудрость, вселих свет и разум, и смысл, моя крепость, мною цари царствуют и силние пишут правду. Мною велеможи величаются, и учителя (в тексте искажённое «мучители»). — В. Т.) держат землю. Аз любящая

меня люблю, ищущи мене обрящут". Аще бо поищеши в книгах мудрость прилежно, то обрящут великую ползю души своеи. Иже бо книги читет часто, то беседует с Богом или со святыми мужи. И почитая пророческия беседы и еуангельская учения, и апостольская, и жития святых отец, восприемлет душа великую ползу». (21, 66)

Здесь отображена ещё одна общая для Соломона и Ярослава черта. Как раз Ярослава считали прилежным книгочеем, чему способствовал его малоподвижный образ жизни на склоне лет. Так что Иларион и здесь уподобляет киевского покровителя книжных знаний Соломону. Чтение книг позволяло Ярославу постигать божественные истины и достигать вершин премудрости, ранее доступных только Соломону.

В какой-то мере Иларион следовал византийской традиции. Так, византийские императоры во время приёмов иностранных послов восседали на троне Соломона. (15, 43) Этим подчёркивалась преемственность ветхозаветной и византийской мудрости государственного управления.

Sofia переводится с греческого как «мудрость», «знание», «разумение». (2, 1143) Ярослав был последователем Соломона и в качестве строителя Софийского собора, и в качестве любителя книжной софии-премудрости. В этой переключке образов сам собор выступает в качестве памятника Ярославу и книжным знаниям. Не случайно на стене Софийского собора была ныне утраченная фреска, на которой Ярослав подносил Владимиру Святому модель этого храма. (26, табл. VI).

Иларион взял цитату Соломона из его библейских притч:

«Я, премудрость, обитаю с разумом, и ищу рассудительного знания. Страх Господень — ненавидеть зло. Гордость, и высокомерие, и злой путь, и коварные уста я ненавижу. У меня совет и правда; я — разум, у меня сила.

Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду. Мною начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли. Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня. Богатство и слава у меня, сокровище не погибающее и правда...

Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони. От века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, ког-

да еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою». (1, 646)

Соломон в своих рассуждениях опирался на образ Духа Божьего из Книги Бытия, который в начале времён летал над бездной с ещё неразделёнными водами и землей. В новозаветной традиции образы Духа Божьего и изначальной премудрости под пером Иоанна Богослова превратились в Слово:

*«В начале было Слово, и Слово было у Бога. Все чрез Него **начало быть**, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».* (1, 100)

Слово-Логос, Дух Божий, Премудрость Божия — определения второго члена Троицы. Поклонниками Иоанна Богослова были старорусские христиане. Так что в какой-то мере, славословя мудрость во всех её проявлениях, Иларион опирался на наследие своих старорусских предшественников.

В «Слове о законе и благодати» порицаются стародавние иудеи, побиваемые камнями своих пророков. Прославляются же постоянно новые христианские народы, из которых по имени названы только русы. Греков и римлян, принявших христианство за много веков до этого, к новым народам причислить было затруднительно. Автор напрямую ничего не говорит о превосходстве русов над «старыми» христианскими народами, но из всего построения его текста данный вывод сам собой напрашивается. Иларион обращается к читателям:

*«**Ветхая** мимо идоша и **новая вам возвецаю**: поите Богу **песнь нову** и славимо есть имя его от конец земли».* (17, 83)

Он опускает всю тысячелетнюю христианскую историю, непосредственно стыкуя эпоху крещения Руси с ветхозаветным периодом. Время ветхого завета Бога с иудеями сменилось новым заветом с новообращённым русским народом, живущим на краю земли.

В летописном «Слове» Иларион писал:

«Яко же се некто землю разорит, други же насеем, а инии пожнут и ядят пищу неоскудну, тако и сеи.

Отец бо его **Володимир** землю **разоряя** умягчи, рекше крещением просветив. Сеи (Ярослав Мудрый. — В. Т.) же **насея книжными словесы** сердце верных людей, а **мы пожинаем**, учение приемлюще книжное.

Велика бывает **полза от учения книжнаго**. Книгами бо кажем и учими есми пути покаянию и мудрость бо обретаем и воздержание от словес книжных. Се бо реки суть, напаяюще вселенную, се бо суть исходиша милости; книгам бо есть неисточна глубина, сими бо во печали утешаемы есми; сии суть узда воздержанию». (21, 65–66)

Владимир Святой крещением подготовил почву для распространения православия. Новый истинно христианский народ на Руси появился уже в последующих поколениях благодаря просветительской деятельности Ярослава, второго Соломона.

Создание храма и возвращение боголюбивых поколений позволило Ярославу уподобиться Аврааму — заключить личный завет с Богом и превратить возглавляемый им народ в богоизбранный. Такая роль правителя Руси обусловила признание Иларионом его прижизненной святости. Но Иларион следовал уже сложившейся традиции. Хотя и «под вуалью» иных святых, но со стен собора Ярослав представлял зрителям с нимбом вокруг головы. Роспись же собора должна была закончиться в течение нескольких лет после его освящения в 1039 году, задолго до обретения Иларионом власти над собором. Одобрение на замаскированное прославление Ярослава в качестве святого дал митрополит Феопемпт.

Мысль о прямой передаче новозаветной традиции в русские руки соседствует с более историчным признанием посредничества Византии:

«**Он** (Константин Великий. — В. Т.) с матерью своею **Еленою крест от Иерусалима** принесша, по всему миру своему раславьша, веру утвердиста. **Ты** (Владимир. — В. Т.) же с бабою твоею **Ольгою** принесша крест от **Новаго Иерусалима** Константина града по всей земли своей поставивша, утвердиста веру». (17, 97)

Святые равноапостольные Константин и Елена принесли Крест Господень из Иерусалима и этим превратили Константинополь в новый Ие-

русалим, Владимир и Ольга-Елена повторили их деяния, принеся Крест из нового Иерусалима на Русь и сделав её столицу равноправной наследницей ветхого Иерусалима — ещё одним новым Иерусалимом. Сообразно основной мысли об особом благочестии русского христианства в силу его новизны Киев, ставший новым Иерусалимом, по воссиявшей в нём святости превосходил более «ветхий» Константинополь.

После захвата Константинополя турками и падения авторитета константинопольских патриархов московский патриарх Никон в соответствии с концепцией Илариона уже открыто провозгласил Русь подлинным новым Иерусалимом и пытался закрепить это положение строительством Новоиерусалимского монастыря. Мысли Илариона о святости русского народа нашли развитие при формировании образа Святой Руси.

В светской версии концепция Илариона о перемещении сакрального центра мира на Русь была озвучена псковским старцем Филофеем в его провозглашении Москвы третьим Римом — последним и вечным наследником двух предшествующих мировых империй — Римской и Византийской.

Спиридон приводит список регалий мировых правителей. После гибели Юлия Цезаря сподвижники венчали Августа на римское царство:

*«И облекоста и в одежду царя **Сеостра**, начального царя Египту, в порфиру и виссон, и препоясоста и **поясом** фелрмидом, и возложиста на главу ему **митру** царя Пора индийскаго, юже принесе **Александр Македон** от Индиа, и приодеша и по плещам **окровницею** царя Филикса, **владущаго вселенною**, сделанною от самбукия». (9, 161)*

Носимый на плечах наряд соответствует бармам, митра — короне. Дары Мономаха здесь представлены как наследие знаменитых мировых владык.

У Спиридона в описании возведения Августа на римский престол читаем:

«И радостне вси воскликнуша велиим гласом: "Радуйся, Августе, царю римский всяя вселенная!"» (9, 161)

Здесь вселенские мотивы озвучены прямо. Кубок Августа и другие регалии были символами мирового господства. Эта идеология сложилась в Византии, а затем перекочевала на Русь.

Восточные мотивы в «Послании» Спиридона можно продолжить. Мать Александра Македонского показана дочерью эфиопского царя Фола. В честь её дочери Антии от второго брака с Визом был назван город Византий, предшественник Константинополя. (9, 160) Спиридон:

«Август же начят ряд покладати на вселеную. Постави брата своего Патрикия царя Египту; и Августалиа, брата своего, Александрии властодержца постави; и Киринея Сирии властодержца положи; и Ирода Антипатрова от Аманит за многие дары и почтения постави царя еврейска в Ерусалиме; а Асию всю поручи Евлагерду, сроднику своему». (9, 161–162)

Под Евлагердом угадывается последний правитель Сасанидского Ирана Иездигерд III, правивший в 633–651 годах и погибший во время арабского нашествия. Фантастические генеалогии создавались для идеологического оправдания права Византии на владение спорными землями. Византийские императоры считали себя наследниками Римской империи. Посредством же связи Августа с египетским правящим домом и Сасанидами Византия претендовала на земли, входившие в состав их держав и захваченные арабами. Завоевания Сесостриса, по Геродоту, доходили до Малой Азии. Переносчиком восточных сказаний на Русь следует признать Ефрема.

В своём завещании Ярослав предстаёт глубоко религиозным человеком, поэтому его государственное строительство было неразрывно связано с созданием национальной русской церкви. В этом деле он нашёл помощников в лице митрополитов Иоанна, Феопемпта и Илариона. Ярослав, проведя избрание киевского митрополита на основе древних церковных правил, фактически превратил Русскую церковь в автокефальную — независимую от константинопольского патриарха.

Способствуя прославлению своих святых родственников и предков, Ярослав заложил прочные духовные основы русского православия, на котором позднее было построено здание Святой Руси. Только в эпо-

ху Ивана IV Грозного, когда была осуществлена массовая канонизация русских святых, активно велась подготовка к введению патриаршества, удалось приблизиться к достигнутым при Ярославе высотам церковного строительства. Создание старцем Филофеем концепции о вселенском первенстве Московского государства стало достойным продолжением идейного наследия эпохи Ярослава Мудрого.

Литература

1. Библия. М., 1968.
2. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
3. Вершинский Д. Месяцеслов православно-кафолической Восточной церкви. СПб., 1856.
4. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. К., 1966.
5. Герасимов М. М. Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. VII. М.; Л., 1940.
6. Гинзбург В. В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. VII. М.; Л., 1940.
7. Грицков В. В. Крещение Руси. М., 2009.
8. Грицков В. В. Русские письма. Ч. 3. Кириллица // Киммерийский центр. Вып. 14. М., 1994.
9. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
10. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
11. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. 1–4. М., 1988.
12. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. Минск, 2007.
13. Куник А. А. Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? СПб., 1896.
14. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
15. Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник. Т. 42. М., 1981.
16. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.
17. Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
19. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.

20. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. М., 2003.
21. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
22. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.
23. *Рохлин Д. Г.* Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. VII. М.; Л., 1940.
24. *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997.
25. Слово о полку Игореве. М., 1985.
26. *Смирнов Я. И.* Рисунки Киева 1651 года по копиям их конца XVIII века. М., 1908.
27. Собор святої Софії в Києві. К., 2001.
28. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
29. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 2–3. М., 1995.
30. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 24. М., 2000.
31. *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.
32. *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. СПб., 2003.
33. *Шляков Н.* Восемьсот лет со дня кончины великого князя Ярослава Мудрого // Журнал Министерства народного просвещения. Июнь. СПб., 1907.

ХРОНОЛОГИЯ

ЭПОХИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Ноябрь 982 года — рождение Ярослава Мудрого.

Конец 982 года — начало 983 года — кончина буидского шахиншаха Адуд-ад-Даулы, возвращение св. Михаила в Византию и бегство Ибн-Мискавейха в Афганистан.

8 апреля 983 года — избрание в патриархи Николая Хрисоверга.

Апрель 983 года — назначение св. Михаила митрополитом Севастии.

Июнь 983 года — поход Владимира Святого на ятвягов.

3 июня 983 года — вручение Войтеху императором Оттоном II епископского посоха и перстня.

10 июня 983 года — посвящение Войтеха в чешские епископы.

12 июля 983 года — гибель в Киеве варягов-христиан святых Федора и сына его Ивана.

7 декабря 983 года — кончина немецкого императора Оттона II.

984 год — конец света по «эре –5516 года»; рождение княжны Предславы Владимировны, кончина её матери Предславы.

Июнь 984 года — поход Владимира Святого на радимичей.

Начало 985 года — свадьба Владимира Святого и Рогнеды; свадьба польского княжича Болеслава и Гертруды, дочери мейсенского маркграфа Рикдага.

Конец 985 года — рождение князя Брячислава Владимировича; отставка византийского временщика Василия Нофа; бегство болгарского царя Бориса и его брата Романа из Византии.

986 год — преследование еретиков-армян в Севастии св. Михаилом (митрополитом Феофилом); рождение польского князя Беспри́ма Болеславича; свадьба венгерского князя Гейзы и польской княжны Адельгейды; кончина Стрезиславы, матери чешского епископа Войтеха.

Июнь 986 года — прибытие русов в Болгарию на помощь болгарам в войне с Византией.

17 августа 986 года — поражение византийской армии под Сарди-кой от болгар и русов, переход армянской конницы вместе с братьями Комитопулами на сторону болгар.

Сентябрь 986 года — посольство русов в Константинополь.

987 год — рождение венгерского княжича Владислава Плешивого, сына Гейзы и Адельгейды.

Февраль 987 года — начало второго мятежа Варды Склира, захват Мелитины.

Апрель — май 987 года — приезд в Киев византийского посольс-тва во главе с Калокиром и св. Михаилом, свадьба Владимира Святого и болгарыни Марии (псевдо-Анны), крещение великокняжеского се-мейства и части киевской знати.

Июнь 987 года — поход русов на хазар и прикаспийских мусульман.

Сентябрь 987 года — начало восстания Варды Фоки.

988 год — развод венгерского князя Гейзы и Адельгейды.

Январь 988 года — рождение св. Бориса.

30 июня 988 года — битва русов и византийцев с мятежниками Вар-ды Фоки при Хрисополе.

20 июля 988 года — казнь митрополита св. Михаила Киевского.

Осень 988 года — свадьба Владимира Святого и польской княжны Адельгейды.

989 год — рождение Мстислава Владимировича; отъезд чешского епископа Войтеха из Праги в Венгрию, где он крестил княжича Байка (Стефана I), а затем в Рим, принятие Войтехом монашества в монасты-ре св. Алексия.

7 апреля 989 года — взятие русами Херсонеса.

13 апреля 989 года — битва при Авидосе русско-византийских войск с армией мятежников, гибель Варды Фоки.

Август — сентябрь 989 года — видимость кометы Галлея.

26 октября 989 года — константинопольское землетрясение.

990 год — участие русов в византийско-грузинской войне; рож-дение польского князя Мешко II; возвращение чешского епископа

Войтеха из Рима в Чехию и основание им Бревновского монастыря под Прагой.

Июнь 990 года — завоевание поляками чешской Силезии.

23 октября 990 года — крещение дружины русов в Константинополе.

26 октября 990 года — обручение Владимира Святого и Анны в Константинополе.

Весна 991 года — основание греческой колонии в низовьях Днестра.

Март 991 года — нападение на Болгарию византийцев и русов; кончина Варды Склира и его брата Константина.

Сентябрь 991 года — пленение болгарского царя Романа.

25 октября 991 года — свадьба Владимира Святого и Анны в Херсонесе, венчание Владимира Святого василевсом русов.

1 января 992 года — празднование именин Владимира Святого в Херсонесе.

Январь 992 года — возвращение посольства греческого топарха из Херсонеса в Белгород-Маврокастр.

Весна 992 года — возвращение Владимира Святого в Киев.

22 мая 992 года — крещение великокняжеского войска.

25 мая 992 года — кончина польского князя Мешко I.

21 июня 992 года — разорение святилища Велеса в Киеве.

23 июня 992 года — разорение святилища Перуна в Киеве.

24 июня 992 года — разорение святилища Макоши в Киеве.

26 июня 992 года — крещение киевлян.

Лето 992 года — хорватский поход армии Владимира Святого; изгнание Болеславом I Великим из Польши мачехи Оды с её сыновьями.

2 августа 992 года — сокрушение идола Велеса св. Авраамием Ростовским.

7 августа 992 года — попытка крещения русских областей, крещение части ростовчан.

Зима 992/993 годов — посольство греческого топарха в Киев.

993 год — строительство городов на юго-восточных рубежах Руси; прибытие в Киев посольства от польского князя Болеслава I Великого и римского папы; отправка русского посольства в Рим; крещение печенежского хана Кучюга-Метигая.

1 января 993 года — основание Владимира-Волынского и Владимира-Залесского.

4 июля 993 года — единоборство Яна Усмошвеца с печенежским богатырём и победа русов над печенегами у реки Трубеж.

6 августа 993 года — крещение русских областей.

Сентябрь 993 года — приезд на Русь греческого посольства с митрополитом Леонтом.

7 сентября 993 года — разорение святилища Перуна под Новгородом.

10 сентября 993 года — крещение новгородцев Торговой стороны.

11 сентября 993 года — подавление новгородского восстания.

12 сентября 993 года — разорение святилища Велеса в Новгороде.

14 сентября 993 года — разорение святилища Перуна в Новгороде.

17 сентября 993 года — крещение новгородцев Софийской стороны.

26 ноября 993 года — освящение церкви св. Георгия в Киеве.

10 декабря 993 года — освящение Михайловской церкви в Переяславле-Русском в честь основания города.

Конец 993 — начало 994 года — принятие церковного устава и церковной десятины.

994 год — крещение Пскова и Волынской земли; начало строительства Десятинной церкви; основание Белгорода-Киевского, Владимира-Волынского и Твери; возвращение русского посольства из Рима, прибытие в Киев чешского посольства от Болеслава (Андрея) II Набожно-го с Мальфрид (Младой) и её сыном Святославом Олеговичем.

10 июня 994 года — начало похода на волжских булгар.

15 июля 994 года — возвращение русской армии из болгарского похода в Ростов и крещение ростовского села Угодичи.

Сентябрь 994 года — посольство Марка Македонянина в Волжскую Булгарию.

995 год — рождение Судислава Владимировича, сына Мальфрид; гибель болгарского царя Романа в византийском плену; построение церкви Рождества Богородицы на Перуновом холме в Новгородском княжестве.

6 января 995 года — пребывание Авраамия Ростовского во Владимире-Залесском.

Апрель 995 года — отъезд Войтеха из Праги в Рим, избрание в чешские епископы Страхкваса, сына Болеслава I Грозного.

Июнь 995 года — кончина чешского епископа Страхкваса, сына князя Болеслава I Грозного.

7 июля 995 года — избрание в чешские епископы Тегдага.

996 год — посольство епископа Иоанна Филагатона в Константинополь для переговоров о браке Оттона III и византийской царевны; нападение болгар на Византию.

21 мая 996 года — возведение Оттона III в императоры

26 сентября 996 года — истребление в Чехии князьями из рода Вершовичей зличанских князей, сыновей Славника, и захват их столицы Любицы.

997 год — кончина венгерского князя Гейзы и начало правления его сына Стефана I Святого.

23 апреля 997 года — гибель в земле пруссов Войтеха-Адальберта.

Июнь 997 года — посвящение в чешские епископы Тегдага.

6 августа 997 года — нападение печенегов на город Василёв.

15 августа 997 года — освящение Десятинной церкви в Киеве; реформа на Руси церковной десятины и уголовного законодательства.

999 год — участие русов под командованием Вышеслава Владимировича и Святополка Ярополчича в сирийском походе Василия II против Фатимидского халифата; прибытие в Киев венгерского посольства от Стефана I Святого.

6 августа 999 года — общая реформа русского законодательства.

17 сентября 999 года — освящение дубовой Софийской церкви в Новгороде.

1000 год — кончина княгинь Мальфрид и Рогнеды; основание польского города Вроцлава.

7 февраля 1000 года — кончина чешского князя Болеслава II Набожного.

Весна 1000 года — участие шеститысячного русского корпуса в усмирении грузинских областей.

Март 1000 года — образование в Польше гнезненского архиепископства во главе с Радимом (Гауденцием), братом чешского епископа Войтеха.

Конец 1000 года — начало ростовского княжения Ярослава Мудрого.

1001 год — кончина полоцкого князя Изяслава Владимировича; посольство архиепископа Арнульфа в Константинополь для переговоров о браке Оттона III и византийской царевны; приезд в Венгрию посланников римского папы, получение Стефаном I королевского титула; заключение десятилетнего мира между Византией и Фатимидским халифатом.

1002 год — рождение Яна Святославича.

24 января 1002 года — кончина германского императора Оттона III.

Весна 1002 года — нападение византийско-русской армии на Болгарию.

Лето 1002 года — захват власти в Чехии Яромиром и Ольдрихом и их изгнание; первое изгнание чешского епископа Тегдага; разгром печенегов под Белгородом.

Осень 1002 года — прибытие в Киев посольства от римского папы, венгров и чехов; призвание чехами Владивоя (Андриха Добрянковича) на княжение; возвращение в Чехию епископа Тегдага; отправка посольства русов в Рим и в Фатимидский халифат.

1003 год — выделение в удел Брячиславу Владимировичу Волынского княжества; изгнание из Венгрии Прокуи, дяди венгерского короля Стефана I Святого.

Февраль 1003 года — гибель чешского князя Владивоя (Андриха Добрянковича).

Март 1003 года — гибель чешского комита Когана из рода Вершовичей и его сородичей; ослепление чешского князя Болеслава III Рыжего; возведение польского князя Болеслава I Великого на чешский престол; второе изгнание епископа Тегдага.

19 марта 1003 года — дата написания Марком Македонянином послания Владимиру Святому.

11 ноября 1003 года — мученическая кончина от руки разбойников пятерых польских монахов.

1004 год — изгнание поляков из Чехии, начало правления чешского князя Яромира, возвращение в Чехию епископа Тегдага; приезд немецкого архиепископа Бруно-Бонифация в Венгрию; гибель печенежского хана Темира в междоусобице; заключение переяславского инокa Андреяна в темницу за ложное ожидание конца света.

16 июня 1004 года — суд Ярослава Мудрого над жителями Медвежьего угла после подавления волнений, вызванных ожиданием конца света.

18 июня 1004 года — основание города Ярославля Ярославом Мудрым, строительство церкви св. Тихона.

Сентябрь 1005 года — поход немецко-лютичской армии на Польшу.

1007 год — кончина митрополита Леонта; кончина монаха Могуты; кончина чешской княгини Эммы, матери князей Яромира и Ольдриха.

Апрель 1007 года — пребывание в Киеве немецкого архиепископа Бруно-Бонифация.

Май — октябрь 1007 года — миссионерская поездка немецкого архиепископа Бруно-Бонифация к печенегам; заключение русами мира с печенегами.

Июнь 1007 года — приезд на Русь митрополита Иоанна.

Лето 1007 года — польско-немецкая война за земли полабских славян.

Около 1008 года — рождение тмутараканского князя Евстафия Мстиславича.

1008 год — приезд в Киев посольства из Волжской Булгарии и подписание русско-булгарского договора.

9 марта 1008 года — гибель в земле пруссов миссии немецкого архиепископа Бруно-Бонифация.

11 июля 1008 года — перенесение мощей св. Ольги в Десятинную церковь.

15 августа 1008 года — украшение Десятинной церкви иконами из Константинополя.

Август 1010 года — поход немецко-чешской армии на Польшу.

1012 год — демобилизация ветеранов русского корпуса в Византии; изгнание из Чехии князя Яромира и начало правления Ольдриха; кончина новгородского князя Вышеслава Владимировича, перевод Ярослава Мудрого на новгородское княжение, а Бориса Владимировича — на ростово-суздальское; назначение Илариона ростово-суздальским епископом; кончина Авраамия Ростовского.

1013 год — кончина византийской царевны Анны, супруги Владимира Святого; выделение Судиславу (Станиславу) Владимировичу в удел Смоленского княжества; свадьба польского княжича Мешко и Рикизы.

Осень 1013 года — свадебное посольство в Киев чехов и венгров.

1014 год — рождение польского короля Казимира, сына Мешко II и Рикизы.

25 апреля 1014 года — свадьбы венгерского княжича Владислава Плешивого и княжны Прямиславы Владимировны, чешского князя Ольдриха и княжны Предславы Владимировны, Святополка Ярополчича и приёмной дочери Болеслава I Великого, св. Бориса Владимировича и польской княжны Святославы Болеславны.

15 августа 1014 года — освящение Успенского собора в Ростове.

Осень 1014 года — гибель при обороне Нортумбрии от войск Торкеля Высокого ярла Эйрика Хаконарсона; захват Олавом Святым норвежского престола и изгнание ярла Хакона Эйриксона.

1015 год — рождение венгерского княжича Вазула (Василия) и чешского княжича Брячислава.

3 апреля 1015 года — победа Олава Святого над ярлом Свейном Хаконарсоном в битве у Несьяра.

Осень 1015 года — кончина ярла Свейна Хаконарсона в странах Восточного пути.

Зима 1015/1016 годов — казнь по приказу Олава Святого шведского сборщика податей Асгаута Управителя.

Конец 1016 годов — изгнание датским конунгом Канутом Великим из Англии сыновей короля Этельреда.

Зима 1016/1017 годов — гибель норвежского отряда сборщиков дани Транда Белого.

1017 год — кончина польской княгини Эмнильды-Юдифи, супруги Болеслава I Великого; посольство Олава Святого к Олаву Шведскому для сватовства Ингигерд.

6 января 1017 года — заключение в Алльштедте польско-немецкого перемирия, обещание Болеслава Великого немцам напасть на Русь, чтобы отомстить за заключение в тюрьму епископа Рейнберна.

Весна 1017 года — прибытие в Норвегию посольства от Ярослава Мудрого; гибель шведского отряда сборщиков дани Хрои Кривого; поездка в Новгород норвежского посольства во главе с Эйвиндом Турий Рог и Гудлейком Гардским и отряда наёмников во главе с Эймундом Хрингсоном.

Апрель 1017 года — отказ Ярослава Мудрого выплачивать подать в Киев.

Май 1017 года — прибытие из Норвегии в Новгород отряда Эймунда Хрингсона.

10 июня 1017 года — кончина чешского епископа Тегдага.

Конец июня — начало июля 1017 года — нападение печенегов на Русь.

13 июля 1017 года — принятие Владимиром Святым монашества.

15 июля 1017 года — кончина Владимира Святого.

17 июля 1017 года — похороны Владимира Святого в Десятинной церкви.

21 июля 1017 года — начало великого княжения Святополка Ярополчича; сговор Святополка с вышгородскими боярами.

23 июля 1017 года — поминальный пир по Владимиру Святому в военном лагере Бориса Владимировича на Альте.

24 июля 1017 года — похищение Бориса Владимировича вышгородскими боярами.

26 июля 1017 года — казнь Бориса Владимировича.

Август 1017 года — гибель Святослава Владимировича; пребывание Глеба Владимировича в Твери.

15 августа 1017 года — прибытие посланников Святополка Ярополчича в Новгород, нападение новгородцев на варягов.

16 августа 1017 года — расправа Ярослава Мудрого с зачинщиками новгородских беспорядков.

17 августа 1017 года — новгородское вече по поводу похода на Святополка.

18 августа 1017 года — выступление новгородского войска в поход на Святополка.

Осень 1017 года — сватовство норвежского конунга Олава Святого к шведской княжне Ингигерд.

5 сентября 1017 года — начало противостояния армий Святополка Ярополчича и Ярослава Мудрого под Любечем; гибель Глеба Владимировича.

Сентябрь 1017 года — основание Ефремом Угрином странноприимного дома в Торжке.

Октябрь 1017 года — посвящение Эккарда в чешские епископы.

1 октября 1017 года — прибытие польского посла в Мерзебург с известиями о русской междоусобице.

26 декабря 1017 года — битва под Любечем между Ярославом Мудрым и Святополком Ярополчичем.

29 декабря 1017 года — начало великого княжения Ярослава Мудрого.

1018 год — рождение византийского писателя Михаила Пселла.

6 января 1018 года — нападение Святополка Ярополчича и печенегов на Киев, ранение Ярослава Мудрого.

30 января 1018 года — заключение Бауценского мира между немцами и поляками.

2 февраля 1018 года — решение на Упсальском тинге выдать Ингигерд замуж за Олава Святого.

3 февраля 1018 года — свадьба польского князя Болеслава I Великого и немецкой княжны Оды.

6 апреля 1018 года — поставление Анастаса в киевские архиепископы и венчание на царство Ярослава Мудрого.

22 июня 1018 года — нападение польской армии на Русь под городом Волынем.

14 августа 1018 года — вступление польских войск в Киев.

17 августа 1018 года — вторичное восшествие на великокняжеский стол Святополка Ярополчича.

Сентябрь 1018 года — возвращение Ярослава Мудрого в Новгород, порча по приказу Константина Добрынича приготовленного к походу ладейного флота; отправка новгородского посольства в Швецию за военной помощью и для сватовства шведской княжны Ингигерд; уход польских войск из Киева.

Осень 1018 года — прибытие отряда шведских наёмников в Новгород; чеканка больших сребреников Ярославом Мудрым в Новгороде.

1 декабря 1018 года — кончина хрониста Титмара Мерзебургского.

Январь 1019 года — поход новгородской армии во главе с Ярославом Мудрым к Киеву.

3 февраля 1019 года — захват новгородцами Киева.

6 февраля 1019 года — победа на реке Альте армии Ярослава Мудрого над русско-печенежским войском Святополка Ярополчича.

Февраль — март 1019 года — поход Ярослава Мудрого в Туровское княжество до Бреста для изгнания Святополка Ярополчича из Руси.

22 марта 1019 года — пострижение Святополка Ярополчича в Западной Словакии в монахи под именем Василий.

29 марта 1019 года — вторичное вступление Ярослава Мудрого на великокняжеский престол, награждение участников похода, дарование новгородцам льгот.

Апрель — май 1019 года — посольство Ярослава Мудрого в Швецию за Ингигерд.

Лето 1019 года — свадьба Ярослава Мудрого и шведской княжны Ингигерд.

1020 год — заключение новгородского посадника Константина Добрынича в Муромскую тюрьму; возведение на новгородский престол Владимира Ярославича.

Весна — лето 1020 года — строительство каменного дворца на Ярославовом дворе в Новгороде.

2 июля 1021 года — основание великокняжеского женского Ризоположенского монастыря в Суздале.

1022 год — казнь новгородского посадника Константина Добрынича в Муромской тюрьме шведскими наёмниками.

Лето 1022 года — нападение печенегов на южные рубежи Руси, захват Брячиславом Владимировичем Новгорода, изгнание Ярославом Брячислава из Новгорода.

12 августа 1022 года — перенесение мощей св. Глеба в Десятинную церковь.

Осень 1022 года — прибытие Брячислава Владимировича в Тмутаракань.

7 июня 1023 года — поединок Мстислава Владимировича с касожским князем Редедей.

Июль 1023 года — восстание в Суздале, гибель Марии Борисовны, болгарской княжны, бывшей супруги Владимира Святого.

20 июля 1023 года — чудо о дожде в городе Ярославле.

8 августа 1023 года — кончина чешского епископа Эккарда.

Осень 1023 года — подавление суздальского восстания, перенесение Суздаля на новое место, построение в нём церкви Рождества Богородицы; переселение части мятежников в Ярославль, закладка в нём нового града и Ильинско-Тихоновской церкви; закладка Мстиславом Владимировичем собора Рождества Богородицы в Тмутаракани; захват Мстиславом Владимировичем Черниговского княжества и попытка захвата Мстиславом и Брячиславом Владимировичами Киева.

29 декабря 1023 года — посвящение чешского епископа Иззо.

Май 1024 года — битва под Лиственном; возведение на великокняжеский престол Брячислава.

Вторая половина 1024 года — начало правления в Полоцке Эймунда Хрингсона; перенесение мощей св. Глеба из Десятинной церкви в Вышгород; поставление в архиепископы северной части Руси новгородского епископа Иоакима; чеканка малых серебряников Ярославом в Новгороде.

1025 год — предъявление претензий датским королём Канутом Могушим на власть над Норвегией.

3 апреля 1025 года — кончина польского князя Болеслава I Великого.

15 декабря 1025 года — кончина византийского императора Василия II Болгаробойцы.

Весна 1026 года — прибытие шведско-норвежского отряда к Ярославу Мудрому; торговая поездка норвежцев Карли и Торира Собаки в Биармию; изгнание Ярославом Мудрым Брячислава из Киева; заключение мира у Городца и раздел Руси между Владимировичами, выделение в удел Мстиславу Черниговского и Тмутараканского княжеств, Брячиславу — Переяславского княжества, Судиславу — Ростово-Суздальского княжества; паломническая поездка датского короля Канута Могучего в Рим.

1027 год — нападение шведско-норвежского флота на Данию и его последующее поражение от датчан при реке Хельге.

1028 год — падение метеорита — змиево знамение; рождение Всеслава Брячиславича и кончина его матери; завоевание датским королём Канутом Могучим Норвегии, изгнание Олава Святого, возведение на норвежский престол Хакона Эйриксона.

1029 год — прибытие Олава Святого на Русь.

Осень 1029 год — гибель в кораблекрушении норвежского короля Хакона Эйриксона.

Весна 1030 года — прибытие Олава Святого из Руси в Швецию.

29 июля 1030 года — гибель Олава Святого в битве при Стиклас-тадире.

10 августа 1030 года — отступление войск византийского императора Романа III Аргира из Сирии в Антиохию, спасение русами императора от пленения.

1031 год — участие русского отряда в армии Георгия Маниака при захвате приевфратского города Эдесса.

1032 год — кончина св. Иоакима Корсунянина и избрание в новгородские епископы Ефрема; открытие в Новгороде церковной школы.

Июнь 1032 года — поход русов в Закавказье.

Конец лета 1032 года — русско-немецкое нападение на Польшу, возврат Руси Червенских городов, изгнание Мешко II из Польши, возведение на польский трон Бесприма.

Осень 1032 года — усмирение чуди, основание в их земле города Юрьева; начало обучение польского княжича Казимира в школе парижского собора Нотр-Дам.

1033 год — перераспределение уделов на Руси; строительство Ярославом Мудрым крепостей по реке Роси и заселение их пленными поляками; строительство Мстиславом Владимировичем городов под Черниговом и заложение Спасского собора в Чернигове; строительство Судиславом Владимировичем города Судиславля; свадьба немецкого маркграфа Бернхарда и русской княжны Марии Борисовны; кончина польского князя Бесприма; изгнание из Чехии князя Ольдриха и начало правления Яромира.

Май 1033 года — пребывание отряда варягов в Вышгороде.

20 мая 1033 года — перенесение мощей святых Бориса и Глеба в малую деревянную церковь в Вышгороде Ярославом Мудрым и митрополитом Иоанном.

Июнь 1033 года — поход аланов, сарирцев и русов на Карах, гибель тмутараканского князя Евстафия и болгарского воеводы Ивана Усмошвеца.

Осень 1033 года — участие русского отряда в составе византийской армии во взятии крепости Пергри на армянской границе.

1034 год — свержение и ослепление чешского князя Яромира, начало правления Ольдриха; передача чешскому князю Брячиславу в удельное правление Моравии, его свадьба с Юдифью, сестрой Оттона Белого, герцога Швабии; кончина венгерского княжича Эмерика (Имре), сына Стефана I Святого; заключение в тюрьму и ослепление венгерского княжича Вазула (Василия); бегство из Венгрии княжичей Андрея и Левенты на Русь, Белы в Польшу; гибель ширваншаха Минучихра б. Йазид.

11 апреля 1034 года — кончина византийского императора Романа III Аргира.

1035 год — рождение Спитигнева, сына моравского удельного князя Брячислава и Юдифи; кончина польского князя Мешко II, антихристианское восстание в Польше.

30 января 1035 года — кончина чешского епископа Иззо.

Июнь 1035 года — нападение моравского удельного князя Брячислава на Венгрию, привод в Чехию схимника Прокопа (Святополка Ярополчича).

29 июня 1035 года — посвящение в чешские епископы Севера.

Конец 1035 года — кончина черниговского великого князя Мстислава Владимировича.

1036 год — кончина русского митрополита Иоанна; кончина новгородского епископа Ефрема и поставление Луки Жидяты архиепископом Новгорода.

Зима 1035/1036 годов — заключение в тюрьму ростово-суздальского князя Судислава Владимировича, передача Ростово-Суздальского княжества Владимиру Ярославичу.

Весна 1036 года — осада Киева русско-печенежским войском, гибель переяславского князя Брячислава Владимировича, уход разгромленных печенегов в Византию; начало строительства Сазавского монастыря чешским князем Ольдрихом.

Сентябрь 1036 года — приезд в Киев митрополита Феопемпта.

9 ноября 1036 года — кончина чешского князя Ольдриха.

14 ноября 1036 года — гибель чешского князя Яромира.

1037 год — назначение Георгия Маниака стратигом фемы Лонгивардия.

Весна 1037 года — начало строительства в Киеве Софийского собора.

27 ноября 1037 года — освящение деревянной церкви Георгия Победоносца в Киеве в честь победы над Брячиславом и печенегами.

1038 год — начало сицилийского похода Георгия Маниака.

Лето 1038 года — бегство польской королевы Рикизы в Венгрию.

15 августа 1038 года — кончина венгерского короля Стефана I Святого.

1039 год — начало строительства киевских Золотых ворот; отъезд польской королевы Рикизы из Венгрии в Германию.

Лето 1039 года — опустошение Польши чехами.

25 августа — внесение мощей св. Войтеха в Прагу.

2 сентября 1039 года — перенесение захваченных в Польше мощей в пражский храм.

4 ноября 1039 года — освящение Софийского собора в Киеве.

1040 год — посольство поляков в Рим с жалобой на нападение чехов.

26 октября 1040 года — освящение Золотых ворот в Киеве.

Ноябрь 1040 года — посольство русов к императору Генриху III.

Конец 1040 года — опала Георгия Маниака и заключение его в константинопольскую тюрьму.

1041 год — посольство поляков во Францию и в Рим для призвания Казимира на польский престол; приезд Казимира в Германию; неудачный поход императора Генриха III на Чехию.

Осень 1041 года — зима 1041/1042 годов — поход Ярослава Мудрого и Владимира Ярославича на ятвягов.

10 декабря 1041 года — кончина византийского императора Михаила IV Пафлагона.

19 апреля 1042 года — ссылка императрицы Зои на остров Принкип, возвращение в Константинополь из ссылки патриарха Алексея Студита.

20 апреля 1042 года — возвращение из ссылки Зои, константинопольское восстание против императора Михаила V Калафата, венчание патриархом Алексеем Студитом на царство Феодоры.

21 апреля 1042 года — ослепление и ссылка императора Михаила V Калафата и его дяди новелисима Константина.

11 июля 1042 года — свадьба Зои и Константина IX Мономаха.

12 июля 1042 года — возведение на престол Константина IX Мономаха.

Лето 1042 год — поход армии императора Генриха III и русской армии на Чехию, возвращение Казимира Восстановителя при помощи русско-немецких войск в Польшу, заключение русско-польского мирного соглашения.

Сентябрь 1042 года — гибель императорского посланника Парда в Италии, начало мятежа византийского полководца Георгия Маниака.

Осень 1042 года — свадьбы польского короля Казимира Восстановителя и русской княжны Марии Борисовны, возвращение из Польши русских пленников.

Декабрь 1042 года — неудачное свадебное посольство русов к императору Генриху III.

Февраль 1043 года — переправа войск Георгия Маниака из Италии в Диррахий; высылка из Константинополя русов.

20 февраля 1043 года — кончина константинопольского патриарха Алексея Студита.

9 марта 1043 года — бунт в Константинополе против Марии Склирены.

4 апреля 1043 года — разгром войсками Георгия Маниака правительственной армии Константина Кавасилы.

2 мая 1043 года — ослепление опального византийского вельможи Иоанна Орфанотрофа.

Май 1043 года — начало похода Владимира Ярославича на Константинополь.

22 мая 1043 года — гибель Георгия Маниака в битве под Островом, разгром его армии.

5 июня 1043 года — триумфальное шествие в честь победы над Георгием Маниаком в Константинополе; раскрытие заговора севастофора Стефана и Льва Ламброса.

11 июня 1043 года — прибытие русского флота под Константинополь, отправка Владимиром Ярославичем посольства к императору Константину IX Мономаху.

12 июня 1043 года — морское сражение русов с византийским флотом под Константинополем.

Лето 1043 года — нападения русского флота на византийские провинции.

Сентябрь 1043 года — возвращение русского флота из похода на Византию, гибель части флота в бурю, пленение отряда Вышаты византийцами, разгром русами византийской флотилии.

Осень 1043 года — зима 1043/1044 годов — поход Ярослава Мудрого и Владимира Ярославича на литву.

22 апреля 1044 года — обнародование Иларионом славословия Владимиру Святому в составе ранней редакции «Слова о законе и благодати».

Весна — лето 1044 года — строительство новых стен новгородского Детинца.

Лето — осень 1044 года — поход Ярослава Мудрого на мазовшан, гибель мазовецкого князя Моислава.

9 октября 1044 года — кончина монаха чешского Бревновского монастыря Гюнтера, родственника венгерского короля Стефана Святого.

7 апреля 1045 года — обнародование Иларионом наиболее распространённой редакции «Слова о законе и благодати».

12 мая 1045 года — переосвящение Десятинной церкви в честь Рождества Богородицы.

19 мая 1045 года — освящение монастыря в чешском городе Болеславле.

8 сентября 1045 года — переосвящение Софийского собора в Киеве в честь Софии-Богородицы.

30 марта 1046 года — обнародование Иларионом славословия Ольге в составе поздней редакции «Слова о законе и благодати».

11 мая 1046 года — перенесение мощей св. Ольги из деревянной раки в каменную, перенесение в Десятинную церковь останков Ярополка и Олега Святославичей.

Июнь 1046 года — нашествие русов на византийские владения в Крыму, захват и разграбление Херсонеса.

Сентябрь 1046 года — заключение русско-византийского мирного договора.

13 сентября 1047 года — кончина византийской императрицы Зои.

14 сентября 1047 года — бегство из Константинополя Льва Торника и начало его мятежа.

Сентябрь 1047 года — ссылка Евпрепии, сестры императора Константина IX.

Осень 1047 года — осада русским корпусом под командованием великого этериарха Константина армянской крепости Хелидоний.

Декабрь 1047 года — участие русского корпуса в подавлении мятежа Льва Торника.

27 декабря 1047 года — ослепление взятого в плен византийского мятежника Льва Торника.

1048 год — уход печенегов за Дунай в Византию; покорение византийскими войсками Армении.

Июнь 1048 года — прибытие союзного русского войска в Константинополь.

28–31 июля 1048 года — торжества в честь свадьбы Всеволода Ярославича и царевны Марии в Константинополе.

Конец 1048 года — казнь предводителя русского корпуса великого этериарха Константина.

4 марта 1049 года — пожар в дубовой Софийской церкви в Новгороде.

26 марта 1049 года — освящение Благовещенской церкви на Золотых воротах Киева, обнародование Иларионом одной из поздних редакций «Слова о законе и благодати».

Апрель 1049 года — рождение княжны Иоанны (Янки) Всеволодовны

21 мая 1049 года — заложение каменного Софийского собора в Новгороде.

15 апреля 1050 года — обнародование Иларионом одной из поздних редакций «Слова о законе и благодати» со славословием Владимиру Святому.

15 июля 1050 года — крестный ход у Десятинной церкви в честь канонизации Владимира Святого.

1051 год — кончина Божены, супруги чешского князя Ольдриха; отражение печенежского набега на Византию войсками Михаила Аколоуфа.

Январь 1052 года — рождение Владимира Мономаха.

1 апреля 1052 года — кончина св. Прокопа Сазавского (Святополка Ярополчича).

13 сентября 1052 года — освящение каменного Софийского собора в Новгороде.

4 октября 1052 года — кончина новгородского князя Владимира Ярославича.

Конец 1052 года — поставление на новгородское княжение Изяслава Ярославича.

1053 год — возвращение чехами Польше Вроцлава и Силезии; поражение византийских войск от печенегов.

9 апреля 1053 года — избрание Илариона митрополитом собором русских епископов.

11 апреля 1053 года — поставление Илариона в митрополиты.

10 января 1054 года — кончина чешского князя Брячислава.

24 июля 1054 года — перенесение мощей святых Бориса и Глеба в новую деревянную церковь в Вышгороде Ярославом Мудрым и митрополитом Иларионом.

11 января 1055 года — кончина византийского императора Константина IX Мономаха.

1055 год — прибытие Всеволода Ярославича в Византию и возведение его в кесари.

26 ноября 1055 года — освящение митрополитом Иларионом каменной церкви св. Георгия в Киеве, обнародование Иларионом «Слова о распространении веры».

31 августа 1056 года — кончина византийской императрицы Феодоры.

8 июня 1057 года — начало мятежа византийского полководца Исаака Комнина.

20 августа 1057 года — поражение императорских войск от мятежников Исаака Комнина при Никее.

25 августа 1057 года — императорское посольство к Исааку Комнину.

1058 год — кончина польского короля Казимира Восстановителя.

Февраль 1059 года — приезд Ярослава Мудрого в Вышгород, на поклонение мощам святых Бориса и Глеба.

20 февраля 1059 года — кончина Ярослава Мудрого в Вышгороде.

Тороп Виктор

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

Заведующая редакцией *М. Р. Зребная*
Редактор, корректор *Д. В. Балтрушайтис*
Компьютерная верстка *Т. И. Такташова*

Подписано в печать 23.02.2012. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Arno Pro». Усл. печ. л. 48,0. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № .

МОО «Императорское Русское историческое общество»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 25, стр. 5
Тел.: (499) 261-87-87
E-mail: irio@moscowia.su
www.moscowia.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-905450-08-2

9 785905 450082